

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Стр.</i>
I. СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА «МАРІЯ СТЮАРТЪ». — Переводъ П. И. Вейнберга.	1
+ II. ЖЪСТА НЪТЪ. (Разсказъ). — Каролина.	11
III. БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ. Романъ Осипа Шубина. Часть I, гл. I— XI; часть II, гл. I—IV. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р.	51
IV. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть II, гл. VII—XI. <i>Продолженіе</i> . — А. И. Зртеля.	114
V. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ. Повѣсть Луи Галле. Переводъ съ фран- цузскаго В. М—ой.	181
VI. ТРИ МОГИЛЫ. (Фантазія). — Д. Л. Михаловскаго.	201
VII. ТЕОРІЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ. — Н. И. Ка- рцова.	1
VIII. ВЫСШЕЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССІИ. — Б.	33
IX. О ПРЕБРАСНОМЪ ВЪ ИСКУССТВѢ. — В. А. Гольцева.	56
X. МИЛИТАРИЗМЪ И БАПИТАЛИЗМЪ. — В. В.	70
XI. БАНЦЛЕРЪ БЫЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ. (Дипломатическое господ- ство князя Меттерниха). <i>Окончаніе</i> . — М.	91
XII. ОБЪ ОХАНСКОМЪ МЕТЕОРИТѢ И О МЕТЕОРИТАХЪ ВООБ- ЩЕ. — А. Павлова.	133

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное
ТОВАРИЩЕСТВО
ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ И СКЛАДОВЪ
БРАТЯ К И С ПОПОВЫ.

ПРАВЛЕНИЕ ВЪ МОСКВѢ,
 на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Бр. Третьяковыхъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

Чай черные № 1 за фун. 3 р. — к.		Чай черные № 5 за фун. 2 р. — к.
" " № 2 " " 2 " 70 "		" " № 6 " " 1 " 80 "
" " № 3 " " 2 " 40 "		" " № 7 " " 1 " 60 "
" " № 4 " " 2 " 20 "		" " № 8 " " 1 " 40 "

Чай развѣшиваются на фунты, полуфунты, четверть фунты и восьмушки, причѣмъ восьмушки имѣются на цѣны: 23 и 28 коп. за пачку.

СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Киевѣ, Астрахани, Баку, Вильно, Казани, Каменецъ-Подольскѣ, Могилевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Ригѣ, Ростовѣ н/Д., Рыбинскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Смоленскѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Ярославлѣ, Нижегородской ярмаркѣ, Полтавѣ, Рязани.

Качество чая какъ въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ собственныхъ магазинахъ совершенно одинаково, такъ какъ чай развѣшиваются исключительно въ Главномъ складѣ, въ Москвѣ, откуда и поступаютъ въ собственные магазины.

УСЛОВІЯ ПРОДАНИ:

Пересылка чая черезъ почту по Европейской Россіи принимается собственными магазинами на свой счетъ и не дѣлается никакой уступки.

При пересылкѣ посредствомъ транспорта и не менѣе 50 фунтовъ дѣлается уступка 10%, всѣ же расходы по отправкѣ относятся на счетъ покупателя.

При выпискѣ чая съ наложеннымъ платежомъ долженъ быть высланъ задатокъ не менѣе 15% съ общей суммы заказа, росписки же агентовъ транспортныхъ конторъ и желѣзныхъ дорогъ, какъ доказательство уплаты наложеннаго на товаръ платежа, должны немедленно высылаться въ тотъ магазинъ, откуда товаръ отправленъ.

Съ 1 Октября 1888 года, кромѣ существующей уступки 10%, всѣмъ покупателямъ, выписывающимъ чай не менѣе какъ на 5,000 руб. въ годъ и болѣе дѣлается еще 2% комиссіи, уплата которой будетъ производиться въ Москвѣ 2 раза въ годъ: 1 октября и 1 апрѣля, но не иначе, какъ на полные 5,000 руб.

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» ПЕЧАТАЕТСЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

(ОКОЛО 400 ЛИСТОВЪ).

ВЫШЛИ ПЯТЬ ТОМОВЪ,

въ которыхъ напечатаны: Т. I: «Соборяне», «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангель». — Т. II: Праведники: «Одному», «Пигмей», «Кадетскій монастырь», «Русскій демократъ», «Несмертельный Голованъ», «Инженеры-безсребренники», «Лѣвша», «Очарованный странникъ», «Человѣкъ на часахъ», «Шерамуръ». — Т. III: «Обойденные», «Островитяне». — Т. IV: «Некуда». — Т. V: «Смѣхъ и Горе», «Воительница», «Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда», «Грабежъ», «Антука», «Колыванскій мужъ», «Ракушанскій меламедъ», «Бѣлый Орелъ», «Чертогонъ», «Пламенная патріотка». (всего въ пяти томахъ 195 печатн. листовъ). Съ выходомъ пятаго тома окончена половина изданія. Остальные пять томовъ выйдутъ—два (6-й и 7-й) въ 1889 и три послѣдніе въ 1890 году. Для удобства публки допущена разсрочная подписка и подписчики получаютъ изданіе по цѣнѣ удешевленной, именно за 20 рублей. При подпискѣ теперь выдаются пять вышедшихъ томовъ и билетъ на пять остальныхъ томовъ. Послѣ выхода пятаго тома плата при подпискѣ 12 руб. (иностранціе прибавляютъ 2 р. за пересылку всего изданія и потому при подпискѣ теперь, послѣ выхода V тома, вносятъ 14 руб.). При полученіи 6, 7, 8 и 9 т. вносится по 2 руб. и затѣмъ послѣдній, десятый томъ выдается безъ платежа. При слѣдующемъ VII т. будетъ приложенъ портретъ автора, приготовляемый гравюрою на меди художникомъ В. В. Маттэ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, а также на станціяхъ желѣзно-дорожнаго книгопродавческаго агентства. Чиновники и вообще служащіе могутъ получать это изданіе въ магазинахъ «Новаго Времени» съ особою льготой при ручательствѣ казначеевъ.

Съ окончаніемъ изданія цѣна будетъ возвышена.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ И СБЕРЕЖЕНІЕ.

Страхование жизни должно отвѣчать двумъ цѣлямъ: 1) обезпеченіе семейства въ случаѣ смерти его главы; 2) сбереженіе для самого себя на старость. Достиженіе этихъ цѣлей вполнѣ обезпечивается полисами съ накопленіемъ прибыли въ Обществѣ взаимнаго страхованія жизни

„НЬЮ-ІОРКЪ“.

Капиталъ обезпеченія вполнѣ реализованный:

1-го января 1888 г. долл. 83,079,845 по курсу 31-го дек. 1887 г. Р. 200,720,907.

1-го января 1889 г. долл. 93,480,186 по курсу 31-го дек. 1888 г. Р. 183,595,086.

Въ государственномъ казначействѣ хранится залогъ Общества въ русскихъ государственныхъ бумагахъ на сумму 500,000 р. (600,000 р. нарицательныхъ). Полные резервы по заключеннымъ страхованіямъ вносятся въ Государственный банкъ. Постоянный правительственный контроль учрежденъ надъ дѣйствіями Общества въ Россіи. Всѣ справки и свѣдѣнія выдаются и страхованія совершаются:

Въ С.-Петербургѣ: Главное управленіе для Россіи, Невскій, 26.

Въ Москвѣ: Отдѣленіе Общества, Большая Лубянка, д. Трындиныхъ.

Управляющій Московскимъ Отдѣленіемъ А. П. Власовъ.

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Контора журнала «Русская Мысль» имѣетъ честь до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, не уплатившихъ срочнаго взноса за журналъ, что просрочка взноса не лишаетъ права на дальнѣйшее полученіе всѣхъ задержанныхъ книгъ, если будетъ уплачиваться отъ времени до времени причитающаяся съ подписчиковъ сумма; причемъ окончательная уплата должна быть произведена не позднѣе, какъ къ 15 декабря сего года. При этомъ контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, подписавшихся съ разсрочкою платежа, во избѣжаніе пріостановки высылки журнала, поснѣшить уплатою четвертаго (октябрьскаго) взноса.

Въ конторѣ журнала «Русская Мысль» имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887 и 1888 годъ, цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1887 г. за 1 экз. 7 руб. и 1888 г. за 1 экз. 8 руб. Цѣна за оба означенные года, вмѣстѣ съ пересылкою, 14 руб.

См. въ концѣ книги объявленіе объ альбомѣ
„КОПИИ СЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ“.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КНИГА IX

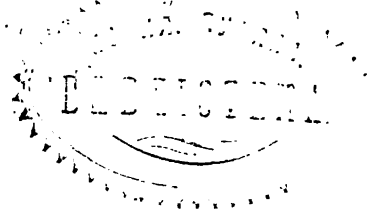
МОСКВА.

1889.

PRÉSERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

• • • • •
• • • • •
• • • • •
• • • • •

AP50
R875
v. 10:9
MAIN

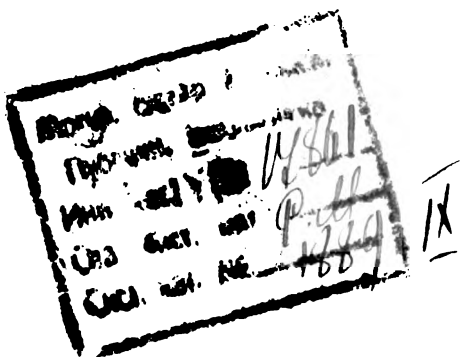

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	<i>Стр.</i>
I. СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДИИ ШИЛЛЕРА «МАРІЯ СТЮАРТЪ».— Переводъ П. И. Вейнберга	1
II. МѢСТА НѢТЪ. (Разсказъ).—Каронина.	11
III. БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ. Романъ Осипа Шубина. Часть I, гл. I— XI; часть II, гл. I—IV. Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Р.	51
IV. ГАРДЕНИНЫ, ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ. (Романъ). Часть II, гл. VII—XI. <i>Продолженіе</i> .—А. И. Эртеля.	114
V. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ. Повѣсть Луиз Галле. Переводъ съ фран- цузскаго В. М—ой.	181
VI. ТРИ МОГИЛЫ. (Фантазія).—Д. Л. Михаловскаго	201
VII. ТЕОРІЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ.—Н. И. Ка- рѣва.	1
VIII. ВЫСШЕЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ.—Б.	33
IX. О ПРЕКРАСНОМЪ ВЪ ИСКУССТВѢ.—В. А. Гольцева.	56
X. МИЛИТАРИЗМЪ И БАПИТАЛИЗМЪ.—В. В.	70
XI. КАНЦЛЕРЪ БЫЛЫХЪ ВРЕМЕНЪ. (Дипломатическое господ- ство князя Меттерниха). <i>Окончаніе</i> .—М.	91
XII. ОБЪ ОХАНСКОМЪ МЕТЕОРИТѢ И О МЕТЕОРИТАХЪ ВООБ- ЩЕ.—А. Павлова.	133

852192

	<i>Стр.</i>
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Фальсификаціи, искусственные продукты и суррогаты.—К. И. Тумснаго	156
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	183
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Положенія о земскихъ начальникахъ, о преобразованіи судебной части и о перемѣнахъ въ волостномъ судѣ. — Введеніе судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ. — Общій итогъ урожая. — Нижегородская ярмарка. — Одесское и кievское генераль-губернаторства. — Ходатайства заемщиковъ дворянскаго банка. — Переработка желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и протестъ курско-кievской дороги. — В. П. Безобразовъ †.	191
XVI. ОРЕСТЪ ФЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ. (Матеріалы для оцѣнки его учено-литературной дѣятельности).— Я.	214
XVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія и педагогія.— Исторія и біографія. — Географія и этнографія. — Политическая экономія и статистика. — Естественствованіе.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», августъ—сентябрь.—«Русскій Архивъ», январь — июль.	375

СЦЕНА

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА

„МАРІЯ СТЮАРТЪ“ *).

(Дѣйствіе 3-е, явленіе 4-е).

Въ паркѣ Фотерингейскаго замка. На сценѣ были Марія Стюартъ со своими приближенными. Графъ Шрусбѣри пришелъ объявить, что въ паркѣ сейчасъ будетъ королева Елисавета, охотящаяся въ этихъ мѣстахъ. Черезъ нѣсколько минутъ появляются Елисавета, графъ Лейчестеръ и свита.

ЕЛИСАВЕТА (*Лейчестеру*).

Гдѣ мы теперь?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Въ Фотерингейскомъ замкѣ.

ЕЛИСАВЕТА (*къ Шрусбѣри*).

Послать впередъ всю свиту нашу въ Лондонъ.

Здѣсь черезъ-чуръ народу набралось

На улицахъ; въ безмолвномъ этомъ паркѣ

Хочу себѣ защиту я найти...

(Шрусбѣри удаляетъ свиту. Елисавета устремляетъ глаза на Марію и въ то же время продолжаетъ говорить Лейчестеру:)

Ахъ, слишкомъ ужъ моимъ народомъ добрымъ

Любима я. Восторгъ ихъ—безъ границъ,

Какое-то боготворенье! Право,

Такъ чествуютъ лишь Бога, не людей.

*) Марія Стюартъ Шиллера была переведена на русскій языкъ всего одинокъ разъ, Шишковымъ, очень давно, и переводъ этотъ такъ устарѣлъ по языку, что для чтенія, а еще болѣе для постановки на сценѣ представляется крайне неудобнымъ; при этомъ онъ еще половъ большихъ отступленій отъ подлинника. Предлагаемая сцена есть отрывокъ изъ дѣлаемаго мною новаго полнаго перевода этой трагедіи. П. В.

МАРІЯ *(которая въ это время стояла въ полуморокъ, прислонившись къ своей кормилицѣ, теперь опомнилась, и ея глаза встрѣчаютъ устремленный на нее взоръ Елисаветы. Она вздрагиваетъ и снова кидается къ кормилицѣ).*

О, Господи, въ ея лицѣ нѣтъ сердца!

ЕЛИСАВЕТА.

Что это здѣсь? *(Общее молчаніе).*

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Въ Фотерингеѣ ты,

Монархиня.

ЕЛИСАВЕТА *(притворяется изумленною и сурово смотритъ на Лейчестера).*

Кому-жь одолжена я?...

Лордъ Лейчестеръ...

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Что сдѣлано, того

Не измѣнить, и такъ какъ, королева,
Твои шаги сюда ужъ небеса
Направили, то дай великодушью
И жалости побѣду одержать!

ШРУСБѢРИ.

Монархиня, мы униженно молимъ—

Взоръ обратить къ несчастной, предъ тобой
Стоящей здѣсь въ неизъяснимомъ страхѣ...

(Марія собралась съ силами и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Елисаветѣ, но останавливается; ея движенія выражаютъ сильнѣйшую борьбу).

ЕЛИСАВЕТА.

Милорды! Кто-жь мнѣ представлялъ ее
Убитою раскаяньемъ? Я вижу
Надменную, которую смирить
Раскаянье нисколько не успѣло.

МАРІА.

Пусть будетъ такъ! И это я еще
 Перенесу... Оставь меня, о гордость
 Безсильная души прекрасной! Я
 Теперь должна забыть, кто я, и сколько
 Мнѣ выстрадать пришлось, должна упасть
 Во прахъ предъ ней,—предъ ней, меня втоптавшей
 Въ такой позоръ!... Пусть будетъ такъ!...

(Подходитъ). Сестра!

Небесный судъ склонился въ вашу пользу;
 Онъ голову счастливую вѣнчалъ
 Побѣдою, и я благоговѣю
 Предъ Божествомъ, столь превознесшимъ васъ.

(Падаетъ на колѣни).

Но будьте же и вы великодушны,
 Сестра моя! Не дайте мнѣ лежать
 Постыдно такъ и, царственную руку
 Мнѣ протянувъ, подняться помогите
 Отъ страшнаго паденья!

ЕЛИСАВЕТА (отступая).

Леди, вы

Тамъ, гдѣ и быть вамъ подобаеть. Я же
 Благодарю и славлю моего
 Создателя, который милосердно
 Не допустилъ, чтобъ я у вашихъ ногъ
 Лежала такъ, какъ вы передъ моими!...

МАРІА (съ возрастающимъ волненіемъ).

Подумайте о шаткости всего
 Житейскаго: еще не мѣртвы боги,
 Барающіе гордость! Чтите ихъ,
 Страшитесь ихъ, заставившихъ предъ вами
 Меня упасть, и ради этихъ всѣхъ
 Свидѣтелей чужихъ, во мнѣ почитите
 Самихъ себя! Не оскверняйте кровь
 Тюдорову, въ моихъ и въ вашихъ жилахъ
 Текущую!... Ахъ, Богъ мой!... Да не стойте-жь
 Такъ сумрачно, такъ неприступно,—точно
 Брутой утесъ, который обхватить

Пловець, борясь, старается напрасно!...
 Моя судьба, и жизнь, и все мое
 От словъ моихъ, отъ силы слезъ зависить...
 Раскройте же вы сердце у *меня*,
 Чтобъ *ваше* я смягчила! Леденящій
 Взглядъ этихъ глазъ смыкаетъ сердце мнѣ,
 И не даетъ слезамъ моимъ исхода,
 И ужасомъ холоднымъ цѣпенить
 Въ моей груди слова мольбы горячей!

ЕЛИСАВЕТА (*холодно и строго*)

Миледи Стюартъ, говорить со мной
 Желали вы. О чемъ же? Объяснитесь.
 Чтобъ выполнить священный долгъ сестры,
 Я здѣсь въ себѣ забыла королеву
 И принесла вамъ радость созерцать
 Мое лицо. Великодушья чувству
 Покорная, я поводъ подаю
 Законному укору за такую
 Чрезмѣрную уступчивость: вѣдь, вамъ,
 Я думаю, извѣстно, что имѣли
 Намѣренье вы умертвить меня.

МАРИЯ.

Съ чего начать? Какъ рѣчь мою искусно
 Мнѣ повести, чтобъ ею тронуть васъ,
 Не оскорбивъ?... О, Боже, дай ей силу,
 И всякихъ жалъ, способныхъ уязвлять,
 Лиши ее: вѣдь, за себя явиться
 Ходатаемъ, при этомъ тяжко *васъ*.
 Не обвинивъ, мнѣ трудно; обвинять же
 Я не хочу... Поступокъ вашъ со мной—
 Неправедный; такая королева
 Я, какъ и вы,—меня же держать здѣсь,
 Какъ плѣнницу... Молящею защиты
 Я къ вамъ пришла, а вы, въ моемъ лицѣ.
 Священный долгъ гостепрѣимства, право
 Священное народовъ осмѣявъ,
 Меня въ тюрьму позорно заключили;
 Безжалостно со мной разлучены
 Друзья мои и слуги; недостойнымъ

Лишеніямъ я въ жертву отдана,
 И, наконецъ, на судъ, на судъ постыдный
 Ведутъ меня!... Но говорить о томъ
 Я не хочу; пусть вѣчное забвенье
 Покроетъ то, что выстрадано мной!
 Готова я «судьбой» назвать все это;
 Безвинны вы, нѣтъ и за мной вины...
 Злой духъ сюда изъ адскихъ безднъ явился,
 Чтобъ распалить у насъ въ сердцахъ сильнѣй
 Ту ненависть, которая ужь съ дѣтства
 Стояла между нами. Годы шли—
 Она росла, а злые люди пламя
 Несчастное старались раздувать;
 Безумные ревнители влагали
 Бинжалъ и мечъ въ чужія руки... Ахъ,
 Таковъ удѣлъ проклятый государей,
 Что ихъ вражда взаимная влечетъ
 Вслѣдъ за собой вражду и въ цѣломъ мірѣ,
 И вырваться на волю помогаетъ
 Всѣмъ фуріямъ раздора!... Но теперь...

(Дружески подходитъ ближе къ Елисаветѣ и говоритъ ласково тономъ:)

Сестра моя, нѣтъ устъ чужихъ межъ нами,
 И мы стоимъ лицомъ къ лицу. Теперь
 Скажите все. Скажите, въ чемъ виновна
 Предъ вами я, — и будетъ мною все
 Заглажено... Ахъ, если бы въ то время,
 Какъ горячо искала съ вами я
 Свиданія, меня не отказались
 Вы выслушать! Тогда бы не зашло
 Такъ далеко; въ плачевномъ этомъ мѣстѣ
 Плачевно такъ не встрѣтились бы мы!

ЕЛИСАВЕТА.

Счастливою звѣзду свою должна я
 Благодарить, что не взяла змѣю
 Къ себѣ на грудь... Нѣтъ, леди, обвиняйте
 Вы не судьбу, а сердце лишь свое
 Боварное, духъ честолюбья дикій
 Всѣхъ Стюартовъ. Еще вражды межъ насъ
 И не было, когда вашъ дядя, гордый,

Неистово-властолюбивый цопъ,
 Держающій ко всѣмъ коронамъ руку
 Протягивать, пошелъ противъ меня,
 Васъ убѣдилъ принять мой гербъ, присвоить
 Мой титулъ королевскій и вступить
 Въ борьбу со мной на жизнь и смерть... Скажите,
 Въ сообщники свои кого онъ только
 Не призывалъ? Народовъ мечъ, языкъ
 Священниковъ, оружье фанатизма
 Безумнаго... Здѣсь, даже здѣсь, въ моей
 Столицѣ безмятежной, пламя бунта
 Онъ раздувалъ! Но мой Господь со мной—
 И гордому священнику побѣды
 Онъ не пошлетъ. Надъ головой *моей*
 Висѣлъ ударъ, но поразить онъ *вашу!*

МАРІЯ.

Моя судьба въ рукахъ Господнихъ. Вы
 Могуществомъ своимъ не захотите
 Боварно такъ воспользоваться.

ЕЛИСАВЕТА.

Кто-жъ

Мнѣ запретить? Всѣмъ государямъ въ свѣтѣ
 Вашъ дядюшка, вѣдь, показалъ примѣръ,
Какъ слѣдуетъ миръ заключать съ врагами,
 И будетъ мнѣ Вареолюмея ночь
 Учителемъ. Всѣ эти узы крови,
 Священныя народныя права—
 Чтò мнѣ до нихъ? Освобождаетъ церковь
 Ото всего, чтò долгомъ мы зовемъ;
 Ей освящать дано цареубійство,
 Боварную измѣну; только то
 Я дѣлаю, чтò учать дѣлать ваши
 Священники... Какою залогъ за васъ
 Мнѣ дали бы, когда-бъ великодушно
 Свободу вамъ я подарила? Гдѣ
 Такой затворъ для охраненья вашей
 Покорности и вѣрности найти,
 Котораго ключомъ Петра Святаго
 Не растворить?... Насиліе, одно

Насиліе—порука мнѣ; съ породой
Змѣиною не можетъ быть связей!

МАРІА.

О, тутъ виной лишь ваше подозрѣнье
Несчастное! Считали вы меня
Всегда врагомъ и чужеземкой только.
Но еслибъ вы, какъ подобаетъ мнѣ,
Наслѣдницей своей меня признали,
Любовь моя, признательность моя
Создали-бъ вамъ и искренняго друга,
И добрую родную.

ЕЛИСАВЕТА.

Дружбу вы
Чужой землѣ дарите, леди Стюартъ;
Вапъ братъ—монахъ, а домъ вапъ—папскій Римъ.
Васъ, васъ признать наслѣдницей! Ловушка
Гнуснѣйшая! Затѣмъ признать, чтобъ вы
Еще при мнѣ народъ мой совратили
И, хитрою Армидой, молодежъ
Прекрасную моихъ владѣній ловко
Втянули въ сѣть любовную,—чтобъ все
Склонилось предъ этимъ новымъ солнцемъ,
А отъ меня...

МАРІА.

Царите съ миромъ! Я
Ужь отреклась отъ всякихъ притязаній
На Англію. Ахъ, брыльба опустилъ
Мой бѣдный духъ; къ величію земному
Я холодна. Добиться своего
Успѣли вы: я—только тѣнь Маріи.
Позорный гнетъ темницы сокрушилъ
Высокую энергію... Со мною
Все сдѣлано, что сдѣлать вы могли;
Убита я во всемъ своемъ разцвѣтѣ!...
Довольно же, сестра! Теперь я жду
Отъ васъ тѣхъ словъ, съ которыми, конечно,
Вы шли сюда: вѣдь, не могу никакъ
Повѣрить я, что вы явились только

Безжалостно надъ жертвою своей
 Потѣшиться!... Произнесите-жь эти
 Слова, сестра. Скажите мнѣ: «Марія,
 Свободны вы! Почувствовать дала
 Я мощь мою, теперь великодушье
 Начните чтить». Скажите это мнѣ,—
 И жизнь мою, мое освобожденье
 Изъ вашихъ рукъ, какъ лучший даръ, приму.
 Десятокъ словъ—и все бывшее разомъ
 Истреблено. Я жду ихъ. О, молю,
 Не дайте мнѣ томиться слишкомъ долго!...
 Но горе вамъ, когда не ими вы
 Покончите! Да, если не въ сѣняхъ
 Благой души, не свѣтлымъ божествомъ
 Вы и теперь разстанетесь со мною—
 Блжусь, сестра, весь чудный островъ вашъ:
 И страны всѣ, объемлемы моремъ,
 Я не взяла-бъ за то, чтобы стоять
 Предъ вами тагъ, какъ вы передо мною!...

Е Л И С А В Е Т А .

А, наконецъ, себя признали вы
 Разбитою? Интриги, значить, ваши
 Покончены? Въ занасѣ больше нѣтъ
 Убийць у васъ? Искатель приключеній
 Не сыщется, чтобъ рыцаремъ печальнымъ
 Отважиться на новый подвигъ?... Да,
 Все кончено, миледи. Не удастся
 Вамъ соблазнить ужъ больше никого.
 Есть у людей заботы поважнѣе,
 И врядъ ли кто четвертымъ вашимъ мужемъ
 Захочетъ быть, когда мужей своихъ
 И жениховъ вы убивать привыкли.

М А Р І Я .

Сестра, сестра!... О, Господи, пошли
 Терпѣнья мнѣ!

Е Л И С А В Е Т А .

Такъ это вотъ, лордъ Лейстеръ,
 Тѣ прелести, что безощадно такъ
 Убийственны для каждаго мужчины

И на ряду съ которыми стоять
 Для женщины—опаснѣйшее дѣло?
 Ну, пріобрѣсть такую славу можно
 Недорого: всесвѣтной красотой.
 Прослыть легко тому, кто достоянье
 Всесвѣтное.

МАРІА.

Нѣтъ, это слишкомъ!

ЕЛИСАВЕТА (*язвительно смѣясь*).

А!

Вотъ вы теперь явились съ настоящимъ
 Своимъ лицомъ: до этихъ поръ оно
 Подъ маскою скрывалось.

МАРІА (*покаянная и съ достоинствомъ*).

Я грѣшила,
 Какъ человекъ, какъ молодость грѣшить;
 Могущества и власти искушенью
 Я поддалась—и не таилась въ томъ
 Ни передъ кѣмъ; притворство отвергала
 Я съ царственнымъ безстрашьемъ. Обо мнѣ
 Лишь худшее извѣстно стало міру,
 И вамъ, и всѣмъ я смѣло говорю,
 Что лучше я моей недоброй славы.
 Но горе вамъ, коль эта же молва
 Вдругъ съ васъ сорветъ почетную одежду;
 Боторою, со лживостью змѣи,
 Таинственныхъ хотѣній дикій пламень
 Прикрыли вы. Не честность перешла
 Въ наслѣдство вамъ отъ матери: извѣстно,
 За доблести какія ошафотъ
 Воздвигнуть былъ для королевы Анны.

ПРУСВѢРИ (*становясь между обѣими королевами*).

О, Господи, вотъ до чего дошло!
 Одумайтесь, миледи! Неужели
 Покорностью, умѣренностью кроткой
 Вы это все считаете?

МАРІА.

Покорность!

Я все снесла, что только человекъ
 Способенъ снести... Прочь отъ меня незлобье
 Смирннаго ягненка, разнесись
 По воздуху выносливость страданья,
 Разбей свои оковы, гордый гнѣвъ,
 И выступи, карающій и грозный,
 Изъ безднъ твоихъ! А ты, который далъ
 Смертельный взглядъ озлобленному змѣю,
 Вооружи стрѣлою ядовитой
 И мой языкъ!

ШРУСВѢРИ.

О, внѣ себя она!

Монархиня, прости безумной, въ гнѣвъ
 Забывшей все!

*(Елисавета, отпльз отъ нея, кидаетъ на Марію бѣлье
 ие взгляды).*

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ *(съ сильнѣйшею волненіемъ,
 стараясь увести Елиса-
 вету).*

Не слушай дивихъ словъ!
 Скорѣй, скорѣй изъ этихъ мѣстъ печальныхъ!

МАРІА.

Несчастливая Британія! Престолъ
 Въ ней дочерью побочной опозоренъ.
 Ея народъ, столь честный и прямой,
 Лукавою обмануть комедьянткой!
 О, если бы царила правда,
 Передо мной теперь лежали-бъ въ прахъ
 Вы, потому что я—вашъ государь!...

(Елисавета быстро удаляется. Лорды смѣются за нею).

Петръ Вейсбергъ.

МѢСТА НѢТЬ.

(Разсказъ).

I.

Съ устланной коврами лѣстницы Лобановичъ слетѣлъ съ такою стремительностью, словно его спустили сверху.

Его, пожалуй, дѣйствительно спустили съ лѣстницы, только не буквально; ему просто отказали отъ мѣста.

Это который уже разъ!

Лицо его было красное отъ гнѣва, почти дикое, когда онъ вихремъ пролетѣлъ мимо швейцара и прыгнулъ на улицу. «Эка, сумасшедшій!» — пробормоталъ швейцаръ, удивленный беспорядочными скачками барина.

Но когда утренній воздухъ обвѣялъ горячую голову Лобановича, а яркіе солнечные лучи ослѣпили его взоръ, онъ почти мгновенно успокоился и уже пошелъ по улицѣ обыкновеннымъ шагомъ разумнаго человѣка. А вмѣсто гнѣва, на его лицѣ появилось смущеніе, почти стыдъ.

До сихъ поръ ко всякаго рода житейскимъ дѣламъ, а въ томъ числѣ и къ «мѣстамъ», онъ относился съ безпечностью жаворонка. Есть «мѣсто» — отлично, нѣтъ — наплевать. Но на этотъ разъ онъ смутился. Когда пріатели посадили его на это «мѣсто», то пригрозили ему, ради шутки, что больше хлопотать за него не стануть; чортъ съ нимъ, если онъ самъ о себѣ не заботится. Вообще это мѣсто, довольно теплое и съ перспективами въ будущемъ, стояло большихъ усилій для благопріятелей. И вотъ съ этого-то мѣста его спустили.

И въ неразумительную голову Лобановича проникло благотельное смущеніе. Шагая подъ горячими лучами майскаго солнца, онъ со всѣхъ сторонъ обсуждалъ свое положеніе. Ему надо было вообще разсудить, какъ ни мало привыкъ онъ разсуждать о своихъ дѣлахъ.

Вѣроятно, въ немъ есть какой-нибудь органическій порокъ, жѣшующій ему прочно усѣсться за жизненнымъ столомъ. Но что же это за порокъ? Кажется, онъ человекъ порядочный, — по крайней мѣрѣ, никто не смѣетъ его укорить какою-нибудь пакостью. Кажется, онъ не глупъ; напротивъ, всѣ его друзья и знакомые считаютъ его даже не совсѣмъ дюжиннымъ, и если Иванъ Ивановичъ называетъ его осломъ, то это ничего не значить. Кажется, всѣ видятъ, что онъ не отказывается ни отъ какой работы, и знаютъ, что онъ способенъ на безчисленное множество дѣлъ. Самъ онъ чувствуетъ, что въ немъ есть совѣсть, гордость и честь. Быть можетъ, на сегодняшнемъ базарѣ все это цѣнится не выше гроша, но, вѣдь, и грошъ — цѣнность; если безчисленное множество совѣстливыхъ и благородныхъ людей ходятъ теперь кучами, не зная, куда помѣстить свое сердце и умъ, то все же они кое-какъ временно пробавляются. А, вѣдь, онъ совсѣмъ ужъ не можетъ нигуда прислониться, какъ будто всѣ сговорились отовсюду гнать его. Слѣдовательно, есть же какой-то особенный порокъ въ немъ, какое-то отталкивающее свойство, какой-то нетерпимый духъ.

Лобановичъ со страхомъ искалъ въ себѣ таинственныхъ подлостей, нетерпимаго духа. Но поиски эти ни къ чему существенному не привели, и чѣмъ дальше онъ углублялся въ себя, надѣясь на днѣ своей персоны отыскать таинственный порокъ, тѣмъ дальше отходилъ отъ цѣли. Напрасно онъ ломалъ голову.

— Но, Боже мой! надо же какъ-нибудь жить, — почти просто-наль онъ, шагая возлѣ общественнаго сада.

Капли холоднаго пота покрывали его лобъ; во рту пересохло. Страшная тяжесть легла на всѣ его мысли. Бучи соображеній, какъ соръ, силошь заняли его душу, и онъ съ ожесточеніемъ рылся въ нихъ, не умѣя ихъ рассортировать. Наконецъ, врожденная безпечность на минуту взяла верхъ; онъ внезапно бросилъ думать объ этихъ головоломныхъ вещахъ и соръ весь выбросилъ изъ головы.

Тутъ кстатѣ подвернулась калитка сада; онъ вошелъ въ нее, повернулъ въ боковую аллею и усѣлся на скамейкѣ съ блаженною улыбкой человека, который все обдумалъ и отлично устроилъ всѣ свои дѣла. Онъ снялъ шляпу, съ облегченіемъ вздохнулъ и успокоился. Недалеко бѣгали, шума, дѣти разныхъ возрастовъ.

Лобановичъ нѣсколько времени наблюдалъ за бѣготней ихъ, серьезно прислушивался къ звонкимъ голосамъ и мало-по-малу совершенно вошелъ въ ихъ интересы. Между маленькими людьми возникъ скоро какой-то споръ, кончившійся общою ссорой; одинъ мальчикъ показалъ другому языкъ; послѣдній назвалъ противника

обиднымъ названіемъ и также въ свою очередь показалъ языкъ. Толпа раздѣлилась; одни заступались за одного, другіе—за другаго, послѣ чего обѣ партіи принялись дразнить другъ друга страшно оскорбительными названіями и жестами. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ спорившихъ не сорвалъ шляпы съ другаго; сорвавъ, онъ забросилъ ее на верхушку куста сирени; тогда обиженный принялся ревъть на весь садъ, закрывъ оба глаза своими маленькими кулачками. Лобановичъ послѣ этого вмѣшался въ распрю и принялся разбирать и успокаивать. Все это онъ сдѣлалъ съ такою убѣжденностью и такъ горячо, что черезъ нѣсколько минутъ раздоры окончились. Малые люди снова принялись играть, пригласивъ въ свой кругъ и Лобановича. Послѣдній охотно принялъ участіе въ дѣлѣ; его большой ростъ и густая борода нисколько не мѣшали ему толкаться среди крошечнаго челоуѣчества; но въ первой же игрѣ нѣсколько ребятишекъ отлично надули его и заставили служить чучелой. Изображать чучель—таковъ былъ удѣлъ всѣхъ проигравшихъ, и Лобановичъ безропотно несъ послѣдствія своей неумѣлости.

II.

Вдругъ на далекой монастырской колокольнѣ пробило три часа. Лобановичъ встрепенулся. Что-то вдругъ неприятное кольнуло его въ сердце. «Что такое нынче со мною случилось?... Ахъ, да! съ мѣста меня протурили».

— Да это наплевать!—сказалъ онъ вслухъ.

Но напрасно онъ храбрился. Смущеніе снова и въ еще большей степени овладѣло имъ. Онъ вспомнилъ, что сейчасъ придетъ домой, гдѣ его встрѣтитъ сожитель Иванъ Ивановичъ, и—какъ онъ ему скажетъ, что его спустили съ мѣста? А къ вечеру уже всѣ будутъ говорить:

— Знаете, Лобановичъ опять на вольномъ воздухѣ.

А Катя съ обычнымъ сочувствіемъ спроситъ:

— Василій Михайловичъ, неужели вамъ опять придется работу искать?—она это скажетъ съ участіемъ, искренно страдая за его неудачи, но это еще хуже. ☞

Рисуя себѣ всѣ эти и многія другія обидныя картины, Лобановичъ вдругъ ожесточился. Онъ торопливо вышелъ изъ сада, бросился по улицамъ къ своей квартирѣ и по дорогѣ начиналъ себя тенденціозно злобой противъ всѣхъ людей, въ особенности противъ друзей, противъ Ивана Ивановича, противъ Кати. Насколько это ему

удалось, трудно судить; но только въ квартиру онъ явился, дѣйствительно, съ свирѣпымъ лицомъ.

Обѣденный столъ былъ уже накрытъ; Иванъ Ивановичъ терпѣливо ждалъ его. Черезъ минуту горничная принесла обѣдъ и Лобановичъ молча, но свирѣпо, принялся за него. Пылая злобою, онъ сначала оторвалъ зубами кусокъ хлѣба, потомъ оторвалъ кусокъ мяса и только послѣ этого устремилъ взоръ на пріятеля, полный ненависти.

Иванъ Ивановичъ, понятно, ничего не подозрѣвалъ и потому съ недоумѣніемъ взглянулъ на него, какъ бы спрашивая: «это еще что за демонстрація?» Впрочемъ, онъ отвѣтилъ на вызывающій взглядъ.

— Ты смотришь такъ, какъ будто тебя сейчасъ поколотили.

— Пожалуй, хуже... меня съ мѣста прогнали!—выпалилъ Лобановичъ горячо, рѣшившись сразу покончить съ этимъ вопросомъ.

— Уже?

Это восклицаніе Ивана Ивановича наповаль убило Лобановича, думавшаго укрыться за своею свирѣпостью. Онъ мгновенно оторопѣлъ, утратилъ весь запасъ злобы и растерянно ерошилъ свои волосы.

Между тѣмъ, Иванъ Ивановичъ проницательно принялся разспрашивать его, какъ это случилось. Дѣло оказалось несложнымъ. Патронъ Лобановича поручилъ ему составить нѣсколько бумагъ по одной вляузной тяжбѣ. Лобановичъ исполнилъ порученіе, но дѣло показалось ему до такой степени поганымъ, что онъ счелъ своимъ долгомъ указать адвокату на свое наивное открытіе. Адвокатъ, однако, далъ вѣжливо понять, что онъ никого не просилъ вмѣшиваться въ его дѣла. Затѣмъ между ними произошелъ краткій, но рѣшительный обмѣнъ мыслей.

— Но, вѣдь, дѣло, поминишь, нехорошее! — возразилъ Лобановичъ съ горячею убѣжденностью.

— Тѣмъ не менѣе, это не обязываетъ меня слушать вашу проповѣдь!

— Да не проповѣдь я говорю, а только желалъ бы убѣдить васъ бросить это подлое дѣло! — упрямо продолжалъ настаивать Лобановичъ.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ убѣдить васъ отказаться отъ службы у меня.

Послѣ этого Лобановичъ взялъ шляпу и скатился съ лѣстницы. Вотъ и все.

— Ты ему такъ и сказалъ: «поганое дѣло»? — переспросилъ Червинскій.

— Я просто сказалъ: «подлое».

Лобановичъ при этомъ устремилъ пламенный взглядъ куда-то въ пространство, очевидно, снова переживая утреннее объясненіе съ адвокатомъ и, по привычкѣ, обѣими пятернями ерошилъ волосы.

— Дѣйствительно, просто!... Какой ты, Вася, позволь тебѣ сказать, осель!—спокойно выговорилъ Червинскій, какъ будто констатировалъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Лобановичъ, услышавъ знакомый эпитетъ, вдругъ улыбнулся веселюю, дѣтскою улыбкой.

— За что же ты меня ругаешь? Неужели прощать скотамъ? На моемъ мѣстѣ ты такъ же поступилъ бы. Однимъ словомъ, я готовъ дѣлать что угодно, ради полученія жранья, но продавать себя не стану.

— Нужно еще спросить, желаетъ ли кто купить-то тебя!—отвѣтилъ спокойно Червинскій.

Это колкое возраженіе снова подняло всю необузданность у Лобановича. Онъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на пріятеля и нѣсколько минутъ молча подбиралъ самый убійственный, смертоносный отвѣтъ.

— Я, во всякомъ случаѣ, не намѣренъ быть комнатною собачонкой, которая подъ столомъ дожидается крохъ, падающихъ изъ рукъ пирующихъ,—сказалъ онъ, наконецъ, угрюмо.

— Предпочитаешь быть дворняго ?

— Ну, да! дворнягой! Именно дворнягой!—закричалъ Лобановичъ.

— Дворнягъ, насколько мнѣ извѣстно, сажаютъ на цѣпь... по большей части на цѣпь,—возразилъ Иванъ Ивановичъ.

— На цѣпь? Въ такомъ случаѣ я предпочитаю быть бродячею собакой!

— Это, конечно, жизнь свободная, но, къ сожалѣнію, уличныхъ собакъ нынче ловятъ крючьями и истребляютъ, какъ бѣшеныхъ...

Лобановичъ опять на минуту оторопѣлъ. На взволнованномъ лицѣ его появилось болѣзненное чувство обиды и отчаянія.

— Ну, да! Я знаю... въ душѣ вы всё называете меня легкомысленнымъ, вѣтреннымъ! Для васъ я неудачникъ, пустой человѣкъ, которому нѣтъ нигдѣ удачи, который ни на что не способенъ, которому лучше гдѣ-нибудь пропасть поскорѣе. «Интеллигентный бродяга!» Что можетъ быть смѣшнѣе и глупѣе интеллигентнаго бродяги? Вы правы. Я—неудачникъ, бродяга, я все, что вы хотите! Но позвольте мнѣ въ одномъ остаться правымъ: я не

пресмыкаюсь и не продаюсь! И вотъ, практичнымъ, умѣлымъ я бросаю вызовъ: вы—холуи, ползающіе передъ всякою силой, которую выдвигаютъ обстоятельства!... Я бросаю вамъ этотъ вызовъ и знаю, что вы его заслуживаете...

Лобановичъ при этихъ словахъ, внѣ себя отъ гнѣва, вскочилъ изъ-за стола, отбросилъ ногой стулъ и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Иванъ Ивановичъ медленно закончилъ обѣдъ, но взглядъ его безпокойно перебѣгалъ съ предмета на предметъ.

Онъ пропустилъ мимо ушей неожиданный выстрѣлъ товарища; ко всякимъ неумѣреннымъ и нелѣпымъ выходкамъ послѣдняго онъ привыкъ. Но на этотъ разъ его поразило состояніе Лобановича; и онъ обдумывалъ, какъ теперь быть. Надо поскорѣе прискаты для него новую работу, но какъ это лучше сдѣлать? Вѣдь, Васька дѣйствительно страдаетъ отъ своей неумѣлости и необузданности... Искать для него *какого-нибудь* мѣста—безполезно, съ него онъ будетъ спущенъ съ такою же быстротой, какъ и съ прежнихъ мѣстъ. Ему слѣдуетъ найти такое положеніе, которое не оскорбляло бы его фантазій, не вызывало бы его необузданности наружу.

Иванъ Ивановичъ любилъ послѣ обѣда поваляться на диванѣ съ газетой въ рукахъ, которая быстро приносила ему блаженный сонъ; онъ любилъ также все дѣлать чисто и обдуманно, но на этотъ разъ измѣнилъ своимъ привычкамъ. Насчетъ Лобановича у него явилась одна комбинація, которую немедленно надо было привести въ исполненіе. Для этого онъ тщательно одѣлся и отправился хлопотать о новомъ мѣстѣ для сумасшедшаго.

Тѣмъ временемъ этотъ послѣдній шатался по улицамъ въ самомъ мрачномъ настроеніи, снова углубившись на дно своей персоны съ цѣлью отыскать порокъ своей жизни. Это бесплодное занятіе продолжалось бы долго, если бы ему не пришла счастливая мысль зайти въ библіотеку. Благодаря службѣ на послѣднемъ мѣстѣ, онъ почти пересталъ читать. Такое лишеніе было для него тяжело; онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ мірѣ, и, не видя мѣсяца два книги и газеты, уже думалъ, что ополчѣлъ и одичалъ. Чтеніе было его единственнымъ дѣломъ, которое онъ исполнялъ чисто, совершенно и въ величайшемъ порядкѣ.

И теперь, окруживъ себя ворохомъ газетъ, онъ съ наслажденіемъ сталъ вдыхать воздухъ родныхъ, широкихъ интересовъ. За два мѣсяца, которые онъ корпѣлъ на скучной службѣ ради куска (скатился съ лѣстницы адвоката онъ даже раньше двухъ мѣсяцевъ), онъ долженъ былъ многое возстановить изъ утраченнаго и забыта-

го. Его интересовала одна экспедиція во внутрь Африки, и онъ принялся слѣдить за ея судьбой; тогда, два мѣсяца тому назадъ, онъ оставилъ ее въ самомъ критическомъ положеніи и теперь съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за ея ходомъ; къ его удовольствію, экспедиція оказалась цѣлою и невредимою, а не была съѣдена людодѣдами, какъ онъ мрачно думалъ. Затѣмъ, имѣя знакомыхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, онъ перебрался въ Азію, а оттуда, черезъ полчаса, переплылъ въ Америку, гдѣ присутствовалъ два мѣсяца таму назадъ на огромномъ митингѣ желѣзно-дорожныхъ служащихъ; однако, здѣсь ничего онъ не нашелъ изъ прежняго и съ недоумѣніемъ переѣхалъ въ Европу. Здѣсь онъ остановился минутъ на двадцать въ Ирландіи; дольше онъ не могъ въ этой странѣ оставаться, чувствуя, какъ въ немъ поднимается негодованіе и отвращеніе, и потому послѣшилъ уѣхать во Францію. Онъ питалъ странную слабость къ Франціи: все, что тамъ дѣлается, онъ принималъ за свое личное, кровное дѣло, которое можетъ радовать и огорчать, вызывать любовь и негодованіе. Сейчасъ онъ испыталъ послѣднее. То, что было два мѣсяца тому назадъ, продолжалось и теперь. Только теперь дѣла тамъ еще болѣе невыносимы, оскорбительны. Какой это подлый, какой тупой и недалководидный классъ—эта буржуазія! Сколько распутства она вноситъ въ страну и сколько жертвъ отъ нея требуетъ!... Лобановичу вдругъ сдѣлалось такъ тяжело, что онъ оставилъ газеты и задумался.

Впрочемъ, черезъ короткое время онъ былъ уже въ Россіи и погрузился по уши въ родныя хлѣбы. Родныя вѣсти онъ всегда пробѣгалъ послѣдними, потому что отъ нихъ ему всегда становилось скучно. И обыкновенно пробѣжавъ ихъ въ-торопяхъ, какъ бы по обязанности, онъ ими оканчивалъ чтеніе, такъ какъ дальше на него нападало сонливое состояніе, отъ котораго безъ какого-нибудь экстраординарнаго случая трудно было отвязаться.

Однако, теперь онъ считалъ долгомъ основательно пересмотрѣть все, что за два мѣсяца совершилось.

Наступилъ вечеръ, а онъ все еще сидѣлъ. Солнечный лучъ ко-сыми нитями протянулся по столу, на нѣсколько минутъ испестрилъ золотыми узорами газету, затѣмъ запутался въ бородѣ, поднялся до глазъ, ослѣпивъ забывшагося читателя, и, наконецъ, погасъ въ спутанной его шевелюрѣ.

— Пора, баринъ, уходить!... Запирать время,—сказалъ сонно библиотечный сторожъ.

Дѣйствительно, въ комнатѣ становилось темно.

Лобановичъ встрепенулся и пошелъ на улицу, но долго еще

не могъ встряхнуть себя отъ глубокой задумчивости. Всѣ волненія и обиды этого дня мирно улеглись въ немъ. Библіотека была истиннымъ храмомъ его, въ которомъ онъ страстно молился и который успокоивалъ всѣ страданія его буйнаго темперамента.

Но если бы Иванъ Ивановичъ, ведшій дипломатическіе переговоры съ однимъ инженеромъ, могъ догадаться, надъ чѣмъ онъ задумался, то назвалъ бы его вторично осломъ.

III.

Это были странные сожители. Они ни въ чемъ не сходились и, повидимому, не имѣли ни малѣйшаго интереса жить вмѣстѣ. Но они надолго не разлучались, по-своему привязанные другъ къ другу какими-то невидимыми связями.

Когда у Лобановича спрашивали, за что онъ такъ привязанъ къ Червинскому, то онъ серьезно отвѣчалъ:

— У него всегда сапоги такіе чистые!

Въ самомъ дѣлѣ, у Червинскаго сапоги всегда были чисто вычищены; и воротнички, и прическа, и хорошее платье, — все у него было чисто и прилично. Въ его комнатѣ, на его столѣ, на кровати всегда былъ величайшій порядокъ. Онъ терпѣть не могъ малѣйшаго сора вокругъ себя.

Такой же порядокъ у него былъ и во всѣхъ дѣлахъ. Правда, онъ также не имѣлъ опредѣленнаго положенія, опредѣленнаго рода службы; ему, какъ и безчисленному множеству интеллигентныхъ бродяжекъ, приходилось жить отхожими промыслами. Но онъ никогда не оставался безъ работы: если одно занятіе изсягало, онъ на другой день находилъ новое; если изъ-подъ его ногъ ускользало одно мѣсто, онъ становился на другое, — становился не очень прочно, но съ поразительною быстротой.

Происходило это оттого, что онъ въ совершенствѣ изучилъ, къ кому и съ какого боку надо подходить: къ одному слѣдуетъ явиться до обѣда, къ другому послѣ обѣда; въ одинъ домъ слѣдуетъ прѣбраться по переднему ходу, а въ другой — черезъ заднее крыльцо, черезъ кухню; одного надо застать у себя въ кабинетѣ, другаго — гдѣ-нибудь на улицѣ, врасплохъ.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе такого обширнаго знакомства съ разными практическими вопросами, въ душѣ Ивана Ивановича накопилось много сору (и оттого онъ не любилъ сора въ своей комнатѣ), но это давало ему великое преимущество въ борьбѣ за кусокъ. Онъ вездѣ держалъ себя независимо и велъ свою личную

жизнь чисто, аккуратно. Онъ зналъ себѣ цѣну и никому не позволялъ пренебрегать собой. На людей, распоряджающихся всякими мѣстами, онъ смотрѣлъ очень просто—какъ на мѣшки, съ которыми глупо церемониться.

Несмотря на то, что разный практическій хламъ сильно засорилъ его голову, онъ составилъ себѣ своеобразную теорію и неизмѣнно былъ ей вѣренъ.

— Нынѣшній вѣкъ,—говорилъ онъ,—вѣкъ денежнаго мѣшка, передъ которымъ все—въ томъ числѣ умъ, знанія, талантъ—попадаето ницъ. Но этого не должно быть. Интеллигенція, въ концѣ-концовъ, освободится изъ-подъ тяжести денежнаго мѣшка. А пока она должна уважать себя и не унывать въ борьбѣ съ грузною, но бездушною силой.

И онъ уважалъ себя.

Когда онъ шелъ просить мѣсто, то собственно не просилъ, а требовалъ, давая понять, что онъ нисколько не сомнѣвается въ своемъ правѣ на это мѣсто. Это производило впечатлѣніе. Вся его порядочная, чистая фигура всѣмъ своимъ аккуратнымъ видомъ говорила, что это человекъ, котораго слѣдуетъ уважать и которому неловко отказать въ чемъ бы то ни было.

Находилъ мѣста Иванъ Ивановичъ не только для себя, но и для многихъ изъ той безчисленной бродячей братіи, не знающей, куда помѣстить свои знанія, а часто и несомнѣнные таланты. Вся эта бродячая братія имѣла, какъ водится, развинченные нервы и носила въ себѣ разнообразныя душевныя болѣзни, начиная съ легкой меланхоліи и кончая полнымъ *taedium vitae*, такъ что Иванъ Ивановичъ среди этой неорганизованной, больной массы былъ просто владомъ. Иногда самъ онъ не имѣлъ возможности найти мѣсто, но за то всегда могъ точнымъ образомъ указать ту щель, чрезъ которую слѣдуетъ пролѣзть, чтобы получить мѣсто.

— Сходите къ Червинскому, онъ найдетъ!—говорили человеку, ищущему хлѣба,—говорили съ такою увѣренностью, какъ будто мѣсто уже нашлось.

Несмотря на множество житейской дряни, накопившейся на его душѣ, Иванъ Ивановичъ имѣлъ неизгладимую потребность въ живомъ дѣлѣ; а такъ какъ всѣ эти работишки изъ-за хлѣба, всѣ эти мѣста ради денегъ не давали никакого удовлетворенія разнымъ непризнаннымъ потребностямъ, свойственнымъ, однако, всякому человеку, то онъ незамѣтно для себя повелъ жизнь бродяги. Когда онъ замѣчалъ, что работишка начинаетъ засасывать его, онъ ее просто бросалъ и переходилъ на новую работишку.

— Скучно. И, притомъ, дурѣешь, оттого и бросаешь, — объяснял онъ свою непосѣдливость.

Тѣмъ не менѣе, вѣчная возня съ разными житейскими соображеніями сыграла съ нимъ плохую шутку: онъ отъ многого отсталъ, и человѣческія грезы не рождались уже въ немъ такъ свободно, какъ, напримѣръ, въ его сожителѣ.

И это была, вѣроятно, одна изъ невидимыхъ причинъ, почему онъ такъ привязанъ былъ къ Лобановичу. Онъ любилъ въ послѣднемъ тотъ рай, изъ котораго за грѣхи самъ былъ изгнанъ, — рай свободной мысли и мечты, необузданныхъ идеаловъ и фантастическихъ плановъ.

Рѣдкій день проходилъ безъ споровъ; повидимому, они не могли взглянуть другъ на друга, чтобы не поднять тотчасъ же брани; искренній разговоръ между ними былъ просто невыносимъ, ибо о каждой мелочи они имѣли противоположные взгляды. Этотъ обмѣнъ мыслей вдобавокъ велся такимъ образомъ, что всѣ проходящіе мимо ихъ оконъ поднимали голову вверхъ, въ полной увѣренности, что тамъ происходитъ драка; по всей улицѣ раздавался трескъ мебели и отчаянные вопли, часто прерывающіеся внезапнымъ молчаніемъ, которое не трудно было объяснить тѣмъ, что одинъ изъ буяновъ взялъ другаго за горло и душилъ его. Ни одна квартирная хозяйка не могла выносить этого ежедневнаго скандала болѣе трехъ мѣсяцевъ, — только на одной квартирѣ имъ удалось удержаться полгода, да и то потому, что хозяйка была глуха на оба уха; но когда изъ сосѣдней квартиры постоянно жаловались на безпокойство и требовали удаленія буяновъ, то и глухая женщина должна была прогнать ихъ. Однимъ словомъ, пріятели вѣчно враждовали, хотя сами другъ безъ друга считали жить неудобнымъ.

Лобановичъ былъ въ десять разъ начитаннѣе Ивана Ивановича. Второе его преимущество передъ послѣднимъ заключалось въ томъ, что онъ умѣлъ обо всемъ говорить *вообще*. Самую ничтожную вещь онъ сейчасъ же связывалъ съ нѣкоторымъ общимъ крупнымъ явленіемъ и находилъ то центральное мѣсто, къ которому тяготеютъ всѣ ничтожныя вещи даннаго рода. Поэтому всякій ихъ разговоръ для Ивана Ивановича былъ неожиданностью.

Иванъ Ивановичъ часто только хлопалъ глазами, не будучи въ состояніи въ порядкѣ размѣстить всѣ сопоставленія противника. Въ то время, какъ онъ безпомощно барахтался около какой-нибудь мыслишки, Лобановичъ бросалъ уже ему двадцать другихъ, одну другой неожиданнѣе. Лобановичъ на глазахъ у него шутя переносился съ одного мѣста на другое, поднимался вверхъ и ходилъ

по облакамъ, играя вѣтрами, взбирался на солнце, нисколько не ослабляемый его лучами, и понятно, что Иванъ Ивановичъ, вѣчно топтавшійся на полу, среди своихъ сорныхъ мыслей, съ изумленіемъ слѣдилъ за этими сумасшедшими скачками. Иногда онъ чувствовалъ негодованіе на необузданную фантазію пріятеля, но чаще всего.—изумленіе.

Была, однако, одна область, гдѣ Лобановичъ въ свою очередь чувствовалъ себя сѣверно. Это именно практическая жизнь, а въ особенности его собственная. Здѣсь уже Иванъ Ивановичъ выступалъ грознымъ обвинителемъ и хозяиномъ, а Лобановичъ принималъ позу трусливаго подсудимаго.

— Такихъ безпомощныхъ людей, такихъ глупыхъ еще мало бьютъ!—говорилъ Иванъ Ивановичъ, когда попадалъ на эту тему.— Ужь не говорю про общественный тактъ,—за собой-то вы не можете посмотрѣть хорошенько! Настоящая, невыдуманная жизнь для васъ тьма, какъ ночь, въ ней вы не умѣете шагу сдѣлать безъ глупостей!... Вы отлично,—это надо признать за вами,—отлично работали теорію о томъ, какъ надо умирать, но не знаете азбуки жизни! Герои въ смерти, вы составляете позорище въ жизни! Вы думаете, что достаточно разбить дурацкую голову за идеаль—и все пойдетъ отлично; но жить, вести искусную борьбу среди безчисленныхъ препятствій—это, по-вашему, пошло!... Ну, ты, напримеръ... ну, куда ты дѣнешься съ своими фантазіями, когда ты не умѣешь за собой-то присмотрѣть, и все норовишь, куда бы сунуться въ огонь?!... Вѣдь, тебя каждая встрѣчная свинья можетъ сожрать безъ остатка!...

Лобановичъ, слушая эти грозныя рѣчи, злился, отвѣчалъ бранью, но въ глубинѣ души чувствовалъ острую боль, потому что рѣчи пріятеля били въ больное мѣсто.

Въ подлинной жизни онъ чувствовалъ себя очень дурно. Лишь только ему приходилось заняться собой, своимъ благоустройствомъ, какъ полнѣйшая растерянность овладѣвала всѣмъ его существомъ. Въ особенности непонятны были для него всякіе пустяки, связанные неизбѣжнымъ образомъ съ поисками мѣсть, работы, хлѣба. Личная жизнь его была сплошная неудача. И по временамъ на него нападало отчаяніе при мысли, что онъ никуда не годится.

Каждая его попытка прочно гдѣ-нибудь основаться оканчивалась обыкновенно неожиданнымъ происшествіемъ, и ужитья на одномъ мѣстѣ онъ не былъ въ силахъ. Съ одного мѣста онъ уходилъ, съ другаго его прогоняли, какъ вреднаго челоуѣка, который способенъ произвести какой-нибудь скандалъ.

Въ концѣ-концовъ, вѣчные поиски мѣсть сдѣлались для него источникомъ страданій. Легче ему удавалось жить какими-нибудь частными работами, — какъ у человѣка способнаго, у него всякая работа кипѣла въ рукахъ. Къ сожалѣнію, такихъ частныхъ работъ немного, а потому годъ его раздѣлялся такимъ образомъ: въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ онъ имѣлъ занятія, остальные десять мѣсяцевъ онъ гулялъ по всей своей волѣ. Да и тѣ два мѣсяца не проходили для него даромъ только благодаря заботамъ Ивана Ивановича.

— Почему вы всегда хлопочете о Лобановичѣ? — спрашивали Ивана Ивановича, не понимая вообще этой странной дружбы.

— Потому что онъ ротозѣй, — отвѣчалъ Червинскій.

— Неужели безъ васъ онъ не можетъ устроиться?

— Вы не можете представить, какой это осель! Онъ непремѣнно попадаетъ въ такое положеніе, изъ котораго нѣтъ выхода, — пояснял свою мысль Иванъ Ивановичъ, а иногда съ раздраженіемъ прибавлялъ: — Упрямое животное! Ему непремѣнно подавай общественной жизни!

Со стороны Ивана Ивановича это было плохое объясненіе его привязанности къ «упрямому животному», даже вовсе не объясненіе, а только желаніе не показаться сантиментальнымъ въ его отношеніяхъ къ Лобановичу. Но въ ругательскихъ словахъ его одно было справедливо.

Лобановичъ дѣйствительно чувствовалъ себя легко только въ тѣхъ случаяхъ, когда не думалъ о себѣ, о своей жизни, о своихъ дѣлишкахъ. Въ общественныхъ идеяхъ и дѣлахъ (а они у него были — и мысли, и дѣла) все такъ просто, понятно; здѣсь не нужно виллять, врать, кривить душой; здѣсь не только не нужно хитрить и не договаривать и не додѣлывать, но, напротивъ, требуются прямота, открытое лицо, свободная рѣчь, отсутствіе колебаній. Лобановичъ испыталъ все это самъ и зналъ, какъ ему легко жилось всякій разъ, когда онъ дѣлалъ не свое личное дѣло.

Но совсѣмъ иное состояніе онъ переживалъ, когда долженъ былъ искать хлѣба для себя, искать мѣста и добиваться собственнаго благоустройства. Тутъ онъ ходилъ какъ слѣпой, сознавалъ себя потеряннмъ и глупымъ и положительно ничего не могъ сообразить. Изволь сообразить, въ бакую подворотню надо шмыгнуть, чтобы попасть на надлежащее мѣсто; изволь обдумать, что сказать и чего не говорить людямъ, которые это мѣсто держали въ рукахъ. А когда положеніе отыщется, надо умѣть удержать его. А для этого по большей части надо скрыть всѣ свои мысли, за исключеніемъ

поганныхъ или завалищихъ, погасить огонь въ душѣ, оставивъ лишь нѣсколько головешекъ, которыя бы понемногу курились, дѣлать лишь то только, что велятъ, и поднимать голову лишь настолько, насколько поднимаетъ ее свинья, когда отыскиваетъ себѣ кормъ. Сколько нужно для этого хитрости, тонкихъ соображеній, находчивости! Но это только для начала. А дальше, чтобы удержать добытое съ такими неимовѣрными усиліями положеніе, утвердиться на немъ, требуется великое множество ничтожныхъ подлостей (изъ которыхъ впоследствии слагается великое свинство), а ихъ обыкновенно у ротозѣя не имѣется.

Лобановичъ, въ довершеніе всей нелѣпости, крайне обижался, когда ему говорили, что ничего этого нѣтъ у него. Онъ съ азартомъ возражалъ, что до сихъ поръ онъ серьезно не думалъ объ этомъ, а разъ ему придетъ охота устроить себя, то въ практической жизни онъ заткнетъ за поясъ самаго ловкаго интригана. Не боги же горшки обжигаютъ. Но Червинскій основательно опровергалъ его фактами, бывшими налицо, и доказывалъ всю нелѣпость его самомиѣнія.

И это было для Лобановича невыносимое оскорбленіе.

IV.

Обыкновенно послѣ каждой своей житейской неудачи Лобановичъ на нѣсколько дней пропадалъ, скрываясь отъ своихъ близкихъ людей, отъ Червинскаго, отъ Кати Даниленко, словно его съ цѣпи спустили. Онъ непрерывно тогда находился въ движеніи. Сначала послѣ освобожденія отъ мѣста обходилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, всюду поднимая интересующіе его вопросы; затѣмъ, не ограничиваясь своимъ городомъ N, онъ съ страшною торопливостью бросался въ отдаленныя путешествія по другимъ мѣстамъ, гдѣ у него находилось знакомство, проявляя и тамъ лихорадочную дѣятельность. При этомъ онъ не отказывался ни отъ какого порученія, какъ бы ни было оно непріятно и тяжело, ни отъ какого дѣла, какъ бы ни было оно грубо.

Этою слабостью нерѣдко пользовались не особенно совѣстливые люди, заставляя его работать на нихъ ради ихъ личнаго дѣла. Однажды въ продолженіе двухъ недѣль его заставили быть сидѣлкой у одной барыни, болѣвшей пустою, но продолжительною болѣзью; въ другой разъ онъ долженъ былъ переписать огромную рукопись, весьма глупую, но принадлежащую человѣку, считающему себя великимъ.

Въ эту лихорадочную дѣятельность онъ вкладывалъ часто много времени и труда, о которыхъ не жалѣлъ, лишь бы только не думать о себѣ и не хлопотать за свое личное устройство. И былъ доволенъ всякій разъ, когда ему удавалось на время уклониться отъ придумыванія поганыхъ житейскихъ мелочей.

Только иногда онъ вскользя спрашивалъ, какъ бы исполняя какую-то барщину:

— Нѣтъ ли тутъ, ребята, у васъ какой-нибудь работишки мнѣ?

Работишки, конечно, не оказывалось.

И этотъ отвѣтъ его совершенно удовлетворялъ.

Чѣмъ онъ въ такое время жилъ—трудно сказать. Потребности его были ничтожныя,—требовалось только разъ въ день поѣсть. А это не трудно было исполнить.

— Пожрать чего есть у васъ, братцы?—спрашивалъ онъ, торопливо вбѣгая къ кому-нибудь изъ знакомыхъ.

Какая ни-на-есть дрянь всегда отыскивалась у бѣдняговъ,—онъ закусывалъ и вполне удовлетворялся.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ, наконецъ, возвращался домой, къ Ивану Ивановичу, худымъ, обносившимся и усталымъ. И только послѣ всего этого шелъ къ Батѣ Даниленко, которую считалъ верховнымъ судьей всѣхъ своихъ грѣховъ. Всѣ они трое были неразрывными товарищами, и если Лобановичъ и Червинскій не могли ни въ чемъ согласиться, то дѣвушка являлась среди нихъ примиряющимъ элементомъ и новымъ связующимъ звеномъ. Они оба одинаково ее уважали, также какъ и она ихъ обоихъ. Быть можетъ, одного изъ нихъ она выдѣляла въ особенный уголокъ сердца, но имъ до сихъ поръ не представлялось случая подумать объ этомъ.

Такъ было и сейчасъ. Послѣ бурнаго разговора съ Червинскимъ Любановичъ на нѣсколько дней пропалъ. Иванъ Ивановичъ нигдѣ не могъ его разыскать. Батя также бесполезно справлялась о немъ у знакомыхъ. Но вдругъ однажды поздно вечеромъ онъ тихо вошелъ въ маленькую квартиру, занимаемую Даниленками, и смущенно остановился въ передней. Изъ комнаты послышался знакомый голосъ: кто тамъ?

— Это я, Катерина Дмитревна,—отозвался Лобановичъ въ величайшемъ смущеніи.

Изъ комнаты послышалось восклицаніе, потомъ смѣхъ, а черезъ мгновеніе дѣвушка уже пожимала его руку.

— Мама спать легла... Пойдемте лучше гулять, — предло-

жила она, и черезъ минуту они отправились въ садикъ, находившійся позади дома.

— Ну, гдѣ вы пропадали?— съ оживленнымъ лицомъ проговорила дѣвушка.

— Да здѣсь же болтался! Только совѣстно было показаться вамъ...— грустно сказалъ Лобановичъ.

— Чего совѣстно? Что васъ опять спустили-то? Но, вѣдь, это обыкновенное дѣло!... Впрочемъ, я рада, что вы, наконецъ, стали стыдиться бродяжной жизни... Такой большой человекъ, а ведетъ себя какъ мальчишка...

Говоря это, дѣвушка смѣялась. Но вдругъ она пристально взглянула въ лицо Лобановича и оборвала свои шутки на полусловѣ. Его лицо было грустное и, въ то же время, на немъ вырѣзалась какая-то рѣзкая черта не то отчаянія, не то озлобленія. Этого никогда не было. Раньше надъ каждою своею неудачей онъ самъ первый смѣялся и острлялъ, и смѣхъ тотъ былъ беззаботный, а шутки юношескія. Но теперь что-то и тяжелое легло на его лицо.

— Ну, да... Я знаю, я для вамъ смѣшонъ!— сказалъ вдругъ Лобановичъ рѣзко.

— Вы, кажется, разучились понимать шутки? — поспѣшно возразила Катя.

— Да нѣтъ же, вовсе не шутки это! Я дѣйствительно смѣшонъ и глупъ...

— Я пошутила, Вася!... Но зачѣмъ вы такой злой?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Шутка эта была прямо въ голову! Вѣрно: такой большой человекъ, а жизнь мальчишки!

Лобановичъ, говоря это, всталъ со скамейки, быстро прошелся по дорожкѣ, но сейчасъ же воротился назадъ и порывисто сѣлъ на старое мѣсто. Дѣвушка не знала, что и подумать о состояніи своего товарища.

— Я, наконецъ, ничего не понимаю!— воскликнула она испуганно.

— Объясню сейчасъ все.— Лобановичъ сдѣлался угрюмымъ и сильно волновался. Сбросивъ съ головы шляпу на лавку, онъ устремилъ взбудораженный взглядъ на дѣвушку и принялся рассказывать, но такимъ мучительнымъ тономъ, что слушательница его болязненно недоумѣвала.

— Человекъ, дожившій до моихъ лѣтъ и не добившійся опредѣленнаго положенія въ жизни, волей-неволей во всѣхъ вызываетъ подозрѣніе. Василій Лобановичъ... Что онъ дѣлаетъ? Какъ онъ живетъ? Почему безпутно шляется въ пустомъ пространствѣ? За что

отовсюду его гонять, какъ уличную собаку? Это все вопросы, которые какъ разъ пристали ко мнѣ. У меня нѣтъ ни угла, ни пристанища, ни почвы подъ ногами, ни опредѣленнаго положенія среди людей. И вы всѣ правы, когда называете меня шатающимся интеллигентомъ, интеллигентнымъ бродягой, или тамъ еще... тысячу разъ правы! Но вотъ вы гдѣ неправы. Вы думаете, что бродяга я по своей волѣ, ради забавы, и потому еще, что я не умѣю распорядиться собою... Это неправда! Я много раздумывалъ о себѣ, желаю распорядиться собою какъ можно лучше, но не моя вина, если изъ этого выходитъ чортъ знаетъ что! Дѣло вотъ въ чемъ. Наше поколѣнiе, въ томъ числѣ и я, имѣетъ за душою кое-какія мыслишки, назовите ихъ идеалами, если вамъ нравятся громкія слова, и вотъ въ этихъ-то мыслишкахъ и заключается вся бѣда. Это не то что какъ прежде. Бывало, человѣкъ набьетъ себѣ голову, какъ чемоданъ, книгами и гуляетъ въ такомъ забавномъ видѣ; а когда ему нужно было отправиться въ жизненное путешествіе, онъ опрастывалъ чемоданъ отъ бесполезной тяжести, набивалъ его тѣмъ, что требовалось для дороги, и больше ничего! Операція эта—выбрасываніе идеаловъ изъ чемодана—тогда совершалась легко. Но намъ-то это уже невозможно. Наши мыслишки обратились у насъ въ совѣсть, то-есть мы ихъ не можемъ ни выбросить, ни забыть, а должны всюду таскать за собою. Вотъ въ чемъ дѣло, а вовсе не въ бродяжествѣ!... Но позвольте теперь дальше рассказать... Мыслишки, идеалы, обратившіеся въ совѣсть, надо же куда-нибудь помѣстить. Куда же, спрашивается? Этотъ вопросъ разно рѣшался и рѣшается. Одни помѣщали свою совѣсть въ разныя отчаянныя предпріятія. Но имъ удалось только, какъ вонъ выражается Червинскій, разработать теорію смерти. Они научились и научили, какъ надо умирать. Ясно, что это не рѣшеніе... Другіе совѣзмъ нигуда не помѣстили совѣсть и были замучены ею; такіе именно и представляютъ образцы того изстрадавшагося интеллигента, котораго теперь на всѣхъ перекресткахъ выставляютъ на позорище. Третьи,—и я къ нимъ принадлежу отчасти,—думали какъ-нибудь помирить свои мыслишки съ положеніемъ. Они вѣрили,—и я въ этомъ также убѣжденъ,—что въ каждое мѣсто, самое загаженное, но дающее кусокъ, можно внести порядочность, чистоту, воздухъ и свѣтъ. Здѣсь было много преувеличеній и еще больше неразумія. Нельзя въ самомъ дѣлѣ окончательно помирить мыслишки съ кускомъ, душою и брюхо, идеалы и поганья дѣла... въ большинствѣ случаевъ, немислимо. Но я вѣрю, есть мѣста, гдѣ можно дѣлать многое. Но здѣсь вотъ вы опять правы. Есть такія мѣста, но я-то не могу съ

для такого дѣла. Вѣроятно, есть же какой-нибудь органической пороки у меня! Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ не гожусь, какъ увѣряетъ Иванъ Ивановичъ, для такого сложнаго, запутаннаго, но великаго дѣла!... Но хоть вы-то не бейте меня...

Любановичъ всталъ съ мѣста, прошелся по дорожкѣ, воротился назадъ и порывисто нахлобучилъ шляпу на глаза. По всѣмъ видимостямъ, это означало, что говорить онъ не имѣетъ больше ни малѣйшаго желанія. Дѣйствительно, онъ опустилъ голову на руки и замолчалъ.

Катя не знала, что ему сказать. Его подавленный видъ отбивалъ у ней всякую охоту говорить плоскія утѣшенія. Но какъ ей хотѣлось сказать ему, что она и не думаетъ издѣваться надъ его неудачами!

Ей теперь до боли было стыдно за то, что она въ самомъ дѣлѣ объяснида его бродяжество безпечностью, легкомысліемъ. Сама она принадлежала къ необезпеченнымъ людямъ, но она не въ состояніи была представить, какъ это такъ можно безалаберно жить, какъ живетъ Лобановичъ. Она сама перебивалась уроками, находила и другія работы и жила не дурно, содержала, въ то же время, мать-старушку и брата-гимназиста. Лобановичъ же всегда казался ей взбалмошнымъ, хотя все, что онъ творилъ, ей нравилось. И вотъ теперь ей вдругъ стало больно оттого, что она такъ думала.

Лобановичъ, между тѣмъ, продолжалъ молча сидѣть. Повидимому, онъ ждалъ, что она, какъ бывало прежде, скажетъ ему что-нибудь ободряющее, посмѣется надъ нимъ съ любовью товарища и проводить веселымъ смѣхомъ домой. Но словъ сейчасъ у ней не находилось.

Тогда онъ всталъ порывисто съ мѣста и заторопился.

Они вмѣстѣ вышли къ калиткѣ сада.

Быль уже поздній часъ ночи. Улицы опустѣли.

Переступивъ порогъ калитки, Лобановичъ еще разъ протянулъ руку на прощанье. Катя взяла ее и удержала; потомъ тихо потянула ее къ себѣ. Одно мгновеніе онъ ничего не понималъ, но вдругъ лицо его вспыхнуло и онъ бросился обнимать дѣвушку.

Когда черезъ нѣкоторое время онъ возвращался домой, ему казалось, что отъ избытка силъ онъ сойдетъ съ ума. Голова его горѣла и тысячи мыслей тѣснились въ ней непрерывнымъ потокомъ.

Но одна мысль скоро выдѣлилась изъ всѣхъ, разогнала всѣ остальные и встала передъ его воспламененнымъ сознаниемъ какъ огромная тѣнь. «Надо добиться успѣха, потому что только успѣхъ даетъ силы», — думалъ онъ, взволнованный. Его любятъ — и онъ дол-

женъ помнить объ этомъ. Личное счастье — центръ, изъ котораго ведутъ дороги въ разныя стороны, и если человѣкъ не попалъ на этотъ центръ, онъ обреченъ всю жизнь блуждать по невѣдомымъ путямъ... Успѣхъ, успѣхъ!...

— Прежде всего, личный успѣхъ, а все остальное потомъ! — громко сказалъ онъ, и камни пустынной улицы повторили его голосъ въ ночной тишинѣ.

Что-то страстное и, въ то же время, хищное овладѣло его существомъ. Онъ чувствовалъ, какъ откуда-то изъ глубины поднимается въ немъ безконечно-огромная энергія, хищная энергія бороться за себя, за свое существованіе, за любовь, за свою свободу.

V.

— Мѣсто тебѣ нашлось! — проговорилъ Иванъ Ивановичъ съ просонья, едва продравъ глаза и думая такимъ образомъ разбудить Лобановича.

Къ его удивленію, послѣдній былъ уже одѣтъ и приводилъ въ порядокъ свою комнату, чего никогда не бывало.

— Вотъ это отлично! А я, было, ужъ самъ хотѣлъ пуститься на поиски во всѣ концы. Отлично! Теперь, значить, не надо. Спасибо, Ваня! Ну, рассказывай, какое мѣсто.

Лобановичъ все это говорилъ радостно и твердо, какъ будто для него самое обыкновенное дѣло — думать о мѣстахъ.

Иванъ Ивановичъ съ своей постели смотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Ты хотѣлъ отправиться на поиски? — спросилъ онъ недо-вѣрчиво.

— Разумѣется. Что же тутъ необыкновеннаго? Надо же мнѣ когда-нибудь устроиться... И, притомъ, разъ навсегда. Надоѣла бродяжная жизнь! Надо кончить съ этимъ шатаньемъ въ проголодь...

— Да ты это не остришь? — спросилъ съ изумленіемъ Иванъ Ивановичъ, въ первый разъ выслушивая такія вещи отъ «взбалмошнаго Васьки».

Послѣдній пожалъ плечами въ знакъ пренебреженія.

— Мнѣ вовсе не до остротъ. Расскажи, какое мѣсто! — возразилъ онъ серьезно.

— погоди, умоюсь, — отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ, слѣзъ съ постели и принялся приводить себя въ порядокъ.

Онъ потянулся съ наслажденіемъ, одѣлся, умылся и задумчиво сталъ расчесывать себѣ бороду и волосы. Потомъ началъ чистить-

ся. Эти обязанности онъ исполнялъ методично и обдуманно и всегда молчалъ во время ихъ выполненія. Иначе нельзя. Если какой-нибудь человекъ вздумаетъ говорить во время умыванья или расчесыванья бороды, то и умнаго ничего не скажетъ, да и борода останется лохматой. Нельзя гоняться за двумя зайцами. Кто хочетъ обладать виѣшностью, тотъ долженъ посвящать заботамъ о ней извѣстное время.

Лобановичъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ слѣдилъ за всѣми движеніями товарища, но, наконецъ, не выдержалъ.

— Да кончишь ли ты когда-нибудь! Какое мѣсто? — вскричалъ онъ.

— Сейчасъ. За чаемъ я все тебѣ доложу по порядку, — отвѣчалъ Червинскій откуда-то изъ глубины сѣней, гдѣ въ эту минуту чистилъ сюртугъ, причемъ тамъ слышалось мѣрное шарканье щетки и энергичные плевки.

Наконецъ, за чаемъ онъ рассказалъ подробно о своихъ переговорахъ съ однимъ инженеромъ.

Работа на вновь строящейся желѣзной дорогѣ. Одному подрядчику нуженъ толковый распорядитель работъ. Обязанности заключаются въ слѣдующемъ: вычислять количество произведенныхъ работъ, слѣдить, въ то же время, за ихъ качествомъ; вычислять заработную плату, наблюдать за рабочими. Непосредственное начальство — хозяинъ подрядчикъ. Подчиненные — нѣсколько артелей рабочихъ. Цѣлый день на воздухѣ, въ ходьбѣ и въ ѣздѣ. Жалованье сообразно съ тѣмъ, какая часть линіи и сколько артелей будетъ находиться въ распоряженіи.

— Какъ видишь, мѣсто не важное. Вдобавокъ, придется отчасти быть палкой по отношенію къ рабочимъ... Это ты имѣй въ виду, — добавилъ Иванъ Ивановичъ, окончивъ свое описаніе мѣста.

Лобановичъ внимательно выслушалъ всѣ условія, и когда Иванъ Ивановичъ кончилъ, задалъ нѣсколько вопросовъ, удивившихъ Ивана Ивановича ихъ практичностью и здравымъ смысломъ. Потомъ рѣшительно сказалъ:

— Я ѣду.

— Не брезгуешь? Помни, ты отчасти будешь палкой въ рукахъ подрядчика, — еще разъ повторилъ Червинскій, удивляясь быстрой рѣшимости занять такое мѣсто.

— Палка о двухъ концахъ, Ваня. Фактически ею всегда пользуется не тотъ, кто первый ее взялъ, а тотъ, кто умѣетъ вырвать ее... Но это въ сторону. Еще одинъ вопросъ: кто будетъ инженеромъ на моей дистанціи? — спросилъ Лобановичъ

— Фамилии не помню. Но мой знакомый говорить про него, что человек порядочный.

— Отлично. Я съ нимъ сойдуся. А черезъ него постараюсь занять дѣйствительно прочное мѣсто, когда дорога будетъ кончена. Такимъ образомъ, роль палки лишь временная непріятность, и ты не безпокойся, я съумѣю избѣжать двусмысленныхъ положеній. Надо, наконецъ, прочно встать на ноги. Когда ѣхать?

Слушая все это, Иванъ Ивановичъ не могъ скрыть своего изумленія. Лобановичъ имѣлъ твердый, рѣшительный и какой-то благо-разумный видъ. Раньше онъ то и дѣло поражалъ Ивана Ивановича, развертывая все новыя стороны своей натуры, но *этого* и подозрѣвать нельзя за нимъ. Еще твердостью онъ обладалъ, въ особенности когда дѣло шло о какомъ-нибудь нелѣпомъ предпріятіи, но благоразумія — никогда!

— Ѣхать-то когда, говоришь?—разсѣянно переспросилъ Иванъ Ивановичъ, ломая голову надъ радикальною перемѣной въ товарищѣ.—Да хоть завтра!

— Завтра мнѣ не удастся... надо кое-что сдѣлать. Но послѣ-завтра я готовъ,—отвѣтилъ Лобановичъ.

— Это окончательное рѣшеніе?

— Окончательное.

— Такъ и передамъ.

И Червинскій сдѣлалъ молчаливый жестъ, въ которомъ выражалось одобреніе. «Должно быть, Васька-то мой точно образумился... Видно, надоѣло шляться... Но что бы это значило? Откуда?»

Думая такимъ образомъ, Иванъ Ивановичъ методично прихлебывалъ изъ стакана чай, методично закусывалъ булкой и сметалъ въ одну кучку всѣ крошки. А, въ то же время, развязалъ свой языкъ. Онъ принялся развивать обычныя свои мысли о «кускѣ хлѣба», о «мѣстахъ», но на этотъ разъ подновленная экстраординарнымъ случаемъ. Мысли эти были сорныя, но онѣ всегда имѣли одно достоинство: вѣрное опредѣленіе людей и положеній.

— Я очень радъ, что ты, наконецъ, пришелъ къ моимъ выводамъ. Мы не можемъ быть очень разборчивыми въ мѣстахъ, а должны брать то, что попадается. Выборъ у насъ самый ограниченный. Я раздѣляю мѣста такимъ образомъ. Есть мѣста, которыхъ мы *не можемъ* занять, есть другія, которыя мы *не хотимъ*, и есть третья, которыя мы можемъ и хотимъ, но на которыя

охоталъ; но, впрочемъ, на этотъ разъ Червинскаго, ничего не возражая. А когда

Когда пароходъ отчалилъ, зашумѣлъ колесами и быстро сталъ удаляться, Иванъ Ивановичъ замахалъ шляпой, а на его добродушныхъ глазахъ навернулись слезы и вдругъ страшное чувство одиночества сжало его сердце, потому что уходявшій пароходъ увозилъ не только того, къ кому онъ былъ привязанъ, но и ту, кого онъ любилъ.

Но въ его честномъ сердцѣ не было мѣста ревности; провожая домой дѣвушку послѣ того, какъ пароходъ ушелъ, онъ только чувствовалъ свое одиночество, скуку, безцѣльность своего существованія.

VI.

Недавно еще эта мѣстность представляла дикую глушь, гдѣ рѣдко раздавался человѣческій голосъ. Въ темныхъ лѣсахъ здѣсь не слышно было скрипа телѣги, стука топора, рева домашнихъ животныхъ. Подъ зеленымъ шатромъ сосенъ и березъ стучалъ только дятель, да куковала кукушка, да глухой хохотъ филина разносился по ночамъ.

Всю страну вдоль и поперекъ избороздили горные отроги. Это придавало всей мѣстности видъ еще болѣе дикой, недоступной красоты. По горамъ нигдѣ не пролегали дороги; покрытыя до верхнихъ гребней непроходимымъ лѣсомъ, горы были недоступны до сихъ поръ. А въ глубокихъ впадинахъ и долинахъ, гдѣ протекали рѣчки и стояли озера, не замѣтно было мостовъ. Все здѣсь заросло; журчанье ручьевъ, то тихое, то шумное, всякій могъ слышать, но ихъ самихъ не видно было, — они заросли травой и кустарникомъ такъ плотно, что вода, казалась, бѣжала гдѣ-то подъ землей.

Иногда стѣны кустовъ и лѣса раздвигались, рѣчка разливалась въ широкой естественный прудъ, но поверхность его также затянута была дикою, густою зеленью; вокругъ береговъ, далеко на середину выдвигались жирные камыши, а остальная часть воды заросла водяною лиліей и другими водорослями.

Это былъ самый дикій уголъ прекрасной Башкиріи. Хозяиномъ здѣсь считался башкиръ; но онъ былъ плохой хозяинъ и забросилъ этотъ уголъ. Только изрѣдка, когда онъ продирался сквозь чащу лѣса верхомъ на исхудаломъ конѣ, раздавалась здѣсь его пѣсня; онъ пѣлъ въ ней обо всемъ, что попадалось ему на глаза, — пѣлъ о сучкѣ дерева, который хлестнулъ его по башкѣ, о голомъ черепѣ павшей лошади, мимо котораго ступалъ его конь, о муравьиной кучѣ, о сгнившемъ пнѣ, о поваленномъ бурей деревѣ... Но это была не пѣсня, а вой волга.

Но вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, здѣсь все измѣнилось. Появились отряды рабочихъ съ лопатами, ломами и пилами; въ спокойномъ дотолѣ воздухъ раздался стукъ топора, визгъ пилы, громъ динамитныхъ взрывовъ. И всюду, гдѣ проходили отряды, за ними оставался страшный слѣдъ разрытой земли, потоптанныхъ и выжженныхъ кустарниковъ, поваленныхъ деревьевъ, пробитыхъ холмовъ. А вслѣдъ за отрядами рабочихъ появился темный, закопченный, пылающій жаромъ паровозъ и огласилъ воздухъ торжествующимъ свистомъ, который заставилъ умолкнуть старыхъ обитателей мрачнаго угла. Пересталъ глухо хохотать филинъ, кукушка куковала гдѣ-то вдали, стука дятла не слышно стало и не пѣлъ свою безконечную пѣсню башкирь; его наняли копать глину, дали ему въ руки лопату, и онъ замолчалъ.

Но если бы кому вздумалось посмотрѣть этотъ уголокъ во всей его мрачной красотѣ, тому стоило только отойти отъ полотна дороги на небольшое разстояніе. Тогда роли мѣнялись. Страна тогда являлась во всей своей торжествующей дикости, а новые пришельцы, напротивъ, казались погребенными подъ темнымъ лѣсомъ, посреди этихъ дикихъ овраговъ и глухихъ болотъ; стукъ топоровъ и ломовъ слышался здѣсь какъ стукъ дятла въ древесную кору, а свистъ паровоза напоминалъ жалобный пискъ мыши. А голосовъ людей совсѣмъ не было слышно и, вмѣсто нихъ, опять раздавался плачь пиголицы, уханье болотной выпи, да крикъ копчика, какъ будто здѣсь ничего не случилось.

Такое впечатлѣніе произвело дикое мѣсто на Лобановича, когда онъ въ свободные воскресные дни покидалъ свой баракъ и углублялся подъ темные своды окрестныхъ лѣсовъ; стоило ему отойти полверсты въ сторону, какъ шумная жизнь строящейся дороги совершенно умолкала, поглощаемая глухою молчаливостью природы.

Онъ бродилъ по этимъ лѣсамъ, переходилъ въ бродъ рѣчки и болота, взбирался на горы и чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ никогда. О своей новой жизни онъ писалъ восторженные письма Батѣ и Червинскому.

Служба его также шла недурно. Подрядчикъ изъ экономіи держалъ только одного распорядителя, которымъ и былъ Лобановичъ; это вдвое увеличивало трудъ послѣдняго. Подъ его наблюденіемъ было нѣсколько партій рабочихъ, растянутыхъ на десять верстъ по линіи. Ему приходилось съ утра до ночи ѣздить верхомъ или на телѣгѣ, а то и просто ходить пѣшкомъ; къ ночи отъ такого движенія онъ уставалъ въ москѣ. Но это его не раздражало; для него ни-

какая каторжная работа не могла показаться слишком тяжелою, разъ онъ считалъ ее необходимою. Въ настоящемъ же случаѣ эту службу онъ считалъ необходимою...

Послѣ отъѣзда изъ К его рѣшимость побороться за свою личную судьбу только выросла. Поставивъ себѣ впереди одну только эту цѣль — завоевать прочное положеніе, онъ вдругъ почувствовалъ приливъ необыкновенной силы въ себѣ. Раньше всѣ эти силы, не направляемыя къ одному фокусу, безслѣдно пропадали, что дѣлало его въ глазахъ всѣхъ вѣтреннымъ и въ своихъ глазахъ — слабымъ; теперь, когда вся его энергія направилась къ одной точкѣ, онъ заранѣе чувствовалъ побѣду.

Цѣль его, дѣйствительно, быстро приближалась.

Со всѣми у него установились опредѣленные отношенія, — съ подрядчикомъ, съ инженеромъ, съ рабочими.

Подрядчикъ не могъ нахвалиться имъ. Притомъ, съ первыхъ же дней онъ почувствовалъ какую-то робость къ нему, какъ къ человѣку, который все понимаетъ. Это было инстинктивное чувство уваженія къ чему-то высшему.

Онъ его называлъ «господинъ Лобановичъ», относился къ нему съ предупредительною вѣжливостью. Онъ не только не третировалъ его какъ подчиненнаго, но, напротивъ, постоянно считалъ нужнымъ въ чемъ-то оправдываться.

Неоднократно жалуясь на свою горькую судьбу, онъ горячо оправдывался противъ смутныхъ обвиненій невѣдомыхъ обвинителей. Это происходило ночью, когда они заходили въ баракъ спать.

— Вотъ въ газетахъ, господинъ Лобановичъ, нашего брата по головѣ бьютъ... Вонъ въ «листікѣ» какъ меня обчистили!... Подрядчикъ, молъ, кровопійца! Эхсп... ну, тамъ какъ нишуть... однимъ словомъ, разбойникъ! Какъ вы полагаете, справедливо это?

— А мнѣ какое дѣло?—возражалъ Лобановичъ уклончиво.

— Нѣтъ, вы позвольте! Вы человѣкъ ученый... Разсудите, какая тутъ справедливость? У меня одинъ сынъ въ студентахъ учится, другой въ гимназіи, а дома еще восемь душъ малъ-мала меньше! Извольте прокормить такую прорву! Да я, да жена, да расходы разные!... Какъ вы разчитываете, мало мнѣ нужно страдать?... Я, вѣдь, и выбиваюсь изъ силъ!... Одинъ сынъ въ студентахъ, другой въ гимназіи,—стало быть, я хочу дать имъ образованіе! Какое же право имѣетъ газета, то-есть, печатать, что я эхсп... однимъ словомъ, разбойникъ?

Лобановичъ уклонялся подъ разными предлогами отъ отвѣта. Подрядчикъ для него былъ новинкой; въ немъ онъ видѣлъ стран-

наго субъекта, въ одно и то же время, жалкаго и забавнаго. До сихъ поръ съ именемъ «подрядчикъ» у него связывалось страшное понятіе о чемъ-то живорѣзномъ, безсовѣстномъ и алчномъ, но его подрядчикъ не имѣлъ ни одной, кажется, черты такого опредѣленнаго эксплуататора.

Ходилъ онъ въ шляпѣ, сюртукѣ и «при дѣпочкѣ». Неизвѣстнаго происхожденія. Грамотный. По ночамъ, воткнувъ на гвоздь салынный огарокъ, читалъ какой-то романъ (онъ произносилъ «романъ») *Бровазый слѣдъ*. Свободныхъ капиталовъ онъ не имѣлъ; по крайней мѣрѣ, когда по субботамъ ему приходилось разсчитываться съ рабочими, то весь онъ былъ мокрый отъ пота и волненія. На линіи онъ рѣдко бывалъ, все время шмыгалъ въ городъ, гдѣ заключалъ какія-то денежные сдѣлки. Вообще это былъ субъектъ, болтавшійся между небомъ и землей.

— Вотъ еще какіе бываютъ!—съ удивленіемъ думалъ Лобановичъ, наблюдая странную разновидность людей, живущихъ такимъ нелегкимъ трудомъ.

Иногда, послѣ его длинныхъ жалобъ на трудность добыть двѣнадцать кусковъ, Лобановичъ выражалъ ему даже сочувствіе. Но въ общемъ онъ старался совсѣмъ не думать о немъ,—не его дѣло.

Съ инженерами отношенія установились еще лучше. Съ однимъ изъ нихъ Лобановичъ совсѣмъ подружился.

Чистенькій, нѣжный, съ изящными ручками, всегда одѣтый, даже здѣсь, въ лѣсу, съ иголки, —это былъ самый хорошенькій инженеръ во всемъ свѣтѣ. Лобановичъ, съ своею рослою фигурой, съ своими размашистыми, неаккуратными манерами, передъ нимъ казался лѣснымъ чудовищемъ. И, все-таки, между ними установились дружескія отношенія и нашлось кое-что общее.

Встрѣчаясь то и дѣло на линіи, они подолгу болтали обо всемъ на свѣтѣ. Помимо нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ, они оба, къ обоюдному удовольствію, оказались страстными любителями музыки и часто до глубокой ночи, сидя гдѣ-нибудь на краю оврага, вспоминали чудесные отрывки оперъ, сонатъ, симфоній. Разумѣется, только вспоминали, потому что въ глухомъ лѣсу, за тысячу верстъ отъ всякой музыки, трудно ее исполнить. Они могли бы еще напѣвать, но и это было затруднительно; Лобановичъ обладалъ чудовищнымъ голосомъ, въ которомъ несчастнымъ образомъ соединились ревъ осла и хрюканье (въ нижнемъ регистрѣ) свиньи; что касается инженера, то онъ имѣлъ маленькій, нѣжный баритонъ, но звукъ его терялся въ лѣсной чащѣ. Однимъ словомъ, имъ при-

ходилось наслаждаться музыкой, разговаривая о ней, но и эти разговоры приводили их въ восторженное настроеніе.

Нерѣдко они болтали о другихъ вещахъ. Разъ инженеръ, удивленный необычными знаніями своего собесѣдника, спросилъ его:

— Что это вамъ пришла охота взять такую скверную, грязную работу?

Лобановичъ передъ этимъ наивнымъ вопросомъ смутился.

— Пройти всю желѣзно-дорожную школу, — совралъ онъ сначала.

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ рѣшился воспользоваться подходящею минутой и высказалъ желаніе занять мѣсто на дорогѣ. Инженеръ отнесся крайне сочувственно къ такому желанію, навелъ разные справки и черезъ нѣсколько дней высказалъ положительную и значительную увѣренность, что дорога не отпуститъ такого полезнаго служащаго. А еще черезъ нѣсколько дней онъ уже съ радостью общилъ, что мѣсто ему обезпечено. Дѣло шло о выдающемся постѣ на линіи.

Послѣ этого случая дружба между ними еще болѣе укрѣпилась. Нѣжный, хорошенькій инженеръ питалъ величайшее уваженіе къ Лобановичу и проводилъ въ его обществѣ большую часть тоскливыхъ и мрачныхъ ночей. Лобановичъ въ свою очередь платилъ своему случайному пріятелю искренностью и откровенностью.

О своей службѣ, объ удачахъ и надеждахъ своихъ Лобановичъ сообщилъ Катѣ, которая въ отвѣтъ своему выражала неподдѣльную радость и общалась скоро пріѣхать къ нему. Въ другомъ письмѣ, къ Ивану Ивановичу, Лобановичъ подробно объяснялъ свое теперешнее настроеніе:

«Я понялъ одну истину: не увлекаться чужими интересами, пока не исполнилъ своихъ. Здѣсь нерѣдко у насъ происходитъ возмутительныя вещи, но я научился смотрѣть на нихъ хладнокровно. Я даже самъ удивляюсь, какой неистощимый запасъ равнодушія я открылъ въ себѣ; на все, что тутъ творится вокругъ меня, я плевать хочу, пока не добьюсь поставленной цѣли».

Червинскій, зная отлично Лобановича, предостерегалъ его отъ крайняго увлеченія этимъ настроеніемъ:

«Нужно, необходимо быть равнодушнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ, но знай мѣру всему. Равнодушіе къ тому, что дѣлается вокругъ, сейчасъ для тебя полезно, но и здѣсь не увлекайся, не пересаливай, иначе въ тебѣ наступитъ реакція, и ты надѣлаешь цѣлую кучу сумасшедшихъ дѣлъ», — писалъ всегда благоразумный Иванъ Ивановичъ.

Дѣло шло въ этихъ письмахъ, главнымъ образомъ, объ отноше-
ніяхъ къ рабочимъ, — Лобановичу они достались всего труднѣе.

Въ его вѣдѣніи находилось нѣсколько партій; тутъ были артели
самарцевъ, пензенцевъ, вятчанъ («вячкихъ»), какъ они себя на-
зывали), наконецъ, куча башкиръ. Со всѣми надо было уметь го-
ворить, разбирать всѣ претензіи. Интересы подрядчика, конечно,
требовали, чтобы значилось побольше прогульныхъ дней, поменьше
сдѣланныхъ работъ; напротивъ, въ интересахъ рабочихъ было
естественно желать, чтобы вовсе не было прогульныхъ дней и
чтобы кубы вырытой земли и камней были неполные.

Лобановичъ благоразумно избѣгъ того и другаго. Подрядчику
онъ далъ ясно понять, что ошибокъ въ счетахъ онъ не намѣренъ
допускать, да подрядчику и некогда было слѣдить за такою бумаж-
ною справедливостью, — онъ то и дѣло пропадалъ по недѣлямъ, оты-
скивая кредитовъ для срочныхъ уплатъ. Въ свою очередь рабочіе
убѣдились, что записи ихъ работъ и заработковъ ведутся точно,
хотя всѣ рабочіе относились съ нѣкотораго времени по всякимъ
записямъ съ крайнимъ равнодушіемъ.

Это нѣсколько удивляло Лобановича, но онъ не искалъ причи-
ны. Отъ внутренней жизни дороги онъ старался стоять въ сторонѣ,
слѣпой и глухой къ тому, что такъ недавно еще интересовало его.

Въ его мысляхъ образовался и крѣпко засѣлъ вопросъ:

— А мнѣ какое дѣло?

VII.

Было раннее воскресное утро. Въ барагѣ стало сыро. Лобано-
вичъ наскоро одѣлся, положилъ въ сумку кусокъ булки и вышелъ
на свѣжій воздухъ.

Онъ могъ шляться по трощобамъ до трехъ часовъ, когда они
условились съ инженеромъ идти на охоту.

Перейдя узкое пространство дороги, заваленное бревнами, гру-
дами камней и земли, онъ сразу попалъ въ густую чащу первобыт-
наго лѣса. Подъ его сводомъ стояла тишина и царствовалъ полу-
мракъ; утреннее солнце не могло еще пробить густую листву, и
только рѣдкія брызги его лучей падали на влажную лѣсную траву.

Лобановичъ тихонько пробирался между стволами и прислуши-
вался къ таинственной жизни этого темнаго угла. Онъ его засталъ
врасплохъ, когда лѣсная жизнь только еще начала просыпаться. Въ
жертвой тишинѣ слышался каждый звукъ, слышно было, какъ по
листу ползеть гусеница, какъ упалъ листъ съ верхушки дерева,

какъ выпрямилась вдругъ вѣтка, погнутая чьєю-то рукой, какъ шелестять муравьи возлѣ своего поселенья. Крикъ копчика, внезапно раздавшійся по лѣсу какъ флейта, заставилъ вздрогнуть Лобановича, но черезъ минуту, когда голосъ маленькаго хищника смолкъ, лѣсъ снова замеръ въ таинственномъ молчаніи.

Подвигаясь впередъ между деревьями, Лобановичъ замѣтилъ недалеко просвѣтъ и направился къ нему. Оттуда слышалось какое-то бульканье воды, заинтересовавшее его праздное вниманіе. Онъ зналъ, что тамъ среди порослей кустарника находится рѣчущка, и захотѣлъ объяснить себѣ, что это за звуки раздаются оттуда?

Черезъ минуту дѣло объяснилось. На берегу рѣчущки, въ самомъ широкомъ ея мѣстѣ, сидѣлъ рыбакъ и удилъ рыбу. Посреди густой зелени камыша его сгорбленную фигуру трудно было примѣтить; пестрая рубашка его по цвѣту очень мало отличалась отъ сухой травы, а его приплюснутую бурюю шляпенку можно было принять за одинъ изъ лопуховъ, покрывавшихъ сплошною массою рѣчку. Всего его можно было еще принять за кочку, обросшую мхомъ и прикрытую сверху лопухомъ, если бы только не поминутное маханье палкой, которая ему служила удилицемъ.

Лобановичъ узналъ въ немъ пожилаго старика, артельного старосту «вячкихъ» мужиковъ. Онъ поздоровался съ нимъ, присѣлъ возлѣ и сталъ смотрѣть, какъ онъ удить. Но сейчасъ же ему стало ясно, что мужикъ въ первый разъ держитъ въ рукахъ удочку. Въ-сто удилица, старику служила толстая палка, почти возлѣ; лѣской ему послужила бичевка, которою легко можно было удержать лошадь, и врючокъ на такую лѣску былъ привязанъ огромный. Вся эта снасть рассчитана была такимъ образомъ, какъ будто старику предстояло вытянуть изъ-подъ лопуховъ бѣлугу. Между тѣмъ, въ рѣчкѣ водились только окуни и чебаки. Понятно, что поймать онъ ничего не могъ, — онъ то и дѣло махалъ коломъ, отъ его усердія стояли пузыри на водѣ, но изъ этого ничего не выходило.

— Плохо ловится? — спросилъ Лобановичъ шепотомъ, изъ боязни напугать рыбу.

— Ничего не могу пимать! — отвѣтилъ староста съ огорченіемъ и напряженно смотрѣлъ въ воду.

— Ты, кажется, впервые рыбачишь?

— То-то что не умѣю! А надо бы.

— Рыбы захотѣлось?

— Не мнѣ... Парень мой, Силашко-то, жалуется на животъ, — ему собственно!... Вчера уже и робить бросилъ.

— Захворалъ?

— Лежить. Ъды не беретъ, вчерась только говоритъ: «рыб-жи бы».

Лобановичу стало неприятно.

— Развѣ плохая у васъ пища?

— Одно горе!... Хлѣбъ еще можно сообразить, а на счетъ горячаго, напимѣрь, болтушка съ крупой—одно горе!

— У васъ, кажется, въ условіи, вѣдь, мясо выговорено?

— Какъ же, мясо иную пору кладется въ котель, да неспособно оно для живота-то! Больно духовитое.

Лобановичъ покраснѣлъ. Какая-то злоба мелькнула въ его глазахъ.

Они продолжали говорить шепотомъ.

— Много больныхъ у васъ?

— Много народу пало на животы. По нашей артели еще слава Богу! Богъ милуетъ, жалуются ребята, а перемогаются. А у самарскихъ вонъ страсть сколько мужиковъ увезли въ назареть.

— Неужели умираютъ?!

— У пензенскихъ семеро мужиковъ ужъ померши.

Старикъ говорилъ равнодушно, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, напряженно слѣдя за удочкой; все вниманіе его было сосредоточено на бичевѣ и поплавкѣ, которымъ служилъ толстый пучекъ прошлогодней вуги.

Но до сихъ поръ онъ еще ничего не поймалъ. Разъ на крючокъ ему попалась какая-то рыбешка, но отъ радости онъ такъ ее свистнулъ изъ воды, что она улетѣла въ кусты,—гдѣ же ее тамъ отыщешь? Въ другой разъ попался маленькій окунишка, но сорвался съ крючка, упалъ на берегъ и покатился къ водѣ. Старикъ обѣими руками бросился ловить его, судорожно шарилъ въ травѣ, болтыхался въ водѣ, готовый, повидимому, броситься въ рѣку; но гдѣ же его тамъ поймать?—не дуракъ же окунишка, чтобы дожидаться у берега. Затѣмъ рыба и совсѣмъ перестала попадаться. Старикъ напряженно всматривался въ глубь воды, то и дѣло моталъ коломъ и производилъ бичевой пузыри на поверхности, но только напрасно огорчался.

Лобановичъ смотрѣлъ-смотрѣлъ и, наконецъ, сказалъ съ нетерпѣніемъ:

— Ну, ты, братъ, такъ ничего не поймаешь. Дай-ка лучше мнѣ!

Въ дѣтствѣ онъ былъ страстнымъ охотникомъ удить и теперь же вытерпѣлъ. Онъ взялъ изъ рукъ старика нелѣпую снасть и торопливо принялся исправлять ее. Колъ онъ бросилъ, вырѣзавъ,

вмѣсто него, гибкое удилице, веревки развилъ на тонкія нитки и взялъ изъ нихъ одну; а вмѣсто огромнаго крючка, привязалъ другой, который, къ счастью, нашелся у старика.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже вытащилъ большаго окуня. Старикъ такъ былъ изумленъ его появленіемъ изъ воды, что схватилъ его обѣими руками и крѣпко держалъ, очевидно, плохо довѣряя честности окуня. Только когда ловкій рыбакъ сталъ поминутно вытаскивать изъ воды другихъ окуней и чебаковъ, старикъ нѣсколько успокоился и уже сталъ увѣренно складывать рыбу въ подолъ своей рубахи, въ то же время, съ дѣтскою радостью наблюдая за движеніями барина и каждый разъ, какъ послѣдній вытаскивалъ рыбу, совалъ ее со смѣхомъ въ подолъ, приговаривая:

— Какъ ловко ты его поддѣлъ!

Черезъ короткое время рыбы наловилось достаточно. Лобановичъ бросилъ удочку и поднялся съ мѣста. Старикъ также всталъ и заторопился.

— Ну, дай Богъ тебѣ здоровья! Теперь Силашка авось, Богъ дастъ, поправится! — сказалъ онъ на прощаньи. Этотъ Силантій былъ его единственный сынъ.

Курьезной показалась Лобановичу эта вѣра, что достаточно Силашкѣ покушать рыбы, чтобы оправиться отъ страшной болѣзни. Лобановичъ подозрѣвалъ, какого сорта эта болѣзнь, и на него пало страшное озлобленіе. Противъ кого и чего онъ сердился, — на это онъ едва ли могъ отвѣтить и самъ, но озлобленіе такъ неожиданно явилось къ нему, что онъ никакъ не могъ подавить его.

Когда послѣ обѣда онъ отправился съ инженеромъ на охоту, то долго не могъ придти въ себя, проникнуться прежнимъ благоразумнымъ настроеніемъ. Идя рядомъ съ инженеромъ, онъ злился на всѣхъ и на все. Его раздражало болото, по которому они шагали, кусты черемухи и боярышника, сѣвось которые имъ приходилось продираться, тяжелое ружье на плечѣ, хорошенькій инженеръ, дѣлавшій маленькіе шагки о-бокъ съ нимъ. Его раздражало воспоминаніе о старикѣ, который коломъ ловилъ рыбу, объ этихъ «вячвихъ», которые пали на животы, объ этихъ самарскихъ, которыхъ увозятъ въ «назаретъ», и онъ съ нескрываемою злостью отвѣчалъ на вопросы инженера.

— Что съ вами, милый другъ? — спросилъ инженеръ полу-озабоченно, полу-насмѣшливо.

— Да должно быть не выспался. Въ баракаѣ у насъ нынче страшная сырость... Вдобавокъ, подрядчикъ мой чуть не до утра

читалъ новый «романъ» *Призракъ безъ тѣла*... И чортъ его знаетъ, откуда онъ достаетъ такую чепуху!

Инженеръ захохоталъ.

— Да встати, — продолжалъ Лобановичъ, — знаете, мнѣ кажется, онъ прохвость?

— Очень возможно, — сказалъ равнодушно инженеръ.

— Мнѣ кажется, онъ, въ концѣ-концовъ, надуетъ рабочихъ. У него, повидимому, и денегъ-то нѣтъ для расплаты.

Лобановичъ при этомъ рассказалъ про дизентерію среди рабочихъ, про смерти, про «назареть», про все, что услышалъ отъ старика, и про все то, о чемъ самъ давно догадывался. О томъ же, что самъ болѣе мѣсяца не получаетъ жалованья, онъ постыдился упомянуть.

Инженеръ нахмурился, но нахмурился просто потому, что весь этотъ разговоръ былъ ему непріятенъ.

— Это въ порядкѣ вещей, — возразилъ онъ пренебрежительно.

— Дизентерія-то? — спросилъ Лобановичъ.

— Вообще все, что вы рассказали.

— И болтушка? И духовитая говядина? И хлѣбъ, который трудно сообразить? — перечислялъ со злостью Лобановичъ.

— Все. Какой вы наивный! Да такъ всѣ дороги строятся. Да и однѣ ли дороги? Культура нашего вѣка — это сплошная война! — проговорилъ наставительно инженеръ.

— Но, вѣдь, и на войнѣ обязательны извѣстныя приличія?

— Обязательны, но ихъ никто не держится, — некогда! Задача нашего вѣка создать машину, безконечную, всюду проникающую машину, которая бы наполнила грохотомъ всю землю. Человѣкъ забыть, о немъ некогда заботиться... Сейчасъ вотъ эта машина врѣзалась въ грудь дикой страны, на благо она врѣзалась или на зло — бесполезно рассуждать! Все равно, паровикъ врѣзался бы сюда и безъ нашего участія. Быть можетъ, онъ раздавитъ тысячи жизней, но сожалѣть объ этомъ бесполезно. Но тсс!... Встаньте здѣсь! Бейте въ правыхъ! — Скомандовалъ вдругъ инженеръ шепотомъ, показывая на группу чирковъ, плававшихъ возлѣ камышей на озерѣ, около котораго они незамѣтно очутились. Лобановичъ машинально, но съ величайшею торопливостью взвелъ курокъ и выстрѣлилъ. Это было сдѣлано имъ такъ мгновенно, что инженеръ не успѣлъ даже поднять ружья.

Конечно, промахъ. Инженеръ разсердился.

— Ну, вы съ вашею болтушкой всю охоту испортили! — ска-

залъ онъ съ кислою гримасой, слѣдя за полетомъ громадныхъ стаи разной дичи, поднятой глупымъ выстрѣломъ.

Лобановичъ сконфузился и принялъ угрюмый видъ.

Охота въ самомъ дѣлѣ не удалась сегодня. Они пробродили еще съ часъ по густымъ зарослямъ, вокругъ болотъ и бросили. Инженеръ предложилъ закусить; выбравъ красивое мѣсто подъ купой сосенъ, онъ усѣлся и разложилъ въ живописномъ беспорядкѣ разные гастрономическія вещи, находившіяся въ его сумгѣ, прибавилъ къ нимъ и бутылку хорошаго вина. Помимо этого, во все время закуски онъ угощалъ еще Лобановича пикантными анекдотами на тему, какъ строятся желѣзныя дороги. Слушая эту болтовню, а, быть можетъ, подъ вліяніемъ хорошаго вина и закуски, Лобановичъ мало-по-малу успокоивался. И въ его душѣ снова всталъ и заполонилъ всѣ его мысли благоразумный вопросъ:

— Да мнѣ какое дѣло?

VIII.

Въ тотъ день на мѣстѣ работъ не было никого изъ начальствующихихъ. Инженеръ и прочіе служащіе уѣхали еще наканунѣ на другую дистанцію, а подрядчикъ уже нѣсколько дней пропадалъ, рыская гдѣ-то въ поискахъ за кредитами. Лобановичъ явился на нѣкоторое время отвѣтственнымъ лицомъ въ работахъ и охранителемъ порядка.

Онъ поднялся рано и, по обыкновенію, хотѣлъ, по выходѣ изъ барака, немедленно отправиться въ дальній конецъ линіи. Но не успѣлъ онъ хорошенько оглядѣться послѣ сна, какъ былъ вызванъ на неожиданное объясненіе съ толпою рабочихъ, окружившихъ барака сплошною массой. Толпа, видимо, была возбуждена чѣмъ-то, потому что слышался крупный разговоръ, крѣпкія слова, брань по чьему-то адресу. Лобановичъ, очутившись посреди этого гама, со всѣхъ сторонъ сдавленный толпою, въ первыя минуты ничего не понималъ.

— Чего вамъ отъ меня надо?—нѣсколько разъ переспросилъ онъ сердито, толкаемый и оглушенный густою толпою.

— Гдѣ подрядчикъ?... Уплати намъ жалованье и отпускаяй!... Онъ вонъ удралъ въ городъ, а тутъ подыхай! Нечего, ребята, на него глядѣть—напирай, требуй!... Мы по закону, отдавай, что слѣдуетъ!... Не желаемъ больше!...

Эти безсвязные возгласы непрерывно раздавались со всѣхъ сторонъ.

— Да отъ меня-то чего вы требуете?— закричалъ, наконецъ, возбѣшенно Лобановичъ.

На этотъ вопросъ снова слышалась безсвязная рѣчь толпы, съ инкрустаціей изъ вѣркихъ словъ. Наконецъ, ближайшій крестьянинъ, перебивая всю толпу, принялся предлагать Лобановичу болѣе связные вопросы. Толпа на время затихла и сосредоточенно вслушивалась въ слѣдующій діалогъ:

— Ты позови намъ, Василій Михалычъ, подрядчика... самолично!— потребовалъ крестьянинъ.

— Да нѣтъ его здѣсь, — отвѣтилъ Лобановичъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— А я почему знаю?

— Ты долженъ знать! Ежели его нѣтъ— отвѣчай ты!

— Чего же мнѣ отвѣчать? Чего вы, черти, облѣпили меня?— разозлился Лобановичъ.

— Подавай намъ расчетъ— вотъ какой отвѣтъ!

— Да развѣ у меня деньги-то? Требуйте съ подрядчика.

— И потребуемъ! Будетъ насъ маханиной кормить! Окончательно не желаемъ больше!... Подавай суды!

— Кого?

— Подрядчика подавай!

— Да нѣтъ его здѣсь, а куда дѣлся— какое мнѣ дѣло? Онъ и мнѣ вонъ не платитъ. Я вотъ и самъ хочу уйти отсюда, — кричалъ Лобановичъ.

— Да тебѣ что! Ты задерешь хвостъ— только тебя и видѣли! А, вѣдь, у насъ контрактъ, паспортъ!... Когда же насъ рассчитаетъ?

— А я почему знаю?

Діалогъ этотъ въ томъ же родѣ продолжался долго. Наконецъ, толпа поняла всю бесплодность объясненія съ человѣкомъ, который ничего не знаетъ, для котораго все это дѣло чужое и отъ котораго ничего не дождешься. Эта мысль и была тотчасъ же къмъ-то выражена съ добродушнымъ пренебреженіемъ.

— Да чего, ребята, разговаривать съ стрыгулистомъ! Онъ, вишь, самъ животъ подвязалъ (Лобановичъ былъ подпоясанъ ремнемъ) съ голодухи-то! Слышь, и ему жалованья-то не платитъ... Намъ надо напирать на самого идола!

Черезъ минуту послѣ такого заключенія толпа перестала обращать вниманіе на Лобановича, и онъ выбрался изъ нея, ниѣмъ болѣе не останавливаемый.

Онъ отправился по линіи. Но на работахъ стояли только баш-

киры. Ихъ бритыя головы съ оттопыренными ушами мелькали на обычныхъ мѣстахъ по откосамъ и разрѣзамъ, гдѣ шли землекопныя работы. Когда онъ подъѣхалъ къ нимъ верхомъ и задалъ свой обычный вопросъ:

— Скоро кончите?

Они отвѣчали также обычнымъ отвѣтомъ:

— Скоро кончимъ, бачка! Совсѣмъ скоро кончимъ!

Но всѣ остальные рабочіе побросали линію и разбрелись. По дорогѣ всюду валялись лопаты, лопаты, тачки; кое-гдѣ видѣлись и сами рабочіе, то кучками, то въ одиночку, но никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на него, когда онъ проѣзжалъ мимо. Что-то затѣвалось. Обычный порядокъ исчезъ.

Лобановичъ поворотилъ лошадь и поѣхалъ назадъ. Онъ хотѣлъ презрительно, съ спокойнымъ равнодушіемъ сказать: «А мнѣ какое дѣло?»—но это ему не удалось. Онъ былъ страшно взволнованъ разнородными чувствами, борющимися въ немъ. Въ то время, какъ его лошадь, почувствовавъ опущенные поводья, плелась тихимъ шагомъ, въ его головѣ бурно кипѣли мысли. Что ему дѣлать? Если онъ махнетъ рукой и будетъ смотрѣть на этотъ наглый обманъ какъ посторонній зритель—хорошо ли это? Рабочіе возбуждены и, быть можетъ, вотъ въ эту минуту они уже въ дребезги разносятъ баракъ,—ихъ надо удержать. Быть можетъ, они уже стоворились бѣжать изъ этого проклятаго мѣста, гдѣ уже началась эпидемія, но ихъ переловить, привести, закабалить,—ихъ надо научить. Имъ надо помочь вообще, иначе окажешься истиннымъ «стрыку-листомъ».

Лобановичъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ, только ломалъ голову надъ вопросомъ, что лучше всего посоветовать? Онъ долго и мучительно недоумѣвалъ. Но вдругъ взгляды его сверкнулъ радостною рѣшимостью, онъ схватилъ поводья и поскакалъ къ бараку по рытвинамъ, черезъ кусты, между грудями бревенъ и камней.

По дорогѣ ему попалась телѣга съ больными, которыхъ увозили въ городъ; они производили впечатлѣніе раненыхъ, увозимыхъ съ поля битвы; изъ тряской телѣги раздавались стоны. Нѣсколько минутъ Лобановичъ ѣхалъ рядомъ съ телѣгой, спрашивая тѣхъ изъ лежащихъ, кто еще могъ отвѣчать. Потомъ, взволнованный, съ ненавистью во взглядѣ, онъ твердилъ про себя: «Какая наглость! Боже мой, какое наглое дѣло! И я присутствую при немъ!»

Когда онъ подъѣхалъ къ бараку, рабочіе уже не толпились больше сплошною массой возлѣ его дверей, а разбились на кучки. Идти на работу, конечно, не думали. Всѣ чего-то ждали. Настрое-

ніе толпы, какъ замѣтилъ Лобановичъ, измѣнилось къ худшему; лица у всѣхъ были озлобленныя и, въ то же время, легкомысленныя, почти хохочущія. Это было одно изъ тѣхъ настроеній, которыя разрѣшаются какимъ-нибудь бурнымъ разрушеніемъ, такъ какъ никто уже не способенъ на правильный порядокъ мысли и дѣйствія. И, въ то же время, всѣ рады, что кончилась ихъ обыденная, мучительная жизнь.

Съ обычною своею пылкостью Лобановичъ принялся за дѣло. Переходя отъ одной группы къ другой, онъ объяснялъ рабочимъ, какъ лучше поступить въ ихъ безвыходномъ положеніи. Сначала его слушали съ подозрительною недовѣрчивостью, но мало-по-малу поддались на его разумныя, горячо сказанныя слова. И черезъ короткое время онъ снова былъ окруженъ толпой, не на этотъ разъ не дикой, какъ два часа назадъ, а озабоченной, внимательно слушающей и разспрашивающей.

— Что же намъ дѣлать-то? Ежели убѣчь—пымають?—спрашивали одни.

— Безъ всякаго снисхожденія пымають!—подтверждали другіе.

— Пымають и опять посадятъ въ это же мѣсто!

— Если вы такъ, безо всего убѣжите, то, кромѣ вреда, ничего не будетъ вамъ,—горячо возразилъ Лобановичъ.

— То-то и оно-то! Ну, и оставаться тоже нельзя! Вѣдь, онъ насъ по міру пустить!

— Съ голоду онъ насъ тутъ изведеть!

— Онъ что, вѣдь, придумалъ-то для нашей пищи... вѣдь, онъ, разбойникъ, маханиной насъ кормить!—завричалъ кто-то, и эти слова снова подняли крики въ толпѣ, которая моментально опять приняла дикій, грозный видъ.

Тутъ только Лобановичъ узналъ, какой былъ поводъ всего этого переполоха. Сегодня утромъ кто-то изъ рабочихъ открылъ въ артельномъ котлѣ лошадиную ногу. Вѣсть отъ этой ногѣ быстро разнеслась по всей линіи, всѣхъ взбудоражила и воспламенила наивѣвшее недовольство. До сихъ поръ люди все переваривали: хлѣбъ съ глиной, протухлое мясо, горькую крупу, болѣзни, но лошадиную ногу никто не могъ переварить. Быть можетъ, она попала случайно, отъ башкирскаго провизіи, но рабочіе были увѣрены, что ихъ все время кормили лошадьми, и взбѣсались, оскорбленные въ своемъ религіозномъ отвращеніи.

Богда бѣшенная ругань, вызванная напоминаніемъ ноги, немного улеглась, нѣкоторые изъ присутствующихъ принялись шутить, открывъ во всемъ этомъ комическую сторону.

— Башкиру это ничего! Онъ поѣздитъ на конѣ и апосля съѣсть его! За мое почтеніе скушаетъ!

— Башкиры и у нашего подрядчика съ голоду не пропадутъ. Въ случаѣ недостатка, они сварятъ его лошадей.

— И жаркое сдѣлаютъ!

— И котлеты!

— А знаете, ребята, отъ которой лошади ногу-то въ котель положили?

— Отъ какой?

— Отъ того мерина, на коемъ намъ пищу изъ города возили? И, стало быть, братцы, пища намъ теперь не на комъ доставлять!

— Да для чего она намъ, пища-то? И мерина хватить... эвона на сколько!

Воспользовавшись этимъ шутивнымъ настроеніемъ, Лобановичъ разсказалъ, что всего лучше предпринять. Онъ посовѣтовалъ, прежде всего, послать депутацію къ главному инженеру съ жалобой, затѣмъ предложилъ, въ то же время, отъ лица всѣхъ артелей написать искъ въ судъ, съ просьбой объ уничтоженіи контрактовъ. Оба предложенія вызвали шумное одобреніе, — они не выходили изъ закона.

Мигомъ откуда-то появился столъ, бумага, чернила; мигомъ нѣсколько человѣкъ обломали вокругъ стола кусты, гдѣ происходило это совѣщаніе; кто-то принесъ для Лобановича обрубокъ дерева, вмѣсто стула, и началось составленіе прошеній. Толпа затихла, разговоры почти смолкли. Въ кустахъ слышно было пѣніе пташекъ; изъ сосѣдняго лѣса раздавалось нѣжное воркованье голубицы. Никто не хотѣлъ мѣшать Лобановичу.

Со стороны просителей сдѣлано было только нѣсколько предложеній, между прочимъ, и относительно лошадиной ноги.

— А объ ногу-то напиши все какъ слѣдуетъ, — замѣтилъ одинъ грамотный мужикъ изъ «вячкихъ», въ видѣ наставленія.

— Напишу.

— И приложи къ прошенію.

— Чего?

— Да ногу-то... При эфтомъ, молъ, прилагается лошадиная нога отъ стараго мерина... которая нога найдена, молъ, въ котлѣ!

— Это зачѣмъ же? — спросилъ Лобановичъ, не достаточно понимая.

— А мы ее подадимъ вмѣстѣ съ просьбой.

— Ногу-то?

— А то какъ же? Иначе, вѣдь, намъ, родной, не повѣрятъ. Она у насъ спрятана.

Лобановичу стоило большого труда отговорить отъ «приложенія».

Послѣ составленія просьбъ для всѣхъ артелей и подписи ихъ присутствующими, немедленно была послана депутація къ главному инженеру, который находился верстахъ въ двадцати, просьбы же взяли на храненіе артельные старосты.

Весь этотъ день прошелъ въ волненіи. Лобановичъ былъ страшно возбужденъ, какъ будто вся эта исторія была его собственнымъ кровнымъ дѣломъ, но онъ чувствовалъ себя весело, легко, какъ будто освободился отъ какой-то гнетущей тяжести. До поздней ночи онъ шатался по окрестнымъ трупобамъ и безъ умолку пѣлъ, и сильный, дикій голосъ его еще и въ полночь раздавался въ лѣсу, гармонируя съ дикостью окружающей природы.

На слѣдующій день онъ проснулся поздно и тотчасъ же отъ барачнаго сторожа узналъ о событіяхъ этой ночи. Депутація, посланная къ инженеру, еще не воротилась, а, быть можетъ, убѣгла съ дороги. Артель «вячкихъ» на разсвѣтѣ тайно скрылась неизвѣстно куда, захвативъ съ собою исковое прошеніе и лошадиную ногу.

Лобановичъ съ злостью выругался.

Но не успѣлъ онъ достаточно осердиться на глупость «вячкихъ», какъ пришелъ какой-то человѣкъ съ дальней части линіи и сообщилъ, что тамъ двѣ артели также бѣжали ночью. Бѣгство, очевидно, открылось по всей линіи.

Когда онъ отправился вдоль дороги по своему участку, онъ никого тамъ не нашелъ, только башкиры находились на своихъ мѣстахъ, да и они бросили работу и мирно спали на солнечномъ припекѣ. Онъ пошелъ назадъ, не зная, какъ убить время.

Что онъ будетъ дальше дѣлать — это смутно представлялось ему. Вчера ему некогда было заниматься вопросомъ, — онъ совершенно забылъ себя. Но сегодня другое дѣло. Сегодня ему надо было рѣшить, какъ быть. Однако, онъ не зналъ, какъ быть. Ясно было только одно: пребываніе его здѣсь кончено, мѣста у него больше нѣтъ и впредь не будетъ.

Впрочемъ, онъ дожидался разъясненій.

Бѣ вечеромъ пріѣхалъ подрядчикъ и, узнавъ обо всемъ, сначала сильно упалъ духомъ. Лобановичу онъ сказалъ какимъ-то жалкимъ голосомъ:

— Эхъ, господинъ Лобановичъ!

Лобановичъ даже по человѣчеству пожалѣлъ его.

— Разорился я теперь до смерти! — добавилъ жалко подрядчикъ.

Но немного спустя жалгія чувства въ немъ замѣнились необычайною злобой. Онъ вдругъ заметался, велѣлъ заложить лошадей, отдавалъ какія-то приказанія и что-то кричалъ. А при встрѣчѣ съ Лобановичемъ вдругъ обратился къ нему съ злобнымъ укоромъ:

— Стыдно вамъ, господинъ Лобановичъ!...

— Что стыдно?—спросилъ послѣдній угрюмо.

— Такъ, ничего! Только стыдно!... Какъ состояли вы у меня на службѣ, то и не должны были супротивъ меня бунтовать!...

Лобановичъ взбѣеился на эту глупость.

— Слишкомъ много чести для васъ, если противъ васъ бунтовать!—сказалъ онъ.

— Да, очень стыдно!... Даже совѣмъ не хорошо! — злобно кричалъ подрядчикъ, садясь въ телѣгу. — Но я покажу, какъ бѣжать отъ меня! Я ихъ всѣхъ переловлю! Я по закону! У меня контрактъ!... Я изъ земли вывожаю ихъ; они меня, подлецы, разорили!

Онъ долго еще кричалъ въ томъ же родѣ, пока телѣга не скрылась за кустами. «А, вѣдь, непременно поймають!»—подумалъ Лобановичъ, и у него сжалось сердце при мысли о тѣхъ, кого опять сюда притащатъ умирать.

Другое разъясненіе, какъ быть, явилось со стороны инженера-пріятеля. Онъ встрѣтилъ Лобановича, повидимому, съ прежнею симпатіей, но для послѣдняго стало замѣтно, что онъ ведетъ себя неискренно. Между ними ни слова не было сказано о событіяхъ дня; Лобановичъ ждалъ, когда первымъ заговоритъ инженеръ, но тотъ намѣренно уклонялся отъ разговоровъ. Только когда Лобановичъ угрюмо сталъ прощаться, инженеръ вдругъ смутился и съ его языка сорвалось нѣсколько искреннихъ словъ съ искреннимъ, крѣпкимъ пожатіемъ руки.

— Совѣтую вамъ, милый человекъ, немедленно уѣзжать отъ насъ, пока противъ васъ не начали дѣла! — сказалъ онъ съ волненіемъ.

— Какого дѣла? За что?—спросилъ Лобановичъ.

— Мы не любимъ, когда мѣшаются въ наши семейныя дѣла!

— Да что же мнѣ сдѣлають? И за что?

— Не спрашивайте, но ради Бога уѣзжайте!

Инженеръ при этихъ словахъ еще разъ потрясъ руку Лобановича.

Бъ вечеру послѣдній собрался. Лошади подрядчика всѣ были въ разгонѣ, да если бы и налицо онъ были, Лобановичъ отказался бы отъ нихъ. Недоплаченнаго жалованья онъ также не сталъ доби-

ваться. Взявъ чехолъ на плечи, онъ отправился пѣшкомъ до ближайшей деревни.

Дорогой онъ еще разъ мучительно переспросилъ себя, куда ему идти? Куда онъ теперь дѣнется? Иванъ Ивановичъ и всѣ друзья встрѣтятъ его вопросомъ: «Уже?!» А Батя съ недоумѣніемъ начнетъ его спрашивать, какъ все это случилось и что онъ намѣренъ предпринять.

При этомъ воспоминаніи вся кровь бросилась къ его лицу, и въ его сердцѣ закипѣлъ гнѣвъ и отчаяніе.

Онъ долженъ былъ отправиться на пристань, отъ которой завтра пароходъ отправлялся въ N, тотъ городъ, гдѣ жила дѣвушка и всѣ его друзья. Но когда онъ дошелъ до перекрестка, гдѣ дороги расходились, онъ съ гордымъ отчаяніемъ свернулъ на глухую лѣсную дорогу и только мысленно послалъ прощальный привѣтъ своей любви.

Прошло около двухъ лѣтъ. Батя давно вышла замужъ за Ивана Ивановича, и они безотлучно жили въ N. Иванъ Ивановичъ бросилъ бродяжную жизнь ради любимой женщины, не переходилъ больше съ мѣста на мѣсто, а прочно устроился. Они снимали маленькій домикъ, весь въ саду, съ венеціанскими окнами; по зимамъ онъ освѣщался солнцемъ, какъ клѣтка, а лѣтомъ въ немъ вѣяло прохладой; въ комнатахъ, убранныхъ съ безупречнымъ вкусомъ, пахло фіалками, резедой и гіацинтомъ. Это были любимые цвѣты Ивана Ивановича, и Батя наполняла ими всѣ комнаты, ставя букеты изъ нихъ и на столъ мужа. Ей было только жаль, что они такъ скоро отцвѣтаютъ.

Они жили дружно, работающею жизнью и безъ скуки. Иногда имъ вспоминался Лобановичъ, карточка котораго стояла на столѣ у Ивана Ивановича, но эти воспоминанія не разстраивали ихъ взаимной любви; напротивъ, послѣ всякаго такого воспоминанія Батя нѣжно цѣловала мужа, а этотъ послѣдній съ грустью жалѣлъ любимаго товарища.

О Лобановичѣ около года совсѣмъ не было слышно; онъ какъ будто въ воду канулъ. Потомъ стали по временамъ доходить слухи, но такіе неясные, какъ будто они доносились съ того свѣта, изъ другаго, невѣдомаго міра. Въ первое время Червинскій старался наводить справки о быломъ другѣ, но мало-по-малу пересталъ; жизнь дня такъ полно занимала его время, что некогда было интересоваться еще дѣлами, выходящими за предѣлы этой жизни.

Батя была счастлива. Только по временамъ, въ тихія сумерки, когда дневныя хлопоты прекращались, на глазахъ ея появлялись слезы и сердце сжимала какая-то безпредметная тоска о чемъ-то небываломъ, неиспытанномъ, о томъ, чего, быть можетъ, вовсе нѣтъ. Иногда въ глухія сумерки слезы ея переходили въ рыданіе, какъ-будто она хоронила кого-то. Но на слѣдующее утро она снова вставала веселою, бодрою и хлопотливою.

Каренинъ.

БОРИСЪ ЛЕНСКІЙ.

Романъ Осипа Шубина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

«Кто хочетъ знать, какъ велика сила очарованія, производимаго на людей музыкой, тотъ долженъ идти въ концертъ Бориса Ленскаго.

«Борисъ Ленскій!... Самое имя звучитъ чѣмъ-то легендарнымъ,—магическія чары окружаютъ этого человѣка и его скрипку. Для каждаго, кто хоть разъ побывалъ въ его концертѣ, въ страстномъ выраженіи на лицахъ женщинъ, внимающихъ ему, есть что-то, что въ воспоминаніи всегда сливается съ упоительными звуками его игры. Лучшія, благороднѣйшія женщины, слушая его волшебную скрипку, испытываютъ страстное упоеніе, заставляющее ихъ терять самообладаніе. Въ Россіи Бориса Ленскаго зовутъ бѣсовскимъ скрипачемъ и для объясненія дьявольскаго очарованія, производимаго его искусствомъ, тамъ рассказываютъ слѣдующую странную сказку.

«Лѣтъ около пятидесяти тому назадъ по бѣднѣйшему кварталу города Москвы пробирался грязный, некрасивый ребенокъ, который, чтобы заработать себѣ скудное пропитаніе, кое-какъ пиликалъ на скрипкѣ; иногда ему перепало нѣсколько копѣекъ, ласки же онъ никогда не видѣлъ ни одной. Этотъ ребенокъ былъ Борисъ Ленскій. Его сердце жаждало ласки. Тогда его встрѣтилъ дьяволъ и началъ соблазнять заманчивымъ искушеніемъ. Весь свѣтъ хотѣлъ онъ повергнуть къ его ногамъ, лишь бы мальчикъ за это отдалъ ему свою душу, но ребенокъ испугался и отвѣтилъ: «нѣтъ». Дьяволъ пошелъ своею дорогой, скрежеща зубами о томъ, что ему не удалось завладѣть человѣческою душой. Но вдругъ онъ обернулся

и крикнулъ мальчику: «Я ничего не требую отъ тебя, сохрани твою душу, но отъ меня ты долженъ принять одинъ даръ. Твое искусство будетъ полно очарованія, передъ которымъ никто не устоитъ». Мальчикъ удивился великодушію дьявола и принялъ подарокъ. Дьяволъ же злорадствовалъ, говоря, что если отъ него ускользнула одна душа, то въ его руки попадутъ десятки тысячъ другихъ душъ. Но скрипачъ скоро замѣтилъ, какое проклятіе выпало на его долю.

«Уничтожая все благородное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя отращеніе къ такой силѣ въ самомъ себѣ, онъ скитается по свѣту, нигдѣ не находя покоя и радости, безсильный противъ своего собственного демоническаго искусства—слѣпаго орудія въ рукахъ дьявола! И съ отчаяніемъ въ душѣ онъ жаждалъ найти созданіе, которое устояло бы передъ его дьявольскими чарами, и не находилъ.

«Такова русская сказка. Si non è vero, è ben trovato! Теперь Ленскій на службѣ у дьявола посѣдѣлъ и постарѣлъ. Его друзья со страхомъ замѣчаютъ все сильнѣе выступающіе слѣды физическаго упадка. Въ искусствѣ онъ стоитъ выше, чѣмъ когда-либо и отъ его скрипки несется дикая, торжествующая и полная отчаянія лебединая пѣсня».

Эту высокопарную статью читала декламаторскимъ тономъ старая дама, въ которой съ перваго взгляда можно было узнать англичанку и старую дѣву. На ней было надѣто коричневое шерстяное платье и маленькій бѣленькій чепчикъ на рыжемъ парикѣ; ея профиль носилъ слѣды увядшей красоты и вообще своею внѣшностью она напоминала рисунокъ перомъ Давида, изображающій Марію Антуанету на пути къ эшафоту. Она сидѣла у камина въ хорошенькомъ салонѣ, уставленномъ дорогими бездѣлушками.

Дѣло происходило въ Парижѣ. Газета, которой увлеклась старая англичанка, былъ номеръ *Фигаро*, а окна хорошенькаго салона выходили въ паркъ Монсо.

Другая, молодая дама, одѣтая для прогулки, въ той же комнатѣ наскоро и, повидимому, недовольно разбирала только что распакованный ящикъ книгъ. Немного обиженная тѣмъ, что ея чтеніе не вызвало никакого замѣчанія со стороны слушательницы, старая англичанка воскликнула:

— Ну, что скажете вы объ этой легендѣ?

— Что могу я сказать?—отвѣтила, не отрываясь отъ книгъ, молодая женщина на безукоризненномъ англійскомъ языкѣ, но не съ англійскимъ произношеніемъ, — что французы пишутъ много глупостей, когда хотятъ возвысить цѣны концертныхъ билетовъ.

— Нита!—воскликнула возмущенная англичанка,—не будете

же вы утверждать, что эта статья ничто иное, какъ обыкновенная реклама?

— Конечно, буду утверждать, — послѣдовалъ спокойный отвѣтъ. — Я твердо убѣждена, что и статью-то написалъ импрессаріо Ленскаго.

— Well, I say, Нита, съ вами произошла удивительная пере-
мѣна! — воскликнула миссъ Вильмотъ съ удивленіемъ и негодова-
ніемъ, опустивъ обѣ руки на колѣни. — Но реклама это или нѣтъ,
только успѣхъ Ленскаго говорить за себя. Парижане стремятся въ
его концерты, какъ безумные... Недавно передъ дверями залы Эрара
произошла такая давка, что должна была вмѣшаться полиція.

— Ва! — отвѣтила Нита, — миѣ говорили хорошіе музыканты, что
Ленскій страшно слабѣетъ. Увлеченіе, съ которымъ французы про-
славляютъ его, только новое доказательство ихъ чрезмѣрнаго по-
клоненія всему русскому. Меня возмущаетъ это идолопоклонство.

— Ну, Нита, миѣ кажется, что вы-то меньше всѣхъ имѣете
право удивляться этому, — флегматично замѣтила англичанка. —
Вы сами, сколько миѣ помнится, порядочно увлекались въ этомъ
направленіи.

— Кто не упрекнетъ себя въ ошибки молодости! — отвѣтила
Нита, пожавъ плечами. — Къ счастью, въ политическихъ вопросахъ
только мы осуждены никогда не признавать своихъ ошибокъ; въ
остальныхъ страстяхъ пере-мѣны дозволяются.

— Удивительная пере-мѣна произошла въ васъ, Нита! — повто-
рила англичанка, отъ удивленія все еще неподвижно сидѣвшая въ
позѣ ассирійскаго идола, точно окаменѣвшая, и все еще держа ру-
ки на колѣняхъ. — Вы увлекались не только русскими, но и Бори-
сомъ Ленскимъ, и какъ увлекались! — Яркая краска залила блѣд-
ныя щеки Ниты, взоръ ея омрачился.

— Good bye, миссъ Вильмотъ, — произнесла она, не отвѣчая на
замѣчаніе старухи, и направилась къ двери.

— Не хотите вы развѣ выпить чашку чаю, прежде чѣмъ идти,
Нита? — крикнула ей вслѣдъ англичанка.

— Нѣтъ, миссъ Вильмотъ, я должна спѣшить, чтобы до суме-
рогъ дойти до мастерской. Я обѣщала Сонѣ придти; и такъ, еще
разъ до свиданья.

«Изумительная пере-мѣна... необыкновенно изумительная пере-
мѣна! — повторяла миссъ Вильмотъ, съ тѣмъ же удивленнымъ выра-
женіемъ лица смотря на дверь, только что затворившуюся за ея
«молодымъ другомъ». Затѣмъ она протянула руку за газетой, что-
бы съестъ переводить на нѣмецкій языкъ, къ которому лѣтъ двад-

цать она чувствовала несчастную любовь, статью о дьявольскомъ скрипачѣ, но напрасно—нумера *Фигаро* нигдѣ не было.

II.

Нита фонъ-Санкіевичъ была молодая австріячка, жившая въ Парижѣ вполнѣ независимо, на собственныя средства. Миссъ Вильмотъ, бывшая ея воспитательница, завѣдывала теперь хозяйствомъ въ ея домѣ. Если относительно миссъ Вильмотъ можно было сразу опредѣлить, что она старая дѣва англичанка, напоминающая Давидову Марію Антуанету, то, напротивъ, было очень трудно дать въ такихъ же короткихъ словахъ хотя приблизительно ясное и наглядное описаніе Ниты. Ея высокая фигура, стройная и тонкая, съ продолговатыми руками и ногами, заключала въ себѣ какую-то суровую, точно неприступную прелесть, которую греки любили придавать статуямъ Діаны. Ея роскошные волосы, обстриженные на лбу и заложенные на затылкѣ пышнымъ узломъ, были свѣтло-каштановаго цвѣта, продолговатое лицо было блѣдно, съ правильными чертами, тонкимъ носомъ и полными, надменно вздернутыми губами. Но самымъ замѣчательнымъ въ ея лицѣ, самымъ замѣчательнымъ въ ней во всей были глаза — большіе, лучистые сѣрые глаза съ зеленоватымъ отблескомъ, глаза, то вдругъ темнѣющіе, то дѣлающіеся страшно, безконечно глубокими, глаза, смотрящіе иногда такъ, точно испытали всѣ земныя страданія, и вслѣдъ затѣмъ сверкающіе такъ вызывающе и холодно, точно они не вѣрили, что можетъ быть горе, котораго нельзя побѣдить веселою шуткой.

Лѣта ея трудно было опредѣлить. Какъ всему ея существу недоставало беззаботнаго юнаго веселья, такъ и внѣшность ея, несмотря на гладкую, какъ слоновою кость, кожу, была лишена свѣжести. Ей можно было дать между двадцатью двумя и двадцатью восемью годами, а по манерамъ можно было принять за сорокалѣтнюю женщину. Она была дочь урожденной графини Беренбургъ и барона Санкіевича, завоевавшего себѣ на полѣ битвы орденъ Маріи-Терезіи и баронскій титулъ. Родители ея умерли. Съ родственниками отца она не имѣла никакихъ связей; съ безчисленною родней матери состояла въ наилучшихъ отношеніяхъ, хотя не очень поддавалась ихъ вліянію. «Мнѣ было бы неловко, если бы я должна была быть такъ знатна, какъ Эланъ Беренбургъ», — часто повторяла она, и особенно любила она говорить это въ лицо самому Элану Беренбургъ. Эланъ Беренбургъ грустно покачивалъ на это головой и сокрушался надъ ея странностями, не отнимая у нея ни своего уваженія, ни даже своей симпатіи. Самый строгій при-

говоръ, который произносили надъ нею родные, былъ: «Нита оригиналка».

Она любила независимость, но честь фамилии была безопасна въ ея рукахъ. Никто никогда не сомнѣвался въ этомъ. Нита Санкиевичъ была одной изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ клевета не смѣетъ коснуться.

Тонкій наблюдатель, или, скорѣе, считающій себя таковымъ, по мрачной тѣни въ ея глазахъ, заподозрилъ бы или тайную, или уже пережитую несчастную любовь; но даже самые близкіе люди, знавшіе ее съ дѣтства, не могли сказать, гдѣ искать предмета этой любви.

Дѣвушка быстрымъ шагомъ направилась изъ улицы Мурильо, гдѣ жила, черезъ паркъ Монсо къ бульвару Буруселя. Мелкій дождь моросилъ съ сѣраго ноябрьскаго неба. Она сдѣлала знакъ конкѣ, прибавила шагу и ловко вскочила въ карету. Внутри вагона не было ни одного свободнаго мѣста, на площадкѣ тоже все было занято. Мужчины при видѣ представительной дамы въ простомъ суконномъ платьѣ и изящной шляпѣ потѣснились, чтобы дать ей мѣсто. Нита привыкла къ тому, что ей оказываютъ вниманіе всюду, гдѣ она появляется, и потому не обратила особеннаго вниманія на вѣжливость своихъ сосѣдей. Почти сейчасъ же отворилась дверь и господинъ, сидѣвшій внутри вагона, предложилъ ей свое мѣсто, которое она приняла, но почти въ ту же минуту раскаялась. Снаружи было прохладно и весело, внутри же вагона воздухъ былъ тяжелъ и пропитанъ запахомъ съѣстныхъ припасовъ.

Направо отъ Ниты сидѣла дама, по всей вѣроятности, учительница, которая, бѣгая отъ ученицы къ ученицѣ, должна дорожить временемъ, и ѣла песочное пирожное, смахивая крошки на платье Ниты; налѣво отъ Ниты сидѣла простая женщина и держала на колѣняхъ четырехъ или пяти-лѣтняго ребенка и нѣсколько пучковъ рѣпы и свеклы. Ребенокъ мазалъ своими грязными башмаками платье сосѣдей. Напротивъ ея худой священникъ въ трехъугольной шляпѣ читалъ свой молитвенникъ; рядомъ съ нимъ молодой человекъ, бритый, въ опушенной мѣхомъ шубѣ, — вѣроятно, писатель, ученикъ новѣйшей школы Ришпена, — не спускалъ съ нея глазъ, причемъ безпрестанно снималъ шляпу и проводилъ рукой по лбу, стараясь показать свою завитую голову. Чтобы избѣжать его нахальныхъ взглядовъ, Нита развернула газету, которую захватила въ муфтѣ, и начала читать. Это былъ потерянный миссъ Вильмотъ номеръ *Фигаро*. На всѣ стороны перевортывала она листъ, стараясь заставить себя интересоваться новостями «Же-

лѣзной маски», «Ignotus» и «Господина изъ оркестра». Напрасно! Безпрестанно, точно влекомые магнетизмомъ, взоры ея останавливались на статьѣ, озаглавленной: *Борисъ Ленскій*.

— Смѣшная реклама, — прошептала она, — но сказка не дурна!

Площадь Пигаль!... Конка остановилась. Два пучка рѣвны полетѣли Нитѣ на колѣни, всѣ ея рисовальныя кисти разсыпались изъ муфты на полъ, четыре человѣка выходили изъ конки, семь хотѣли войти. Среди этой суматохи, молодой человѣкъ съ завитками помогъ Нитѣ собрать кисти и, подавая ихъ съ жеманною улыбкой, произнесъ:

— А, мадемуазель художница!

И на солнцѣ есть пятна, и у лучшаго человѣка есть свои неприятныя качества: Нита фонъ-Санкиевичъ — художница!

III.

Искусство!... Что такое искусство? Окристаллизированный воздушный замокъ, осуществившаяся мечта, похищенный кусокъ неба, который люди думаютъ перекинуть черезъ пропасть пошлой пустоты своего существованія, — осязаемый или неосязаемый обманъ идеализированной жизни, при видѣ котораго мы отвлекаемся отъ жалкой дѣйствительности, — пріятный обманъ, старающійся дать душѣ пищу, которой лишено тѣло, — роскошь, которою можетъ наслаждаться и нищій, и царь... Таково оно по существу. А въ дѣйствительности?... Для мужчинъ оно — бурное море, по которому они стремятся къ досягаемому или недосыгаемому; для женщинъ — по большей части спокойная гавань, въ которую онѣ, утомленные бесплодною погоней за счастьемъ, заходятъ на какой-нибудь дырявой и негодной лодкѣ, чтобы найти послѣднюю пристань для своего полунистерзаннаго существованія.

Мужчины начинаютъ съ художественнаго призванія, женщины по большей части кончаютъ имъ.

IV.

У Ниты была собственная мастерская въ домѣ, стоящемъ въ глубинѣ двора въ улицѣ Фрохоть. Уже нѣсколько мѣсяцевъ она раздѣляла ее съ подругой, молодою русскою дѣвушкой.

Въ мастерской Ниты было двѣ двери: одна выходила прямо на дворъ, другая соединяла отдѣльное помѣщеніе Ниты съ большою школою живописи, во главѣ которой стоялъ Сильвенъ.

Ключъ отъ мастерской лежалъ у Ниты въ карманѣ, но, прежде чѣмъ она успѣла вложить его въ замокъ, дверь отворилась изнутри. Хорошенькая блондинка, съ вздернутымъ носикомъ, прекраснымъ цвѣтомъ лица, большими голубыми глазами и пріятнымъ выраженіемъ полныхъ алыхъ губокъ, бросилась къ ней на встрѣчу и обняла ее, точно онѣ не видались два года. Это была Соня, т.-е. Софья Дмитріевна Базина. Высокаго роста, плотная, но не лишенная граціи, она была представительницей великорусскаго типа, того здороваго славянскаго типа, который у большинства малоросіянковъ черезъ каплю романской, татарской или кавказской крови не то исказился, не то облагородился, и, во всякомъ случаѣ, измѣнился интереснымъ, причудливымъ образомъ.

Мягкая, добрая, скорѣе склонная спокойно переносить страданіе, чѣмъ горячо возстать противъ него, одаренная способностями и вѣрнымъ пониманіемъ искусства и литературы, но безъ особеннаго дарованія къ чему-либо, горячо любящая, но сдержанная въ выраженіи своихъ чувствъ, она принадлежала къ средней категоріи русскихъ женщинъ, считающейся въ Россіи нормальной, за границей же почти неизвѣстной.

— Опоздала я?—спросила Нита.—Быль уже г. Сильвенъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Соня,—мы начинаемъ уже приходиться въ отчаяніе.

— Гдѣ твоя «скромная жизнь», покажи мнѣ?—спросила Нита.— Ахъ, вотъ,—и она наклонилась, чтобы разсмотрѣть картину, на которой добросовѣстно выписаны были штофъ, чайникъ, три рѣдьки и двѣ луковицы. Переводя взоръ съ картины на подругу, съ подруги опять на картину, Нита ощущала безпокойство, всегда овладѣвающее человѣкомъ, когда онъ хочетъ заставить себя сказать похвалу, а его врожденная правдивость связываетъ ему уста. Въ то же время она думала: какъ странно, что у русскихъ, при всей ихъ талантливости, такъ мало способности къ живописи!

Соня сняла, между тѣмъ, [свой сѣрый, вышитый красною бумагой фартукъ и занялась мытьемъ рукъ въ японскомъ салатникѣ, превращенномъ ими въ умывальный тазъ.

— Ты недовольна, Нита?—спросила Соня своимъ пѣвучимъ русскимъ говоромъ.

— О! ты, все-таки, сдѣлала успѣхи сравнительно съ твоими прежними произведеніями,—ласково отвѣтила Нита.

— Слава Богу,—флегматично замѣтила Соня.—Хочешь чаю? Нита засмѣялась.

— Чай, вѣчный чай! Дома меня только что преслѣдовала миссъ

Вильмоть своими приглашениями пить чай. Вот что значить жить между англичанкой и русской. Только и знают, что свой чай, вѣчный чай.

— Да, вѣдь, чай замѣчательно вкусенъ,—простосердечно замѣтила Соня. — Его можно пить даже тогда, когда все противно. Одна моя старая тетка говорила мнѣ какъ-то: чай самый преданный другъ, котораго только она имѣла въ жизни. Грустно, когда приходится говорить это въ шестьдесятъ лѣтъ, не правда ли?

— Жизнь не весела, — коротко отвѣтила Нита. — Ну, а кто твой самый преданный другъ?—прибавила она дружескимъ тономъ, слегка потрепавъ дѣвунку по щекѣ.

— О, у меня много друзей,—серьезно произнесла Соня,—я нахожу, что люди очень добры. А ты?

— Я?—я не могу похвалиться большимъ количествомъ друзей. Мнѣ кажется, я слишкомъ недоверчива, чтобы имѣть много друзей. Ничѣмъ не располагаешь къ себѣ людей такъ, какъ иллюзіями, которыя составляешь на ихъ счетъ. Я же ни къ кому уже не отношусь съ иллюзіей,—произнесла она съ горечью, а потомъ съ короткимъ рѣзкимъ движеніемъ, которымъ точно отгоняла отъ себя неприятное воспоминаніе, прибавила: — Ну, дай мнѣ чашку твоего нектара. Я сегодня немного разстроена,—можетъ быть, онъ успокоитъ меня.

— Подожди минутку, онъ еще не готовъ,—отвѣтила Соня и нагнулась къ мѣдному чайнику, стоявшему на столѣ, уставленномъ чайными принадлежностями.

Было четыре часа вечера. Послѣдній бѣловатый свѣтъ быстро догорающаго ноябрьскаго дня падалъ сквозь большое, занимающее почти всю стѣну, окно въ мастерскую—просторную, квадратную комнату, стѣны которой украшало нѣсколько рисунковъ—смѣлые наброски Ниты и робкіе этюды Сони, кромѣ того, гипсовый снимокъ съ головы св. Іоанна изъ барельефовъ Донателло.

Мебели было немного: диванъ, накрытый старымъ персидскимъ ковромъ, нѣсколько покойныхъ креселъ, болѣею частью тростниковыхъ, но съ прибавленіемъ шелковыхъ подушекъ, два или три стола, заваленныхъ книгами, папками, гипсовыми слѣпками, ящиками съ красками, нѣсколько мольбертовъ, ваза съ увядшими цвѣтами, въ одномъ углу манекенъ съ граціозно согнутыми руками, въ другомъ—скелетъ, множество палитръ; въ этомъ заключалось все убранство мастерской. Дверь въ сосѣднюю школу живописи была полуоткрыта. Нита, сидѣвшая безъ дѣла, въ ожиданіи чая, заглянула въ нее.

Сивозъ цѣлый лѣсъ мольбертовъ она увидѣла восемь или десять женщинъ, утомленныхъ на видъ и скучавшихъ; одна изъ нихъ курила папиросу, другая грызла бисквитъ, третья, заложивъ руки въ бока, безъ интереса, съ глупымъ любопытствомъ людей, не знающихъ какъ убить время, переходила отъ одного мольберта къ другому; одна искала зонтикъ, другая надѣвала калоши; одна, уже въ шляпѣ и съ вуалькой на лицѣ, исправляла что-то на своей картинѣ и, наконецъ, послѣдняя сидѣла у рояля и съ отчаянною энергіей барабанила *danse macabre* Сентъ-Санса.

Взятая по одиночкѣ, многія изъ собранныхъ здѣсь дамъ имѣли, конечно, свою прелесть. Но въ группѣ, въ общей картинѣ онѣ производили нерадостное впечатлѣніе, казались всѣ точно полинявшими и усталыми, напоминали Нитѣ, она не знала почему, измученныхъ бабочекъ, которымъ стерли съ крыльевъ цвѣтную пыль и которыя стремятся только кое-какъ дотянуть свое существованіе, обѣщавшее когда-то лучшее будущее.

Около желѣзной печи сидѣла натурщица, грѣя свои костлявыя красныя руки, и ея безобразію удивился бы всякій, кто не зналъ, что употребленіе въ натурщицы безобразныхъ женщинъ, преимущественно худыхъ и рыжихъ, составляетъ основное правило Сильвена. Покрытая всевозможными зелеными матеріями, складная кровать, на которой натурщица позировала безумную Офелію, въ костюмѣ, описанномъ съ костюма Сарры Бернаръ въ той же роли, стояла посреди комнаты между мольбертами. Нита знала всѣхъ этихъ дамъ, знала ихъ біографіи, — мало въ нихъ было веселаго. Дама, сидѣвшая у рояля, мистрисъ Леопидасъ Шандосъ изъ Бостона, въ свое время была красивѣйшею женщиной въ Сѣверной Америкѣ, такую красавицей, что, какъ она утверждала, въ одинъ прекрасный день три человѣка сразу отравились отъ несчастной любви къ ней. Ея мужъ кончилъ жизнь въ частной лечебницѣ для умалишенныхъ. Она перепробовала на свѣтѣ все разумное, чтобы разсѣяться, нигдѣ не нашла удовольвенія, и, наконецъ, — это ея подлинныя слова, — «предалась искусству», какъ предаются пьянству, чтобы въ этой послѣдней иллюзіи забыть житейскія горести. Дама съ бисквитомъ, стоящая около нея и слушающая музыку, худая, длинная, съ краснымъ лицомъ, длинными зубами и поэтической прической съ локонами, — миссъ Фрадеръ, шотландка; лѣтъ тридцать тому назадъ она потеряла во время крушенія на желѣзной дорогѣ своего возлюбленнаго и до сихъ поръ носила въ портъ-моне вырѣзку изъ газетъ съ подробнымъ описаніемъ его гибели. Какъ только она знакоилась съ новыми людьми, она, едва обмѣнявшись

съ ними нѣсколькими словами, доставала изъ портъ-моне этотъ листокъ, чтобы подѣлиться своимъ несчастіемъ. Жизнь свою она наполняла тѣмъ, что или пѣла застольную пѣсню изъ *Травятъ*, или рисовала на память своего возлюбленнаго. Толстая, бѣлокурая эльзаска съ отчаянною шляпой на головѣ, собирающаяся надѣвать калоши, называется мадемуазель Мольсъ, рисуешь отъ несчастной любви, потому что гордость ея фамиліи, — она дочь уксуснаго заводчика, — не позволила ей выйти замужъ за учителя музыки, съ которымъ она и до сихъ поръ въ нѣжной перепискѣ. Вонъ та худая женщина съ короткими черными волосами — фрейленъ Прикъсъ, родомъ изъ Дюссельдорфа. Она воображаетъ себя гениемъ, потому что ей четырнадцать разъ отказали въ Салонѣ, и неутомимо готовится къ пятнадцатому нападенію на жюри. Красивая черноглазая дѣвушка, блѣдная, задумчивая, переходящая, заложивъ руки въ бока, отъ одного мольберта къ другому, — мадемуазель Гишаръ, дочь колониальнаго торговца въ улицѣ Шапталъ. Слишкомъ красивая для своей сферы, она посвящаетъ себя искусству, чтобы внести немного благородства въ свое существованіе, до тѣхъ поръ пока.... Дама, которая, съ вуалькой на изящномъ лицѣ и въ шведскихъ перчаткахъ, подрисовываетъ что-то на своей Офеліи, графиня д'Ольбрейзе, бабочка, только временами появляющаяся въ этомъ раѣ отверженныхъ, дама изъ высшаго свѣта; часто она цѣлыми днями такъ усердно портила краски, точно ей надо было спѣшить, чтобы заработать этимъ хлѣбъ, а потомъ вдругъ у нея цѣлыми мѣсяцами ни на что больше не было времени, какъ на визиты и выѣзды. Она увлеклась, впрочемъ, не только живописью, но и страстно любила музыку.

— Безполезно долше ждать Сильвена, — замѣтила она, кладя кисть и подходя къ все еще барабаниющей мистрисъ Леонидасъ Шандосъ. — Бстати, достали вы себѣ билетъ на концертъ Ленскаго въ Эденъ?

— До сихъ поръ еще нѣтъ, а я цѣлый день телефонирую повсюду, точно биржевой агентъ, — со вздохомъ отвѣчала мистрисъ Леонидасъ.

Нита отвернулась и энергично захлопнула полуотворенную дверь, соединяющую обѣ мастерскія.

— Чай готовъ, — воскликнула Соня. — Но что съ тобой, голубчикъ, ты такъ мрачна?

— Ничего, — отвѣтила Нита, — только... — она указала глазами на школу, — это раздражаетъ мнѣ нервы. Такая женская мастерская похожа на что-то вродѣ богоугоднаго заведенія для неудачныхъ

женщинъ.—Она взяла чашку изъ рукъ подруги и сѣла на низкое покойное кресло.—Кстати... ахъ, какъ я разсѣянна! Я сегодня точно сумасшедшая. Богъ знаетъ, какія глупости приходятъ мнѣ въ голову. Вотъ... да гдѣ же это?... Письмо тебѣ, можетъ быть, въ немъ что-нибудь интересное.

Послѣ небольшихъ поисковъ Нита нашла его въ карманѣ кофточки, которую сняла. Едва Соня распечатала его, какъ громко вскрикнула отъ радости.

— Ну, что такое, глупенькая дѣвочка?—спросила Нита, сама повеселѣвъ при видѣ сіяющаго лица Сони.

— Письмо отъ моего двоюроднаго брата Николая Ленскаго, сына извѣстнаго скрипача... Ты знаешь...

— Ничего я не знаю... Я и не подозрѣвала, что ты въ родствѣ съ Ленскимъ,—быстро и рѣзко произнесла Нита.

— Моя мать была кузина его жены,—запинаясь, продолжала Соня, немного оскорбленная рѣзкимъ тономъ Ниты.—Николай и я товарищи дѣтства. До того, какъ моя бѣдная тетка разошлась съ Ленскимъ, послѣ чего она безвыѣздно жила за границей, я каждый годъ проводила у нея каникулы. Вчера я встрѣтила Николая у Елагиныхъ. Онъ недавно пріѣхалъ изъ Петербурга. Собирается надняхъ ко мнѣ... а пока посылаетъ мнѣ два билета на концертъ отца послѣзавтра въ Эденѣ... въ концертъ, въ который во всемъ Парижѣ нельзя уже достать ни одного билета ни за какія деньги... и пишетъ при этомъ... посмотри какой хорошій почеркъ:

«Милая киска!»

— Онъ всегда зоветъ меня такъ. Это привычка дѣтства; мы такъ давно уже знаемъ другъ друга... мы какъ братъ съ сестрой.

«Милая киска!

«Я надѣялся быть у тебя вчера, но мнѣ не удалось. Въ Парижѣ столько дѣлъ. Отецъ посылаетъ тебѣ два билета; я оставилъ себѣ мѣсто рядомъ и радъ, что во время антрактовъ можно будетъ немного поболтать съ тобой.

«Остаюсь преданный тебѣ Николай.

«PS. Не тревожься, если прочтешь въ нѣкоторыхъ газетахъ извѣстіе, что съ моимъ отцомъ сдѣлался ударъ. Извѣстіе ложно и основано на томъ, что третьяго дня послѣ концерта ему сдѣлалось дурно и онъ упалъ. Онъ опять совершенно здоровъ и случившееся объясняется излишнимъ утомленіемъ».

— Хорошее письмо, не правда ли?—сказала Соня, задумчиво разглядывая его.—Какъ мило со стороны Коли, что онъ подумалъ о билетахъ. Ты рада?

— Чему?

— Ты же поѣдешь со мной въ концертъ?

— Я?... Нѣтъ.

— Но, Нита, что съ тобой?

— Я не могу, мнѣ некогда. Поѣзжай лучше съ графиней д'Ольбрейзе, которая пріѣхала изъ Мадрида и отказалась отъ боя быковъ, чтобы присутствовать въ концертахъ Ленскаго, и прибѣгаетъ теперь къ протекціи русскаго посла и своей учительницы музыки, чтобы вымолить себѣ билетъ.

Соня покачала головой.

— Я сожгу лучше билетъ, чѣмъ отдамъ его кому-нибудь, кромѣ тебя. Я не понимаю тебя, Нита. Ты, такая любительница музыки, посѣщающая всякій мало-мальски выдающійся концертъ, ты не хочешь слышать Бориса Ленскаго. Да что съ тобой?

Нита сердито топнула ногой и сказала:

— Когда недавно одинъ невѣрующій старый французъ, которому нельзя было ничѣмъ уже помочь, узналъ отъ своего доктора, что послѣдній часъ его близокъ, онъ сказалъ: «Не особенно это пріятно, но есть, все-таки, одно утѣшеніе: когда я умру, я, по крайней мѣрѣ, ничего не буду слышать о Саррѣ Бернаръ и о великомъ французѣ»; ему слѣдовало бы сказать: и... о Борисѣ Ленскомъ.

V.

Дружба Сони и Ниты продолжалась съ полгода, а знакомство началось нѣсколькими мѣсяцами раньше, а именно въ прошломъ апрѣлѣ, когда Соня поступила въ школу Сильвена учиться живописи.

Нита уже тогда имѣла свою отдѣльную мастерскую рядомъ съ общею школою живописи и уже тогда признавалась нѣкоторыми парижскими знатоками искусства одной изъ тѣхъ выдающихся натуръ, которыхъ называютъ «женскимъ геніемъ» и въ которыхъ, въ сущности, вѣрятъ такъ же мало, какъ въ призракъ, истинную любовь или вѣрное средство противъ бѣшенства собакъ. Но такъ какъ пока, кромѣ этого признанія, она не достигла ничего, ни даже званія художника, то ея товарки еще не успѣли почувствовать къ ней зависти. Напротивъ, она пользовалась общею симпатіей. Она часто приходила въ общую залу и всякій разъ ее встрѣчали радостными восклицаніями; она всегда вносила оживленіе въ это, иногда мрачное общество, торопливо рассказывала какой-нибудь смѣшной анекдотъ, дѣлала начинающей ученицѣ, смущенно сидящей за по-

лотномъ, нѣсколько искусныхъ поправокъ въ работѣ, поднимала въ другой на минуту ослабѣвшую вѣру въ себя одобрительнымъ замѣчаніемъ и опять исчезала, пробывъ какъ разъ настолько, чтобы пріятно возбудить артистическое общество, и недостаточно, чтобы надобѣсть или помѣшать. Но въ дружескія отношенія она не вступала ни съ одною художницей; только ея обращеніе съ Софьей Дмитриевной сдѣлалось сразу какъ-то задушевно. Мягкая, добрая внѣшность, почти флегматическое спокойствіе русской дѣвушки сразу понравились Нитѣ и, притомъ, Соня смотрѣла на нее съ такимъ глубокимъ уваженіемъ и удивленіемъ, какое выказываютъ только недавно пріѣхавшія молодыя россиянки къ выдающимся результатамъ западной цивилизаціи. Это трогало Ниту, немного льстило ей; но, все-таки, ихъ отношенія никогда не перешли бы такъ быстро въ горячую дружбу, если бы не вмѣшались особенныя обстоятельства. Какъ-то разъ Соня вбѣжала внѣ себя въ мастерскую Ниты.

— Мнѣ надо поговорить съ вами!—воскликнула, блѣдная, какъ полотно, дѣвушка, держа въ рукахъ письмо.—У меня никого нѣтъ, къ кому я могла бы обратиться, кромѣ васъ. А я такъ взволнована, такъ оскорблена, такъ несчастна!

Немного удивленная этимъ волненіемъ, недовольная тѣмъ, что приходится прекратить работу, Нита выслала изъ комнаты натурщицу и спросила:

— Ну?...

Соня протянула ей письмо. Въ немъ было объясненіе въ любви отъ незнакомаго ей человѣка, который, какъ припоминаетъ она теперь, уже давно постоянно слѣдилъ за ней на улицѣ. Два дня тому назадъ онъ въ сумеркахъ заговорилъ съ ней около ея кватирры.

— Что мнѣ дѣлать? Я не могу никому пожаловаться! — воскликнула дѣвушка съ пылающими щеками и со слезами на глазахъ.—Не говорите никому объ этомъ, пожалуйста. Мнѣ стыдно и, въ то же время, страшно. Вѣдь, не можетъ же этотъ негодяй ошибаться на мой счетъ!

На лицѣ Ниты выразилась ужасная горечь.

— Рѣдко глупость мужчинъ превосходитъ низость женщинъ, но случается,—сказала она.—Отрихнитесь такъ, какъ будто наступили на гада, и не выходите нѣкоторое время безъ провожатаго.

— Моя горничная и такъ жалуется, что ей много дѣла.

— А пожилая особа, съ которой вы живете...

Соня покраснѣла.

— У меня никого нѣтъ, кромѣ горничной... я называю ее иногда пожилою особой... вѣдь, это не ложь!

Нита вскочила.

— Тогда все объясняется,—воскликнула она,—но...—она смущенно посмотрѣла на Соню,—я не понимаю...—она запнулась.

На самомъ дѣлѣ Нита ничего не понимала; Софья Дмитриевна была, очевидно, дѣвушка изъ хорошаго дома; ея отецъ, бывший разъ два въ мастерской, въ которую самъ помѣстилъ ее, принадлежалъ къ высшему русскому обществу, а Соня... живетъ одна!...

Да, если бы она была бѣдная дѣвушка, съ малолѣтства знакомая со всѣми темными сторонами жизни, умѣющая, когда надо, ловко выпутаться изъ неприятнаго положенія, но такъ...

— А вашъ отецъ... развѣ вы живете не у отца?—спросила, наконецъ, Нита.

Соня сильно смутилась.

— Мой отецъ,—прошептала она,—мой отецъ... мы... я не знала его ребенкомъ... вскорѣ послѣ моего рожденія... мои родители разошлись. Папа жилъ за границей, когда умерла бѣдная мама, меня отдали въ институтъ... Только два года тому назадъ я вышла изъ института, тогда папа взялъ меня къ себѣ; онъ, наконецъ, вернулся изъ-за границы и жилъ въ Петербургѣ, но я... я чувствовала, что мѣшаю ему, хотя онъ всегда былъ очень хорошъ ко мнѣ, предупредителенъ и добръ... У меня давно была страсть къ живописи, я унаслѣдовала ее отъ отца, только онъ гораздо талантливѣе меня... онъ очень выдающійся человѣкъ... но вы понимаете, какъ долженъ себя чувствовать человѣкъ съ дочерью, которой не знаетъ! А онъ такъ давно привыкъ къ холостой жизни... Когда я попросила его отпустить меня въ Парижъ учиться живописи, онъ согласился; онъ самъ привезъ меня въ Парижъ. Прежде чѣмъ уѣхать въ Петербургъ, онъ помѣстилъ меня къ одной дамѣ, своей старой знакомой. Онъ, правда, очень давно не видалъ ее и потому не подозрѣвалъ, что мнѣ невозможно было съ ней жить... это немислимо было. Когда я рассталась съ ней, я устроилась одна съ своею горничной въ меблированныхъ комнатахъ...

На этомъ мѣстѣ своего разсказа несчастная дѣвушка громко зарыдала.

— Успокойтесь, мой ангелъ!—воскликнула Нита, лаская и цѣлуя дѣвушку.—Не плачьте; право, не стоитъ. То, что вы пережили, пустяки. Я рада, что вы такъ серьезно отнеслись къ этому, но это пустяки. Вы къ нему равнодушны, а безумецъ не хотѣлъ васъ оскорблять. Но ваше исключительное положеніе можетъ до-

ставить вамъ другія, гораздо болѣе опасныя затрудненія. Вы не должны оставаться одна. Не можете вы переѣхать къ роднымъ?

— У меня нѣтъ никого, — съ рыданіемъ произнесла Соня.

Нита подумала съ минуту и сказала:

— У меня есть свободная комната... только очень маленькая комната, но такая, какова она есть, она къ вашимъ услугамъ. Переѣзжайте сегодня же, я буду очень рада. Безъ церемоній, Соня, переѣзжайте.

Съ минуту Соня, оиѣмѣвшая отъ волненія и умиленія, смотрѣла на Ниту, потомъ бросилась къ ней на шею... Дѣло было рѣшено.

Шесть мѣсяцевъ жили дѣвушки вмѣстѣ; лѣтомъ онѣ, въ сопровожденіи миссъ Вильмотъ, ѣздили вмѣстѣ отдохнуть и рисовать на озера, и если иногда благодарность Сони выражалась слишкомъ горячо, Нита говорила:

— Неужели ты думаешь, что идиллическій tête à tête съ миссъ Вильмотъ очень веселье? Я рада, что у меня такая счастливая рука, и я сумѣла удачно выбрать подругу. Безъ тебя мнѣ было бы очень тяжело теперь, Соня.

VI.

— Не побѣжишь же ты за нимъ въ фойе, когда кончится концертъ, подобно другимъ дурамъ? — съ такимъ вопросомъ обратилась Нита за завтракомъ къ Сонѣ. Обѣ подруги и миссъ Вильмотъ сидѣли въ маленькой столовой, освѣщенной сверху матовыми стеклами. Квартира Ниты находилась въ третьемъ и послѣднемъ этажѣ очень красиваго дома; она была не велика, но довольно просторна для трехъ женщинъ, и такъ мило убрана, какъ можетъ придумать только артистически одаренная фантазія молодой дѣвушки.

Столъ, вокругъ котораго онѣ сидѣли, былъ заставленъ старинною страсбургскою посудой; остатки отличнаго завтрака стлы на блюдахъ. Мало было съѣдено, въ особенности Нита почти ни къ чему не прикоснулась. Послѣ долгихъ приставаній и просьбъ Сони она согласилась, наконецъ, ѣхать въ концертъ Ленскаго, назначенный на сегодня.

— Не побѣжишь же ты за нимъ въ фойе? — повторила она еще разъ съ раздраженіемъ.

— Не собираюсь, — отвѣтила Соня.

— Я подумала это, — сказала Нита, — потому что ты его родственница.

— Со смерти его жены я не выдаюсь съ нимъ. Онъ не лю-

бить меня, находить ограниченной и жеманной. Какъ къ человѣку, я не чувствую къ нему особенной симпатіи; онъ слишкомъ оскорбилъ мою дорогую тетю, чтобы я могла простить ему это когда-нибудь. Но какъ артистъ... знаешь ли, какъ артистъ—онъ единственный. Я слыхала другихъ знаменитыхъ скрипачей, и только при каждомъ ударѣ его смычка меня бросаетъ въ жаръ и въ холодъ.

— Да, онъ великій артистъ, — согласилась Нита. Голосъ ея звучалъ слабѣе и глуше, слова сходили съ губъ медленно, по слогамъ, точно ихъ вынуждали у нея во время магнетическаго сна. Она поблѣднѣла и глаза ея приняли странное выраженіе.

Соня давно замѣтила, что Нита не въ особенно хорошемъ настроеніи. Но такъ какъ она не имѣла несносной привычки мучить нервныхъ людей разспросами о причинѣ ихъ волненія, то она не обратила на это вниманія и спокойно занялась завариваніемъ чая.

Мысли миссъ Вильмотъ, по обыкновенію, витали далеко отъ окружающаго ее. Какъ мы уже сказали, она страдала несчастною любовью къ нѣмецкому языку. Эта манія выражалась за послѣднее время, главнымъ образомъ, въ томъ, что она переводила на нѣмецкій языкъ всякій отрывокъ французской или англійской литературы, какой ей попадался подъ руку. Въмѣсто того, чтобы завести для своихъ переводовъ тетрадку, она писала ихъ на всякомъ ненужномъ клочкѣ бумаги, на обратной сторонѣ концертной афиши, меню, счета. Цѣлый ворохъ бумагъ лежалъ около ея тарелки; она съ нетерпѣніемъ ждала, чтобы ее попросили прочесть что-нибудь вслухъ.

— Я думаю, что намъ предстоитъ большое наслажденіе, — замѣтила черезъ минуту Соня въ то время, какъ Нита чистила мандаринъ. — У Ленскаго сегодня необыкновенно хорошая программа. Первый нумеръ—тріо Шумана, послѣ сыграетъ его аккомпаниаторъ нѣсколько пьесокъ; затѣмъ слѣдуетъ Сарабанда Баха, что-то изъ Паганини, я не знаю, что именно, и, наконецъ, мелодія самого Ленскаго—«Легенда» называется она и, кажется, посвящена его женѣ.

— Ахъ, онъ будетъ играть ее?—коротко спросила Нита.

— Ты уже слышала развѣ?—спросила она.

— Да... одинъ разъ... года два тому назадъ, — отвѣтила Нита, не поднимая глазъ.

— Я вообще не особенно увлекаюсь его произведеніями, но я не знаю, что хватало бы меня за сердце больше этой мелодіи, когда онъ играетъ ее, — замѣтила Соня.

Нита промолчала.

Миссъ Вильмотъ наигрывала въ это время на скатерти своими

лиловато-розовыми руками какой-то торжественный маршъ; при этомъ она напѣвала про себя что-то непонятное и болѣе чѣмъ когда-либо походила на Марію Антуанету въ ея послѣднія минуты. Этотъ торжественный маршъ означалъ, что ей удался переводъ стиховъ.

— Ну, покажите мнѣ ваше послѣднее произведеніе, — добродушно обратилась къ ней Нита.

— Я думаю, вы на этотъ разъ останетесь мною довольны, — отвѣтила обрадованная миссъ Вильмотъ, роня въ ворохъ бумагъ около тарелки. — Ахъ, вотъ... я думаю, что мнѣ дѣйствительно удалось передать прелесть стихотворенія.

Глаза миссъ Вильмотъ наполнились слезами.

— Вѣдь вы знаете стихотвореніе:

The cricket chirpeth on hearth,
The crackling faggot flies...

и громкимъ голосомъ она продекламировала:

Heimlich des Heimchen zirpt zur Heerde
Es fliegt das Krachende Fagot.

— Ну? — спросила она, торжествуя смотра на Ниту, — не даетъ это вамъ именно той же картины?

— Картины запертаго за рѣшеткой стада овецъ и обезумѣвшаго рожка? — спросила Нита и вдругъ неудержимо захохотала не своимъ, обыкновеннымъ добродушно-мягкимъ смѣхомъ, а хохотомъ человѣка, съ трудомъ сдерживающаго внутреннее волненіе, которое находить, наконецъ, себѣ исходъ.

Съ глубоко оскорбленнымъ видомъ миссъ Вильмотъ поднялась, схватила свои бумажки, съ достоинствомъ завернулась въ красный вязаный платокъ и вышла изъ комнаты.

— Мнѣ жаль, что я обидѣла старуху, — прошептала Нита, смотря ей вслѣдъ.

— Ахъ, горе миссъ Вильмотъ не продолжается никогда дольше второй чашки чая, — замѣтила Соня. — Но ты, кажется, устала и нездорова. Если тебѣ дѣйствительно не хочется ѣхать въ концертъ, если ты принуждаешь себя ради меня, то лучше я сама останусь дома.

— Нѣтъ, — ирачно отвѣтила Нита, — разъ я сказала — я поѣду.

VII.

Концертъ Ленскаго начинался въ четыре часа и на этотъ разъ въ видѣ исключенія онъ долженъ былъ состояться въ концертной залѣ Эдена. Въ половинѣ четвертаго Соня съ Нитой выѣхали на

дребезжащемъ извозчикѣ изъ тихой улицы Мурильо въ шумную внутреннюю часть города. Вдругъ кучеръ остановилъ лошадь.

— Что случилось?—спросила Соня, высунувъ голову изъ окна.

— Нельзя ѣхать, экипажи загородили дорогу,—отвѣтилъ кучеръ. Лошади стали. Нита тоже выглянула.

— Какая давка! Одинъ экипажъ наѣзжаетъ на другой, точно на похоронахъ какой-нибудь знаменитости.

Дождь ударялъ объ крышу каретъ, стучалъ объ клеенчатые плащи кучеровъ, объ зонты пѣшеходовъ, беззащитливо толкавшихъ другъ друга на тротуарахъ. Бучера щелкали бичами, кричали, бранились; лошади били копытами и фыркали. Громадный омнибусъ, полный наверху открытыми дождевыми зонтами, за которыми не видать людей, попавъ въ эту толкотню, стоялъ среди множества ландо, каретъ и извозчиковъ. Дождь и сѣроватый туманъ заволакивали всю улицу. Наконецъ, съ большимъ трудомъ карета двушекъ подвинулась на нѣсколько шаговъ впередъ... затѣмъ еще на два шага... Соня посмотрѣла на часы... Четыре! Съ ужасомъ вспомнила она объ известной всѣмъ точности Ленскаго.

— Нита, если мы не хотимъ пропустить начала, то должны выйти и идти пѣшкомъ.

Онѣ вышли изъ экипажа, и ни однѣ онѣ такъ поступили. Знатнѣйшія дамы выскакивали изъ великолѣпныхъ каретъ, съ трудомъ пробирались между экипажами, толкались на скользкихъ тротуарахъ среди учительницъ музыки въ непромокаемыхъ плащахъ, музыкантовъ съ поднятыми воротниками и продавленными цилиндрами... Въ числѣ вышедшихъ была и графиня д'Ольбрейзе съ своею высокою напудренною прической, мушкой, бурбонскимъ профилемъ, притомъ, въ придворномъ траурѣ по какомъ-то князю-легитимистѣ и съ большимъ сверткомъ нотъ въ рукахъ. Мѣста молодыхъ двушекъ находились на эстрадѣ. Черезъ безконечный рядъ корридоровъ, гдѣ пахло опиумами и газомъ, дошли онѣ, или, вѣрнѣе, толпа донесла ихъ, до эстрады.

Почти всѣ мѣста на эстрадѣ розданы были Ленскимъ знакомымъ. Не было ни одного артиста щедрѣе его, ни одного, кто бы при такомъ громадномъ стеченіи народа, при удвоенныхъ цѣнахъ, все-таки, раздавалъ сотни даровыхъ билетовъ. Вслѣдствіе этого, на эстрадѣ толпились люди всѣхъ сортовъ, дамы всѣхъ возрастовъ и почти всѣхъ ступеней общества; старыя дамы въ черныхъ шелковыхъ накидкахъ, съ гладкими сѣдыми волосами, съ глубокими морщинами на лицахъ,—усталыя пилигримки искусства, которыя лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, можетъ быть,

красивыя, можетъ быть, прославленныя, начали свою карьеру какъ виртуозки, а теперь рады, что могутъ окончить ее учительницами музыки. Тутъ же цвѣтушія молодыя дѣвушки съ растрепанными завитками на лбу, дерзко вызывающими глазами и безпокойно стремящимся куда-то тщеславіемъ, проглядывающимъ въ каждой складкѣ ихъ нарядовъ,—консерваторки, которыя не приобрѣли еще славы виртуозокъ и, можетъ быть, никогда не сдѣлаются порядочными учительницами музыки; между ними нѣсколько дамъ изъ высшаго общества, очень красивыхъ, очень просто одѣтыхъ, но веселыхъ, взволнованныхъ тѣмъ, что имъ пришлось попасть въ толпу, гдѣ ихъ толкаютъ и давятъ; люди, говорящіе по-испански, по-французски, по-русски, по-англійски; нѣсколько мужчинъ, немного—два-три парижскихъ оперныхъ композитора, два скрипача, одинъ поэтъ, пріѣхавшій, чтобъ вдохновиться, извѣстный художникъ, прославившій себя портретами Ленскаго,—все это тѣснилось на эстрадѣ.

— Гдѣ наши мѣста?—спросила Соня, внимательно смотря кругомъ,—24, 25... 24, 25...

— Здѣсь, Соня!—крикнулъ мягкій мужской голосъ.

Соня вдругъ вспыхнула, ея большіе синіе глаза засверкали. Она остановилась, какъ прикованная. Молодой человекъ, высокій, широкоплечій, съ продолговатымъ, слегка желтымъ, необыкновенно правильнымъ лицомъ, симпатичными миндалевидными глазами и густыми темными волосами, направился къ ней на встрѣчу и подалъ ей руку.

— Вотъ ваши мѣста, — сказалъ онъ, — здѣсь, въ третьемъ ряду. Я только третьяго дня пріѣхалъ и у отца уже не оставалось лучшихъ.

— Ахъ, не бѣда... здѣсь очень хорошо. Такъ мило съ твоей стороны, что ты вспомнилъ обо мнѣ.

— Ну, вотъ, недоставало бы, чтобы я забылъ тебя!

Неожиданно взглядъ его обратился къ Нитѣ и остановился на ея лицѣ.

— Будь добра, представь меня, Соничка!—попросилъ онъ. Его голосъ слегка дрожалъ.

— Мой двоюродный братъ, Николай Ленскій, — произнесла Соня тономъ, выдававшимъ, что этотъ двоюродный братъ для нея болѣе чѣмъ просто родственникъ.

— Фрейленъ фонъ - Санкiewiczъ; — прибавила она. — Но что съ тобой, голубчикъ, ты такъ взволнована?—обратилась Соня къ Нитѣ.

— Ничего, это пройдет, — прошептала Нита и съѣла.

Лицо Николая приняло озабоченное выраженіе и онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ. Почему понравилась ему она, именно она, прежде даже чѣмъ сказала съ нимъ слово, больше, чѣмъ кто-либо изъ женщинъ ему нравился до сихъ поръ? Она, впрочемъ, была сегодня необыкновенно интересна. Лихорадка, отъ которой она ослабла такъ, что едва держалась на ногахъ, отняла у нея суровость, часто отталкивавшую отъ нея; очертанія ея лица сдѣлались мягче обыкновеннаго; загадочный блескъ свѣтился въ ея большихъ глазахъ, въ которыхъ скрыто было страшное горе и вокругъ рта лежала какъ бы осужденная на смерть нѣжность, которая не хотѣла умирать.

— Не можешь ли ты мнѣ достать букетикъ, Боля? — спросила Соня.

Въ эту минуту появилась на эстрадѣ графиня д'Ольбрейзе, въ съѣхавшей на затылокъ шляпѣ, съ отпилившимся локономъ на плечѣ и такая счастливая, точно никогда въ жизни она такъ не веселилась.

— № 26... № 26, — повторяла она, держа у глазъ лорнетку съ очень длинною ручкой.

— Здѣсь, графиня, вотъ... какъ разъ рядомъ съ моею кузницей, — крикнулъ ей Николай.

— Ah merci, comment ça va Sophie... Нита, это прелестно, что мы всѣ рядомъ! Подумайте только, что я сдѣлала, чтобы достать себѣ мѣсто. Вчера вижу Николая Борисовича на бульварѣ Мадленны, — я ѣду на извозчикѣ, приказываю остановиться, соскакиваю, бѣгу къ мосье Ленскому и говорю ему мою просьбу. Мы старые знакомые съ Ницы, но я не подозрѣвала, что онъ въ Парижѣ. Это было дерзко такъ, ни съ того, ни съ сего пристать къ нему, не правда ли? Подержите на минуту мои ноты, мосье Ленскій, — и графиня приколола большою шпилькою на мѣсто шляпу, — дѣйствительно, это было...

Громкій взрывъ аплодисментовъ прервалъ ея рѣчь. По проходу, оставшемуся свободнымъ на эстрадѣ между мѣстами, шелъ высокій мужчина съ длинными, волнистыми темными волосами, съ просѣдью, съ лицомъ, черты котораго напоминали египетскаго сфинкса, — съ лицомъ, исполненнымъ неописуемаго выраженія мрачной грусти, суровой гордости и трогательной доброты, — съ лицомъ чело-вѣка, испытавшаго всѣ земныя радости и все еще жаждущаго ихъ, — чело-вѣка, который все еще отчаянно стремится къ чему-то, во что давно уже пересталъ вѣрить.

Два участника его концерта шли сзади—виолончелистъ, парижская знаменитость съ пробормъ посреди головы и съ очень длинными усами, пианистъ, ученикъ Стерна, похожій на него и внѣшностью, худой блондинъ средняго роста, безукоризненно, почти щегольски одѣтый. Ленскій просто поклонился на всѣ стороны, — началось трио Шумана.

Заглушая два другіе инструмента, разносились серебристые, нѣжные звуки скрипки. Нита вытянула голову впередъ и слушала. Молодой Ленскій принесъ ей букетикъ, о которомъ просила Соня; она машинально вертѣла его въ рукахъ. Взглядъ ея глазъ дѣлался все мрачнѣе. Зачѣмъ пришла она сюда? Зачѣмъ... чтобы сдѣлать пріятное Сонѣ? Нѣтъ, потому что всю ночь она слышала серебристые звуки скрипки, съ тысячью ласкающихъ отбѣнговъ—страстные, грустные, заманчивые. Она ожидала величайшаго музыкальнаго наслажденія, которое можетъ быть дано человѣку, — и Боже, какое разочарованіе, какое ужасное разочарованіе!

Съ первыхъ же тактовъ Ленскій началъ горячиться. Онъ сердился на холодную игру парижскаго виолончелиста, на муху, проползшую по его щекѣ, и Богъ знаетъ еще на что. Его игра въ эту минуту отличалась отъ исполненія всякаго другаго скрипача только безумною быстротой темпа, сильнымъ резонансомъ, неподражаемою мягкостью и полнотою звука, которой не удалось достигнуть еще ни одному скрипачу. Его исполненіе было такъ полно произвольности, что незнакомый съ его манерой виолончелистъ сбился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ три инструмента не попадали даже въ тактъ. Это была жалкая музыка. Отъ раздраженія на лбу Ленскаго вспухли жилы. Все яростнѣе проводилъ онъ смычкомъ по скрипкѣ; она для него только инструментъ, на который онъ изливалъ свою злобу.

Одинъ присутствовавшій критикъ называлъ его игру музыкальнымъ преступленіемъ, а исполненіе трио — искаженіемъ творенія Шумана. Но по окончаніи номера, все-таки, раздались громкіе аплодисменты. Было въ модѣ восторгаться «дьявольскимъ скрипачомъ». То, что могло показаться парижанамъ загадочнымъ, они объясняли однимъ словомъ: «славянинъ», которое успокаивало всѣ могущія возникнуть сомнѣнія.

— Онъ не въ ударѣ, — со вздохомъ замѣтила Соня, — или это не тотъ уже человѣкъ?

Въ первый разъ взглянула Нита на виртуоза, который на громкіе аплодисменты публики снова выходилъ на эстраду съ обоими соучастниками.

Фигура его сторбилась, нижняя губа опустилась; глубокія морщины прорѣзывали щеки, отъ уголъ глазъ ниже скулъ лежала широкая темная полоса; вокругъ рта исчезло прежнее сильное рѣзкое очертаніе и, все-таки...

— Совершенно тотъ же, — коротко произнесла Нита и отвернула голову.

Конечно, онъ тотъ же, только дурныя стороны его натуры выступали безобразнѣе и рѣзче бросались въ глаза, чѣмъ прежде, когда очарованіе его страстной мужественности скрашивало его недостатки. Въ молодому человѣку эти недостатки шли, къ старому — нѣтъ.

Наконецъ, публика успокоилась и концертъ продолжался.

Альбертъ Перфекціонъ сѣлъ за рояль, сыгралъ вальсъ Шопена, этюдъ Тальберга и тарантеллу Листа съ безукоризненнымъ техническимъ совершенствомъ. Послѣ нечистой, сливающейся, ускоренной и, все-таки, увлекательной, обворожительной игры Ленскаго, его музыка дѣйствовала успокоительно, подкрѣпляюще на нервы, и, не отдавая себѣ отчета, какому феномену слѣдуетъ приписать это дѣйствіе, публика вздохнула облегченно и разразилась громкими криками «браво», потомъ вдругъ спохватилась и задумалась, можно ли въ концертѣ Бориса Ленскаго отличать его аккомпаниатора? Это было неприлично.

Затѣмъ послѣдовалъ очень долгій перерывъ и, наконецъ, Ленскій снова появился на эстрадѣ. Черезъ двѣ минуты едва ли кто помнилъ о существованіи Альберта Перфекціона. Все, что Ленскій утратилъ въ глазахъ почитателей музыки, онъ вполне вернулъ. Отъ маленькихъ техническихъ недостатковъ, нечистоты и теперь игра его была не вполне свободна, но у кого хватить времени останавливаться на этомъ въ то время, когда изъ его скрипки льется упоительное, страстно-увлекательное очарованіе? Это уже не скрипка, это — человѣческое сердце, открывающее передъ толпой всѣ свои сокровища, отдающее свою святыню, и на чудесномъ таинственномъ языкѣ, — языкѣ, всѣмъ понятномъ, но на которомъ никто не умѣетъ сказать слова, изливающее свои радости и страданія, свое возносящееся къ небесамъ вдохновеніе и безсильно падающую на землю тоску.

Внѣшность его тоже измѣнилась, облагородилась. Красное передъ тѣмъ лицо сдѣлалось блѣдно; глубоко ввалившіеся глаза почти закрылись, некрасивая линія вокругъ рта исчезла и замѣнилась скорбно-задумчивымъ выраженіемъ, губы полукрѣплены; онъ дышалъ тяжело и иногда точно хрипъ сливался съ звуками его скрип-

ки. У многихъ слушателей промелькнула въ головѣ рекламная сказка *Фигаро*. Нельзя отрицать, его игра производила впечатлѣніе злыхъ чаръ, которымъ онъ самъ подверженъ.

Графиня д'Ольбрейзе дрожала отъ восторга. Она, повидимому, явилась въ концертъ съ похвальнымъ намѣреніемъ—соединить полезное съ пріятнымъ и держала, какъ она, шутя, выразилась, всю программу Ленсаго на колѣняхъ. Она безпрестанно перелистывала свои нотныя тетради, чтобы слѣдить за игрой Ленскаго, но не находила исполняемыхъ мѣстъ. Маленькій щеголеватый учитель музыки, раздраженный ея перелистываніемъ, наклонился черезъ ея плечо, чтобы помочь ей найти, заторопился и разорвалъ пополамъ страницу.

Теперь Ленскій игралъ собственныя сочиненія, свою извѣстную, прекрасно исполняемую «*Légende*», которой напряженно ждала вся публика. Среди трогательной мелодіи изъ-подъ его смычка неслоь точно рыданіе и тяжелое трепетаніе крыльевъ ангела, заблудившагося на землѣ и тщетно ищущаго дороги къ родному небу. Публика не помнила себя: смѣялась, плакала, рыдала, хлопала, къ стучала ногами, всакивала на стулья, чтобы лучше видѣть его.

— *Bis, bis, bis...*—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Онъ повторилъ.

Вдругъ шепотъ пронесется по залѣ... Кому-то дурно на эстрадѣ... Нита! Ея голова опустилась; съ трудомъ одну минуту держать ее въ объятіяхъ Соня, затѣмъ подбѣгаетъ на помощь Николай и выносить на рукахъ безчувственную дѣвушку. Соня слѣдуетъ за нимъ.

Замѣтное волненіе овладѣло публикой; не прерывая игры, Ленскій замедлилъ темпъ и сочувственно посмотрѣлъ вслѣдъ сыну. Красивый юноша! Какъ легко несетъ онъ эту темную фигуру! Кто можетъ это быть? Тонкое, гибкое, молодое, повидимому, тѣло!... Затѣмъ онъ ускорилъ темпъ,—непріятный случай забыть.

УШ.

Концертъ кончился. Послѣ всего прекраснаго и возвышеннаго Ленскій, для окончанія, почти небрежно сыгралъ бравурную пьесу какого-то неизвѣстнаго русскаго композитора. Публика кричитъ, хлопаетъ, безумствуетъ отъ восторга, вызываетъ безъ конца, но Ленскій не показывается. Онъ ушелъ въ «*фойе танцовщицъ*», артистическую комнату: въ Эденъ, чтобы послѣ почти трехчасоваго труда немного прохладиться и успокоиться. Только близкимъ друзь-

ямъ его былъ дозволенъ входъ туда. Его импрессарио и секретарь, Браунъ, боится для него духоты; онъ бережетъ его и относится къ нему, какъ тренеръ къ лошади, которая только что выиграла призъ и черезъ нѣсколько дней должна выиграть еще.

Графиня д'Ольбрейзе подъ покровительствою своей учительницы музыки, г-жи Грениной, проникла къ Ленскому, чтобы сообщить ему, «что онъ ее потрясъ, поразилъ». Г-жа Гренина—старый другъ Ленскаго—сидѣла рядомъ съ нимъ и спрашивала, помнитъ ли онъ свое первое выступленіе въ Парижѣ болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ; помнитъ ли онъ, какъ она поставила его тогда передъ концертомъ на стулъ, чтобы осмотрѣть его костюмъ?

— На васъ былъ тогда черный шелковый костюмчикъ, — рассказывала она, — и чтобы сдѣлать васъ поинтереснѣе, я устроила вамъ широкій воротникъ изъ венеціанскихъ кружевъ—моей любимой вещи. Это очень шло къ вамъ.

Ея лицо выражало добродушное довольство старости. Ленскій къ ней, какъ, впрочемъ, ко всѣмъ, въ особенности же самымъ скромнымъ изъ своихъ друзей, былъ трогательно привязанъ.

— Помню ли я, мадамъ Гренины!—воскликнулъ онъ.—Я гордился воротникомъ больше даже, чѣмъ моимъ успѣхомъ, а я имѣлъ успѣхъ, вполне приличный успѣхъ для такого жалкаго мальчика, безъ всякой протекціи пріѣхавшаго сюда изъ Москвы съ своимъ медвѣжьимъ поводяльщикомъ! Съ тѣхъ поръ я сдѣлалъ свою карьеру!

Онъ говорилъ хриплымъ и глухимъ голосомъ.

— Съ тѣхъ поръ я ставилъ собственного сына на столъ, чтобы заставить имъ любоваться въ фойе залы Эраръ. Помните вы, мадамъ Гренины? Какой хорошенькій онъ былъ мальчикъ, я никогда не видалъ красивѣе!

Онъ сдвинулъ немного брови и посмотрѣлъ на дверь, точно ища кого-то.

— Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался очень милымъ молодымъ человекомъ,—замѣтила графиня д'Ольбрейзе.

— А вы знаете его?—спросилъ Ленскій, взглядывая на нее.—Красивый юноша, не правда ли?

— Mais tout à fait très joli garçon и comme il faut, какихъ теперь нѣтъ,—тепло произнесла графиня.

— И, конечно, тоже музыкантъ,—замѣтила скрипачка, только что впущенная Брауномъ.

— Нѣтъ!—сухо отвѣтилъ Ленскій, точно онъ считалъ это предположеніе оскорбительнымъ для сына.—Мой сынъ дипломатъ.

Между тѣмъ, энтузіазмъ за запертою дверью дѣлался сильнѣе и требованія впустить настойчивѣе.

— Только пожать руку! — умоляли любительницы музыки, пріѣхавшія слѣдомъ за Ленскимъ изъ Москвы, Лейпцига, Вѣны.

— Впустите же ихъ, г. Браунъ, — приказалъ Ленскій секретарю, — если это доставляетъ имъ удовольствіе!

Пожавъ плечами, Браунъ отворилъ дверь — стоявшіе за дверью ворвались толпой, по большей части дамы, молодыя, красивыя, пожилыя, многія заплаканныя, блѣдныя, съ лихорадочно горящими губами. Всѣ устремились къ нему, протягивали ему руки, нѣкоторыя бросались на шею; тѣ, которыя не могли протѣсниться къ нему, вскакивали на столы и стулья, чтобы взглянуть на него. Скрипачка приставала, чтобы онъ далъ имъ взглянуть на свои руки, онъ равнодушно протягивалъ ихъ.

Всѣ, имѣвшіе даровые билеты на эстрадѣ, ворвались сюда. Въмѣстѣ съ толпой вошелъ и Николай. Хотя и занятый стараніями защитить отъ давки маленькую дѣвочку, онъ хорошо видѣлъ всю сцену. Ему сдѣлалось противно это дикое увлеченіе. «Какъ смѣшно и противно должно все это казаться отцу!» — подумалъ онъ и внимательно посмотрѣлъ на виртуоза. По лицу Ленскаго не замѣтно было, чтобы это неистовство нравилось ему; это прошло уже въ немъ; но также мало, повидимому, сознавалъ онъ, насколько все это противно. Красивымъ и некрасивымъ дамамъ онъ гладилъ руки, дѣловалъ ихъ между перчатками и рукавами, притягивалъ къ себѣ, шепталъ что-то на ухо... большинство смѣялось... одна покраснѣла... Наконецъ, Николай протѣснился къ отцу, ведя подъ руку свою маленькую артистку, десятилѣтнюю худенькую дѣвочку, хорошенькую, насколько можетъ быть хорошенькимъ ребенокъ съ блѣдными щеками, синеватыми губами и темными кругами подъ большими глазами, опущенными длинными черными рѣсницами.

— Вотъ, отецъ, маленькая артистка, которая надѣется когда-нибудь быть великою артисткой, — сказалъ онъ, подводя къ отцу ребенка.

Бѣдно одѣтая дѣвочка дрожала и чуть не плакала отъ волненія и смущенія. Но виртуозъ ласково привлечь ее къ себѣ.

— Поди ко мнѣ, я люблю хорошенькихъ дѣвочекъ. Тагъ ты уже играешь на скрипкѣ?

Онъ взялъ ее за обѣ руки, и бѣдная дѣвочка съ необычайнымъ удовольствіемъ прижалась къ его груди. Щеки ея немного порозвѣли.

— Она уже играетъ весь вагъ сегодняшній репертуаръ, ма-

эстро!—воскликнулъ учитель дѣвочки, который, слѣдуя по пятамъ за Николаемъ, добрался тоже до виртуоза. — Она необыкновенно развита для своихъ лѣтъ!

— Кажется! — сухо замѣтилъ Ленскій, потомъ, сочувственно глядя на ребенка, прибавилъ:— Сколько пьешь играешь уже ты, бѣдный звѣрокъ... этими ручками! — Онъ снялъ вязаную перчатку и прижалъ губы къ ея крошечной ручкѣ.

— А, маэстро!—воскликнулъ учитель музыки. — Какую честь дѣлаете вы моей ученицѣ! Если ты будешь когда-нибудь великою артисткой, Юлія, ты можешь тогда рассказывать, что 28 ноября 18** года Борисъ Ленскій поцѣловалъ твою руку.

— Прежде чѣмъ она сдѣлается великою артисткой, она, навѣрное, забудетъ меня! — пошутилъ Ленскій и съ состраданіемъ посмотрѣлъ въ глаза ребенку, на лицѣ котораго лежала уже тѣнь преждевременной смерти.

Четырнадцатилѣтній мальчикъ съ претенціозною прической и въ смѣшномъ костюмѣ изъ коричневаго атласа à la Ванъ-Дикъ тоже протѣснился и его представили какъ необыкновеннаго скрипача. Но съ напыщеннымъ мальчикомъ Ленскій не былъ такъ ласковъ, какъ съ робкою дѣвочкой. Онъ едва обратилъ вниманіе на юнаго генія. Бѣлокурая піанистка, разыгрывавшая изъ себя интимную подругу Ленскаго, стояла за его кресломъ и безпрестанно шептала:

— Дайте ему немного воздуха, немного воздуха!

И Ленскій вздыхалъ, обращаясь къ графинѣ д'Ольбрейзе:

— Если бы вы знали, какъ утомительно подавать руку столькимъ людямъ!

На подъѣздѣ Эдена, подъ стеклянною крышей, объ которую ударились дождевыя капли, стояли, между тѣмъ, ожидая экипажа, три человекъ—бывшая пѣвица, извѣстная подъ именемъ Мета Цингарелли, когда-то отвергнутая Ленскимъ, музыкальный критикъ, на котораго Ленскій никогда не обращалъ вниманія, и Альбертъ Перфекціонъ. Пѣвица и критикъ были супруги—господинъ и госпожа Шпацигъ изъ Вѣны; Альбертъ Перфекціонъ—ихъ близкій другъ.

— Что ты скажешь? Понимаешь ты этотъ восторгъ?—спросила г-жа Шпацигъ мужа.

— Боже мой! при царствующемъ теперь во Франціи восхищеніи передъ всѣмъ русскимъ, я и это понимаю! — отвѣтилъ критикъ.— *Lensky exerce la profession avantageuse de slave à l'étranger. Voilà tout!*

— Половину его сегодняшняго исполненія нельзя одобрить съ артистической точки зрѣнія,—горячилась г-жа Шпацигъ.

• Критикъ пожалъ плечами и, обратившись къ пианисту, замѣтилъ:

— Вѣдь, вы дадите здѣсь собственный концертъ, Перфекціонъ!

— Къ чему?—тихо отвѣтилъ пианистъ.—Ужь столько концертовъ назначено въ этомъ году, а меня такъ часто слышали вмѣстѣ съ Ленскимъ.

— Скоро вы освободитесь отъ этихъ цѣпей? — спросила г-жа Шпацигъ-Цингарелли.

— Ахъ, я не могу бросить Ленскаго, — онъ привыкъ ко мнѣ. Другому пианисту трудно будетъ сыгратъся съ нимъ. Иногда довольно трудно ладить съ этимъ недисциплинированнымъ гениемъ, хотя онъ самъ и не подозрѣваетъ этого. Его негасъ теперь уже утомленный конь, которому надо коротко держать поводья, чтобы онъ не спотыкался. Но это между нами.

— Вы благородный человѣкъ, — произнесъ Шпацигъ покровительственно. — Другому давно бы уже надѣло изъ благодарности жертвовать собою за безумство устарѣвшей знаменитости, въ особенности когда публика, не сознавая того, давно уже апплодируетъ вашему акомпанименту въ концертахъ Ленскаго! Надо, вѣдь, сказать правду, самъ онъ игралъ сегодня плохо, позорно плохо. Онъ себя срамить!

— Гм! — Перфекціонъ глубоко вздохнулъ. — Вы пересолили немного, — произнесъ онъ съ холоднымъ спокойствіемъ, — это было, все-таки, прекрасно, но... солнце зашло и конецъ близокъ.

IX.

Фойе танцовщицъ опустѣло, концертная зала темна. Сѣрые чехлы закрываютъ красный шелкъ креселъ; одобрителный и критическій ропотъ, только что раздававшійся, какъ отголосокъ успѣха въ корридорахъ, и уносившійся дальше на улицу, витавшій вокругъ мавританскихъ розетокъ и арабесокъ Эдена, смолкъ; усиленное движеніе пѣшеходовъ и экипажей на улицѣ прекратилось, даже пожарные направились къ своему депо. Ленскій съ сыномъ ѣхали на извозчикѣ въ отель Вестминстеръ, гдѣ скрипачъ остановился по старой привычкѣ.

Жаръ собственнаго музыкальнаго вдохновенія еще не улегся въ Ленскомъ, возбужденіе, поднятое въ немъ восторженными рукоплесканіями, еще держало натянутыми его нервы. Точно эхо рукоплесканій, этого своеобразнаго шума, звучавшаго почти какъ буря, шумѣло въ его головѣ. Онъ находился въ эту минуту въ какомъ-то торжествующемъ упоеніи, въ которомъ не признавался и которое

скрывалъ, потому что оно казалось ему мелочнымъ и никогда не продолжалось у него долго, но очень быстро смѣнялось мучительнымъ униженіемъ. «Что значить все это? — спрашивалъ онъ себя тогда, — да и что это такое, собственно?»

У Николая не раздавалось въ ушахъ одобрительнаго шума, за то ему все еще слышались первые сладко-задумчивые звуки «Легенды». Они составляли въ его душѣ музыкальный фонъ для блѣднаго личика съ большими темными глазами и милыми устами. Какъ слушала она игру отца, точно съ какимъ-то ужасомъ въ ея торжественномъ взорѣ. Онъ никогда не видалъ, чтобы такъ слушали. При каждомъ звукѣ выраженіе ея лица мѣнялось. Развѣ дѣйствительно есть люди, на которыхъ музыка можетъ производить такое впечатлѣніе?

А какъ она внезапно упала... какъ пріятно было держать въ объятіяхъ это тонкое, гибкое тѣло. Ея голова такъ тяжело и бессильно покоилась на его плечѣ; ея шелковистые, золотисто-каштановые волосы на минуту коснулись еще щеки. Онъ не могъ забыть этого, ему все еще казалось, что онъ держитъ ее на рукахъ; онъ чувствовалъ бессознательное прикосновеніе теплаго молодого тѣла къ своей груди. А это личико!... Насколько сдѣлалось оно красивѣе, потерявши власть надъ собою. Холодное, мрачное выраженіе исчезло; безконечно грустнымъ было оно, но сколько нѣжности и доброты примѣшивалось къ этой грусти! Какое страшное горе можетъ быть скрыто въ ея груди? Ахъ, если бы можно было утѣшить ее... Глупое желаніе! Куда унеслись его мысли?

— Есть у тебя огонь, Коля? — спросилъ хриплый голосъ около него.

Николай вздрогнулъ; невѣжливо, что онъ молчалъ, слѣдовало сказать нѣсколько словъ объ успѣхѣ отца.

— Какой успѣхъ имѣлъ ты сегодня, — замѣтилъ онъ, подавая виртуозу свою сничечницу.

— Большой былъ шумъ дѣйствительно, — замѣтилъ Ленскій, пожимая плечами. — Это означаетъ немного. Дѣло въ томъ, что успѣхъ всегда точно эпидемія или пожаръ — никто не знаетъ, почему иногда онъ распространяется, въ другой разъ — нѣтъ. Кстати, съ кѣмъ-то дурно сдѣлалось, съ кѣмъ это, со старухой?

— Нѣтъ, съ молодою дѣвушкой.

— Хорошенькой?

— Мнѣ она понравилась.

— Гм... гм... дурно-то съ ней сдѣлалось оттого, что она слишкомъ стянулась?

— Нѣтъ, отецъ, — повидимому, отъ волненія. Я никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь слушалъ такъ, какъ она слушала тебя.

— Лишилась чувствъ отъ волненія, — повторилъ Ленскій, — хорошенькая молоденькая дѣвушка!... Mais c'est un succès de Togaador, высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ!

Карета остановилась передъ отелемъ Вестминстеръ.

— Ты объдаешь у меня?—спросилъ Ленскій, выходя.

— Если позволишь, — отвѣтилъ Николай.

— Но только безъ такихъ формальностей, — продолжалъ скрипачъ, — не принуждай себя къ чему-либо изъ вѣжливости, и не оставайся, если не хочешь; общество, которое мы встрѣтимъ у меня, и безъ того тебѣ не понравится.

Ленскій произнесъ это рѣзко и сердито. Вообще отношенія этихъ двухъ людей были довольно странны. Въ душѣ они, повидимому, очень любили другъ друга, а, между тѣмъ, какая-то неприязнь чувствовалась въ отношеніяхъ отца и сына.

— Въ которомъ часу могу я придти?—спросилъ Николай.

— Могу я придти! — передразнилъ его отецъ. — Это невыносимо! Оставь въ покоѣ твои аристократическія замашки. Не забывай, что твой отецъ плебей. Мои гости явятся въ половинѣ восьмого, ты же можешь придти когда хочешь.

Они дошли до перваго этажа, гдѣ находилось отдѣленіе, занятое скрипачомъ. Николаева комната была въ слѣдующемъ этажѣ.

— Слишкомъ близко одинъ отъ другаго, мы стѣсняли бы другъ друга, — съ самаго начала сказалъ виртуозъ сыну. — Adieu à tantôt! — крикнулъ онъ юношѣ.

Съ этими словами они разстались.

X.

Когда черезъ полчаса Николай явился къ Ленскому, гости уже сидѣли за столомъ. Атмосфера маленькой столовой съ ея потертою обстановкой, — обстановкой старомоднаго отеля перваго разряда, — была пропитана запахомъ potage bisque, любимаго кушанья виртуоза. Пестрые десертныя вазы стояли на столѣ; люстра бросала яркій свѣтъ на чрезвычайно смѣшанное общество. Направо отъ Ленскаго сидѣла г-жа Гревина, налѣво графиня д'Ольбрейзе, для большей важности не снявшая шляпы. Эта свѣтская дама на гастроляхъ въ артистическихъ кружкахъ раздражала Николая. Онъ чувствовалъ себя неловко, казался себѣ смѣшнымъ въ своемъ безукоризненномъ костюмѣ, — онъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ,

такъ какъ послѣ обѣда ѣхалъ на вечеръ. Ему оставили мѣсто противъ отца. Направо отъ него сидѣла бѣдная русская, очень худая, очень блѣдная, очень застѣнчивая, съ безцвѣтными, просто закрученными волосами и большими глазами на выкатъ; налѣво бѣлокурая пианистка, изображавшая изъ себя близкаго друга Ленскаго и, какъ нянька, постоянно наблюдавшая за великимъ артистомъ. Ея поблеклое лицо и нервная одышка были характерны для бѣдной учительницы музыки, бѣгающей во всякую погоду въ непромокаемомъ плащѣ и валочахъ по улицамъ за своимъ жалкимъ заработкомъ. Она была, впрочемъ, одной изъ тѣхъ мечтательницъ, которыя до старости вѣрятъ въ счастливую переменъ судьбы.

Николай обратилъ на нее мало вниманія; за то сосѣдка справа возбудила его горячее сочувствіе. Г-жа Булатова была женой одного еще непризнаннаго московскаго композитора, пріѣхавшаго два года тому назадъ съ головой, полной химеръ, сундукомъ, полнымъ рукописей, въ Парижъ искать славы. Для человѣка, желающаго составить себѣ карьеру въ Парижѣ, необходимо «пріобрѣсти связи», сказали ему, и онъ пріобрѣталъ ихъ; онъ истратилъ все свое небольшое состояніе на обѣды артистамъ и журналистамъ. Ему обѣщали все возможное. Сначала его произведенія должны были появиться на сценѣ Большой оперы, затѣмъ въ Орега Comique и, наконецъ, въ Cirque d'Winter. Его капиталъ истощился, сочиненія не были поставлены, а артисты и журналисты сторонились отъ него, когда встрѣчали на улицѣ.

Эту горькую исторію рассказывала бѣдная женщина Николаю тонкимъ, хриплымъ голосомъ и тяжело дыша, частью по-русски, частью на плохомъ французскомъ языкѣ. Когда ея рассказъ коснулся подлости и эгоизма блюдолизовъ, обобравшихъ ея мужа, ея голосъ сдѣлался пронзителенъ и рѣзокъ:

— Для меня все это ничего не значить, — грустно закончила она, — но онъ теряетъ бодрость духа! — и она показала Николаю мужа: худой, блѣдный, съ жидкими волосами и большими сѣрыми глазами, онъ по внѣшности имѣлъ нѣкоторое сходство съ женой, но держалъ себя совсѣмъ иначе. Онъ смѣялся и громко говорилъ, съ отчаяннымъ весельемъ людей, стоящихъ передъ неминуемою катастрофой, и затѣмъ вдругъ умолкалъ. Краснота вокругъ носа и водянистый блескъ глазъ выдали Николаю грустную тайну. А его жена все еще не теряла бодрости духа!

Отъ Булатовой наблюденія Николая перешли къ остальнымъ гостямъ. Онъ увидѣлъ эксцентрично одѣтую молодую арфистку, съ вызывающими манерами и беззастѣнчивыми выраженіями, ма-

демуазель Клейнъ, изъ Вѣны; скрипача Поль, не лишеннаго ума и остроты, но безъ вѣры въ свое искусство, на которое онъ смотрѣлъ какъ на ремесло средней руки, съ смѣлымъ, выставляемымъ на-показъ презрѣнiемъ къ своимъ коллегамъ и къ своему собственному положенiю; еще двухъ музыкантовъ, играющихъ пассивную роль и съ молчаливымъ довольствомъ плетущихся своею дорогой; одного пустаго французскаго журналиста съ претенціознымъ цинизмомъ, — кругомъ ни одного дѣйствительно выдающагося артиста и среди всѣхъ этихъ ничтожностей — его отецъ!

«Можетъ ли онъ хорошо себя чувствовать съ этими людьми?» — спросилъ себя Николай и внимательно посмотрѣлъ на отца. Въ его манерахъ была какая-то небрежность, но небрежность напускная; такимъ онъ былъ не потому, что не можетъ быть инымъ, а потому, что онъ позволяетъ себѣ все, что приходитъ въ голову, и ему все прощается ради его исключительнаго положенiя. Его безукоризненный французскій выговоръ, широкій умственный кругозоръ, инстинктивное сохраненiе извѣстныхъ привычекъ хорошаго тона, его твердое знанiе всевозможныхъ аристократическихъ слабостей и страстей ставили его гораздо выше окружающей его среды. Онъ не казался свѣтскимъ человѣкомъ, но за то производилъ впечатлѣнiе большаго барина, одного изъ тѣхъ русскихъ баръ, которые, вырвавшись на время изъ своего круга, знаютъ за границей со всякимъ сбродомъ, чтобы, вдали отъ семьи и своего социальнаго положенiя, дать волю своему темпераменту.

Въ началѣ обѣда Ленскій молчалъ и только перекинулся черезъ столъ нѣсколькими дружелюбными словами съ Булатовой. Его доброта къ бѣднымъ была безгранична, несмотря на все его безумство, неукротимую дикость и даже иногда грубость. Но ни къ кому онъ не обращался такъ ласково, какъ съ своими соотечественниками. Къ бѣднымъ русскимъ на чужбинѣ онъ относился какъ къ роднымъ.

Чѣмъ дольше продолжался обѣдъ, тѣмъ хуже становилось общее настроенiе, тѣмъ веселѣе дѣлался Ленскій. Его обращенiе съ графиней д'Ольбрейзе принимало совершенно неприличный характеръ. Сначала онъ почти не замѣчалъ ея. Но когда, изъ тщеславiя и скуки, она попыталась покорить его сердце, любезностью и кокетствомъ вывести изъ равнодушiя, тогда онъ понемногу разгорячался, началъ пожимать ей руки, шепталъ съ многозначительнымъ подмигиванiемъ на ухо разныя двусмысленности, позволялъ себѣ такъ много, что она, наконецъ, испугалась и начала останавливать его. Но удержать Ленскаго послѣ второй бутылки вина, къ

концу объѣда и рядомъ съ хорошенькою женщиной, сдѣлавшеюся вдругъ скромною, послѣ того какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ она чуть не бросалась ему на шею, было дѣломъ не легкимъ.

Николаю кровь бросилась въ лицо, и онъ позволилъ себѣ вмешаться, нерѣшительно произнеся: «*Mais, mon père!*» Вспыльчивый и отъ малѣйшаго замѣчанія или принужденія поступающій всегда на зло, Ленскій былъ менѣе всего расположенъ позволить учить себя «аристократу-сыну». Его покраснѣвшее отъ вина лицо исказилось, глаза засверкали. Онъ уже готовъ былъ произнести что-то ужасное, непростительное, но вдругъ слова замерли на его устахъ; онъ тревожно прислушался и повернулъ голову... Взволнованный дѣтскій голосъ перебилъ кельнера:

— Я хочу туда, *laissez moi passer!*

Возможно ли? Дверь отворилась; задыхаясь, съ покраснѣвшими отъ холода щеками и растрепавшимися подъ шапочкой волосами, въ комнату вбѣжала семнадцатилѣтняя дѣвушка и бросилась въ объятія быстро вскочившаго съ мѣста Ленскаго.

— Наконецъ-то!—задыхаясь, воскликнула дѣвушка по-русски, плача и смѣясь. — Если бы ты зналъ, какого труда мнѣ стоило добратся до тебя!... Они не хотѣли меня впускать; но все это пустяки, теперь я у тебя... А какъ ты поживаешь, поправился? Ахъ ты бѣдный, милый... я не могла дольше выдержать... я такъ боялась за тебя!

Ленскій восторженно прижалъ ее къ груди и покрылъ поцѣлуями ея личико.

— Это моя дочь,—объявилъ онъ удивленно смотрѣвшимъ на нихъ гостямъ.—Дайте ей мѣсто около себя, мадамъ Гревинъ!—и когда кельнеръ поставилъ стулъ между старухой и виртуозомъ, Ленскій прибавилъ:—Сними твою шубу и шапочку, Маша, сядь здѣсь и успокойся немного!—и онъ погладилъ ее по мягкимъ темнымъ волосамъ. Трогательная нѣжность прогнала съ его лица всякій слѣдъ того отвратительнаго выраженія, которое только что было на немъ.—Да, да, это моя дочь, моя глупенькая, невоспитанная дочь, глупенькая дѣвочка, которая меня очень любитъ!—и голосъ этого избалованнаго деспота, который еще недавно выносилъ только поклоненіе сотенъ влюбленныхъ въ него женщинъ, дрожалъ при этихъ словахъ, точно онъ удивлялся, что его собственное дитя любитъ его.

— Голодна ты, голубчикъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, папа, я такъ рада, что не могу ѣсть, но пить хочу,—и она потянулась за его бокаломъ шампанскаго.

— Ахъ ты маленькая плутовка!—Ленскій заботливо придвинулъ ей бокаль, между тѣмъ какъ Николай крикнулъ черезъ столъ:

— Не давай ей шампанскаго... она не выносить его... Самая капля ударяетъ ей въ голову.

— А я такъ люблю его,—вздохнула дѣвочка.

— Расскажи же намъ, какимъ образомъ ты пріѣхала, Маша?—спросилъ Ленскій дочь по-французски.—Я думалъ, ты еще въ Аркашонѣ!

— Я убѣжала!—весело крикнула она, положивъ локоть на столъ и опустивъ голову на руку; при этомъ она захохотала такъ, что ея бѣлые зубки свернули между пухлыми дѣтскими губами.— Убѣжала потихоньку и совсѣмъ одна!

— Да, вотъ это хорошо!—сказалъ Ленскій и сейчасъ же рассердился на себя, что сдѣлалъ при дочери такое неподходящее замѣчаніе.—Но горничную ты, по крайней мѣрѣ, взяла съ собой?

— Нѣтъ, папа, никого... Ахъ, не дѣлай такого мрачнаго лица, не сердись только. Если ты непременно хочешь ссориться, то ссорься завтра, только не сегодня; я такъ рада, что у тебя,—болтала дѣвочка, ласкаясь къ нему.—Видишь, какъ это было: съ октября я у тети Сони, въ Аркашонѣ, потому что тетя Варя не кончила еще отдѣлки своего отеля и потому не можетъ меня взять къ себѣ. Ахъ, я вѣчно должна кочевать отъ одной тетки къ другой, потому что ты не хочешь взять меня къ себѣ, злой папа!

При этомъ шутливомъ упрекѣ лицо Ленскаго омрачилось; дѣвушка, между тѣмъ, продолжала:

— Вдругъ я слышу, что ты въ Парижѣ. Знать, что ты въ Парижѣ и не смѣть ѣхать туда, это было невыносимо. Но сколько я ни просила... мнѣ отвѣтили, что это невозможно... тетя Варя не можетъ меня взять къ себѣ раньше пятнадцатаго; кромѣ того, некому проводить меня въ Парижъ и тому подобныя отговорки, все только глупости, которыя приводили меня въ отчаяніе. Между тѣмъ, я каждый день читаю газеты!

— Что я слышу, Маша!—перебилъ ее Ленскій, смѣясь.—Ты читаешь газеты! Что же, *Figaro* или даже *Gil-Blas*?

— *Figaro*, *Temps*,—однимъ словомъ, каждую газету, гдѣ написано что-нибудь о тебѣ, остальное меня не интересуетъ,—спокойно отвѣтила Маша.—Я читала, какъ чуть не дерутся за мѣста въ твоихъ концертахъ, какъ весь Парижъ лежитъ у ногъ твоихъ, и я радуюсь и горжусь тобой...

— Ахъ, ты гордишься мною!—произнесъ Ленскій съ такимъ

выраженіемъ, которое изъ всѣхъ присутствующихъ понялъ одинъ Николай.

— Но, папа...—пожимая плечами, воскликнула Маша, недовольная, что ее прервали,—но, папа... горжусь ли я тобой!... Какъ можешь ты это спрашивать?... Да, безумно горжусь... Вдругъ я читаю, что ты сталъ блѣденъ, имѣешь видъ усталый, тогда мною овладѣло безпокойство и почти каждую ночь я видѣла во снѣ, что ты болѣнъ. Вчера вечеромъ,—мы получаемъ парижскія утреннія газеты только вечеромъ,—я читаю, что съ тобой былъ ударъ. Я была внѣ себя; они старались успокоить меня, доказать, что если бы твоему здоровью грозила опасность, меня, конечно, вызвали бы телеграммой. Они были очень ласковы, очень терпѣливы, но не понимали меня. Они хотѣли телеграфировать тебѣ... Но, Боже мой, сидѣть сложа руки и ждать, часъ за часомъ ждать телеграммы, которая не приходитъ, и ничего опредѣленнаго, ничего изъ того, что хотѣлось бы знать, не сообщаютъ... нѣтъ, этого я не могла! И потому я убѣжала, какъ героиня въ романѣ; въ пять часовъ, въ то время, какъ весь домъ еще спалъ, я ушла на станцію. Было страшно холодно. Я продала часы въ буфетѣ, но денегъ у меня не хватило, чтобы заплатить за билетъ, и одинъ молодой человѣкъ былъ такъ милъ, вывелъ меня изъ затрудненія.

— А, предупредительный молодой человѣкъ!—вставилъ журналистъ.

— Онъ былъ очень милъ,—подтвердила Маша.—Онъ взялъ мнѣ билетъ,—онъ говорилъ со мной по-англійски; подумай, папа, онъ принялъ меня за англичанку. Я оставила его при этомъ мнѣніи; онъ снялъ шляпу, я вскочила въ купэ и поѣздъ двинулся. Ахъ, я такъ боялась опоздать на поѣздъ! Въ моемъ купэ сидѣли старый господинъ и старая дама. Я думала, что они мужъ съ женой, потому что они постоянно ссорились, но въ Бордо дама вышла, а я осталась со старикомъ одна. Одну минуту мнѣ сдѣлалось страшно...

— Чего же?—спросилъ журналистъ неприятнымъ тономъ.

— Это было какъ разъ передъ туннелью; онъ вытащилъ большой перочинный ножъ: я думала, онъ меня зарѣжетъ, но нѣтъ, онъ сталъ чистить грушу. Онъ хотѣлъ непременно заставить меня взять половину. Когда я отказалась, онъ предложилъ мнѣ шоколаду и началъ очень приставать; я терпѣть этого не могу и пригрозила ему, что дамъ сигналъ.—Легкая дрожь прервала ее разсказъ.—Я совсѣмъ не знала, что такъ неприятно ѣздить одной!

— Въ дамскомъ купэ вы избѣжали бы этихъ неприятностей,—замѣтила Гревина съ мѣщанскою чопорностью.

— А, madame!—воскликнула Маша, взглядывая сначала на Ленскаго, потомъ на старую даму.—Я совсѣмъ забыла, что существуютъ дамскія купѣ; я только и думала о томъ, какъ бы скорѣе попасть въ Парижъ! Но все обошлось очень хорошо, вы увидите... Слава Богу, поѣздъ остановился. Была большая остановка; я опустила окно, позвала кондуктора, чтобы онъ отворилъ мнѣ дверь,—онъ не слышалъ меня. Французскіе кондукторы никогда не слышатъ. Вдругъ меня замѣчаетъ мой молодой человѣкъ съ армагонскаго вокзала; онъ прогуливался по платформѣ и подбѣжалъ ко мнѣ на помощь. «Я хочу перемѣнить купѣ»,—говорю я ему, указывая глазами на моего противнаго спутника. Онъ понялъ, отвелъ меня въ другой вагонъ, замѣтилъ, что, вѣроятно, я не привыкла путешествовать одна, и спросилъ, позволю ли я ему предложить мнѣ свое покровительство? Я была ему очень благодарна и рассказала затѣмъ всю свою исторію, и что я твоя дочь, папа, и что убѣжала отъ родныхъ потому, что меня испугало извѣстіе въ газетахъ. Тогда выяснилось, что онъ твой старый другъ, Николая,—сказала она, обращаешь къ брату,—онъ называлъ мнѣ свою фамилію... графъ Беренбургъ. Онъ дипломатъ, былъ въ Петербургѣ и сказалъ, что часто встрѣчался съ тобой у дяди Сережи. Помнишь ты его, Николая?

— Еще бы!—воскликнулъ Николай.—Этотъ человѣкъ спасъ мнѣ жизнь на медвѣжьей охотѣ.

— И онъ застрѣлилъ медвѣдя?—спросилъ Ленскій.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Николай,—онъ былъ, какъ онъ скромно выразился, слишкомъ трусливъ, чтобы спустить курокъ,—пуля могла попасть въ меня; онъ не Вильгельмъ Тель,—сбѣялся онъ потомъ. Своимъ охотничьимъ ножомъ онъ зарѣзалъ медвѣдя, рискуя быть задушеннымъ вмѣстѣ со мною. Это былъ геройскій поступокъ!

— Съ опасностью жизни спасъ онъ тебя? Должно быть, онъ очень любить тебя,—замѣтила Машенька.

— Онъ едва зналъ меня.

— Ахъ, какое великодушіе!—сказала Маша; при этомъ она невольно сложила руки и глаза ея наполнились слезами.—Какъ я рада, что познакомилась съ нимъ! — Смотри то на Николая, то на отца, она продолжала:—Вы не можете себѣ представить, какъ онъ былъ милъ со мною. Онъ съ такою любовью говорилъ о тебѣ, Коля; потомъ досталъ газету, чтобы посмотреть, не сказано ли чего о тебѣ, папа. Мы дѣйствительно нашли замѣтку, успокоившую меня относительно твоего здоровья, и послѣ исчезнувшаго страха на серд-

цѣ у меня сдѣлалось такъ легко, что я начала плакать. Приѣхавъ въ Парижъ, онъ далъ мнѣ своего лакея, потому что не могъ пустить меня ѣхать одну черезъ весь городъ... и вотъ я здѣсь. Вы видите, madame, — лукаво обратилась Маша къ Гревиной, — въ общемъ было, все-таки, лучше, чѣмъ если бы я ѣхала въ дамскомъ купѣ.

Но нигдѣ нѣтъ болѣе чопорныхъ, узкихъ, своеобразныхъ взглядовъ на приличія, какъ въ парижской аристократствующей буржуазіи, — вастѣ, о которой за границей ничего не знаютъ, хотя она значительно больше многовостпѣтой артистической богемы.

Гревина пожала плечами и замѣтила:

— Это дѣло вкуса; для моей дочери я предпочла бы дамское купѣ.

Ленскій промолчалъ; онъ съ досадою замѣчалъ, какое дѣйствіе произвелъ рассказъ его обожаемой дочери на присутствующихъ. Большинство мужчинъ ухмылялось; они искали за наивностью Машин расчитанное, ищущее приключеній легкомысліе.

Она, между тѣмъ, сдѣлала нечаянно нѣсколько глотковъ шампанскаго изъ бокала отца и продолжала:

— Глупѣе всего было то, что меня не хотѣли впустить въ отель къ тебѣ... Г. Ленскій обѣдаетъ, отвѣтили мнѣ, а я жетоворила имъ, что я твоя дочь! Они грубо отвѣтили мнѣ, что это всякая можетъ сказать. За кого же они меня приняли... за одну изъ тѣхъ дурь, которыя бѣгаютъ за тобой?

— Маша! — остановилъ ее отецъ.

— Бѣ тому же, я такъ поразительно похожа на тебя!

— Да, ты въ самомъ дѣлѣ похожа на меня? — спросилъ Ленскій, строгое выраженіе котораго не могло устоять передъ этою дѣтскою нѣжностью. — Въ самомъ дѣлѣ похожа? — Онъ взялъ ее за подбородокъ и задумчиво посмотрѣлъ на ея личико. — Да, Богъ — великій художникъ; удивительно, какія прекрасныя варіаціи умѣетъ Онъ писать на безобразныя темы.

— Мама всегда говорила, что я до смѣшнаго похожа на тебя, — прошептала Маша и прибавила еще тише: — Это она говорила мнѣ, когда была особенно ласкова со мной. — При этомъ, не обращая никакого вниманія на присутствіе столькихъ равнодушныхъ и насмѣшливыхъ людей, она придвинула свой стулъ ближе къ отцу и нѣжно прижала свою щеку къ его плечу.

— Маша! сиди прямо, ne fais pas l'enfant! — замѣтилъ Ленскій.

Николай внимательно смотрѣлъ на сестру. Онъ зналъ ее лучше, чѣмъ отецъ, и замѣтилъ, что нѣсколько капель шампанскаго, выпитыя ею изъ стакана отца, ударили ей въ голову. Глава ея

необыкновенно блестяли, она находилась, очевидно, въ возбужденномъ состояніи.

— Ахъ, оставь меня!—отвѣтила она отцу на его замѣчаніе, глядя его руку.—Оставь меня... Еслибъ ты зналъ, какъ я стремилась къ тебѣ!

— Ну, да, да, я вѣрю этому; но это ты расскажешь послѣ, мнѣ одному,—отвѣтилъ онъ и снова недовѣрчиво оглядѣлся кругомъ.

Гости перестали интересоваться дѣвушкой; только графиня д'Ольбрейзе ласково смотрѣла на нее. Такъ какъ она не могла и не хотѣла больше кокетничать съ Ленскимъ, а остальное общество совершенно игнорировала, то ей ничего больше не оставалось дѣлать. Булатова безпокойно посматривала на мужа, взглядъ котораго дѣлался все водянистѣе, языкъ все тяжелѣе. Бѣлокурая пианистка, сидящая между Николаемъ и молодымъ скрипачемъ, распространялась о любви, а скрипачъ пускалъ въ ходъ всѣ хитрости, чтобы заставлять ее говорить какъ можно больше глупостей. Журналистъ усердно подливалъ М-не Клейнъ шампанскаго; остальные мужчины разговаривали между собой, шептали другъ другу на ухо разныя пошлости, въ полголоса, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы ихъ слышали. М-не Клейнъ пьянѣла. Послѣ увлекательной тирады о Ленскомъ она сказала, смѣясь:

— Я часто бываю въ раю, когда слушаю Ленскаго; но, если понадобится, пойду за нимъ и въ адъ!

— Такъ!—воскликнулъ развеселившійся Ленскій.— А если васъ не впустятъ въ адъ?

— Я заплачу за входъ нѣсколькими грѣхами!—и, вызываяще свергая изъ-подъ полузакрытыхъ глазъ, она оторвала цвѣтокъ отъ своего букета на груди и бросила ему черезъ столъ. Ленскій со смѣхомъ поймалъ его. Вдругъ онъ почувствовалъ что-то странное и обернулся. Изумленный, странный взглядъ его дочери былъ устремленъ на него.

Онъ со злобой швырнулъ цвѣтокъ подъ столъ.

— Николай, пожалуйста, отвези ее домой!—воскликнулъ Ленскій, вскакивая.

— Куда, отецъ?

— Куда?...—повторилъ Ленскій,—да... къ Елагиной... куда-нибудь... только прочь отсюда.

— Позвольте мнѣ отвезти вашу дочку къ княгинѣ Елагиной. Моя карета внизу и въ ней хватитъ мѣста для нея и для Николая Борисовича,—предложила графиня д'Ольбрейзе.

— Я буду вамъ очень благодаренъ, графиня,—отвѣтилъ Лен-

скій и, поцѣловавъ Машу въ лобъ, обратился къ гостямъ:—Не перейти ли намъ въ гостиную, кофе уже поданъ.

Но въ то время, какъ Маша, огорченная внезапною холодною отца, выходила изъ прихожей въ своей, отдѣланной соболями съ чисто-русскою роскошью, шубѣ, а Николай помогаль одѣваться графинѣ, Ленскій вышелъ къ дѣтямъ.

— Хорошенько закутай ее, Боля!—крикнулъ онъ сыну.—Она очень нѣжна и легко простужается. Она хочет непременно походить на меня, но многое унаслѣдовала отъ матери. Боже, эти глаза... это совершенно глаза ея матери!... И замолви за нее словечко у тетки, чтобы та ее не очень бранила.

— Мы вмѣстѣ будемъ защищать ее,—ласково замѣтила графиня.—Я понимаю, что заботливый папаша боится подобныхъ выходокъ, но надо быть очень жестокимъ, чтобы не простить ее.

— Ахъ, вы себѣ представить не можете, что ожидаетъ меня! Тетя не злая, она даже любитъ меня, но ея дочь, моя кузина Анна, ужасна!... Зачѣмъ ты отсылаешь меня, папа? Я такъ надѣялась, что ты оставишь меня у себя!

— Это невозможно!—произнесъ онъ съ быстрымъ характеристичнымъ движеніемъ головы и плечъ и съ мрачною рѣшимостью, отрѣзывающею всякую возможность противорѣчія.

— Правда, невозможно?—тихо повторила Маша убитымъ голосомъ.—Ну, такъ прощай! Я, все-таки, счастлива, что видѣла тебя. Только если бы не было здѣсь этихъ противныхъ людей! Эта дерзкая дѣвушка, которая бросила тебѣ цвѣтокъ... какъ она смѣла позволить себѣ это съ тобой?—и Машины глаза засверкали негодованіемъ.

— Она прелестна, ваша дочка, я совсѣмъ влюблена въ нее,—мечтательно произнесла графиня.—Но теперь идемте, дитя мое!

— Еще одинъ поцѣлуй,—прошепталъ Ленскій и взялъ обѣими руками блѣдное личико дочери. Онъ точно не могъ оторваться отъ нея.—Ангель мой... завтра утромъ я навѣщу тебя... Но никогда не пріѣзжай больше сюда, я прошу тебя. Еще дай поцѣловать твои милые глазки... Покойной ночи!

XI.

Онъ сидѣлъ одинъ въ пустомъ салонѣ номера съ сѣрымъ говоромъ, цвѣтными гирляндами котораго давно вылиняли, съ безвкусною синею шелковою мебелью и свѣтлыми обоями, съ этою специфически-непріятною, безличною фізіономіей постоялаго двора.

Ленскій, всегда избѣгавшій одиночества, всегда удерживавшій своихъ гостей до той минуты, когда начнутъ слипаться его глаза, сегодня раньше десяти часовъ далъ имъ понять, что они ему надобли. Они ушли и онъ съ радостью проводилъ ихъ глазами, а теперь хотѣлъ бы вернуть ихъ, какъ ни безразличны ему были всѣ и какъ ни мало симпатично большинство изъ нихъ. Они хотъ прогнали бы наплывъ воспоминаній, беспорядочнымъ роємъ проносившихся въ его душѣ.

Какою пестрою вереницей несутся они передъ нимъ!... И во всемъ этомъ роѣ нѣтъ ни одного милаго лица, на которомъ хотѣлось бы остановиться, — нѣтъ, только толпы людей, только концертная публика — Петербургъ, Москва, Мадридъ, Лондонъ, Копенгагенъ, Вѣна, Парижъ.

Невольно онъ сравнилъ и свою душу съ постояннымъ дворомъ, черезъ который проходили тысячи людей, и ни одинъ не ужился тамъ, ни одинъ не оставилъ въ немъ слѣда.

Въ дружбу онъ не вѣрилъ; старымъ знакомымъ онъ оставался вѣренъ, даже если они были ему въ тягость, изъ твердости характера или изъ упрямства; привязанности не чувствовалъ ни къ кому. Его увлеченія были мимолетны, оставляли его душу такою нетронутой, что воспоминаніе о женщинахъ, съ которыми онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, было очень кратковременно и состояло изъ смѣшанныхъ чувствъ презрѣнія, жалости и отвращенія. Онъ не помнилъ даже имени большинства изъ нихъ. Давленіе какой-либо дисциплины, принужденія, сдержанности было ему невыносимо; онъ далъ свободу всѣмъ своимъ инстинктамъ, ни въ чемъ не сдерживался, ни въ чемъ не подчинялся, проповѣдывалъ всегда, что надо забываться, и самъ никогда не могъ вполнѣ забыться. Нѣтъ, во время безумной вакханаліи, среди которой пронесли послѣднія пятнадцать лѣтъ его жизни, въ немъ всегда оставалось что-то, чего онъ не могъ удовлетворить, и онъ съ ужасомъ отталкивалъ отъ себя это безобразное опьяненіе, какъ недѣйствительное средство.

Онъ отрицалъ всякую вѣру, даже вѣру въ долгъ; жилъ однимъ наслажденіемъ, но наслажденіе исчезало, какъ только онъ прикасался къ нему; оно превращалась въ его объятіяхъ въ холодный, безжизненный трупъ. Единственное, что могло еще иногда увлечь его, было искусство, но и надъ нимъ онъ начиналъ терять власть.

Его произведенія, та часть искусства, которую онъ дѣйствительно любилъ, все болѣе и болѣе превращались въ сборникъ эффектныхъ контрастовъ; внутренній голосъ, напѣвавшій ему нѣ-

когда такія чудныя пѣсни, былъ недостаточно силенъ, чтобы онъ услышалъ его среди шумной, беспорядочной жизни, и, усталый, смолкъ совсѣмъ. Его творческая сила ослабла, его игра...—парижане могли хлопать сколько имъ угодно,—онъ отлично зналъ, насколько она упала.

Болѣе сорока лѣтъ концертируетъ онъ и уже двадцать лѣтъ играетъ одинъ и тотъ же репертуаръ, трудный репертуаръ, но до мелочей всегда одинъ и тотъ же. Надоѣло это; онъ уже не слушаетъ себя, когда играетъ; только иногда полубезсознательно все, что сокрушало его умъ и сердце, проскальзываетъ въ его пальцы и изливается въ звукахъ, и люди, слушающіе его, чувствуютъ тогда не восторгъ передъ величайшимъ скрипачемъ на свѣтѣ, а сочувствіе къ великому человѣку, который, утративъ идеалъ въ жизни, отчаянно стремится найти его въ искусствѣ.

Какъ медленно ползетъ время! Онъ не думалъ, что будетъ такъ неприятно остаться одному. Все больше и больше страшныхъ тѣней проносится передъ нимъ. Тутъ и принцессы крови, и красавицы, благосклонности которыхъ тщетно добивались цари, извѣстныя артистки, и, наконецъ, бѣдныя дѣвушки, которымъ минута увлеченія отуманила рассудокъ. Онѣ виваютъ ему, довѣрчиво улыбаются все тою же улыбкой тайнаго согласія.

— Одна точь-въ-точь какъ другая!—крикнулъ онъ и топнулъ ногой, точно хотѣлъ втоптать въ землю всѣ эти призраки.—Одна, какъ другая!...

Вдругъ одна фигура выдѣлилась изъ толпы и приблизилась къ нему. Онъ протянулъ къ ней руки.

— Наташа! — воскликнулъ онъ; она исчезла. Это была его жена. Какъ ясно видѣлъ онъ ее! Она была не такая, какъ другія. Какъ могъ онъ осмѣлиться причислить этого ангела ко всѣмъ остальнымъ? Онъ безумно любилъ ее, но и безмѣрно оскорбилъ.

Наташей звали ее... да... Наташей, и когда онъ повелъ ее къ алтарю, она была красивою молодою дѣвушкой, княжной Ассановой, выходившей за него замужъ противъ желанія родныхъ. Онъ носилъ ее на рукахъ, усыпалъ ея путь цвѣтами и она была счастлива и онъ вмѣстѣ съ ней. Дѣти явились... какъ прекрасно все было!... То были золотые годы его жизни, пять-шесть лѣтъ. Потомъ... потомъ демонъ началъ скучать въ раю... его цыганская натура потянула его куда-то; онъ уѣхалъ изъ дома — на время, чтобы перебѣситься—потомъ сталъ уѣзжать чаще... все чаще...

Въ началѣ она слишкомъ легко простила ему, такъ легко, что это почти оскорбило его, такъ легко, что съ той минуты онъ счи-

таль ее способной все вытерпѣть. Но, наконецъ, она не могла больше выдержать—разсталась съ нимъ. Это было ужасно,—такъ ужасно, что онъ думалъ, будто не вынесетъ. Она тоже не выдержать, думалъ онъ, и призоветъ его обратно. Онъ каждый день ждалъ этого—и она призвала его... когда лежала при смерти.

Этому скоро четыре года, ему же казалось, точно это случилось только вчера. Такъ ясно видѣлъ онъ все—большую комнату въ Римѣ, свѣтлую, просторную, стѣнянки лѣбарствъ съ длинными рецептами на ночномъ столикѣ, карманные часы, которые онъ давно, при рожденіи Юли, подарилъ ей, мерцающую ночную лампочку въ углу, бѣлый капотъ, висящій на стулѣ, маленькія туфельки, а тамъ, на кровати, ее съ исхудавшимъ тѣломъ, обрисовывающимся подъ одѣяломъ—бѣлымъ фланелевымъ одѣяломъ съ красными каймами. Она приподнялась съ подушки при его входѣ и встрѣтила улыбкой, всепрощающей,—нѣтъ, не только прощающей, но просящей его о прощеніи за то, что она—она, бѣдный ангелъ, была слишкомъ слаба, чтобы спасти его отъ самого себя, чтобы освободить его. Тогда... онъ заключилъ ее въ объятія и поцѣловалъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что все кончено...

Вдругъ возшло солнце, тамъ, за церковью Trinitá de'Monti—широкій золотой лучъ упалъ на умирающую. Точно свѣтлая десница Божія явилась за ея душой. Она подняла еще слабую руку, чтобы показать наверхъ... Рука опускалась, опускалась...

Какое ужасное время!

Ленскій, которому мысль о смерти внушала такой ужасъ, что ничто не могло преодолѣть его,—который, встрѣчая на улицѣ похороны, отварачивалъ голову и не могъ видѣть покойника,—онъ провелъ около ея гроба двѣ ночи, не отходя и не принимая пищи. На вторую ночь онъ заснулъ отъ страшнаго утомленія. Онъ жалѣлъ о быломъ времени, о прошломъ счастіи. Ему снилось, будто онъ сидитъ на террасѣ дачи въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ они проводили лѣто, короткое сѣверное лѣто. Стояла свѣтлая августовская ночь; бѣлые стволы березъ выдѣлялись на темномъ фонѣ хвойныхъ деревьевъ, пестрые цвѣты высокихъ тонкихъ мальвъ были ясно видны, вѣтеръ шелестилъ листьями, а розы сладко благоухали. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Наташей, рука въ руку; ея голосъ былъ нѣженъ, ласкалъ его слухъ; иногда она смѣялась, тогда смѣялся и онъ, потому только, что она смѣялась, и принималъ поцѣлуемъ въ ея уста. Ахъ, какъ горячо отвѣчали ему ея жаркія молодыя губы!

Вдругъ онъ проснулся; ночная бабочка коснулась его крыломъ. Бругомъ все было черно—стѣны, полъ, потолокъ, и тутъ, около не-

го, окруженная высокими, бросающими красноватый свѣтъ свѣчами и благоухающими цвѣтами, Наташа... Какъ хороша еще была она! Онъ наклонился надъ гробомъ, поднялъ ее съ бѣлой атласной подушки и поцѣловалъ.

До мозга костей проникъ его холодъ этого прикосновенія; въ первый разъ онъ понялъ, какая страшная пропасть легла между нимъ и ею.

Когда пришелъ Коля, чтобы смѣнить отца, онъ нашелъ его лежащимъ безъ чувствъ около гроба.

Да, ее одну онъ безумно любилъ; но она не защитила его отъ самого себя ни своею жизнью, ни своею смертью.

Сначала, правда, въ первые дни послѣ ея смерти, онъ думалъ, что утихла буря въ его крови; но крайней мѣрѣ, онъ не чувствовалъ ея.

Убитый и измученный, онъ проводилъ часы, дни въ ея комнатѣ, гдѣ все еще оставалось такъ, какъ было до того, когда ее вынесли, гдѣ все лежало такъ, точно она должна еще вернуться. Когда же, наконецъ, онъ заставилъ себя уѣхать изъ Рима, онъ тихо и спокойно прожилъ два мѣсяца съ дѣтьми. Онъ даже пробовалъ опять работать, сочинять, но ничего не выходило. Тогда имъ овладѣло отчаяніе о своемъ погубленномъ гениі, а вмѣстѣ съ отчаяніемъ поднялась и буря. Онъ не могъ выносить покоя, — онъ просто не въ силахъ былъ. Ему нужны были шумъ, постоянныя перемены, возбужденіе и опьяненіе.

Онъ отвезъ къ роднымъ Машу, свою прелестную обожаемую дочку, отъ которой спѣшилъ теперь избавиться, какъ отъ стѣснительной обузы, и затѣмъ... затѣмъ онъ началъ свою жизнь какъ разъ съ того пункта, на которомъ остановился передъ смертью Наташи. Онъ кочевалъ изъ города въ городъ, изъ концертной залы въ концертную, изъ гостиницы въ гостиницу, нигдѣ не находя покоя и радости, вездѣ встрѣчая обожаніе и поклоненіе и еще безумнѣе прожигающая жизнь, такъ какъ тоска его сдѣлалась сильнѣе и требовала большихъ усилій, чтобы заглушить ее.

Все это можно было еще кое-какъ выносить, но что будетъ года черезъ два? Невольно взглядъ его упалъ на ворохъ газетъ, лежащихъ на столѣ среди комнаты: тутъ было тридцать, сорокъ экземпляровъ нумера *Фигаро*, заключавшаго въ себѣ рекламную сказку. Онъ засмѣялся надъ людьми, приславшими ему эту напыщенную статью, чтобы польстить ему.

«Я хочу дать твоему искусству очарованіе, передъ которымъ»

никто не устоитъ, — прошептала онъ. — Ба, сколько лѣтъ можеть это еще продолжаться?» Нѣтъ, онъ не заблуждался, онъ опускался внизъ, быстро опускалась и его игра, и его здоровье, — все!

— Дьяволу скоро нельзя будетъ пользоваться моею скрипкой, — пробормотала онъ, — обо мнѣ не захотятъ больше ничего знать, я старѣю!

Вдругъ онъ схватилъ себя за голову и крикнулъ:

— Но что дѣлаетъ такой человекъ, какъ я, когда старѣеть?

Въ первый разъ въ жизни задалъ онъ себѣ такой вопросъ.

Состариться, не имѣя мужества, спокойно покориться, — состариться безсильнымъ развратникомъ, выпивающимъ отвратительные подонки изъ пустыхъ бокаловъ... какъ гадко, какъ ужасно! Не лучше ли все порвать, посвятить себя дѣтямъ и начать порядочную жизнь?

Онъ горько засмѣялся. Порядочную жизнь... ему, когда два часа одиночества довели его чуть не до безумія!

Объ этомъ не могло уже быть рѣчи, — слишкомъ поздно.

Состариться!... Пустой призракъ, — такіе, какъ онъ, не старѣютъ, — они умираютъ!

Да, вотъ конецъ. Умереть, ничего не оставить, ни имени въ искусствѣ, ни одного безсмертнаго произведенія, быть забытымъ, вычеркнутымъ изъ вселенной, — еще немного солнечнаго свѣта, воздуха, движенія, цвѣтовъ и звуковъ, и затѣмъ все потемнѣеть, — одно громадное черное пятно — смерть! Да, вотъ онъ, конецъ... и, можетъ быть, онъ наступитъ завтра, можетъ быть, черезъ два года! Но придти онъ долженъ... А пока... пока онъ хочетъ жить, каждымъ фибромъ, каждою каплей крови, жить... жить!...

Что это?... Мимо окна пронесся точно грустный тяжелый вздохъ. Его лицо приняло напряженно-прислушивающееся, томительно-страстное выраженіе. Ему чудилось точно рыданіе измученной души, забывшей дорогу къ небу, потому что горячая любовь удерживаетъ ее на землѣ и раскаяніе о неисполненной задачѣ.

Было ли это слѣдствіемъ чрезмѣрнаго раздраженія слуховыхъ нервовъ, или началомъ того мистицизма, въ жертву котораго попадаютъ въ извѣстный періодъ жизни почти всѣ великіе русскіе интеллигентные люди? Что бы то ни было, онъ повялся бы, что слышалъ ее голосъ, жалостный и нѣжный... Вотъ опять... «Борисъ!... Борисъ!...»

Онъ почувствовалъ что-то странное — успокоеніе близости любви. Безумная, неопикуемая страсть овладѣла имъ. Онъ протянулъ руки; видѣніе исчезло. Дрожь передернула его, потъ выступилъ на

лбу. Онъ вспомнилъ ужасный холодъ, который встрѣтили его губы, когда онъ поднялъ трущъ съ кружевной подушки гроба.

— Нѣтъ, смерть взяла все, — она ничего не оставила. Глупо и безумно вѣрить чему-нибудь подобному! Нѣтъ ничего, кромѣ жизни!...

И въ то время, какъ страстное желаніе къ недостижаемому, небесному сжимало его сердце, онъ сдавленнымъ голосомъ хрипѣлъ:

— Да, жить... жить!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На слѣдующій день отъ пережитаго Ленскимъ наканунѣ не осталось слѣдовъ. Съ девяти часовъ утра ему не давали покоя гости. Не всегда удобно быть великимъ человѣкомъ.

Наконецъ, водворилась тишина въ его гостиной; остался только веселый молодой скрипачъ Поль.

Такъ какъ Ленскій ни минуты не могъ оставаться безъ дѣла, чтобы не начать нервничать, то Поль предложилъ сыграть партію пикета.

Самымъ серьезнымъ образомъ играли они по маленькой на краю стола, большая часть котораго была завалена наскоро отодвинутыми книгами. Какая масса въ беспорядкѣ набросаннаго матеріала для чтенія! Сколько разбросано книгъ на столѣ, рѣшительно все, что вышло интереснаго въ этотъ сезонъ, начиная съ новѣйшаго произведенія Тэна, до послѣдняго памфлета Луизы Мишель, такъ какъ Ленскій поглощалъ невѣроятное количество книгъ, чтобы избавиться отъ своихъ мучительныхъ думъ. Поль нашелъ отличное средство развлекать стараго льва; онъ каялся ему во всѣхъ своихъ неудачныхъ любовныхъ похиженіяхъ (*ses bonnes fortunes gâtées*). Это своего рода утонченная лесть, такъ какъ каждому артисту въ глубинѣ сердца льстить фіаско товарища. Разказы Поля очень забавляли Ленскаго, онъ громко смѣялся. Пониманіе юмора у него было одностороннее; онъ видѣлъ комизмъ только тамъ, гдѣ онъ приправленъ двусмысленностью.

Въ комнату вошелъ Николай, поздоровался съ отцомъ и молодымъ скрипачемъ и сейчасъ же началъ рыться въ книгахъ на столѣ. Онъ внесъ съ собою холодную атмосферу чопорности, стѣсняющую музыкантовъ; ихъ непринужденность исчезла. Поль посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что ему необходимо бѣжать къ парикмахеру стричься. Отецъ и сынъ остались одни.

— Наконецъ-то ты пришелъ, — сказалъ отецъ, машинально мѣшая карты. — Соня!...

— Я уже два раза собирался къ тебѣ, — отвѣтилъ Николай, — но мнѣ сказали, что ты занятъ.

— Это не могло помѣшать тебѣ, — замѣтилъ Ленскій. — По милости своей деликатности ты лишился очень большого наслажденія — *рго ргімо арім*, пропѣтой молодою дамой, о голосѣ которой я собственно судить не могу, такъ какъ она, какъ объяснила мнѣ ея спутница, уже нѣсколько мѣсяцевъ охрипла отъ несчастной любви. Я не знаю хорошенько, что она хочетъ получить черезъ меня — стипендію, ангажементъ въ петербургскую оперу или чтобы я излечилъ ее отъ несчастной любви; затѣмъ нѣжная парочка сестеръ, сіамскіе близнецы, піанистки, давали мнѣ представленіе; послѣ нихъ явился еще геній, мужчина на этотъ разъ, и принесъ мнѣ тетрадь пѣсенъ собственнаго сочиненія съ просьбой позволить посвятить мнѣ этотъ сборникъ; издателя долженъ найти, конечно, я же. Это между прочимъ. Сборникъ называется *Les Humbles*, текстъ Виктора Гюго... Но, кстати, мнѣ, въ сущности, надобно изображать кающагося брамина, отдающаго свое тѣло насѣкомымъ. Позвонилъ бы ты, я хочу приказать вельнеру никого не принимать.

Вельнеръ явился и опять исчезъ. Отецъ и сынъ остались одни и могли бы теперь безъ стѣсненія болтать другъ съ другомъ. Но немного дѣланная юмористическая рѣчь отца иззябла, а сынъ молчитъ. Ярче вчерашняго выступала обоюдная неприязнь, — неприязнь, выражающаяся со стороны сына преувеличеннымъ равнодушіемъ, со стороны отца мрачною неласковостью. Онъ не могъ привыкнуть къ сыну. Не потому, чтобы тотъ ему не нравился; его взглядъ останавливался не безъ гордости на молодомъ красавцѣ съ нѣжными руками и изящнымъ аристократическимъ лицомъ. Самый требовательный отецъ былъ бы доволенъ такимъ сыномъ. Онъ отлично учился, никогда не дѣлалъ долговъ; двадцати трехъ лѣтъ служить аташе при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ молодымъ человѣкомъ. Чего же хотѣлъ Ленскій, чего не доставало ему въ Николаѣ? Не доставало ему искры горячаго энтузіазма, увлекательнаго легкомыслія и милой безопасности, пыла молодости, — вотъ чего не доставало ему въ сынѣ. Николай въ двадцать три года былъ старикомъ, и при этомъ вѣчная благовоспитанность, неизмѣнная, никогда не измѣняющая себѣ дрессировка! Ленскій никогда не выносилъ мужчинъ большаго свѣта, а Николай былъ поразительно похожъ на нихъ, — это раздражало отца.

— Какъ же приняла Елагина моего маленькаго сорванца?— спросилъ онъ, наконецъ, сына, строя на столѣ карточные домики.

— Очень любезно.

— Это меня радуешь. ,

Николай молчалъ. Минуту спустя Ленскій началъ снова:

— Да, да... я радъ, что это хорошо сошло ей. Я безпокоился. Никто не выносить жесткаго обращенія хуже нашей дѣвочки.

Николай посмотрѣлъ прямо въ глаза отцу.

— Не вообрааешь ли ты, что тетка относится къ ней съ любовью?—сухо спросилъ онъ.

— Но... ты же сказалъ...—замѣтилъ Ленскій.

— Я сказалъ, что она любезно приняла нашу Машу, voilà tout. Мнѣ ея отношеніе къ дѣвочкѣ не понравилось. Она и ея милая дочка собирались ѣхать въ гости, когда я явился вчера съ Машей и графиней д'Ольбрейзе. Графиня настояла на томъ, что она сама будетъ защищать Машу, а такъ какъ она, какъ мнѣ послѣ сообщила тетя Варя, несмотря на свою чисто-внѣшнюю эксцентричность, особа tout à fait bien, на хорошемъ счету въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ и даже по матери въ родствѣ съ Роганъ-Шаббо, то теплота, съ которой она защищала Машу, оказала, все-таки, нѣкоторое дѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, тетка удовольствовалась тѣмъ, что посмѣялась надъ Машиной экзальтаціей. Затѣмъ графиня поцѣловала Машу, прятавшуюся за меня и дрожавшую всѣмъ тѣломъ, какъ испуганная собачка, не понимающая, почему на этотъ разъ ее не бьютъ, и уѣхала, послѣ чего кузина Анна, до сихъ поръ молча занимавшаяся своимъ туалетомъ, внезапно обернулась къ Машѣ и крикнула: «Mais c'est une conduite impossible!» Тетка замѣтила примирительнымъ тономъ: «Къ ней нельзя относиться очень строго; не всѣ такъ воспитаны, какъ ты». — «Слава Богу», — подумалъ я, но ничего не сказалъ, а Маша опустила головку и сильно покраснѣла. Тогда тетка приказала горничной приготовить Машѣ комнату, предложила дѣвочкѣ посмотрѣть пока книгу съ картинками и выпить чаю; въ эту минуту лакей доложилъ, что карета готова, и мы всѣ уѣхали. Было заранѣе условлено, что я буду сопровождать Елагиныхъ къ Тугачевымъ, иначе я непременно остался бы съ Машей, чтобы пожурить ее, какъ она того заслуживаетъ.

Ленскій нахмурился.

— Такъ, значить, и ты тоже хотѣлъ бранить бѣднаго ребенка! — воскликнулъ онъ. — Какой же ты безсердечный филистеръ; все перенялъ отъ своего знатнаго дядюшки —этого homme comme il

fait par excellence, государственнаго дѣятеля, подъ покровительствомъ котораго ты дѣлаешь карьеру и который разлучилъ насъ, твою мать и меня... Бѣдная Маша! Бѣдная голубка! Она была божественно прелестна съ своимъ трогательнымъ волненіемъ, глупымъ дѣтскимъ страхомъ и поражающею наивностью!

Ленскій ударилъ кулакомъ по столу.

— Надавать пощечинъ хотѣлъ бы я всѣмъ болванамъ, смѣвающимъ переглядываться при ея разсказѣ, — крикнулъ онъ.

— Я также, отецъ, но они всѣ переглядывались, — замѣтилъ Николай.

— Болваны!

— Да, конечно, болваны... но...

— Ну, что хочешь ты сказать? — рѣзко спросилъ отецъ.

— Я хочу сказать, что Маша еще много болвановъ встрѣтитъ въ жизни, которые ложно истолкуютъ ея наивность, и что она можетъ встрѣтить такого негодяя, который воспользуется ея невинностью.

Кровь прилила Николаю къ щекамъ, глаза его сверкали отъ волненія.

— Глупости! глупости! — пробормоталъ Ленскій. — Ты не понимаешь сестры. Если бы она была легкомысленна, тогда ей нуженъ былъ бы строгій надзоръ. Но наша Маша не легкомысленна; она сумасбродна, впечатлительна, романтична, а, говоря между нами, жизнь такъ пошла, такъ безгранично пошла и грязна, что дѣйствительно экзальтированной натурѣ рѣдко представляетъ искушенія. Нѣтъ, нѣтъ, я не боюсь за мою хорошенькую упрямицу. Я не вѣрю въ необходимость строгаго надзора.

— Я нахожу, что за молодыми дѣвушками надо слѣдить, — серьезно произнесъ Николай. — Онѣ лакомы сердцемъ, какъ дѣти лакомы ртомъ, и съ ними легко можетъ случиться, что онѣ набѣдятся бѣлены, вмѣсто ягодъ. Наша Маша знаетъ жизнь не лучше шестилѣтняго ребенка. Она не подозрѣваетъ, что есть на свѣтѣ опасности, которыхъ она должна избѣгать.

— Но это-то и хорошо... это прелестно... Желалъ бы ты развѣ, чтобы это было иначе? Я — нѣтъ, нѣтъ; ни на волосъ не желалъ бы я, чтобы наша маленькая цыганочка была не такой, какъ она есть.

— Я, въ сущности, тоже, — согласился Николай, — но при настоящихъ грустныхъ обстоятельствахъ...

— Что это за грустныя обстоятельства? — перебилъ его Ленскій, — ну, да, что у нея нѣтъ матери, это грустно, — ее замѣнить

я не могу; мать вообще нельзя замѣнить, а въ особенности такую, какою была ваша, такой нѣтъ второй на свѣтѣ. Но въ остальномъ, я думаю, ей недурно живется. Ее балуютъ вездѣ, гдѣ она появляется, живетъ она какъ маленькая принцесса, всегда хорошо пристроена.

— Хорошо пристроена?—воскликнулъ Николай.—Хорошо пристроена! Я нахожу, что она не можетъ быть пристроена нигдѣ хуже, чѣмъ у Елагиной.

— Почему?—неувѣренно спросилъ Ленскій.—Варвара не дурная женщина; слишкомъ важна была она, никогда не могла примириться съ тѣмъ, что ея зять—артистъ, но дѣвочкѣ она не станетъ мстить за это. Она очень добра.

— И совершенно безхарактерна, — вставилъ Николай. — Ты радовался тому, что она такъ легко отнеслась къ Машинной вчерашней выходкѣ. Я—нѣтъ; ея равнодушное, слишкомъ легкое отношеніе не понравилось мнѣ. Тетя Варя находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; если я не ошибаюсь, она очень скоро съ своими денежными затрудненіями обратится къ тебѣ и относительно Маши будетъ разыгрывать роль ласковой мачихи, льстящей падчерицѣ, потакающей всѣмъ ея желаніямъ, только бы не поссориться съ отцомъ. Чтобы изъ Маши вышелъ толкъ, она должна жить съ людьми, которые понимаютъ ее, любятъ, но настолько добросовѣстны, что строги къ ней и время отъ времени отрезвляютъ ея увлекающуюся голову. Она слишкомъ даровита, слишкомъ своеобразна, чтобы ее можно было предоставить самой себѣ. Машу надо холить, лелѣять, но и крѣпко держать въ поводу. Я знаю ее лучше тебя, такъ какъ имѣлъ болѣе случаевъ наблюдать за ней, и увѣряю тебя, что опасно оставлять Машу у людей, которые такъ мало будутъ заботиться о ней, какъ Елагины!

— Ты преувеличиваешь, ты преувеличиваешь!—мрачно повторилъ Ленскій.—Но что могу я сдѣлать? Запереть мою пѣвунью въ кѣтку, въ монастырь или въ пансіонъ? Я пробовалъ это. Она не выдерживаетъ. Что мнѣ съ ней дѣлать?

— Возьми ее къ себѣ,—сказалъ Николай.

— Но мнѣ—это невозможно,—заволновался Ленскій,—невозможно! Что будетъ дѣлать вдовецъ съ взрослою дочерью?

Николай сдвинулъ брови; вокругъ рта легла горькая, недовольная черта; послѣ минутнаго молчанія онъ произнесъ ледянымъ тономъ:

— А помнишь, какъ строго судилъ ты Базина, когда онъ от-

пустилъ на всѣ четыре стороны дочь, потому что она стѣсняла его холостую жизнь вдовца?

Лицо Ленскаго сдѣлалась мрачно; замѣчаніе сына задѣло его за живое.

— И ты хочешь сравнить меня съ Казинымъ?—медленно спросилъ онъ рѣзкимъ тономъ.

Николаю сдѣлалось совѣстно; онъ упрекалъ себя за то, что зашелъ слишкомъ далеко, слишкомъ много позволилъ себѣ относительно отца.

— Я, конечно, и не думалъ этого, — началъ онъ, — поступки великаго артиста, генія...

Ленскій перебилъ его:

— Отвяжись отъ меня съ этимъ геніемъ; мнѣ надоѣло вѣчное преслѣдованіе меня этимъ геніемъ! — крикнулъ онъ. — Какъ человекъ, я не хочу, чтобы меня сравнивали съ Казинымъ. Что имѣю я, какъ человекъ, общаго съ этимъ пустымъ эгоистомъ, промотавшимъ свое и женино состояніе, рыскавшимъ по свѣту на средства еще болѣе бѣдныхъ людей, чѣмъ онъ, не беспокоясь о томъ, что его жена и дочь терпятъ въ это время чуть не голодъ, не спрашивая о томъ, здоровы онѣ или больны, тогда какъ я... — Онъ тяжело перевелъ дыханіе, лицо емо покраснѣло отъ гнѣва. Глухимъ и хриплымъ голосомъ онъ продолжалъ: — Тогда какъ я... я мучился и работалъ для васъ всю жизнь. Все, что у васъ есть, я приобрѣлъ собственною головой и руками; для себя, Богъ свидѣтель, мнѣ немного надо было, для васъ же мнѣ ничто не казалось достаточнымъ. И если кто-нибудь изъ васъ заболѣвалъ, я все бросалъ и съ конца свѣта пріѣзжалъ, чтобы ходить за вами... — Онъ остановился, задохнувшись.

— И ты оставался при насъ до тѣхъ поръ, пока безпокоился, — тихо произнесъ Николай, — послѣ же... — въ то время, какъ Ленскій опустилъ голову, онъ продолжалъ: — Да, отецъ, ты былъ великодушень къ намъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скупъ. Ты никогда ни въ чемъ не отказывалъ намъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ... отказывалъ намъ въ отцѣ, — въ себѣ самомъ!

— Ги... А вамъ недоставало меня? — спросилъ Ленскій сурово, почти съ упрекомъ, и недовѣрчиво взглянулъ на сына.

— Очень! — отвѣтилъ Николай.

Этого Ленскій не ожидалъ; это короткое простое слово проникло ему прямо въ сердце. Онъ измѣнился въ лицѣ, налилъ себѣ стаканъ воды, всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, наконецъ, остановился передъ Николаемъ и положилъ ему руку на плечо.

— Я знаю, что я былъ неправъ передъ вами, — произнесъ онъ измѣнившимся, необыкновенно мягкимъ голосомъ, — я не заслуживаю совѣтъ такихъ дѣтей, какъ вы. Если бы вы оба вышли очень дурными людьми, я бы и тогда не долженъ былъ удивляться. Но у васъ въ жилахъ течетъ кровь вашей матери и... и... — онъ остановился, закрылъ рукой глаза, потомъ вдругъ топнулъ ногой. — Я бросилъ васъ, это правда, но вы не должны изъ этого заключать... — опять онъ остановился и, послѣ небольшой паузы, продолжалъ: — Что касается Маши, Богъ знаетъ, какъ бы я желалъ имѣть ее около себя, но, вѣдь, я въ другихъ условіяхъ, чѣмъ... ну, чѣмъ Казинъ. У Казина блестящее положеніе, живетъ онъ въ Петербургѣ, я же... сегодня я въ Парижѣ, завтра въ Берлинѣ, послѣ завтра въ Вѣнѣ; могу ли я таскать съ собой молодую дѣвушку?

— Да развѣ необходимо, чтобы ты все еще мучился? — спросилъ Николай нѣжнымъ, почти умоляющимъ голосомъ.

Ленскій молчалъ. И Николай, несмотря на раннее знаніе жизни, обусловливаемое печальными обстоятельствами его дѣтства, оставшіяся все еще неопытнымъ идеалистомъ, подумалъ, что онъ поколебалъ отца, и надѣялся его окончательно убѣдить нарисованнымъ передъ нимъ планомъ.

— Ты отлично могъ бы устроиться, — продолжалъ онъ, — я такъ хорошо представляю себѣ это; ты взялъ бы къ себѣ старую родственницу, Марью Дмитріевну, на примѣръ, кузину мамы, которая тебѣ симпатична, и, подъ соединеннымъ вліяніемъ твоей знаменитости и Машиной красоты, вашъ домъ въ Петербургѣ или Москвѣ сдѣлался бы настоящимъ раемъ. Ты могъ бы провести старость весело и счастливо, окруженный нѣжными заботами и уваженіемъ, если бы ты захотѣлъ только дать себѣ покой.

— Мнѣ дать покой... — простоналъ Ленскій, — да если бы я могъ вынести этотъ покой! — и своимъ обычнымъ движеніемъ откинувъ обѣими руками волосы съ висковъ, онъ продолжалъ: — Требуй отъ меня чего хочешь, но только не того, чтобы я спокойно сидѣлъ на мѣстѣ; этого я не могу! — Онъ замолчалъ на минуту, потомъ продолжалъ глухимъ голосомъ: — Да, если бы жива была твоя мать, тогда, можетъ быть, было бы иначе; именно тогда, передъ нашею разлукой, я начиналъ чувствовать утомленіе отъ этой жизни; около нея, можетъ быть, я примирился бы съ тихою старостью. Но вы... ваша родня рѣшили, что для нея лучше... они доказали ей, чего ей самой никогда не пришло бы въ голову... ее увѣрили, что позорно для нея снисходительно относиться ко мнѣ. Радайтесь же результатамъ!... Вы ее убили, а съ нею и меня... Но что толку

растравлять старое горе, что толку упрекать другихъ? Я самъ во всемъ виноватъ... Теперь ничего нельзя поправить, — я такой, каковъ я есть, я уже не могу передѣлать себя. Безъ женщинъ и аплодисментовъ я не могу жить... Возмущайся сколько хочешь, я не могу, не могу...

Дыханіе его прервалось; онъ замолчалъ. Отецъ и сынъ стояли другъ передъ другомъ, смотря другъ другу въ глаза. Ленскій былъ страшно блѣденъ. Никогда не видалъ Николай лица, выражавшаго такую невыносимую тоску. И почему понялъ онъ теперь, теперь именно, несмотря на горькое признаніе, только что сдѣланное отцомъ, неотразимое очарованіе, которое Ленскій производилъ на всѣхъ людей и долженъ былъ производить? Его чувства частью отразились на лицѣ. Вѣжливая маска спала, и Ленскій въ первый разъ почувствовалъ сердцемъ, что передъ нимъ его плоть и кровь; въ первый разъ увидалъ онъ не по англійскому образцу вышколенную молодого дипломата, а своего сына, и въ чертахъ взрослого юноши узналъ милое личико вѣжнаго мальчугана, встрѣчавшаго его, обыкновенно, торжествующими криками, когда онъ возвращался домой; гордившагося, если могъ оказать отцу какую-нибудь услугу, и хвалившагося передъ товарищами славой своего отца.

Онъ вспомнилъ блѣднаго, тонкаго юношу, идеаломъ котораго онъ былъ... до того дня, когда Николай началъ понимать, и его ясныя очи вдругъ затуманились отъ величайшаго горя, какое только можетъ испытать молодой человѣкъ, — горя о томъ, что онъ увидалъ нятно на идеалѣ, стоявшемъ для него выше всего на свѣтѣ.

И съ того дня мальчикъ точно заболѣлъ. Онъ развивался уже не такъ быстро и легко, какъ того ожидали: онъ слишкомъ рано научился понимать жизнь; это сдѣлало его преждевременно зрѣлымъ, преждевременно старило его. Съ шестнадцати лѣтъ и даже раньше раздѣлялъ онъ горе своей несчастной обожаемой матери. А Ленскій хотѣлъ упрекнуть его за то, что онъ утратилъ юность!

Онъ неожиданно схватилъ сына за оба плеча и привлекъ къ себѣ. Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ онъ обнималъ сына.

Кто-то постучалъ въ дверь, — пришелъ секретарь Ленскаго; быстро, какъ холодный вѣтеръ, ворвался онъ въ теплую атмосферу между отцомъ и сыномъ.

— Мнѣ надо съ вами поговорить. — Съ этими словами онъ подошелъ къ Ленскому, слегка поклонившись.

— Ну, такъ говорите, — отвѣтилъ Ленскій, пожимая плечами. — Или, можетъ быть, васъ стѣсняетъ мой сынъ?

— Нѣтъ, дѣло касается денежныхъ обстоятельствъ. Вотъ... —

и Браунъ досталъ изъ портфеля наскоро исписанную бумажку. — Если вы каждому, кто попроситъ у васъ и сдѣлаетъ при этомъ достаточно жалостное лицо, будете выдавать чеки на такія суммы, какихъ онъ требуетъ, то скоро не хватитъ вашихъ доходовъ, чтобы удовлетворять эти платежи.

— Пока хватаетъ, — отвѣтилъ Ленскій угрюмо. — Въ этомъ дѣло и больше ни въ чемъ?

— Значитъ, я долженъ заплатить по этому чеку?

— Если я подписалъ его, конечно.

— Миѣ что, — вздохнулъ Браунъ, — миѣ, въ сущности, до этого нѣтъ дѣла; только я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что въ двѣ недѣли Булатовъ беретъ у васъ во второй разъ деньги.

— Бѣдняга! — прошепталъ Ленскій. — Ему не легко живется. Сначала онъ истратилъ все свое состояніе, чтобы пріобрѣсти связи, и задавалъ обѣды въ *café Anglais*, теперь голодаетъ съ женой на чердакѣ.

— Я думаю, вы ошибаетесь, если воображаете, что Булатовъ голодаетъ съ женой, — холодно отвѣтилъ Браунъ. — Она голодаетъ, это и видно по ней; а онъ... угощается шампанскимъ и устрицами и всевозможною другою роскошью, нужной ему, какъ онъ говорить, чтобы воспламенить его вдохновеніе. Между прочимъ, онъ танцуетъ какъ безумный на всѣхъ балахъ Монмартра. Тамъ его прославляютъ, ему аплодируетъ всякій негодный сбродъ.

— Шутъ! — воскликнулъ Ленскій. — Ну, если это такъ, тогда... надо положить этому конецъ. Напишите его женѣ... Нѣтъ, къ чему оскорблять это бѣдное измученное созданіе, — это ни къ чему не поведетъ, подобнаго рода женщины слѣпы къ своимъ мужьямъ, — напишите ему... Ахъ, дѣлайте что хотите, только избавьте меня отъ него.

— А долженъ я заплатить ему деньги? — спросилъ Браунъ, все еще держа записку въ рукѣ.

— Разумѣется... А теперь, Коля, идемъ. Вѣдь, у тебя есть время поѣхать со мной къ Елагиной? Можешь воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы прочитать Машѣ наставленіе. Я обѣщалъ ей пріѣхать утромъ.

II.

Сходя съ лѣстницы, Ленскій далъ волю своему гнѣву на непротительное поведеніе Булатова.

— Безсовѣстный негодяй! — сердился онъ. — Для того, что ли,

въ самошь дѣлѣ, я работаю, чтобы потакать широкимъ замашкамъ г. Булатова? Бѣдная женщина... это возмутительно!

Николай молчалъ. Не въ первый разъ слышалъ онъ, какъ строго отецъ осуждалъ измѣняющихъ женамъ мужей.

Во дворѣ отеля Вестминстеръ Ленскіе встрѣтили высокаго, худого молодого человѣка, съ очень красивымъ профилемъ, полузакрытыми голубыми глазами и сладострастнымъ ртомъ; одѣтъ онъ былъ въ вѣтчатое англійское пальто, сѣрую англійскую шляпу и въ рукахъ держалъ толстую короткую англійскую палку.

— Я шелъ какъ разъ къ вамъ,—обратился онъ къ Николаю, протянувшему ему руку.—Но вы, кажется, отправляетесь куда-то... Пожалуйста, представьте меня...—продолжалъ онъ, указывая взглядомъ на виртуоза, недовольнаго этою задержкой и стоящаго съ непріязненнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Графъ Беренбургъ, отецъ,—сказалъ Николай,—который тогда въ Катериновскомъ...

— О, пожалуйста, не вспоминайте этой старой исторіи,—замѣтилъ Беренбургъ, съ улыбкой кланяясь Ленскому.—Я хотѣлъ узнать только, спросить у васъ о здоровьи вашей сестрицы.

— Она вчера благополучно розыскала отца,—отвѣтилъ Николай.—Если бы вы не предупредили меня, то я сегодня отыскалъ бы васъ, чтобы поблагодарить за оказанное вами ей покровительство.

Беренбургъ поклонился.

— Говоря между нами, я былъ радъ, что могъ проводить вашу сестрицу, потому что она такъ очаровательно дѣтски неопытна и такъ неустрашима, что могла легко попасть въ самое непріятное положеніе.

— Вамъ, вѣроятно, показалось страннымъ встрѣтить такую молоденькую дѣвушку, путешествующую одну?—замѣтилъ Николай не безъ досады.

— И въ особенности такую изящную молодую дѣвушку,—смѣясь, отвѣтилъ Беренбургъ.—Но я сейчасъ же догадался, что имѣю дѣло съ какимъ-нибудь исключительнымъ случаемъ. Первою моею мыслью было, что прелестная дѣвушка заблудилась или потеряла провожатую. На ея лицѣ было написано, что она не привыкла путешествовать одна; но потомъ сейчасъ же она съ своею милою откровенностью рассказала мнѣ всю суть дѣла. Что вы испуганы немного этимъ *coup de tête* вашей сестры, я понимаю, Николай, но что касается меня—я въ жизни рѣдко встрѣчалъ что-либо болѣе трогательное, чѣмъ эта молодая дѣвушка, которая изъ нѣжнаго безпокойства объ отцѣ бѣжала изъ дому. Я задерживаю васъ...

— Мы идемъ какъ разъ къ сестрѣ, которую перевезли къ моей теткѣ Елагиной... Вы, кажется, знаете ее...

— Госпожу Елагину... въ улицѣ Ваграмъ... конечно, я знаю и ее, и ея красавицу дочь. Будьте любезны, засвидѣтельствуйте имъ мое почтеніе; вашей же сестрѣ передайте мой особый поклонъ.

— Моя дочь, кажется, задолжала вамъ, — угрюмо произнесъ Ленскій, въ первый разъ вмѣшиваясь въ разговоръ, когда Беренбургъ поклонился ему, прощаясь.

— Да, — засмѣялся Беренбургъ, — но мы сосчитаемся въ другой разъ съ Николаемъ... До свиданія!

И, дружески пожавъ руку Колѣ и еще разъ снявъ шляпу передъ Ленскимъ, онъ вышелъ со двора отеля и сѣлъ въ ожидавшій его у воротъ экипажъ.

— Такъ это-то рыцарь, спасшій тебя изъ лапъ медвѣдя и Машу изъ лапъ нахальнаго спутника? — сказалъ Ленскій, когда они вѣхали на извозицѣ по улицѣ Капуциновъ къ бульвару. — Какая противная обезьяна! Всѣ они такіе, твои господа товарищи?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь меня, когда ты самъ знаешь, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и я? — отвѣтилъ Николай.

— Подобнаго сорта я, слава Богу, давно не встрѣчалъ, — сказалъ Ленскій. — У насъ въ Россіи такихъ нѣтъ. Странно, ты сказалъ, кажется, что онъ австріецъ; онъ говоритъ точно англичанинъ.

— Его мать была англичанка. Она сестра твоей и маминой пріятельницы, лэди Банбури.

— Ахъ, поэтому... поэтому-то онъ квинтъ-эссенція двухъ несноснѣйшихъ аристократій свѣта. Ничего не можетъ быть высокоумнѣе преувеличенной вѣжливости подобнаго франта. Я не выношу этого.

Николай промолчалъ; его всегда оскорбляло, когда отецъ излагалъ такія, основанныя на давнишнихъ личныхъ обидахъ, демократическія сужденія.

— Я не могу сказать, — началъ онъ черезъ минуту, — чтобы и съ Беренбургомъ былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ; но въ одномъ могу тебя завѣрить, что онъ выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ. Онъ слабый, безхарактерный и ограниченный человекъ. И... наконецъ... — Николай запнулся.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — возразилъ Ленскій, — наконецъ, онъ понялъ Машу, а тѣ господа, которыхъ ты вчера видѣлъ у меня, не поняли ее. Это дѣло воспитанія; этому нельзя придавать большого значенія. Гм... самое грустное было бы, если бы маленькая дурочка заинтересовалась имъ. Оказать рыцарскую

услугу хорошенькой дѣвочки въ изящной собольей шубѣ такому господину ничего не стоитъ, но что до остальнаго... ему также мало придется въ голову жениться на трактирной служанкѣ, какъ и на моей дочери. Да, да, я знаю гнусное высокомеріе этого сброда. Это все равно... твоя мать сдѣлала большую ошибку, что вышла за меня!

Ш.

На это Николаю нечего было отвѣтить; до конца дороги онъ не произнесъ больше ни слова.

Извозчикъ остановился передъ красивымъ отелемъ въ улицѣ Ваграмъ.

— Дома барыня? — спросилъ Ленскій, въ то время какъ его сынъ расплачивался съ извозникомъ.

Ленскій никогда не носилъ при себѣ денегъ.

— Барыня не принимаетъ, — отвѣтилъ лакей.

Въ ту же минуту запахнулась большая цвѣтная стеклянная дверь и, спрыгивая сразу съ четырехъ или пяти ступеней, къ виртуозу бросилась хорошенькая дѣвушка въ простомъ синемъ платьѣ.

— Ахъ!

Какъ часто будетъ раздаваться въ ухахъ старѣющаго артиста это радостное восклицаніе, съ которымъ дочь обвивала вокругъ его шеи свои нѣжныя руки! А поцѣлуй ея свѣжихъ невинныхъ губокъ, — развѣ онъ забудетъ его когда-нибудь?

— Папочка... Боля! Какъ хорошо, что вы оба пріѣхали, но какъ поздно! — воскликнула она, взявъ обоихъ за руки, и потащила за собой въ дверь, — да, какъ поздно! Я уже съ десяти часовъ стою у окна и смотрю, не идете ли вы.

— Много же времени ты потеряла, — засмѣялся Ленскій.

Они вошли въ приемную, высокую комнату съ прекрасною обстановкой.

— Хорошо здѣсь, не правда ли, отецъ? — спросила Маша, слѣдившая за медленно скользящимъ по каждому предмету взглядомъ Ленскаго. — Цвѣта такъ гармонируютъ! — продолжала она. — Я называю это музыкой глазъ.

— Очень мѣткое слово; я запишу его, — пошутилъ Ленскій и потрепалъ ее по щекѣ. — Я никакъ не воображалъ, что Елагины такъ хорошо живутъ, — прибавилъ онъ, взглянувъ на Николая. — А ты мнѣ говорилъ, что Варвара Алексѣевна находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ...

— Да, домъ очень хорошъ, всѣ комнаты, — болтала Маша, — я

уже вездѣ побывала. Но садись же, папа, здѣсь, около камина, а ты, Боля, здѣсь. Ахъ какое счастье видѣть васъ вмѣстѣ! Только бѣдной мамы недостаетъ!

И Маша, у которой горе всегда внезапно вмѣшивалось въ радость, смахнула съ глазъ слезы... Но сегодня не время грустить.

— Я поправлю вамъ огонь, — воскликнула она и, ставъ колѣнами на медвѣжью шкуру, положила большое полѣно въ каминъ и обратилась къ отцу: — Знаешь ты, для кого былъ выстроень этотъ домъ?

— Нѣтъ.

— А я знаю. Для одного писателя, вообразившаго себя гениемъ и никогда ничего не написавшаго. Сначала онъ думалъ, что не можетъ писать потому, что его обстановка не достаточно поэтична, и тогда онъ началъ собирать по Франціи рѣдкости, чтобы завзвать въ свой домъ музу. Каминъ этотъ изъ Турина, лѣстница съ массивными рѣзными перилами принадлежала старинному аббатству въ Пуату, эти два кожаные съ золотомъ стульчика... ну, я забыла, откуда они. Но сколько я знаю, когда обстановка была готова, муза не явилась; тогда онъ подумалъ, что ошибся, что нельзя работать въ роскошной обстановкѣ, и тогда купилъ себѣ швейцарскій домикъ, совсѣмъ готовый, и поставилъ его въ саду, — вонъ за отелемъ стоитъ онъ... если ты повернешь немного голову, ты увидишь въ окно, — и тамъ ожидалъ онъ музу, но муза не пришла... Не смѣйся же, папа, это очень грустная исторія; ты подумай только: бѣдняга помѣшался. Да, такъ какъ онъ хотѣлъ написать трагедію и не могъ, и такъ какъ онъ слышалъ, что большинство великихъ поэтовъ голодали и жили въ мансардахъ, то онъ перешагалъ куда-то, я не знаю, какъ эта часть города называется, бульваръ Блши, кажется, поселился на чердакѣ, ничего не ѣлъ; но такъ какъ и это не помогало, онъ бросился изъ окна, и послѣ его смерти этотъ отель, оказавшійся заложненнымъ, былъ проданъ... какъ это называютъ?... съ аукціона... и тогда его очень дешево купилъ покойный дядя Елагинъ.

— И кто же это тебѣ такъ подробно рассказалъ? — спросилъ Ленскій, развеселившись.

— Горничная... Роза, она все знаетъ, — отвѣтила Маша. — Если бы ты зналъ, что она рассказала мнѣ! — Машино лицо приняло торжественно-важное выраженіе; она положила на полъ ковергу и обѣими руками взяла себя за щеки. — Подумай, папа!

— Ну, что же, мой ангелъ?

— Когда сюда приходишь, то воображаешь, что тетя очень бо-

тата, а она очень, очень бѣдна. Сегодня утромъ пришелъ кто-то со счетомъ, отъ портнихи, кажется. Сначала тетя велѣла сказать, что ея нѣтъ дома, и тогда поднялся такой шумъ, что она принуждена была выдти. Бѣдной тетѣ пришлось просить, чтобы подождали. Какъ ужасно! Но самое ужасное...—и Маша, опершись рукой на колѣно отца, приподнялась и шепнула ему на ухо: —Самое ужасное то, что послѣ этого Анна разбранила бѣдную тетю, дочь—мать: «Vous manquez de dignité, maman!»—кричала она. Говорила, что тетя держитъ себя какъ кухарка. Никогда бы эти грязные каналы,—да, такъ выразилась она—ces sales canailles,,—никогда не посмѣли бы приставать, если бы она умѣла держать себя какъ дама... И бѣдная тетя только покорно отвѣтила: «Не сердись, душечка, я въ другой разъ поступлю умнѣе, будь терпѣлива со мной». Это возмутило меня, мнѣ хотѣлось броситься тетѣ на шею, но я не должна была дать замѣтить, что что-нибудь слышала. Она очень добра и хороша ко мнѣ; кромѣ Анны, всё хороши ко мнѣ. Горничная, которая отошла вчера, потому что не могла выносить дольше капризовъ Анны, сказала мнѣ, что если бы она была достаточно богата, чтобы дѣлать то, что ей нравится, то она бы всю жизнь служила мнѣ даромъ. Да, она сказала это, папа!

— И ты повѣрила ей?—спросилъ Ленскій и отъ души разсмѣялся.

— Ну, не совсѣмъ,—отвѣтила Маша, поморщившись,—но, все-таки, я была рада. Я всегда рада, если кто-нибудь полюбитъ меня; но когда я вижу мрачныя лица, я дѣлаюсь больна,—и она обвила руками шею Ленскаго и, пригнувъ къ себѣ его голову, шепнула:—Николай сердится на меня, папа?... Онъ не смотреть на меня сегодня!

— Онъ недоволенъ тобой.

— Мною?!—Маша вскочила.—Чѣмъ я провинилась передъ тобой, Коля? Я все время замѣчаю, что ты недоволенъ мною,—ты ни разу не улыбнулся. Скажи, по крайней мѣрѣ, чтобы это прекратилось.

Николай стоялъ спиной къ огню, засунувъ лѣвый большой палецъ въ карманъ жилета, съ глубокомысленно сдвинутыми бровями, изображая серьезнаго молодаго ментора, приготовившагося говорить проповѣдь, которая не сходитъ у него съ губъ.

Маша вышла изъ терпѣнія.

— Да не откашливайся ты такъ долго, открой, наконецъ, ротъ и говори!—крикнула она, топнувъ ногой.

— Не сердись такъ,—мягко остановилъ ее Николай и, взявъ

сестру за руку и ласково смотря на нее, сказалъ: — Да, Маша, я недоволенъ тобой; ты вѣрно угадала. Всѣ, кто тебя дѣйствительно любятъ, должны быть недовольны твоимъ неосторожнымъ своеволиемъ, которое ты доказала твоею вчерашнею выходкой.

— Гм... ты недоволенъ? — спросила Маша, обратившись къ отцу.

Къ ей величайшему удивленію, Ленскій молчалъ. Маша надула губки, а Николай продолжалъ:

— Отецъ былъ такъ тронутъ твоею нѣжностью, что забылъ обо всемъ остальномъ, но, увѣряю тебя, мысль, что ты можешь во второй разъ одна пуститься по бѣлому свѣту, такъ же страшна ему, какъ и мнѣ.

— Богъ свидѣтель этому, — съ чувствомъ произнесъ Ленскій.

Машино дѣтское самодовольство замѣтно уменьшилось; опустивъ головку и кусая нижнюю губу, она удерживалась, чтобы не расплакаться. Она такъ гордилась своею смѣлою выходкой, а теперь...

— Я вовсе не бранить хочу тебя, — продолжалъ мягко Николай, — а только предостеречь. Ты воображаешь, что я недоволенъ тобой вслѣдствіе свѣтскихъ соображеній, а ты презираешь ихъ. О, это мы знаемъ. Но о злой молвѣ я на этотъ разъ менѣе всего думаю. Главное для меня то, что ты твоимъ бѣгствомъ жизнь Аргашона подвергаешь себя такимъ неприятностямъ и опасностямъ, о которыхъ ты понятія не имѣешь. Поэтому, Маша, будь благоразумна, дай мнѣ твою руку и честное слово, что ты никогда больше одна и потихоньку не убѣжишь изъ дому.

Хорошенькая головка Маши опускалась все ниже и ниже съ выраженіемъ искренняго раскаянія. Ласковый тонъ, которымъ говорилъ съ ней Николай, проникалъ ей, повидимому, въ душу. Ленскій съ улыбкой наблюдалъ за своими дѣтьми. «Боля славный мальчикъ, несмотря на свою фатоватость, — думалъ онъ, — а Маша... Маша прелестна!»

— Ну, Маша, милая, даешь ты мнѣ честное слово? — серьезно спросилъ Николай.

Маша уже готова была протянуть ему руку для закрѣпленія требуемаго торжественнаго обѣщанія, но вдругъ лицо ея измѣнилось, она закинула голову назадъ.

— Ничего я не обѣщаю, — воскликнула она, лукаво смотря на брата своими синими глазами, — рѣшительно ничего!

— Но, Маша!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, — повторяла она, — къ чему? Это не

помогать, вѣдь, Коля, потому что если когда-нибудь случится, что я буду такъ беспокоиться о тебѣ, тогда... тогда, Коля, я опять потеряю голову, и не только во второй разъ уѣду, но еще нарушу мое честное слово, — и, улыбаясь, съ полными слезъ глазами, она обвила руки вокругъ шеи брата и воскликнула: — Теперь сердись сколько хочешь!

Ленскій засмѣялся своимъ добродушнымъ, густымъ смѣхомъ и повторялъ насмѣшливо:

— Сердись же, Коля, да хорошенько.

И Николай собрался съ духомъ, чтобы еще разъ объяснить ей неприличіе ея поведенія, но, вмѣсто этого, поцѣловалъ ее и нѣжно прошепталъ:

— Ахъ, ты, милая, негодная плутовка! Если бы ты хоть на половину была такъ разсудительна, какъ ты добра и хороша... или если бы мы всегда могли быть съ тобой, чтобы охранять тебя!

При этихъ словахъ Маша расплакалась.

— Да что съ тобой, дорогая моя? — спросилъ Николай.

— Голубушка моя! — воскликнулъ Ленскій въ сильномъ волненіи.

— Вы оба слишкомъ добры ко мнѣ и я слишкомъ счастлива, — произнесла она, всхлипывая и обращаясь то къ отцу, то къ брату.

Въ то время, какъ отецъ и сынъ старались утѣшить ее шутками и ласками, шуршаніе шелкового платья заставило ихъ обернуть головы. По широкой лѣстницѣ спускались двѣ дамы, г-жа Елагина и ея дочь Анна: первая, худая, плохо набѣленная, съ испанскою кружевною косынкой на взбитой прическѣ съ локонами, и въ крашеномъ лиловомъ шелковомъ платьѣ; другая — въ роскошномъ утреннемъ туалетѣ, высокая блондинка съ правильными чертами лица, производившаго непріятное впечатлѣніе выраженіемъ злаго высокомерія.

Варвара Александровна бросилась къ Ленскому на шею съ нѣжными причитаніями и поцѣловала въ обѣ щеки; Анна едва протянула ему концы пальцевъ, — она не выносила этихъ нѣжностей, повторяющихся во всѣхъ русскихъ семейныхъ сценахъ. Ленскій самъ былъ немного пораженъ необыкновенною сердечностью невѣстки; онъ удивленно взглянулъ на нее. Возможно ли это! Неужели эта сморщенная старуха въ крашенныхъ лохмотьяхъ, съ визгливою угодливостью, дѣйствительно та женщина, которая пользовалась такимъ успѣхомъ, которая за безумную роскошь своихъ туалетовъ, за странную оригинальность своихъ праздниковъ прославлялась въ газетахъ, — Варвара Елагина, сестра его жены, жена

богатаго дипломата, гордая «princesse Barbe», никогда не перестававшая смотрѣть на брань сестры съ скрипачомъ, какъ на мезальянсъ?

— Бѣдная сестра!... Вы знаете, ей князь Пьеръ дѣлалъ предложеніе... Мы были въ отчаяніи отъ ея замуштва... Ленскій, все-таки, великій гений... — Онъ зналъ, что она постоянно повторяла это своимъ знатнымъ знакомымъ, онъ самъ слышалъ это разъ отъ нея, а теперь...

IV.

— Правъ я относительно Елагиной?—спросилъ Николай отца, когда они черезъ часъ вышли изъ хорошенькаго отеля, гдѣ ихъ Варвара Александровна удержала завтракать.

— Да,—задумчиво отвѣтилъ Ленскій. Про то, что Варвара Александровна воспользовалась первою минутой, когда они остались вдвоемъ, чтобы попросить у него взаймы денегъ, онъ не сказалъ сыну, но нѣсколько разъ пробормоталъ про себя:

— Опустилась Варвара. Кто могъ это думать? Страшно опустилась! Жизнь ея была не сладка!

И, правда, жизнь ея была не сладка. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ она принимала у себя весь «высшій свѣтъ», вся знать Франціи добивалась ея приглашеній, лучшіе магазины стремились получить ея заказы. Теперь она была почти вычеркнута изъ списка парижскаго свѣта и со слезами должна была умолять подождать портниху, когда та съ рѣзкими угрозами представляла ей счета. Это паденіе ея общественнаго положенія имѣло не одну, а нѣсколько причинъ.

Во-первыхъ, она никогда не умѣла соразмѣрять свою жизнь съ доходами мужа. Чтобы покрывать дефицитъ, онъ игралъ на биржѣ — съ блестящими результатами вначалѣ и очень грустными подъ конецъ, какъ всѣ диллетанты. Жена осыпала его упреками за его неумѣнье и съ этихъ поръ супруги начали все болѣе и болѣе расходиться. Бросающимися въ глаза послѣдствіями подобнаго разрыва въ высшихъ слояхъ являются, обыкновенно, сильное увеличеніе расхода и почти всегда дурное воспитаніе дѣтей. Елагины жили всегда выше средствъ. Дочь была хороша, но не симпатична, сынъ глупъ и вѣтренъ. Онъ служилъ въ гвардіи и двадцати трехъ лѣтъ застрѣлился въ Петербургѣ отъ карточныхъ долговъ съ грязною подглядкой, что и заставило отчасти его семейство покинуть отечество.

Этотъ ударъ больно поразилъ бѣдную Варвару Александровну, но она оправилась, когда совершенно неожиданно ея мужа, въ ничтожествѣ котораго никто не былъ увѣренъ болѣе ея самой, назначили посланникомъ въ Мадридъ. Экипажи уже были заказаны, ливреи для прислуги готовы, всё приготовленія кончены, чтобы вступить на высочій постъ съ подобающимъ блескомъ, когда Елагинъ заболѣлъ тифомъ. Черезъ три недѣли онъ скончался.

Послѣ его смерти послѣдовали тяжелые годы для матери и дочери. Отель въ улицѣ Ваграмъ съ его роскошною обстановкой и хламомъ рѣдкостей они никакъ не могли продать, потому что просили слишкомъ дорого. Если представлялся благопріятный случай, они сдавали его на зиму, а сами переѣзжали куда-нибудь, гдѣ жизнь дешевле и высшее общество менѣе требовательно, чѣмъ въ Парижѣ,—они отправлялись во Флоренцію, Римъ или Баннъ.

Что окончательно портило ихъ существованіе, которое, несмотря на стѣсненныя обстоятельства, при благоразумномъ устройствѣ дѣлъ, можно было сдѣлать еще довольно сноснымъ,—это—постоянный страхъ быть вытѣсненными изъ ихъ общества или быть уличенными въ какомъ-нибудь унижительномъ для ихъ положенія недостаткѣ. Этотъ страхъ, увеличивавшійся съ каждымъ годомъ, сдѣлался, наконецъ, адскою мукой. Онѣ экономили на огаргахъ и пищѣ, чтобы выгодать необходимое на-показъ, и, при всемъ этомъ выгадываніи, жили выше своихъ средствъ; заложили сначала серебро, потомъ брилліанты, все, что можно было заложить, выслушивали дерзости отъ прислуги, которой задолжали жалованье, съ улыбкой переносили оскорбленія отъ своихъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ знакомыхъ и съ безсердечною энергіей отдѣлывались отъ скромныхъ людей. Цѣли своей—хорошо выдать замужъ Анну—этими бесплодными муками онѣ не достигли. Старуха Елагина давно уже догадывалась, что свѣтъ, несмотря на ея хитрыя предосторожности, видѣлъ ея жалкое положеніе; она уже готова была начать болѣе скромную жизнь, но не смѣла сказать объ этомъ дочери. Варвара Александровна, кромѣ небольшой доли добродушія, не имѣвшая прежде ни одной симпатичной черты, приносила себя теперь въ жертву Аннѣ; она выносила дерзости ея любимой горничной, сама все дѣлала въ домѣ, изъ года въ годъ носила однѣ и тѣ же тряпки, чтобы каждую копѣйку сберечь Аннѣ на наряды, Аннѣ на прихоти; она не стыдилась надоѣдать портному и со слезами вымаливать лишнее платье для Анны, прежде чѣмъ будетъ уплаченъ счетъ; она извивалась, какъ червь, чтобы исполнить требованія Анны, не получая за это въ награду отъ Анны даже ласковой улыбки.

ки. Аннѣ ничѣмъ нельзя было угодить; во всемъ обвиняла она мать; съ утра до ночи мучила ее упреками, обращалась съ нею съ возмутительною жестокостью. Варвара Александровна сносила все молча; но изъ страха не угодить дочери ея лицо приняло испуганное, неувѣренное выраженіе, къ которому присоединялась преувеличенная угодливость—сладенькая, заискивающая угодливость, распространявшаяся даже на кучеровъ, лакеевъ и извозчиковъ, которымъ она, вмѣсто того, чтобы дать денегъ на чай, пріятно улыбалась.

Анна, напротивъ, держала себя надменнѣе, чѣмъ прежде. Ей не приходило въ голову, чтобы кто-нибудь осмѣлился принять мельхиоръ на ея столѣ не за серебро, фальшивые брилліанты въ ея ушахъ не за настоящіе и Анну Федоровну Елагину не за дѣйствительно знатную даму.

Въ этомъ году онъ опять не нашли ни желаемого наемщика, ни ожидаемого покупателя для своего парижскаго отеля, почему и должны были поселиться въ немъ сами. Ихъ денежные обстоятельства были ужасны. Варвара Александровна обращалась къ своему старшему, очень богатому, брату съ просьбой дать ей взаймы. Но толку вышло изъ этого мало. Изъ Аркашона, гдѣ онъ, отказавшись временно отъ службы вслѣдствіе сильнаго нервнаго расстройства, проводилъ съ женой зиму, онъ рѣзко отказалъ ей въ просьбѣ. «Для скромнаго, благоразумнаго образа жизни онъ готовъ выдавать ей ежегодно извѣстную сумму,—писалъ онъ сестрѣ,—но помогать ей строить новые мосты надъ пропастью банкротства, въ которую при своемъ теперешнемъ безумномъ поведеніи она рано или поздно должна упасть, онъ не желаетъ».

Ленскій, въ противоположность многимъ другимъ артистамъ, при всей своей геніальности, былъ человѣкомъ очень проникательнымъ, угадалъ ихъ нищету, и, вернувшись изъ улицы Ваграмъ, глубоко задумался. Онъ вспомнилъ слова сына, рѣшительно утверждавшаго, что Маша нигдѣ не можетъ быть помѣщена хуже, чѣмъ у этой доброй, безхарактерной женщины, совершенно безсильной противъ злаго высокомерія дочери.

— Нигдѣ хуже!—повторялъ Ленскій.—Ну, это преувеличеніе. Но куда же... куда?... Ну, да! Болинъ планъ былъ, въ сущности, не дуренъ.

Несмотря на щедрое великодушіе, несмотря на безграничную благотворительность, которою онъ могъ бы пристыдить многихъ богачей, его средства были достаточны, чтобы устроить Машѣ пріятную и роскошную жизнь. И какъ хорошо было бы имѣть всегда около себя эту прелестную дѣвочку, баловать ее съ утра до ночи!

Иначе онъ не умѣлъ любить дѣтей... Но все это осуществится не сію минуту, не сегодня и не завтра. Нѣтъ, еще разъ, въ послѣдній разъ онъ хотѣлъ дать себѣ полную волю, до пресыщенія насладиться безумною цыганскою жизнью.

Артистическая поѣздка, которую предлагалъ ему Браунъ, продолжится до іюня, займетъ, слѣдовательно, немного времени, менѣе полугода. Этою поѣздой онъ рѣшилъ кончить свои скитанія по бѣлу свѣту и затѣмъ основать себѣ гдѣ-нибудь спокойное, уютное гнѣздо.

В. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГАРДЕНИНЫ,

ИХЪ ДВОРНЯ, ПРИВЕРЖЕНЦЫ И ВРАГИ *).

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

УП.

Богобоязненный патриотъ Псой Антипычъ Мальчиковъ.—Капитанъ Аверьяничъ въ Хрѣновомъ.—Ефимъ Цыганъ грубить.—Какъ провелъ Капитанъ Аверьяничъ время наканунѣ бѣговъ.—Бѣга.—Праздникъ и трагедія во дворѣ отставнаго фельдфебеля Корнелева.

Псой Антипычъ Мальчиковъ былъ человекъ рѣшительный. Нелѣпный и несоразмѣрно-огромный, какъ слонъ, съ необъятною утробой, съ лицомъ, похожимъ на красную сафьянную подушку съ пуговкой по срединѣ, съ вѣчною отрыжкой, съ вѣчною хрипотой въ голосѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, отличался гибкимъ и замысловатымъ умомъ, былъ способенъ прельщать людей. Въ его заплывшихъ жиромъ глазкахъ безпрестанно сквозила какая-нибудь тайная мысль. Проекты и комбинаціи непрерывно роились въ его крѣпко сбитой башкѣ. Въ сожалѣнію, и проекты, и комбинаціи, и тайныя мысли устремлялись только къ одной цѣли: какъ бы кого «облапошить». Дерзокъ онъ былъ безгранично. Выдравшись на поверхность изъ смрадной пучины откуповъ, онъ еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ прогремѣлъ на всю губернію. Самые разнообразныя слухи ходили объ его обогащеніи: говорили о фальшивыхъ деньгахъ, о томъ, что Псой въ минуту расплаты выхватилъ у кредитора вексель на знатную сумму и тутъ же проглотилъ его, о томъ, что Псой кого-то отравилъ, кого-то поджегъ, кому-то продалъ свою жену, — на время, конечно... Что было правда въ этихъ слухахъ, и что — плоды

*.) *Русская Мысль*, кн. VIII.

обывательскаго досуга, неизвѣстно; о всякомъ внезапно разбогатѣвшемъ купцѣ разеказываютъ уголовные казусы; но странность-то заключалась въ томъ, что о другихъ и вѣрили, и нѣтъ, а о Псоѣ Антипычѣ вѣрили безусловно и женоколебимо. Дѣла съ нимъ вели съ обидными предосторожностями. Кредита не давали. Знакомство вести гнушались.

Тогда Псой Антипычъ придумалъ устроить набѣгъ въ нныя сферы.

Была севастопольская война. Солдаты изнемогали въ борьбѣ съ интендантами и союзниками, патриоты—въ усиліяхъ распалить общественное сочувствіе. Псой Антипычъ держалъ въ арендѣ небольшой клочекъ земли, принадлежавшій одной высокопоставленной патриоткѣ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы по обычаю внести деньги въ графскую контору, онъ снарядилъ рогожную кибитку, дождался «первопутка», захватилъ съ собой «молодца» и тронулся въ Москву, а тамъ «по чугункѣ» въ Питеръ; въ Питерѣ съ чисто-разбойничьею дерзостью проникъ «къ самой», повергъ на ея благоусмотрѣніе пятьсотъ, будто бы «первѣйшаго сорта», полушубковъ. Одни полушубки, можетъ быть, и не обольстили бы патриотическую даму,—мало ли ихъ жертвовалось въ ту годину!—но обворожилъ ее настоящій, коренной русскій мужичокъ, который наговорилъ ей настоящимъ суконнымъ языкомъ цѣлую уйму простыхъ русскихъ, младенчески-душевныхъ словъ. Слова эти были не мудренныя: «Престолю атечества... Русь-матушна... до издыханья крови... Какъ мы естъ теперича дураки, а вы, прямо надо сказать—стратиги наши и промыслители... вѣ-какъ!... не то што капитала—живота рѣшусь... Грудь... подошлека... людь православный... душа» и т. п. Въ сущности-то, пожалуй, глупыя даже слова, но, видно, такъ ужъ повелось, что въ патриотическихъ салонахъ эти слова присуждены изображать настоящій русскій патриотизмъ. Во всякомъ случаѣ, высокопоставленная дама увлеклась Псоємъ Антипычемъ. Карета цѣлые дни развозила ее по Петербургу. Въ гостиныхъ на самыхъ изящныхъ діалектахъ говорили о «мужикѣ», явившемся откуда-то изъ степи принести лепту на алтарь отечества. Видѣли въ этомъ признакъ всеобщаго подъема духа, что-то провиденціальное, что-то угрожающее растлѣнному Западу, какое-то мистическое знаменіе. Нашелся еще Псой Антипычъ—не нашъ, а другой, великосвѣтскій, съ камеръ-юнкерскимъ шитьемъ на мундирѣ,—который переложилъ событіе въ патриотическіе стихи; нашелся третій Псой Антипычъ, напечатавшій стихи съ своимъ журналѣ... и другой, и третій узрѣли за

это вновь отверстыя перспективы милостей, протекціи, связей. А настоящий Псой Антипычъ сидѣлъ тѣмъ временемъ въ комнатѣ графскаго дворца, ухлѣталъ за обѣ щеки утонченныя яства съ барскаго стола, почесывалъ утробу, рыгалъ и, шутки ради, говорилъ дворецкому:

— Вотъ ссориться-то съ тобой не хочется, Гаврило Егорычъ, а по-настоящему, какъ я теперича взыснанъ самой, стоило бы доложить ихъ сіятельству, сколько ты за доступъ-то слимонилъ. Сотенный билетъ спаналъ, легкое ли дѣло!

— Ну, ну!... Не плюйте въ колодезь, господинъ Мальчиковъ, годимся еще съ теченіемъ времени, — деликатно отвѣтствовалъ дворецкій, поглаживая баки.

— Про то же я и говорю.

Наконецъ, Псой Антипычъ былъ представленъ свойственникамъ, родственникамъ и единомышленникамъ патріотической дамы. Псой Антипычъ чутьемъ разгадалъ каждаго. Передъ однимъ онъ прикинулся дурачкомъ, ибо тотъ только въ видѣ дурачка представлялъ себѣ настоящий русскій народъ; другому развилъ весьма дѣльно, какъ выгодноѣе продавать спиртъ и пользоваться бардой, — у того были огромныя винокуренныя заводы; третьему тонко намекнулъ, что управляющій его обкрадываетъ, — несомнѣнная истина, потому что Псою Антипычу случалось воровать съ этимъ управляющимъ сообща; четвертому такъ подаль мысль усугубить доходъ съ имѣній, что тотъ моментально вообразилъ, будто это его собственная мысль; пятому грубо польстилъ, сказавши, что «Расея вотъ какъ чувствуетъ — по грошъ жизни!» — государственныя заслуги его п-ства. И все это съ русскими прибауточками, съ русскими поклонами въ поясъ, съ тѣми безхитростными русскими словечками, отъ которыхъ иногда закрываются вѣеромъ высокопоставленныя дамы, но которыя въ свою очередь присуждены изображать настоящий русскій патріотизмъ, — разумѣется, если выпадаютъ изъ устъ такого безхитростнаго мужичка, какъ Псой Антипычъ.

Игра кончилась тѣмъ, что Псой Антипычъ снялъ въ аренду («урвалъ!») чуть не цѣлое нѣмецкое королевство со всевозможными льготами, послабленіями и попущеніями, и вернулся домой въ качествѣ патентованнаго патріота. Съ тѣхъ поръ онъ настойчиво удерживалъ эту позицію. Возвращалось ли «православное воинство» изъ похода, — Псой Антипычъ первый выставлялъ бочку полугара, жертвовалъ возъ ржавыхъ селедокъ, билъ себя въ грудь, говорилъ «рѣчь», уснащенную крупною патріотическою солью. Везли ли плѣннаго Шамиля, — Псой Антипычъ и по поводу Шамиля совер-

шалъ торжество, извергалъ безхитростныя слова и билъ себя въ грудь. Посылался ли складень графу М. Е. Муравьеву, — Псой Антипычъ и по случаю складня ударялъ въ свои жирныя перси, хрипѣлъ «разразимъ!» — и предлагалъ послѣднюю «каплю крови» на «престолъ атечества».

Однако, спустя десять лѣтъ ненасытный азартъ Псоя Антипыча опять повредилъ ему. Вырубилъ онъ «невзначай» какіе-то высокопоставленные лѣса, распахалъ, «забывшись», степи, продалъ «по ошибкѣ» овецъ, выигралъ «по глупости» зеркала изъ заброшеннаго палаццо... Несмотря на всѣ уважительныя причины, отъ аренды ему было отказано. Какъ на грѣхъ, и съ патриотизмомъ стало тише. Тогда Псой Антипычъ волей-неволей погрузился на дно, купилъ «вѣчность», скромно началъ хозяйничать, безвыѣдно жилъ на хуторѣ, только изрѣдка высовывая свою чуткую картошку и обнюхивая: не тянетъ ли благоприятный вѣтеръ, не приспѣло ли время снаряжаться и выплывать на поверхность?

Въ послѣднее время, выражаясь его разбойничьимъ жаргономъ, «быдто стало поклеивать», хотя и не въ смыслъ патриотизма. Имя его все чаще и чаще повторялось среди коннозаводчиковъ. Раза два на его хуторъ заѣзжали важныя особы посмотреть лошадей. Псой Антипычъ не упустилъ поднести особамъ суздальскія иконки съ изображеніемъ ихъ «ангела», — конечно, сославшись на свою «глупость», «подоплеку», «душу», «простоту» и тому подобныя принадлежности истинно русскаго человѣка. Жеребцы его завода щеголяли въ княжескихъ и графскихъ запряжкахъ, — штуки четыре изъ нихъ щеголяли безъ всякаго права, ибо были простые «битюги», снабженные фантастическою родословной.

Но все это пустяки. За самое послѣднее время отверзались еще лучшія перспективы: Псою Антипычу стало извѣстно, что одна очень значительная особа намѣревается купить цѣликомъ весь его заводъ. Вся штука заключалась въ томъ, чтобы какъ-нибудь не охладить вельможескихъ намѣреній — не уронить славу завода до тѣхъ поръ, пока не удастся «облапошить» его — ство.

Вотъ какой былъ человѣкъ Псой Антипычъ Мальшиковъ.

На другой день послѣ того, какъ провѣряли Бролика, Наумъ Нефедовъ вытащилъ изъ утробистаго тарантаса своего рыгающаго, урчащаго и разолодѣвшаго отъ жары хозяина, отпоилъ его ледянымъ квасомъ, собственноручно почистилъ щеточкой и, оставшись съ нимъ наединѣ, подробно изложилъ положеніе дѣлъ.

— Ну? — прохрипѣлъ Псой Антипычъ, съ недоумѣніемъ смотря на наѣздника.

— Что-жь—ну! проиграемъ, вотъ и все. По-моему, не пускать, не сражаться.

— Обдумалъ! Дѣвка-то, дѣвка-то что говорить?

— Дѣвка на все готова, да что толку?... Испортить лошадей, это ужъ какъ угодно, не возьмусь. Да, къ тому же, какъ зѣнцу ока стерегутъ. Нарвешься на такой скандалъ, — призамъ не обрадуешься. Вы какъ хотите, а я не возьмусь.

— И не берись. Зачѣмъ ее портить? А дѣвка-то, дѣвка-то... — Исой Антипычъ всхрипнулъ, шевельнулъ ноздрами, — что-то неумолимое пробѣжало въ его глазахъ, — и, не дожидаясь отвѣта, круто закончилъ: — Ладно. Сосну малость... Скажи, благодѣтель, чтобъ въ сумеркахъ дѣвку привели. Сюда-то не зачѣмъ, пушай на задворкахъ подождетъ.

Въ тотъ же самый вечеръ на дворъ, гдѣ стоялъ гарденинскій наѣздникъ, въѣхалъ тарантасъ; въ темнотѣ едва обозначались закрученные головы пристяжныхъ, виднѣлась высокая дуга; управительскій кучеръ Захаръ возсѣдалъ на козлахъ.

— Какъ у васъ тутъ? — слышался суровый голосъ, и Капитонъ Аверьянычъ выѣзъ изъ тарантаса. — Это ты, Ѳедотъ? Ну, что?... какъ?... Что, Ефимъ Ивановичъ, не осрамился?... Гдѣ кузнецъ-то?... Это хозяева?... Ну, здравствуйте, здравствуйте.

Цѣлый хоръ отвѣтствовалъ Капитону Аверьянычу:

— Слава Богу!... слава Богу!... Ничто какъ Богъ... Все благополучно-съ... Бнязья Хилковы ставвали, князья Хилковы... так-тося!... Прикидывали позавчера — ничего, слава Богу.

Маринка вынесла огонь, заслоняя его ладонью отъ вѣтра. Капитонъ Аверьянычъ, ощутивъ костью дорогу, взомелъ на крыльцо, посмотрѣлъ на Маринку и шутливо сказалъ:

— Какъ тебя, — Дарья, Лукерья, Аграфена! ну-ка, самоварчикъ, матушка... — и тотчасъ же, измѣняя шутливый тонъ, заботливо произнесъ: — Бто на конюшнѣ-то, — кузнецъ? Не отлучайтесь, ни на секунду не отлучайтесь. Пойдемъ, Ефимъ Ивановичъ.

На другой день, едва взошло солнце, Капитонъ Аверьянычъ былъ уже въ конюшнѣ. Со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ онъ Бролика, поковырялъ костью въ его денникѣ, — суха ли подстилка; взвѣсилъ на ладони, понюхалъ и даже попробовалъ зубами овесъ изъ его корыта; потрогалъ всѣ винтики, гайки и гвоздики и пошталъ колеса на призовыхъ дрожжахъ; обревизовалъ хомуты, сѣделки, уздечки, возжи; спросилъ, гдѣ берутъ воду для лошадей, и воду попробовалъ. Кузнецъ являлъ видъ обычнаго равнодушнаго, Ѳедотка былъ неспокоенъ и все почему-то ждалъ грозы. Однако, грозы не

последовало. Только послѣ того, какъ все было осмотрѣно, Капитонъ Аверьянычъ испытующимъ окомъ посмотрѣлъ на кузнеца и сказалъ:

— Языкъ-то свой поганый держи на привязи. Севернословишь, небось, а тутъ женскій полъ. Что объ насъ скажутъ?—и затѣмъ посмотрѣлъ на Ѳедотку испытующимъ окомъ, и Ѳедотѣ сказалъ:— Чего шарфъ-то распустилъ по спиия, аль мода вышла? Смотри, бабы и виски по модѣ не расчесали.

Но такъ какъ вслѣдъ за этими угрожающими словами на лицѣ Капитона Аверьяныча появилась милостивая улыбка, то струхнувшій было Ѳедотка сразу понялъ, что все найдено въ порядкѣ, и сразу воепринулъ духомъ. Кузнецъ же и не надалъ. Онъ лишь потому удержался заявить, что «Маринка—вѣдьма, а не женскій полъ», что тутъ же былъ Ефимъ, все время безучастно стоявшій у притоки и гораздо болѣе обращавшій вниманіе на воробьевъ, вопившихся въ застрѣхъ, чѣмъ на Капитона Аверьяныча. Отъ Капитона Аверьяныча, конечно, не ускользнула такая странная небрежность: скашивая глаза изъ-подъ очковъ, онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на Ефима, но сдержался и не сказалъ ему ни слова по этому поводу.

— Дозвольте мнѣ въ гости сходить, — угрюмо пробурчалъ Ефимъ, когда Капитонъ Аверьянычъ собрался идти изъ конюшни, — нече княжой наѣздникъ Самардонъ Юнычъ гостей созываетъ.

— Гм... это когда же?

— Чего когда?

— Пойдешь-то?

— Известно, въ сумеркахъ. Время свое знаю, — грубо отвѣтилъ Ефимъ, глядя куда-то въ сторону.

У Капитона Аверьяныча задергалась щека. Онъ судорожно стиснулъ костью, готовъ былъ прикрикнуть на Ефима, но тотчасъ же спохватился и сказалъ:

— Сходи, сходи, что-жь... Я, можетъ, и самъ навѣдаюсь къ старику. Что онъ, намъ? Лѣтъ двадцать я его не видалъ. Пойдемъ, Ефимъ Иванычъ, чай пить.

Во время чая Ефимъ опять-таки проявлялъ странное и дерзкое безучастіе и, казалось, ни мало не былъ тронутъ милостивымъ обращеніемъ Капитона Аверьяныча.

— Такъ шибко бѣжить Грозный? — спрашивалъ Капитонъ Аверьянычъ, отрываясь отъ блюдечка.

— Вѣжить, — нехоти цѣдилъ Ефимъ.

— Не обманить онъ насъ, а?

— Ну, я не ворожейка.

— Да какъ думаешь-то?

— Это ужъ вы думайте, коли охота.

Въ груди Капитона Аверьяныча такъ и клочкотало отъ подобныхъ отвѣтовъ, багровыя пятна выступали на его щекахъ, казалось, вотъ-вотъ терпѣніе лопнетъ. Но онъ вѣршился, сдерживался и только изрѣдка поскрипывалъ зубами да раздражительно шмыгалъ ногою. А Ефимъ какъ ни въ чемъ не бывало сидѣлъ себѣ съ скучнымъ и упрямымъ лицомъ и тупо смотрѣлъ въ уголь. Наконецъ, Капитонъ Аверьянычъ досталъ изъ-за пазухи Ефремово письмо и, тоже не глядя на Ефима, попросилъ его снести письмо на почту. Одно время казалось, что Ефимъ и на это отвѣтитъ какою-нибудь грубостью, — по крайней мѣрѣ, онъ медленно и неохотно взялъ письмо, но тотчасъ же оживленіе мелькнуло въ его тусклыхъ глазахъ и онъ проворно вышелъ изъ избы. Онъ не успѣлъ еще скрыться за воротами, какъ по направленію къ огородамъ прошумѣла своими юбками Маринка.

Спровадивши наѣздника, Капитонъ Аверьянычъ по очереди призывалъ Федотку и кузнеца и подвергъ ихъ самому щепетильному допросу:

— Чтой-то отъ него вчерась будто водкой разлило? — спрашивалъ онъ. Но и кузнецъ, и Федотка стояли на одномъ: хмѣльнаго Ефимъ не касается. Капитону Аверьянычу оставалось убѣдиться въ своей ошибкѣ и успокоиться на этотъ счетъ.

— Ну, а вообще, что онъ, какъ? Не примѣчали вы за нимъ чего-нибудь этакаго... особеннаго? — допытывался Капитонъ Аверьянычъ. На это кузнецъ съ величайшими потугами набормоталъ съ десятокъ словъ, изъ которыхъ можно было разобрать, что «Маринка — вѣдьма и, хотя же ейный отецъ замыкаетъ ее на ночь, но онъ своими глазами видѣлъ» и т. д., — однимъ словомъ, набормоталъ такихъ глупостей и завершилъ эти глупости такимъ непристойнымъ израженіемъ, что Капитонъ Аверьянычъ вскочилъ, плюнулъ, зашипѣлъ: «Ахъ, ты, сввернословецъ окаянный!» — и прогналъ его съ глазъ долой.

Время тянулось для Капитона Аверьяныча съ убійственною медленностью. Волнуемый мыслями о завтрашнихъ бѣгахъ, онъ то выходилъ за ворота и разсѣянно смотрѣлъ, какъ на выгонѣ толпились народъ, видѣлись телѣги съ лошадьми, — тамъ происходилъ конкурсъ «битюговъ»; то опять возвращался во дворъ, шелъ съ новымъ вниманіемъ осматривать Бродяка; то отправлялся бродить по заводу. Но и въ огромныхъ казенныхъ конюшняхъ ничто не зани-

мало его. Свысока поглядѣлъ онъ на казенныхъ рысаковъ, о которыхъ и всегда былъ невысокаго мѣнья; съ величайшимъ презрѣніемъ постоялъ минуты двѣ у денника только что выведенной изъ Англій скаковой знаменитости, за которую отвалили что-то около 20 тыс. рублей; равнодушно прошелъ черезъ великолѣпные манежи; невнимательно скользя взглядомъ по той комнатѣ, гдѣ, бывало, прежде на особенный ладъ билось его сердце, гдѣ помѣщался скрѣпленный на шарнирахъ скелетъ Сметанки, гдѣ висѣли портреты старыхъ орловскихъ рысаковъ—всѣхъ этихъ Полкановъ, Барсовъ, Добрыхъ, Любезныхъ, Лебедей, Голландокъ, Бупчихъ, Бабъ, столь дорогихъ истиннымъ ревнителямъ заводскаго дѣла. Тамъ и сямъ съ Капитономъ Аверьянычемъ встрѣчались знавшіе его наѣздники, барышники, коннозаводчики. Наѣздникамъ онъ отвѣчалъ на поклонъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы; барышникамъ—иному протягивалъ палецъ, иному—два, крупнымъ—всю руку; когда его подзывалъ къ себѣ значительный помѣщикъ, онъ неизмѣнно снималъ шапку и почтительно вытягивался. Но лицо его во всѣхъ случаяхъ хранило одинаково важный видъ достоинства и независимости. Нѣкоторые наѣздники познаменитѣе и барышники помельче приглашали его въ гости, но онъ отъказывался: частью изъ гордости, не желая вступать въ фамиллярныя отношенія съ этимъ людомъ, частью оттого, что ему было не до гостей. И опять шелъ къ себѣ на квартиру, потупивъ голову, задумчиво постукивая костылемъ, напѣвая «Болъ славенъ».

Промаявшись пока забрезжилъ разсвѣтъ, Капитонъ Аверьянычъ рѣшительно поднялся съ перины, одѣлся и вышелъ на крыльцо. Лицо его страшно осунулось и поблѣднѣло, по всѣмъ членамъ ходилъ какой-то неприятный ознобъ. Напрасно онъ старался думать о другомъ,—о сынѣ, о томъ, что теперь дѣлается въ Гарденинѣ, о старинѣ, про которую говорилъ вчера съ Савердономъ Ионычемъ,—мысли его неотвязно обращались къ Бролику. Пѣтухи перебелились. Густыя облака покрывали небо; изъ-за нихъ мѣднымъ свѣтомъ сивозила заря, придавая какой-то рыжій оттѣнокъ мало-помалу выступающимъ очертаніямъ. Съ степи тянулъ влажный вѣтеръ. Дождикъ накрапывалъ.

Въ десяти часамъ установилась самая благопріятная погода. Дождикъ прибилъ пыль; облака косматыми прядями заслонили солнце; сдѣлалось прохладно. Съ утра все село, вся слободка, почти все населеніе завода высыпали на дистанцію. Туда же стремились помѣщики и кунцы въ коляскахъ, въ шарабанахъ, въ широкихъ степныхъ тарантасахъ; въ щегольскомъ фаэтонѣ четверикомъ

прослѣдовало начальство, блистая орденами и эполетами; съ квартирѣ одинъ за другимъ, шагомъ, въ сопровожденіи поддужныхъ, выѣзжали наѣзники, набожно крестясь въ воротахъ; поджарые грумы и жокеи вели въ поводу поджарыхъ и короткохвостыхъ скаковыхъ лошадей.

Капитонъ Аверьянычъ отправился на бѣга тоже въ тарантасѣ.

Бесѣда сплошь была занята господами и купцами-коннозаводчиками. Божь-о-бокъ съ самимъ «генераломъ» краснѣлась лоснящаяся подушка Псоя Антипыча; выпяченная грудь его сіяла, какъ иконостасъ, многочисленными медалями. Генералу не особенно пріятно было такое сосѣдство, но Псой Антипычъ не отставалъ отъ него ни на пядь. Вокругъ бесѣдки и дальше, почти на половину обнимая ипподромъ, толпился народъ. Въ серединѣ круга стояла небольшая кучка наѣзниковъ, поддужныхъ, жокеевъ, конюшихъ,—всѣхъ, кто для бесѣдки не вышелъ рангомъ, а, между тѣмъ, такъ или иначе былъ свой человѣкъ. Тутъ же, рядомъ съ Садердономъ Юнычемъ, превышая всѣхъ головою, стоялъ гарденинскій конюшій.

Состязаніе было въ полномъ разгарѣ, но Капитонъ Аверьянычъ разсѣянно слѣдилъ за нимъ. Бѣжали въ три заѣзда трехлѣтки, затѣмъ четырехлѣтки съ поддужными и безъ поддужныхъ. Публика шумѣла и волновалась. Въ бесѣдкѣ махали платками, фуражками, раздавался гулъ поздравленій. Разгоряченныя, растерянныя, торжествующія лица мелькали передъ Капитономъ Аверьянычемъ, а онъ ничего не видѣлъ. Садердонъ Юнычъ былъ въ раздражительномъ настроеніи: призы все попадали купцамъ. Нифонтовы, Пожидаевы, Веретенниковы, Синицины оставляли за флагомъ Молоцкихъ, Ознобишиныхъ, Храповицкихъ... «Ахъ, пусто-бъ вамъ было!—бормоталъ старикъ, сердито сверкая глазками и топчась на мѣстѣ, — ахъ, пусто-бъ вамъ... ахъ, раздуй васъ горой!... ахъ, батюшки вы мои, старинные рысачки!—и вдругъ съ угрожающимъ видомъ повернулся къ Капитону Аверьянычу: — Смотри!... Не осрами и ты своихъ господъ!» Капитонъ Аверьянычъ криво усмѣхнулся и еще крѣпче стиснулъ пересмятшія губы.

— На всѣ возрасты!—раздалось изъ бесѣдки.

Трое подѣхали къ столбу: Наумъ Нефедовъ на Грозномъ, Ефимъ на Кроликѣ и наѣзникъ-любитель на приземистой кобылѣ темно-сѣрой масти. Какъ и подобаетъ человѣку, выдавшему виды, Наумъ Нефедовъ сидѣлъ весело, самоувѣренно, молодецки растопыривъ нафабреныя усы, хватомъ откинувшись назадъ, точно играя синими шелковыми возжами. Ефимъ сгорбился, понурился,

нехорошо глядѣлъ изподлобья, руки его замѣтно дрожали. Любитель былъ блѣдень, какъ бумага. Грозный всѣмъ поведеніемъ своимъ подражалъ Науму Нефедову: онъ такъ же самоувѣренно и весело поглядывалъ по сторонамъ, игралъ удилами и, точно напередъ зная всѣ порядки, такъ и застылъ у столба, чутко настороживъ уши, рисуясь своею лебединою шеей. Кроликъ же ничего не понималъ. Недоумѣвая, косился онъ огненнымъ глазомъ на непривычное скопище народа, на челоуѣла съ краснымъ околышемъ, который суетился у столба и, прищуривая глазъ, покрикивалъ: «Еще на полголовы!... еще подайся!... назадъ!... впередъ!...» Кромѣ того, Кроликъ чувствовалъ, какъ совершенно зря шевелились удила въ его губахъ, и опять не понималъ, что это значить. Онъ весь какъ-то собирался, поджималъ хвостъ, неувѣренно переступалъ съ ноги на ногу... А тутъ еще глупая сѣрая кобыла выставилась на цѣлую голову впередъ и растерявшійся любитель повернулъ ее передъ самою мордой Кролика... Кроликъ даже содрогнулся отъ изумленія и широко раздулъ ноздри... «Динь-динь-динь!» — загремѣло надъ самымъ его ухомъ. Грозный точно стрѣла вылетѣлъ на добрую сажень. Даже кобыла показала Кролику сначала хомутъ свой, унизанный блестящими пуговками, а потомъ и сѣделку съ голубою подпругой... И только въ это мгновеніе Кроликъ почувствовалъ, что Ефимъ на особый ладъ шевельнулъ возжами. Онъ стремительно влегъ въ хомутъ, ринулся впередъ... Вдругъ удила больно рванули его. Сбитый съ толку, онъ не въ очередь взмахнулъ ногами, надалъ, перевалился, запутался, злобно взглянулъ на кобылу, судорожно махавшую хвостомъ передъ самою его дугой, и, приложивъ уши, сдѣлалъ отчаянный прыжокъ. Кобыла осталась назади. Тогда Кроликъ справился, вытянулся и, не чувствуя жѣшавшихъ ему почему-то возжей, спорымъ, низкимъ ходомъ поравнялся съ Грознымъ.

— Живота аль смерти, толсторылый чортъ? — прошипѣлъ Ефимъ.

— Не плюй въ колодець, Ефимъ Иванычъ... Авось, годимся, — умильно отвѣтилъ Наумъ Нефедомъ, не поворачивая головы.

— То-то!

Капитонъ Аверьянычъ, не отрываясь, не мигая, напряженно расширеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на Кролика. Вотъ Кроликъ запыдалъ у столба, отчего-то замялся, сдѣлалъ неудачный сбой... Капитонъ Аверьянычъ простоналъ.

— Эхъ!... — отозвался Савердонъ Юнычъ... И оба разомъ воспрянули.

— Ого!—съ величайшимъ возбужденіемъ восклицалъ княжой наѣздникъ,—у задняго колеса!... у передняго колеса!... въ хвостъ!... на полголовы вынесъ!... Ой, наддай!... Ой, голубчикъ, наддай!... Держись, Наумка!... Знай, купеческій выкормышь, какова настоящая барская лошадь!

Бапитонъ Аверьянычъ гордо выпрямился. Такъ продолжалось съ полминуты. Вдругъ Наумъ словно толкнулъ Грознаго... Броликъ сразу очутился въ хвостъ.

— Ничего, ничего...—бормоталъ Сакердонъ Юнычъ, впиваясь своими старческими глазами,—ничего... Сколь у него пороху хватить... сколь пороху...

Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ шло хуже. На второмъ поворотѣ Броликъ былъ у задняго колеса, когда бѣжали мимо бесѣдки—отсталъ на сажень и скоро поравнялся съ кобылой, которая несомнѣнно готовилась остаться за флагомъ.

— Впередъ можно было предсказать,—произнесъ генераль, когда Грозный второй разъ приближался къ бесѣдкѣ.

— Исполать, Нефедовъ,—прохрипѣлъ Псой Антипычъ, махая картузомъ, и въ сторону генерала:—Радуюсь, ваше-ство... взысканъ... первый заводъ имѣю въ Расеѣ, окромя казенныхъ... Съ казенными не равняюсь, ваше-ство, потому какъ ты есть колдунъ по эфтой части!

Генераль ослабилъ и крикнулъ: «браво, браво», ударяя въ ладоши; съ бесѣдки послышался гулъ.

— Ой, лихо!—шепталъ Юнычъ, нервически перебирая губами,—ой, не чисто, Аверьяновъ!... Вѣдь, задерживаетъ, Юда... убей меня Богъ, задерживаетъ...—и, не въ силахъ больше топтаться на мѣстѣ, подбѣжалъ къ самой дорожкѣ. Бапитонъ Аверьянычъ посинѣлъ, какъ чугунокъ, углы его губъ отвалились, онъ какъ-то неестественно вытянулся, вздрогнулъ и вдругъ покачнулся на бокъ. Кто-то бросился поддержать его...

— Ми...—промычалъ Бапитонъ Аверьянычъ и сразу оправился.

— Не тронь!—сказалъ онъ строго. Въ это время Ефимъ поравнялся съ Юнычемъ,—въ это же время Наума привѣтствовали изъ бесѣдки. Ефимъ взглянулъ впередъ — что-то неопишное мелькнуло въ его глазахъ.

— Я думалъ, ты наѣздникъ,—гнѣвно крикнулъ Сакердонъ Юнычъ, перегинаясь всѣмъ корпусомъ въ сторону Ефима,—а ты!...—и онъ прибавилъ скверное, презрительное, позорное слово.

Вслѣдъ за этимъ всѣ ахнули. Броликъ сердито рванулся изъ хомута, сдѣлалъ великолѣпный, полный собой, вытянулся, распла-

стался по землѣ... Наушь Нефедовъ почувствовалъ за собой шумное дыханіе.

«Что за диковина!» — подумалъ онъ, холодѣя, и, не оглядываясь, ударилъ Грознаго возжею.

— Вре-е-ешь!... — раздался за нимъ сильный голосъ, — рано въ ладошки забили!

Всѣ смотрѣли, затаивъ дыханіе. Безъ понуканья, безъ удара, съ свободно опущенными возжами, съ гордымъ и спокойнымъ сознаніемъ своей силы Броликъ мчался къ столбу. Очевидно было, что не только брошенная въ полуверстѣ темно-сѣрая кобыла, но и знаменитый Грозный останутся за флагомъ. Однако, Наушь Нефедовъ нашелся: только что Броликъ миновалъ флагъ, Грозный прыгнулъ разъ, два... десять... двадцать разъ. Псой Антипычъ сдѣлался изъ краснаго коричневымъ, даже врынулъ отъ удовольствія.

— Ваше-ство! ваше-ство! — хрипѣлъ онъ, — Грозный-ать не проигралъ... съ круга сведенъ... за проскачку!... Вели записать, что съ круга сведенъ!

Но его никто не слушалъ. Толпа оглушительно ревѣла. Генералъ, окруженный господами, подошелъ къ Ефиму, похвалилъ его, подарилъ двадцать пять рублей, съ восхищеніемъ осмотрѣлъ лошадь... Кто-то изъ помѣщиковъ указалъ на конюшаго:

— Вотъ такихъ бы намъ людей, ваше-ство! Заводъ единственно ему обязанъ.

— А! благодарю, благодарю, старикъ, — благосклонно произнесъ генералъ, — ну, что, радъ? Порода какая?

Капитонъ Аверьянычъ страдальчески улыбнулся, разжалъ губы, выговорилъ: «ра... ваш... Ви... сынъ... Витязь...» — языкъ его заплетался. Генералъ вопрошительно оглянулся.

— Ошалѣлъ отъ счастья, ваше-ство, — снисходительно посмѣиваясь, пояснилъ помѣщикъ.

— Да, да... Ну, спасибо, спасибо. Неслышанная рѣзвость, неслышанная.

Спустя часъ Броликъ свободно, «спрохвала», безъ соперниковъ, прошелъ двухверстную «перебѣжку» и Капитону Аверьянычу вручили оба приза. Капитонъ Аверьянычъ уже оправился къ тому времени и, весь сіяя отъ затаеннаго торжества, весь переполненный обычнымъ своимъ достоинствомъ, стоялъ безъ шапки въ кругу господъ и спокойно излагалъ генералу происхожденіе Бролика. Генералъ полѣзъ было за бумажникомъ, — ему хотѣлось поощрить столь образцоваго конюшаго, — но посмотрѣвъ, посмотрѣвъ на обнаженный черепъ Капитона Аверьяныча, на гордое и важное выраженіе

его лица и вдруг ототегнулъ свои великолѣпные часы и протянулъ ему:

— Спасибо, вотъ тебѣ на память.

Капитонъ Аверьянычъ, ни мало не утрачивая своего достоинства, наклонился, сдѣлалъ видъ, что хочетъ поцѣловать руку его превосходительства. Генераль быстро спряталъ руку.

Вечеромъ гарденинскіе ираздновали. Ефима и Капитона Аверьяныча приходили поздравлять. На столѣ стояла закуска, кипѣлъ огромный самоваръ, возвышалась четвертная бутылка съ наливкой. Генеральскіе часы производили ошеломляющее дѣйствіе. Ихъ съ жадностью разглядывали, взвѣшивали на рукѣ, угадывали, сколько за нихъ заплачено, говорили Капитону Аверьянычу льстивыя слова.

— Я что!... я—пятое колесо въ эфтомъ дѣлѣ!—уклонился Капитонъ Аверьянычъ,—вотъ кому слава—Ефиму Иванычу!

Сакердонъ Юнычъ такъ и дребезжалъ отъ радости; онъ суетливо шмыгалъ своими валенками, выпилъ двѣ рюмочки наливки, раскраснѣлся, посасывалъ беззубыми деснами тоненькій ломтикъ колбасы и безпрестанно покривчалъ:

— На императорскій вѣди, Аверьяновъ!... Въ Москву!... Въ Питерь!... Пущай потягаются съ настоящимъ рысаконъ!... Пущай потягаются, алтынники!... А! вотъ какъ по-нашему!... Вотъ что означаетъ истинная охота!

Ефимъ въ свою очередь былъ награжденъ съ избыткомъ: кромѣ того, что навидали въ его шапку генераль и господа, Капитонъ Аверьянычъ подарилъ ему сто рублей. Тѣмъ не менѣе, выраженіе торжества мѣшалось на его лицѣ съ выраженіемъ какого-то подмивающаго безпокойства. Злобно оскаливая зубы, онъ повѣствовалъ, какъ съ умысломъ далъ Наумѣ уйти впередъ, чтобъ затѣмъ осрамить его «не на животь, а на смерть».

— Ха, стерва! Ефима собрался обогнать!... Ефима удумалъ за флагомъ кинуть!... Нѣтъ, видно, погодишь, толстомордый... видно, не на того наскочилъ!—куражился Цыганъ и хлопалъ рюмку за рюмкой.

Капитонъ Аверьянычъ на все смотрѣлъ снисходительно.

«Дай орокъ,—думалъ онъ,—воротимся домой—подтяну! Ты у меня помягчаешь!»

Было около полуночи. Кузнецъ обругался, вмѣсто того, чтобъ проститься, и пошелъ спать. Гости тоже начали расходиться. Вдругъ кузнецъ просунулъ въ окно и торопливо позвалъ Фодотку. Спустя пять минутъ Фодотка ни живъ, ни мертвъ прибѣжалъ изъ конюшни.

— Неблагополучно, Капитонъ Аверьянычъ! — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

— Что? что?

— Съ Броликомъ неблагополучно-съ!

Всѣ, кто былъ въ избѣ, бросились въ конюшню. Заггли фонари. Капитонъ Аверьянычъ вошелъ въ денникъ... Броликъ лежалъ, вытянувши шею, тяжело водилъ потными боками... Хрипкое дыханіе вырывалось изъ его широко раздувавшихся ноздрей.

— Батюшка... что съ тобою?—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Капитонъ Аверьянычъ.

Броликъ взглянулъ тусклымъ, слезящимся глазомъ на фонарь, рванулся, ветажъ на переднія ноги... Но кѣлѣни подгибались; онъ шатался; мускулы его такъ и вздрагивали отъ непосильнаго напряженія. Подсунули возжи подъ его брюхо, кое-какъ приподняли, вывели народомъ на дворъ... Тамъ онъ такъ и упалъ на траву. Са-кердонъ Юнычъ сидѣлъ возлѣ и пьяненькимъ, плачущимъ голосомъ шамкалъ:

— Бровь пусти, Аверьяновъ... Пусти кровь!

Капитонъ Аверьянычъ не слушалъ.

— Запрягать!—загремѣлъ онъ и самъ бросился къ дрожкамъ.

Въ нѣсколько минутъ лошадь была готова, Захаръ трясущимся руками ухватился за возжи, Капитонъ Аверьянычъ, какъ былъ, безъ шапки и безъ сюртука, повалился сзади, и во весь духъ помчались къ генералу. Случай былъ чрезвычайный. Генералъ искренно огорчился и сказалъ, что сейчасъ же прилететь ветеринара.

Ветеринаръ осмотрѣлъ лошадь, кое-о-чемъ спросилъ, въ недоумѣніи развелъ руками, однако же, приказалъ втирать мазь, влить въ ротъ бутылку какой-то микстуры. Все пришло въ движеніе. Бузнецъ и Федотка засучили рукава, взяли щетки, изо всѣхъ силъ принялись растирать Бролика. Другіе разжимали его стиснутые зуты, вливали микстуру.

На разсвѣтъ сынъ Витязя и Визапурши палъ. Желтыя пятна фонарей печально мигали въ волнахъ сѣрватоѣ утренней мглы. Измученные, блѣдные, молчаливые люди были угрюмы. Въ конюшнѣ спокойно всхрапывали лошади.

Капитонъ Аверьянычъ долго смотрѣлъ на Бролика. Ни одна черта не шевелилась на его застывшемъ лицѣ. Но вотъ выдавилась слезинка, повисла на рѣсницѣ, поползла по щекѣ, нервически дрогнули вѣрѣтко сжатые губы... «Подавай!»—глухо приказалъ онъ Захару и торопливо ушелъ въ избу. Спусти десять минутъ тройка стояла у крыльца. Капитонъ Аверьянычъ вышелъ, ни на кого не

глядя съль въ тарантасъ; пристяжный, пугливо озираясь и прижимаясь къ оглоблямъ, натянули постромки... Вдругъ изъ конюшни раздался отрывистый, сильный, полузадушенный лай: это рыдалъ Ефимъ Цыганъ, скорчившись въ углу, гдѣ стояли мѣшки въ осомъ, гдѣ было темно, гдѣ никто не могъ увидать Ефима—его искаженнаго отчаяніемъ лица.

— Пошелъ!—злбно крикнулъ Капитонъ Аверьянычъ.

VIII.

Прерванное свиданіе.—Николаевъ проектъ.—Первая жертва на гарденинскую школу.—Что услышала Элизъ изъ окна своей комнаты.—Что обдумала Фелицита Николаевна.—Управитель въ гнѣвъ отъ двухъ неприятностей.—О неумѣльномъ вѣшательствѣ Ефрема въ Федоткины дѣла.—Ссора, смерть, похороны.—Какъ отецъ съ сыномъ прощались навсегда.

— Вотъ и расстаемся, Лизавета Константиновна!

— Почему?

— Какъ почему?... Вы — направо, я — налѣво. Вамъ предстоятъ балы, выѣзды, театры, инѣ—тоже, пожалуй, выѣзды, но въ иномъ смыслѣ...

Элизъ задумчиво чертила зонтикомъ. Августовское солнце пронизывало разрѣженную листву аллей. Мягкія узорчатыя тѣни падали на свѣтлое платье Элизъ, на ея потупленную голову... Вдругъ она выпрямилась.

— Послушайте...—Все было тихо, такъ тихо, что было слышно, какъ падалъ листъ, какъ гдѣ-то вдали сорвалось подточенное червякомъ яблоко, какъ на той сторонѣ, за гумнами, шѣрно и дружно стучали цѣпы.—Послушайте, Ефремъ Капитонычъ,—нерѣшительно повторила Элизъ,—будто это такъ необходимо?

— Не знаю-съ.

— Вы долго пробудете здѣсь послѣ насъ?

— О, нѣтъ! Недѣлю, я думаю.

Элизъ помолчала. На ея лицѣ, не успѣвшемъ загорѣть отъ деревенскаго солнца, изображалась странная борьба; глаза вспыхивали и погасали.

— Какъ ваши отношенія съ отцомъ?—спросила она такимъ голосомъ, какъ будто это и было то важное, чтд ей хотѣлось сказать.

— Вооруженный нейтралитетъ,—отвѣтилъ Ефремъ, сухо замиѣявшись.—Отецъ... я не знаю, что съ нимъ, но съ самыхъ этихъ дурацкихъ бѣговъ онъ страшно замкнутъ, золъ и мраченъ. Я не говорю съ нимъ десяти словъ въ сутки,—невозможно говорить. Каждое слово мое онъ разсматриваетъ какъ непомѣрную глу-

ность. Въ счастью, мало бываетъ дома: съ зари до зари въ своемъ лошадиномъ царствѣ. Вы знаете, у него новая *idée fixe*: сестра покойнаго Бродина...—видите, какое я питаю уваженіе къ вашимъ лошадямъ!—такъ вотъ эта сестрица тоже проявила рысистые таланты. Наѣздника отецъ воспитываетъ теперь изъ «своихъ»—Федота, и вотъ...

Ефремъ засмѣялся нехорошимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Вы раздражаетесь. Я не люблю, когда вы раздражаетесь,—прошптала Элизъ, и вдругъ въ ея глазахъ мелькнула рѣшительность.—Послушайте... это вздоръ, что вы говорите... то-есть о томъ, что я—направо...—выговорила она торопливымъ, внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ.—И вы сами знаете, что это вздоръ. Зачѣмъ?... Развѣ нужно играть въ слова?... Выѣзды, балы!... Зачѣмъ это нужно говорить?... О, какъ я ненавижу, когда говорятъ не то, что думаютъ, и несправедливо! Прежде, давно, это было справедливо, но я много передумала... я вамъ очень благодарна... Я вижу, какой ужасъ и какая неправда жить такъ—что я говорю—жить!—такъ прозябать, такъ влачить жизнь. Впрочемъ, это не важно... и я не объ этомъ... я о томъ, что такъ не должно кончиться. Вы уѣдете, а дальше? Что мнѣ дѣлать? Неужели вы не видите, что я рѣшительно, рѣшительно... не знаю, что мнѣ дѣлать. Читать? развиваться?... Ахъ, можетъ быть, это и хорошо,—и, конечно, хорошо!—но я-то не могу... Какъ! изо-дня въ день читать, до какой степени все несчастно, унижено, забито... Что же дальше-то, вы мнѣ скажите,—неужели дѣлать визиты и слушать комплименты?... О, какая гнусность!

— Лизавета Константиновна... Вы не одна. Всегда помните, что вы не одна...—голосъ Ефрема дрогнулъ.—Глупости!—воскликнулъ онъ сердито,—я не въ любви вамъ изъясняюсь... И, пожалуйста, пожалуйста, не заподозрите во мнѣ селадонишку какого-нибудь... я только объ одномъ: слово, одно слово скажите,—товарищи, друзья, все явится на помощь. Я раздраженъ, я злюсь—это вѣрно, да отчего?... Эхъ, что пустое толковать!... Готовы ли вы, вотъ въ чемъ вопросъ. Шутки илехія, шагъ рѣшительный... Помните, мы съ вами о красивомъ сюжетѣ-то говорили? И теперь повторю: всякая важность очертя голову въ пропасть ринуться!... Напрасно хмуритесь,—васъ жалѣючи говорю. Бросить теремъ красной дѣвицы по «новѣйшему» времени ничуть не мудрено. Нѣкоторые такъ даже основательно бросаютъ—фигтивно замужъ выходить. Все можно, да что толку? Лучшее всего поприглядѣться, да приготовиться. Вотъ у васъ разные есть таланты...

— Ахъ, вы опять о моихъ талантахъ!

— Нѣтъ, я серьезно говорю. Есть много талантовъ; а такихъ, чтобъ къ дѣлу приспособить, — такихъ нѣту. Легко сказать: «иду!» да съ чѣмъ? Умѣете ребятъ учить? Не умѣете. Хворая баба придетъ за совѣтомъ, рану нужно перевязать — опять-таки не умѣете. А письмо написать солдату? а указать законъ? а пояснить права? То-то вотъ... Штука не хитрая, но надо же заняться этимъ, а въ Питерѣ и возможно, и доступно.

— Вы думаете? — сказала Элизъ, горько усмѣхаясь.

— Я увѣренъ.

— А что скажете на это шапан?

— Я увѣренъ, что возможно, — упрямо повторилъ Ефремъ. — Надо бороться — и уступить. Есть, вѣдь, на курсахъ и настоящіи барышни, добились же! А не такъ, опять повторю: только слово скажите.

— Не знаю... не знаю... — печально прошептала Элизъ. Что-то еще просилось на ея губы, какія-то дѣйствительно важныя слова, но она не могла ихъ выговорить и вдругъ заплакала.

Ефремъ вспыхнулъ и невольнымъ движеніемъ схватилъ ея руки, беспомощно раскинутыя на колѣнахъ.

— Другъ мой... милый мой другъ! — вырвалось у него.

— Прочь!... Прочь, хамово отродье! — раздался визгливый, старчески-разбитый голосъ, и изъ ближайшихъ кустовъ выскочила растрепанная, разъяренная Фелицата Никаноровна.

Ефремъ вздрогнулъ, выпрямился, необыкновенная злоба исказила его лицо... Но глаза его встрѣтились съ испуганными, дѣтски-растерянными глазами Элизъ, уловили жалкое выраженіе ея губъ, — онъ услышалъ ея шепотъ: «ради Бога, уходите поскорѣй!» тотчасъ же потупилъ голову и, съ кривою усмѣшкой, съ видомъ неизъяснимой презрительности, быстро удалился въ глубину сада.

— Ахъ, ты, разбойникъ! — кричала ему въ слѣдъ Фелицата Никаноровна, — ахъ, ты, холопская морда!... ахъ, ты, самовольникъ окаянный!... — И затѣмъ накинулась на Элизъ: — Прекрасно, сударыня!... Буды превосходно!... Генеральская-то дочь, да съ дворовымъ! съ крѣпостнымъ!... Ступай, сейчасъ ступай, негодница, въ покои!... Давно провидѣла... давно чуяло мое сердце... Святители вы мои! чья кровь-то, кровь-то у тебя чья?... Аль уже не гарденинская?... Аль ужъ ты выродекъ какой?... Сейчасъ ступай, пока мамашѣ не доложила!...

Элизъ сидѣла блѣдная до синевы, съ неподвижными, безмысленными глазами, судорожно стиснувъ губы. Фелицата Никаноров-

на грубо рванула ее за рукавъ... И вдруг опомнилась. «Матушка! что съ тобой?» — вскрикнула она. Элизъ молчала. Только въ горлѣ у ней переливался какой-то всхлипывающий звукъ. Тогда старуха совершенно растерялась, схватила ее за руку, — рука была тяжелая и холодная, какъ ледъ, — стала разстегивать платье, дуть въ лицо, крестить, распускать шнурки.

— Угодники Божіи!... Святители отче Митрофане!... Лизанька!... Ангель ты мой непорочный, — причтала она, трясаясь съ головы до ногъ, обливаясь слезами, покрывая горячими поцѣлуйми руки, платье, волосы и щеки Элизъ. — Что я натворила, окаянная!... Очнись, рѣднушка... Очнись, лебедушка... Взгляни глазами-то ясененькими... Вѣдь, это я... я... раба ваша... Фелицата... Прогляни, дитятко!... Усмѣхнись, царевна моя ненаглядная... Побрани хрычевку-то старую!... По щекѣ-то, по щекѣ-то меня хорошенько!

Губы Элизъ начали подергиваться, подбородокъ конвульсивно задрожалъ, въ глазахъ мелькнуло сзнаніе. Съ выраженіемъ ужаса она оттолкнула Фелицату Никаноровну и разрыдалась. Та, какъ подкошенная, бросилась на колѣни, вцѣпилась въ платье Элизъ, ловила ее руки, заглядывала ей въ лицо умоляющими, страдальческими глазами.

— Прости меня, глушую! — восклицала она. — Вижу, вижу, чего надѣлала... Эка, взбрело въ башку!... Эка, что подумать осмѣлилась!... Да кто-жъ его зналъ, мое золото?... Не гнѣвайся... иди, моя ненаглядная, иди... я сама доложу ихъ превосходительству... Ужь я-жъ его, злодѣя!... Ужь я-жъ его!... Эка, осатанѣлъ! Эка, замыслилъ, хамово отродье, птенчика беззаступнаго обидѣть!... Да его и родъ-то весь помеломъ изъ Гарденина!... И отцу-то припомнится, какъ онъ барскую лошадь...

— Что-жъ это такое? — крикнула Элизъ и съ негодованіемъ вскочила съ скамейки. — Не смѣйте такъ говорить о немъ!... Слышите? — Не смѣйте, не смѣйте!... Я люблю его... я его невѣста!... Злая, безсердечная старуха... ступайте, донесите матери; она васъ поблагодаритъ... она вамъ подаритъ свои обноски за шпіонство!... А я сейчасъ же, сейчасъ же уйду за нимъ... На край свѣта уйду!...

И Элизъ, отвернувшись, съ чувствомъ живѣйшей душевной боли, съ чувствомъ несказаннаго стыда и обиды за Ефрема пошла по направленію къ дому.

— Доносчица!... наушница!... изъ обносковъ стараюсь!... — шептала Фелицата Никаноровна. — Матерь Божія! гдѣ же правда-то?... Выростила... взлелѣяла... душу положила... Охъ, нудно

жить!... Охъ, святители вы мои, нудно!... Паль, паль вертоградъ зеленый... Оскудѣли мои радости!—Она съ усиленіемъ поднялась и, пошатываясь, какъ разбитая волоча ноги, добралась до скамейки... И много передумала, много разбредила старыхъ ранъ, полупозабитыхъ страданій,—вспомнила свою долгую рабью жизнь и короткій, точно мигъ, просвѣтъ счастья.—Друженька ты мой!... Агеюшко!—думала она вслухъ,—не за то ли и караетъ Господь—душу твою одинокую забыла, обаянная... Мало молюсь... мало вызволяю тебя отъ горькой напасти... Ахъ, тлѣнность суетливая, сколь ты отводишь глаза, прельщаешь разумъ!

Ефремъ далеко ушелъ въ степь. Онъ былъ мраченъ. Въ его ушахъ такъ и звенѣли оскорбительныя слова Фелицаты Никаноровны. Въ его глазахъ такъ и стояло растерянное лицо Элизъ. «А! видно, мы смѣлы-то лишь подъ сурдинку!... Видно, барышня всегда останется барышней!—восклицалъ онъ, шагая вдоль степи, устремляясь все дальше и дальше отъ усадьбы, и глумился надъ собою, съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ унижалъ себя.—Да и точно... какая глупость втемяшится въ голову!... Холопъ, хамъ и вдругъ возомнилъ... Ахъ, глупо, Ефремъ Капитоныч!... ахъ, мальчишески глупо!... И что означали эти слезы? Съ какой стати я приписалъ ихъ... Подѣломъ! Не смѣй мечтать!... Не смѣй миндальничать!... Дожилъ!... додумался!... сцену изъ романа разыгралъ!»

Но мало-по-малу, вмѣстѣ съ усталостью отъ ходьбы, мысли его приходили въ порядокъ, чувство оскорбленія погасало, тихая грусть овладѣвала имъ. День за днемъ онъ вспоминалъ всѣ эти три мѣсяца, проведенные въ Гарденинѣ, постепенное сближеніе съ Элизъ, задушевные разговоры, мечты вслухъ... Любилъ ли онъ ее? О любви они никогда не говорили. Чувство нарастало само собою: безъ словъ, безъ сознанія, украдкою. Никогда они не смотрѣли другъ на друга съ выраженіемъ влюбленныхъ; никогда въ ихъ отношеніяхъ не было тѣхъ едва уловимыхъ подразумѣваній, которыя вѣчно сопутствуютъ любви... Что-то назрѣвало, что-то волновало душу, что-то заставляло щеки вспыхивать румянцемъ, глаза—блестѣть, рѣчь—переполняться страстнымъ оживленіемъ... Но что же? Объ этомъ не только избѣгали говорить, а избѣгали и думать. И лишь наканунѣ разлуки *она* съ такою властью напомнило о себѣ—принудило Элизъ расплакаться, а Ефрема произнести тѣ слова, которыя онъ произнесъ.

И по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался, что «съ этимъ все покончено», что Фелицата Никаноровна не замедлитъ поставить на ноги

весь домъ, всю дворню, «всѣхъ явныхъ и тайныхъ гарденинскихъ рабовъ», а Лизавета Бонстантиновна смирится и, можетъ быть, даже ужаснется тому, что надѣлала, — по мѣрѣ того, какъ Ефремъ убѣждался въ этомъ, въ немъ подымалось какое-то брезгливое отвращеніе къ Гарденину, ему нестерпимо хотѣлось бѣжать отсюда. Никогда онъ не сознавалъ съ такою очевидностью, что онъ лишній здѣсь, что его связи съ Гарденинымъ столь слабы, столь надорваны...

— Ефремъ Ка-пи-то-ны-ичъ! — кригнули съ дороги.

Ефремъ оглянулся: по направленію къ усадьбѣ ѣхалъ на дрожкахъ Николай. Одно время Ефремъ подумалъ сдѣлать видъ, что не слышитъ: ему страшно не хотѣлось говорить съ кѣмъ бы то ни было, но онъ чувствовалъ усталость, а до Гарденина было не меньше десяти верстъ; кромѣ того, ему хотѣлось поскорѣ вернуться домой и сейчасъ же укладываться, и встать, поскорѣ узнать, какая буря разыгралась дома, — по мнѣнію Ефрема, родители, конечно, уже были освѣдомлены, что «натворилъ окаянный самовольникъ».

— Эка, вы куда забрели! А я съ хутора ѣду, — сказалъ Николай, — не хотите ли подвезу? — и какъ только Ефремъ сѣлъ, онъ тотчасъ же обернулся къ нему и, съ оживленіемъ, съ сіяющими глазами, началъ говорить:

— Что я надумалъ, Ефремъ Капитонычъ... Знаете столяровъ домикъ? Ну, Ивана Фодотыча столяра? заволоченный-то?... Такъ что я надумалъ... вотъ бы хорошо школу въ немъ открыть! Средства нужны рѣшительно ничтожныя. Смотрите, я все уже высчиталъ: столы заназать, ссамейки, накупить книжекъ... Ну, на пятьдесятъ цѣлковыхъ можно оборудовать!... Но вотъ штука — съ учительницей какъ быть?... Положимъ, и это прекрасно можно бы устроить... Я знаю одну... Превосходный человекъ! и даже принципиальный человекъ вполне... я недавно получилъ отъ нея великолѣпнѣйшее письмо. Она только въ августѣ экзамень сдала — разстроилась на северной пищѣ и весною не могла сдать. А теперь кончила и имѣетъ дипломъ. Но какая штука, — ей никакъ невозможно безъ жалованья... Она ужъ рассчитывала и такъ, и сякъ, — ну, буквально невозможно. И вотъ тутъ-то огромная загвоздка. Гдѣ взять? Шутка ли — десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ? Видите ли, ей никакъ нельзя меньше десяти. И это ужъ я знаю, навѣрное знаю, что нельзя меньше. Ну, на каникулы она ужъ рѣшила, чтобъ не брать: значитъ, іюнь, іюль, августъ, половина мая и половина сентября... Вотъ ужъ вамъ экономія сорокъ цѣлковыхъ... А восем-

десять-то, а?... И что я надумала, Ефремъ Капитонычъ... Вотъ вы теперь вхожи къ господамъ... И, во всякомъ случаѣ, Лизавета Константиновна, должно быть, принципиальный человекъ... Нельзя ли, Ефремъ Капитонычъ, устроить, чтобъ жалованье учительницъ шло изъ конторы, а? И, разумеется, столяровъ домикъ чтобъ разрѣшили. Тамъ двѣ половины, Ефремъ Капитонычъ. Одна пусть будетъ школа, другая—для учительницы. О, тогда будетъ прекрасно, Ефремъ Капитонычъ! Вѣдь, школа такая полезная, такая удивительно превосходная вещь!

Настроение Ефрема рѣшительно измѣнилось отъ этихъ плановъ. Точно свѣжая струя ворвалась въ его душу и смела все, что тамъ было злаго, грустнаго и тоскливаго. Съ горячностью онъ принялся спрашивать, что за человекъ учительница и сколько, примѣрно, въ Гарденинѣ ребятъ школьнаго возраста, и великъ ли разбѣръ избы, и кому можно заказать столы и парты. Возжи были брошены, лошадь шла, переступая съ ноги на ногу, благодушно помахивая головой, а Николай и Ефремъ, заражая другъ друга какимъ-то торопливымъ увлечениемъ, провѣряли смѣту, считали, соображали, говорили, какія книжки нужно достать, гдѣ купить грифели, перья, чернильницы, карандаши.

Элизъ стояла въ своей комнатѣ передъ окномъ, открытымъ на балконъ, и нервически кусала платокъ. Она была въ мучительномъ раздумьи. Послѣ сцены съ Фелицатой Никаноровной первымъ побуждениемъ Элизъ было сказать матери, что она любитъ Ефрема и что уйдетъ куда глаза глядятъ, если станутъ препятствовать ея любви. Но аллея, гдѣ все произошло, находилась въ концѣ сада; Элизъ пришлось идти почти съ версту, и побужденіе замирало, тускнѣло, смѣнилось безпокойною и тоскливою нерѣшительностью, когда она подошла къ дому. Не смѣлость шага останавливала Элизъ,—она даже не думала объ этомъ,—но ей все настоятельнѣе приходило въ голову, что, вѣдь, въ сущности-то, она и не знаетъ, любитъ ли ее Ефремъ... А если не любитъ? А если вырвавшіяся у него слова означали простое участіе? Если онъ былъ растроганъ ея положениемъ «безпомощной барышни»? Вѣдь, сказалъ же онъ, что не въ любви изъясняется... Имѣеть ли она право, въ такомъ случаѣ, говорить все? Имѣла ли право заявить Фелицатѣ Никаноровнѣ, что она его невѣста? Что, если такая откровенность страшно повредитъ ему и, дѣйствительно, выгонять изъ Гарденина его родныхъ?

Въ заднихъ комнатахъ шли сѣшныя приготовленія къ отъѣзду. Горничныя греяли барскими накрахмаленными юбками, укла-

дывали баулы, бѣгали въ иррачечную, шепетомъ пережорались, считали бѣлье, гардеробъ, ботинки, туфли... Но этотъ хлопотливый шумъ едва достигалъ до Элизъ и совсѣмъ не былъ слышенъ съ балкона, гдѣ въ глубокой качалкѣ сидѣла Татьяна Ивановна и читала французскій романъ. Дикій виноградъ золотисто-прозрачными шпалерами оплеталъ балконъ со стороны юга и до половины закрывалъ окно Элизъ. Онъ былъ еще густъ и зеленъ, несмотря на то, что черезъ пять дней наступалъ сентябрь. Солнце сквозило тамъ и сямъ, играло на сѣромъ сукнѣ, разостланномъ во весь балконъ, на сосредоточенномъ лицѣ Татьяны Ивановны, на ея сѣдыхъ волосахъ, видныхъ изъ-подъ черной кружевной наколки, на зеленоватыхъ страницахъ книги.

Вдругъ Элизъ вздрогнула, схватилась за грудь и замерла... На балконъ уторопленными шажками всходила Фелицата Никаноровна.

— Что тебѣ, Фелицатушка? — ласково произнесла Татьяна Ивановна и тотчасъ неприятное удивленіе изобразилось на ея лицѣ: Фелицата Никаноровна повалилась ей въ ноги. — Что съ тобой? Чѣмъ ты разстроена?

— Матушка сударыня! — прерывающимся голосомъ воскликнула Фелицата Никаноровна, — не слуга я вамъ... Не въ могу... Отпустите вы меня...

— Что это значить?... Куда отпустить?

— Въ монастырь, ваше превосходительство... Отъ міра хочу удалиться... постричь принять... о душѣ подумать, сударыня...

— Какъ же это, Фелицата?... Ты меня очень удивляешь... Сколько лѣтъ служишь намъ, все у тебя на рукахъ, я такъ привыкла и вдругъ... Встань, пожалуйста. Я не понимаю, что за мысли. Надѣюсь, ты всѣмъ довольна?

— Помилуйте, сударыня, мнѣ ли быть недовольной?... До гробовой доски буду за васъ Бога молить.

— Но, въ такомъ случаѣ, я должна сказать, что рѣшительно не понимаю тебя.

— Ахъ, сударыня!... — Личико Фелицаты Никаноровны вспыхнуло, нѣсколько мгновений она нерѣшительно перебирала губами и, наконецъ, съ усиліемъ выговорила: — Ахъ, сударыня, вы — маади, вы всего не изволите знать... Истосковалась я, матушка Татьяна Ивановна!... измучилась!... Не извольте гнѣваться, сударыня... я какъ на духу передъ вашимъ превосходительствомъ... Агейшкото... Агей-то Дымкинъ... вѣдь, онъ, сударыня, безъ причастія, безъ покаянія померъ, — Фелицата Никаноровна всхлинула, — въ отчаянность впасть... въ Господѣ Богѣ усомнился... Что же, ма-

тушка, не стать мнѣ скрывать въ такой часъ—мой грѣхъ, мой грѣхъ... Вы изволили шутить иной разъ: вотъ-де старикъ Агей въ Фелицату влюбленъ... И Константинъ Ильичъ, царство имъ небесное, шучивали... А за шутками-то правда: крѣпко любилъ меня покойникъ Агей Данилычъ...

— Да, я слышала что-то такое,— сказала Татьяна Ивановна, нетерпѣливо повернувшись на креслѣ.—Илья Юрьевичъ не согласился на твое замужество, кажется... Но я удивляюсь...

— Господь съ ними!—съ живостью перебила Фелицата Никаноровна, — я на нихъ не ропщу, сударыня... Да и какъ бы осмѣлиться на такую дерзость?... Захотѣли—воспретили, вздумали наказать Агея—наказали... Барская воля. Но вотъ ужъ Богъ имъ судья: убили они его, душу изъ него вынули... А все я, океанная, причина... мой грѣхъ!

— Что же такое? Бромъ того, что Агей былъ наказанъ, я не слыхала...

— Ахъ, сударыня... Вспоминать-то—душа томится... Нехороши они были по женскому полу... Илья-то Юрьевичъ! Сослали Агея съ глазъ долой, ну, и... Что-жь, барская воля... я не ропщу... Пятьдесятъ лѣтъ тайла... Сколько времени спустя воротили Агея, опредѣлили въ конторщики... Глядишь, поклониться бы господамъ и сняли бы препоны. А я, мерзкая, сама не похотѣла; духу не набрала открыться Агею Данилычу, въ нехорошемъ дѣлѣ повиниться... Убоялась стыда! Убоялась попрековъ!... Ахъ, сколь великъ грѣхъ, сударыня!... Мнѣ-то, вѣдь, съ пола-горя, у меня радости были... Барскія дѣтки подростали, нянчила ихъ, нѣжила... Привелъ Господь дожидаться — вы изволили за Костеньку замужъ выйти... Сергѣй Ильичъ на баронессѣ Фонрекъ женились... Лизавета Ильинишна за Голоушева Петра Петровича вышла... Тутъ ваши пошли дѣтки... Взыскалъ меня Господь!... А Агеюшко все - то одинъ, все-то въ горестяхъ, да въ сиротствѣ... Мудреное ли дѣло съ пути сбиться? И сбился... Поди-ка, сколько океаннхъ книгъ нашли у покойника!... Начала я ихъ жечь — дымище-то смрадъ-смрадомъ... А все читалъ, горюшечка, все донесивался, все бунтовался, Богъ ему судья... Кому же умолить-то за него? Кто за сироту ходатай? Для кого онъ потребенъ?... Отпустите, сударыня! Видно, я ужъ не жилица въ Гарденинѣ... Да и что... стара, вѣдь, я, ваше превосходительство... О земномъ ли думать?

Татьяна Ивановна была тронута.

— Жаль,—сказала она,—искренно сожалѣю, милая Фелицата!—и, помскавши, чѣмъ бы утѣшить старуху, добавила съ тою

улыбкой, съ которой говорятъ дѣтямъ, когда хотятъ ихъ развеселить.—Я надѣялась, что ты дождешься свадьбы Элизъ... Помнишь твои планы о графѣ Пестрищевѣ?

— Да-съ... точно такъ-съ,—пробормотала Фелицата Никаноровна, потупляя глаза, и вдругъ измѣнилась въ лицѣ и, задыхаясь, произнесла:—Увольте, сударыня... я ужь пойду-съ... лягу-съ... неможется что-то...—и, не дожидаясь, что скажетъ Татьяна Ивановна, хватаясь за перила, за стѣны, прижимая руку къ груди, быстро сошла съ балкона.

Татьяна Ивановна встревожилась, на мгновение даже приподнялась съ качалки. Однако, ограничилась тѣмъ, что позвонила, и, приказавъ позвать Ефрема Башитоныча, а горничной Амаліи—разузнать, что такое съ Фелицатой Никаноровной, снова углубилась въ чтеніе романа.

Элизъ прежде Амаліи примчалась къ Фелицатѣ Никаноровнѣ. Съ бурною вѣжностью она осыпала старуху поцѣлуями, принудила лечь въ постель, называла самыми милыми именами. Обѣ плакали, не говоря ни слова о томъ, что произошло въ саду и на балконѣ; обѣ страстно жалѣли другъ друга и, вѣсть, ясно понимали, что ничѣмъ, ничѣмъ не могутъ помочь другъ другу, потому что нѣтъ истинной связи между такимъ старымъ и такимъ новымъ.

Когда Ефремъ, съ рѣшительною готовностью выдержать бурю, явился въ барскій домъ, ему пришлось только изумляться. Татьяна Ивановна съ обычною своею благосклонностью попросила его навѣстить Фелицату Никаноровну. У Фелицаты Никаноровны онъ засталъ расплаканную, умиленную и сияющую отъ какой-то внутренней радости Элизъ.

— Что случилось?—сурово спросилъ Ефремъ, подходя къ кровати,—онъ никакъ не могъ переломить враждебнаго чувства къ Фелицатѣ Никаноровнѣ. Старуха въ свою очередь сразу измѣнилась, какъ только онъ показался въ дверяхъ; личико ея точно застыло, сдѣлалось тупымъ, холоднымъ, губы сжались съ твердымъ и упрямымъ выраженіемъ; она смотрѣла въ стѣну и, свернувшись въ комочекъ, лежала точно каменная. Однако, и не противилась тому, что дѣлалъ Ефремъ. Онъ сосчиталъ ей пульсъ, выслушалъ сердце,—болѣзнь оказалась не важной: родъ нервнаго припадка.

— Ну, что?—тревожно спросила Элизъ, все время не сводя съ него глазъ.

— Пустяки,—пробормоталъ Ефремъ и, рассказавъ Агашѣ, какъ надо поступать, а Фелицатѣ Никаноровнѣ преподавъ совѣтъ заснуть, вышелъ изъ комнаты. Элизъ догнала его.

— Хотите ѣхать со мною въ шарабанѣ? Погода такая прелесть!—сказала она.

— Не желаю-сь. Позвольте узнать, старушка смилостивилась, мамашѣ не доложила и вы отъ этого такъ счастливы?

Элизъ съ удивленіемъ взглянула на него и вдругъ засмѣялась.

— Ёдемъ, ёдемъ... Все вздоръ!... То-есть все отлично и вы глубоко неправы. Фелицата Никаноровна такая прелесть... такая великая душа!... Ахъ, я не знаю, какъ все прекрасно и какъ хорошо жить!

Ефремъ стоялъ предъ нею, смотрѣлъ въ ея лучистые, счастливые зажженные глаза, въ ея лицо, въ которомъ съ такою ясностью отражалось что-то доброе, открытое, искреннее... улыбнулся, покраснѣлъ и торопливо пробормоталъ:

— Да, да, я вспомнилъ. Мнѣ нужно переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ... Я, оказывается, ужасно ошибался относительно молодого Рахманнаго.

— И, тѣмъ болѣе, завтра, вѣдь, мы ѣдемъ!—подхватила Элизъ, не слушая, что онъ сказалъ о Рахманномъ, но вся вспыхивая отъ его намѣренія «переговорить» съ нею.— О, какой удивительный день!... Какъ прозраченъ воздухъ!... До чего хорошо поютъ на гудѣ!... Послушайте, послушайте... Боже, какъ весело!

Вечеромъ Мартинъ Лукьянычъ былъ позванъ къ барынѣ, довольно долго находился тамъ и, когда пришелъ въ контору, гдѣ его ждали «начальники», Николай понялъ, что самое лучшее углубиться въ «книгу матеріаловъ» и упорно молчать. Мартинъ Лукьянычъ былъ жестоко разстроены. Начальники ушли; Мартинъ Лукьянычъ кряхтѣлъ, вздыхалъ, жегъ папиросу за папиросой и, наконецъ, заговорилъ какъ бы самъ съ собою:

— Затѣи!... Мужичкиихъ ребятъ учить!... (Николай насторожилъ уши). Бъ чему это-сь? Для какой надобности? Въ писаря имъ, что ли?

— Что же, папаша, насчетъ школы что-нибудь?—трепещущимъ голосомъ освѣдомился Николай, низко наклоняясь надъ бумагами.

— Школы, школы!—передразнилъ его отецъ,—да на кой чортъ школы-то? Ты, гусь лапчатый, смотри у меня... у тебя тоже всякая дрянь въ головѣ заводится! Я говорю—вздоръ, а ты, какъ жетса, радоваться изволишь?

— Что же мнѣ радоваться?...—пробурчалъ Николай.

— Деньгами словно щепками видаютъ!... Погорюе прошу—сто двадцать цѣлковыхъ!... За что? Съ какой стороны?... Я цени-

маю еще въ прежнее время: пустилъ грамотнаго на оброкъ, онъ точно шпанская овца супротивъ простой—вдвое, втрое примесеть. Но теперь-то? Эхъ, тыщу разъ покойника Дымежна вспомнешь!... И откуда узнали—ума не приложу. Дѣвчонка... чья... имѣеть ли родителей... достойнаго ли поведенія, ничего неизвѣстно. Вотъ адресъ, смотри не затеряй, завтра же велѣно написать. Что за Турчанинова такая?... Удивительно!

— Да, вѣдь, это, папешка, Омы Омича, становаго, дочь!— вскрикнулъ Николай.

Мартинъ Лувьянычъ хотя и покачалъ головою, но нѣсколько успокоился.

— Ну, все-таки, хоть не съ вѣтру,—проговорилъ онъ и тутъ же помянулъ добрымъ словомъ Ому Омича:—Эхъ, не нажить намъ, видно, такого становаго! Что-жь, что былъ взяточникъ? Бралъ, да, по крайней мѣрѣ, дѣло дѣлалъ, внушалъ страхъ. Пропну покорно, какого орла смѣстили!... Дочь-то не сказывала, гдѣ онъ теперь? Ужь, должно быть, бѣдствуетъ, коли она на такую низость пошла!

Николай отозвался незнаніемъ, хотя изъ послѣдняго письма Вѣруси ему было извѣстно, что Ому Омича сдѣлали смотрителемъ острога.

На другой день госнода уѣхали. Въ домѣ, въ кухнѣ, въ дѣвичьей, въ прачечной водворилась мертвая тишина; мебель облеклась въ чехлы; поваръ Лукичъ, прибравъ свои бѣлоснѣжныя одежды и накрахмаленные колпаки, засѣлъ за творенія Блаженнаго Теодорита; лакей Степанъ пересыпалъ камфорой фракъ, скинулъ перчатки и бѣлый галстукъ и, въ нанковомъ пиджачишиѣ, отправился съ ружьемъ на куропатокъ. Почти совсѣмъ отетала отъ дѣла и Фелицата Никаноровна; она только поджидала новую экономку, чтобы честь-честью сдать должность и удалиться въ монастырь.

Изъ всей дворни только Ефремова мать вполне одобряла намѣреніе Фелицаты Никаноровны, благоговѣнно сочувствовала ей и съ великимъ рвеніемъ принялась было навѣщать ее и помогать ей укладываться, но скоро перестала. Фелицата Никаноровна и всегда обходилась съ нею какъ-то не серьезно, а теперь съ особенною жестокостью отнеслась къ ней. «Ты бы, мать, не совалась въ чужое дѣло,—сказала однажды Фелицата Никаноровна, когда та, что-то таинственно шепча, рылась въ ея сундукъ,—сиди-ка лучше дома. Я и съ Агашкой управлюсь. Егозишь тутъ... только мнѣ мысли разбиваешь!» Впрочемъ, и къ самому Капитону Аверьянычу Фелицата Никаноровна обнаруживала недоброезательство: хмури-

лась и поджимала губы въ его присутствіи, упорно молчала, потупляла глаза; съ Ефремомъ же совсѣмъ избѣгала встрѣчаться и, когда случалось увидать его издали, быстро отворачивалась и прибавляла шагъ.

Ефремъ провидѣлъ, что совершается въ душѣ старуха, и ему было грустно. Послѣ того, что рассказала ему Елизъ, онъ невольно проникся уваженіемъ къ Фелицатѣ Никаноровнѣ. Онъ увѣрился, что она подвигнута была вовсе не холопствомъ; когда подслушала его разговоръ съ Элизъ и набросилась на него съ такими ругательствами. Затѣмъ ему сталъ ясенъ весь тотъ мученическій процессъ мысли, который понуждалъ Фелицату Никаноровну идти въ монастырь, искать полнѣйшаго отрѣшенія отъ жизни. Но ему было грустно отъ этой странной логики, оттого, что человѣкъ, чья жизнь съ такою жестокостью была извращена «господами», рѣшался извратить ее до конца уже по собственной волѣ, потому только, что этимъ же «господамъ» грозило въ нѣкоторомъ родѣ отмщеніе. Прежде онъ думалъ, что такая логика невозможна и что вообще у всѣхъ людей одинаковыя посылки порождаютъ одинаковыя умозаключенія.

Жилось Ефрему съ каждымъ днемъ тягостнѣе. Все, что показалось ему такимъ чуждымъ, тусклымъ и неприятнымъ, когда онъ явился въ Гарденино, и что отступило куда-то въ сторону, благодаря знакомству съ Элизъ и вновь нахлынувшими мечтамъ и мыслямъ, теперь опять обнажилось во всеоружіи своей унылой пошлости. Интересы барскаго двора съ прежнею назойливостью мутили душу Ефрема, — ими полонъ былъ Банитонъ Аверьянычъ, о нихъ говорили въ конторѣ, въ конюшнѣ; съ точни зрѣнія этихъ интересовъ рассматривали поведеніе Фелицаты Никаноровны, рассуждали объ урожаѣ, о цѣнахъ, о погодѣ, о людяхъ... Ахъ, до чего казались дикіи Ефрему такія рассужденія, какою тоску они наводили на него!.. И напрасно было искать отдыха, ну, хоть въ книгахъ, какъ въ началѣ лѣта, или въ живыхъ, какъ представлялось Ефрему, интересахъ деревни. Читать онъ не могъ, потому что былъ неспокоенъ и безпрестанно волновался, отъ деревни же, попрежнему, чувствовалъ себя отрѣзаннымъ. Какъ онъ завидовалъ Николаю, который рѣшительно утопалъ въ восторгѣ отъ ожиданія открытія школы и пріѣзда Вѣруси! Какъ онъ завидовалъ, когда тотъ ходилъ съ нимъ по гумну, гдѣ молотили гречиху, заговаривалъ и шутилъ съ крестьянами и видно было, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Ефрему, — что деревня считаетъ его своимъ человѣкомъ, относится къ нему за-просто, безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ подозрительности и

скрытой вражды. «Микола,—говорили дѣвки,—смотри на вечерушки-то приходи... Отчего вчерась на улицѣ не былъ? Мы ужь ждали, ждали!...» — «Мартиничъ,—спрашивали мужики,—правда ай нѣтъ гурторять, что съ новаго года нарѣзка будя,—какъ въ вѣдомостяхъ насчетъ эфтого?» Какъ завидывалъ Ефремъ, когда Грунька Печаева, проходя мимо, пребольно ударила Николая кулакомъ и съ веселымъ смѣхомъ крикнула: «Ай не любишь? Подсобилъ бы мнѣ лукошко поднять!» — и Николай хотя отвѣчалъ, что «пусть ей Алешка подсобляетъ», однако, съ удовольствіемъ помогалъ дѣвкѣ и никто не смѣялся надъ этимъ; никто не находилъ это страннымъ... И такъ славно сіяло солнце въ прозрачномъ сентябрьскомъ воздухѣ, такъ ослѣпительно блистали своими крыльями голуби, съ шумомъ переносясь съ мѣста на мѣсто, такъ веселъ и наряденъ былъ народъ, такъ дружно кипѣла работа... А на Ефрема смотрѣли, какъ на чужаго, никому и въ голову не приходило, что онъ такой же бывшій вѣрнопостной, какъ и они, и что душа его сгораетъ желаніемъ быть среди нихъ своимъ человѣкомъ.

Тому, что откроется школа, Ефремъ, конечно, тоже радовался, но радовался принципиально, если можно такъ выразиться, радовался отнюдь непохоже на Николая, который видѣлъ въ школѣ какое-то чудодѣйственное обновленіе и своей, и гарденинской жизни. «Нѣтъ, лишній я здѣсь, лишній!» — думалъ Ефремъ, возвращаясь съ гумна, и грезилась ему иная деревня, гдѣ-нибудь далеко, далеко отъ Гарденина; вотъ тамъ-то ужь не будетъ никакихъ препонъ, тамъ злобѣющая тѣнь барской усадьбы не омрачитъ его въ глазахъ народа, тамъ не потребуется осторожной политики, не нужно будетъ соображать, что понравится и что не понравится Татьянѣ Ивановнѣ, отцу, управителю, экономкѣ... «Ахъ, скорѣй бы отсюда!» — восклицалъ про себя Ефремъ.

Но это было легко сказать. При мысли о томъ, что, въ сущности-то, онъ уѣзжаетъ навсегда, сердце его тоскливо сжималось. Не Гарденина было ему жаль. Кто чувству ничего не говорили эти старыя ветлы на плотинѣ, эти постройки, привѣтливо бѣлѣвшія на полугорѣ, огромный садъ, точно застывшій въ яenomъ воздухѣ, тихія воды, степь, видная далеко, поля просторныя, благовѣсть, далававшій изъ села. Но онъ вспоминалъ мать, жалѣлъ отца. Мать такимъ подозрительнымъ и такимъ страдальческимъ взглядомъ вшивалась въ него, когда онъ начиналъ помаленьку укладываться, отецъ, не измѣняя своей суровости, по временамъ глядѣлъ такимъ несчастнымъ. А, между тѣмъ, *всего*, вѣдь, они не знали, мучились только отъ временной разлуки, на годъ, на два.

И Ефремъ со дня на день откладывалъ сборы, медлить говорить объ отъздѣ.

Все случилось само собою, необыкновенно быстро и необыкновенно жестоко.

Разъ Ефрему пришлось пойти въ конюшню. Еще не доходя до рысистой, гдѣ онъ предполагалъ застать отца и осторожно поговорить съ нимъ, что пора, наконецъ, уѣзжать, ибо въ академіи скоро начнутся лекціи, онъ услышалъ, что отецъ не кричитъ, а рывкаетъ какими-то ужаснымъ голосомъ, и что вообще происходитъ какой-то странный переполохъ. Ефремъ прибавилъ шагу, вбѣжалъ въ сѣни и остолбенѣлъ.

— Я тебѣ дамъ права!—гремѣлъ Капитонъ Аверьянычъ,—я научу послушаться!... Бробига не досмотрѣлъ, думаешь и Визануршу изгадить!...

Передъ нимъ съ вскосмаченными волосами, съ окровавленнымъ лицомъ стоялъ Ѳедотка и, напрасно усиливаясь сдерживать всхлипыванія, кричалъ:

— Пожалуйте расчетъ!... Расчетъ пожалуйста!... Нонѣ драться не велѣно!...

— Что-о-?...—заревѣлъ Капитонъ Аверьянычъ и, изо всей силы ударивъ Ѳедотку костью, замахнулся еще.

Ефремъ бросился къ отцу, схватилъ его за руку, дикимъ голосомъ крикнулъ:

— Не смѣй!... Что ты дѣлаешь?...

Отецъ взглянулъ на него, попытался выдернуть руку; оба задыхались, оба были оквачены незъяснимою ненавистью другъ къ другу. Наконецъ, Ефремъ разжалъ пальцы.

Капитонъ Аверьянычъ пошатнулся, пошевелилъ мертвенно-блѣдными губами и вдругъ, круто повернувшись, пошелъ домой. Ефремъ набросился на Ѳедотку:

— Сейчасъ подавайте къ мировому!—кричалъ онъ, не помня себя отъ жалости и негодованія. — До чего дошли, бьютъ какъ скотъвъ и терпятъ!... Какъ онъ смѣетъ!... Что вы смотрите на безобразника!... Сейчасъ пойдемте прошеніе писать... Кто свидѣтели?

Конюха, дотогѣ выглядывавшіе изъ дверей, быстро попрятались.

— Ахъ, рабы!—разразился Ефремъ, содрогаясь отъ ярости,—ахъ, предатели!... Вѣдь, завтра же васъ точно такъ же исколотятъ... Вѣдь, это братъ вашъ, братъ обиженный!...

Ѳедотка, размазывая по лицу кровь и слезы, рыдающимъ голосомъ бормоталъ что-то о правахъ, о томъ, что онъ достаточно по-

нимасть, что наплевалъ бы, если его и уволятъ изъ наѣздниковъ, что *ксс*, идиловъ, время прошло и что онъ вовсе не виноватъ въ хромотѣ Визапурши. За всѣмъ тѣмъ онъ не изъявлялъ готовности слѣдовать за Ефрефомъ и писать прошеніе. Въ сущности, онъ смертельно боялся лишиться столь блистательно начатой карьеры и если о чемъ сожалѣлъ, такъ единственно о грубыхъ словахъ, вырвавшихся у него въ минуту нестерпимой боли, и о томъ, что такъ легкомысленно потребовалъ расчета.

Ефремъ скоро понялъ это, заскрежеталъ зубами, плюнулъ и, весь переполненный гнѣвомъ, въ свою очередь направился домой, чтобы серьезно и «разъ навсегда» объясниться съ отцомъ. Но объясняться не пришлось. Увидавъ его, отецъ вскочилъ изъ-за стола, выпрямился во весь свой огромный ростъ и съ перекосившимся страшнымъ лицомъ крикнулъ:

— Вонъ!... Чтобъ духу твоего здѣсь не пахло... змѣенышъ!...

Ефремъ презрительно усмѣхнулся. Все, что произошло вслѣдъ за этимъ, представлялось ему впослѣдствіи точно въ туманѣ. Отецъ разразился грубыми ругательствами, хотѣлъ ударить Ефрема. Ефремъ отстранился и тоже закричалъ на отца. Что-то маленькое, тщедушное, подавленное ужасомъ, съ выраженіемъ невѣроятнаго испуга металось то къ Ефрему, то къ Капитону Аверьянычу, обнимало ихъ ноги, билось головою объ полъ, испускало пронзительные вопли... Капитонъ Аверьянычъ торжественно протеръ руку. Мать взвизгнула, вѣцпилась въ эту руку, повисла на ней.

— Замолчи... замолчи, извергъ!—кричала она въ изступленіи.—Измоталъ!... Всю душеньку измоталъ, свѣтлаго часа съ тобой не видѣла... Добраго слова отъ тебя не слыхала... Ефремушка!... Дитятко ненаглядное!... Проси прощенія!... Умоли жестокосердаго!...

— Провлинаю!—прохрипѣлъ Капитонъ Аверьянычъ, отталкивая жену; та жалобно ахнула и повалилась безъ чувствъ.

Ефремъ бросился къ ней.

— Что ты надѣлалъ? — прошепталъ онъ?—Вѣдь, это смерть.

Капитонъ Аверьянычъ бессмысленно взглянулъ на него, отошелъ къ стулу, сѣлъ, закрылся руками и глухо зарыдалъ.

— Умерла... умерла...—съ отчаяніемъ повторялъ Ефремъ, разрывая платье матери, прикладывая ухо къ ея груди, прислушиваясь, не вылетитъ ли вздохъ межъ полуоткрытыхъ губъ, въ углу которыхъ сочилась темненькая струйка крови. Вздоха не было, сердце перестало биться навсегда. Что-то холодное, жесткое, угрюмое охватило Ефрема.

Онъ поднялъ до странности легкій трупъ, положилъ его на кровать, оправилъ платье на груди, пригосиулся губами въ лицу, начинавшему уже принимать спокойное и важное выраженіе, собственное мертвецамъ, и, не оглядываясь на отца, вышелъ изъ избы.

Черезъ десять минутъ вся изба наполнилась народомъ. Фелицата Никаноровна вынимала изъ сундуна платье, уже давно приготовленное покойницей на случай смертнаго часа; какія-то старушки хлопотали надъ мертвымъ тѣломъ. Мартинъ Лувьянычъ утѣшалъ Капитона Аверьяныча. Впрочемъ, тотъ, казалось, не особенно нуждался въ утѣшеніи. Лицо его хранило недоступный и непроницаемый видъ, глаза были сухи, въ слегка охрипломъ голосѣ звучала суровая важность.

А Ефремъ пластомъ лежалъ въ это время въ Николаевой комнатѣ и, крѣпко вцѣпившись зубами въ подушку, усиливался преодолѣть мучительную боль, точно сверлящую въ его груди, въ головѣ, въ сердцѣ.

Спустя три дня «мать» торжественно похоронили. Вся дворня шла за гробомъ. Отецъ и сынъ слѣдовали молча, съ потушенными лицами, съ одинаково замкнутымъ выраженіемъ. Ни слова не было произнесено ими между собою, ни однимъ взглядомъ они не обмѣнялись со смерти матери.

Только послѣ похоронъ, когда Ефремъ совсѣмъ уже одѣлся, чтобы садиться и ѣхать на станцію желѣзной дороги, въ немъ что-то сочувственное шевельнулось.

— Прощай,—выговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ и подошелъ къ отцу, намѣреваясь обнять его.

— Съ Богомъ,—произнесъ тотъ, сухо отстраняя сына.

Ефремъ съ досадою смахнулъ слезинку и торопливо пошелъ къ тележкѣ, на которой уже дожидался Николай, вызвавшійся проводить его до станціи.

IX.

Ненастье, скука и удручающія предчувствія въ Гарденинѣ. — «Все лѣтъ!» — Солнечный лучъ. — Дебютъ Вірусы Турчаниновой. — Управитель поддается вліяніямъ. — Ошеломляющее событіе и Григорій Елампичъ. — Смерть Капитона Аверьяныча.

Съ половины сентября погода рѣзко измѣнилась. Потянулись дни, которые, по справедливости, можно было назвать сплошными сумерками. Угрюмыя тучи двигались непрерывно. Съ утра до ночи моросилъ мелкій дождь.

Никогда Николаю не было такъ скучно, никогда погода до та-

вой степени не совпадала съ его настроеніемъ. Школа могла только открыться съ 15 ноября, къ тому же времени обѣщалась пріѣхать Вѣруся. Но тотъ восторгъ, съ которымъ Николай ожидалъ этихъ событій, рѣшительно не въ силахъ былъ устоять подъ напоромъ послѣднихъ гарденинскихъ происшествій и столь назойливыхъ, столь медлительныхъ, тихихъ, безконечныхъ дождей. Нельзя было восторгаться, когда всюду господствовало уныніе, когда люди въ соотвѣтствіе сумраку, висѣвшему надъ землей, ходили безпросвѣтно-мрачные, съ какимъ-то томительнымъ и угрюмымъ выраженіемъ на лицахъ. Бонный дворъ былъ угнетенъ зловѣщимъ видомъ Капитона Аверьяныча, который теперь почти совсѣмъ не посѣщалъ своей опустѣвшей избы, невѣдомо когда спалъ, вѣчно бродилъ по корридорамъ и варкамъ, цѣлые часы простаивалъ гдѣ-нибудь у воротъ, не то надзирая за порядкомъ, не то отдаваясь теченію горькихъ думъ и не менѣе горькихъ воспоминаній. Отъѣздъ Фелицаты Никаноровны еще болѣе усугубилъ всеобщее уныніе... Внезапно удалась экономка, внезапно умерла Ефремова мать, внезапно поссорились отецъ съ сыномъ... А почему? Гдѣ корни и нити? Въ чемъ настоящая причина? Отвѣта не было. Получался самый широкій просторъ для созиданія слуховъ, предположеній, подозрѣній, и все неотразимѣе и неотразимѣе овладѣвалъ трепетъ гарденинскою дворней, все безпокойнѣе становились умы.

Конечно, Николай находился въ совершенно иныхъ условіяхъ. Ему не было резоновъ ни трепетать, ни безпокоиться. Къ тому же, онъ зналъ и закулисную сторону загадочныхъ событій: по дорогѣ на станцію Ефремъ разсказалъ ему, изъ-за чего поссорился съ отцомъ, при какихъ обстоятельствахъ умерла мать, что побудило Фелицату Никаноровну идти въ монастырь. Но общая атмосфера безнадежности, убійственное настроеніе отца, опустѣлый домикъ экономки, трагическій видъ Капитона Аверьяныча отзывались на Николаѣ какими-то приступами удушливой, мертвящей тоски. Вдобавокъ, осень принесла ему и личные горести. Онъ рѣшительно разочаровался въ Федотѣ. Федотка не только не подалъ просьбу мировому судѣ, какъ убѣждалъ его Ефремъ, но даже и не расцелся, а, улучивъ благопріятный моментъ, палъ въ ноги Капитону Аверьянычу, вымолилъ прощеніе «за дерзкія слова» и, какъ ни въ чемъ не бывало, остался наѣздникомъ.

Рано наступившее ненастье застало экономію врасплохъ. Скирды были не накрыты, гречиха не домолочена, хлѣбъ невѣянный лежалъ въ ворохахъ; не успѣли нарубить хворостъ, взметать подъ яровое, вымочить коноплю. Все это приходилось дѣлать

урывками, ловить часы, когда затихалъ дождикъ, управлаться кое-какъ, суетливо, безпорядочно. Мартинъ Лукьянычъ выходилъ изъ себя, злился, довелъ до совершенной растерянности всѣхъ своихъ начальниковъ, такъ что, когда по возможности прибрались и ненастье пошло уже безпромѣжточное, а вмѣсто всякихъ хлопотъ, наступила сплошная скука, многіе вздохнули свободнѣе.

Но за то, ахъ, какая безпросвѣтная, гнетущая, удручающая скука!... «Ну, погода!» — восклицали во всѣхъ концахъ усадьбы, и въ это восклицаніе вблудывалось столько постороннихъ погодъ соображеній, столько трепета передъ грядущимъ, что, казалось, Гарденино наканунѣ погибли.

Два часа. Въ домѣ управителя пасмурно, неуютно, сыро. Николай читаетъ, близко нагнувшись къ страницамъ, и все думаетъ: «не бросить ли?» Маятникъ тоскливо повторяетъ «тикъ-такъ... тикъ-такъ...» Мартинъ Лукьянычъ храпитъ въ сосѣдней комнатѣ. Но вотъ кровать скрипитъ, слышится заспанный голосъ: «квасу, Матрена!» — и спустя нѣсколько минутъ, съ измятымъ лицомъ и причесываясь на ходу, появляется Мартинъ Лукьянычъ.

— Все льетъ? — спрашиваетъ онъ сердито.

— Все льетъ, — отвѣчаетъ Николай со вздохомъ.

Мартинъ Лукьянычъ ходитъ, курить, вздыхаетъ, глядитъ въ окно, какъ надвигаются безконечныя вереницы сизыхъ, синихъ и сѣрыхъ тучъ, какъ мороситъ мельчайшій дождикъ. Бывало, въ такое ненастье то завернетъ Фелицата Никаноровна и побесѣдуетъ о старинѣ, о божественномъ, о томъ, задалась ли капуста и отчего бакчевый огурецъ не въ примѣръ слаще огородаго; то придетъ Капитонъ Аверьянычъ, пошутитъ, ежели въ духѣ, и во всякомъ случаѣ поговоритъ о лошадяхъ, спроситъ, что пишутъ въ газетахъ, посоветуется; то, наконецъ, развеселитъ Агей Данилычъ каини-нибудь чудачествомъ... Теперь же — никого, кромѣ Капитона Аверьяныча, да и тотъ сдѣлался такимъ, что лучше его и не видѣть.

— Что ты читаешь, Николая? — спрашиваетъ Мартинъ Лукьянычъ, накурившись и наглядѣвшись въ окно до одури.

— Всеобщую исторію, папаша.

Лучше бы путнымъ чтѣмъ занялся. Вонъ Ефремъ начитался дурацкихъ книгъ, да и поднялъ руку на отца. Смотри, братъ... — Мартинъ Лукьянычъ искалъ, къ чему бы придраться. — Выборку для отчета началъ составлять?

— Нѣтъ-съ.

— А отчего?

— Успѣется еще, папаша.

— Табъ. Дурацкія книги не ждуть, а барская работа усмѣется?... Болванъ! за что тебѣ жалованье дають? Вѣдь, не щенки, дубина одакая,—деньги, деньги получаешь!... Отецъ трудится, хлопочетъ, ночей не спитъ... Все наперекоръ! все наперекоръ норовишь... Ты думаешь, я не видѣлъ—у васъ съ Ефремомъ-то печки-лавочки завелись? Аль Илья Финогеновъ... Какъ ты смѣлъ въ знакомство-то вступать безъ моего разрѣшенія? Что такое Илья Финогеновъ? Весь свой вѣкъ блаженнымъ слыветъ,—недаромъ и прозванье ему: французъ,—а ты, дубина, въ прикащики къ нему просишься! Видно, Илья-то Финогеновъ тебѣ дороже отца! Ты что, тоже собираешься убить меня, подобно какъ Ефрема убилъ родителей?

Николай кусалъ губы, проклиналъ свою разнесчастную жизнь, готовъ былъ крикнуть: «Замолчите вы, Христа ради! уйду куда глаза глядятъ»... А сумракъ въ комнатахъ стущался, половицы поскрипывали подъ тяжелыми шагами Мартина Лукьяныча, и маятникъ съ неумолимою безотрадностью отчеканивалъ: «тикъ-такъ... тикъ-такъ».

И вотъ въ одинъ изъ такихъ томительнѣйшихъ вечеровъ въ усадьбѣ зазвенѣлъ колокольчикъ. Мартинъ Лукьянычъ моментально остановился. У Николая застыло перо въ рукѣ. Колокольчикъ побрякивалъ все ближе и ближе.

— Староста, узнай!—приказалъ Мартинъ Лукьянычъ.

Дядя Ивлій опростетью выбѣжалъ на крыльцо и спустя нѣсколько секундъ появился сіяющій.

— Надо быть, къ вамъ, Мартинъ Лукьянычъ. Поворачиваютъ!... И колокольчикъ ямской-съ,—доложилъ онъ съ возбужденнымъ видомъ.

Вслѣдъ за этимъ у крыльца раздался топотъ.

— Матрена, самоваръ!—крикнулъ Мартинъ Лукьянычъ добрымъ и довольнымъ голосомъ.

Староста, ключникъ, овчаръ, садовникъ, мельникъ, а вслѣдъ за ними и Николай гурьбою бросились на крыльцо.

— Боже мой, какая отвратительная погода!... Это вы, Рахманный? Здравствуйте, здравствуйте. Какъ вамъ не стыдно, до сихъ поръ не знаете, что «прогрессъ» пишется вовсе, вовсе не черезъ *ять*!—защебеталъ въ сѣняхъ звонкій, веселый, свѣжій голосъ.—Ну, что въ школѣ? Надѣюсь, все готово? Пожалуйста, скажите накормить и согрѣть ямщика. Онъ такъ озябъ...

Черезъ минуту въ комнату входила Вѣруся Турчанинова.

Право, точно солнечный лучъ ворвался въ пасмурное обиталище управителя. Скуки какъ не бывало, уныніе исчезло, мысли

о грядущемъ прекратились. Самый маятникъ, и тотъ застучалъ какъ-то веселѣе. Вносили вещи, подавали самоваръ, гребѣли посудой, двигали стульями. Матрена разводила плиту, начальники перешептывались и съ любопытствомъ выглядывали изъ передней, Николай суетился въ какомъ-то радостномъ ошьяненіи... Мартинъ Лукьянычъ тщетно силился сохранить свое достоинство: лицо его невольно ослаблялось. Живая, какъ ртуть, румяная, добрая дѣвушка ходила туда и сюда, заглядывала въ книги, мимоходомъ прочитывала заглавія, посмотрѣла въ конторскій, настѣжъ открытый, шкафъ, вырвала полотенце изъ рукъ Николая, вымыла и вытерла посуду и непрерывно звенѣла своимъ низкимъ, контральнымъ голоскомъ, засыпала вопросами, говорила о Воронежѣ, о литературныхъ и политическихъ новостяхъ, о ямщикѣ, у котораго, оказывается, пятый годъ болѣетъ жена.

Мартинъ Лукьянычъ хотѣлъ отпустить начальниковъ, позвалъ ихъ... Но Вѣруса перебила его, освѣдомилась, что это за люди, и, узнавъ, въ чемъ состояла должность каждаго, тотчасъ же попросила старосту, чтобы завтра же повѣстилъ о пріѣздѣ учительницы и что она ждетъ ребятъ въ школу. Потомъ принялась разспрашивать начальниковъ, есть ли у нихъ дѣти и какихъ лѣтъ, и мальчики или дѣвочки, и тоже просила приводить въ школу.

— Вы только посмотрите, — убѣждала она, — скверно буду учить — назадъ возьмете... Только посмотрите! Вы скажете: я и молода, и глупа, и обычаевъ вашихъ не признаю... то-есть сѣчь, напимѣръ, или вообще наказывать... Но это все вздоръ и лучше всего попробовать: можетъ быть, и прекрасно пойдетъ дѣло?

Однимъ словомъ, Вѣруса произвела полнѣйшій переполохъ, и не то что понравилась, — въ Гарденинѣ насчетъ этого были туги, — но возбудила пріятное и глубокое любопытство. А Мартину Лукьянычу она рѣшительно нравилась. Въ первый же вечеръ онъ выслушалъ отъ нея нѣсколько странныхъ замѣчаній: «Послушайте, какъ же вамъ не стыдно! тридцать лѣтъ живете здѣсь и до сихъ поръ не завели школы!» — «Что вы читаете? какъ не совѣстно не выписывать журнала!» — «Правда ли, я слышала, что вы очень строгій? Вотъ ужъ не повѣрю: строгость гнусна, когда предлагается къ беззащитнымъ!» — «Надѣюсь, вы не берете штрафовъ и вообще не тѣсите крестьянъ? это такая мерзость!» — Николай не зналъ, куда дѣваться, и дѣлалъ Вѣрусѣ таинственные знаки. Но, къ его удивленію, Мартинъ Лукьянычъ оставался благодушнымъ, относился къ Вѣрусѣ почтительно и съ особеннымъ расположеніемъ. Конечно, тутъ много значило, что она была «настоящая барышня», дворян-

жа, да еще образованная, одѣта хотя скромно, но, все-таки, видно, что не чета какой-нибудь поповнѣ или даже купчихѣ. Конечно, и то много значило, что она явилась такъ кстати, разсѣяла удручающую скуку, внесла столь пріятное оживленіе...

Въ полнѣйшему удовольствію Мартина Лукьяныча, Вѣруся согласилась столоваться у него. Съ тѣхъ поръ въ жизни управителя наступили маленькія, но опять-таки пріятныя реформы. Матрена хотя и ворчала, однако, подчинилась Вѣрусѣ. За обѣдомъ появились салфетки, скатерть безъ пятенъ, ножи и вилки безъ грязи, суповая чашка,—прежде Матрена приносила горячее прямо въ тарелкахъ. Пища стала вкуснѣе и разнообразнѣе. Чай тоже сдѣлался вкуснѣе и пересталъ отдавать вѣниками, какъ прежде. И, кромѣ того, такъ пріятно было пить изъ чистаго, не захватаннаго стакана, такъ пріятно было смотрѣть, съ какою ловкостью управлялись пальчики Вѣрусин съ чайникомъ, съ посудой, съ чистымъ полотенцемъ. И теперь обѣды не проходили въ молчаніи, за чаемъ не сидѣли уткнувшись въ книгу. Вѣруся безпрестанно находила о чемъ говорить. Она спорила съ Мартиномъ Лукьянычемъ, горячо возмущалась его взглядами, вмѣшивалась въ его распоряженія,—произносила иногда такія вещи, что Николай только изумлялся ея смѣлости и еще болѣе изумлялся тому, какъ относится къ этой смѣлости отецъ. Скажи Николай одно такое слово, и невозможно описать, до какой степени разгнѣвался бы Мартинъ Лукьянычъ. А ей онъ отвѣчалъ: «Молоды, Вѣра Фоминишна! Проживете съ наше, по нашему и дѣлать станете!»—и, какъ ни въ чемъ не бывало, просилъ налить еще полтарелочки «щецъ».

Впрочемъ, однажды произошла размолвка. Какъ-то въ глухую осень,—уже начинались заморозки,—объѣзчики загнали огромный однодворческій табунъ. По обычаю, однодворцамъ такія вольности не прощались, и Мартинъ Лукьянычъ потребовалъ съ нихъ штрафъ по рублю съ лошади. Толпа челоуѣвъ въ сорокъ уныло слонялась по усадьбѣ, заглядывая на варокъ, гдѣ стояли на одной соломѣ и подъ крѣпкимъ карауломъ ихъ лошади, по цѣлымъ часамъ дожидаясь у конторы,—въ домъ ихъ не допускали,—дружно снимая шапки и падая на колѣни, лишь только управитель появлялся на крыльцѣ. Но Мартинъ Лукьянычъ былъ безпощаденъ и все больше раздражался назойливыми мольбами и тѣмъ, что однодворцы не уходятъ изъ усадьбы.

Въ первый же разъ, какъ Вѣруся увидала толпу, поразившую ее своимъ нищенскимъ и сиротливымъ видомъ (въ этихъ случаяхъ и такъ называемые «богачи» надѣвали всякую рвань), и узнала,

въ чемъ дѣло, она стремительно вбѣжала въ контору и, задыхаясь отъ негодованія, вся въ слезахъ, потребовала, чтобъ Мартинъ Лукьянычъ отпустилъ лошадей.

— Нельзя-съ, — сухо отвѣтствовалъ Мартинъ Лукьянычъ, — этакъ избалуешь, хозяйничать невозможно.

— Но, вѣдь, это возмутительно, безсовѣстно! — кипятилась Вѣруся. — Они говорятъ: и трава-то теперь мерзлая.

— Мало ли что они говорятъ, анафемы. Я долженъ экономическій интересъ наблюдать. Двѣсти-двадцать-шесть головъ! Шутка сказать-съ: вамъ жалованье за два года.

— Какъ! Чтобъ я взяла эти деньги?... Съ нищихъ?... Съ вымогательствомъ?... Никогда, никогда! — Вѣруся топнула ножкой и убѣжала къ себѣ въ школу. Самые безумные планы роились въ ея головѣ. Она даже поссорилась съ Николаемъ, когда тотъ не согласился съ однимъ изъ такихъ плановъ: пойти ночью на варокъ и выпустить лошадей.

На другой день однодворцы опять сгрудились у конторы и всякій разъ, какъ только появлялся управитель, падали на колѣни, умоляли его отпустить лошадей. Но онъ оставался непреклоненъ и, дабы понудить однодворцевъ къ скорѣйшему соглашенію, велѣлъ прекратить выдачу соломы лошадямъ. Такая жестокая мѣра была въ обычаѣ.

Пришло время обѣдать. Вѣрусю не было.

— Почему Вѣра Фоминишна не идутъ? — спросилъ Мартинъ Лукьянычъ у Николая.

Николай покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Они сердятся... — пробормоталъ онъ, — за однодворцевъ... Сказали: больше не будутъ у насъ обѣдать.

— А!...

И Мартинъ Лукьянычъ съ вызывающимъ видомъ приказалъ подавать. Однако, вызывающаго вида хватило не надолго. Все казалось Мартину Лукьянычу не вкусно и не такъ. Раза три онъ прикрикнулъ на Матрену... Подали самоваръ. Николай, обжигая губы, выпилъ стаканъ и взялся за шапку.

— Ты куда? — спросилъ Мартинъ Лукьянычъ, взглядывая на него изподлобья.

— Такъ-съ... На овчарню хотѣлъ пройти.

— Дураки эти все у крыльца?

— Все у крыльца.

Мартинъ Лукьянычъ сердито засопѣлъ и вдругъ крикнулъ:

— Скажи имъ, чтобъ забирали своихъ одровъ!... Да Боже сохрани въ другой разъ попадутся!... Шкуру сдеру, съ анафемовъ!...

Вечеромъ, за чаемъ, опять звенѣлъ беззаботный смѣхъ Вѣруси и опять она въ чемъ-то обличала Мартина Лукьяныча, въ то же время, проворно дѣйствуя своими маленькими пальчиками, наливая ему точно такъ, какъ онъ любилъ: не слишкомъ крѣпко, не слишкомъ слабо, вровень съ краями, но чтобы ни капли не проливалось на блюдечко.

Первыми явились въ школу прошлогодніе ученики Николая: Павликъ Гомозковъ и Еремка Шашловъ. Затѣмъ привели своихъ ребятъ еще пять-шесть домохозяевъ, да изъ двора блючникъ Дмитрій. Вѣруся и Николай были въ отчаяніи: школяровъ набиралось не болѣе десятка. За то скука и атмосфера унынія, распространенная на ту пору въ усадьбѣ, загнали въ школу столько зрителей, что негдѣ было повернуться. Прошла недѣля. Ребятишки распустили слухъ, что въ школѣ весело и занятно, что «учительша» ласкова, а чего не смыслить, такъ ей управителейъ сынъ подсказываетъ. Ученики стали прибывать. Во время классовъ взрослые перестали ходить, но когда, нѣсколько осмотрѣвшись, Вѣруся затѣяла по вечерамъ читать вслухъ, народу набиралось много.

Не все, разумѣется, шло какъ по маслу. Тѣ представленія о «мужичкахъ», которыя сдѣлала Вѣруся по книжкамъ, оказались въ значительной степени фантастическими, авторы разныхъ христоматій и педагогическихъ руководствъ, — на нихъ Вѣруся уповала, какъ туристъ на Бедекера, — случалось, обнаруживали поразительное невѣжество въ крестьянской жизни; народныя книжки грѣшили тѣмъ же. Но дѣвушка не даромъ была дочь смѣтливаго Фомы Фомича, да и Николай по цѣлымъ днямъ не отходилъ отъ нея и дѣйствительно «подсказывалъ», всячески старался ознакомить ее, — съ чѣмъ могъ, конечно. Руководимая этою-то прирожденною смѣтливостью да вразумленіями Николая, она скоро спохватилась, меньше стала полагаться на педагоговъ, присматривалась, прислушивалась, спрашивала о всякой мелочи, привыкала понимать, что деревня сложна, своеобразна и своеобразна, требуетъ большой сноровки и кропотливаго изученія.

Однако, увлекаемая своею живостью и какою-то поистинѣ странною и ненасытною жаждой правды, Вѣруся отнюдь не помышляла ограничиваться задачами школьной учительницы или равнодушнымъ изученіемъ «крестьянскаго быта». Изученіе изученіемъ, но ей казалось, что она всюду должна вмѣшиваться. Не прошло зимы, а у ней завелись въ деревнѣ кумы, кумовья, крестники, враги и

друзья, поклонники и недоброжелатели. Она уже успѣла сразиться съ старостой Веденеемъ, имѣла неприятный разговоръ съ писаремъ Ерошеичемъ, усовѣщевала Гарасьбу за его поведеніе, стыдила бабъ, говорившихъ, что Козлиха—вѣдьма, вопіяла, гдѣ только могла, о жестокомъ обращеніи мужей съ женами, родителей съ дѣтьми.

Но вдругъ произошли такія потрясающія событія; что Вѣруся надолго была оставлена безъ вниманія.

Николай боялся, что отецъ будетъ распечатывать его письма, и велъ свою переписку окольнымъ путемъ: прежде на Рукодѣва, а теперь на Вѣрусю. И вотъ, какъ-то въ концѣ февраля, когда Николай, по обыкновенію, пришелъ за Вѣрусей обѣдать, она подала ему только что привезенное со станціи письмо, съ надписью: «для N. N.» . Рука была Ефремова. Николай распечаталъ, прочиталъ первыя строки и такъ и ахнулъ.

— Что такое?—спросила Вѣруся, обезпокоенная его видомъ.

— Ума не приложу... Лизавета Константиновна ушла изъ дома и повѣнчалась съ Ефремомъ Капитонычемъ!

Вѣруся въ восторгѣ захлопала въ ладоши.

— Какая прелесть!—закричала она.—Какъ я люблю эту милую Лизавету Константиновну!

Но Николай не находилъ въ себѣ радостныхъ чувствъ.

— М-да...—пробормоталъ онъ,—объ этомъ придется поломать голову... Что теперь разговоръ подымется!—и добавилъ:—Смотрите, что пишетъ: «... Надѣюсь, дружнице, вы отпишете мнѣ, какъ поживаетъ мой старикъ и все ли онъ въ прежнемъ настроеніи. Мучительно жаль, но придумываю, придумываю и не обрѣтаю способовъ смягчить его, сдѣлать такъ, чтобы онъ по-человѣчески отнесся ко мнѣ, не могу найти общую съ нимъ почву. Ахъ, что за истязаніе, еслибъ вы знали, это отсутствіе одинаковой почвы! Рѣшительно не умѣю вообразить, какъ онъ приметъ мою женитьбу на Лизаветѣ Константиновнѣ. Прибавилъ ли я этимъ горечи въ его жизнь, или наоборотъ? Судя по тому, что въ Петербургѣ рѣшено скрывать эту новость, яко государственную тайну, думаю, она не скоро дойдетъ до васъ. Въ виду этого, вотъ моя убѣдительная просьба: передайте, дружнице, старику, и какъ онъ поступить, что скажетъ, не медля отпишете мнѣ. Мы съ женою надняхъ выѣзжаемъ изъ Питера: пріятели устроили намъ мѣстишко въ С*** губерніи. Сообразно съ такимъ маршрутомъ и направьте ваше увѣдомленіе...»
Дальше слѣдоваль адресъ.

Пока молодые люди придумывали, какъ лучше исполнить порученіе Ефрема, и съ такою выразительностью хранили тайну, что

даже Мартинъ Лукьянычъ началъ подозрительно на нихъ поглядывать, — въ усадьбѣ опять зазвенѣлъ ямской колокольчикъ и въ контору ввалился отвормленный, средняго роста человекъ въ елоткѣ, съ видомъ отставнаго военнаго.

— Вы будете управитель?—фамиллярно спросилъ онъ, снимая елотку и обнаруживая подъ нею коротенькій кавалерійскій полушубокъ, крытый синимъ сукномъ.

— Я-съ... Что угодно?

— А вотъ письмецо къ вамъ... Отъ его высокородія Юрія Константиныча. — Незнакомецъ подавъ конвертъ и развязно усѣлся.

Мартинъ Лукьянычъ растерянно повертѣлъ конвертъ, — буквы прыгали и сливались въ его глазахъ.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Рахманный! Уполномоченный матерью, приказываю тебѣ немедленно по полученіи сего уволить конюшаго Капитона съ истребованіемъ отъ него надлежащей отчетности. Въ должность завѣдывающаго конскимъ заводомъ имѣешь ввести подателя сего, отставнаго гусарскаго вахмистра Григорія Евлампіева. Юрій Гарденинъ».

Внизу стояло: «Ежели Капитонъ вздумаетъ поселиться въ нашей деревнѣ или вообще слишкомъ близко къ Анненскому, найти средство въ томъ воспрепятствовать. Впрочемъ, можешь подарить ему лошадь, однако, не дороже 150-ти рублей, корову и лѣсу на избу».

Мартинъ Лукьянычъ прочиталъ разъ, прочиталъ другой... Грубый тонъ письма, неслыханное распоряженіе ошеломили его.

— Какъ же это...—бормоталъ онъ, —такого слугу... извѣстнаго на всю губернію знатока... И за что?... за что?

Бывшій швейцаръ снисходительно усмѣхнулся.

— Надо понимать такъ, что дѣло господское, —сказалъ онъ, закидывая ногу за ногу.

Управителя взорвало.

— Знаю, что господское!... Нечего указывать — возросъ на барской службѣ!... Но почему? Чѣмъ заслужилъ? Миѣ сама генеральша такъ не писала!... Тридцать лѣтъ живу... Отъ покойника генерала не видалъ такой обиды!...—причалъ онъ, сердито потрясая письмомъ, и, обратившись къ Николаю, давно слѣдившему за этою сценою, сказалъ: —Прочти, каково съ старыми слугами обращаются.

Григорій Евлампычъ сразу утратилъ развязность, вытянулся, сдѣлалъ почтительное лицо. Гнѣвъ управителя напомнилъ ему, что, все-таки, начальство существуетъ и субординацію забывать не слѣдуетъ.

Николай, прочитавъ письмо, страшно оскорбился за отца и возмущился «безчеловѣчнымъ» распоряженіемъ.

— Я не понимаю, папаша, чего вы терпите! — воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ. — И какая низость: какъ будто Лизавета Константиновна не вольна выходить за мужа за кого хочетъ!

— Какая Лизавета Константиновна? Что ты городишь?

— Понятно, самая гнусная мечь! Лизавета Константиновна обвинчалась съ Ефремомъ Капитонычемъ...

Мартинъ Лукьянычъ побагровѣлъ и тупо переводилъ глаза съ Николая на Григорія Евлампыча.

— Точно такъ-съ, — подтвердилъ Григорій Евлампычъ, — хотя же и велѣно соблюдать секретъ, но въ разсужденіи того, что имъ извѣстно (онъ кивнулъ на Николая), ихъ превосходительство въ великой горести. Стало быть, эфотъ самый студентъ воровскимъ манеромъ обвинчалшися.

— Все не воровскимъ манеромъ!... — горячо возразилъ Николай.

Вдругъ Мартинъ Лукьянычъ опомнился.

— Молчать! — крикнулъ онъ на сына. — Что такое? Почему? Свѣтопредставленіе, анафемы, затѣяли!... Вонъ! я еще допрошу, братъ, откуда у тебя эти новости... А! на что осмѣлился... куда проникъ... это изъ крѣпостнаго-то состоянія!... А!... Конюшій Капитонъ Гарденинымъ въ сваты попалъ... Что-жь такое?... До чего дожили? — и, вкратцѣ повернувшись къ Григорію Евлампычу, сказалъ: — Хамье-то столичное, холопы-то чего глядѣли?

— Осмѣлюсь доложить, всего не доглядишь. Въ домъ былъ принятъ, Рафаилу Константинычу уроки давалъ... Потомъ что-то вышло, — Юрій Константинычъ прямо крикнули на него... по-гусарски! а замѣсть того, глядимъ — Лизавета Константиновна вышли пѣшечкомъ и скрылись... Опосля слышимъ — обвинчалшися... въ адмиральтейской церкви. Помилуйте!

— Гм... Ну, завтра вступишь въ должность (Мартинъ Лукьянычъ понялъ, что новому конюшему можно говорить и «ты»). Жалко Капитона Аверьяныча, да, видно, не подѣ стать съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ лѣзть... Ахъ, дѣти, дѣти!

На утро Мартинъ Лукьянычъ призвалъ конюшаго и, безъ свидѣтелей, въ присутствіи одного только сына, прочиталъ ему господскій приказъ. Капитонъ Аверьянычъ хотѣлъ было усмѣхнуться, губы его презрительно сморщились, но усмѣшки не вышло, весь онъ какъ-то съежился... Его огромная согнутая фигура при-

нила странный и жалкій видъ безпомощности... Наполай бросился за водой.

— Батюшка! Капитонъ Аверьянычъ!...—возбужденно заговорилъ управитель,—плюньте на нихъ, анафемовъ!... Испоконъ вѣка помыкали нашихъ братомъ... Нонче—вась, а завтра, глядишь, и меня пинкомъ поддадутъ... Плюньте, баюшка!

— Но за что? за что?—пробормоталъ Капитонъ Аверьянычъ, отстранивъ Николая съ водой, и вдругъ вскрикнулъ.

Мартинъ Лукьянычъ сердито засопѣлъ, крякнулъ, закурилъ было папиросу, отбросилъ.

— Эхъ!—крикнулъ онъ,—мало пороли!... Ефрема мало пороли!... До чего дожили!... Родитель сномъ-духомъ не вѣдаетъ, а сынокъ-то чередить... А онъ-то чередить, анафема, на пагубу отцу!... Вѣдь, что онъ натворилъ-то!... Страшно вымолвить, что натворилъ... Сменилъ Лизавету Константиновну, да, не говори дурнаго слова, повѣнчался съ ними!...

Капитонъ Аверьянычъ медленно началъ приподыматься... каждая черточка затрепетала въ его осунувшемся лицѣ.

— Когда? гдѣ? Кто осмѣлился повѣнчать?—проговорилъ онъ, задыхаясь.

— Тамъ же-съ... въ столицѣ. Нашли этаного отчаяннаго попа и вотъ-съ... Сами посудите, Капитонъ Аверьянычъ, какой поступокъ... Что же остается дѣлать господамъ?... Я вась не виню... но сами посудите!

Совсѣмъ неожиданно Капитонъ Аверьянычъ сухо и злобно разсмѣялся.

— Ловко!—произнесъ онъ,—ай да сынокъ!... исполать!... Залетѣла ворона въ высокія хоромы, а отца-то въ шею!... въ шею!...—и дѣловымъ тономъ добавилъ:—Принимайте заводъ. Что же касательно отчетности, я не воровалъ. Тамъ и доложите, не воровалъ, молъ.

— Само собой!—заторопился Мартинъ Лукьянычъ, избѣгая смотрѣть ему въ лицо.—Насчетъ коровы или тамъ лошади, Капитонъ Аверьянычъ... опять же лѣсу...

— Не надо,—отрѣзалъ конюшій,—мнѣ ихняго ничего не надо. Доволенъ. Имѣю золотые часы отъ генерала... за Бродика... Ежели угодно, пусть берутъ. Мнѣ ничего не надо.

— Съ какой стати? Вамъ пожалованы и вдругъ отдавать... Съ какой стати, Капитонъ Аверьянычъ?

— Пусть берутъ!—визгливо крикнулъ Капитонъ Аверьянычъ и стремительно пошелъ изъ конторы.

Николай бросился за нимъ. Старикъ шагаль широко, твердо, съ неопиcуемымъ выраженіемъ какого-то недоступнаго, сатанински гордаго величія. Николай догналь его, тронуль за рукавъ.

— Капитонъ Аверьянычъ!... Капитонъ Аверьянычъ!... Я получилъ письмо отъ Ефрема Капитоныча... Онъ ужасно мучается, что вы сердитесь... И, вѣдь, это такой прекрасный бракъ, Капитонъ Аверьянычъ!

Тотъ, не останавливаясь, повернулъ голову, свосилъ глаза на Николая и не проговорилъ, а какъ-то прошинѣль сквозь зубы:

— Проклинаю!... Слышишь? Такъ и напиши, что проклинаю! У Николая и руки опустились.

До поздняго вечера совершался осмотръ лошадей. Напрасно Мартинъ Лукьянычъ, желая всячески облегчить Капитона Аверьяныча, говорилъ, что это лишнее. Капитонъ Аверьянычъ настояль на своемъ. Весь конный дворъ былъ въ тревогѣ. Конюха бѣгали по корридорамъ, гремѣли засовами, примачивали гривы, надѣвали недоуздки, шепотомъ спрашивали другъ у друга, кого выводить, куда дѣвалось зеленое ведро, гдѣ наборная уздечка... но рѣшительно избѣгали говорить о томъ, что произошло. Только одинаково сосредоточенное и серьезное выраженіе на лицахъ, одинаковая печать заботы, недоумѣнія, растерянности показывали, что у всѣхъ одно и то же на умѣ, всё въ равной степени потрясены неожиданнымъ событіемъ. Капитонъ Аверьянычъ, управитель и новый конюшій стояли посреди двора. Выводка давно уже утомила Мартина Лукьяныча. Григорій Евлампычъ сначала дѣлалъ видъ знатока, притворялся удивительно проницательнымъ, заходилъ сзади и спереди лошадей, поглаживалъ и ощупывалъ ихъ, но все это внимъ сметѣло, когда онъ вздумалъ посмотрѣть въ зубы знаменитому Витязю.

— Эй!... Не ярмарка!—грубо осадилъ его Капитонъ Аверьянычъ.—Лѣта въ книгѣ записаны... Въ заводахъ по зубамъ не считаютъ!

Конюхъ улыбнулся. Управитель насмѣшливо помычалъ. Бывшій швейцаръ, не помня себя отъ стыда, отошелъ къ сторонкѣ, и, по старой привычкѣ, вытянулъ руки по швамъ. Сердитое гарденинское начальство положительно напоминало ему полузабытые порядки эскадрона.

— Фодотикъ...—произнесъ Капитонъ Аверьянычъ упавшимъ голосомъ,—Фодотикъ... выведи, братецъ, Любезнаго.

Фодотка съ радостною готовностью устремился въ конюшню. Въ толпѣ послышались вздохи. Скоро раздался мѣрный звукъ

подковъ, и изъ темныхъ сѣней вылетѣлъ красавецъ Любезный. Казалось, и лошадь, и Ѳедотка одинаково понимали, кто съ такимъ чувствомъ смотритъ на нихъ пригованными, влажными отъ затаенныхъ слезъ глазами. Ѳедотка, длинно распустивъ поводъ, сначала сдѣлалъ полукругъ, далъ Любезному свободу стать въ рысь, расправить могучую грудь, широко раздуть ноздри... Потомъ перехватилъ рукою подъ узды и, сдерживая разгоряченнаго жеребца, упираясь ногами, съ нахмуреннымъ отъ наслажденія лицомъ приговаривая «ну... ну...», поставилъ его такъ, что изумительная красота точно застыла передъ зрителями. Капитонъ Аверьянычъ подошелъ, долго смотрѣлъ, словно запоминая въ отдѣльности всѣ стати лошади, погладилъ лебеденую шею... Любезный ласково заржалъ. «Эхма!... Скотъ, а тоже понимаетъ!...» — прошептали въ толпѣ.

— Ну, что-жь... — началъ было Капитонъ Аверьянычъ, но запнулся, усиливаясь сдерживать трясущуюся нижнюю челюсть, махнулъ рукою и, ни на кого не обращая вниманія, торопливо пошелъ со двора.

Мартинъ Лукьянычъ былъ и растроганъ, и страшно злился. «Ахъ, анафемы!... ахъ, болваньё!...» — ворчалъ онъ неизвѣстно по чьему адресу. Въ тотъ вечеръ даже Вѣрусъ примолкла, не рѣшаясь нарушать его угрюмое настроеніе; Николай держался тише воды, ниже травы. Когда ушли начальники, а вслѣдъ за ними собралась къ себѣ и Вѣрусъ, Мартинъ Лукьянычъ сказалъ Николаю:

— Проводишь Вѣру Ѳомишину, зайдѣ-ка къ Капитону Аверьянычу... Тащи его сюда... Что онъ тамъ словно кикимора какая сидитъ... Видно, ничего не высидишь.

Николай давно не былъ у конюшаго и, послѣ всего, что произошло сегодня, ему какъ-то непріятно и жутко было идти къ нему. Съ робостью отворилъ онъ дверь. Въ избѣ было темно и тихо; только маятникъ однообразно отбивалъ тактъ, да сѣрыми четырехугольниками обозначались окна. «Капитонъ Аверьянычъ!» — позвалъ Николай. Отвѣта не послѣдовало. У Николая тоскливо стѣснилось въ груди. Онъ чиркнулъ спичкой, оглянулся — въ избѣ никого не было. Спичка быстро сгорѣла. Тогда онъ зажегъ еще, и, думая, что Капитонъ Аверьянычъ лежитъ на кровати, просунувъ за перегородку... и, отскочивъ съ дикимъ, пронзительнымъ крикомъ, ударился бѣжать.

Мартинъ Лукьянычъ сидѣлъ у стола и, барабани пальцами, обдумывалъ, что бы такое утѣшительное сказать Капитону Аверья-

нычу... Вдругъ въ сѣняхъ хлопнула дверь, раздались торопливые шаги... влетѣлъ Николай, бѣлый, какъ мѣлъ.

— Что такое?— вскрикнулъ Мартинъ Лукьянычъ, вскакивая съ кресла.

— Ахъ, папаша... Капитонъ Аверьянычъ повѣсился!...

X.

Что натворила самовольная смерть.— Одинокіе.— Объ Иванѣ Федотѣчѣ и о любви.— „Угадайте!“—Объясненіе.—Кляузы.—Братъ съ сестрою.—Интимные прожекты.—Чтеніе своихъ и чужихъ писемъ.—Отъѣздъ Николая.—Внезапная новость.

Мартъ начался, какъ всегда въ тѣхъ мѣстахъ, теплый, ясный, солнечный, съ легкими морозцами по ночамъ. Показались проталинки, съ крышъ капало, по дорогамъ появились зажоры, тамъ и сямъ зазвенѣли ручейки. Ждали, вотъ-вотъ тронутся лога, ледъ на прудѣ взбухъ и посинѣлъ, дали выдѣлялись съ особенною отчетливостью, лѣса покраснѣли. Въ роцѣ завоились грачи, воробьи весело чирикали по застрѣхамъ, пошли слухи, что прилетѣли жаворонки.

Какъ вдругъ зима точно спохватилась. Въ день сорока мучениковъ, утромъ, похоронили искромсанное уѣзднымъ лекаремъ тѣло Капитона Аверьяныча, а съ вечера подулъ суровый «московскій» вѣтеръ, заглубились тучи, повалила метель. Въ одиѣ сутки намело сугробы, сковало зажоры, занесло дороги. Лѣса переполнились унылымъ шумомъ; разыгралась такая погода, хоть бы въ филипповки, закутила на цѣлые двѣнадцать дней.

И никогда такой страхъ не охватывалъ Гарденина. Всѣ связывали внезапную перемену погоды съ нехорошею кончиной Капитона Аверьяныча. Нашлись очевидцы самыхъ странныхъ вещей... Кому-то привидѣлся конюшій въ корридорѣ рысстаго отдѣленія, кто-то «своими глазами» видѣлъ, будто мертвецъ ходилъ въ манежѣ, кузнецъ Ермиль встрѣтилъ его на перекресткѣ, въ денникѣ Любезнаго въ самую полночь слышали тяжкіе вздохи... На дежурство отправлялись по два, по три человѣка. Даже старики испытывали приступы лихорадки, ночуя въ конюшняхъ. Ночью ни одинъ смѣльчакъ не рѣшался ходить въ одиночку... Страшно гремѣли крыши; протяжный гулъ, трескъ и стоны доносились изъ сада и рощи. Въ избахъ было не менѣе жутко. Въ окна точно кто царапалъ когтями, изъ трубы слышалось завыванье, временами плакалъ пронзительный, визгливый, надрывающій голосъ.

Вообще время наступило такое, что Николай и Вѣруся чувство-

вали себя заброшенными въ какой-то дремучій лѣсъ. Отовсюду под-
нялась такая непролазная чаща негѣпаго, баснословнаго, невѣро-
ятнаго, что пропадала рѣшимость продирается сквозь нее, опуска-
лись руки. На Вѣрусинны вечера совсѣмъ перестали ходить; уче-
ники, и тѣ сдѣлались невнимательны, впадали въ какую-то стран-
ную, одереветѣлую разсѣянность, таинственно перешептывались
между собою, замолгая каждый разъ, какъ только подходила къ
нимъ Вѣруся.

— Знаете что, Вѣра Фоминишна, — сказалъ однажды Нико-
лай, — не будь васъ, сбѣжалъ бы я отсюда куда глаза глядятъ!

— Да... я должна признаться... — медленно выговорила Вѣру-
ся, — страшно дѣлается по временамъ... Ну, хорошо, вы здѣсь...
Вотъ читаемъ, говоримъ... Но безъ васъ?... И какъ странно, — я по-
ложительно сознавала себя счастливой вотъ до этого ужаса... Все
казалось такъ легко и такъ просто... Ну, суевѣрія тамъ, перво-
бытныя понятія и прочее. Такъ, вѣдь, легко казалось все это оп-
ровергнуть, разъяснить, доказать... И вдругъ совсѣмъ, совсѣмъ
не легко!... Павлигъ, Павлигъ! вѣдь, это такая прелесть... но и
онъ замкнулся, и у него, когда я заговорила, такое сдѣлалось уп-
рямое, такое неискреннее лицо... Ахъ, тоска!... Послушайте, уже-
ли вотъ у насъ такъ-таки и нѣтъ ничего съ ними общаго? То-есть
я не говорю о пустякахъ — о томъ, что они понимаютъ, наприимѣръ,
пользу грамотности почти одинаково со мной. Нѣтъ, а въ важномъ?
въ основахъ-то? Ужели ничего нѣтъ общаго?

— Вы насчетъ негѣпостей и тому подобное?

— И объ этомъ, и вообще. Я насчетъ того говорю, что сидимъ
мы вотъ точно Робинзоны на необитаемомъ островѣ и никому нѣтъ
дѣла до нашихъ интересовъ, никто не раздѣляетъ нашихъ убѣжде-
ній, — всѣ слились въ одно и отстранились отъ насъ. Нѣтъ общей
почвы, какъ пишетъ Ефремъ Капитонычъ.

— Обойдемся!.. Очнутя и опять явится пониманіе.

— Ахъ, я знаю, но вотъ въ эти-то минуты чувствуешь се-
бя какимъ-то ненужнымъ придаткомъ! Снашите, встрѣчали вы изъ
нихъ, ну, хоть одного, съ которымъ можно было бы обо всемъ, обо
всемъ говорить, и онъ бы понималъ, одинаково съ вами рассу-
ждалъ бы?

— Какъ вамъ сказать?... Ежели взять до извѣстной степени,
встрѣчалъ такого. Вотъ чья была эта изба, столяръ одинъ... Соб-
ственно говоря, тоже пропасть мистическаго, однако же, рѣдкій,
удивительный человекъ! Я вамъ вотъ въ чемъ долженъ признаться...
Если я теперь таковъ, какимъ вы меня видите, то-есть доста-

точно понимаю, гдѣ правда и кого, но справедливости, нужно сожалѣть,—я этимъ весьма обязанъ столяру. Ну, конечно, и Босьма Васильичъ,—я вамъ рассказывалъ о немъ,—и Илья Финогенычъ: сами знаете, сколь горячи его письма,—и Ефремъ Капитонычъ отчасти, и васъ я никогда не забуду... Все такъ. Но первое-то зерно—столяръ.

— Гдѣ же онъ?

— А тутъ, верстъ за сорокъ. Признаться, я потерялъ его изъ вида. Изъ того села у насъ больше не работаютъ, спросить не у кого, такъ и потерялъ.

— Отчего же? Развѣ нельзя съѣздить, узнать?

Николай покраснѣлъ до ушей.

— Какъ бы вамъ разъяснить?—проговорилъ онъ въ замѣшательствѣ.—Жена у него была... Ну, и вообще вышла подлость съ моей стороны... Миѣ трудно рассказывать, Вѣра Фоминишна.

Вѣруся въ свою очередь вспыхнула и внезапно потемнѣвшими глазами взглянула на Николая.

— Расскажите,—повелительно произнесла она.

Николай долго не рѣшался, хотя, въ то же время, ужасно желалъ открыться именно Вѣрусѣ. Наконецъ, осмѣлился и съ мучительными усиліями началъ и договорилъ до конца. Вѣруся слушала съ опущенными глазами. Какая-то жилка едва замѣтно трепетала около ея губъ.

— Вотъ и все-съ,—завлчилъ Николай, робко взглядывая на дѣвушку.

— Вы ее любили?—спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Не знаю...—прошенталъ Николай.—Былъ отакій подлый порывъ, но любилъ ли—не знаю.

— Ну, вообще, любили вы кого-нибудь?... Вотъ такъ, какъ въ романахъ? У Тургенева, на примѣръ?

Николай взглянулъ на Вѣрусю; у него такъ и застучало въ груди: на ея лицѣ отразилось какое-то раздражительное возбужденіе, на губахъ бродила неловкая, насильственная улыбка.

— Не знаю-съ.

Вѣруся звонко расхохоталась.

— А я такъ люблю!—крикнула она съ вызывающимъ видомъ.

— Кого же?

— Угадайте!—и вдругъ встала и сдѣлалась серьезна.—Ну, пора, однако. Миѣ хочется спать. Идите, затворю за вами.

И когда Николай, совершенно ошалѣлый отъ какихъ-то блаженныхъ предчувствій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущенный, растеряян-

ный и робкій болѣ чѣмъ когда-нибудь, вышелъ на улицу, Вѣруся еще разъ кривнула ему въ догонку:

— Угадайте же!

Однако, между ними больше не возобновлялось такого разговора. Напротивъ, съ этого вечера они какъ-то отдалились другъ отъ друга, стѣснялись оставаться наединѣ, говорили только о дѣлахъ, да, гораздо рѣже, чѣмъ прежде, о книгахъ. Тонъ дала Вѣруся: она все точно сердилась. Николай же не могъ не подчиниться, хотя въ душѣ мучился и недоумѣвалъ, а, въ концѣ-концовъ, въ свою очередь началъ злиться на Вѣрусю, намѣренно сталъ показывать необыкновенную холодность.

Черезъ одну гимназическую подругу Вѣруся нашла себѣ на лѣ-то урокъ, гдѣ-то за Воронежемъ. Мартинъ Лукьянычъ благодушно отговаривалъ ее:

— Ну, охота вамъ, Вѣра Ѳомишишна, — убѣждалъ онъ, — жили бы себѣ въ Гарденинѣ, да отдыхали. Дались вамъ эти анафемы-уроки! Все равно жалованье будете получать.

Но у Вѣрусии были особыя планы: на зиму она мечтала выписать журналъ, купить глобусъ для школы, да, кромѣ того, деньги постоянно требовались въ сношеніяхъ съ деревенскими людьми.

Николай, обезкураженный ея сборами, рѣшился во что бы то ни стало переговорить съ ней и объяснить, въ чемъ же, наконецъ, причина ихъ натянутыхъ отношеній? До самаго отъѣзда это не удавалось. Подали тарантасъ къ крыльцу.

— Знаете что, Вѣра Ѳомишишна, — съ дерзостью отчаянія произнесъ Николай, — я... я провожу васъ до станціи.

Вѣруся молчаливымъ наклоненіемъ головы изъявила согласіе. Дорогой говорили о погодѣ, о хлѣбахъ, нѣсколько пострадавшихъ отъ засухи, о томъ, что въ *Отечественныхъ Запискахъ* недавно появилась замѣчательная статья и нужно бы достать эту книжку... Вдругъ Николай осмѣлился.

— А я, вѣдь, угадаю! — воскликнулъ онъ, натянуто улыбаясь, — помните вы задали мнѣ задачу, Вѣра Ѳомишишна?... Я угадалъ.

Вѣруся притворилась, что припоминаетъ, потомъ сердитая морщина показалась на ея лбу.

— Ну, и поздравляю васъ, — сухо отвѣтила она.

Николай опустилъ голову. Долго ѣхали молча, только Захаръ бормоталъ съ лошадьми и почмокивалъ, шлепая внутикомъ.

— Срамъ! — неожиданно вскрикнула Вѣруся, смотря куда-то въ сторону и нервически кусая губы. — Словъ нѣтъ, какой срамъ!..

Думать о пошлостяхъ, когда столько работы... когда ничего еще не сдѣлано... и, вдобавокъ, когда только что наступаетъ серьезный трудъ!... Презирать кисейныхъ барышень и вдругъ самой, самой... О, какой срамъ!—и съ живостью повернувшись къ Николаю:— Пожалуйста, забудьте! Пожалуйста, ни слова объ этомъ... если хотите, чтобъ я васъ уважала.

Гарденино понемногу успокоивалось, хотя, ошеломленное столь жестоко, и не входило въ свою прежнюю колею. Особенно не ладилося по конному заводу. Григорій Евлампичъ мало смыслилъ въ рысистомъ дѣлѣ, но, какъ человекъ себѣ на умѣ, ломать старинные порядки избѣгалъ; быть строгимъ, подобно Капитону Аверьянычу, онъ и подавно боялся. Тѣмъ не менѣе, трое коренныхъ гарденинскихъ людей потребовали увольненія: наѣздникъ Минъ Власовъ, кучеръ Василій и маточникъ Терентій Иванычъ. Всѣхъ троихъ уже давно сманивали воронежскіе гунцы.

— Что за причина?—спрашивалъ управитель.

— Причины, Мартинъ Лукьянычъ, нисколько нѣту, —степенно и почтительно докладывали старые дворовые,—а ужь такъ... неспособно-сь.

— Но почему?

— Всячески неспособно-сь. Новые порядки, изволите ли видѣть... Въ примѣру, Григорій Евламповъ... то онъ швицаромъ, а то въ конюшіе... Несообразіе-сь.

Мартинъ Лукьянычъ для приличія ругалъ ихъ, стыдилъ, усовѣщевалъ, но въ душѣ совершенно соглашался съ ними. Онъ глубоко презиралъ Григорія Евлампича и былъ убѣжденъ, что, рано ли, поздно, гарденинскій заводъ утратитъ всю свою славу съ такимъ конюшимъ.

Григорій Евлампичъ понималъ, что не угоденъ управителю. Думалъ онъ сначала понравится тѣмъ, чѣмъ привыкъ нравиться начальству въ эскадронѣ и господамъ въ бытность швейцаромъ. Изъявлялъ отиѣнную почтительность, вытягивался въ струнку, подкакивалъ, былъ покладливъ, сыпалъ льстивыя слова. Ничто не помогало. Тогда Григорій Евлампичъ серьезно встревожился за свое благополучіе и началъ составлять вляузы. Не проходило недѣли, чтобъ Юрій Константинычъ не получалъ изъ Гарденина сѣраго, самодѣльнаго пакетца.

Наступилъ іюнь. Мартинъ Лукьянычъ съ сестрой сидѣли вдвоемъ у окна и медленно, съ разстановками, безпрестанно вытирая избыточный потъ, пили чай. Въ окно видѣлись поля, —пшеница колосилась и переливала рябью, бѣлѣла благоухающая гречиха;

въ туманѣ знойныхъ испареній едва сквозили стога, перелѣски, синѣла степь.

— Налить, батюшка-братецъ?

— Видно, наливай, сестра Анна! Охо-хо, какая теплынь... Или ужь съ телятины гонить на пошло?... Какъ яровые-то у тебя?

Анна Лукьяновна Недобѣжина была весьма дородная женщина, съ сѣдыми буглями, съ тройнымъ подбородкомъ и лоснящимися щеками, съ меланхолическою улыбкой.

— Яровые? Вотъ ужь не знаю, батюшка-братецъ... Мужикъ Лука у меня верховодить. Все мужикъ Лука.

— А сама-то? Неужто, попрежнему, романы глотаешь?

— Ужь и глотаю! — Анна Лукьяновна засмѣялась и вздохнула. — Слѣпа становлюсь, вотъ горе! Бывало же, Николушка читывалъ, а теперь возжусь, возжусь съ очками... Да и что!... Какія пошли книжки, батюшка-братецъ!... какіе романы!... Намедни сосѣдъ привезъ, очень, — говорить, — увлекательно. Гляжу, и что же? — все сочинитель отъ себя, все отъ себя сочиняетъ! Штиль самый неавантажный, разговорныхъ спенъ очень мало. И какіе персонажи!... Я послѣ ужь говорю сосѣду: «Ну, батюшка, удружилъ! ужли же на старости лѣтъ прикажешь мнѣ знать, чѣмъ отъ лакея воняетъ?» А заглавіе придумалъ самое обманное: *Мертвыя души*... Подумаешь, нивѣсть какія страсти, анъ не то, что страстей, но и любовной интриги не представлено. Позволяютъ же морочить публику! Прежде, бывало, обозначено: *Удольфскія таинства*, — такъ и на самомъ дѣлѣ: читаешь — духъ захватывается. Или *Бѣдная Лиза*... и подлинно бѣдная черезъ измѣну вѣроломнаго Эраста... А нонче все пошло навыворотъ, все на обманъ!

— Н-да... Вотъ Николай, должно, въ тебя уродился — не отдерешь отъ чтенія... — Лицо Мартина Лукьяныча выразило заботу. — Ахъ, дѣти, дѣти! — сказалъ онъ со вздохомъ.

Анна Лукьяновна задумалась, пожевала нерѣшительно губами, хотѣла вымолвить что-то затаенное по поводу Николая, но предпочла сдѣлать предисловіе:

— А я гляжу на васъ, батюшка-братецъ, чтой-то сколь вы посѣдѣли, сколь измѣнились въ лицѣ...

— Жить невесело! жить скучно, сестра Анна! — отрывисто и сердито перебилъ Мартинъ Лукьянычъ. — Та въ монастырь, тотъ въ петлю, дворянки за вчерашнихъ холоповъ выходятъ, глязусы, неприятели... Что такое? Почему? Поневоля посѣдѣешь.

— Вотъ бы Николушку-то и женить!

— Эге! аль невѣсту нашла?

— Сыщется,—уклончиво отвѣтила Анна Лукьяновна.

— Богатая?

— И-и, батюшка-братецъ, въ деньгахъ ли счастье?... Приятная, нѣжная, сублильная... А что до денегъ—вѣрный Алексисъ и въ хижинѣ обрѣлъ блаженство...

Мартинъ Лукьянычъ окончательно разсердился.

— Ты дура, сестра Анна! Хуже не назову—непристойно твоимъ сѣдинамъ, но всегда повторяю, что дура! Хорошо тебѣ говорить: оставилъ мужъ землишку, все свое, сиди да почитывай. А у меня что за душою? Есть, пожалуй, двѣ тысячки, да на долго ли ихъ хватить по нонѣшнимъ анафемскимъ временамъ?

Старушка даже разсмѣялась.

— Ну, братецъ, чего наговорили! У васъ такое мѣсто—помѣщики завидуютъ... Шутка сказать—гарденинскій управитель!

— Мѣсто? А ты не ждешь—нонче-завтра въ три шеи меня погонять? — Мартинъ Лукьянычъ вскопчилъ, раздражительно выдвинулъ ящикъ, выкинулъ оттуда пачку писемъ съ шифромъ «Ю», началъ трясущимися руками разбирать ихъ и искать нужныя строки.—Смотри: «До свѣдѣнія моего дошло... гм... гм... что ты публично замѣченъ въ нетрезвомъ видѣ»... Ловко? Или еще: «До свѣдѣнія моего довели, что сынъ твой загналъ верховую лошадь»... Такъ помѣщики завидуютъ?—«Удивляюсь твоему нерадѣнію»... «Принужденъ требовать строгаго отчета»... «Стрежайше ставлю тебѣ на видъ...»

Мартинъ Лукьянычъ побагровѣлъ и отбросилъ письма.

— Сорокъ лѣтъ служу! — взвизгнулъ онъ, ударя себя въ грудь.—Жизнь положилъ на анафемовъ! И чего добился? Кляузники въ честь попали... Шептуны! И кто же выговариваетъ?—молокосось! Мальчишкѣ волю дали!

— Ахъ, ужаси какія!... ахъ, какія ужаси! — повторяла Анна Лукьяновна, рѣшительно не ожидавшая ничего подобнаго.—Что-жь генеральша-то, батюшка-братецъ? Такая деликатная особа... такъ были милостивы...

— Милостивы они, анафемы! Вотъ вчерась передъ твоимъ прѣздомъ письмо получилъ... Доняли меня кляузы, я и докладываю: такъ и такъ, молъ, ваше превосходительство: не понимаю, за что подверженъ гнѣву... Слушай, какой отвѣтъ.—Мартинъ Лукьянычъ досталъ еще письмо и съ ироническимъ видомъ началъ читать:—«Почтенный Лукьянычъ («хоть вѣжливо!»)! Я тебѣ очень благодарна за усердіе и за твои труды... Но молодое вино горячится, Лукьянычъ, и, надѣюсь, ты, какъ испытанный слуга, дашь ему

перебродить... («это насчетъ Юрія Константиныча!») Я слышала, тебѣ извѣстно наше несчастье. Прибѣжище мое есть Господь. Съ благоговѣніемъ принимаю испытаніе, которое Ему угодно было послать намъ... Молиться, молиться нужно и, смиривъ гордыню, взирать на Того, Кто былъ весь смиреніе. Убѣждаюсь, что бѣдная Фелицата избрала благую часть. Припадай и ты къ Его святымъ стопамъ, а все, что касается до имѣнія, докладывай Юрію Константинычу. Я рѣшилась, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ, удалиться отъ земнаго, по мѣрѣ возможности, приобщиться небесному и, такъ какъ надняхъ уѣзжаю въ Біарицъ, то выдаю полную довѣренность Юрію Константинычу. Затѣмъ совѣтую тебѣ, не какъ госпожа, но какъ истинная христіанка, строго запретить своему сыну вредныя знакомства, о которыхъ дошли до меня слухи. И совѣтую внимательно слѣдить за школой. Я даже думаю, не удалить ли учительницу и не поручить ли мѣстному пастырю отправленіе ея обязанностей? Впрочемъ, Юрій Константинычъ сдѣлаетъ соответственное распоряженіе». Ловко? А ты говоришь: Алексисъ и прочія нечестности!—заключилъ Мартинъ Лукьянычъ.

Анна Лукьяновна молчала съ убитымъ видомъ.

— Я хочу посоветоваться съ тобой, сестра Анна, — спустя четверть часа произнесъ Мартинъ Лукьянычъ болѣе спокойнымъ голосомъ. — Дѣла, сама видишь, какія. Со дня на день жду новыхъ придирокъ... Ну, да обо мнѣ что толковать! прогонять — поступлю къ тебѣ въ чтецы, буду, вмѣсто Луки, хозяйствомъ твоимъ заниматься... Вѣдь, дашь уголь, а?—Онъ насильственно улыбнулся.

— Богъ съ вами, батюшка-братецъ!—вскрикнула Анна Лукьяновна со слезами на глазахъ.

— Ну, вотъ. Но какъ быть съ Николаемъ? Женитьба—глупости, то-есть на бѣдной - то. Сама видишь, что глупости. А богатая не пойдетъ. Какъ же быть? Думалъ, что и онъ свѣгуется у Гардениныхъ, анъ не тѣмъ пахнетъ. Отдать его въ прикащики къ кушцу, то-есть по земельной части — низко и, притомъ, слабъ съ народомъ. Пустить по конторской части — опять-таки зазорно. Здѣсь онъ на положеніи моего помощника, конторой занимается, между прочимъ, ну, а въ чужихъ-то людяхъ? Однимъ словомъ, какъ ни вни, все клинь. Хорошо. Посылалъ я его прошлымъ лѣтомъ на ярмарку. Пріѣзжаетъ, — отпустите, — говоритъ, — папаша, въ прикащики къ желѣзнику, къ Ильѣ Оиногенычу. Слышала, чай? (Анна Лукьяновна молча кивнула головой). Ну, само собою, далъ нагоняй... Съ тѣхъ поръ нигугу. Хорошо. Я тебѣ рассказывалъ про учительницу? Въ головѣ то, се, разныя эдакія новѣйшія глупости,

но золотая дѣвка. Однако, я на нее сердить... И по какому случаю? Иду на меду съ гумна, вижу—ѣдетъ мужикъ. Откуда?—съ вокзала, картошку возилъ продавать. И спрашиваетъ: «Есть учительшѣ письмоце, куда дѣтъ?» Ну-ка, молъ, давай... Семь, думаю, прочту, съ кѣмъ она тамъ переписывается. Распечаталъ — что за чортъ! «Любезнѣйшій Николай Мартынычъ»... Эге! Посмотрѣлъ на адресъ, а тамъ этакая приписочка: «Для Н. Н.» Значить, для моего анафемы! Взглянулъ, отъ кого бы? Подписано: «Илья Еферовъ», то-есть желѣзникъ. Ловко нашего брата надувають? Вижу теперь, какимъ бытомъ онъ узналъ, что Лизавета Константиновна сбѣжала... Но не въ этомъ дѣло. Слушай. — Мартинъ Лукьянычъ вынулъ изъ кармана письмо:—«Любезнѣйшій Н. М. Чего ты ожидаешь въ этомъ омутѣ кляузъ, интригъ и всяческаго оголтѣнія умовъ? Ужели думаешь въ кандалахъ свободно ходить и съ связанными руками—плавать? Мечта! Въ виду твоихъ сообщеній, опасуюсь и за дѣвицу Турчанинову, хотя трогаетъ меня нѣкоторое просвѣтлѣніе твоего отца. Во всякомъ случаѣ, вотъ мой старый совѣтъ: напряги усилія, долби отца («Дуракъ!—проворчалъ Мартинъ Лукьянычъ,—дерево я, что ли?»), поступиай ко мнѣ въ прикащики. Дѣло немудрое; повторяю: по возможности честное. Жалованье—200 рублей. Приобыкнешь, дамъ товару, открывай лавку въ базарномъ селѣ и съ Богомъ на путь борьбы! Не смущайся скромнымъ поприщемъ. И въ скромной долѣ возможны подвиги, между тѣмъ какъ иные и въ широкомъ кругѣ дѣйствія дрыхнуть безстыдно, беспощадно и безпробудно»... Ну, дальше пошла чепуха—все о книжкахъ! — сказалъ Мартинъ Лукьянычъ. — Такъ вотъ, сестра Анна... двѣсти цѣлковыхъ и обѣщаетъ кредитъ, а?

Страннымъ охваченъ былъ чувствомъ Николай, когда отецъ объявилъ, что отнускаетъ его къ Ильѣ Оиногенычу, а тетка принялась укладывать въ сундучокъ его имущество. Первымъ движеніемъ была радость, вторымъ... такъ стало жаль разстаться съ Гарденинымъ, такую лаской вѣяло отъ гарденинскихъ полей, степей, лѣсовъ, людей... И садъ любовно кивалъ своими вершинами, и въ рошѣ вѣяло какою-то нѣжною прохладою, и знакомое мѣстечко на берегу пруда казалось особенно плѣнительнымъ: какъ хорошо сидѣть тутъ въ полдень, читать, грезить на яву или раздѣться—и бухъ въ воду!...

Но довольно! Захаръ дожидается у подъѣзда. Пристяжныя нетерпѣливо грызутъ удила. Болокольчикъ побрякиваетъ подъ дугой. Отецъ дѣлаетъ пространное и трогательное вразумленіе. Присѣли, помолились... «Ну, Николя...» — произноситъ дрогнувшій

голосъ. Николай крѣпко обнимается съ отцомъ, чувствуетъ слезы на его щекахъ, съ внезапнымъ умиленіемъ цѣлуетъ его волосатую руку, переходитъ въ пышныя объятія тетки и опять слезы... «Съ Богомъ, Захаръ!» Николай оборачивается и глядитъ назадъ. Вотъ безъ шапки стоитъ отецъ, вѣтеръ развѣваетъ его сивые волосы; тетка машетъ платкомъ... дворня собралась въ кучу и глазѣтъ... Вотъ ужъ и не видно никого и едва бѣлѣются постройки, сверкаютъ крыши на солнцѣ, садъ зеленѣетъ, прудъ сквозитъ за деревьями. «Прощай, Гарденино!» — шепчетъ Николай и въ горлѣ у него щекочетъ, на глаза выступаютъ слезы.

Верстъ за шестьдесятъ отъ Гарденина приходилось переѣзжать Битюкъ. Свѣжѣло. Въ селѣ благовѣстили къ вечернѣ. Отраженный гулъ протяжно разносился по водѣ. Тарантасъ, подпрыгивая, вѣхалъ на паромъ. Николай съ удовольствіемъ потянулся, вылѣзъ, расправилъ одеревенѣвшіе члены и сталъ помогать паромщику.

— Работникомъ, аль отъ артели? — спросилъ онъ, перехватывая канатъ.

— Въ работахъ.

— Откуда будешь?

— Мы дальніе, боровскіе...

— Сважи, пожалуйста, столяръ у васъ живетъ одинъ... — торопливо спросилъ Николай, понижая голосъ.

— Федотычъ?

— Да, да.

— Какъ же, живетъ! Сусѣди. У Аревія Сувновала хватуру съмаетъ... Живетъ! — Паромщикъ усмѣхнулся. — Все новую вѣру обдумываютъ!... Какъ же, ходятъ къ нимъ иные... стихиры поютъ... чтеніе... У меня тоже баба повадилась. Ну, признаться, пощупалъ ей ребра, да возжами поучилъ, — ничего, отстала!

— А жена его... Что жена дѣлаетъ?

— Что-жь, знамо что дѣлаетъ... Либо по хозяйству, либо шьетъ, — дѣвкамъ кохты шьетъ: у насъ мода на кохты вышла... Либо съ мальчѣнкой тетешкается. Ничего, баба важнѣецъ.

— Съ какииъ мальчѣнкой?

— А съ ейнымъ, съ Ваняткой. Здоровый пузанъ. Даже диво что отъ такого хрыча.

— Да когда же она родила?

Паромщикъ подумалъ.

— Какъ бы тебѣ не соврать?... — пробормоталъ онъ, — лѣтомъ, значить, приѣхали... филипповками онъ мнѣ раму связалъ... да, да, а въ мясоѣдъ она и роди! Хлесткая баба, это нечего сказать. И объ

столярѣ не скажешь худаго,—копотливъ, но работа твердая, на совѣсть. А насчетъ вѣры ежели... что-жь, ничего, безобразіевъ непримѣтно, народъ справедливый... ничего!

Николай не слушалъ больше. Бросивъ ганать, онъ быстро отошелъ на другую сторону парома и, въ невѣроятномъ состояніи стыда и какихъ-то волнующихъ и дразнящихъ ощущеній, сталъ глядѣть на ясную гладь рѣки...

XI.

Яковъ Ильичъ Переверзевъ.—Какъ проводилъ время Мартинъ Лукьяничъ въ ожиданіи своего увольненія.—Новый управитель принимаетъ вотчину.—Его переговоры съ крестьянами.—Бунтъ и усмиреніе.—Дневникъ Вѣруси.

Осенью рухнулъ послѣдній оплотъ гарденинской старины... Изъ Петербурга былъ присланъ новый управитель, Яковъ Ильичъ Переверзевъ.

Мартинъ Лукьяничъ еще до пріѣзда Переверзева получилъ увѣдомленіе, что Юрій Константиновичъ въ услугахъ его больше не имѣетъ нужды и проситъ приготовиться къ сдачѣ имѣнія. Новость тотчасъ же стала всѣмъ извѣстна, однако, дворян отнеслась къ ней гораздо равнодушнѣе, чѣмъ къ смерти Капитона Аверьяныча и удаленію Фелицаты Никаноровны въ монастырь. Дѣло въ томъ, что самыя закоренѣлыя приверженцы старины къ тому времени уже покинули Гарденино; другіе, какъ, напримѣръ, кучеръ Никифоръ Агапычъ, поваръ Лукичъ, лакей Степанъ, думали, что это ихъ не касается; наконецъ, трети настолько ужъ увѣрились въ неизбѣжномъ распаденіи прежнихъ порядковъ, что перестали толковать объ этомъ, а каждый въ-одиночку изыскивалъ способы, чтобъ примѣниться и къ новымъ порядкамъ, сохранить во что бы то ни стало «уголъ», «мѣщину» и съ дѣтства привычное дѣло.

Самъ Мартинъ Лукьяничъ какъ-то тупо встрѣтилъ перемѣну своей участи. Отчасти онъ ждалъ ее, отчасти утратилъ обычную свою энергію и на все махнулъ рукою. Съ отѣзда Николая, а затѣмъ и сестры, онъ сильно охладѣлъ къ гарденинскому хозяйству, рѣдко объѣзжалъ поля, неохотно ходилъ по экономіи, все больше и больше уединялся въ своихъ горницахъ и скучалъ. Прежде ему рѣдко случалось пить,—только на базарѣ, да съ гостями или въ гостяхъ,—но, оставшись въ одиночествѣ, онъ чаще и чаще сталъ напиваться. Начиналось это съ утра. За чаемъ онъ еще бралъ какую-нибудь книгу и лѣниво ее перелистывалъ, просматривалъ газеты. Послѣ чая ходилъ по комнатѣ, курилъ, кряхтѣлъ или сиделся у окна, праздно смотрѣлъ въ пространство, игралъ пальцами,

сложивши руки на животъ; потомъ отворялъ шкафчикъ и проглатывалъ четверть рюмки. Такія дозы повторялись разъ десять; затѣмъ наливалось по полрюмкѣ; ближе къ вечеру Мартинъ Лукьянычъ приказывалъ Матренѣ подать графинъ на столъ и пилъ цѣлыми рюмками. Поведеніе его измѣнялось сообразно дозамъ: проглатывавая маленькія, онъ прискорбно вздыхалъ, страшно морщился и кривилъ ротъ; среднія — только кричалъ; когда наступали большія дозы, имъ овладѣвала говорливость и странная наклонность къ откровенности и самому безшабашному хвастовству.

— Матрена!—кричалъ Мартинъ Лукьянычъ, неистово теребя бороду. Матрена являлась сумрачная и, спрятавши руки подъ фартукъ, останавливалась у притолки.

— Что вамъ?

— Гм... Анна Лукьяновна приказывала тебѣ заштопать Николаевы чулки... Заштопала?

— Какой разъ спрашиваете... Извѣстно, заштопала.

— То-то!... гм... У меня, братъ, Николка далеко пойдетъ... не безпокойся!... Ты, дура, думаешь, я его спроста отпустилъ къ Еферову? Анъ врешь, не спроста... Умень, умень, анафема... потому и отпустилъ, что умень! Сколь ловко втерся къ этому болвану: одного жалованья шестьсотъ цѣлковыхъ и, притомъ, полное содержаніе. А? каково?... Бонторская ли часть, по хозяйству ли... не говоря ужъ, что прочиталъ такія книги—иной помѣщикъ и въ глаза такихъ книгъ не видывалъ... А насчетъ вашей-то сестры... эге! не зѣвалъ, не прогибайся!... Ты думаешь онъ, анафема, спроста пропадалъ у Вѣры Ѳомишишны? Какъ бы не такъ! очень ему нужно!... Но я все спускаю, потому—умень. Вѣра Ѳомишишна—золотая барышня... А ты, канальская дочь, опять перестала салфетки подавать, а?

— Эка бѣда! все забываю.

— То-то—забываю! Смотри, какъ бы я тебѣ не напомнилъ... (Мартинъ Лукьянычъ проглатывалъ рюмку). Гм... да, вотъ и дворянка, а кивнетъ Николка пальцемъ, сейчасъ подъ вѣнецъ пойдетъ! Однако, онъ не таковскій... Онъ и тамъ не прозѣваетъ... шалишь! Какъ спааетъ этакую первогильдейскую дочь, да слимонитъ приданого тыщъ пятьдесятъ, вотъ и пускай дураки поломаютъ головы!

И до поздней ночи тянулась несвязная похвальба, а Матрена, проклиная свою участь, стояла у притолки.

Получивъ увѣдомленіе о разсчетѣ, Мартинъ Лукьянычъ сталъ пить меньше, рѣшительно никуда не показывался, составлялъ отчеты и приводилъ въ порядокъ книги. Хозяйство шло заведеннымъ

колесомъ подъ наблюдениемъ старосты Ивлія и другихъ начальниковъ. Вечеромъ въ контору, попрежнему, собирались «за приказаніемъ», но всѣ чувствовали, что это только такъ, для проформы, что, въ сущности-то, отлетѣлъ строгій и взыскательный духъ-устроитель. У подначальныхъ людей появилась немыслимая прежде развязность, въ ихъ разговорахъ съ управителемъ засквозили самостоятельныя слова, самые голоса ихъ пріобрѣли какое-то независимое выраженіе. Мартинъ Лукьянычъ отлично видѣлъ это, но только сопѣлъ да вздыхалъ. Между тѣмъ, начальники отнюдь не радовались увольнепію управителя, — напротивъ, искренно огорчались и беспокоились, но такъ ужь устроенъ русскій человекъ, любить онъ показать свое достоинство заднимъ числомъ.

Гораздо яснѣе обнаруживалась эта черта въ тѣхъ, кто радовался уходу управителя.

Однажды Мартину Лукьянычу понадобилось для отчетности перемѣрить хлѣбъ въ закромахъ. Вечеромъ онъ забылъ объ этомъ сказать и потому на другой день самолично отправился въ амбары. По дорогѣ ему встрѣтились Гараська и Аношка; оба, поравнявшись съ нимъ, не сняли картузы... Вся кровь бросилась въ лицо Мартину Лукьянычу.

— Эй, анафемы! — загремѣлъ онъ, — шапки долой!

Аношка съезжился и продолжалъ идти, какъ будто не слышитъ, Гараська же съ наглымъ, смѣющимся лицомъ посмотрѣлъ на Мартина Лукьяныча и сказалъ:

— Будя, Мартинъ Лукьянычъ... Попановаль и будя! Кто ты есть такой, чтобъ ерепениться? Остынь.

Мартинъ Лукьянычъ бросился къ нему съ поднятыми кулаками, но Гараська стоялъ такъ спокойно, такъ выразительно выпятилъ свою широкую, богатырскую грудь, что Мартинъ Лукьянычъ тотчасъ же опомнился, круто повернулъ домой, послалъ Матрену къ ключнику, а самъ легъ въ постель и пролежалъ ничкомъ добрыхъ два часа, задыхаясь отъ ярости и мучительнаго стыда.

Междущарствіе продолжалось недѣли двѣ. Мартинъ Лукьянычъ рѣшительно не зналъ, когда же пришлютъ новаго управителя. Въ его голову начинала даже закрадываться сумасбродная надежда: «авось»... Какъ вдругъ Матрена, — въ послѣднее время единственный источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ новости, — съ убитымъ видомъ доложила ему, что Гришка-конюшій получилъ какую-то депешу и высылаетъ коляску за новымъ управителемъ.

— Что ты, дура, врешь? — усомнился Мартинъ Лукьянычъ. — Статочное ли дѣло подъ управителя господскій экипажъ!

Но вскорѣ убѣдился. Въ окно было видно, какъ въ коляску запрягли рыжую четверню и самъ Никифоръ Агапичъ влѣзъ на козлы. И извѣстная обида засочилась въ сердцѣ старика... «Вотъ такъ-то,—размышлялъ онъ,—въ коляскѣ!... четверней!... а я цѣлый вѣкъ въ тарантасѣ разѣзжалъ... съ бросовымъ конюхомъ, съ Захаркой... И извѣстить не удостоили... Охо-хо-хо...» Весь день не могъ ничѣмъ заняться Мартинъ Лукьянычъ, даже не подходилъ къ шкафику и, какъ растерянный, бродилъ изъ угла въ уголъ, да украдкой выглядывалъ въ окно. Наконецъ, четверня пронеслась по направленію къ барскому дому,—Мартинъ Лукьянычъ мелькомъ увидалъ, что въ коляскѣ сидятъ двое,—лакей Степанъ торопливою рысцой побѣжалъ встрѣчать, въ кухнѣ забарабанили поварскіе ножи... Мартинъ Лукьянычъ горько засмѣялся. «Вонъ какъ новье-то!—восклидалъ онъ про себя,—въ господскихъ покояхъ!... Поваръ обѣдъ готовить!... Эхъ, дуракъ ты, дуракъ, Мартинъ!»

Нѣсколько минутъ спустя лакей Степанъ доложилъ Мартину Лукьянычу, что его требуетъ къ себѣ управитель.

Вся прежняя гордость проснулась въ Мартинѣ Лукьянычѣ.

— Скажи, мнѣ ходить не зачѣмъ... Слышишь?—крикнулъ онъ надменнымъ голосомъ.—Пока что—я здѣсь полномочный управитель! Если угодно, пусть въ контору является.

— Слушаю-съ,—почтительно отвѣтилъ Степанъ.

На этомъ пунктѣ Рахманный преодолѣлъ: новый управитель самъ пришелъ въ контору. За нимъ слѣдовалъ его неизвѣстный спутникъ. Оба были тощіе, поджарые, въ рябыхъ жакеткахъ, въ макферланахъ. Спутникъ несъ подъ мышкой портфель. Мартинъ Лукьянычъ поднялся на встрѣчу... Странно было смотрѣть на этого крупнаго, сѣдаго, краснаго отъ волненія человѣка, въ длинномъ, старомодномъ сюртукѣ, лицомъ къ лицу съ вылощенными и во всѣхъ отношеніяхъ утонченными гостями.

— Имѣю удовольствіе рекомендовать, — провозгласилъ одинъ изъ тощихъ, — Яковъ Ильичъ Переверзевъ. Имѣю честь рекомендовать — господинъ бухгалтеръ Венчеславъ Венчеславичъ Застера. Покорнѣйше прошу извинить меня: я, дѣйствительно, не имѣлъ права просить васъ пожаловать ко мнѣ... то-есть до предъявленія законенной довѣренности. Господинъ Застера, предъявите господину Рахманному законенную довѣренность.

Господинъ Застера щелкнулъ замочкомъ портфеля и подалъ аккуратно сложенный листъ бумаги. Мартинъ Лукьянычъ отмахнулся... Изысканный видъ тощихъ смутилъ его.

— Что же-съ?... — пробормоталъ онъ. — Я изъ господской воли

не выступаю... Угоденъ имъ — служилъ, не угоденъ — ихняя воля-сь. Не прикажете ли чайку-сь?

— Очень благодаренъ. Въ это время дня я не пью чаю. Если не ошибаюсь, и г. Застера.

— Я по мѣрѣ возможности избѣгаю этого напитка, ибо имѣю несчастную наклонность къ простуднымъ болѣзнямъ, — убійственно-неправильнымъ языкомъ объявилъ Застера.

— И такъ, съ вашего позволенія, приступимъ къ отчетности...

— Желаете осмотрѣть вотчину-сь? Прикажете лошадей заложить?

— О, нѣтъ! Осмотръ вещь второстепенная. Будьте любезны предъявить книги, оправдательные и иные документы и такъ далѣе.

— Что-жь предъявлять?... Вотъ шкапъ-сь. Какая есть контора, вся въ этомъ шкапу. Вотъ отчеты-сь...

Тошце люди переглянулись, едва замѣтно пожали плечами. Затѣмъ Застера снялъ очки, аккуратно сложилъ ихъ въ футлярчикъ, осѣдлалъ ястребинный свой носъ черепаховымъ пенсне и съ выраженіемъ какой-то жадной проницливости приступилъ къ осмотру шкафа. Господинъ Переверзевъ разбиралъ портфель. Мартинъ Лукьянычъ съ унылымъ лицомъ посматривалъ на нихъ, не рѣшаясь съesty.

Пріемъ имѣнія совершался медленно. Нѣсколько дней подъ рядъ бились надъ конторскими книгами; хотя книгъ было и весьма немного, но Застера приходилъ въ отчаяніе отъ ихъ первобытной формы. Оправдательныхъ документовъ не только не оказалось, но Мартинъ Лукьянычъ даже и не понималъ, что это такое значитъ, а когда ему объяснили, жестоко оскорбился.

— Я не воръ-сь, — проговорилъ онъ, задыхаясь, — тридцать-три года служу-сь... Барскою копѣйкой не пользовался. Ежели угодно придирки дѣлать — какъ угодно-сь, но я не воръ.

Вообще чѣмъ дальше, тѣмъ больше раздражался Мартинъ Лукьянычъ, и настолько возненавидѣлъ тощихъ, что мало-по-малу начиналъ грубить имъ.

— Разрѣшите полюбопытствовать, — спросилъ однажды Переверзевъ, заглянувъ въ записную книжечку, — чѣмъ вы изволили руководствоваться, сдавая крестьянамъ землю дешевле рыночной цѣны? Затѣмъ, у васъ значатся взысканія за порубки и потравы съ государственныхъ крестьянъ такихъ-то. Чѣмъ объясняется фактъ, что таковыхъ же взысканій ни разу не поступало съ крестьянъ сельца Анненскаго?

Мартинъ Лукьянычъ въ краткихъ и отрывистыхъ словахъ изложилъ свою систему хозяйства.

— У васъ, конечно, имѣются обязательства, обезпечивающія допущенный вами кредитъ?—спросилъ Переверзевъ, просматривая долговую книгу.

— Нѣту-съ, никакихъ не имѣю обязательствъ. Все на чести держится, если хотите знать-съ.

— Бъ сожалѣнью, я долженъ этотъ фактъ довести до свѣдѣння довѣрителя.

— Какъ угодно-съ. Не вороваль-съ. Съ мужичишками не яшлася, чтобъ обирать господъ.

— Но, можетъ, крестьяне не откажутся выдать установленные документы?

— Это ужъ ваше дѣло. Я здѣсь больше не хозяинъ-съ.

Топце безнадежно пожимали плечами, не выходя, однако, изъ предѣловъ самой безукоризненной вѣжливости.

Мужики нѣсколько разъ то полнымъ сходомъ, то группами въ десять-пятнадцать человѣкъ являлись къ новому управителю. Даже приносили хлѣбъ - соль. Но хлѣбъ - соль принялъ отъ нихъ лакей Степанъ и онъ же каждый разъ объявлялъ, что Яковъ Ильичъ говорить съ ними теперь не можетъ. Мужики, потупивши головы, выслушивали лакея Степана, съ ожесточеніемъ вздыхали, почесывали затылки и медленно возвращались въ деревню, разсуждая, что бы это значило. Наконецъ, человѣкъ пять наиболее уважаемыхъ стариковъ придумали сходить къ старому управителю и попросить совѣта, а чтобъ не обидѣлся новый управитель, пришли раннимъ утромъ, когда тотъ еще спалъ.

— Зачѣмъ?—сердито крикнулъ на нихъ Мартинъ Лукьянычъ. — Я теперь послѣдняя спица. Вотъ ужъ съ новымъ поживете, анафемы... съ новымъ поживете!... Сунулись? Хлѣбъ-соль притащили? Передъ старымъ и шапку не ломаете, а?

Напрасно старики смягчали его раболѣпными изреченіями, умоляли подсобить совѣтомъ, говорили, что имъ такого ужъ не найти благодѣтеля, какъ Мартинъ Лукьянычъ...

— Про меня что толковать,—я васъ притѣснялъ,— глумился Мартинъ Лукьянычъ.— Я и по мордѣ, случалось, колотилъ, и по ролю, и въ солдаты брилъ... Ну-ка вотъ, подумайте теперь, съ какой ноги къ новому-то подойти!... А я погляжу, каковъ у него будетъ до васъ медъ... Погляжу, старички! Что-жь, теперь, слава Богу, дождались: стараго-то, плохаго-то, въ шею, а пріѣхалъ такой—мухи не обидить... Погляжу!

Истомленная недоумѣніемъ деревня ужасно была обрадована, когда дядя Ивлій оповѣстилъ домохозяевъ, чтобъ собирались въ

контору. Толпа долго стояла безъ шапокъ, дожидаясь выхода управителя. Наконецъ, на крыльцѣ показались и новый, и старый. Раздался гулъ привѣтствій. Переверзевъ вѣжливо поклонился и, прежде всего, попросилъ надѣть шапки. Бартузники тотчасъ же и съ видимымъ удовольствіемъ исполнили просьбу. Треухи упорствовали и наперерывъ произносили раболѣбныя слова.

— Я долженъ поблагодарить васъ за хлѣбъ-соль, — провозгласилъ Переверзевъ, — хотя считаю своею обязанностью предупредить васъ, что смотрю на это какъ на простую вѣжливость. Брѣвостное право, слава Богу, отмѣнено, вы давно свободные люди и своимъ бывшимъ господамъ обыкновенные сосѣди. Я уполномоченъ владѣльцами управлять Анненскою экономіей. Желаю, чтобъ отношенія наши были благопріятны. Вотъ въ систему моего предвѣстника, г. Рахманнаго, входило оказывать вамъ безвозмездный кредитъ. Я съ этою системою не могу согласиться. Несогласна она и со взглядами моего довѣрителя. Вслѣдствіе того приступимъ къ повѣркѣ... Г. Застера, предъявите списокъ дебиторовъ.

Бухгалтеръ началъ выкликать должниковъ и говорить, сколько кто долженъ и за что.

— Такъ точно... Долженъ... Бралъ... Было дѣло... — слышалось изъ толпы.

— Г. Застера! въ виду полного признанія дебиторовъ, предъявите къ подписи долговья обязательства. Сельскій староста, покорно прошу засвидѣтельствовать.

Толпа находилась въ состояніи страннаго отупѣнія. Наиболѣе смѣтливые, и тѣ не поняли, что говорилъ новый управитель. О долгахъ и роспискахъ думали, что это нужно «для учета» Мартина Лукьяныча и что, вообще, когда кончится эта скучная и непонятная канитель, новый управитель заговоритъ «настоящее». Одинъ за другимъ «дебиторы» съ покорными лицами подходили къ столу, гдѣ засѣдалъ Застера съ цѣлою кипой заранѣе приготовленныхъ росписокъ, совали въ знакъ довѣрія руку писарю Ерооеичу; Ерооеичъ подмахивалъ обычную формулу: «а за него, неграмотнаго, по личной его просьбѣ» и т. д.; вспотѣвшій староста коптилъ и прикладывалъ печать.

— Въ виду значительности долга, — сказалъ Переверзевъ, — я буду ходатайствовать передъ владѣльцами о разсрочкѣ уплаты.

Мужики встрепенулись: начиналось «настоящее».

— На этомъ благодаримъ! — раздались голоса. — Вѣкъ не забудемъ вашей милости... Въ долгу, какъ въ шелку, а изъ нужды не выходимъ... Не въ обиду сказать Мартину Лукьянычу, не по-

жладая рукъ работали на господъ... Воли все равно что и не вида-ли... Какая воля! и т. д.

Переверзевъ поклонился и повернулся, чтобъ идти.

— Ваше степенство! — остановилъ его стоявшій впереди Ларивонъ Власовъ. — Осмѣлюсь доложить твоей милости: какъ же теперь насчетъ земельки?

— Какой земельки?

— А касательно того, какъ мы теперича беремъ землю подъ посѣвъ... Яви божескую милость, спусти хоша по рублику! И опять насчетъ уборки... теперь ли повелишь записываться, али къ Бузьшѣ-Демьянѣ?

— Какой уборки?

— Хлѣбушко убирать, отецъ... Больно ужъ нужда-то у мужиковъ: вотъ-вотъ подушное зачнутъ выбивать... Повели теперь записываться. Яви божескую милость! Али еще насчетъ покосу хотѣли мы погудорить... Мартинъ-ать Лукьянычъ давалъ намъ уроцище, — что-жь, мы на него обиду не ищемъ, — ну, только самая поганая трава!... И насчетъ хворосту... хворостъ — прямо надо сазать — ледацій. Гнѣвись, не гнѣвись, Мартинъ Лукьянычъ, надо прямо говорить.

Толпа молчала, затаивъ дыханіе. Всѣ были безъ шапокъ, даже картузники, и не сводили выжидающихъ взлядовъ съ новаго управителя. Тотъ пожалъ плечами.

— Вы меня не поняли, — сказалъ онъ, стараясь говорить громко и отчетливо. — Экономическое хозяйство будетъ вестись отнынѣ совершенно на другихъ основаніяхъ. Нанимать подъ уборку не буду. Аренда покосовъ, выпасовъ и распашной земли прекращается. Продажа лѣсу тоже прекращается, въ виду предполагаемой постройки винокуреннаго завода. Весь экономическій посѣвъ будетъ обрабатываться собственными работниками съ помощью машинъ. Затѣмъ принужденъ добавить: ввѣренная мнѣ собственность господъ Гардениныхъ будетъ строго охраняться отъ всякихъ на нее посягательствъ. Ясно? Старикъ, ты понимаешь меня? Разъясни односельцамъ. Прощайте!

Переверзевъ еще разъ поклонился и ушелъ. За нимъ поднялся Застера съ портфелемъ, распухшимъ отъ мужицкихъ росписокъ. Мартинъ Лукьянычъ послѣдовалъ за ними.

Мужики стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи... Вдругъ Гараська надвинулъ картузъ и закричалъ:

— Братцы! Старички! Что-жь это буда?... Одинъ аспидъ отвалился, другой присасывается!... Гдѣ же намъ земли-то взять?... Съ

голоду, что-ль, издохнуть по ихъ милости?... Ходоковъ, ходоковъ посылать къ господамъ!... Ишь, тонконогая цапля, насулилъ чего!...—«Раззоръ!..»—«Денной грабѣжь...»—«Ходоковъ!»—«Боли на то пошло, намъ старый управитель милѣ!»—подхватили картузники. Напрасно треухи уговаривали: «Остыньте, ребята!... Потитай!... нехорошо ѣдакъ на барскомъ дворѣ галдѣть... Помягче, ребятушки!»—шумъ все возвышался.

Управитель съ бухгалтеромъ, вошедши въ контору, принялись было за обычные свои занятія: щелкали на счетахъ, отмѣчали въ записныхъ книжечкахъ, обращались съ изысканно-вѣжливыми вопросами къ Мартину Лукьянычу. Но шумъ начиналъ ихъ беспокоить. Застера зеленѣлъ, зеленѣлъ и, наконецъ, выразительно взглянулъ на Переверзева.

— Это не бунтъ, г. Переверзевъ?—спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Г. Рахманный, вы не предполагаете враждебныхъ намѣреній со стороны крестьянъ?—спросилъ Переверзевъ.

— А ужъ это не знаю-съ, вамъ лучше должно быть извѣстно-съ,—насмѣшливо отвѣтилъ Мартинъ Лукьянычъ. Послѣ объясненія съ крестьянами Мартинъ Лукьянычъ не обинуясь рѣшилъ, что новый управитель «круглый дуракъ», и утратилъ всякій респектъ къ его «благородному» происхожденію и изысканному виду.

Шумъ принялъ оглушительные размѣры.

— Но куда же обратиться, въ случаѣ опасности? Далеко ли становой приставъ?—спросилъ Переверзевъ, въ свою очередь иѣняясь въ лицѣ и тревожно подымаясь. Взглядъ Застеры сдѣлался мутнымъ, его выхоленная бородка затряслась... Мартинъ Лукьянычъ съ неизъяснимымъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, распахнулъ окно, высунулся и закричалъ:

— Эй, Ларивонъ Власовъ!... Веденей!... Аванасій Яковлевъ!... Что за сходка? Почему глотки разинули? Гдѣ вы, анафемы, находитесь? Пошли вонъ!... Что такое? Свѣтопредставленіе затѣяли на барскомъ дворѣ? Введете въ гнѣвъ господъ, думаете лучше вамъ будетъ, дураки? Расходитесь, нечего галдѣть!

Треухи съ новымъ усердіемъ принялись увѣщевать картузниковъ, шумъ мало-по-малу стихалъ, отдалялся... Щеки Застеры покрылись прежнимъ румянцемъ. Переверзевъ спокойно углубился въ просмотръ какихъ-то вѣдомостей.

Какъ разъ къ Покрову Мартинъ Лукьянычъ освободился, получилъ, по особой инструкціи Татьяны Ивановны, сто рублей награды и переѣхалъ на жительство къ Аннѣ Лукьяновнѣ Недобѣжиной.

Зимою Николай получилъ отъ Вѣруси длинное письмо — родъ дневника; первая страничка была помѣчена ноябремъ, послѣдняя — 25 февраля. На первой страничкѣ было написано вотъ что:

«Ахъ, эти ночи долги, эти дожди безъ умолку, эти хмурыя, безконечныя тучи!... Вы не повѣрите, Николай Мартиньчъ, до чего тоскливо думается, горько чувствуется... И правду скажу: трудно мнѣ одной, нѣтъ союзниковъ, не съ кѣмъ слова сказать, одиноко стало въ Гарденинѣ. Приѣхавши въ половинѣ октября, я застала здѣсь полный разгромъ и хотя уже знала объ этомъ изъ вашихъ двухъ писемъ, но, все-таки, грустно мнѣ сдѣлалось. На первый разъ, впрочемъ, еще не такъ грустно: начались занятія въ школѣ, нужно было показывать глобусъ, — я-таки выписала отъ Фену! — читали новыя книжки, обмѣнивались впечатлѣніями, затѣмъ хлопоты по хозяйству — я, вѣдь, теперь обѣдаю у себя... Но какъ вошло все въ колею, я и почувствовала одиночество. Вотъ и журналъ получаю, да что толку? Не съ кѣмъ читать, не съ кѣмъ поговорить о прочитанномъ...

«Однако, что же это я хандрю? — съѣла, вѣдь, за письмо вовсе не съ тѣмъ, чтобы жаловаться. Мнѣ рассказать вамъ мои мысли хочется и въ связи съ тѣмъ, что происходитъ теперь въ Гарденинѣ. Все здѣсь новое, все пошло перемѣны да реформы... Ахъ, бѣдный народъ! Не сладко ему было и при отцѣ вашемъ, — какой Мартинъ Лукьянычъ былъ крѣпостникъ, для насъ съ вами, вѣдь, не секретъ, — но теперь, при новыхъ-то порядкахъ, кажется, еще горше.

«Деревя переживаетъ странное состояніе. Ну, точно ребята, у которыхъ родители внезапно исчезли. Больно писать такія вещи, однако, надо же... Вѣдь, что они вздумали: посылаютъ въ Петербургъ ходяновъ, Герасима Арсюшина и Анофрія... А зачѣмъ? Прислать Гарденина, чтобы все оставалось попрежнему... Другъ мой! Что же это такое? Я понимаю тягость ихъ положенія, но прежняго, прежняго просить!... А съ другой стороны, Максимъ Шашловъ по-своему относится къ новымъ порядкамъ, — онъ радъ. Вотъ недавно ссужалъ деньги подъ росписки, — вы не повѣрите: за 10 рублей отдать къ Покрову 15 или заработать по цѣнѣ, которую онъ самъ положить, «по-Божьи». Слышала еще, что въ союзѣ съ волостнымъ писаремъ онъ хлопочетъ открыть кабакъ, такъ какъ знаютъ — усадьба умыла руки и вмѣшиваться не станетъ.

«Перечитала и что замѣтила въ сравненіи съ прежнимъ: и слогъ-то у меня измѣнился; говорятъ, вѣрный признакъ, что ломается характеръ... Ну, пусть его ломается!»

Спусти двѣ недѣли Вѣруся приписала:

«Удостоилась! Самъ, самъ посѣтилъ школу, слушалъ, слѣдилъ, пересмотрѣлъ книжки, пособія, одобрилъ, похвалилъ и, вообразите, пожертвовалъ на волшебный фонарь изъ своихъ собственныхъ средствъ!... Нѣтъ, не шутя, Николай Мартынычъ, я, вѣдь, рѣшительно, рѣшительно сбита съ толку!... Что онъ за человѣкъ? Какихъ убѣжденій? Я не встрѣчаю такихъ людей и совсѣмъ недоумѣваю. Имѣлъ со мной продолжительный разговоръ... Господи, какъ мнѣ стыдно, когда вспомню, что собиралась обличать его! Да развѣ этакое можно обличить, развѣ онъ покожъ на Мартина Лукьяныча?... Я все время чувствовала себя дѣвчонкой, такъ онъ подавилъ меня ученостью, цитатами, ссылками на Европу и, пуще всего, своимъ видомъ. Да нѣтъ, я не сумѣю передать его словъ, ихъ надо было записать; это не простой разговоръ, а передовая статья, ясная и до жестокости убѣдительная. Вотъ то-то и горе мое, что убѣдительная... Нужно добавить, что онъ очень вѣжливъ, очень приличенъ и, въ вопросахъ общихъ, ну, философскихъ, что ли, самыхъ передовыхъ мыслей. Однако, попытаюсь изложить, что онъ мнѣ говорилъ по поводу своихъ отношеній къ деревнѣ.

«Начала, разумѣется, я первая и, нужно сказать, рѣзко высказала все, что накипѣло на сердцѣ. Это ужъ послѣ того, какъ онъ побывалъ въ школѣ: я его пригласила къ себѣ и сразу все выложила. И что же, ни мало не оскорбился, попросилъ сначала позволенія поговорить о школѣ, объявилъ мнѣ, что имѣетъ инструкціи отъ Татьяны Ивановны слѣдить за моимъ преподаваніемъ, тутъ же сказалъ, что, по его мнѣнію, преподаваніе превосходно и что онъ убѣдился, какъ неосновательны свѣдѣнія г-жи Гардениной, и выложилъ вышеупомянутыя деньги на волшебный фонарь. Все это очень меня подкупило, не могу не сознаться. Еще бы, я, вѣдь, ожидала встрѣтить въ его лицѣ какого-то закоснѣлаго кровопійцу.

«Ну, потомъ онъ высказалъ свою программу. Такъ и выразился: «Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю долгомъ изложить вамъ свою программу». Боюсь напутать, но я совершенно его поняла. Прежде всего, онъ очень строго относится къ своимъ обязанностямъ: разъ, говорить, я принялъ мѣсто управляющаго, я долженъ наблюдать интересы владѣльцевъ, а не Петра, не Ивана, я долженъ извлечь изъ имѣнія все, что оно можетъ дать.

«— Значить, эксплуатировать?—сказала я.

«Онъ сейчасъ же объяснилъ, какое неправильное толкованіе даемъ мы этому слову (и дѣйствительно неправильное!), и вслѣдъ

затѣмъ развернулъ свои планы. Они широкіе. Требуется измѣнить основы хозяйства. Будетъ введенъ «раціональный сѣвооборотъ» и вообще должно быть все раціональное и какъ въ Европѣ.

«Я рассказала ему о Шашловѣ и вообще о томъ, какъ нуждается деревня, и что пока, все-таки, необходимо помогать и непременно вмѣшаться, если вздумаютъ открывать кабакъ.

«Но и тутъ онъ меня опровергъ. «Вы,—говорить,—все мечтаете о возвращеніи патроната, о крѣпостномъ правѣ... (Какого?). Шашлова-де можно обезоружить отнюдь не филантропией, а открытіемъ ссудо-сберегательнаго товарищества, о чемъ я уже испрашиваю разрѣшенія. Кабакъ—какъ хотятъ, потому что они люди свободные. Помогать изъ чужихъ средствъ не могу, потому что если дамъ копѣйку безъ соображенія о выгодахъ пладѣльца, значитъ, я укралъ копѣйку... А, впрочемъ,—добавилъ,—я коснулся отношеній моихъ къ деревнѣ лишь потому, что васъ это интересуетъ. Я явился сюда управляющимъ Гарденинскихъ, представителемъ гарденинскихъ интересовъ, а не деревенскихъ; и я имѣлъ честь изъяснить вамъ, что правильно понятыя интересы владѣльцевъ отразятся и на деревнѣ благотѣльно».

«Я написала это почти его словами, потому что былъ онъ въ школѣ тому назадъ недѣлю, а съ тѣхъ поръ я говорила съ нимъ еще два раза и все о томъ же. Вообразите, меня онъ принимаетъ теперь даже безъ доклада, хотя и относительно доклада у него, оказывается, есть теорія въ значительной степени понятная. Онъ очень не любитъ безплодныхъ разговоровъ и говорить только съ тѣми, съ которыми надѣется придти къ соглашенію; а, сверхъ того, съ крестьянами потому избѣгаетъ сноситься лично, чтобъ напрасно не раздражать ихъ отказами и вообще избѣгаетъ недоразумѣній.

«Ахъ, Боже мой! Совсѣмъ, совсѣмъ убѣдилъ онъ меня въ своей правотѣ, а какъ вспомню, что мужики сидятъ безъ земли и закабалились Шашлову, все существо мое бунтуется... Отчего это?»

Спустя мѣсяцъ:

«Яковъ Ильичъ уѣхалъ въ Москву, а оттуда, кажется, къ Верещагину и еще въ Смоленскую губернію къ какому-то скотоводу. Выхлопоталъ разрѣшеніе устроить ссудо-сберегательное товарищество; оно будетъ помѣщаться во флигельѣ Капитона Аверьяныча. Не правда ли, какъ это хорошо со стороны Якова Ильича?»

Затѣмъ до февраля Вѣруся описывала свои школьныя дѣла, наблюденія надъ дѣтьми, разговоры съ бабами и ни разу не упомянула имени Переверзева. Последняя же страничка была такого содержания:

«О, другъ мой! пожалѣйте меня... Такая я стала слабая, расшатанная, такая малодушная... И чего недостаетъ мнѣ, спросите? Здоровья дѣвать некуда: даже совѣстно въ зеркало смотрѣться... Съ ребятами лажу. Деревня? Помогаю чѣмъ могу... Зимой были большіе заработки: рубили и возили лѣсъ, со станціи тоже былъ извозъ,—пока отлегло и нужды особенной нѣтъ... А, между тѣмъ, такъ взвинчены нервы, такъ временами хочется плакать... Ахъ, уйти бы на край свѣта!... Дни ужь очень похожи одинъ на другой, жизнь сѣренькая!... А тутъ потянуло теплою, солнце яркое свѣтитъ, даль манить, съ крышъ каплетъ... Ну, что я за дурной человѣкъ, посудите, пожалуйста!... Когда мы увидимся? Отчего пишете такъ рѣдко? Какъ мнѣ хочется познакомиться съ вашимъ Ильею Финогенычемъ... Вспоминаете ли вы меня? Я васъ часто, слишкомъ часто вспоминаю...

«На каникулы непременно вырвусь къ вамъ. Вѣдь, увидимся же? Вѣдь, переговоримъ же? Ахъ, какъ много нужно сказать, чего не упишешь и не напишешь!... Старосты Ивлия, конечно, давно нѣтъ. Конный заводъ думаютъ продать; кажется, его торгуетъ какой-то купецъ Мальчиковъ. Ходоки въ Петербургъ ѣздили и, разумѣется, воротились ни съ чѣмъ: Юрій Константинычъ пригрозилъ отправить ихъ въ полицію... Ну, кажется, отвѣтила на всѣ ваши вопросы.

«Вотъ вышло какое письмо, цѣлая стопа! Все почему-то не рѣшалась отсылать... Иногда мнѣ казалось, что вы такъ отошли отъ Гарденина, такъ прилѣпились къ инымъ интересамъ, такъ далеки тѣ времена, когда мы читали вмѣстѣ и слушали вьюгу—помните?... Мнѣ жаль того времени... А вамъ?... Ну, все равно, читайте, отвѣчайте, буду ждать.

«А вы слышали о Ефремѣ Капитонычѣ и Лизаветѣ Константиновнѣ? Яковъ Ильичъ, какъ дважды-два, доказалъ мнѣ, до чего навивны и вредны эти фантазіи. Пожалуй, онъ и правъ, но опять все существо мое бунтуетъ противъ его аргументовъ. Что же это за мучительный человѣкъ со всѣми его цитатами, ссылками на Европу, ученостью и благоразуміемъ!... Ну, да посмотримъ, кто кого...

«Вотъ и обмолвилась глупымъ словомъ. Не думайте обо мнѣ худо, дорогой Николай Мартинычъ,—я просто неопытная, невѣжественная дѣвушка, которая, вдобавокъ, блажить и которой очень, очень нужно дружеское, искреннее, горячее участіе».

А. Эртель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАДЪ ПРОПАСТЬЮ.

Поэма Лян Гаао.

I.

Робертъ Локонтъ началъ на лѣтний сезонъ замокъ Суанъ да-Гуссъ въ Дофинъ. На вершинѣ утеса, возвышавшаяся надъ деревней и долиной, стояла старинная крѣпость, ибѣстали значительно поврежденная; ея ровными башнями и зубчатыми стѣнами причудливо выдѣлялись на небо; вокругъ стѣны густо разрослись дубы, дикій торфъ и мажорельникъ, составляя какъ бы неравную ограду изъ таинной зелени.

Внутри крѣпости, защищенный отъ вѣтра, возвышался величественный замокъ, меншого вѣхѣи снаружи, но удобной для жилья, просторный, свѣтлый, съ отличными панелями, крѣпкими дубовыми полами.

Минувая ворота между двумя круглыми башнями и пройдя молчаливый дворъ, вступаемъ въ большую залу; въ нее выходятъ все вышаты книжныя шкафы и громадная терраса, подъ которой раскинулось садъ, уступами спускавшися по крутому откосу горы.

Отсюда взглядъ свободно уносится въ даль. Круглая ибѣль горъ закрываетъ горизонтъ: на востокѣ сливаются темные, глубоко изрытые дождями Альпы, на западѣ дикіе Сехемъ съ обильною растительностью и высокими остроконечными горами, съ которыхъ падаютъ кое-гдѣ ибѣжающія водопады. Направо и лѣво горы какъ будто сходятся, слегка загибаясь; внизу между зелеными островами протекають серебряныя воды широкой, быстрой Ромы.

А ближе, за долами, скучившимися у подножия замка и вдали въ прижимавшихся другъ къ другу свои красныя кровли изъ римской черепицы, гонгугоя желтѣюща я нѣкъ и зеленеющія роши, изъ пересѣкають долины, поросшія по краямъ кустами ибѣлыми, ромаш-

рипа, лавенды и шалфея, окаймленные колючими заборами, через которые весело выглядывают пурпуровые цветы гранатовых яблонь.

Вечеромъ, когда земля засыпаетъ, легкій вѣтерокъ доносить сюда бальзамическій запахъ растений, ихъ горьковатый и крѣпительный аромать.

Послѣ полудня, проведеннаго въ Сузѣ, на чудесной террасѣ, куда случайно завела его судьба, Робертъ Лекомтъ рѣшилъ нанять этотъ замокъ, стоявшій мѣсяць пустымъ.

Домашній докторъ, спрошенный, куда лучше отправить на лѣто для здоровья жену и двухъ маленькихъ дѣтей, отвѣтилъ:

— Ни на море, ни въ горы. Тихая, немного дикая мѣстность, чистый воздухъ—вотъ что нужно. Ни слишкомъ много юда, ни избытка кислорода,—вамъ не надо ни того, ни другаго. Поѣзжайте въ какой-нибудь уголокъ Дофине; тамъ есть еще такіе, гдѣ не ступала нога царянина.

Г-жа Лекомтъ нашла, по разсказамъ мужа, Сузу вполне соответствующею этой программѣ и они переселились въ Сузѣ.

Въ нѣсколько дней молодая женщина преобразила старинное жилище. Большая зала, пустая и строгая, превратилась въ изящную гостиную, выбѣленные стѣны закрылись тканями съ крупными цвѣтами, видами Генуи, странными рогами, принадлежащими фантастическимъ животнымъ; низкія кресла, бамбуковыя качалки, восточные ковры, вазы съ огромными снопами полевыхъ цвѣтовъ пополнили убранство комнаты; большой рояль, накрытый палевымъ мехомъ съ вышитыми шелкомъ арабесками, занялъ въ ней видное мѣсто.

Садовникъ, прибывшій изъ Парижа за недѣлю до переѣзда господъ, разбилъ передъ террасой цвѣтникъ изъ левкоевъ, пеларгоній, бегоній, резеды, сочетанія которыхъ раскинули передъ глазами новыхъ владѣльцевъ Сузы, когда они облокачивались на рѣшетку террасы, какъ бы ткань причудливыхъ рисунковъ съ мягкими тѣнями. Остальные части замка были предметомъ такой же заботливости; въ службахъ были устроены кучерскія, конюшни, сарай, гдѣ помѣщались шесть лошадей и пять экипажей.

Вся роскошь, весь комфортъ, которые можетъ дать огромное состояніе, щедро и умно употребленное, были соединены здѣсь на эти три мѣсяца лѣтняго пребыванія въ замкѣ. Въ Сузѣ свободно можно было принять человѣкъ пятнадцать гостей. И этотъ уединенный уголокъ провинціи увидѣлъ немного оживленія, немного лихорадочной и дѣятельной жизни, которая приносятъ съ собой всюду, гдѣ

появляется, праздничный парижанинъ; въ действительности же самое завитокъ и подвижное существо, какое только есть на свѣтѣ.

И.

Льетъ дождь. Сѣроватый туманъ заволакиваетъ зубчатый силуэтъ Сузонаго замка; дождь будетъ лить, вѣроятно, весь день, можетъ быть, всю ночь. Тѣмъ не менѣе, прибывшіе изъ города мастеравые работаютъ даже подъ проливнымъ дождемъ во дворѣ, на террасѣ, вездѣ; они устраниваютъ маршису у главнаго подъѣзда, чтобы защитить подъѣзжающіе экипажи, строятъ палатки и эстраду изъ досокъ на террасѣ, дѣлаютъ арку изъ зелени у входа въ садъ.

Парижане задумали устроить на завтра сельскій праздникъ съ танцами на открытомъ воздухѣ, представленіями, играми, на который разослали приглашенія отъ Лиона до Марсея и по всей округѣ. Въ Сузѣ ла-Руссъ уже двѣ недѣли занимаются устройствомъ этого праздника; всѣ распредѣлили себѣ роли; горничная шила костюмы; прибывшіе раньше гости отправлялись въ Авиньонъ, Валежсъ, даже въ Э, чтобы достать себѣ костюмы напрокатъ. Все приготовлено, чтобы завтрашній день удался на славу; недостаетъ только солнца, упорно прячущагося два дня за облаками.

Робертъ Лекомтъ, растянувшись на качалкѣ съ сигарой во рту, смотрѣлъ впередъ, ничего не видя; его мысли были далеко. Рядомъ съ нимъ его другъ Рене Сорель рисовалъ за маленькимъ столикомъ: онъ кончалъ рисунокъ для украшенія залы, гдѣ завтра предполагались танцы по окончаніи увеселеній на открытомъ воздухѣ. Изрѣдка онъ поднималъ глаза, взглядывалъ на хозяина, все еще мечтавшаго, намѣреваясь, повидимому, спросить его, потомъ принимался опять за дѣло, не произнеся ни слова.

Молодая женщина тихо ходила по залѣ, въ которой одвинутая съ мѣста мебель разставлялась по-новому. Рене Сорель еще чаще слѣдилъ украдкой глазами за ней, чѣмъ взглядывалъ на друга. Она повернулась и позвала пріятнымъ голосомъ:

— Робертъ?

— Дорисъ?—прошепталъ хозяинъ дома, отвѣчая точно въ дремотѣ.

— Вуда вы хотите поставить рояль?

— Вуда хотите, мой другъ; я въ этомъ ничего не понимаю.

Молодая женщина слегка улыбнулась.

— Благодарю за совѣтъ. Не правда ли, месье Сорель, Робертъ намъ очень много помогаетъ?

И, не дожидаясь отвѣта, она направилась къ двери, куда ее вызвалъ рабочій, чтобы спросить о чемъ-то. У Рене голова закружилась, когда она подошла къ нему, когда заговорила съ нимъ. Ея большіе черные глаза, глубокіе и бархатистые, на минуту устремленные на него, ея блѣдное лицо, окаймленное чудными волосами, сильно взволновали его. Онъ также замечтался, любуясь изящнымъ силуэтомъ Дорисъ, выдѣляющимся въ дверной рамкѣ на туманномъ фонѣ неба.

Вдругъ на лѣстницѣ раздался смѣющийся голосъ, дверь съ шумомъ распахнулась и въ ней появилась молодая женщина съ растрепавшимися волосами.

— Гдѣ Дорисъ, Дорисъ?

Она пробѣжала на террасу, не обращая вниманія на дождь.

При видѣ ея, Робертъ быстро вскочилъ съ мѣста. Но она уже исчезла, какъ и Дорисъ, которую она, вѣроятно, отыскала.

— Ну, вотъ, — насмѣшливо замѣтилъ Рене другу, — ты наэлектризованъ. Для такого чуда достаточно было появленія неотраженной Норы.

Робертъ сдвинулъ брови.

— Зачѣмъ называешь ты ее Норой, когда ты говоришь о г-жѣ Десторенъ? Этотъ тонъ мнѣ не нравится.

— Ты знаешь, какъ плохо я воспитанъ; я высказываю всегда, иногда даже грубо, то, что мнѣ не по душѣ. А мнѣ не по душѣ присутствіе здѣсь, около твоей жены, этой... какъ бы сказать?... положимъ, этой очаровательницы, чтобы не оскорблять тебя.

— Ея добродѣтель безупречна.

— Безупречна! Это надо принимать на вѣру.

— Рене!

— Извини! Продолжай!

— Дорисъ и Нора Десторенъ воспитывались въ одномъ пансіонѣ и по простествіи шести лѣтъ моя жена встрѣтила ее въ Діенпль, въ лучшемъ обществѣ; жена пригласила ее въ Сузу и никто не удивился этому.

— Въ шесть лѣтъ утекло много воды и, кромѣ того, теперь ничѣмъ не удивишь.

— Опять намеки!

— Никакихъ намековъ! Ты знаешь, я двадцать разъ говорилъ тебѣ, что Нора Десторенъ никогда не была замужемъ. Ее зовутъ Нора Нель; она побочная дочь графа д'Есторенъ, давшего ей великолѣпное воспитаніе, порядочное состояніе, но забывшаго передъ смертью признать ее своею законною дочерью. Тогда она, не долго-

думая, признала себя сама и, вернувшись въ парижскій свѣтъ, послѣ многочисленныхъ приключеній, назвалась госпожею Десторенъ или д'Есторенъ, съ частицею или безъ нея.

— Затѣмъ?

— Затѣмъ? Богъ мой, да ничего! Она хороша, очаровательна, благородный иностранецъ сдѣлалъ ее богатой, желая, чтобы она была независима; безусловно чистая женщина, твоя жена удостоиваетъ ее своей дружбы, ты ее любишь, чего же больше?

— Я?!...

— Ты ее любишь! Это ясно. Когда твоя жена говорила сейчасъ съ тобою, ты продолжалъ сладко дремать; когда явилась Нора, ты вскочилъ. Мой бѣдный другъ, я съ нѣкоторыхъ поръ слѣжу за тобою и знаю тебя наизусть. Ты слишкомъ счастливъ; твоя жена слишкомъ хороша, слишкомъ любить тебя и вѣрить тебѣ. И счастье надоѣло тебѣ. Для тебя наступилъ критическій моментъ, когда ты просто наглупишь, если тебѣ не крикнуть: берегись!

— «Да, счастье надоѣло, а Тибергъ наскучилъ», — пѣлъ Робертъ, пародируя стихъ Мюссэ.— Убирайся ты... съ своими проповѣдями!

— Выслушай меня, Робертъ. Я прошу тебя. Я отлично вижу, что Нора хочетъ смутить твою душу. Она завидуетъ твоей женѣ, завидуетъ ея спокойной жизни, ея чистой любви. Она знаетъ, что не такъ хороша, какъ твоя жена, но также знаетъ, какъ силенъ порокъ. Взглянулъ ли ты хоть разъ на твою жену съ тѣхъ поръ, какъ ты въ Сузѣ; видѣлъ ли ты, какимъ счастьемъ сіяетъ ея лицо, какою нѣжностью свѣтится ея взоръ; думалъ ли ты о сокровищахъ красоты, доброты, граціи и ума, которыми ты пренебрегаешь?

— Сколько жару! Ужь не влюбленъ ли ты въ мою жену?

Положивъ руку на плечо друга и смотря ему прямо въ глаза, Рене отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Ну, да, я люблю ее! Я честно говорю тебѣ это: я уважаю, жалѣю, восхищаюсь, люблю ее!

— Чудакъ!

Нора и Дорисъ вернулись вмѣстѣ. Съ минуту мужчины смотрѣли другъ на друга: Рене — серьезный, Робертъ — съ насмѣшливою улыбкой на губахъ. Раздался второй звонокъ къ завтраку; зала наполнилась гостями. Большія двери столовой распахнулись настезь.

III.

Слова, рѣшительно произнесенныя Рене Сорелемъ и такъ легко принятыя Робертомъ Лекомтъ, не были ни испытаніемъ, ни по-

хвалой: они были урокомъ. Рене, наивный и откровенный до грубости, «дурно воспитанный», какъ выразился онъ самъ, уже съ годъ чувствовалъ къ Дорисъ одну изъ тѣхъ разумныхъ страстей, которыя могутъ наполнять собою все существованіе мужчины. Другъ дѣтства Роберта, Рене потерялъ его изъ вида на нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ за границею, въ продолженіе которыхъ онъ рѣдко появлялся во Франціи. Вернувшись, наконецъ, въ Парижъ, онъ встрѣтилъ Роберта; ласково принятый въ его домъ, онъ не замедлилъ испытать на себѣ очарованіе, которое производила на всѣхъ своимъ характеромъ, умомъ и красотою Дорисъ. Благоговѣя передъ своимъ кумиромъ, онъ обожалъ ее молча, счастливый сознаниемъ, что она счастлива, довольный возможностью жить въ лучахъ ея счастья, привыкая къ этой будто бы братской нѣжности, которую она, по видимому, угадывала и понимала.

Но вдругъ Нора Десторенъ ворвалась въ это созерцательное существованіе, нарушила это безмятежное счастье. Рене чувствовалъ, что его другъ понемногу увлекается Норой; онъ предвидѣлъ для Дорисъ жизнь, полную сомнѣній, разочарованій и мученій. Въ благородномъ порывѣ, не лишенномъ, — онъ самъ признавалъ это, — сантиментальнаго донъ-кихотства, онъ рѣшилъ охранять миръ семейнаго очага Дорисъ и, при первомъ неясномъ признаніи, при первомъ доказательствѣ слабости Роберта, прямо сказать ему, какой просторъ даетъ онъ ухаживаніямъ, пренебрегая сокровищемъ, счастливо выпавшимъ на его долю.

И поэтому Рене крикнулъ: «я люблю ее!» ожидая, что мужъ возстанетъ, возмутится. Онъ услышалъ только насмѣшливое восклицаніе. Робертъ не повѣрилъ такой искренности.

Кромѣ того, Рене зналъ Нору и, надо сказать правду, не олеветалъ ея. Если бы онъ былъ менѣ сдержанъ, онъ могъ бы рассказать много подробностей объ образѣ жизни молодой женщины. Пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, во время непродолжительнаго пребыванія въ Диеппѣ между двумя поѣздками на Востокъ, онъ встрѣтилъ Нору. Рене сильно ухаживалъ за молодою дѣвушкой, но не любилъ ее. Она нравилась ему, притягивала его къ себѣ своею чарующею красотою и ловкимъ кокетствомъ, рассчитывая, очевидно, женить на себѣ этого юношу, богатаго, какъ она знала, простаго, честнаго, восторженнаго, какъ она чувствовала. Понявъ ея маневры, онъ ускользнулъ отъ нея въ ту минуту, когда положеніе должно было принять рѣшительный оборотъ. Онъ уѣхалъ и совершенно забылъ о существованіи этой соблазнительной женщины, когда неожиданно встрѣтилъ ее торжествующею въ Сузѣ ла-

Русь, пользующеюся горячею дружбою Дорисъ и терзающею сердце Роберта. Имъ овладѣло тяжелое чувство при мысли, что идеальнo-чистая, честная Дорисъ соприкасается съ этою Норой, представляющей, по его мнѣнiю, типъ самаго утонченнаго разврата, самой очаровательной и самой обманчивой негодности; но Рене не удивило ни довѣрие, оказываемое здѣсь Норѣ, ни ослѣпленiе ея пансіонской подруги. Онъ находилъ естественнымъ, что Дорисъ не поняла, что никакой истиннѣе не подсказалъ ей, какое разстоянiе, какая пропасть отдѣляетъ ее отъ Нору, и что хотя наружно онѣ и принадлежать къ одному обществу, на самомъ же дѣлѣ нравственно онѣ совершенно чужды другъ другу. Онъ не пропустилъ удобнаго случая предостеречь Роберта отъ увлеченiя, грозившаго роковыми послѣдствiями для спокойствiя Дорисъ.

Молодая женщина еще спокойно, яено смотрѣла на жизнь, не подозрѣвая даже возможности измѣны. Она любила Нору за ея немного дикую грацію, за острый умъ и оригинальность; она не видѣла въ ней ни напускнаго кокетства, ни желанiя прельщать; живая натура подруги нравилась ей, какъ противоположность ея собственной, глубоко любящей, страстной и, въ то же время, сдержанной. Нора была ея «милою сумасбродкой»: она отъ души смѣялась надъ выходками, предѣлываемыми Норой съ толпой поклонниковъ, неотступно преслѣдовавшихъ ее въ Сузѣ, какъ и вездѣ.

Платя наружно за эту любовь такую же любовью, можетъ быть, слишкомъ громко выражаемою, Нора въ душѣ была смертельнымъ врагомъ Дорисъ. Съ рыжими волосами, блестящими глазами, дѣлающими иногда темными, какъ пропасть, со взглядомъ измѣнчивымъ, какъ море, яркими губами вакханки, гордою осанкой и изящнымъ профилемъ герцогини, — странное смѣшенiе неприступной гордости и сладострастной граціи, — Нора была замѣчательно хороша и еще молоденькою дѣвушкой возбуждала страстные желанiя мужчинъ, случайно видѣвшихъ ее въ приемной пансіона, гдѣ она воспитывалась вмѣстѣ съ Дорисъ. Они уходили, мечтая о ней, какъ объ очаровательной любовницѣ; какъ жена, она казалась имъ опасной.

Одна за другой вышли замужъ всѣ ея подруги, и ни одинъ честный взглядъ мужчины не остановился на ней. Дорисъ послѣдняя покинула ее; ей она завидовала больше всѣхъ, такъ какъ Дорисъ, не имѣя состоянiя, съ первой минуты возбудила въ Робертѣ глубокую взаимную любовь, освещенную блестящимъ счастливымъ супружествомъ.

Почему предпочли ей Дорисъ? Почему мужчины пренебрегаютъ ею? Она вышла изъ пансіона ожесточенной, вооруженной противъ

этого общества, казавшагося ей также возстановленнымъ противъ нея. Она вступила въ него завоевательницей, не думая о средствахъ, желая быть тѣмъ, чѣмъ она стала, чѣмъ ее сдѣлала ея темпераментъ, покорительницей сердець, очаровательницей мужчинъ, не теряя, впрочемъ, благопристойности, такъ какъ скандалъ закрылъ бы передъ ней открытыя ей теперь двери свѣта.

Менѣе симпатичная и менѣе изящная, чѣмъ Дорись, Нора обладала красотой «болѣе эффектной». Того, кто проходилъ мимо госпожи Леконтъ, не замѣтивъ ее сразу, властно притягивала къ себѣ Нора Десторенъ. Въ обществѣ она «бросалась въ глаза», какъ сиблю выразился когда-то виконтъ Гаспаръ де-Понтенакъ, стоящій всегда во главѣ измѣнчиваго полка ея поклонниковъ.

Завидуя Дорись еще болѣе, чѣмъ въ день свадьбы, завидуя ея спокойствію, ея счастью, красотѣ, Нора испытывала злую радость, говоря, что по своему капризу однимъ словомъ она съумѣетъ разрушить этотъ покой, это счастье, основанное на шестилѣтнемъ безмятежномъ союзѣ. Конечно, Нора не любила Роберта; онъ не былъ ей антипатиченъ, — вотъ и все. Робертъ былъ къ ней предупредителенъ, внимателенъ, но она чувствовала, что онъ въ ея власти; пока ей было достаточно этого сознанія; она еще не рѣшила сказать ему то слово, которое повергнетъ его къ ея ногамъ. За Рене Сорелемъ она слѣдила иногда мрачнымъ, полнымъ, повидимому, ненависти взглядомъ.

IV.

На разсвѣтѣ дождь прекратился; солнце весело освѣщало приготовленные для праздника шесты, пестрыя палатки и обитую зеленью астраду, гдѣ должны были помѣститься музыканты; приятный запахъ сырой зелени наполнялъ воздухъ; въ залѣ тоже все было приготовлено къ вечеру; хозяева могли всецѣло посвятить себя приему гостей, начавшемуся съ полудня.

Въ деревню было послано приглашеніе крестьянамъ явиться на праздникъ въ замокъ, гдѣ будетъ балъ, спектакль, разнообразныя игры и томбола. Съ двѣнадцати часовъ начали собираться болѣе нетерпѣливые, составляя на громадной террасѣ нерѣшительную группу, немного растерянную и испуганную, бродящую вдоль пустыхъ еще палатокъ и останавливающуюся передъ астрадой; черезъ полчаса эта группа превратилась въ толпу.

Съ главной башни замока раздался выстрѣлъ и клубы бѣлаго дыма взлетѣли къ голубымъ небесамъ. Съ громкими криками радости всѣ подняли головы вверхъ и увидали стараго привратника Су-

зы ла-Руссъ, вновь заряжающаго маленькую пушку, много лѣтъ протягивавшую къ долинь черезъ амбразуру свое жерло. Черезъ каждыя десять минутъ раздавались пушечныя выстрѣлы, наполнявшіе воздухъ запахомъ пороха. Явились музыканты и въ строгомъ порядкѣ прошли черезъ толпу, играя старинный королевскій маршъ, также популярный въ нижнемъ Дофине, какъ и въ Комте. Гости изъ замка перешли на террасу, дамы расположились въ цалаткахъ, мужчины болтали на эстрадахъ и крестьяне изумленно смотрѣли на всѣхъ этихъ господъ, «совсѣмъ не гордыхъ», старающихся доставить имъ развлеченіе.

Черезъ часъ праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ. Нора ходила въ толпѣ подъ руку съ Робертомъ, веселая, смѣющаяся, отдѣляясь отъ докучливыхъ поклонниковъ, просто и фамиллярно обращаясь съ крестьянами, раздавая ребятишкамъ лакомства, одѣлая стариковъ деньгами, давая безъ счету, истощая кошелекъ перваго попавшагося, чтобы наполнить свой и раздать, опять раздать всѣмъ этимъ жадно протянутымъ рукамъ. Казалось, что она настоящая владѣтельница замка. Ея шутливая щедрость обращала на себя вниманіе такъ же, какъ и ея красота. Дорисъ въ это время медленно переходила отъ одной группы къ другой; изъ большой сумки, висящей на поясѣ, она тоже черпала безъ устали; но она знала, кому должна отрываться ея рука; она подходила къ знакомымъ лицамъ, незамѣтно дѣлала имъ знакъ, скромно подавала свою милостыню, сопровождая подарокъ ласковою улыбкой, и проходила дальше, продолжая съ своимъ кавалеромъ Рене Сорелемъ начатый разговоръ. Онъ говорилъ ей обо всемъ: о прелести дня, о радости этого свободнаго и непринужденнаго существованія на лонѣ природы, о бостюмахъ, типахъ, замѣченныхъ имъ въ толпѣ; передавалъ свои впечатлѣнія, воспоминанія изъ далекихъ путешествій; говорилъ ей, главнымъ образомъ, для того, чтобы спрашивать ее. Когда она отвѣчала своимъ глубоко проникающимъ въ душу и мелодичнымъ голосомъ, высказывая съ замѣчательною вѣрностью и восхитительною простотой то, что ей диктовалъ ея свѣтлый умъ или умиленное сердце, Рене закрывалъ глаза, чтобы лучше слышать музыку этого голоса. Въ эту минуту онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ; это ощущеніе продолжалось до той минуты, пока въ его ухахъ не раздавался рѣзкій хохотъ Норы, часто встрѣчающейся съ ними въ толпѣ.

Этотъ хохотъ неприятно дѣйствовалъ на него, какъ оскорбленіе; ему казалось, что Нора Десторень насквозь читаетъ его мысли и насмѣхается надъ его благоговѣйною любовью.

— Милое дитя, — сказала Дорисъ въ одну изъ такихъ встрѣчъ, — я люблюсь тобою. «Веселье и свѣтъ» — вотъ какой девизъ тебѣ слѣдовало бы взять.

Одобрительный ропотъ послѣдовалъ за этими словами; сопровождавшая Нору толпа обожателей окружила обѣихъ женщинъ. На первомъ мѣстѣ фигурировали виконтъ Гаспаръ де-Понтенагъ и странная личность, по имени Аристидъ Фрилу, прозванный Норой, въ веселую минуту, забкимъ кроликомъ. Онъ былъ археологомъ, котораго изслѣдованія прошлаго не сдѣлали нечувствительнымъ къ соблазнамъ настоящаго. Но никогда пылкое сердце влюбленнаго не билось подъ такою обманчивою оболочкой. Торчащія уши, глаза альбиноса съ длинными рѣсницами, жидкіе, прилизанные къ головѣ волосы, тонкія губы, сложенные почти всегда одна на другую руки, постоянно передергиваемыя точно отъ холода плечи, — все было таково, чтобы вызвать насмѣшливое прозвище, сорвавшееся при первомъ взглядѣ съ губъ Норы и втихомолку съ усмѣшкой повторяемое остальными. Гаспаръ де-Понтенагъ, длинный верзилка, также не избѣжалъ насмѣшекъ г-жи Десторенъ; но онъ, говорила Нора, не такъ характеренъ, какъ Кроликъ, и не представляетъ, подобно ему, одного изъ самыхъ любопытныхъ противорѣчій природы. Также мало, какъ на виконта, она обращала вниманія и на молодаго краснѣющаго Гиацинта Бертье, помощника сборщика податей, и на храбраго Гектора Турналя, драгуна въ шестимѣсячномъ отпуску, слѣдовавшихъ за нею, какъ тѣни.

Разговоръ сдѣлался на минуту общимъ.

— Восхитительный праздникъ!... Народъ, повидимому, отъ души веселится!... — сказалъ виконтъ, любившій восклицанія такия же тяжеловѣсныя, какъ и вся его особа.

— А вечеромъ мы будемъ веселиться! — замѣтилъ Кроликъ, предвкушая удовольствіе и обнимая однимъ взглядомъ Нору и Дорисъ. — Не будетъ съ моей стороны нескромностью, mesdames, если я спрошу, въ какихъ костюмахъ мы васъ увидимъ?.

— Нѣтъ никакой нескромности, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи меня. Вы увидите меня сегодня вечеромъ арлезіанкой, — сказала Дорисъ.

— Для этого костюма необходимъ этотъ замѣчательный типъ, эта царственная красота, которая... — сказалъ археологъ. — Бъ счастью, — продолжалъ онъ съ краснорѣчивымъ жестомъ, поднявъ глаза на Дорисъ, — этотъ костюмъ избрали вы...

Подъ тяжестью этого комплимента Дорисъ не поморщилась даже; съ улыбкой и слегка насмѣшливымъ тономъ она спросила:

— А вы, мосье Фрилу, при какой метаморфозѣ заставите насъ присутствовать?

— Я нашель у одного авиньонскаго мельника старинный костюмъ, почти новый, весь сѣрый, свѣтло-сѣрый, и чулки, и панталоны, и жилетъ, и вафтанъ,—вы увидите.

— Настоящій кроликъ,—шепнула Нора на ухо Роберту.

Аристидъ Фрилу обернулся къ ней съ очевиднымъ намѣреніемъ спросить ее о костюмѣ.

— О, меня не спрашивайте, въ чемъ я буду,—поспѣшила она сказать.—Мой костюмъ безъ названія, очень незатѣливый... только чтобы быть одѣтой.

— И чѣмъ меньше одѣтой, тѣмъ лучше,—шепнулъ восхищенный драгунскій офицеръ на ухо помощнику сборщика податей, сжимая ему руки до боли.—Чѣмъ меньше, тѣмъ лучше! Что за плечи, что за бюстъ! Руки-то каковы!... Чортъ мою душу возьми, за такую женщину и въ адъ попасть не страшно!

— Да,—томно отвѣтилъ молодой человекъ,—она поразительна, особливо на балѣ, держать себя такъ свободно, что, кажется, съ нею все возможно. А попробуй что-нибудь лишнее, такъ однимъ взглядомъ живо осадить. Я думаю, что явись она совсѣмъ безъ всякаго костюма, какъ Венера Медичейская, такъ и тогда никто ничего себѣ не позволитъ, стоить ей только посмотреть по-своему. Необыкновенно это странно. Я по этому поводу написалъ даже сонетъ...

— Отъ сонета вы меня увольте, мой милѣйшій,—быстро проговорилъ Гекторъ Турналь и бросился слѣдомъ на Норой, опять вмѣшавшейся въ толпу.

У.

Дни были короткіе. Въ восемь часовъ уже былъ пущенъ фейерверкъ, заканчивавшій празднество на открытомъ воздухѣ, въ то время, какъ парижане торопились отобѣдать, чтобы успѣть къ приему послѣднихъ гостей изъ провинціи, ожидаемыхъ только къ балу. Снова пошелъ дождь, но такой небольшой, что только прибилъ ниль, поднятую ногами крестьянъ. Одна за другой загорались звѣзды; влажный воздухъ, снова наполненный свѣжимъ ароматомъ, врывался въ открытыя окна гостиныхъ и залы. Прїѣздъ начался черезъ часъ; толпа разноцвѣтныхъ костюмовъ быстро наполнила залу.

Робертъ и Дорисъ принимали гостей: онъ—въ костюмѣ комаргскаго пастуха, она—одѣтая арлезіанкой, съ гладко заложенными

на лбу волосами, подъ бархатною повязкой, приволотою золотыми шпильками, въ длинныхъ серьгахъ и съ крестомъ, висящимъ на груди на черной лентѣ, ярче выставившей бѣлизну ея нѣжной кожи. Шелковый лифъ слегка скрипѣлъ при каждомъ движеніи ея тѣла, а вышитая по-старинному, довольно короткая юбка позволяла видѣть серебряныя пряжки ея красныхъ туфель и ея изящную ногу. Счастливая, она опиралась на руку Роберта, восхищаясь имъ, разговаривая съ нимъ нѣжнымъ голосомъ между привѣтствіемъ и улыбкой, обращенными къ какому-нибудь новому гостю. Рене Сорель издали любовался ими. Видъ Дорисъ приводилъ его въ восторгъ. Онъ чувствовалъ въ эту минуту, что она исполнена вѣры въ свое счастье; онъ видѣлъ, какъ Робертъ наклонялся къ ней съ улыбкой на губахъ. Странная любовь Рене, состоявшая изъ самоотверженности и покровительства, находила удовольствіе при мысли, что вліяніе Норы бессильно будетъ противъ счастья этой четы, представлявшей для него до сихъ поръ типъ идеальнаго супружества.

Нора, между тѣмъ, не появлялась. Этому удивлялись всѣ, и удивлялись бы еще больше, если бы приходъ Аристиды Фрилу не отвлекъ на минуту вниманіе. Зябкій Броликъ, какъ онъ уже раньше объявилъ, былъ одѣтъ съ головы до ногъ въ сѣрое; костюмъ былъ слишкомъ широкъ для него и онъ положилъ въ него ваты. Въ такомъ видѣ, весь кругленькій, съ сложенными, по обыкновенію, на животикѣ руками, появился онъ въ гостиной. Раздался взрывъ хохота, заглушенный криками браво.

— Настоящій кроликъ, какъ мѣтко замѣтила Нора! — шепнула Дорисъ на ухо мужу, очень серьезно принявъ археолога.

Когда волненіе, произведенное комическою фигурой Аристиды Фрилу, немного улеглось, возобновилось безпокойство объ отсутствіи Норы. Ея поклонники были въ отчаяніи. Наконецъ, виконтъ де-Понтенакъ рѣшился спросить госпожу Левомъ, кончившую пріемъ и занявшую мѣсто въ центрѣ залы.

— Мадамъ Десторенъ нездорова?

— Нѣтъ. Она очень поздно пошла одѣваться; она сейчасъ придетъ.

— Она сейчасъ придетъ! — повторили, какъ эхо, поклонники, получившіе это свѣдѣніе отъ виконта.

— Цирцея приготовляетъ свои чары, — вставилъ Зябкій Броликъ, протолкавшійся въ центръ группы.

— Въ Парижѣ, мосье Фрилу, — замѣтилъ Рене мимоходомъ, — мы сказали бы, что она готовится эффектный выходъ.

Въ ту же минуту Рене почувствовалъ, что его слегка ударила

полуотворенная дверь, чья-то рука опустилась на его руку и насмѣшливый голосъ произнесъ:

— Вы правы, мосье Сорель. И неожиданный, къ тому же, выходя, какъ вы видите.

Это была Нора. Она прошла черезъ боговую дверь, чтобы сразу очутиться въ центрѣ бала.

— Идемте, — продолжала она, увлекая Рене къ тому мѣсту, гдѣ находилась Дорисъ въ кругу дамъ.

При видѣ Норы, приближающейся подъ руку съ Рене, который съ застывшимъ лицомъ велъ ее, или, вѣрнѣе, позволялъ вести себя, общество заволновалось; дамы шептали, нагибаясь другъ къ другу съ растерянными физиономіями; мужчины начали толкаться, чтобы лучше видѣть; въ продолженіе одной минуты въ этомъ обществѣ, состоящемъ изъ парижанъ, ничѣмъ не смущающихся, и провинціаловъ, готовыхъ легко скандализироваться, стоялъ перекрестный огонь восклицаній и замѣчаній, въ которыхъ восторгъ боролся съ оскорбленною скромностью.

— Бакое шикъ! Восхитительна! Неотразима!

— Бакое безстыдство! Такъ не одѣваются...

— Одѣваются? Да она же раздѣта, въ одной рубашкѣ... Она, просто, голая!...

— Туръ вальса съ нею... какое упоеніе, капитанъ!

— Какъ можетъ мадамъ Леконтъ принимать подобную особу!

— Музыка начинается, я приглашу ее.

— Послѣ меня, пожалуйста, молодой человекъ.

— Это отвратительно! Я готова уѣхать.

Нора улыбалась, толкуя по-своему этотъ увеличивающійся шепотъ, нисколько не смущаясь всѣми устремленными на нее, восхищенными, негодующими взорами. На ней была надѣта собранная у талии красная кашемировая юбка, такая короткая, что видны были тонкіе чулки и деревянные башмаки; эти грубые башмаки были надѣты сверхъ агласныхъ туфель тѣлеснаго цвѣта, плотно облегавшихъ ее стройную ногу, казавшуюся голой, когда она снимала башмаки. Остальная часть костюма состояла изъ простой рубашки, стянутой на плечахъ шнурочкомъ; распущенные золотистые волосы лежали на молочной бѣлизны спиць; высокая соломенная шляпа легко сидѣла на головѣ; ни одной драгоценной вещи; тоненькій шнурочекъ изъ краснаго шелка съ висящимъ на немъ коралловымъ амулетомъ казался кровавою струйкой, текущею по ея бѣлоснѣжной груди.

Этотъ короткій и нескромный нарядъ пастушки, этотъ вызыва-

ющій беспорядокъ сопровождала загадочная улыбка очаровательницы, женщины, увѣренной въ своемъ могущество и презирающей людскіе толки; она высоко закинула голову, ея гордая улыбка, ясный взглядъ могли бы заставить, если бы она захотѣла, забыть странность ея костюма. Съ своимъ видомъ герцогини, она могла бы, какъ сказалъ помощникъ сборщика податей, пройти раздѣтой по бальной залѣ и никто не осмѣлился бы неуважительно отнестись къ ней.

Видя Нору, приближающуюся въ такомъ костюмѣ, слыша, угадывая волненіе публики, Дорисъ удивилась и почувствовала себя неловко; она въ первый разъ замѣтила въ Норѣ это пренебрежительное отношеніе къ приличіямъ провинціального общества, до крайности щепетильнаго, какъ она это знала. Тутъ было нѣсколько семействъ изъ Комте, людей, принадлежащихъ къ старинной магистратурѣ, очень чопорныхъ, которые должны были составить себѣ странное понятіе о Норѣ.

Кромѣ того, въ этотъ вечеръ она замѣчала въ лицѣ своей подруги выраженіе, котораго она никогда прежде не видала у ней, взоръ то холодный, то нѣжный, устремленный на Рене, лукавую улыбку, обращенную къ Роберту, что-то странное, выдающее тревоги чувствъ или ума, причины которыхъ Дорисъ не могла понять.

Хозяйка ничѣмъ не выдала быстро промелькнувшихъ въ ея головѣ впечатлѣній; дружескимъ движеніемъ надвинувъ на плечо Нору рукавъ рубашки, она, вмѣсто какого-либо замѣчанія, сказала только:

— Не озябнешь ты такъ, дорогая моя?

— Озябну! У меня есть предохранительное средство, ты увидишь.

И съ громкимъ смѣхомъ Нора поднялась, сбросила свои башмаки, схватила протянувшіяся къ ней руки Роберта и, полузакрывъ въ какомъ-то упоеніи глаза, увлекла его въ бурномъ вальсѣ, ударя на ходу своими длинными волосами по лицамъ другихъ паръ. Рене Сорель еще не могъ придти въ себя отъ изумленія, произведеннаго неожиданнымъ появленіемъ Нору, ея фамиллярнымъ восклицаніемъ и безцеремоннымъ обращеніемъ съ нимъ, послѣ того, какъ со времени ихъ встрѣчи въ Сузѣ ла-Руссъ она относилась къ нему очень сдержанно, даже холодно, какъ будто сердилась на него за то, что онъ принялъ тогда такое неожиданное для нея рѣшеніе.

Онъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами за Дорисъ, танцовавшей въ это время съ Гекторомъ Турналь, мысленно сравнивая ее, граціозную и скромную, съ Норой, кружащейся, какъ

пьяная вакханка, въ страстныхъ объятіяхъ Роберта Лекомтъ. Въ одиннадцать часовъ, когда балъ оживился и понемногу уменьшилась выказанная вначалѣ строгость относительно Норы, Рене случайно столкнулся съ нею въ толпѣ. Она сухо засмѣялась, тѣмъ смѣхомъ, который онъ уже слышалъ утромъ и который раздражалъ его; ея взглядъ остановился на немъ и съ едва замѣтнымъ движеніемъ губъ она презрительно спросила:

— Мосье Рене Сорель не танцуетъ, конечно?

— Мало!—отвѣтилъ онъ съ дерзкимъ лаконизмомъ, также не спуская съ нея глазъ, холодный взглядъ которыхъ она выдержала, не смущаясь.

И съ легкимъ поклономъ онъ прошелъ мимо, чтобы подать руку Дорисъ, приглашенной имъ на кадрили.

Близко сросшіяся брови Норы сдвинулись; она рѣзко позвала приближавшагося Роберта.

— Подите сюда; я не танцую этой кадрили, проводите меня въ буфетъ. Они всѣ мнѣ надоѣли—и Зябкій Кроликъ, и другіе; я не могу отъ нихъ отдѣлаться. Я ни съ кѣмъ больше не хочу танцевать, кромѣ васъ.

Робертъ послѣшилъ къ ней. Эти повелительныя слова Норы радостно прозвучали въ его ухахъ,—ими она какъ будто брала его въ свою власть. Онъ увелъ ее въ столовую, гдѣ былъ устроенъ буфетъ; они сѣли на минуту. Онъ пожиралъ ее страстнымъ взоромъ, съ наслажденіемъ вдыхалъ раздражающій аромат распространяющихся отъ нея духовъ.

По окончаніи кадрили буфетъ началъ наполняться. Дорисъ покинула Рене, чтобы заняться гостями. Нора стоя разговаривала и смѣялась въ неизбѣжномъ кружкѣ, всегда составлявшемся вокругъ нея. Фрилу, виконтъ де-Понтенакъ, Бертъ и Турналь на-перебой старались услужить ей. Робертъ Лекомтъ, съ признаніемъ своего превосходства, немного ступевывался. Она могла съ ума свести своею красотой, своею вызывающею смѣлостью, безумнымъ весельемъ. Провинціалы смотрѣли на нее широко раскрытыми глазами, точно очарованные; дамы начали опять шептаться, прикрываясь вѣерами.

Вдругъ Нора увидѣла Рене, случайно стоявшаго около нея спиною къ ея ухаживателямъ. Какъ будто нечаянно, самымъ естественнымъ движеніемъ, она протянула руку, прикасаясь ею къ губамъ Рене, чтобы взять бокалъ шампанскаго, подаваемый ей лакеемъ.

Чувствуя на губахъ свѣжесть отласистой кожи, Рене поднялъ

глаза и, увидѣвъ Нору, спокойно посторонился, чтобы дать ей дорогу, а также избѣжать повторенія этого прикосновенія.

Но, вмѣсто того, чтобы приблизиться, она удалилась, поставивъ на поднось бокаль, не прикоснувшись даже къ нему, и Рене услышала, какъ она, засмѣявшись насмѣшливымъ хохотомъ, такъ раздражавшимъ его, прошептала:

— Сѣверный полюсъ, совершенно сѣверный полюсъ!

Съ этой минуты Нора ни съ кѣмъ не танцевала, кромѣ Роберта, превратившагося на самомъ дѣлѣ въ ея раба и проходившаго по гостинымъ, точно не онъ хозяинъ.

Снова начались замѣчанія, насмѣшки при видѣ этой неразлучной парочки, при видѣ Норы, безумно носящейся въ вихрѣ танцевъ съ своимъ неизмѣннымъ кавалеромъ.

— Она срамитъ себя, несчастная!

— Хозяинъ дома влюбленъ въ нее, это ясно!

— Бѣдная мадамъ Лекомтъ, такая красивая, изящная, добрая!

— Да, они сейчасъ начнутъ цѣловаться среди гостиной! Посмотрите на нихъ, да посмотрите же!

Дорисъ, проходя, услышала нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній. Они причинили ей жестокое страданіе не потому, чтобы она сомнѣвалась въ Робертѣ, но потому, что ей больно было слышать, что о немъ такъ судятъ. Ея горячая любовь поддерживала въ ней вѣру, она была взволнована до глубины души.

— Мосье Сорель, — обратилась она къ Рене, замѣтивъ, что танцы начинаютъ утрачивать свое оживленіе, — будьте добры, спросите Роберта, не пора ли подавать ужинъ. Многіе хотятъ уже уѣзжать.

Рене нашелъ Роберта въ обществѣ Норы. На предложенный вопросъ объ ужинѣ отвѣтилъ не хозяинъ дома, а Нора повелительнымъ тономъ и съ вызывающимъ видомъ произнесла:

— Ужинать, уже? Ни за что! Это хорошо кроликъ забиваться въ свою нору до зари. Какая убійственная жара! Пойдемте любоваться звѣздами.

И, быстро накинувъ на плечи накидку, она вышла подъ руку съ Робертомъ.

VI.

Ночь была темная, на небѣ сверкали звѣзды, разрѣзая его иногда огненною полосой. На террасѣ въ углу курило нѣсколько мужчинъ; ихъ группа смутно обрисовывалась при зеленоватомъ свѣтѣ большаго японскаго фонаря.

— Сойдемте внизъ, — сказала Нора, направляясь съ Робертомъ въ садъ.

Тамъ, въ тѣни террасы, все было темно. Черезъ минуту глазъ, привыкшій къ мраку, началъ различать формы деревьевъ, силуэты кустовъ и извилистыя дорожки.

Нора шла медленно, тяжело переводя дыханіе. Она выпустила руку Роберта.

— Не разговаривайте со мной, не мѣшайте мнѣ отдыхать, — сказала она, точно угадывая, какія слова вырвутся изъ его усть.

— Вы нездоровы?

Обвивъ рукой ея гибкую талью, Робертъ нѣжно прижалъ ее къ себѣ; она не старалась освободиться и ничего не отвѣчала. Нѣсколько минутъ шли они такъ медленными шагами по большой аллеѣ; ему показалось вдругъ, что она дрожить. Холодный ночной воздухъ охватилъ ее. Рѣшительнымъ, властнымъ движеніемъ Робертъ привлекъ ее къ себѣ и заключилъ въ объятія. Она вырвалась безъ особеннаго смущенія; онъ долженъ былъ понимать, что она ожидала этого, желала, можетъ быть, что она не могла на это обидѣться.

— Нѣтъ, — тихо произнесла она тѣмъ же сухимъ и короткимъ тономъ, которымъ говорила съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они вышли изъ гостиной.

— Вы замерзли!

— Это ничего. Вернемся домой.

И, не ожидая его, она поднялась на террасу; Робертъ пришелъ въ одно время съ ней, растерянный, тщетно стараясь понять странности загадочной Норы.

Она приняла опять свой торжествующій и вызывающій видъ; сбросивъ накидку, она вернулась въ бальную залу, разгуманная свѣжимъ воздухомъ, съ сердцемъ, полнымъ злорадства, довольная, что доказала свою власть, что нарушила-таки возмутительное спокойствіе Дорисъ.

Когда Рене Сорель, сконфуженный видомъ, словами и поведеніемъ Норы, вернулся къ госпожѣ Лекомъ, онъ хотѣлъ устранить отъ нея даже тѣнь подозрѣнія и произнесъ самымъ естественнымъ тономъ:

— Робертъ явится сейчасъ къ вашимъ услугамъ.

Онъ говорилъ это вполне искренно; онъ думалъ, что Робертъ дѣйствительно придетъ. Время, между тѣмъ, шло. Уходя Норы и хозяйина дома снова развязалъ всѣмъ языки.

— Ну, вот до чего уже дошло! — воскликнул виконтъ де-Понтенакъ, очень оскорбленный. — Увель, въ садъ увель...

— Подъ орѣшникъ, въ часъ, благопріятный для поцѣлуевъ, — многозначительно вставилъ Кроликъ. — Дорогой виконтъ, Робертъ счастливецъ...

— Ба, она потѣшается надъ нимъ.

— Да и надъ нами, кажется.

Въ бальной залѣ начали ощущаться скука и утомленіе. Дорисъ, не спускавшая глазъ съ балконной двери, сдѣлала нѣсколько нетерпѣливыхъ жестовъ. Наконецъ, такъ какъ оркестръ молчалъ, а гости бродили въ тоскѣ около накрытыхъ уже столовъ, Дорисъ приняла быстрое рѣшеніе; она взяла подъ руку Рене и веселымъ голосомъ, тогда какъ сердце ея мучительно сжималось, воскликнула:

— Mesdames, господа, прошу садиться за столъ!

Голодная молодежь, танцовавшая безъ усталости и готовая танцовать еще до утра, бросилась со всѣхъ сторонъ къ столу. Всѣ сидѣли уже на мѣстахъ, когда явились Нора и Робертъ.

Громкое ура, провозглашенное группой поклонниковъ, быстро облетѣло столы.

— Вотъ они! Вотъ они!

— Ура! — крикнулъ звонкимъ голосомъ Кроликъ, поднявъ бокалъ съ забавно-почтительнымъ выраженіемъ лица.

Для парижанъ возвращеніе растрепанной пастушки, какую изображала Нора, и комаргскаго пастуха, на руку котораго опиралась Нора, вдругъ сдѣлавшаяся опять веселой и насмѣшливой, было поводомъ къ новому взрыву веселья. Гости изъ мѣстныхъ жителей переглядывались съ смущеннымъ видомъ; они, очевидно, видѣли въ этомъ скандалъ; для нихъ эта парижанка была положительно неприличною женщиной.

Во дворѣ началъ раздаваться грохотъ отъѣзжающихъ экипажей. Послѣ ужина ряды гостей значительно порѣдѣли. Нѣсколько молодыхъ людей захотѣли начать котильонъ; Нора вмѣшалась на минуту съ своимъ безумнымъ увлеченіемъ, затѣмъ вдругъ, точно внезапно почувствовавъ усталость, сѣла въ углу съ виконтомъ де-Понтенакъ, сіявшимъ отъ такой неожиданной милости.

Потомъ вдругъ послѣ какой-то любезной фразы Понтенака Нора расхохоталась ему въ лицо, открыла какую-то дверь и исчезла. Все кончилось. Зябкій Кроликъ меланхолично направился къ гардеробной; ему казалось, что пустили послѣднюю ракету фейерверка и кругомъ наступила тьма.

Черезъ часъ двери Сузы ла-Руссъ были заперты, огни потушены; Дорисъ, удалившись въ свою комнату, медленно раздѣвалась, задумчиво устремивъ взглядъ въ зеркало, отражавшее ея блѣдное лицо.

Робертъ, по обыкновенію, зашелъ къ ней. Они не разговаривали съ ужина. Онъ сѣлъ на кушетку, смотря на жену, причесывавшую волосы передъ туалетомъ и закладывавшую ихъ на ночь. Она была замѣчательно хороша, стоя съ поднятыми руками, составлявшими какъ бы рамку для ея свѣтлой головки, и стройною фігурой, обрисовывающейся подъ мягкими складками матеріи.

— И такъ, Дорисъ, вечеръ хорошо сошелъ, не правда ли?

— Очень хорошо.

— Ты не устала?

— Нѣтъ, а ты?

— Нисколько.

Она окончила свой туалетъ и стояла передъ нимъ.

— Робертъ, ты былъ сегодня немного невнимателенъ ко мнѣ, какъ мнѣ показалось...

Робертъ вскочилъ съ кушетки.

— Я, дорогая?

— Немного, — произнесла она нѣжнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось скорѣе сожалѣніе, чѣмъ упрекъ. — И потому, другъ мой... будь осторожнѣе, — она колебалась, боясь его оскорбить, — ты почти завладѣлъ Норой; этимъ недоволены; ты знаешь, какъ всѣ отбиваютъ ее другъ у друга.

— Ей надоѣдаютъ!

— Конечно. Она меня, впрочемъ, удивила сегодня вечеромъ: она была въ какомъ-то тревожномъ, безпокойномъ, нервномъ состояніи. Она не понравилась здѣшной публикѣ; я замѣтила это.

— Кому? судейскимъ?

Онъ называлъ такъ весь синелитъ старыхъ дамъ, замѣчанія которыхъ больше всего поразили Дорисъ.

— Наконецъ, Робертъ, очень можетъ быть, что, не желая того, уступая по добротѣ какому-нибудь капризу этого избалованнаго ребенка, ты сегодня вечеромъ немного скомпрометировалъ ее.

— Скомпрометировалъ?

— Въ глазахъ этихъ людей, наивныхъ, можетъ быть, но, несомнѣнно, честныхъ, не привыкшихъ къ такому независимому и на ихъ взглядъ легкомысленному обращенію.

Робертъ взялъ ее за руку; подъ вліяніемъ очарованія этою женщиной, такъ давно и такъ горячо любимой, читая въ ея бархат-

ныхъ глазахъ подозрѣніе, которое она тщетно старалась побороть, онъ съ непритворною къ эту минуту искренностью спросилъ ее:

— Дорись, развѣ ты не вѣришь мнѣ больше?

— Тебѣ?—о, нѣтъ, вѣрю!

— Въ комъ же ты сомнѣваешься?

Она не отвѣтила, она удержала на губахъ чуть не сорвавшееся имя Норы.

Онъ понялъ, конечно. Послѣдовало тяжелое молчаніе.

Когда она подняла на него глаза, полные ласкающей доброты, Робертъ наклонился и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ, сказавъ:

— Прощай, Дорись,—до завтра.

Молодая женщина неподвижно стояла въ то время, какъ онъ удалился. Его прощаніе еще раздавалось въ ея ушахъ точно во снѣ. Оставшись одна, она подошла къ окну. Одна за другой меркли звѣзды на темныхъ небесахъ. Дорись думала о кончившемся вечерѣ, о непрочности счастья и въ уединеніи и тишинѣ этой чудной ночи она слышала, какъ громко билось ея сердце, тогда какъ по ея пылающимъ щекамъ медленно катились крупныя слезы.

В. М--а.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТРИ МОГИЛЫ.

(Фантазія).

I had a dream which was not at
all a dream.

Вурон.

Разъ, въ глубокую ночь, я бродилъ
По окраинамъ шумной столицы;
Растревоженъ, взволнованъ я былъ,
Неотвязныя думъ вереницы
И на сердцѣ томительный гнетъ
Меня выгнали вонъ изъ жилища...
Я все шелъ и дошелъ до воротъ
И ограды большаго кладбища.
Я не разъ тамъ бывалъ, и теперь
Меня думы туда увлекали;
Преодо мной отворилася дверь:
Сторожа хорошо меня знали.

Брасотой городъ мертвыхъ блисталъ, —
Брасотою таинственной, мрачной, —
Сводъ небесный надъ нимъ разстигалъ
Свой покровъ изъ лазури прозрачной;
Монументы, могилы, креслы,
Разныхъ видовъ надгробныя плиты,
У рѣшетокъ деревья, кусты
Были луннымъ сіяньемъ облиты;
Но лежала глубокая тьма
Въ тайникахъ и въ изгибахъ кладбища, —
И для грезъ и фантазій ума
Тамъ хранилась обильная пища...

Я задумчиво шелъ, тишиной
 Непробудной могилъ окруженный;
 Вдругъ я всталъ предъ гробницей одной,
 Красотою ея пораженный.
 То былъ чудный, таинственный гротъ
 Въ глубинѣ бѣломраморной глыбы;
 Окаймляли вовнутрь его входъ
 Прихотливые хмѣля изгибы;
 По карнизамъ и выступамъ онъ,
 Покрывая ихъ зеленью яркой,
 Подползалъ къ капителямъ колоннъ
 Подъ изящною входною аркой.
 По наружной отъ входа стѣнѣ—
 Барельефы, рѣзьба, позолота...
 И сіяла при полной лунѣ
 Бѣлымъ мраморомъ внутренность грота.
 Съ потолка въ него свѣтъ упала,
 Ложе пышное тамъ озаря,
 На которомъ богачъ умиралъ,
 Скорбный взоръ къ небесамъ устремля.
 У одра, —гдѣ прикованъ онъ былъ,
 Встать напрасныя дѣлалъ усилія, —
 Ангелъ жизни свой факелъ гасилъ,
 Ангелъ смерти простеръ свои крылья...
 Одинокое отъ нихъ въ сторонѣ
 Тихо плакалъ надъ урною геній.
 Гротъ былъ полонъ, казалось мнѣ,
 Сонмомъ свѣтлыхъ кавихъ-то видѣній;
 Каждый образъ былъ здѣсь какъ живой,
 Точно двигались эти фигуры,
 И какъ-будто мѣнялись, порой,
 Ихъ движенія, позы, контуры.
 Въ этомъ геніи съ вроткимъ челомъ
 Сколько было глубокаго чувства!
 Сколько блеска и мысли во всемъ
 Этомъ чудномъ созданьи искусства!
 Здѣсь художникъ, волшебнымъ рѣзцомъ,
 Вдохновенно представилъ картину
 Шумной жизни, промчавшейся сномъ,
 И послѣдній недугъ, и кончину,
 И глубокую сердца печаль,

Изливавшую тихо рыданья
 О душѣ, уносившейся вдаль
 Отъ земли въ свѣтлый міръ упованья.
 Очарованный, я созерцалъ
 Вдохновенныя ангеловъ лица
 И весь гротъ, но, затѣмъ, увидалъ,
 Что запущена эта гробница.
 Бое-гдѣ обвалился карнизъ,
 Покосились колонны у входа,
 Плиты портика съѣхали внизъ,
 Паутина висѣла со свода,
 Крестъ надъ аркой держался едва,
 Стѣны—трещины черныя дали,
 Штучный полъ покрывала трава,
 Бучи мусора всюду лежали,
 Въ легкой аркѣ виднѣлася щель,
 Стерлась съ надписей ихъ позолота,
 И свободно разросшійся хмѣль
 Прорывался во внутренность грота.
 А снаружи—репейникъ къ стѣнѣ
 Жался сѣрой, косматою щеткой,
 И колючій шиповникъ вполне
 Завладѣлъ золоченой рѣшоткой.

Въ мое сердце проникла печаль:
 Грустно видѣть слѣды разрушенья;
 И мнѣ стало покойника жаль,
 Потонувшаго въ морѣ забвенья.
 Я заплакать почти былъ готовъ,
 Но меня оковало молчанье
 Непробудное этихъ гробовъ,
 И въ груди моей стихло рыданье.
 «Спи же, мертвый; ты въ мирѣ почилъ,
 Я рыданьемъ его не нарушу;
 О, когда-бъ этотъ миръ осѣнилъ
 И мою возмущенную душу!»

Отошелъ я немного шаговъ,
 И теперь, пирамидою темной,
 Предо мной, величавъ и суровъ,
 Монументъ возвышался огромный.

На вершинѣ холма онъ стоялъ,
 Сѣрый, мрачный, подобный видѣнью,
 И, какъ мантией, холмъ одѣвалъ
 Исполинскою черною тѣнью.
 Горельефами былъ онъ покрытъ,—
 Все войны да побѣды эмблемы:
 Здѣсь—кольчуга, тамъ—мечъ или щитъ,
 Иль обвитые лаврами шлемы.
 Бротквій текстъ христіанскихъ молитвъ
 О душѣ, ждущей мира, покоя,
 Здѣсь терялся за стенами битвъ,
 Гдѣ прославилось имя героя...
 Я стоялъ въ созерцаньи нѣмомъ;
 Здѣсь была сила грозная скрыта;
 Мнѣ казалась живымъ существомъ
 Эта сѣрая масса гранита...

Стало страшно мнѣ; я отступилъ,
 Повернулся и, взоръ опуская,
 Увидалъ, что близъ этихъ могилъ
 Приютилась могила простая:
 Низкій холмикъ земли и на немъ,
 Вдвой ржавчиной всюду изрытый,
 Крестъ желѣзный, плита подъ крестомъ,—
 Бѣдный камень, вѣнками покрытый...
 Не пытался я надпись прочесть,
 Но убогая эта могила
 Мое сердце влекла и присѣсть
 На траву, къ ней поближе, манила.
 И присѣлъ я... Кругомъ—тишина,—
 Все объято глухой тишиною;
 Мнѣ казалось, что въ душу она
 Приливаетъ широкой волною...

Такъ сидѣлъ я тамъ, весь погружонъ
 Въ мои думы; но вдругъ... что за звуки?
 Подъ землей мнѣ послышался стонъ,
 Скорбный вздохъ нетерпѣнья и муки.
 Отголосокъ ли то долеталъ
 Ночныхъ звуковъ тревожной столицы?
 Нѣтъ, я говоръ теперь услышалъ

Подъ плитами роскошной гробницы.
 Я дыханье сдержалъ, притаилъ,
 Чтобы вслушаться въ эту бесѣду;
 То усопшій богачъ говорилъ
 Обдѣленному рокомъ сосѣду:

1 голосъ.

Помѣняйся могилой со мной;
 Ахъ, какъ здѣсь мнѣ лежать надоѣло!
 Я томлюся въ гробу тишиной,
 Меня черная тьма одолѣла!

2 голосъ.

Что тебѣ до могилы моей,
 Этой ямы и мокрой, и тѣсной?
 Надъ твоею—стоитъ мавзолей,
 Его создалъ художникъ извѣстный;
 Ты при жизни былъ счастливъ, богатъ,
 Погребенъ, какъ прилично вельможѣ,
 И пышнѣй моего во сто кратъ
 Подъ землей твое смертное ложе.

1 голосъ.

Монументъ мой въ куски-бъ я разбилъ!
 Что мнѣ въ томъ, что онъ—чудо искусства?
 Для меня ли художникъ вложилъ
 Въ мраморъ столько глубокаго чувства?
 Думалъ только о славѣ своей
 Да о деньгахъ ваятель наемный...
 Ненавистенъ мнѣ мой мавзолей,
 Онъ не стоитъ плиты твоей скромной!
 Онъ мнѣ чуждъ, онъ меня тяготитъ:
 Это—плодъ покупныхъ вдохновеній;
 Его надпись о комъ говорить?
 О комъ плачетъ здѣсь мраморный геній?
 Много важныхъ и знатныхъ особъ
 До могилы меня провожало,
 Но на мой разукрашенный гробъ
 Ни единой слезы не упало...
 Изъ пустаго тщеславья родня
 Монументомъ богатымъ почтила

Бѣдный прахъ мой, и тутъ же меня
 Навсегда и совсѣмъ позабыла.
 И теперь кто меня посѣтитъ?
 Одиноко гнѣютъ мои кости;
 А съ тобой кто-то все говорить,
 У тебя все какіе-то гости...
 О, сосѣдъ, у тебя есть друзья,
 Рѣчь ихъ дышетъ любовью, привѣтомъ,
 Съ ихъ приходомъ могила твоя
 Озаряется радостнымъ свѣтомъ;
 Я-жь всегда окруженъ темнотою...
 О, какъ больно быть всѣми забытымъ!
 А покойникъ, вѣдь, я не простой:
 Я сановникомъ былъ именитымъ;
 Собиралось много гостей
 У меня въ моемъ домѣ богатомъ,
 Я имѣлъ очень много друзей,
 То Лукулломъ былъ, то Мecenатомъ;
 Всѣ дивились дворцу моему,
 И могу утверждать я по праву,
 Что не дѣлалъ я зла никому,
 А пиры задавалъ я на славу.
 Тяжело въ тишинѣ изнывать
 Послѣ шума той жизни безслѣдной...
 Сжался, другъ мой, позволь полежать
 Богачу подъ плитой твоей бѣдной.

2 голосъ.

Нѣтъ, сосѣдъ, не проси,—откажу;
 При своемъ долженъ каждый остаться,
 Я могилой моей дорожу,
 И съ тобою не стану мѣняться.
 Эта яма сыра и грязна,
 Въ ней быстрой и ужасной гниенье,
 Но мила, дорога мнѣ она:
 Только въ ней я обрѣлъ утѣшенье.

Тяжела была доля моя
 Въ шумѣ жизни; но съ вѣрою чистой,
 Глубоко свои скорби тая,
 Шелъ я тамъ по дорогѣ тернистой.

Съ юныхъ дней я вступилъ на нее,
 Не имѣлъ я ни друга, ни брата,
 Былъ я бѣденъ, но сердце мое
 Было къ ближнимъ любовью богато.

Видѣлъ бездну я мрака кругомъ,
 Видѣлъ зла необъятное море,
 И порокъ, съ его наглымъ челомъ,
 И людей безпредѣльное горе,
 Ихъ безуміе, ихъ суету,
 Заблужденья, борьбу, колебанья,—
 И лелѣялъ святую мечту—
 Дать имъ свѣтъ, облегчить ихъ страданья.
 Она къ подвигамъ труднымъ звала,
 Битвы мнѣ и гоненья сулила,
 Но опорой мнѣ вѣра была
 И любви нескудящей сила.
 Путеводной звѣздой впереди,
 Предо мной, лучи правды горѣли,—
 И, съ отвагой спокойной въ груди,
 Шелъ я твердо къ намѣченной цѣли;
 Не сбивался съ пути среди тьмы,
 Не мирился съ безумьемъ и ложью,
 Просвѣщая сердца и умы,
 Проповѣдуя истину Божью;
 Противъ всякаго зла возставалъ
 Смѣлымъ словомъ, какъ трубы гремящимъ,
 И всю душу мою отдавалъ
 Угнетеннымъ, гонимымъ, скорбящимъ.

Но чѣмъ дальше, чѣмъ тверже, смѣлѣй
 Я на этомъ пути подвигался,
 Тѣмъ упорнѣй, свирѣпѣй и злѣй
 Темный міръ на меня ополчался,
 Чтобы мракомъ своимъ погасить
 Въ моемъ сердцѣ горѣвшее пламя,
 Мое имя позоромъ покрыть
 И въ клочки изорвать мое знамя...
 До конца не разстался я съ нимъ,
 Но, среди всякихъ бѣдъ и страданья,
 Видѣлъ я, какъ, одно за другимъ,
 Разрушались мои упованья.

И закралася дума одна
 Въ мою душу: мой разумъ холодный
 Мнѣ внушалъ, что добра сѣмена
 Разбросалъ я на почвѣ бесплодной;
 Что я плохо и мало служилъ
 Моей вѣчной, великой святынѣ,
 И умру бесполезно, какъ жилъ,
 Проповѣдая въ мертвой пустынѣ...
 Этой мысли давилъ меня гнетъ,
 Оскудѣли въ борьбѣ мои силы,
 Но, шатаясь, все шелъ я впередъ
 И дошелъ... до убогой могилы.

Здѣсь лежалъ я, забытый, какъ ты,
 Мою бѣдную жизнь вспоминая,
 Мои думы, дѣла и мечты,
 И безсилъе мое проклиная.
 «Неудавшійся, жалкій пророкъ! —
 Говорилъ я себѣ съ озлобленьемъ, —
 Ничего ты достигнуть не могъ,
 Упоенный пустымъ самомнѣньемъ.
 Ты изнылъ въ бесполезной борьбѣ...
 Вѣры-ль было въ душѣ твоей мало,
 Измѣнилъ ли твой разумъ тебѣ,
 Или въ сердцѣ любви не достало?
 Ты трудился для ближнихъ своихъ,
 Довѣрялъ своей немощной силѣ,
 Но ничтоженъ ты былъ среди нихъ,
 Какъ ничтоженъ теперь ты въ могилѣ».

Такъ я думалъ, забытый бѣднякъ,
 И глубокой тоскою томился,
 Между тѣмъ какъ могильный червякъ
 Въ моихъ мертвыхъ костяхъ шевелился...

Но однажды... то было весной...
 Солнце жарко, должно быть, сіяло:
 Оно чудной своей теплотой
 Даже въ яму мою проникало.
 По корнямъ разныхъ травъ и цвѣтовъ
 Быстро двигались свѣжіе соки,

Изъ подземныхъ ключей, родниковъ
 Вырывались, играя, потоки;
 Всѣ живые сосѣди мои
 Надо мной суетились, шуршали:
 Тамъ козявки, жуки, муравьи
 На свѣтъ Божій, спѣша, выползали;
 Жизнь кипѣла,—я тихо лежалъ,
 На минуту забывъ свою думу,
 И съ глубокимъ томленьемъ внималъ
 До меня доходившему шуму.

И слышалъ я говоръ вдали...
 Онъ все больше ко мнѣ приближался;
 Стукъ шаговъ въ рыхлыхъ нѣдрахъ земли
 Слабымъ эхомъ порой отдавался;
 То слабѣлъ онъ, то снова онъ росъ...
 Вдругъ надъ самой могилой моею
 Кто-то имя мое произнесъ;
 Слышалъ я, что ходили надъ нею,—
 Это люди искали меня!
 Они долго искали повсюду...
 О, счастливаго этого дня
 Никогда уже я не забуду!
 Черный крестъ, полускрытый кустомъ,
 Покосясь, надо мною склонялся,
 И по надписи бѣлой на немъ
 Мой пріютъ, наконецъ, отыскался.
 Кто-то радостно вскрикнулъ: «вотъ здѣсь!»
 Надъ моею могилой нагнулся,
 И при возгласѣ этомъ я весь
 Въ моемъ старомъ гробу встрепенулся.
 Незнакомъ этотъ голосъ мнѣ былъ,
 Но звучалъ онъ какъ слово привѣта,
 Точно къ жизни меня онъ будилъ,
 Но, увы! я не могъ дать отвѣта.
 И я ждалъ, отъ волненья дрожа,
 Въ шумный говоръ я вникнуть старался...
 Съ незнакомцемъ пришли сторожа,—
 Отпустивъ ихъ, одинъ онъ остался.

Цѣлый часъ на могилѣ моей
 Онъ сидѣлъ, не промолвивъ ни слова,

И ушелъ; но чрезъ нѣсколько дней
 Появился на кладбищѣ снова.
 Не одинъ, — съ нимъ другіе пришли;
 Эти люди — рабочіе были;
 Бѣлый камень они привезли,
 На могилѣ моей положили,
 Крестъ поставили; шумъ, суетня...
 И съ какой-то серьезной заботой,
 Удивлявшей не мало меня,
 Незнакомецъ слѣдилъ за работой.
 Трудъ былъ конченъ; тогда преклонилъ
 Онъ колѣни въ мольбѣ умиленной
 И свой первый вѣнокъ положилъ
 На могилѣ моей обновленной.

Онъ затѣмъ много разъ приходилъ,
 На плиту гробовую садился,
 Съ теплотой обо мнѣ говорилъ
 И со вздохами тихо молился.
 Онъ, должно быть, глубоко страдалъ, —
 Не сомнѣнья ли мрачнымъ недугомъ? —
 Почему онъ меня называлъ
 Своимъ добрымъ наставникомъ, другомъ?
 Кто онъ былъ? гдѣ встрѣчалъ его я?
 Тщетно въ мысляхъ всю жизнь пробѣгаю:
 Чѣмъ ему была память моя
 Дорога — и теперь я не знаю.
 Но отъ самаго перваго дня,
 Съ той минуты, какъ эта могила
 Найдена имъ, я зналъ, что меня
 Мнѣ родная душа посѣтила.

Его нѣтъ ужъ давно, и о немъ
 Вспоминаю я съ чувствомъ глубокимъ;
 Но въ посмертномъ приютѣ моемъ
 Пересталъ ужъ я быть одинокимъ:
 Не забыта могила моя,
 Нынѣ путь къ ней ужъ многіе знаютъ;
 Умеръ другъ мой — другіе друзья,
 И все чаще, меня навѣщаютъ.
 Мнѣ приносятъ вѣнки и цвѣты,

И ликуютъ тогда мои кости;
Я такъ счастливъ, — вѣдь, знаешь ли ты,
Бто они, дорогіе мнѣ гости?
Это — люди, чью душу зажгло
Мою грудь согрѣвавшее пламя
И въ чьи руки, ватѣмъ, перешло
Мной когда-то носимое знамя.
Я съ восторгомъ отъ нихъ услыхалъ,
Что, на зло всѣмъ бѣдамъ и ударамъ,
Подвигъ жизни моей не пропалъ,
Что я жилъ и боролся не даромъ.
Много новыхъ борцовъ ужь идутъ
По слѣдамъ моимъ, той же тропюю,
И роскошную жатву даютъ
Сѣмена, насажденныя мною.
Бто людей смѣло къ правдѣ ведетъ,
Тотъ не тщетно свѣтильникъ свой носить,
Хоть не знаетъ, кого увлечетъ,
Въ чью онъ душу лучъ свѣта заброситъ.
Пусть-вокругъ его буря шумитъ
И свѣтильникъ его задуваетъ:
Отъ свѣтильника искра летитъ
И, какъ будто, совсѣмъ пропадаетъ
Въ черной тѣмѣ; но какъ пламя костра,
Какъ пожаръ, разгорается снова
Эта вѣчная искра добра,
Просвѣтителя жаркое слово.
О, впадалъ я въ унынье не разъ,
Но въ могилѣ мнѣ сдѣлалось ясно,
Что хоть рано мой факель погасъ,
Онъ горѣлъ и свѣтилъ не напрасно.
Въ жизни добрый оставилъ я слѣдъ —
И доволенъ судьбою моею...
Не сердись на меня, мой сосѣдъ, —
Я тебя непритворно жалѣю,
Но ты жить для себя лишь умѣлъ
И забвенія темная бездна —
Неизбѣжный и вѣчный удѣлъ
Тѣхъ, чья жизнь протекла бесполезно.

И, въ отвѣтъ, изъ земной глубины
Донеслися глухія рыданья,
Стоны, плачь; они были полны
Безпредѣльной тоски и страданья.

Гулъ подземный ихъ вдругъ заглушилъ:
Чей-то голосъ раздался громовый,
Перекатистый, онъ выходилъ
Изъ-подъ плить пирамиды суровой.

3-й голосъ.

Ты счастливъ, вѣчной правды боецъ,
Мужъ познанья, добра и совѣта;
Ты стяжалъ себѣ чудный вѣнецъ
Изъ лучей животворнаго свѣта.
Еслибъ къ жизни вернуться я могъ,
Не блуждалъ бы я въ ней ослѣпленный;
Я-бъ гордыню мою превозмогъ,
Предпочелъ бы, душой просвѣтленной,
Всѣмъ приманкамъ пустой суеты,
Славы, власти, толпы поклоненья—
Одну искру твоей теплоты,
Одинъ лучъ твоего разумья.

Но и ты, малодушный богачъ,
Примиришь съ гробовой тишиною
И оставь бесполезный свой плачь:
Ты—счастливецъ въ сравненьи со мною.

Я былъ воинъ, я былъ властелинъ,
И гонялся за громкою славой;
Зналъ же путь я къ ней только одинъ:
Путь войны и побѣды кровавой.
Мое сердце не грѣла любовь—
Создающее, чудное пламя;
Мой девизъ былъ— «железо и кровь»,
И украсилъ я имъ свое знамя.
Съ этимъ знаменемъ страшнымъ въ ругахъ
Я въ чужія владѣнья вторгался
И народъ за народомъ во прахъ
Передъ силой моей повергался.
Безпощадный, не внемля мольбамъ,

Съ властелиновъ срывалъ я короны,
И, какъ буря, по дальнимъ странамъ
Проносились мои легіоны.
Я былъ счастливъ въ дыму и огнѣ,
Упоенный рѣшительнымъ боемъ,
Я былъ счастливъ, носясь на конѣ
Предъ моимъ ужасающимъ строемъ.
Я былъ счастливъ, когда на враговъ
Мое войско въ походъ выступало
И на шлемахъ и копьяхъ бойцовъ
Ослѣпительно солнце свергало...
Бъ битвамъ страсть ненасытна была,
И на горахъ развалинъ и пепла
Моя слава все выше росла,
Моя сила все болѣе крѣпла.
Цѣлый міръ предо мной трепеталъ,
Грозны были мои воеводы;
Но вдали уже громъ грохоталъ:
На меня подымались народы...

Собралися они въ тишинѣ
И надвинули черною тучей...
Но не дрогнуло сердце во мнѣ,
Не встревожился духъ мой могучій.
И сказалъ я: «Пусть врагъ мой придетъ,
Пусть нахлынутъ бойцовъ миллионы:
Позади меня—вѣрный народъ
И со мною—мои легіоны».

Я пошелъ на войну, какъ всегда,
Браннымъ кликомъ на вызовъ отвѣтилъ;
Но моя померкала звѣзда:
Я ужасныя полчища встрѣтилъ.
Мои воины храбро дрались,—
Имъ такъ были обычны побѣды,—
Но теперь и они подались,
Ихъ постигли жестокия бѣды.
Я смутился, я громко взывалъ
Бъ Богу брани въ священныхъ молитвахъ,
Чтобъ Онъ помощь свою ниспослалъ
Моимъ воинствамъ, таящимъ въ битвахъ.

И раздался мой вличь громовой,
 Весь народъ призывая къ знаменамъ:
 «Выходите скорѣе на бой,
 Помогите моимъ легионамъ!
 Насъ тѣснить отовсюду враги,
 Пьемъ мы бѣдствія горькую чашу...
 Защищайте свои очаги,
 Властелина и родину вашу!»

Имъ ли было врага побѣдить?
 За дружинами пали дружины,
 Чтобы кровью своей обагрить
 Рвы, окопы, холмы и долины...
 Я мужался, но горько скорбѣлъ,
 Сердцу было и стыдно, и больно...
 Но и врагъ, наконецъ, ослабѣлъ
 И надменно мнѣ крикнулъ: «довольно!»

Съ нимъ я миръ заключилъ и потомъ
 На свои оглянулся владѣнья...
 И увидѣлъ я въ царствѣ моемъ
 Нищету и слѣды запустѣнья...
 Одичалъ истощенный народъ;
 Въ этомъ царствѣ, скорбями обильномъ,
 Процвѣтали невѣжество, гнѣтъ,
 Утѣсненіе слабого сильнымъ,
 Лихоимство, хищенье, обманъ,
 Поруганіе всякаго права...
 И разсѣялась, точно туманъ,
 Предо мной моя громкая слава.
 Съ изумленьемъ смотрѣлъ я кругомъ,
 На вопросъ я старался отвѣтить:
 Какъ я могъ въ бѣдномъ царствѣ моемъ
 До сихъ поръ этихъ золъ не замѣтить?
 Я на тронѣ моемъ возсѣдалъ,
 Высоко, со скрижалю закона,
 И за блескомъ вѣнца не видалъ
 Что творилось подъ сѣнію трона....

И сказалъ я себѣ самому:
 «Нужно войны надолго оставить,

Разогнать эту черную тьму,
 Мое царство отъ бѣдствій избавить.
 Потружусь я усердно и дамъ
 Миръ и счастье подвластнымъ народамъ;
 Обращусь я къ моимъ мудрецамъ,
 Бъ новымъ судьямъ, къ инымъ воеводамъ;
 Дамъ ихъ разуму полный просторъ,
 Призову я на помощь ихъ знанье,
 Вырву плевелы, вымету соръ—
 И воздвигну я новое зданье».

Я обширный свой планъ начерталъ,
 Началъ строить,—работа кипѣла,—
 Я на первыхъ порахъ ликовалъ:
 Подвигалось впередъ мое дѣло.
 Оно легкимъ казалось мнѣ,—
 Я такъ свыкъся съ борьбой и трудами,—
 Но не выжегъ я сора вполнѣ,
 Цѣпкихъ плевелъ не вырвалъ съ корнями;
 Пожалѣлъ я развалинъ моихъ,
 Тамъ, гдѣ могъ, сохранить ихъ старался,
 Бъ новымъ цѣлямъ прилаживалъ ихъ,
 Новый планъ къ нимъ приладить пытался...

И со скорбью теперь сознаю,
 Что я строилъ, безъ всякаго страха,
 Вавилонскую башню мою
 Изъ негодныхъ обломковъ и праха...

Появились трещины въ ней,
 Камни, стѣны вездѣ подавались,
 А на вспаханной нивѣ моей
 Травы сорныя вновь показались.

Я задѣлывалъ щели какъ могъ,
 Вырывалъ эти плевелы съ нивы,
 Но въ бесплодномъ трудѣ изнемогъ
 И утратилъ благіе порывы.

Видѣлъ я всѣхъ усилій тщету,
 Надоело мнѣ стрѣить и сѣять,
 И о славѣ военной мечту
 Вновь я сталъ въ моемъ сердцѣ лелѣять...

Нѣтъ! не ладилъ я съ мирнымъ трудомъ,
 Онъ былъ скученъ и мнѣ не давался,—

Мой, построенный заново, домъ
У меня на глазахъ разрушался...

Малодушно я взоръ отвратилъ,
Чтобъ не видѣть картины печальной,
Снова мечъ боевой наточилъ,
Снова въ путь я отправился дальній.
Лестъ присяжныхъ пѣвцовъ создала
Изъ моихъ походовъ поему;
Надъ врагами побѣда вилела
Два-три лавра въ мою діадему.
Всѣ встрѣчали меня съ торжествомъ,
Чтилось имя мое какъ святыня;
Но ходилъ я съ понижшимъ челомъ,
Въ моемъ сердцѣ смирилась гордыня.
Кровь враговъ пролилъ вновь я рѣкой,
Отнималъ у нихъ жизнь и свободу,
Но, съ триумфомъ вернувшись домой,
Ничего не принесъ я народу.
Нищеты лишь прибавилось въ немъ;
Онъ былъ тотъ же калѣка убогій,
Слабый духомъ и скудный умомъ,
Съ затаенною въ сердцѣ тревогой...
Я не могъ новой жизни вдохнуть
Въ это тѣло, убитое мною,
И созналъ я вполнѣ, что мой путь
Былъ невѣрной и ложной стезею.
Самъ себѣ, моей родинѣ врагъ,
О, въ какое я впалъ ослѣпленье:
Жаждалъ блеска, но сѣялъ лишь мракъ,
И пожалъ я... одно разрушенье!

И теперь, лежа въ тѣсномъ гробу,
Слышу я и проклятья, и стоны:
То клянуть свою злую судьбу
И меня моихъ жертвъ миллионы;
Точно буря во мракѣ ночей,
Страшный хоръ ихъ кругомъ раздается...
Но поклонниковъ славы моей
Много, много еще остается.
Я торжественно въ землю зарыть,

Въ гробъ лавромъ побѣды обвитомъ,
 Былъ при жизни моей знаменитъ,
 Остаюсь и теперь знаменитымъ;
 Мнѣ хвалебныя гимны поютъ
 И по мнѣ совершаются тризны,
 Но отрады они не даютъ,—
 Они горше, чѣмъ всѣ укоризны.
 Въ этихъ громкихъ и глупыхъ хвалахъ
 Мнѣ насмѣшка слышна и обида,
 Моя слава внушаетъ мнѣ страхъ,
 Меня давить моя пирамида...
 Ты тоскуешь, что ты позабытъ
 Въ своей пышной, богатой могилѣ,—
 Меня зависть беретъ, сибаритъ:
 Я-бъ желалъ, чтобъ меня позабыли!

И раздался въ землѣ его стонъ,
 Громогласный, протяжный и звучный,
 И умолкнулъ. Мнѣ жалокъ былъ онъ,
 Жертва славы своей злополучной...

Вслѣдъ затѣмъ я опять услышалъ
 Подъ землей разныхъ звуковъ смѣшенье:
 Тамъ таинственно кто-то шепталъ,
 Мнѣ слышались музыка, пѣнье,
 Шорохъ, шелестъ и говоръ глухой,
 Голоса—все яснѣе и чище...
 То не война-ль стонъ громовой
 Пробудилъ ото сна все кладбище?
 Что-то вѣяло; я ощутилъ
 Во всемъ тѣлѣ и бодрость, и силы,
 Между тѣмъ какъ въ глаза мнѣ свѣтилъ
 Странный свѣтъ изъ убогой могилы...

Я очнулся... Ужели я спалъ,
 Побѣжденный дремотой невольной?
 Въ ясномъ воздухѣ строго звучалъ,
 Съ перерывами, звонъ колокольный;
 Пѣли птички, шумѣлъ вѣтерокъ,
 Каждый кустъ шелестилъ, шевелился;
 Озарялся на небѣ востокъ,—

Онъ алѣлъ, онъ желтѣлъ, золотился;
Поднимался надъ городомъ паръ
Легкой дымкой съ отѣнкомъ янтарнымъ;
Вотъ явился и солнечный шаръ
Во всемъ блескѣ своемъ лучезарномъ;
Освѣтилъ, обогрѣлъ небеса,
Міръ живущихъ и мертвыхъ гробницы—
И слились въ общій хоръ голоса,
Шумъ и грохотъ громадной столицы.

Не съ поникшей уже головой,
А спокойно, рѣшительно, смѣло
Возвращался теперь я домой;
Мое сердце надеждой горѣло.
Я не знаю: сіяющій день,
Брѣвнѣй сонъ или сна того грезы
Въ моихъ мысляхъ разсѣяли тѣнь,
Отогнали отъ глазъ моихъ слезы...

Д. Михаловскій.

Теорія культурно-историческихъ типовъ.

(Н. Я. Данилевскій: „Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ романо-германскому“. Изданіе четвертое. Спб., 1889 г.).

Одинъ изъ поклонниковъ книги Данилевскаго *Россія и Европа*, заботливости котораго она обязана третьимъ и четвертымъ своими изданіями, именно Н. Н. Страховъ, называетъ ее «цѣлымъ катихизисомъ или кодексомъ славянофильства», ибо въ ней, — говоритъ онъ, — послѣднее представлено «въ формѣ строгой, ясной, опредѣленной, въ такой точной и связанной формѣ, въ какой едва ли существуетъ у насъ какое-нибудь другое ученіе» (*Предисловіе*, стр. XXIII и XXIV). Не съ этой стороны предполагаемъ мы разобрать на слѣдующихъ страницахъ книгу Данилевскаго: есть у нея и другая сторона, которая можетъ заинтересовать людей, и не нуждающихся въ сведеніи основъ славянофильскаго ученія въ катихизисъ или кодексъ. Книга Данилевскаго, — говоритъ почтенный издатель, — содержитъ въ себѣ новый взглядъ на всю исторію человѣчества, новую теорію *Всеобщей исторіи*. Это, — продолжаетъ онъ, — не публицистическое сочиненіе, котораго вся занимательность заимствуется изъ извѣстныхъ практическихъ интересовъ: это — сочиненіе строго-научное, имѣющее добыть истину относительно основныхъ началъ, на которыхъ должна строиться наука *исторіи* (стр. XXVI). По мнѣнію г. Страхова, «переворотъ, который *Россія и Европа* стремится внести въ науку исторіи, подобенъ *внесенію естественной системы* въ науки, гдѣ господствовала система искусственная» (стр. XXVII). Къ новому изданію книги Данилевскаго приложена большая статья (изъ *Рус. Вѣстн.* за 1888 г.) проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, который также очень высоко ставитъ чисто-научную сторону сочиненія. Наприм., по его словамъ, это — «замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ книгъ послѣдняго времени, а, можетъ быть, даже и не одного послѣдняго... Каждое перечитываніе ея открываетъ въ ней новыя стороны... Самое существенное достоинство книги — установленіе теоріи культурно-историческихъ типовъ... Едва ли можно доказать, что прогрессъ совершался не тѣмъ путемъ, который указалъ Данилевскій... Высшая заслуга его книги — внесеніе въ исторію естественной системы, а естественная система только одна, по-

тому что двухъ системъ быть не можетъ» (стр. 608—610). Вотъ эту-то научную сторону сочиненія Данилевскаго мы и подвергнемъ критикѣ.

Научные элементы *Россіи и Европы* довольно легко отдѣлать отъ публицистическихъ: они, такъ сказать, начинаютъ вплетаться въ публицистическую тему въ главѣ III и особенно съ IV, гдѣ опредѣляется, что такое система науки, чтобы составить все содержаніе главъ V и VI; къ числу главъ съ научнымъ преимущественно содержаніемъ нужно отнести и X; кромѣ того, и въ другихъ главахъ есть отдѣльныя мѣста, подлежащія научной критикѣ. На главныхъ изъ обозначенныхъ отдѣлахъ *Россіи и Европы* мы и сосредоточимъ свое вниманіе.

I.

Отрицаніе Данилевскимъ общей теоріи общества.

Начнемъ съ самаго, на нашъ взглядъ, капитальнаго пункта въ историко-философскомъ ученіи Данилевскаго: онъ утверждаетъ, что общая теорія общества невозможна.

Въ концѣ шестой главы (стр. 167 и слѣд.) авторъ *Россіи и Европы* даетъ свою классификацію наукъ, заявляя самымъ категорическимъ образомъ, что «прибѣгаетъ» къ ней «для доказательства высшей степени національности нѣкоторыхъ наукъ» и что при этомъ остановится лишь на нужномъ для указанной частной цѣли. Классификація наукъ—предметъ весьма интересный и важный: онъ заслуживалъ бы того, чтобы имъ заняться самимъ по себѣ, а не ради доказательства какого-либо тезиса. Въ публицистической книгѣ, назначенной для превознесенія «Россіи» надъ «Европой», обращаться къ классификаціи наукъ, чтобы доказать націоналистическій же тезисъ, значитъ прямо подрывать довѣріе къ научнымъ основамъ этой классификаціи: невольно начинаешь думать, что послѣдняя подгоняется искусственно къ тому, что «требуется доказать». Этому важному предмету авторъ отводитъ всего четыре страницы. Вотъ суть его аргументаціи. Теоретическими науками могутъ быть названы тѣ, которыя «имѣютъ своимъ предметомъ общія міровыя сущности, безотносительно къ тѣмъ специальнымъ формамъ, въ какія онѣ облечены». Такихъ міровыхъ сущностей Данилевскій признаетъ три: матерію, движеніе и духъ, и соответственно имъ три теоретическія науки: химію, физику и психологію. Матерію и духъ можно назвать сущностями, но странно подъ ту же категорію подводить движеніе, которое въ физикѣ рассматривается какъ свойство матеріи. Самъ Данилевскій говоритъ далѣе, что «всѣ остальные науки имѣютъ своимъ предметомъ лишь видоизмѣненія матеріальныхъ и духовныхъ силъ и законовъ», забывая, что слѣдовало бы рядомъ съ матеріальными и духовными силами и законами по его классификаціи поставить еще силы и законы признаваемой имъ третьей сущности, т.-е. движенія. Упомянутыя видоизмѣненія происходятъ «подъ вліяніемъ морфологическаго принципа, о которомъ,—говоритъ Данилевскій,—мы замѣтимъ только, что онъ не простекаетъ изъ

«свойствъ матеріи и ея движенія», а «есть идеальное въ природѣ». «Развивать мысль эту здѣсь не у мѣста»,—прибавляетъ онъ. Очень жаль, можемъ мы только сказать, потому что весьма любопытно было бы знать, какимъ образомъ можно представить себѣ общество, какъ «осуществленіе» матеріи, движенія и духа или хотя бы одного духа «подъ вліяніемъ морфологическаго принципа». Авторъ ограничивается лишь указаніемъ на то, что только химія, физика и психологія могутъ вырабатывать общія теоріи, а остальные науки могутъ отыскивать лишь частные законы, простирающіеся на болѣе или менѣе обширныя группы предметовъ или существъ. Различія между «общими теоріями» и «частными законами» у автора, однако, не проведено: вѣдь, и законы химіи, физики и психологіи, взятые каждый въ отдѣльности, простираются только на болѣе или менѣе обширныя группы предметовъ, и что можно сказать о падающихъ тѣлахъ, то оказывается совершенно неприложимымъ къ преломляющемуся свѣтовому лучу. Физиологія, анатомія, науки филологическія, историческія и общественныя,—говоритъ далѣе Данилевскій,—не могутъ быть науками теоретическими, а могутъ быть лишь науками сравнительными. Опять неясно: странно противупологать теоріи сравненіе,—это понятія несоизмѣримыя, и, кромѣ того, сравненіе есть одинъ изъ пріемовъ («сравнительный методъ»), которымъ пользуются нѣкоторыя науки именно для теоретическихъ цѣлей. Между прочимъ, вѣдь, и въ психологіи играетъ роль «сравнительный методъ». Самое главное, впрочемъ, впереди. «Общественныя явленія,—говоритъ Данилевскій,—не подлежатъ никакимъ особаго рода силамъ, слѣдовательно, и не управляются никакими особыми законами, кромѣ общихъ духовныхъ законовъ. Эти законы дѣйствуютъ особымъ образомъ подъ вліяніемъ морфологическаго начала образованія обществъ; но такъ какъ эти начала для разныхъ обществъ различны, то и возможно только — не теоретическое, а лишь сравнительное обществословіе и части его: политика, политическая экономія» и т. д. Первая половина приведенныхъ словъ какъ будто является введеніемъ къ разсужденію о тождественности соціологическихъ законовъ, которые суть лишь общіе духовные законы, дѣйствующіе особымъ образомъ подъ вліяніемъ «морфологическаго начала», но вдругъ авторъ сворачиваетъ въ сторону, заявляя, что это начало у одного общества одно, у другаго другое: откуда берется оно вообще и отъ чего оно столь разнообразно, Данилевскій не считаетъ нужнымъ объяснять. Очевидно, въ его умѣ смѣшиваются представленія теоретической соціологіи (обществословія, по его терминологіи) и практической политики, т. е. категоріи существующаго и желательнаго: иначе онъ не сталъ бы доказывать своего тезиса ссылкой на доктринеровъ, рекомендующихъ всѣмъ государствамъ англійскую конституцію, какъ нѣчто желательное. Одно дѣло—узнать, что такое государство вообще, другое дѣло—признать ту или другую форму государства за наилучшую: изъ того, что нѣтъ общей теоріи устройства по одному шаблону всякаго политическаго общества, еще не слѣдуетъ, чтобы не было нѣкоторыхъ общихъ началъ, лежащихъ въ основѣ всякаго общества. Въ

самомъ дѣлѣ, иначе нельзя было бы давать общихъ опредѣленій такимъ понятіямъ, какъ государство, власть, право, законъ, судъ, рента, капиталъ и т. п., т.-е. пришлось бы совсѣмъ отказаться отъ употребленія этихъ понятій въ наукѣ. Но идемъ далѣе. Признавая, что всѣ «явленія общественнаго міра суть явленія національныя», Данилевскій находитъ, что они «какъ таковыя только и могутъ быть изучаемы и разсматриваемы». Национальность этихъ явленій онъ выводитъ изъ того, что у нихъ нѣтъ теоретической основы (сказано такъ: «за неимѣніемъ теоретической основы... всѣ явленія общественнаго міра» и пр.). Оставляя въ сторонѣ неловкость выраженія, позволяющаго думать, что Данилевскій способенъ приписывать реальнымъ явленіямъ теоретическія, т.-е. возникшія въ умѣ человѣка основы, и допускающаго вопросъ, какъ назвалъ бы авторъ основы социальныя явленія въ противоположность къ теоретическимъ основамъ, мы имѣемъ полное право спросить, почему же отсутствіе какихъ-то «самобытныхъ, не производныхъ силъ и законовъ» у общественныхъ явленій дѣлаетъ ихъ непремѣнно національными? Притомъ, что это значить? Значить ли это, что, напр., экономическій законъ спроса и предложенія вообще не существуетъ, такъ какъ его можно назвать скорѣе интернациональнымъ? Или это значить, что такой законъ, какъ не національный и, притомъ, имѣющій теоретическую основу, нужно выкинуть изъ числа социологическихъ законовъ вообще? Но допустимъ, что все въ этой аргументаціи Данилевскаго обстоитъ благополучно: далѣе является новое затрудненіе. Пусть всѣ общественные феномены національны, но почему же ихъ изучать и разсматривать только и можно какъ таковыя, т.-е., полагаемъ, какъ однѣ на другія непохожія, своеобразныя? Вѣдь, тогда позволительно было бы и такъ разсуждать: всѣ духовныя явленія индивидуальны, а потому какъ таковыя только и могутъ быть изучаемы и разсматриваемы, т.-е. общая теорія духовныхъ явленій невозможна. Въ сущности, вѣдь, такъ и аргументируетъ Данилевскій. Общественныя явленія,—дѣлаетъ онъ затѣмъ такую уступку,—конечно, могутъ и должны быть сравниваемы между собою (это уже нѣчто иное!), и изъ такого сравненія могутъ простекать правила для болѣе или менѣе обширной группы человѣческихъ обществъ; но,—продолжаетъ онъ,—никогда политическое или экономическое явленіе, замѣчаемое у одного народа и тамъ умѣстное и благодѣтельное, не можетъ считаться уже по одному этому умѣстнымъ и благодѣтельнымъ у другаго. Отрекшись отъ только что провозглашеннаго принципа изученія общественныхъ явленій только какъ національныхъ въ пользу разсмотрѣнія ихъ на нѣкоторой нейтральной почвѣ, Данилевскій допускаетъ такіе выводы изъ подобнаго разсмотрѣнія, что они получаютъ у него (конечно, потенциально) примѣненіе по отношенію къ цѣлымъ группамъ человѣческихъ обществъ: почему же, спросимъ мы, немислимы выводы, которые распространились бы на всѣ человѣческія общества? Замѣчательно далѣе, что эти выводы онъ назвалъ «правилами». Дѣло въ томъ, что общее «обществословіе» ищетъ законы, управляющіе социальными явленіями, а

не правила, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ: Данилевскій снова смѣшалъ теоретическую и практическую (чистую и прикладную) науки. Съ другой стороны, изъ того, что умѣстное у одного народа можетъ быть неумѣстнымъ у другаго, вовсе не вытекаетъ, чтобы «общественныя науки были народны по самому своему объѣмту». Объѣмтъ общественныхъ наукъ вездѣ одинъ и тотъ же, и этому нисколько не мѣшаетъ, что практически умѣстное у одного народа неумѣстно у другаго. Наконецъ, такимъ аргументомъ можно какую угодно науку провозгласить неизмѣнющею общей теоріи: умѣстное при обработкѣ одного матеріала неумѣстно при обработкѣ другаго и въ области химической, и въ области физической, и въ области духовной. Самъ Данилевскій даетъ намъ такой примѣръ: «никто никогда не утверждалъ, что правила нѣмецкой грамматики обязательны и для русскаго языка». Конечно, никто этого не утверждалъ, но именно потому, что никто не видѣлъ въ правилахъ нѣмецкой грамматики общихъ законовъ языка, но изъ того, что нельзя навязывать правила нѣмецкой грамматики грамматикѣ русской, никто не дѣлалъ того вывода, будто невозможно общее языкознаніе.

Цѣлью нашего разбора не было доказывать возможности общей теоріи общества: мы хотѣли только представить, на какихъ шаткихъ и непродуманныхъ положеніяхъ основанъ тезисъ Данилевскаго. Авторъ *Россіи и Европы*, притомъ, самъ себѣ противорѣчитъ: у него самого, несомнѣнно, была своя собственная теорія общества, была своя теорія одного изъ главнѣйшихъ общественныхъ явленій — исторіи. Недаромъ ему въ особую услугу и ставится его «теорія исторіи». Откуда бы у него могла явиться мысль искать «законы историческаго развитія» и та увѣренность, съ какою онъ ихъ формулировалъ, если бы онъ въ глубинѣ души не допускалъ того, что сознательно было имъ отвергнуто ради доказательства положенія, имѣющаго мало общаго съ стремленіемъ къ научной истинѣ? Невозможность общей теоріи общества, якобы основанная на классификаціи наукъ, нужна была Данилевскому для того, чтобы обосновать научнымъ образомъ свое право въ извѣстныхъ случаяхъ быть ненаучнымъ.

Гораздо откровеннѣе заявляетъ авторъ *Россіи и Европы*, въ чемъ заключается суть его стремленій, самъ, притомъ, подчеркивая относящіяся сюда слова: «для всякаго славянина... идея славянства должна быть выше идей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія, выше всякаго земнаго блага» (стр. 133). Слова эти вполне умѣстны въ книгѣ, имѣющей значеніе «катикизиса славянофильства», но изъ того, что по этому катикизису «идея славянства должна быть выше науки», уже видно, насколько можно ожидать «строгой научности» (аттестациа г. Страхова книгѣ Данилевскаго) отъ *Россіи и Европы*.

Оказалось нужнымъ во имя «идеи славянства» отвергнуть самую возможность общей теоріи общества, и она была отвергнута, что не мѣшало, однако, автору книги формулировать отдѣльныя теоретическія положенія социологическаго характера, которыя тоже пошли на службу идеѣ славянства.

II.

Защита Данилевскимъ націонализма въ наукѣ.

Отрицаніе самой возможности общей теоріи общества нужно было Данилевскому, какъ мы видѣли, чтобы доказать существенно-національный характеръ общественныхъ наукъ.

О національности науки Данилевскій говоритъ во второй половинѣ (стр. 163—171) главы VI, трактующей вообще «объ отношеніи народнаго къ общечеловѣческому». Въ предъидущемъ, собственно говоря, мы разобрали самый конецъ этой главы, то мѣсто, гдѣ доказывается, что самъ объектъ общественныхъ наукъ существенно націоналенъ. Мы не будемъ здѣсь столь же подробно останавливаться на только что указанныхъ страницахъ, берущихъ вопросъ шире, нежели можно было бы думать по разобранному нами окончанію главы: Данилевскій весьма интересно и въ общемъ очень вѣрно рассуждаетъ здѣсь о томъ, какъ въ науку вносятся «субъективная примѣсь и необходимая односторонность, зависящая отъ особенностей въ психическомъ строѣ разныхъ народностей», какъ «національный характеръ придается наукѣ еще тѣмъ предпочтеніемъ, тою предиллекціей, которая каждый народъ оказываетъ нѣкоторымъ отраслямъ знанія», что, по мнѣнію автора, зависитъ «отъ известной соотвѣтственности, существующей между разными категоріями, на которыя раздѣляется предметъ научнаго изслѣдованія, и между склонностями, а, слѣдовательно, и способностями разныхъ народовъ» и т. д. Историческіе примѣры, которыми онъ иллюстрируетъ свои соображенія, подобраны весьма удачно, и вообще тридцать страницъ, посвященныхъ этому предмету, читаются съ удовольствіемъ. Въ сравненіи съ ними четыре послѣднія страницы главы, на коихъ мы остановились нѣсколько долѣе, производятъ положительно жалкое впечатлѣніе. Между тѣмъ, на нихъ-то Данилевскій говоритъ о наиболѣе существенной сторонѣ вопроса, доказывая національность общественныхъ наукъ «не только въ субъективномъ смыслѣ, какъ самъ онъ выражается, но и въ объективномъ». Тамъ, гдѣ рѣчь шла о субъективной примѣси, зависящей отъ національности ученаго, нашъ авторъ былъ весьма ясенъ: онъ уподобляетъ истину благородному металлу, который мы можемъ извлекать не иначе, какъ обративъ его сначала въ сплавъ съ металлами неблагородными, съ чѣмъ, однако, приходится мириться, и прибавляетъ, что съ теченіемъ времени, при разновидности различныхъ національныхъ направленій (и главнѣйше-подъ условіемъ этой разновидности), эти примѣси выдѣляются, элиминировуются—и остается чистый благородный металлъ истины». Ничего подобнаго не предвидится со стороны Данилевскаго по отношенію къ національнымъ объектамъ общественныхъ наукъ: тутъ уже элиминировать нечего, когда само изучаемое національно. Самъ онъ строго различаетъ привносимое въ науку извнѣ отъ объекта науки и, распространившись относительно перваго, оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи, что же слѣдуетъ извлечь изъ его тезиса о существенно національномъ характерѣ обществен-

ныхъ наукъ? Въ извѣстномъ смыслѣ національными предметами науки могутъ быть и не общественныя явленія: возможно, наприм., заниматься отечественною геологіей, географіей, фауной, флорой и т. д., или чужеземною, какъ занимаются или отечественною, или иностранною исторіей. Конечно, не это имѣлъ въ виду Данилевскій, а нѣчто другое. Это нѣчто другое нужно поискать, разъ авторъ самъ намъ его не показываетъ.

«Плоды науки,—говоритъ Данилевскій въ одномъ мѣстѣ разсматриваемой главы (стр. 166),—суть достояніе всего человѣчества, въ болѣе ширѣ, чѣмъ прочія стороны цивилизаціи, которыя въ такой полнотѣ не могутъ передаваться отъ народа къ народу, особливо же отъ одного культурно-историческаго типа къ другому, но самое произращеніе этихъ плодовъ, т.-е. обработка и развитіе наукъ, носить на себѣ не менѣе національный характеръ, чѣмъ искусство, народная и государственная жизнь». Мы ставимъ вопросъ: къ чему скорѣе всего авторъ *Россіи и Европы* отнесъ бы данныя общественныхъ наукъ—къ плодамъ ли науки, составляющимъ общее достояніе, причемъ національныя примѣсы элиминируются, или же къ той категоріи предметовъ, которые не могутъ, по теоріи Данилевскаго, передаваться однимъ народомъ другому? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на этотъ вопросъ Данилевскій отвѣтилъ бы во второмъ смыслѣ. Во-первыхъ, общей теоріи общественныхъ явленій нѣтъ, и авторъ прямо нападаетъ, наприм., на политическую экономію, «думающую,—какъ онъ выражается,—что всякое господствующее въ ней ученіе есть общее для всѣхъ царствъ и народовъ». Во-вторыхъ, по собственнымъ словамъ Данилевскаго, «наиболѣе національный характеръ имѣютъ (или, по крайней мѣрѣ, должны бы имѣть для успѣшности своего развитія) науки общественныя», а то, что наиболѣе національно, и не подлежитъ передачѣ. Можно прибавить: не подлежитъ и заимствованію. Мы думаемъ, что выводъ отсюда одинъ только и можетъ быть, который и сдѣланъ авторомъ *Россіи и Европы* не въ формѣ какого-либо отвлеченнаго тезиса, а именно въ видѣ цѣлой его книги. Данилевскій мечталъ о самобытной русской наукѣ, о русской теоріи всеобщей исторіи, и его патріотическое увлеченіе подсказало ему требованіе отъ общественныхъ наукъ наиболѣе національнаго характера. Такимъ образомъ, по его представленію, общей теоріи социальныхъ явленій не можетъ быть не только въ смыслѣ общепримѣнимости, но и въ смыслѣ общепризнаваемости: общественныя явленія, представляемая жизнью разныхъ народовъ, не подводятся подъ общіе принципы, а съ другой стороны социальные науки у разныхъ народовъ необходимо должны имѣть разные принципы. Такой выводъ какъ нельзя болѣе естественъ, разъ авторъ смѣшиваетъ задачи чистой и прикладной науки: условія жизни и историческія традиціи отдѣльныхъ народовъ неодинаковы, у каждаго существуютъ свои особыя задачи, интересы ихъ равнымъ образомъ не одни и тѣ же, и стоитъ только внести въ науку въ качествѣ принциповъ все это, т.-е. условія существованія и преданія исторіи, современные интересы и задачи будущаго, какіе только мы находимъ у того или другаго народа, чтобы на са-

момъ дѣлѣ получить науку съ характеромъ не менѣе національнымъ, чѣмъ тотъ, какимъ отличается народная и государственная жизнь. Но такая національная наука будетъ только обобщать факты національной жизни, т. е. не будетъ общепримѣнимой, а, съ другой стороны, и признавать ее станутъ только тамъ, гдѣ она возникла, какъ возведеніе окружающей дѣйствительности на степень отвлеченной идеи. Если было бы такъ, то сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ пониманіе учеными однѣхъ странъ общественныхъ теорій, создаваемыхъ учеными другихъ странъ: общественныя науки двухъ народовъ были бы столь же различны, какъ ихъ языки. Въ другихъ наукахъ, именно, главнымъ образомъ, въ естествознаніи, Данилевскій признаетъ возможность общей истины, постепенно очищаемой отъ національныхъ примѣсей, безъ которыхъ, по его представленію, науки разрабатываться не могутъ, но здѣсь уже дѣло не въ примѣсяхъ, а въ самомъ существѣ, строго національномъ: элиминировать приходится не его (что бы тогда осталось отъ науки?), а именно все чужое, все выросшее не на родной почвѣ, а потому, конечно, мѣшающее наукѣ сохранять «наиболѣе національный характеръ». Но будетъ ли такая наука наукой въ истинномъ значеніи этого слова? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ самъ читатель.

Мы не станемъ излагать здѣсь собственныхъ своихъ взглядовъ на этотъ предметъ: тотъ, кого они заинтересовали бы, можетъ обратиться къ статьѣ нашей *Мечта и правда о русской наукѣ*, помѣщенной въ XII книгѣ *Русской Мысли* за 1884 г., или къ нашей брошюрѣ *Лекція о духѣ русской науки*, напечатанной въ Варшавѣ въ 1885 г. Не отрицая важнаго значенія для общественныхъ наукъ тѣхъ національныхъ вкладовъ, которые имѣютъ свой корень въ особенностяхъ духа и историческихъ судьбъ отдѣльныхъ народовъ, видя въ такихъ вкладахъ весьма важное средство обогащать науку новыми идеями, которыя жизнь могла выработать только у известнаго народа съ известною духовною фizioноміей и съ известнымъ прошлымъ и настоящимъ, мы требовали, однако, чтобы вклады эти были дѣйствительно научные и чтобы они дѣлались предметомъ научнаго синтеза съ другими такими же вкладами. «Национальная наука, — писали мы, — обязана вести свое дѣло такъ, чтобы то, что могло по условіямъ данной общности выработаться только въ ней, было признано и другими, «чужими», какъ дѣйствительный вкладъ въ сокровищницу знанія, какъ поправка, расширеніе взглядовъ, выработанныхъ при иныхъ условіяхъ, всегда, конечно, одностороннихъ, и какъ освѣщеніе истины съ новой стороны». Общечеловѣческая наука, состоящая изъ теоретическихъ истинъ, способныхъ получить признаніе у всѣхъ народовъ, и составляется, какъ результатъ синтеза національныхъ вкладовъ, но именно лишь постольку, поскольку содержащіяся въ нихъ истины отрѣшаются отъ своей мѣстной и временной окраски, отвлекаются отъ конкретной національной дѣйствительности. Изъ того, что у насъ подъ общечеловѣческимъ часто разумѣли одно западно-европейское, противъ чего протестуетъ Данилевскій (стр. 119 и

слѣд.), еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы общечеловѣческаго не могло существовать, чтобы «понятіе объ общечеловѣческомъ не имѣло въ себѣ ничего реальнаго и дѣйствительнаго», какъ заявляетъ Данилевскій (стр. 128). Если тутъ только нѣтъ игры словами и понятіями (авторъ, отрицая *общечеловѣческое*, признаетъ *всечеловѣческое*), то Данилевскій долженъ былъ бы видѣть въ наукѣ не совокупность истинъ, общихъ или по самому существу своему могущихъ сдѣлаться общими всѣмъ народамъ, а совокупность всего, что принимается за истинное всѣми народами, хотя бы отдѣльными національными истины и противорѣчили однѣ другимъ: всечеловѣческое,—говоритъ онъ,—«состоитъ только изъ совокупности всего народнаго, во всѣхъ временахъ и мѣстахъ существующаго и имѣющаго существовать» (стр. 128). Не будемъ спорить о словахъ. Пусть всечеловѣческая наука будетъ суммой всѣхъ національныхъ наукъ, не сведенныхъ къ одной, такъ сказать, всеединой наукѣ, но тогда зачѣмъ «элиминировать національныя примѣси» для полученія чистаго благороднаго металла истины, о чемъ говоритъ самъ же Данилевскій (стр. 139)? Для того, чтобы «плоды науки были дѣйствительно достояніемъ всего человѣчества», на что авторъ *Россіи и Европы*, какъ мы видѣли, соглашается (стр. 166), именно нужно идти дальше простой суммы «всечеловѣческаго», именно нужно изъ нея элиминировать то, что по своей національной исключительности можетъ быть достояніемъ только одного народа, будучи неспособно къ возведенію на высшую ступень общечеловѣческаго, именно нуженъ тотъ синтезъ, который изъ «совокупности» дѣлаетъ нѣчто единое, общее. Если же признать научнымъ достояніемъ всего человѣчества совокупность всего народнаго въ наукѣ, то человѣчество будетъ поставлено въ большое затрудненіе: народное въ наукѣ необходимо должно быть такъ тѣсно связано съ условіями жизни, историческими преданіями, интересами и задачами отдѣльныхъ народовъ, а все это не только различно у разныхъ народовъ, но вдобавокъ еще нерѣдко вноситъ въ ихъ взаимныя отношенія такой антагонизмъ, что разобратъ въ хаосъ противорѣчій не будетъ никакой возможности. Мы увидимъ, что иного результата въ вопросѣ объ общечеловѣческой наукѣ Данилевскій и не могъ получить при своей исходной точкѣ зрѣнія, отрицающей всемірно-историческій синтезъ культурныхъ продуктовъ отдѣльныхъ націй: въ этомъ отрицаніи и заключается сущность его теоріи культурно-историческихъ типовъ.

И такъ, Данилевскій—безусловный защитникъ націонализма въ наукѣ, причѣмъ, однако, его аргументы не могутъ быть названы убѣдительными. Ставъ на такую точку зрѣнія относительно общественныхъ наукъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ самъ придать своимъ историческимъ воззрѣніямъ націоналистическій характеръ; только подъ такимъ условіемъ и возможно было превращеніе «естественной системы исторіи», къ которой онъ стремился, въ «катихизисъ славянофильства», получившійся, на самомъ дѣлѣ, изъ его книги.

Когда-то Гизо, какъ французъ, объявилъ, что съ строго - философской

точки зрѣнія французская цивилизація одна наилучшимъ образомъ отражаетъ всю европейскую цивилизацію, даже воспроизводитъ вѣрнѣе, чѣмъ всякая другая, общій типъ; основную идею цивилизаціи. Конечно, это было патріотическое увлеченіе, отъ каковаго отрещивается и Бокль, принадлежавшій къ англійской націи и утверждавшій, что наиболѣе нормальной была исторія Англій. Къ этимъ двумъ примѣрамъ прибавимъ третій: для нѣмца Гегеля германскій духъ былъ выразителемъ послѣдняго момента въ развитіи «всемірнаго духа», завершеніемъ исторіи человѣчества. Чтобы не забыть и Италію, укажемъ на итальянскаго патріота Джіоберти, написавшаго громадный томъ *О гражданскомъ и моральномъ первенствѣ Италіи*. Общечеловѣческая историческая наука, обязанная многимъ и Гизо, и Боклю, и Гегелю, конечно, «элиминируетъ» такія національныя пристрастія, и это ее нисколько не обезцвѣтитъ; всечеловѣческой наукѣ, кажется, нужно было бы быть «совокупностью всего народнаго» и въ этихъ, только что нами приведенныхъ утвержденіяхъ писателей разныхъ національностей относительно историческаго значенія послѣднихъ. Такъ какъ, впрочемъ, эти писатели другъ другу противорѣчатъ, то каждому народу, повидимому, остается только признавать за истину то, что ему говоритъ его собственная, по самому существу своему національная наука. У Данилевскаго на дѣлѣ такъ и выходитъ: для славянъ, которые, по его словамъ, идею славянства должны ставить выше науки (разумѣется, общечеловѣческой, а не славянской, такъ какъ послѣдняя и есть носительница идеи славянства), онъ даетъ славянскую истину, какъ Гизо давалъ своимъ соотечественникамъ истину французскую, Бокль — англійскую, Гегель — нѣмецкую, Джіоберти — итальянскую.

Въ VI главѣ *Россіи и Европы* есть одно мѣсто, гдѣ Данилевскій, повидимому, принципиально возстаетъ противъ подобной идеализаціи «своего». Именно онъ указываетъ на то, что «само ученіе славянофиловъ», имѣвшее одинъ изъ источниковъ своихъ въ германской философіи, «не чуждо было оттѣнка гуманитарности, т.-е. увлеченія общечеловѣческимъ»: «если, — говоритъ онъ, — оно напирало на необходимость самобытнаго національнаго развитія, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянскихъ началъ, а также видя успѣвшую уже высказаться, въ теченіе долговременнаго развитія, односторонность и непримиримое противорѣчіе началъ европейскихъ, считало, будто бы славянамъ суждено разрѣшить общечеловѣческую задачу, чего не могли сдѣлать ихъ предшественники. Такой задачи, — замѣчаетъ авторъ, — однако же, вовсе и не существуетъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы ей когда-нибудь послѣдовало конкретное движеніе, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя ее осуществило для себя и остальнаго человѣчества» (стр. 121). Весьма резонныя слова; но что же оказывается: Данилевскій ихъ забываетъ страницъ черезъ четыреста, т.-е. къ концу книги, гдѣ, «вмѣсто заключенія», мы находимъ главу XVII о «славянскомъ культурно-историческомъ типѣ».

Въ этой главѣ Данилевскій даетъ «возможно краткія и всеобъемлющія

формулы» результатовъ, достигнутыхъ жизнью отдѣльныхъ народовъ, и сравниваетъ эти формулы «съ теоретическими требованіями (тутъ онѣ оказались возможными) отъ полного и всесторонняго хода историческаго движенія» (стр. 516). Категорій культурныхъ дѣяльностей онъ насчитываетъ «ни болѣе, ни менѣе четырехъ», именно дѣяльности: 1) религиозную, 2) культурную въ тѣсномъ смыслѣ слова (наука, искусство, техника), 3) политическую и общественно-экономическую (стр. 517). Въ первоначальныхъ культурахъ всё эти дѣяльности еще смѣшаны, но еврейская культура уже исключительно религиозная, греческая—собственно культурная (эстетическая), римская, главнымъ образомъ,—политическая, т. е., по автору, типы: еврейскій, греческій и римскій суть типы одноосновные (стр. 522). Германо-романскій культурно - историческій типъ Данилевскій опредѣляетъ уже какъ политико-культурный, и поэтому называетъ его двусловнымъ (стр. 525). Что касается славянскаго типа, то, по пророчеству автора *Россіи и Европы*, онъ «въ первый разъ представилъ синтезъ всѣхъ сторонъ культурной дѣяльности въ обширномъ значеніи этого слова,—сторонъ, которыя разрабатывались его предшественниками на историческомъ поприщѣ въ отдѣльности или въ весьма неполномъ соединеніи», т. е. «будетъ первымъ полнымъ четырехосновнымъ культурно-историческимъ типомъ» (стр. 556).

Гизо говорилъ, что французская цивилизація вѣрнѣе воспроизводитъ общій типъ, основную идею цивилизаціи: Данилевскій оспариваетъ эту привилегію въ пользу славянской культуры.

Бокль утверждалъ, что самый нормальный ходъ общественнаго развитія представляется англійскою исторіей, и эту привилегію Данилевскій переноситъ на славянъ.

Гегель видѣлъ въ германскомъ духѣ выраженіе послѣдняго момента въ развитіи «всемірнаго духа: «нѣтъ,—говоритъ Данилевскій,—только славянамъ суждено создать окончателльный четырехсоставный типъ культуры».

Данилевскій на стр. 121 своей книги писалъ, что никогда никакое культурно-историческое племя не осуществитъ для себя и для остальнаго человечества задачу человечества: тотъ же Данилевскій на стр. 556—557 той же книги предсказываетъ, что славяне создадутъ синтезъ тѣхъ сторонъ культуры, которыя разрабатывались евреями, греками, римлянами, «германо-романцами» въ отдѣльности или въ весьма неполномъ соединеніи, и что потому «на обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться въ одинъ обширный водоемъ» всѣ потоки всемірной исторіи и къ берегу этого водоема должны собраться «чуждые народы» утолять свою духовную жажду.

Кто изъ нихъ правъ и гдѣ правъ самъ себѣ противорѣчащій Данилевскій?

Съ точки зрѣнія общечеловѣческой науки, отвергаемой, однако, авторомъ *Россіи и Европы*, правъ только одинъ онъ на страницѣ 121 своей книги. Съ точки зрѣнія національныхъ наукъ и науки всечеловѣческой, какъ ихъ совокупности, пришлось бы, наоборотъ, признать одинаково правыми всѣхъ и неправыми только самого Данилевскаго на стр. 121.

И такъ, до сихъ поръ относительно научной стороны *Россіи и Европы* мы узнали двѣ вещи: 1) позволительно, отрицая самую возможность общей теоріи общественныхъ явленій, слѣдовательно, и исторіи, тѣмъ не менѣе, создавать общую теорію исторіи и предъявлять «ходу историческаго движенія» извѣстныя «теоретическія требованія», съ которыми можно было бы сравнивать краткія, но всеобъемлющія формулы развитія отдѣльныхъ народовъ; 2) позволительно, отрицая общечеловѣческую науку, создавать науку всечеловѣческую, которая должна составиться изъ всего, что нѣна-есть самаго народнаго въ отдѣльныхъ научныхъ литературахъ, хотя бы имѣющая отсюда получиться «естественная система» напоминала собою самый неестественный хаосъ національныхъ мнѣній.

III.

Отрицаніе Данилевскимъ единой нити въ развитіи человѣчества.

Переходимъ теперь къ главной мысли Данилевскаго. «Онъ, — говорить г. Страховъ въ своемъ предисловіи къ *Россіи и Европѣ*, — далъ новую формулу для построения исторіи, формулу гораздо болѣе широкую, чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность предмета, чѣмъ прежнія формулы. Именно онъ отвергъ единую нить въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ, — говоритъ Данилевскій, — существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльныхъ культурно - историческихъ типовъ». Прежній взглядъ г. Страховъ и называетъ искусственнымъ, противопоставляя ему взглядъ Данилевскаго, какъ естественный. Мы и разберемъ теперь поочередно отрицаніе Данилевскимъ единой нити въ развитіи человѣчества и его теорію культурно-историческихъ типовъ.

Данилевскій совершенно вѣрно подмѣтилъ одну особенность въ западно-европейскомъ пониманіи исторіи человѣчества: это — встрѣчающееся и у историковъ, и у философовъ исторіи (напримѣръ, у Гегеля или у Конта) отождествленіе судьбы романо-германской Европы съ судьбами всего человѣчества (стр. 85). Впрочемъ, изъ русскихъ писателей не одинъ Данилевскій это подмѣтилъ: я бы могъ привести здѣсь мнѣнія по этому пункту гр. Л. Н. Толстаго (въ *Войнѣ и Мирѣ*) и Стронина (въ *Исторіи обществѣнности*). Далѣе, авторъ *Россіи и Европы* и объяснилъ хорошо причину этого явленія, указывая на нѣкоторую ошибку исторической перспективы: разобравъ дѣленіе всемірной исторіи на древнюю, среднюю и новую, онъ обращаетъ вниманіе читателя на тотъ фактъ, что «различія, замѣчаемыя въ характерѣ событій среднихъ и новыхъ вѣковъ, должны были показаться столь важными и существенными для историковъ, къ которымъ они были ближе (и по времени, и по тому, что совершались въ средѣ того же племени, къ которому принадлежали эти историки), что все

остальное человечество и всё предшествовавшее вѣка представлялись имъ какъ бы на заднемъ планѣ ландшафта, гдѣ всё отдѣльныя черты сглаживаются, и онъ служитъ только фономъ для первыхъ плановъ картины. Но,—продолжаетъ Данилевскій,—не кажущееся и видимое, а сущность и дѣйствительность составляютъ дѣло науки. Этотъ перспективный взглядъ на исторію произвелъ ту ошибку, что вся совокупность фазисовъ совершенно своеобразнаго развитія нѣсколькихъ одновременно и даже послѣдовательно жившихъ племенъ, названная древнею исторіей, была поставлена на ряду, на одну ступень съ каждымъ изъ двухъ фазисовъ развитія одного только племени, какъ бы третій первоначальный фазисъ развитія этого племени» (стр. 84 и 85). Этимъ, дѣйствительно, исторія вытягивается въ одну линію, и лучшимъ примѣромъ такого изображенія всемірной исторіи является философія исторіи Гегеля, разсматривающая жизнь многихъ народовъ, которыхъ мы обозначаемъ общимъ именемъ древняго Востока, какъ младенчество всего человечества, исторію Греціи—какъ его юность, исторію Рима—какъ его зрѣлый возрастъ, исторію германскаго міра—какъ его старость: тутъ, во-первыхъ, части отвѣчаютъ за цѣлое, а, во-вторыхъ, все нанизывается на одну нить. Последнее особенно замѣтно въ примѣненіи общей идеи къ подробностямъ: такъ, Гегель начало исторіи полагаетъ къ Китаю, а Индію заставляетъ продолжать то, что начато было въ Китаю, чтобы предоставить дальнѣйшее продолженіе Персидскому государству, въ которомъ, опять-таки, за вавилоно-ассирійскимъ элементомъ слѣдуетъ финикійско-еврейскій, а за нимъ—египетскій. Этотъ примѣръ показываетъ, что, кромѣ перспективной ошибки, о которой говоритъ Данилевскій, тутъ играетъ роль другая еще ошибка—предположеніе внутренняго единства всемірной исторіи, якобы совершающагося по одному опредѣленному плану. Въ главѣ III первой книги *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи* (т. I, стр. 43 и слѣдующія по второму изданію) нами было разобрано такое представленіе всемірной исторіи и обнаружена его ложность, такъ что въ общемъ пришлось бы только соглашаться съ Данилевскимъ, приводя тѣ мѣста его книги, въ которыхъ онъ критикуетъ обычное представленіе о вытянутой въ одну линію всемірной исторіи. Такъ какъ цѣлью настоящей статьи мы и не думали ставить подрѣпленіе собственныхъ историко-философскихъ воззрѣній ссылками на одного изъ своихъ въ данномъ случаѣ единомышленниковъ, равно какъ вовсе не думали подрѣплять вѣрныя, на нашъ взглядъ, положенія Данилевскаго, новыми соображеніями, которыя ему въ голову не приходили, то на констатированіи того факта, что Данилевскій отвергъ единую нить въ исторіи человечества, и на заявленіи о своемъ согласіи съ нимъ въ этомъ отношеніи и можно остановиться, не входя въ подробности его аргументаціи. Мало, однако, отвергнуть то или другое положеніе: еще вопросъ въ томъ, какой изъ этого будетъ сдѣланъ выводъ и чѣмъ будетъ замѣнено отвергнутое.

Громадное большинство философовъ исторіи вѣрило въ единый планъ

развитія всего человѣчества, отдѣльнымъ моментамъ котораго (плана) со-
отвѣтствуютъ исторіи отдѣльныхъ народовъ, начиная съ культурныхъ на-
родовъ древняго Востока и кончая новѣйшими европейскими націями. Да-
нилевскій отрицаетъ существованіе такого плана, замѣняя его нѣсколь-
кими «самостоятельными, своеобразными планами историческаго развитія»
(стр. 88) отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ, которыхъ онъ на-
считалъ именно болѣе десяти. Если первое возрѣніе исторію всѣхъ наро-
довъ вытягиваетъ въ одну линію, дѣлая, напримѣръ, изъ Рима только про-
долженіе Греціи, то въ *Россіи и Европѣ* исторіи отдѣльныхъ «культурныхъ
типовъ» представляются какъ параллельныя линіи, никогда не встрѣчаю-
щіяся, нигдѣ не соприкасающіяся, нигдѣ не сливающіяся. Конечно, Римъ
не былъ простымъ продолженіемъ Греціи, какъ это часто принимается въ
планомѣрныхъ философіяхъ исторіи: у Греціи была своя собственная ли-
нія, которая продолжалась и въ то время, когда, по ходячему представле-
нію, Грецію смѣнилъ Римъ, равно какъ и у Рима была своя линія еще въ
ту эпоху, когда Греція жила полною жизнью. Тѣмъ не менѣе, въ представ-
леніи, дѣлающемъ изъ Рима преемника Греціи, есть доля истины, и вотъ
эту-то долю истины Данилевскій игнорируетъ, ударяясь въ противополож-
ную крайность, т.-е. доказывая полную обособленность тѣхъ линій, которыя
противуположное возрѣніе дѣлало продолженіями однѣ другихъ. Возрѣніе,
нашедшее самое рѣзкое выраженіе въ *Философіи исторіи* Гегеля, допускаетъ
именно, что нѣчто, имѣвшее сначала форму Греціи, такъ сказать, цѣликомъ
перелилось въ форму Рима, такъ что при этомъ отъ Греціи какъ будто ни-
чего больше и не осталось, но за то Римъ только тутъ настоящимъ обра-
зомъ началъ существовать; на самомъ дѣлѣ было, разумѣется, не такъ, хотя
и не такъ, какъ думаетъ Данилевскій, — утверждающій, что совсѣмъ никакой
общей исторіи въ только что указанномъ смыслѣ не существуетъ, ибо
есть-де особый законъ непередаваемости цивилизаціи отъ одного культур-
но-историческаго типа другому (стр. 97). Историческія линіи, раздѣльно
существующія, но соприкасающіяся одна съ другою и даже одна съ дру-
гою сливающіяся, гегельянская концепція неправильно дѣлаетъ отрѣзками
нѣкоторой единой линіи, проходящей черезъ всю всемірную исторію, забы-
вая при этомъ ихъ раздѣльное существованіе, а теорія Данилевскаго, на-
оборотъ, изолируетъ ихъ одну отъ другой, несмотря на то, что онѣ меж-
ду собою, все-таки, переплетаются. Гегель во имя единства «всемірнаго
духа» ломаетъ всѣ историческія перегородки, — Данилевскій во имя самобыт-
ности культурно-историческихъ типовъ закупориваетъ всѣ отдушны въ
этихъ перегородкахъ.

Вотъ тотъ выводъ, который дѣлается изъ отверженія единой нити въ
развитіи человѣчества; на немъ-то и строится теорія культурно-историче-
скихъ типовъ. Остановимся на этомъ выводѣ и разсмотримъ его поближе.

Прежде всего, отрицаніе у исторіи всякаго единства стоитъ въ тѣсной
связи съ отрицаніемъ и общей теоріи общества: народы (или культурно-
историческіе типы) до такой степени различны, что, съ одной стороны, ихъ

исторіи совсѣмъ не могутъ сливаться въ нѣкоторую общую для многихъ народовъ исторію, а съ другой—и явленія, представляемыя каждою изъ нихъ, не могутъ быть подведены подъ какую-либо общую теорію. Два параллельные вывода отсюда: полная самобытность цивилизаціи каждаго культурно-историческаго типа и, въ соответствии этому, строго-національный характеръ общественной науки у каждаго народа. Но въ основѣ отрицанія самой возможности общей теоріи общества и въ основѣ требованія отъ общественныхъ наукъ націонализма мы обнаружили, смѣемъ думать, кое-какіе промахи и недочеты. Посмотримъ теперь, будетъ ли Данилевскій счастливымъ по двумъ новымъ пунктамъ своего историко-философскаго ученія.

«Естественная система исторіи,—говоритъ Данилевскій,—должна заключаться въ различеніи культурно-историческихъ типовъ развитія, какъ главнаго основанія ея дѣлений, отъ степеней развитія, по которымъ только эти типы (а совокупность историческихъ явленій?) могутъ подраздѣляться». Находя, что «отысканіе и перечисленіе этихъ типовъ не представляетъ никакого затрудненія», Данилевскій тотчасъ же ихъ и называетъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилонно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или арабійскій и 10) германо-романскій или европейскій. Къ этимъ десяти типамъ онъ считаетъ, пожалуй, возможнымъ причислить еще два американскіе типа: мексиканскій и перувианскій (стр. 91). Между ними, далѣе, авторъ *Россіи и Европы* отличаетъ типы, уединенные отъ типовъ или цивилизацій преемственныхъ, «плоды дѣятельности которыхъ передавались отъ одного другому» (стр. 92). Въ какомъ смыслѣ допускаетъ онъ эту передачу плодовъ дѣятельности, мы еще увидимъ, а пока будемъ довольствоваться признаніемъ со стороны Данилевскаго той «преемственности», на основаніи которой и можно говорить объ единой нити въ исторіи если не пѣлаго человѣчества, то нѣкоторой его части, довольно значительной, потому что, по опредѣленію самого Данилевскаго, преемственными типами были: египетскій, ассирійско-вавилонно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и романо-германскій или европейскій (стр. 92). Мы прибавили къ нимъ и типъ славянскій, ибо ужъ ни въ какомъ случаѣ его-то къ уединеннымъ типамъ отнести нельзя. «Результаты, — продолжаетъ нашъ авторъ, — достигнутые послѣдовательными трудами этихъ пяти или шести цивилизацій, своевременно смѣнявшихъ одна другую и получившихъ, къ тому же, сверхъестественный даръ христіанства, должны были далеко превзойти совершенно уединенныя цивилизаціи, каковы китайская и индійская, хотя бы эти послѣднія однѣ равнялись всѣмъ имъ продолжительностью жизни. Вотъ, кажется мнѣ,—заключаетъ Данилевскій,—самое простое и естественное объясненіе западнаго прогресса и восточнаго застоя» (стр. 92).

Мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на послѣднихъ строкахъ, какъ заключающихъ въ себѣ мысль, которая имѣетъ важное значеніе во всемъ историко-философскомъ воззрѣніи автора *Россіи и Европы*:

1) Данилевскій признаетъ, что результаты дѣятельности преемственныхъ цивилизацій превосходятъ результаты цивилизацій уединенныхъ. Этого не могло бы быть, если бы преемственные цивилизаціи, такъ сказать, не работали надъ нѣкоторымъ общимъ дѣломъ и, съ этой точки зрѣнія, въ исторіи ихъ не было общей нити: ее можно отрицать въ исторіи всего человѣчества, но слѣдуетъ признать въ исторіи извѣстной его части (историческій раг excellence). Эту нить онъ самъ опредѣлялъ какъ прогрессъ.

2) Самъ Данилевскій сбивается на оспариваемую имъ точку зрѣнія, называя труды перечисленныхъ цивилизацій послѣдовательными и говоря, что эти цивилизаціи своевременно (?) смѣняли одна другую. Въ самомъ дѣлѣ, онъ здѣсь упускаетъ изъ вида современность отдѣльныхъ культурно-историческихъ типовъ, находившихся между собою во взаимодействіи и «трудившихся» одновременно, хотя и не одновременно выступившихъ на историческое поприще: египтяне и ассиро-вавилоно-финикійцы (допуская существованіе такого «типа»), равно какъ и евреи, позднѣе ихъ выступившіе, развивались одновременно, не будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, типами уединенными; ихъ цивилизаціи доживали свой вѣкъ въ то время, когда тоже одновременно дѣйствовали греки и римляне, ибо римская цивилизація никогда не смѣняла греческую, и, съ точки зрѣнія самого же Данилевскаго, въ Римской имперіи нужно признать существованіе двухъ различныхъ типовъ, если ужъ нельзя допустить сліянія греческой и римской цивилизацій въ одну цивилизацію, которую многіе и называютъ греко-римской, какъ самъ Данилевскій называетъ цивилизацію европейскую—романо-германской.

3) Такимъ образомъ, есть цивилизаціи уединенныя и неуединенныя (мы сейчасъ дадимъ понятъ, почему мы не называемъ ихъ преемственными). То, что разрознено, обособлено, уединено, не можетъ входить въ какую-либо систему: оно стоитъ внѣ системы, если только послѣднему слову не придавать неподобающаго ему смысла. Слѣдовательно, китайскій и индійскій типы находятся внѣ системы исторіи, которая именно тѣмъ и создается, что отдѣльные народы постепенно приходятъ въ сопрікосновеніе между собою и пріобщаются къ нѣкоторой общей жизни. Начало этой общей жизни,—все болѣе и болѣе расширяющейся, такъ что теперь и Китай, и Индія выходятъ изъ своего уединенія,—современные историки относятъ къ XV вѣку до Р. Х., когда египетскій фараонъ Тутмесъ I началъ завоеваніе Сиріи и дошелъ до Ассирійскаго государства *). Въ цѣломъ всемірной исторіи, которое мы должны мыслить какъ прошедшее, настоящее и будущее человѣчества, уединенность все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто общенію въ двухъ его формахъ—одновременности и преемственности, и съ этой точки зрѣнія уединенность есть только временное состояніе. Этимъ исторической наукѣ и ставится задача прослѣдить, какъ постепенно къ нѣкоторому общенію народовъ, цивилизацій и культурно-историческихъ ти-

*) См. наше *Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока*. Спб., 1887 г. Стр. 8. Ср. вообще въ означенной брошюрѣ гл. I («Востокъ и начало всемірной исторіи») и гл. II («Построеніе общей исторіи Востока»).

повь присоединялись, конечно, съ разными зачатками и результатами, тѣ или другіе, дотолѣ уединенные народы, цивилизаціи и культурные типы.

Такимъ образомъ, естественная система исторіи дается самымъ ея ходомъ: система эта въ воззрѣніи, совершенно правильно отвергаемомъ Данилевскимъ, была искажена стремленіемъ втиснуть въ нее то, что стояло внѣ ея, и расположить ея части по нѣкоторому априорному плану *). Что же сдѣлалъ Данилевскій? вмѣсто естественной, хотя и искаженной, а потому нуждающейся въ значительныхъ поправкахъ системы, онъ далъ чисто-искусственное раздѣленіе на самобытные типы, совершенно произвольно создавая типъ «ассирійско-вавилонно-финикійскій», но не считая возможнымъ говорить объ общей греко-римской цивилизаціи и полагая между греками, римлянами и новыми европейцами такую же грань въ своей системѣ, какъ, наприм., между египтянами, китайцами и перуанцами. Правда, онъ говоритъ еще о различіи между типами уединенными и преемственными, чѣмъ только что указанная грань уничтожается, но въ этой невольной уступкѣ отрицаемой имъ естественной системѣ онъ сохранилъ какъ разъ то, что въ послѣднюю было привнесено искусственно, а именно ту идею, что единственная форма международнаго историческаго общенія есть преемственность, въ силу которой отдѣльные народы «трудятся послѣдовательно» и цивилизаціи «своевременно смѣняются» одна другую, какъ это и сказано у Данилевскаго на стр. 92. Отвергнувъ въ оспариваемомъ взглядѣ съ невѣрнымъ и вѣрное, Данилевскій незамѣтно для самого себя первое опять принялъ въ свою систему. Все на той же 92 страницѣ говорится, что преемственные цивилизаціи передавали одна другой плоды своей дѣятельности, «какъ матеріалы для питанія или какъ удобреніе той почвы, на которой долженъ былъ развиваться послѣдующій типъ», и непосредственно за этимъ перечисляются преемственные типы, изъ коихъ, значить, каждый предъидущій «питалъ и удобрялъ» каждый послѣдующій, а именно, какъ мы уже видѣли, типы египетскій, ассирійско-вавилонно-финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и германо-романскій. Конечно, невозможно ставить ихъ въ такое отношеніе преемственности, въ какомъ находятся типы римскій и германо-романскій, о коихъ у Данилевскаго (стр. 93) сказано такъ: народы, составлявшіе Западную Римскую имперію, въ новой своей формѣ подвергшись германскому образовательному принципу, носятъ названіе романскихъ народовъ».

Далѣе, по ученію Данилевскаго, на долю народа, кромѣ положительной дѣятельности культурно-историческаго типа, можетъ выпасть еще или «разрушительная дѣятельность такъ называемыхъ (sic!) бычей Божіихъ, или служеніе чужимъ цѣлямъ въ качествѣ этнографическаго матеріала». «Въ мірѣ человѣчества, — говоритъ Данилевскій, — кромѣ положительно-дѣятельныхъ культурныхъ типовъ или самобытныхъ цивилизацій, есть еще временно появляющіеся феномены, смущающіе современниковъ, какъ гунны, монголы,

*) Ср. *Осн. вопр. фил. ист.*, кн. I, гл. III.

турки, которые, совершивъ свой разрушительный подвигъ, помогли испустить духъ борющимся со смертью цивилизаціямъ и разнеся ихъ остатки, скрываются въ прежнее ничтожество». Разберемъ и это мѣсто. Гунны, монголы и турки названы здѣсь *«временно* появляющимися феноменами, смущающими *современниковъ»*: конечно, можемъ мы сказать, они существуютъ не временно, т. е. не въ извѣстный только моментъ, когда своимъ появленіемъ смущаютъ современниковъ этого момента, принадлежащихъ къ другимъ народамъ, а потому, очевидно, выражаясь такимъ образомъ, Данилевскій имѣлъ въ виду не вообще всю исторію каждаго изъ такихъ «феноменовъ», а именно появленіе ихъ на сценѣ такъ называемой всемірной или, если хотите, международной исторіи. Въ противномъ случаѣ, и о положительныхъ культурныхъ типахъ пришлось бы сказать, что они появляются (т. е. возникаютъ и исчезаютъ) временно, такъ какъ вѣчнаго ничего въ исторіи нѣтъ. И такъ, исторію «отрицательныхъ дѣателей человечества» Данилевскій мыслить по отношенію къ нѣкоторому большому, чѣмъ одинъ народъ или «типъ» цѣлому, и мы тѣмъ болѣе имѣемъ право это утверждать, что самъ онъ опредѣляетъ и ихъ роль во всемірной исторіи. Мы уже видѣли, что, по Данилевскому, цивилизаціи «современно» смѣняютъ одна другую: теперь мы узнаемъ, что «временно появляющіеся феномены» «помогаютъ испустить духъ борющимся со смертью цивилизаціямъ»,— очевидно, если сопоставить это мѣсто съ разобраннымъ раньше, для того, чтобы расчистить «почву, на которой долженъ развиваться послѣдующій типъ». Исполнивъ такую задачу, отрицательные дѣатели человечества «скрываются въ прежнее ничтожество»; послѣднее, конечно, не есть небытіе и существованіе безъ всякаго значенія въ исторіи тѣхъ народовъ, которые соединены между собою извѣстными связями взаимодѣйствія и преемства, но ничтожество въ такомъ смыслѣ по отношенію къ преемственнымъ типамъ можно было бы приписать и типамъ уединеннымъ, живущимъ (или, вѣрнѣе, жившимъ) *an und für sich*.

Кромѣ положительныхъ и отрицательныхъ дѣателей, Данилевскій признаетъ еще третью группу племенъ, играющихъ роль лишь этнографическаго матеріала.

Посмотримъ теперь, что можетъ еще означать указанное раздѣленіе историческихъ народовъ на положительныхъ и отрицательныхъ дѣателей человечества. Нельзя представить себѣ вещи, которая имѣла бы положительное или отрицательное значеніе безотносительно къ чему бы то ни было. «Временно появляющіеся феномены» названы отрицательными дѣателями по отношенію къ цивилизаціямъ, ими разрушаемымъ, но *для себя* они нѣчто, все-таки, созидаютъ, и положительными дѣателями ихъ нельзя назвать только по отношенію къ другимъ народамъ, коимъ они ничего не даютъ, да и не могутъ дать по бѣдности своей культуры. Такимъ образомъ, для себя каждый народъ есть дѣатель положительный, а если Данилевскій нѣкоторые народы признаетъ положительными дѣателями *par excellence*, то, конечно, главнымъ образомъ, по ихъ значенію для другихъ народовъ. Что мы

ше вытягиваемъ изъ словъ автора того смысла, котораго они въ себѣ не заключаютъ, доказательствомъ этому могутъ служить слѣдующія строки на стр. 91: «только народы, составлявшіе эти культурно-историческіе типы, (т.-е. уже перечислявшіеся), были положительными типами въ исторіи человечества; каждый развивалъ самостоятельнымъ путемъ начало, заключающееся какъ въ особенностяхъ его духовной природы, такъ и въ особенныхъ вѣшнихъ условіяхъ жизни, въ которыя они были поставлены, и этимъ вносилъ свой вкладъ въ общую сокровищницу». Есть, значить, исторія человечества (хотя и не пѣлаго) не въ смыслѣ только простой суммы отдѣльныхъ національныхъ исторій, разъ признается у него (хотя и не у всего) «общая сокровищница». Впрочемъ, эта общая сокровищница содержитъ въ себѣ, по общей мысли Данилевскаго, вклады, остающіеся частною собственностью отдѣльныхъ типовъ, хотя въ примѣненіи къ частнымъ явленіямъ жизни онъ самъ высказываетъ мысль діаметрально-противуположную. Данилевскій довольно часто дѣлаетъ экскурсіи въ область исторіи наукъ, и тутъ ему приходится указывать на то, какъ единая наука проходила въ своемъ развитіи черезъ разные культурно-историческіе типы. Наука имѣетъ свою преемственную линію отъ грековъ черезъ римлянъ и романо-германцевъ къ намъ, славянамъ, но такія же преемственные линіи существуютъ и у религіи (вспомнимъ одно христіанство), и у философіи, и у искусства, и у другихъ элементовъ культуры. Возможность такихъ преемственныхъ линій, сливающихся въ нѣкоторой, общей для исторіи многихъ народовъ линіи, обуславливается возможностью передачи и заимствованій элементовъ культуры отъ народа. Мы сейчасъ и будемъ говорить о мысляхъ Данилевскаго объ этомъ послѣднемъ предметѣ, а только что оконченный отдѣлъ нашего разбора заключимъ общимъ выводомъ, который можно изъ него сдѣлать. Данилевскій совершенно основательно вооружился противъ обычнаго построенія всемірной исторіи и высказалъ по этому поводу много вѣрныхъ замѣчаній (впрочемъ, давнымъ-давно приходившихъ въ голову и другимъ, какъ мы могли бы это доказать), но, строя свою систему исторіи, онъ отвергъ вмѣстѣ съ тѣмъ то вѣрное, что заключается въ критикуемомъ представленіи, допустивъ, однако, въ свое собственное нѣкоторыя невѣрныя мысли отвергнутой системы.

IV.

Законы движенія или развитія культурно-историческихъ типовъ.

Пятая глава *Россіи и Европы* называется «Культурно-историческіе типы и нѣкоторые законы ихъ движенія или развитія». О ней теперь и будетъ идти рѣчь.

Общая теорія общественныхъ явленій, по Данилевскому, невозможна, и, тѣмъ не менѣе, онъ формулируетъ законы развитія обществъ.

Кромѣ того, общественнымъ наукамъ приписывается Данилевскимъ исключительно національный характеръ, «такъ какъ тутъ и самый объектъ

науки становится национальнымъ», и, тѣмъ не менѣе, самъ авторъ этой мысли пытается создать «естественную систему», которая имѣетъ общечеловѣческой объектъ, а потому, повидимому, должна была получить и интернаціональное значеніе.

Напомнимъ эти два противорѣчія, приступимъ къ разбору того, что можно назвать самою сутью теоріи Данилевскаго.

Законы историческаго движенія, которые Данилевскій формулируетъ въ пятой главѣ своей книги, «вытекаютъ, по его собственнымъ словамъ, изъ группировки явленій этого развитія по культурно-историческимъ типамъ» (стр. 95). Тутъ для насъ все неясно. Во-первыхъ, что значитъ «группировка явленій историческаго развитія по культурно-историческимъ типамъ»? Во-вторыхъ, какъ изъ какой бы то ни было группировки могутъ вытекать законы? Правда, законы эти называются общими выводами, и тогда дѣло, пожалуй, объяснится, но не въ пользу законовъ: Данилевскій далъ извѣстную схему для группировки историческихъ явленій въ главѣ IV, а въ главѣ V сдѣлалъ нѣсколько общихъ изъ нея выводовъ, и, такимъ образомъ, несовершенство схемы должно отразиться и на достоинствахъ выводовъ. Однако, и это объясненіе мы не можемъ назвать вполне пригоднымъ: по существу дѣла эти выводы вовсе не выводы, а, напротивъ, основанія, на которыхъ держится самая схема. А есть истина, а потому и «вытекающее» изъ него *B* истинно; при болѣе же внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что именно *A* изъ *B*-то и «вытекаетъ». Не законы историческаго развитія, формулируемые Данилевскимъ, вытекаютъ, какъ выводы, изъ группировки историческихъ явленій по культурно-историческимъ типамъ, а, наоборотъ, сама группировка эта основывается на признаціи упомянутыхъ законовъ, по крайней мѣрѣ, на двухъ изъ нихъ, изъ коихъ первый гласитъ о самобытности цивилизаціи отдѣльныхъ племенъ или семействъ народовъ, а другой—о непередаваемости началъ цивилизаціи одного культурно-историческаго типа народамъ другаго типа (стр. 95). Правда, самобытность и непередаваемость, о коихъ говорится въ началѣ главы V, не «вытекаютъ» изъ того, что говорилось въ концѣ главы IV о преемственности передачи плодовъ дѣятельности, о результатахъ, достигнутыхъ послѣдовательными трудами нѣсколькихъ цивилизацій (стр. 92), но за то группировка явленій исторіи *только* по культурнымъ типамъ, дѣйствительно, вытекаетъ изъ принимаемыхъ Данилевскимъ за законы историческаго развитія самобытности и непередаваемости цивилизацій: разъ каждая цивилизація самобытна и непередаваема, единая нить въ исторіи нѣсколькихъ даже преемственныхъ культурно-историческихъ типовъ существовать не можетъ. Въ этомъ, вѣдь, и заключается вся суть историко-философскаго открытія Данилевскаго.

Переходимъ теперь къ самымъ «законамъ развитія культурно-историческихъ типовъ».

Законъ 1-й формулируется Данилевскимъ въ такихъ словахъ: «всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или

группую языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій, составляетъ самобытный культурно - историческій типъ, если оно вообще по своимъ духовнымъ задаткамъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества» (стр. 95). Комментируя другой законъ (именно пятый) нѣсколькими страницами дальше, Данилевскій совершенно основательно указываетъ, между прочимъ, на то, что цивилизационному періоду въ исторіи каждаго народа предшествуетъ «длинный подготовительный періодъ», когда «закладываются тѣ особенности въ складѣ ума, чувства и воли, которыя составляютъ всю оригинальность племени, налагаютъ на него печать особаго типа общечеловѣческаго развитія и даютъ ему способность къ самобытной дѣятельности» (стр. 112). Этой доисторической основы племенной самобытности или оригинальности мы, разумѣется, отрицать не будемъ, равно какъ не станемъ высказывать сомнѣнія и относительно того, что безъ способности къ развитію вообще и безъ нѣкоторой степени развитія и нѣтъ возможности ни для какаго племени достигнуть значенія культурно-историческаго типа. Но вотъ что не вѣрно въ первомъ законѣ Данилевскаго. Во-первыхъ, если «всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій,—составляетъ самобытный культурно - историческій типъ», то какиимъ образомъ, съ одной стороны, очень близкія между собою въ лингвистическомъ отношеніи племена, каковы индусскіе арійцы и иранцы, напримеръ, образовали два различные типа, а, съ другой стороны, къ одному типу отнесены романскія и германскія націи, сродство между языками которыхъ непосредственно не ощущается, и опять-таки къ одному типу отнесены вообще всѣ православные народы? Во-вторыхъ, правда ли еще и то, что въ основѣ каждой самобытной культуры находится всегда одно племя? Новѣйшія изслѣдованія древнѣйшихъ цивилизацій Востока указываютъ на зарожденіе послѣднихъ среди своего рода «смѣшенія языковъ». Древнѣйшая Халдея, гдѣ зарождается самобытная цивилизація, была населена племенами разныхъ расъ, туранцами, кушитами и семитами, и современные историки пытаются опредѣлить, что каждыимъ изъ этихъ племенъ было внесено въ общую халдейскую культуру. Какъ европейскій типъ былъ образованъ, по Данилевскому, романскими и германскими націями, причежъ къ нимъ примкнула часть славянства, составляющаго особый типъ, такъ и въ древности возможно было раздѣленіе одного племени или семейства народовъ на разные типы (вспомнимъ обособленіе евреевъ отъ другихъ семитовъ) и сліяніе разныхъ племенъ для образованія одного типа. Первый свой законъ Данилевскій считаетъ «не требующимъ большихъ поясненій», говоря, что «сомнѣваться въ немъ невозможно» (стр. 96). Напротивъ, въ теоріи Данилевскаго это есть основной принципъ, который потому и требовалъ бы объясненій, а, главное, доказательствъ, тѣмъ

болѣе, что именно онъ порождаетъ разныя недоумѣнія. Между тѣмъ, Данилевскій развитію своего положенія посвящаетъ всего полторы страницы (96—97), да и то на этихъ полутора страницахъ сказано еще кое-что по поводу закона 2-го, формулированнаго такимъ образомъ: «дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью». Послѣдній законъ, дѣйствительно, не требуетъ никакихъ поясненій, но о первомъ, повторяемъ, этого сказать нельзя. Не возражая здѣсь Данилевскому по существу, а указывая только на недоказанность главнаго его тезиса, мы прибавимъ еще, что объясненіе культурно-историческихъ явленій въ жизни народовъ ихъ племеннымъ происхожденіемъ порождаетъ массу ошибокъ и недоразумѣній, развѣ всѣ отдѣльные моменты такого объясненія не подвергнуты строгому анализу: позволимъ здѣсь себѣ сослаться на IV главу III книги своихъ *Основныхъ вопросовъ философіи исторіи*, гдѣ доказывается, что такъ называемая «теорія расы» (въ сущности, и принимаемая Данилевскимъ въ основу его системы исторіи) страдаетъ крайнею невыработанностью своихъ понятій и недоказанностью своихъ положеній. И у автора *Россіи и Европы* нѣтъ точнаго опредѣленія отдѣльныхъ понятій, входящихъ въ его основной тезисъ. Что такое племя? Что такое группа языковъ, довольно близкихъ между собою? Что значить для племени «выйти изъ младенчества»?

Данилевскій самъ находитъ, что «болѣе подробнаго разсмотрѣнія и разъясненія требуетъ третій законъ культурно-историческаго развитія», и отводитъ этому разсмотрѣнію и разъясненію восемь съ половиною страницъ (97—105). Изъ всѣхъ пяти формулъ, помѣщенныхъ въ началѣ главы V, именно этотъ законъ 3-й, вмѣстѣ съ первымъ, и составляетъ всю суть историко-философской теоріи Данилевскаго. Читается онъ такъ: «начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другаго типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при болѣе или менѣе вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій» (стр. 95). Прежде нежели мы перейдемъ къ объясненіямъ самого Данилевскаго, мы имѣемъ право остановиться на этомъ тезисѣ самомъ по себѣ, такъ какъ подобные тезисы обыкновенно формулируются съ особенною точностью. Вѣроятно, авторъ недаромъ употребилъ здѣсь выраженіе «начала цивилизаціи» для обозначенія чего-то такого въ цивилизаціи, что не передается, говоря для краткости, изъ типа въ типъ, ибо, очевидно, онъ допускаетъ передачу чего-то изъ цивилизаціи, такъ какъ говоритъ самъ о выработкѣ отдѣльныхъ цивилизацій подъ вліяніемъ другихъ, немислимой безъ нѣкоторой передачи или, что то же, безъ нѣ котораго заимствованія. Истокъ выходящая такимъ образомъ мысль Данилевскаго, заключающаяся въ третьемъ его тезисѣ, мы имѣемъ полное право изложить этотъ тезисъ нѣсколько иначе, причемъ, какъ сейчасъ увидитъ читатель, мы и въ выраженіяхъ не будемъ отступать отъ подлиннаго текста.

3-й законъ Данилевскаго.

Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя при большемъ или меньшемъ влияніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизаціи.

Мы позволили себѣ только вставить одно подчеркнутое выраженіе, дабы непередаваемымъ «началамъ» цивилизаціи противополжить нѣчто, по мысли самого автора, передаваемое. Наше толкованіе оказывается произвольнымъ. Въ самомъ концѣ своихъ разъясненій на тезисъ третій Данилевскій говоритъ: «Народы иного культурнаго типа могутъ и должны знакомиться съ результатами чужаго опыта, принимая и прикладывая къ себѣ изъ него то, что, такъ сказать, стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы положительной науки, техническіе приемы и усовершенствованія искусства и промышленности. Все же остальное, въ особенности все относящееся до познанія человѣка и общества, а тѣмъ болѣе до практическаго примѣненія этого познанія, вовсе не можетъ быть предметомъ заимствованія, а можетъ быть только принимаемо къ свѣдѣнію—какъ одинъ изъ элементовъ сравненія—по одной уже той причинѣ, что при разрѣшеніи этого рода задачъ чуждая цивилизація не могла имѣть въ виду чуждыхъ ей общественныхъ началъ и что, слѣдовательно, рѣшеніе ихъ было только частное, только ее одну болѣе или менѣе удовлетворяющее, а не общепримѣнимое» (стр. 105). Эти слова подтверждаютъ наше толкованіе, и мы имѣемъ право передать 3-й законъ Данилевскаго такъ: «Каждый культурно-историческій типъ вырабатываетъ собственную цивилизацію. Все въ ней, кромѣ научныхъ и техническихъ элементовъ, въ особенности же все относящееся до познанія человѣка и общества и до практическаго примѣненія этого познанія, непередаваемо народамъ другого типа. За то каждая цивилизація своими научными и техническими элементами можетъ оказывать большее или меньшее влияніе на другія цивилизаціи».

Само собою разумѣется, мы должны согласиться съ Данилевскимъ, когда онъ утверждаетъ, что вся цивилизація какого-либо типа, взятая цѣликомъ, непередаваема: могутъ передаваться только отдѣльные ея элементы. «Передать цивилизацію какому-либо народу,—говоритъ онъ,—значить—заставить этотъ народъ до того усвоить себѣ всѣ культурные элементы (религіозные, бытовые, социальные, политическіе, научные и художественные), чтобы онъ совершенно проникнулся ими» (стр. 99). Однако, мы принимаемъ это положеніе лишь съ оговоркой: полное заимствованіе цивилизаціи мы считаемъ невозможнымъ только для народовъ, достигшихъ извѣстной ступени развитія, а не для такихъ племенъ, которыя самъ Данилевскій называетъ этнографическимъ матеріаломъ. Доказательства, имъ приводимыя, совершенно излишни: нѣтъ надобности указывать на то, что ни у одного народа неегипетскаго происхожденія не принималась египетская культура, что индійская цивилизація ограничилась народами, которые говорили язы-

Наша его формулировка.

Каждый культурно-историческій типъ вырабатываетъ собственную цивилизацію, начала которой непередаваемы народамъ другого типа, но которая *иными своими элементами* можетъ оказывать большее или меньшее влияніе на другія современныя или послѣдующія цивилизаціи.

ками санскритскаго корня, что евреи также не передали никому своей культуры и т. д. (стр. 97 и слѣд.), хотя утверждать все это можно лишь съ оговорками. И такъ, важно то, что передаются и заимствуются только отдѣльные элементы цивилизаціи. Но какіе? Мы видѣли, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ Данилевскій, и тутъ приходится просто удивляться. «Все относящееся до познанія челоуѣка и общества, а тѣмъ болѣе до практическаго примѣненія этого познанія вовсе не можетъ быть предметомъ заимствованія, а можетъ быть только принимаемо къ свѣдѣнію». Или эта формула неполна, или Данилевскій позабылъ на время такіе три крупные факта, какъ распространеніе хрістіанства, буддизма и магометанства, вышедшихъ за предѣлы своихъ типовъ. Уже это одно можетъ заставить усомниться въ вѣрности третьяго закона Данилевскаго. Мы могли бы привести и другіе примѣры передачи такихъ элементовъ культуры, непередаваемость коихъ утверждаетъ Данилевскимъ, но это было бы лишнимъ въ виду того, что самъ онъ признаетъ ихъ передаваемость для того, чтобы отрицаніе замѣнить неодобреніемъ: заимствованія бываютъ, но они вредны, ибо подавляютъ ростки самобытнаго развитія (см. стр. 100, 101, 104). Это уже другая точка зрѣнія. Вредъ заимствованій авторъ, между прочимъ, доказываетъ, ссылаясь на то, что могло бы быть, если бы не гибельное заимствованіе. «Если бы,—разсуждаетъ онъ,—потомки этрусковъ продолжали слѣдовать болѣе свойственному ихъ племени пути, римская наука не была бы, можетъ быть, столь ничтожна и бесплодна»: виновата греческая наука, какъ греческое искусство виновато въ томъ, что «задавило самобытное творчество» тѣхъ же этрусковъ (стр. 100). Оказывается при этомъ, что римская цивилизація, по Данилевскому, развивалась несамобытно, къ ея великому несчастью (стр. 99): тамъ, гдѣ автору *Россіи и Европы* нужно доказывать вредъ заимствованій, къ его услугамъ являются факты, забываемые тогда, когда нужно доказывать самобытность и непередаваемость цивилизаціи. По его словамъ (стр. 99), «латинофилъ» Катонъ былъ правъ, отстаивая самобытное развитіе, ибо «принятіе чуждыхъ греческихъ элементовъ или отравило, или, по меньшей мѣрѣ, поразило бесплодіемъ всѣ тѣ области жизни, въ которыя они проникли». Не будь греческаго вліянія, «самобытная» римская философія не была бы столь бесплодна, хотя бесплодіе римской философіи самъ же Данилевскій объясняетъ тѣмъ, что умозрительное направленіе греческаго ума было несвойственно людямъ латинской расы (стр. 100), т.-е. сваливаетъ вину съ заимствованія на неспособность. Прославляя римлянъ за ихъ право, въ коемъ они были самобытны (стр. 99 и 101), онъ забываетъ, что своимъ совершенствомъ право это обязано прившедшимъ въ него элементамъ греческой философіи. Послѣдняго обстоятельства не выкинешь изъ исторіи, да и самъ Данилевскій думаетъ еще, напр., что этрусскія наблюденія надъ полетомъ птицъ и надъ внутренностями животныхъ (т.-е., въ сущности, слобы гаданія) могли бы привести къ научнымъ изслѣдованіямъ «при свѣтѣ особливо Аристотелевой философіи» (стр. 100); это могло бы быть и не быть, а то,

на что мы сейчас только указали, дѣйствительно было въ римскомъ правѣ при свѣтѣ греческой же философіи. Впрочемъ, Данилевскій дѣлаетъ еще одну уступку: пожалуй, и заимствовать можно, но только, такъ сказать, изъ прекраснаго далека. «Еще около трехъ столѣтій,—говоритъ онъ о началѣ среднихъ вѣковъ,—продолжалъ сгущаться мракъ варварства въ Европѣ, чтобы подъ тѣнью его успѣли окрѣпнуть своеобразныя начала вновь возникающаго культурно-историческаго типа, и чтобы типъ этотъ могъ начать безопасно пользоваться плодами исчезнувшей цивилизаціи, которая изъ дали прошлаго не могла уже дѣйствовать съ такою силой соблазна, какъ при непосредственномъ соприсношеніи» (стр. 103).

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій намъ кажется, что подъ тезисомъ Данилевскаго: «начала цивилизаціи не могутъ передаваться», скрывается его дезидератъ: «элементы культуры не должны заимствоваться». Первому противорѣчатъ факты, а потому его историческая наука можетъ только отвергнуть, но съ тѣмъ бѣльшимъ правомъ второй займетъ подобающее ему мѣсто въ «кодексѣ славянофильства». Кто хочетъ доказательства, тому рекомендуемъ прочесть на стр. 99 и 102 о римскихъ «латинофилахъ» и о совѣтѣ «не вступать въ тѣсныя сношенія съ другими народами, дабы съ заимствованіемъ обычаевъ и нравовъ не потерять своей самобытности».

По поводу того же третьяго своего закона Данилевскій говоритъ еще объ историческомъ преемствѣ. «Вся исторія,—говоритъ онъ,—доказываетъ, что цивилизація не передается отъ одного историческаго типа другому; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они оставались безъ всякаго воздѣйствія другъ на друга,—только это воздѣйствіе не есть передача, и способы, которыми распространяется цивилизація, надо себѣ точнѣе уяснить (стр. 103). Уясненію этому Данилевскій посвящаетъ послѣднія три страницы изъ тѣхъ 8½ страницъ, которыя отведены вообще доказательству третьяго закона. Способовъ распространенія цивилизаціи авторъ *Россіи и Европы* признаетъ три: пересадку съ одного мѣста на другое, прививку и нѣчто вродѣ «вліянія почвеннаго удобренія на растительный организмъ» или «улучшеннаго питанія на организмъ животнаго». Термины и уподобленія взяты авторомъ изъ ботаники или даже изъ «садоводной практики», причемъ цивилизація сравнивается съ растеніемъ: ее, напримѣръ, англичане «пересадили» въ Сѣверную Америку и въ Австралію; черенокъ цивилизаціи греки нѣкогда «привили» къ египетскому дереву; почвенному удобренію соответствуетъ принятіе того, что стоитъ внѣ сферы народности, т. е. выводы и методы наукъ, техническіе приемы и усовершенствованія. Данилевскій рекомендуетъ, конечно, улучшенное питаніе, но съ упомянутыми оговорками, лишь бы принятіе чужой пищи не было заимствованіемъ началъ цивилизаціи: послѣднее, какъ нѣчто сопряженное съ передачей цивилизаціи со стороны того, у кого заимствуютъ, есть прививаніе къ себѣ чужаднаго растенія. Подъ передачею цивилизаціи, по словамъ Данилевскаго, обыкновенно и разумѣютъ прививку, а она, какъ доказывается это «физиологическою теоріей и садоводною практикой», не приноситъ пользы тому, къ чему при-

вивается не въ одномъ фізіологическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ (стр. 104).

Чтобы ужъ не выходить изъ области садоводныхъ аналогій, въ которую вводитъ насъ Данилевскій объясненіемъ преимства, мы позволимъ себѣ нарушить порядокъ и привести раньше четвертаго закона *законъ 5-й*, формулированный такъ: «ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу» (стр. 96). Семь послѣднихъ страницъ главы (стр. 111—118) содержатъ въ себѣ объясненіе этого закона, къ которому мы теперь и перейдемъ. Исторію каждаго типа Данилевскій дѣлитъ на три большіе періода: первый періодъ—это время безсознательной, чисто-этнографической формы быта (древняя исторія), второй—время государственнаго стремленія (средняя исторія), третій—періодъ цивилизаціи, время быстрой растраты накопленныхъ силъ, послѣ чего наступаетъ апатія самодовольства или апатія отчаянія. Мысль, лежащая въ основѣ этой схемы, не новая, хотя еще вопросъ, есть ли это роковой законъ *). По поводу своей схемы Данилевскій дѣлаетъ много частныхъ замѣчаній, отличающихся вѣрностью взгляда, и именно, благодаря тому, что въ общемъ указанная замѣчанія вѣрны, ему приходится нерѣдко противорѣчить своему основному принципу. Напримѣръ, переходъ типа отъ того, что онъ называетъ состояніемъ государственнымъ, въ состояніе цивилизаціи, по его мнѣнію, обусловливается внѣшнимъ культурнымъ вліяніемъ: «знакомство съ восточною мудростью,—говоритъ онъ,—... опредѣляетъ (вмѣстѣ съ персидскими войнами) вступленіе Греціи въ періодъ цивилизаціонный»; или: «знакомство съ Греціей вводитъ Римъ въ періодъ цивилизаціи»; или еще: «знакомство съ греко-римскою цивилизаціей черезъ византійскихъ эмигрантовъ... открываетъ періодъ цивилизаціи» романо-германскаго типа (стр. 117). Мы, конечно, далеки отъ возведенія этихъ фактовъ въ законъ и еще менѣе склонны такъ рѣзко отдѣлять цивилизаціонный періодъ отъ государственнаго, но, во всякомъ случаѣ, приведенные самимъ Данилевскимъ факты не подрѣпляютъ, по крайней мѣрѣ, его теоріи о самобытности. Съ другой стороны, и тутъ онъ возвращается къ той мысли, что культурно-историческіе типы смѣняются другъ друга своевременно: когда одинъ дойдетъ до своего рода совершенства, начинается свою дѣятельность другой, чтобы развить другую сторону духа человѣческаго (стр. 115). Этимъ всей исторіи въ цѣломъ приписывается нѣкоторый планъ, а онъ не можетъ мыслиться безъ своего рода единой нити.‡

«Законъ 4-й. Цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ, пользуясь независи-

*) Ср. *Осн. вопр. фил. ист.*, кн. III, гл. IV (въ концѣ).

мостью, составляютъ федерацію или политическую систему государствъ» (стр. 95—96). На нашъ взглядъ, заявленное этимъ тезисомъ условіе «разнообразія этнографическихъ элементовъ, составляющихъ типъ», противорѣчитъ основному принципу перваго закона, по которому въ основѣ каждаго типа должно лежать одно племя. Если же для устраненія этого противорѣчія принять, что указываемое Данилевскимъ разнообразіе есть уже результатъ разложенія первоначально-единого племени, то почему каждый такой новый «элементъ» не составляетъ особаго типа? Съ понятіемъ этнографическаго элемента авторъ теоріи типовъ обращается, притомъ, довольно произвольно: отдѣльныя европейскія націи играютъ у него роль такихъ же этнографическихъ элементовъ романо-германскаго типа, какъ эллипскія племена (іонійцы, дорійцы и т. д.) въ типѣ греческомъ (стр. 106). И здѣсь все подгоняется къ тому, чтобы отграничить типы одинъ отъ другаго. Для непредубѣжденнаго историка греки были такою же національностью, какими въ наше время являются англичане, итальянцы, нѣмцы, французы и т. д., съ тѣмъ только различіемъ, что греки въ цвѣтущую пору своей исторіи ни съ однимъ народомъ не составляли высшей единицы, которую можно было бы уподобить современной Европѣ. Если греки были типъ, то типами являются и французы, и нѣмцы, и англичане и т. д., но они уже сообща вырабатываютъ свою цивилизацію, втягивая въ эту работу и другія націи, которыя отъ нихъ поотстали, и надъ національнымъ типомъ, выше котораго ничего не хотеть знать Данилевскій, вырастаетъ нѣчто, стремящееся стать общечеловѣческимъ. Съ другой стороны, если національный типъ самъ является какъ продуктъ взаимодействія разнообразныхъ племенныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ націи, то почему интернациональное взаимодействие неспособно къ произведенію аналогичнаго синтеза съ нѣкоторымъ правомъ на предикатъ общечеловѣчности? Для защиты своего положенія Данилевскому приходится прибѣгать къ весьма рискованнымъ средствамъ, приходится отрицать историческую индивидуальность европейскихъ націй во имя общаго «европейскаго типа», ихъ поглотившаго, и приходится отрицать общую исторію разныхъ народовъ, поскольку она возможна при взаимодействіи и преємствѣ націй,—отрицать на этотъ разъ во имя индивидуальности типовъ.

«Нечего говорить,—читаемъ мы у него,—объ отдѣльной исторіи Франціи, Италіи и Германіи; такой исторіи, собственно говоря, на дѣлѣ и нѣтъ вовсе, а есть только исторія Европы съ французской, итальянской, нѣмецкой или англійской точки зрѣнія, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на событія каждой изъ этихъ странъ» (стр. 111). Гдѣ нужно настаивать на общности, тамъ Данилевскій совершенно забываетъ ея относительность и отвергаетъ индивидуальность, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ ему нужно выдвинуть на первый планъ эту послѣднюю, и ея относительность имъ забывается и всякая общность отвергается: «какъ скоро мы выйдемъ изъ границъ культурнаго типа,—продолжаетъ онъ,—будетъ ли то въ древнія или въ новыя времена, то общая исторія разныхъ типовъ становится въ обоихъ случаяхъ

одинаково невозможно» (стр. 111). У итальянца нѣтъ своей исторіи: его исторія есть исторія Англіи+Германіи+Испаніи+Италіи+Португаліи+Франціи+Шведіи и т. д. съ «итальянской точки зрѣнія». Нѣтъ общей исторіи и у цивилизованной части человѣчества: есть только исторія отдѣльныхъ типовъ, о преимствѣ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно и забыть.

Полагаемъ, что послѣ всего этого можно назвать культурно-историческій типъ, какъ научное понятіе, долженствующее заново перестроить историческую науку, чѣмъ-то неопредѣленнымъ и противорѣчивымъ, а примѣненіе этого понятія къ явленіямъ дѣйствительности довольно-таки произвольнымъ.

У.

Всемирная исторія и славянство.

Во вступленіи къ настоящей статьѣ мы намѣтили, какіе отцѣлы книги Данилевскаго будутъ, главнымъ образомъ, подвергнуты нами разбору, да и въ нихъ пришлось обратить вниманіе преимущественно на самыя основы теоріи. Разбирать такъ же подробно всю книгу, какъ были разобраны немногія ея страницы, мы не имѣемъ ни времени, ни охоты. Дѣло въ томъ, что у Данилевскаго рядомъ съ отвлеченными разсужденіями объ исторіи вообще мы находимъ еще общія характеристики дѣйствительной исторіи отдѣльныхъ народовъ и даже всего человѣчества, — характеристики, не сведенныя въ систему, но, тѣмъ не менѣе, представляющія изъ себя цѣлую философію исторіи. Вотъ ихъ-то и было бы слишкомъ долго разбирать въ подробностяхъ, а потому и здѣсь мы остановимся только на главномъ.

Что *тутъ* главное, на это указываетъ намъ издатель книги, г. Стреховъ, который въ концѣ своего предисловія говоритъ слѣдующее: «Вся теорія Н. Я. Данилевскаго можетъ быть разсматриваема какъ нѣкоторая попытка объяснить *положеніе славянскаго міра въ исторіи*, — эту загадку, аномалію, эпициклъ для каждаго европейскаго историка. Въ силу того исключительнаго положенія среди другихъ народовъ, которому въ исторіи нѣтъ вполнѣ равнаго примѣра, славянамъ суждено измѣнить укоренившіеся въ Европѣ взгляды на науку исторіи, — взгляды, подъ которые никакъ не можетъ подойти славянскій міръ». Объ этомъ-то и поговоримъ теперь.

Передавая мысли Данилевскаго, намъ постоянно приходится наталкиваться на противорѣчія. Отрицая въ принципѣ общую исторію культурныхъ типовъ, а вмѣстѣ съ нею и всякое историческое построеніе, въ которомъ отдѣльные типы играли бы роль особыхъ моментовъ развитія, авторъ *Россіи и Европы* не примѣняетъ этого своего принципа къ разсмотрѣнію дѣйствительной исторіи. На двухъ послѣднихъ страницахъ его книги мы читаемъ: «Главный потокъ всемірной исторіи начинается двумя источниками на берегахъ древняго Нила. Одинъ, небесный, божественный, черезъ Іерусалимъ и Царьградъ достигаетъ, въ невозмущенной чистотѣ, до Кіева и Москвы; другой, земной, человѣческій, въ свою очередь дроблится на два главные русла культуры и политики, течетъ мимо Аѳинъ, Але-

ксандрій, Рима, въ страны Европы, временно изсякая, но опять обогащаясь новыми, все болѣе и болѣе обильными водами. На Русской землѣ пробивается новый ключъ справедливо обеспечивающаго народныя массы общественно-экономическаго устройства. На обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ». Вотъ вамъ и отрицаемая Данилевскимъ общая исторія нѣсколькихъ типовъ — египетскаго, еврейскаго, греческаго, римскаго, романо-германскаго и славянскаго: единство въ началѣ («берега Нила») и единство въ концѣ («равнины славянства»), въ серединѣ двѣ линіи, изъ коихъ одна есть «небесное» начало, проходящее черезъ исторію евреевъ («Іерусалимъ»), Византійской имперіи («Царьградъ») и Россіи («Кіевъ и Москва»), а другая — «земная», объединяющая исторіи грековъ («Аѣины и Александрія»), римлянъ («Римъ») и «странъ Европы». Въ этой схемѣ типы ставятся одесную и ошую, и одинъ и тотъ же типъ (греческій) оказывается разодраннымъ пополамъ между небеснымъ («Царьградъ») и земнымъ («Аѣины и Александрія») потоками всемірной исторіи, если только не согласиться съ Данилевскимъ, что Византійская имперія «никогда не была греческою въ этнографическомъ смыслѣ этого слова», какъ онъ утверждаетъ на стр. 402.

По такому представленію хода «всемірной исторіи» (самъ Данилевскій употребляетъ это слово, хотя и неточно) Россія является преемницей Византіи, «Европа» (т. е. Западъ) — преемницей Рима. Авторъ не объясняетъ намъ, подъ какой способъ распространенія цивилизаціи (пересадки, прививки или удобрения) подходятъ оба эти преемства вообще или каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Въ главѣ XII (о восточномъ вопросѣ) Данилевскій проповѣдуетъ уже теорію историческихъ наслѣдій, по которой отдѣльные типы продолжаютъ работу, начатую другими типами. «Великія историческія мысли не пропадаютъ, — говоритъ здѣсь авторъ. — Если человекъ, употребляя данную ему долю свободы несоответственно съ общимъ, непонятнымъ ему историческимъ планомъ событій, начертаннымъ рукою Промысла, можетъ замедлить его выполнение и временно исказить его линіи, — планъ этотъ, все-таки, довершается, хотя и иными, болѣе окольными путями... И Римъ, и Византія уже изжили свои творческія силы и должны были передать свое наслѣдіе (Данилевскій, конечно, разумѣетъ здѣсь «великія историческія мысли») новымъ народамъ. Наслѣдниками Рима явились германцы, наслѣдниками Византіи — славяне; и въ этихъ народахъ должна была ожить вѣковая борьба, которая велась всякимъ «оружіемъ между Греціею и Римомъ» (стр. 333). Въ послѣдней схемѣ Византія является преемницей Греціи (по крайней мѣрѣ, Македоніи), тогда какъ по схемѣ, данной въ концѣ книги, Царьградъ непосредственно связанъ съ Іерусалимомъ. Такимъ образомъ, и въ своей схемѣ «всемірной исторіи» Данилевскій колеблется, перетасовывая типы, народы, эпохи и потоки, смотря по надобности: когда намъ нужно быть наслѣдниками небеснаго начала, Данилевскій обязательно приводитъ насъ черезъ Царьградъ прямо въ Іерусалимъ, минуя Грецію съ ея земнымъ началомъ; но лишь рѣчь заходитъ о восточномъ вопросѣ, который могъ бы

быть «рѣшенъ въ справедливомъ и истинно полезномъ для человѣчества «смыслѣ» чуть ли не Филиппомъ Македонскимъ (стр. 332), авторъ приводитъ насъ къ Греціи. Кстати, въ только что приведенныхъ словахъ онъ признаетъ возможность пользы для всего человѣчества, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ (гдѣ это нужно) признается имъ существованіе только типовыхъ интересовъ, а интересъ человѣчества предоставляется вѣдѣнію одного Бога (стр. 108—109).

Данилевскому поставили въ заслугу то, что онъ отвергъ единую нить въ исторіи человѣчества. Если бы авторъ *Россіи и Европы* былъ послѣдователемъ, то онъ долженъ былъ бы сказать, что каждый типъ развивается и живетъ особо и что общей исторіи нѣтъ, и затѣмъ уже не отступать отъ этого принципа, но именно непоследовательность лежитъ въ самой основѣ его книги. Данилевскому хочется охранить славянскую самобытность отъ «Европы» и разрѣшить восточный вопросъ въ пользу славянскаго типа: ради первой цѣли онъ готовъ превратить культурные типы чуть не въ подобіе животныхъ породъ, свойства коихъ отъ одной къ другой не передаются, ради второй цѣли онъ македонскую, византійскую и русскую исторію сливаетъ въ одно цѣлое и всей вообще исторіи приписываетъ имъ самимъ придуманный планъ, которому и придаетъ провиденціальное значеніе (стр. 334 и слѣд.), словно вся исторія клонится только къ благополучному разрѣшенію восточнаго вопроса. Напр., по его мнѣнію, «общая идея, существенный смыслъ магометанства заключается въ той невольной и бессознательной услугѣ, которую оно оказало православію и славянству, оградивъ первое отъ напора латинства, спасши второе отъ поглощенія его романо-германствомъ, въ то время какъ прямыя и естественныя защитники ихъ лежали на одрѣ дряхлости или въ пеленкахъ дѣтства» (стр. 343). «Съ возникновеніемъ самобытной славянской силы турецкое владычество потеряло всякій смыслъ, магометанство окончило свою роль. Царство Филиппа (Македонскаго) и Константина (Великаго) воскресло на обширныхъ равнинахъ Россіи» (стр. 348). И такъ, Провидѣніе имѣетъ извѣстный планъ въ веденіи судебъ человѣчества, и Данилевскій раскрываетъ этотъ планъ, а ему ставится въ заслугу отверженіе имъ единой (т.-е. общей) нити исторіи. До какой степени Данилевскій способенъ забывать то, что только что самъ сказалъ, покажетъ, кстати, сравненіе двухъ мѣстъ изъ главы о восточномъ вопросѣ.

Стр. 340. Утверждаютъ, что магометанство составляетъ форму религіознаго сознанія, хотя и уступающую высотой своего ученія христіанству, но за то лучше приспособленную къ одареннымъ пылкимъ страстями народамъ Востока. Не останавливался на томъ, что такое понятіе несообразно съ достоинствомъ христіанства (которое или такое же заблужденіе, какъ и прочія вѣрованія человѣчества, или имѣетъ характеръ истинны вселенской, *примѣнимой ко всемъ стѣкамъ и ко всемъ народамъ*), мы видимъ, что такому взгляду противорѣчитъ исторія.

Стр. 341. Главнымъ поприщемъ жизни и дѣятельности магометанства были не страны, населенныя язычниками, для которыхъ ученіе Христово было бы смѣшкомъ высоко.

Мы не станемъ разбирать тѣхъ мѣстъ книги, гдѣ Данилевскій старается доказать превосходство славянъ, въ прошедшемъ, настоящемъ или только въ будущемъ, надъ иными народами (см. особенно главы VIII — о различіяхъ въ психологическомъ строѣ, IX — о различіи вѣроисповѣдномъ, X — о различіяхъ въ ходѣ историческаго воспитанія, XVII — о славянскомъ культурно-историческомъ типѣ); здѣсь господствуетъ произвольный субъективизмъ пристрастія, превращающій науку въ публицистику, и съ этой стороны книга Данилевскаго не разъ разбиралась. Но вотъ на чемъ слѣдуетъ еще остановиться. Мы сейчасъ только видѣли, что Данилевскій своею теоріей типовъ хочетъ оградить самобытность Россіи (славяне + греки и румыны тожъ) отъ общечеловѣческой цивилизаціи и что своимъ построениемъ всемірной исторіи, наоборотъ, Россіи опъ навязываетъ нѣкоторую миссію, которая ей достается, по его представленію, отъ Греціи, Македоніи, Византіи, т.-е. смотря по тому, откуда идетъ къ намъ нѣчто не нами начатое, оно объявляется или общечеловѣческимъ, т.-е. бессмысленнымъ и вреднымъ, или нашимъ кровнымъ дѣломъ, законно доставшимся намъ по наслѣдству: западная цивилизація или восточная традиція суть или одинаково, если можно такъ выразиться, общечеловѣчны (въ условномъ только смыслѣ), а *потому* (по логикѣ Данилевскаго) намъ чужды, или одинаково общечеловѣчны и *потому* (по обыкновенной логикѣ) способны быть нами восприняты. Почему же Данилевскій одно называетъ общечеловѣческимъ въ дурномъ, съ его точки зрѣнія, смыслѣ, прямо иногда отрицая даже его реальное существованіе и, во всякомъ случаѣ, не совѣтуя «го заимствовать, а другое такое же, не нами же выработанное и, притомъ, общее многимъ народамъ, не только не относить къ этой категоріи, хотя и придаетъ ему характеръ вселенскости, но даже дѣлаетъ нашимъ достояніемъ *par excellence*?

Теорія культурно-историческихъ типовъ, лежащая въ основѣ научной стороны *Россіи и Европы*, вся разсчитана на то, чтобы быть научною основой нашего обособленія отъ «Европы», которая, главнымъ образомъ, и является у Данилевскаго представительницей начала «общечеловѣчности» (стр. 462 и слѣд.). Въ параллель съ этимъ идутъ указанія на то, что Европа насъ ненавидитъ (стр. 20 и слѣд.), не понимаетъ (стр. 49, 62 и слѣд.), не признаетъ насъ своими (стр. 50), что, съ другой стороны, Россія не принадлежитъ, не можетъ и не должна принадлежать къ Европѣ (стр. 60, 432 и др.), что Россіи должно бороться съ Европой (стр. 472), что, наконецъ, во всемъ мы и европейцы — полная противоположность (см. главы VIII, X и XVII). Съ точки зрѣнія того обособленія культурно-историческихъ типовъ, которое принимаетъ Данилевскій за основную идею своей исторической теоріи, все это весьма логично, но въ такомъ случаѣ нужно было уже быть логичнымъ до конца и такъ же обособить славянскій (или, вѣрнѣе, славяно-греко-румынскій) типъ и, съ другой стороны, нужно было бы доказывать, что всѣ культурныя особенности и историческія задачи этого типа вытекаютъ изъ однихъ свойствъ племени, т.-е. вполнѣ само-

бытны. Но тутъ-то Данилевскій и допускаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ отклоненія отъ основъ своей теоріи: тутъ именно на первый планъ выдвигаются историческое преемство, передача религіознаго и политическаго наслѣдія отъ Іерусалима и Македоніи—черезъ Царьградъ—Кіеву и Москвѣ, и славянскій типъ входитъ звеномъ въ нѣчто имѣющее одинаковое право съ западно-европейскимъ на названіе общечеловѣческаго (конечно, въ условномъ смыслѣ). На нашъ взглядъ, противорѣчіе объясняется просто: для такого опредѣленія отношеній Россіи къ Востоку и Западу у Данилевскаго были свои субъективныя основанія, но онъ хотѣлъ придать имъ значеніе основаній объективныхъ: теорія культурно-историческихъ типовъ, не лишняя, конечно, многихъ вѣрныхъ мыслей, выдвигается какъ аргументъ противъ нашего оближенія съ Европой, но при этомъ забывается, что тотъ же самый аргументъ могъ бы быть съ такимъ же правомъ употребленъ противъ всякихъ наслѣдій, полученныхъ нами отъ предшествовавшихъ культурно-историческихъ типовъ, и съ точки зрѣнія теоріи это было бы столько же логично, сколько и неосновательно съ точки зрѣнія исторической науки, признающей фактъ постепеннаго приобщенія болѣе молодыхъ народовъ къ болѣе старымъ цивилизаціямъ. И самому Данилевскому не удалось доказать непередаваемости началъ цивилизаціи (стр. 95): начавши доказывать одно (именно эту непередаваемость), онъ сталъ доказывать нѣчто другое, заключающее въ себѣ уже отрицаніе того, что доказывалось раньше (это другое—вредъ заимствованій, признанныхъ тутъ уже возможными); но, примѣняя послѣднее къ нашимъ заимствованиямъ у Европы, рассматривая европейничанье какъ болѣзнь русской жизни (стр. 283 и слѣд.), по отношенію къ древнимъ періодамъ нашей исторіи онъ забываетъ оба тезиса, т. е. и тезисъ о непередаваемости, и тезисъ о вредѣ заимствованій. Или и европейское вліяніе въ новой русской исторіи, и византийское вліяніе въ древней одинаково были губельны для славянской самобытности, или каждое изъ нихъ, въ свое время обогативъ славянскій типъ новыми цивилизаціонными началами, самобытности нашей существеннымъ образомъ не нарушило, причемъ въ обоихъ были и полезная, и вредная для насъ стороны.

На этомъ мы и покончимъ съ разборомъ *собственно исторической теоріи* Данилевскаго, не касаясь другихъ сторонъ его книги. Общій выводъ предоставляемъ сдѣлать на основаніи этого разбора читателю. Мы высказали здѣсь только свои мысли о нѣкоторыхъ мысляхъ Данилевскаго, а не о тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ трактуетъ: о послѣднихъ, между прочимъ, намъ уже пришлось высказаться раньше «по случайному поводу, но не по случайной причинѣ» въ статьѣ подъ заглавіемъ *Мечта и правда о русской наукѣ* (*Русская Мысль* 1884 г., кн. XII, стр. 100 — 135). Ссылаю на нее и позволимъ себѣ окончить свой разборъ «теоріи культурно-историческихъ типовъ».

Н. Карѣевъ.

Высшее сельско-хозяйственное образованіе въ Россіи.

Интересы высшаго сельско-хозяйственнаго образованія должны быть близки русскому обществу, какъ потому, что современныя неурядицы въ хозяйственной русской жизни въ значительной степени обуславливаются недостаткомъ сельско-хозяйственныхъ знаній, такъ и потому, что Россія почти не изучена въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, что дѣлаетъ невозможнымъ широкія хозяйственныя мѣропріятія.

На этихъ положеніяхъ, какъ на очевидностяхъ, не пришлось бы, вѣроятно, останавливаться, если бы не пользовалось значительнымъ кредитомъ мнѣніе, что спасеніе нашей хозяйственной жизни — въ однихъ экономическихъ реформахъ, т.-е. въ улучшеніи условій землевладѣнія, надлежащей организаціи кредита и проч. Нисколько не умаляя значенія факторовъ экономическихъ, отводя имъ главное мѣсто, мы, все-таки, не усматриваемъ поводовъ пренебрегать другою существенною стороною дѣла — технискою. Если до извѣстной степени и справедливо, что крупное помѣщичье хозяйство не поставлено пока въ необходимость заботиться очень о насажденіи интензивной культуры, въ виду относительной дешевизны рабочихъ рукъ и относительнаго обилія земли, то, вѣдь, изъ этого совѣтъ не слѣдуетъ, чтобы и мелкое крестьянское хозяйство не нуждалось въ болѣе разумныхъ приемахъ веденія хозяйства. Крестьянскій хозяйственный вопросъ можетъ быть рѣшенъ или увеличеніемъ крестьянской земли, или соответствующимъ увеличеніемъ производительности на той же площади. Первымъ путемъ цѣль была бы достигнута, безъ сомнѣнія, скорѣе, но путь этотъ далеко не открытъ. Существенныхъ измѣненій въ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія въ ближайшемъ будущемъ не предвидится, слѣдовательно, крестьяне должны по необходимости изощряться въ умѣнны извлекать изъ своей земли возможно больше. Сельско-хозяйственное знаніе должно придти имъ въ этомъ на помощь. Этимъ путемъ, можетъ быть, хозяйственныя бѣды и не устранятся, а будутъ только ослаблены. Но развѣ недостаточно одного даже облегченія настоящей маяты многомилліонной массы населенія «около землишки», чтобы сразу поднять въ нашихъ глазахъ значеніе сельско-хозяйственныхъ улучшеній? Не надо также упускать изъ вида, что,

при первобытных приемах эксплуатации земли и при сильном росте населения, никакой площади земли, в концѣ-концовъ, не хватитъ. Поэтому русскому крестьянству необходимо заблаговременно запастись сельско-хозяйственными знаниями, чтобы знания эти успѣли пустить прочные корни и, передаваясь и увеличиваясь изъ рода въ родъ, гарантировали грядущія поколѣнія отъ экономическихъ бѣдствій. •

Особенно острый интересъ вопросъ о высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи приобретаетъ въ наши дни кризисовъ, свидѣтельствующихъ о болѣзненномъ теченіи нашей хозяйственной жизни. Кризисъ сельско-хозяйственный въ этой серіи кризисовъ безспорно самый важный, такъ какъ онъ затрагиваетъ интересы огромнаго большинства населенія. Борьба съ этимъ кризисомъ, правда, не можетъ быть рѣшительной, пока при ней не затрогиваются нѣкоторыя коренныя основы экономического быта. Но, вѣдь, и на той же экономической почвѣ мыслимъ рядъ мѣръ, способныхъ свести сельско-хозяйственный кризисъ къ размѣрамъ скоропреходящей невзгоды; вѣдь, помимо элеваторовъ, варрантовъ, тарифовъ и проч. полезныхъ мѣропріятій въ сферѣ торговли и транспорта, возможенъ рядъ мѣръ чисто-сельско-хозяйственныхъ, вродѣ, напримѣръ, соответственныхъ измѣненій сѣвооборота, рациональныхъ приемовъ очистки зерна и т. д. Всѣ эти мѣры дѣйствительно и указывались, но въ какой-то исключавшей другъ друга формѣ, производящей невообразимую сутолоку мѣній. Вотъ почему мы и утверждаемъ, что только при правильномъ и постоянномъ дѣйствіи специальной организаціи изученія мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, на случай какой-нибудь невзгоды всегда былъ бы налицо непререкаемый матеріалъ, дающій въ руки самыя надежныя средства борьбы съ тѣмъ или другимъ зломъ. Но такая постоянная государственная организація (осуществляемая сѣтью агрономическихъ бюро) немислима, разумѣется, безъ участія людей специально подготовленныхъ. Намъ возразятъ, можетъ быть, что люди съ специальнымъ агрономическимъ образованіемъ склонны будутъ преувеличивать значеніе факторовъ чисто-техническихъ въ ущербъ экономическимъ. Но не надо забывать, что агрономическая наука не есть наука исключительно техническая. Наука сельскаго хозяйства принимаетъ задачу изученія сельско-хозяйственныхъ явленій во всемъ ея объемѣ, то-есть она отводитъ достаточно мѣста изученію какъ техническихъ, такъ и экономическихъ условій, съ прочнымъ обоснованіемъ кардинальныхъ своихъ отдѣловъ данными естественныхъ наукъ. Поэтому лицо, получившее солидное высшее сельско-хозяйственное образованіе, достаточно гарантировано отъ увлеченій приемами обработки, сѣвооборотовъ и т. д.

Путь, который прокладывала себѣ въ Россіи западно-европейская наука сельскаго хозяйства, поистинѣ, былъ усыпанъ терніями.

Болѣе полувѣка потому назадъ, въ 1833 году, ужасы повсемѣстнаго голода, усугубленные опустошительнымъ шествіемъ холеры, побудили тогдашняго президента вольнаго экономического общества Мордвинова подать

Императору Николаю записку, въ которой онъ указывалъ на бѣдственное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. Онъ одинаково мрачными красками описывалъ положеніе какъ крестьянскаго, такъ и помещичьего хозяйства. Главнымъ средствомъ борьбы съ этими невзгодами Мордвиновъ признавалъ пересажденіе на русскую почву западно-европейской агрономической науки и вообще распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ результатъ его представленій былъ учрежденъ «комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи», была основана *Семледѣльческая Газета*, наконецъ, была призвана къ жизни первая въ Россіи агрономическая школа въ Горкахъ, Могилевской губерніи. Это было въ 1840 году.

Агрономическая горьгорьцкая школа *) состояла сперва изъ двухъ отдѣленій: низшаго и высшаго. Первое должно было подготовить свѣдущихъ хозяевъ-исполнителей известнаго хозяйственнаго плана; второе — практическихъ агрономовъ, способныхъ управлять значительными имѣніями и быть организаторами хозяйства. Въ высшее отдѣленіе принимали съ познаніями въ объемѣ гимназическаго курса. Но, несмотря на послѣднее требованіе, права заведенія были, все-таки, 2-го разряда. Учащихся было на первыхъ порахъ очень мало: поступали больше семинаристы, имѣвшие въ виду занять мѣсто преподавателя. Въ 1848 году послѣдовало преобразование горьгорьцкой школы въ высшее учебное заведеніе, съ переименованіемъ въ Горьгорьцкій земледѣльческій институтъ. Низшее отдѣленіе было обособлено въ земледѣльческое училище. Цѣлью института было подготовленіе лицъ съ высшимъ теоретическимъ и практическимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ. Курсъ былъ 4-хъ годичный. Образовательный цензъ для поступающихъ былъ сохраненъ прежній: познанія въ объемѣ гимназическаго курса. Число учащихся не превышало въ среднемъ 200. Что касается характера преподаванія, то о немъ даютъ представленіе официальные отчеты и «табелы о числѣ лекцій» (**). Табелы эти очень оригинальны и показываютъ на первыхъ порахъ свою нестрогость. На ряду съ естественными и агрономическими науками преподавались, на примѣръ, логика, исторія рубовой словесности, элементарная математика, практическое судопроизводство, рисованіе, черченіе, русскіе положительныя законы, начала правовѣдѣнія и т. д. ***). На преподаваніе такихъ предметовъ уходило болѣе половины лекціоннаго времени. Обращаясь къ преподаванію подготовительныхъ естественныхъ наукъ, мы усматриваемъ изъ тѣхъ же отчетовъ, что на преподаваніе такого важнаго предмета, какъ физиологія растений, да еще вмѣстѣ съ патологіей и фитографіей, посвящалось лишь одно полугодіе съ 3 лекціями въ недѣлю; на преподаваніе органической химіи — 1 полугодіе съ 2 лекціями въ недѣлю, аналитической химіи 1/2 года и т. д. Что касается преподаванія специальныхъ предме-

*) См. Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности.

***) См. Записки Горьгорьцкаго Института за 1853—57 гг.

***). Ibid.; 1855 г., стр. 208.

товъ, то оказывается, что, напримѣръ, весь курсъ земледѣлія читался въ 1 годъ: первое полугодіе по 5 часовъ въ недѣлю просто «земледѣіе», а во второе полугодіе «луговоедство» и «спеціальное растеніеводство». Скотоводство читалось лишь $\frac{1}{2}$ года съ 4 часами въ недѣлю. За то, напримѣръ, такой сравнительно неважный предметъ, какъ сельско-хозяйственная архитектура, читался въ теченіе цѣлаго года, по 3 лекціи въ недѣлю. Институтъ не могъ также похвастать богатствомъ учебныхъ кабинетовъ и библиотеки. Въ послѣдней числилось по отчету 1854 г. лишь 5,137 томовъ, а къ 1863 г. число это возросло лишь до 8,640 томовъ *) Кабинеты, главнымъ образомъ, служили лишь для обозрѣнія въ опредѣленные дни содержавшихся въ нихъ коллекцій и были обставлены скудно. Физическій кабинетъ содержалъ, напримѣръ, лишь 146 предметовъ, на сумму 2,646 рублей. Практическихъ занятій въ кабинетахъ, повидимому, совсѣмъ не существовало. Но если обратиться къ постановкѣ некабинетныхъ практическихъ занятій по различнымъ отраслямъ сельско-хозяйственной техники, то картина получится совершенно иная. На эти занятія было, видимо, обращено самое заботливое вниманіе. Зимой студенты въ особыхъ мастерскихъ занимались дубленіемъ овчинъ, выбивкою масла, мятъемъ и трепаніемъ льна, занимались составленіемъ смѣтъ для сельско-хозяйственныхъ построекъ, черченіемъ плановъ и т. д. По вечерамъ студенты собирались на агрономическія и литературныя бесѣды, гдѣ читались совместно спеціальныя журналы и производилось обсужденіе прочитаннаго. Весною и лѣтомъ студенты принимали дѣятельное участіе во всѣхъ полевыхъ работахъ и практически изучали разные орудія и сооруженія. Бромъ всего этого, со студентами предпринимались всевозможныя экскурсіи: ботаническія, технологическія, агрономическія и т. д. Особеннаго сочувствія заслуживаютъ практиковавшіяся въ институтѣ «агрономическія путешествія», имѣвшія цѣлью изученіе различныхъ мѣстностей Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Подробные отчеты объ этихъ путешествіяхъ печатались въ *Запискахъ* института. Послѣ окончательныхъ испытаній студенты 4-го курса прикомандировывались къ учебной фермѣ, гдѣ каждому поручалось завѣдываніе отдѣльною частью: огородомъ, скотнымъ дворомъ, полемъ и т. п. Окончившіе полный курсъ получали, смотря по успѣхамъ, или степень агронома, или дѣйствительнаго студента агрономіи.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о характерѣ этого учебнаго заведенія, заслужившаго себѣ весьма хорошую репутацию.

Преподаваніе съ каедры было обставлено во многихъ отношеніяхъ плохо. Самымъ слабымъ мѣстомъ надо считать общую программу преподаванія. Слишкомъ много времени посвящалось предметамъ, или никакого отношенія не имѣющимъ къ сельскому хозяйству (словесность, логика и др.), или предметамъ побочнаго интереса (начала законовѣднія, ветеринарная

*) См. *Сборн. свѣд. по департ. землед. и сельск. пром., вын. II, стр. 128.*

фармакологія, терапія и проч.), тогда какъ преподаваніе существенно важныхъ предметовъ было сильно стѣснено во времени. Другимъ важнымъ недостаткомъ является довольно убогое состояніе кабинетовъ, лабораторій и библиотекъ. Существенно необходимое при научномъ преподаваніи естественныхъ и прикладныхъ наукъ практическое ознакомленіе съ методами изслѣдованія въ лабораторіяхъ и кабинетахъ уступало свое мѣсто едва ли умѣстному въ высшемъ учебномъ заведеніи изученію льнотренанія, кожевеннаго производства и проч. въ особыхъ мастерскихъ. И если, несмотря на всѣ эти недостатки, Горьгорѣцкій институтъ, по общему признанію, все-таки, выпускалъ настоящихъ «агрономовъ», съ солидными познаніями, то это надо приписать тому, что дѣйствительность, вѣроятно, мало соответствовала картинѣ, возсоздаваемой по «табелямъ». Недостатокъ лекціоннаго времени для специальныхъ предметовъ могъ съ избыткомъ возмѣщаться постоянно практиковавшимися агрономическими беседами, совмѣстными чтеніями и вообще тѣснымъ общеніемъ профессоровъ со студентами. Если научность преподаванія, безъ сомнѣнія, сильно страдала со стороны ознакомленія съ методами изслѣдованія, за то со стороны описательной она могла быть безукоризненной. На это указываютъ отчасти обильно практиковавшіяся сельско-хозяйственныя экскурсіи и всестороннее ознакомленіе съ объектами изслѣдованія на опытѣ.

Что касается вліянія этого учебнаго заведенія на хозяйственную жизнь страны, то въ этомъ отношеніи полезно ознакомиться съ судьбою бывшихъ воспитанниковъ института *). Оказывается именно, что практической дѣятельности, въ качествѣ управляющихъ или самостоятельныхъ хозяевъ, посвятили себя 142 чел., что составляетъ 25,22% по сельско-хозяйственной администраціи служили или служатъ 199 чел. (35,21%); педагогической сельско-хозяйственной дѣятельности посвятили себя 149 чел. (26,18%). Уклонившихся отъ своей специальности всего лишь 12,26% **). Относительно практиковъ можно сказать одно, что ареной дѣятельности они преимущественно избирали западную окраину. Значительное число лицъ, посвятившихъ себя административной и педагогической дѣятельности, объясняется тѣмъ, что эти лица, въ большинствѣ случаевъ, прямо со скамьи получали казенныя мѣста. Педагоговъ именно потому много, что въ первый періодъ существованія института туда поступали семинаристы, предназначенные на мѣста преподавателей земледѣлія въ семинаріи. Поступленіе на государственную службу облегчалось постановленіемъ о зачисленіи на штатныя мѣста лучшихъ изъ числа казеннокоштныхъ студентовъ ***). И такъ, на поставленный выше вопросъ можно отвѣтить такимъ образомъ: Горьгорѣцкій институтъ оказалъ крупную услугу странѣ, давши нѣсколькихъ видныхъ дѣятелей сельско-хозяйственной науки. Непосредственное вліяніе

*) См. Сборникъ сведений по департам. земледѣлія и сельской промышленности, т. II, стр. 119.

**). Свѣдѣнія имѣются, впрочемъ, лишь о 88,7% всѣхъ учившихся.

***). См. Записки Горьгор. Института за 1856 г., кн. V, стр. 1.

на сельско-хозяйственную практику было ограниченное. Наконец, институтъ быть полезенъ постольку, постольку могутъ быть полезны (выпущенные изъ него) научно-образованные агрономы на мѣстахъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ (преимущественно по кадастру).

Въ 1863 году Горыгорѣдскій институтъ по политическимъ причинамъ закрыли и учредили взаимѣть Земледѣльческій институтъ въ Петербургѣ на мѣсто закрытаго въ томъ же 1863 году Лѣснаго института.

Петербургскій Земледѣльческій институтъ*), несмотря на 14 лѣтъ своего существованія, не успѣлъ сложиться въ учебное заведеніе опредѣленнаго типа, благодаря довольно частымъ переѣздамъ во внутренней его жизни. Съ перваго же года существованія изъ программы преподаванія были изъяты всѣ предметы общіе и вспомогательные, съ сохраненіемъ исключительно специальныхъ. Благодаря этому, нашли возможнымъ сократить курсъ до 2-хъ лѣтъ. Съ 1869 года въ институтѣ было усилено преподаваніе лѣсныхъ наукъ, и, притомъ, настолько, что могли образоваться два отдѣленія: лѣсное и сельско-хозяйственное. Во все время существованія института число учащихся было ничтожное. Такъ, въ 1866 году числилось лишь 22 студента, и только къ 1869 году число это возросло до 96. Нѣкоторые мѣры облегченія поступленія способствовали возрастанію цифры студентовъ до 192 ч. въ 1872 г. Однако, съ этого года число учащихся начинаетъ снова быстро падать, благодаря почти полному прекращенію приѣма съ 1873 года. Въ 1888 году учащихся было уже только 52. Уже въ 1877 году агрономическое отдѣленіе было закрыто. Поводомъ къ такой мѣрѣ послужило: 1) отсутствіе фермы при институтѣ, 2) неудобства самой географической полосы для земледѣльческаго учебнаго заведенія и 3) упрочившееся къ этому времени положеніе Петровской академіи. Нечего и говорить, что вліяніе этого института на хозяйственную жизнь страны не могло быть сколько-нибудь замѣтнымъ. Его положеніе было все время переходное.

Петровская академія, съ закрытіемъ института очутившаяся въ положеніи единственнаго агрономическаго учебнаго заведенія, основана была по мысли и инициативѣ московскаго общества сельскаго хозяйства и при содѣйствіи графа Муравьева**). Во всеподданѣйшемъ докладѣ, составленномъ графомъ Муравьевымъ, при участіи особаго комитета, и представленнаго на высочайшее разсмотрѣніе, необходимость открытія въ Москвѣ академіи мотивировалась такъ: «Вызываемая переѣздами въ бытѣ сельскихъ сословій необходимость приложенія къ земледѣлію усовершенствованныхъ орудій, машинъ и способовъ обработки порождаетъ въ классѣ землевладѣльцевъ потребность въ дѣятеляхъ, которые, при помощи научныхъ свѣдѣній, могли бы съ успѣхомъ предпринять и совершить преобразование въ направленіи сельской промышленности. Въ то же время, распространеніе свобод-

*) См. *Сборникъ свѣдѣній по департ. землед. и сельск. пром.*, стр. 106—112.

**) См. *Журналъ Сельскаго Хозяйства* 1857 г., № 10, стр. 22.

наго труда, доставляя возможность заниматься сельскимъ хозяйствомъ каждому желающему и имѣющему необходимый капиталъ, очевидно, должно являть въ опору новыя силы, требующія затѣмъ лишь пособія науки для обращенія къ земледѣльческимъ занятіямъ. Наконецъ, развитіе учебныхъ агрономическихкихъ заведеній и административныхъ дѣйствій правительства по разнымъ отраслямъ техническаго производствъ. Такимъ образомъ, какъ въ различныхъ сословіяхъ народа, такъ и въ сферѣ администраціи является ошутительная надобность въ людяхъ, основательно научившихся сельское хозяйство. Такая настоятельная потребность въ разного рода дѣятеляхъ по сельской промышленности, съ одной стороны, указываетъ на нужду въ заведеніи, гдѣ бы можно было получить основательныя повнанія по всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства, съ другой—на то, чтобы въ это заведеніе была открыта свободный доступъ всемъ и каждому изъ желающихъ посвятить себя агрономическимъ занятіямъ, дабы представить всѣ способы къ распространенію техническихъ наукъ во всѣхъ классахъ общества *)).

И такъ, привывавшееся къ жизни учебное заведеніе должно было отвѣтить на новыя запросы и потребности жизни, сдѣлавшіяся сейчасъ же послѣ великой освободительной реформы 19 февраля 1861 года. Какъ правительство, такъ и крупныя землевладѣльцы испытывали массу недоумѣній и затрудненій, поставленные въ необходимость имѣть дѣло съ совершенно новымъ, непривычнымъ механизмомъ хозяйственной народной жизни. Свободный теперь трудъ многомилліонной массы крестьянства стирывалъ широкія перспективы для своего приложенія. Нуженъ была лишь притокъ знанія и необходимая матеріальная обстановка, чтобы вдохнуть «душу живу» въ затѣхшіе отъ продолжительнаго вынужденнаго бездѣйствія члены народнаго колесца. Миссія, возлагавшаяся на новое учрежденіе, была бы, поэтому, воистину великая, если бы подъ «административными дѣйствіями по сельскому хозяйству» разумѣлся рядъ дѣйствій, направленныхъ къ дальнѣйшему развитію и нормированію вызваннаго къ жизни новаго хозяйственнаго строя, а не простыя бюрократическія «мѣропріятія»; если бы, наконецъ, подъ интересами «всѣхъ классовъ общества» разумѣлись дѣйствительно интересы всего населенія, а не тѣхъ лишь его представителей, которые, приступая къ сельско-хозяйственной дѣятельности, имѣютъ въ распоряженіи «необходимый для сего капиталъ».

Каковы бы, однако, ни были вышнія предначертанія относительно назначенія новаго учебнаго заведенія, можно сказать одно, что проектъ организаціи самаго заведенія, выработанный спеціальнымъ комитетомъ на основаніи указаній приведенной записки, былъ задуманъ чрезвычайно широко и оригинально.**) Петровская академія, по мысли проекта, должна была высшимъ учебнымъ заведеніемъ открытымъ, въ идеальнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Слушать лекціи можетъ кто угодно и сколько угодно. Въ

*) См. Сборникъ статей о Петровской академіи, стр. 2.

**) Ibid., стр. 5.

виду этого, кромѣ постоянныхъ слушателей, могли быть допускаемы на лекціи посторонніе съ платой въ 15 коп. за лекцію или бесплатно на три лекціи, если на то имѣлось разрѣшеніе профессора. Никакихъ предварительныхъ испытаній или аттестатовъ при поступленіи не требовалось. Переходныхъ курсовыхъ испытаній также нѣтъ, а есть только окончательныя, для желающихъ получить дипломъ. О знаніи того или другаго специальнаго предмета могутъ выдаваться особыя свидѣтельства, не дающія, впрочемъ, никакихъ правъ. Дипломы на степень кандидата выдаются, по мысли авторовъ проекта, лишь по выдержаніи полного экзамена по всѣмъ предметамъ академическаго курса. Курсъ, по этому проекту, предполагался трехгодичный, что не должно было служить препятствіемъ сдать экзаменъ въ какой угодно срокъ.

Эти главные основанія, выработанныя комитетомъ, получили высочайшую санкцію, и 21 ноября 1865 года послѣдовало распоряженіе министра государственныхъ имуществъ объ открытіи Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, послѣ того, какъ уставъ академіи уже выработанъ былъ во всѣхъ подробностяхъ и сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія *). Самое открытіе лекцій послѣдовало, однако, лишь 25 января 1866 года.

Въ рѣчи перваго директора академіи—Желѣзнова, связанной имъ въ день открытія лекцій, высказаны были, между прочимъ, слѣдующія мысли: «Въ настоящее время, когда хозяйственныя условія Россіи совершенно измѣнились и обновились, какъ нельзя болѣе умістно открытіе такого *учрежденія*, въ которомъ бы каждый хозяинъ могъ дополнить недостающія ему свѣдѣнія для того, чтобы съ новыми силами приняться за устройство своего состоянія,—учрежденія, въ которомъ бы каждый молодой человѣкъ, готовящійся къ хозяйственному поприщу, могъ получить высшее хозяйственное образованіе»... «Главная задача академіи состоитъ въ распространеніи хозяйственныхъ свѣдѣній, и должно надѣяться, что современемъ слушатели не погонятся за служебными преимуществами, а будутъ искать однихъ знаній» **).

Смотря такимъ образомъ на нарождавшееся учебное заведеніе, Желѣзновъ, очевидно, имѣлъ въ виду *ближайшія цѣли* учебнаго заведенія, и съ этой точки зрѣнія онъ былъ, конечно, правъ, утверждая, что главная задача академіи—распространеніе хозяйственныхъ свѣдѣній. Но на ряду съ этимъ неприятно поражаетъ это безтактное «устройство состоянія»; какъ будто вся обстановка открытія академіи не давала достаточно поводовъ набросать, хотя бы въ формѣ весьма правдоподобныхъ въ 66 году предположеній, картину будущей живой связи новаго учебнаго заведенія съ соотвѣтствующими государственнымъ учрежденіями, безъ чего, вѣдь, въ сущности, не могла быть осуществлена и ближайшая главная задача академіи: *широкое* распространеніе сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній.

*) См. *Сборникъ свѣдѣній о Петровской академіи*, стр. 7.

***) Ibid.

Въ періодъ дѣйствія въ академіи устава на изложенныхъ основаніяхъ, въ ней преподавался слѣдующій циклъ предметовъ *): 1) православное богословіе, 2) сельское хозяйство, 3) скотоводство общее и частное, 4) ветеринарныя науки, 5) сельское строительное и инженерное искусство, 6) политическая экономія, 7) лѣсоводство, 8) сельско-хозяйственная технология, 9) практическая механика, 10) химія, 11) физика и метеорологія, 12) ботаника, 13) минералогія и геогнозія, 14) геодезія. Одновременно съ теоретическимъ преподаваніемъ шли практическія занятія въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, на фермѣ и на опытномъ полѣ. Въ распоряженіи слушателей съ самаго открытія была также хорошо обставленная бібліотека.

Въ приведенномъ сводѣ предметовъ мы уже не видимъ пестроты горьгорѣцкихъ «табелей». Можно поставить въ упрекъ этому циклу предметовъ недостаточную полноту, но нельзя отказать въ соответствіи съ дѣйствительными требованіями науки сельскаго хозяйства.

Однако, періодъ дѣйствія перваго устава оказался непродолжительнымъ. Въ 1872 году Петровская академія была уже преобразована въ высшее учебное заведеніе, въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Новый уставъ былъ окончательно выработанъ и утвержденъ въ 1873 году іюля 16, замѣнивши «временныя правила», дѣйствовавшія въ 1872 году **). Согласно новому уставу, курсъ въ академіи расширился до 4-хъ лѣтъ. Въ академію должны приниматься лишь лица, успѣшно окончившія классическую гимназію или реальное училище. Слушатели получаютъ названіе студентовъ. Помимо степеней кандидата и магистра, академія даетъ отнынѣ еще званіе «дѣйствительнаго студента».

Сообразно расширенію срока прохожденія всего курса расширился и кругъ преподаваемыхъ предметовъ. Порядокомъ преподаванія съ изданія втораго устава и нынѣ слѣдующій: Первые два курса посвящаются всецѣло почти наукамъ естественнымъ. Читаются: 1) богословіе, 2) общая и сельско-хозяйственная зоологія, 3) сравнительная анатомія, 4) физиологія животныхъ, 5) органографія и систематика растений, 6) физиологія растений, 7) физика и метеорологія, 8) геодезія, 9) механика, 10) химія неорганическая, 11) химія аналитическая, 12) химія органическая, 13) химія агрономическая, 14) минералогія и геогнозія. На послѣднихъ двухъ курсахъ читаются, наоборотъ, почти исключительно спеціальныя науки: 1) зоотехнія общая, 2) зоотехнія частная, 3) земледѣліе общее, 4) земледѣліе частное, 5) лѣсоводство, 6) сельско-хозяйственная технология, 7) сельское строительное и инженерное искусство, 8) политическая экономія и статистика, 9) сельско-хозяйственная экономія, 10) сельско-хозяйственная статистика и 11) сельско-хозяйственное законодѣніе ***). Всѣ каедры прикладныхъ и

*). Здѣсь не упоминаются предметы, читавшіеся на лѣсномъ отдѣлѣ. Вообще, во всемъ дальѣйшемъ изложеніи, Петровская академія будетъ фигурировать лишь какъ сельско-хозяйственное учебное заведеніе.

**). См. *Сборникъ содѣній о Петровской академіи*, стр. 7.

***). Послѣдніе два предмета введены въ послѣдніе 2—3 года.

естественныхъ наукъ располагають для соответствующихъ практическихъ занятій болѣе или менѣе хорошо обставленными кабинетами и лабораторіями.

Всѣ тѣ отрасли сельскаго хозяйства, которыя имѣють малый научный интересъ, исключаются изъ круга преподаваемыхъ съ каеедры предметовъ: наприм., садоводство, огородничество, пчеловодство и т. д. Съ этими отраслями можно ознакомиться, при желаніи, практически.

Все это указываетъ на то, что до послѣдняго времени академія строго оберегала научность преподаванія.

Это стремленіе къ научной широтѣ и полнотѣ преподаванія находило достаточную опору въ матеріальныхъ средствахъ, особенно со времени закрытія лѣснаго отдѣла (1883 г.) при академіи, когда всѣ средства безраздѣльно стали употребляться на содержаніе отдѣла сельско-хозяйственнаго. По отчету послѣдняго года, сумма, бывшая въ распоряженіи академіи, достигала размѣровъ 175,341 р. *)).

Характеръ преподаванія до послѣдняго времени всецѣло основывался на мысли, высказанной еще Желѣзновымъ при открытіи академіи: «Академія должна разсматривать слушателей не какъ юношей, еще не знающихъ къ чему они способны и нуждающихся въ ежедневномъ надзорѣ, а какъ людей, сознательно избирающихъ для себя кругъ дѣятельности и вполне знакомыхъ съ гражданскими обязанностями» **). Согласно такому воззрѣнію, академія давала всѣ средства для изученія наукъ, какъ въ формѣ лекцій, такъ и въ формѣ лабораторій, кабинетовъ, библіотеки, образцовой фермы и т. д., предоставляя студентамъ пользоваться этими средствами по своему усмотрѣнію, безъ малѣйшей тѣни обязательности. Но такому порядку вещей не суждено было продержаться долго. Правительство рѣшило кореннымъ образомъ измѣнить самую систему преподаванія. Во внутренней жизни академіи съ каждымъ годомъ наносятся чувствительные удары прежней свободѣ преподаванія, повсюду вносится элементъ обязательности и контроля, выдвигается впередъ значеніе практическихъ занятій. Всѣ эти нововведенія служили прелюдией къ полному преобразованію Петровской академіи.

О характерѣ этого преобразованія давало уже достаточно опредѣленное представленіе слѣдующее извлеченіе изъ предписанія министра государственныхъ имуществъ на имя директора академіи, по поводу учрежденія коммиссіи для выработки проекта преобразованія: «... 2) Центръ тяжести всего преподаванія академіи долженъ быть перенесенъ изъ области естественныхъ наукъ въ область спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ наукъ. 3) Съ этою цѣлью практическія занятія студентовъ должны быть усилены, и академическая ферма должна сдѣлаться главнымъ средоточіемъ пракческаго преподаванія сельско-хозяйственныхъ наукъ; для изученія же различныхъ отраслей хозяйства и связанныхъ съ ними техническихъ производствъ

*) См. *Годичный актъ Петровской академіи за 1887 г.*, стр. 56.

***) См. *Сборникъ статей о Петровской академіи*, стр. 7.

могутъ быть устраниваемы, по мѣрѣ возможности и средствъ, разными опытно-техническими приспособленіями (механическая мастерская, винокурная, сыроваренная и т. п.)» *).

Невольно является вопросъ: точно ли наклонилось достаточно основаній къ полному осужденію дѣйствовавшей до сихъ поръ системы преподаванія? Точно ли Петровская академія не выполнила возложенной на нее задачи?

На всѣ эти вопросы мы имѣемъ возможность дать вполне опредѣленный и обстоятельный отвѣтъ, благодаря появленію въ печати *Материаловъ для исторіи Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи* проф. Э. Б. Шёне **), въ которыхъ сообщаются прекрасно обработанныя свѣдѣнія о судьбѣ бывшихъ студентовъ академіи со дня ея основанія.

Почтенный профессоръ даетъ въ этихъ «материалахъ» свѣдѣнія преимущественно о бывшихъ студентахъ академіи, выбывшихъ изъ нея уже послѣ преобразования 1872 года, что объясняется тѣмъ, что самое собраніе свѣдѣній началось лишь послѣ преобразования. Въ виду этого, не удивительно, что свѣдѣнія о выбывшихъ до преобразования относятся лишь къ 36,27% всѣхъ учившихся до преобразования, а свѣдѣнія послѣ преобразования—къ 65,21% общаго числа студентовъ этого періода; относительно однихъ лишь окончившихъ послѣ преобразования свѣдѣнія имѣются для 85,8% общаго ихъ числа.

Приведемъ здѣсь наиболее интересную сводную таблицу изъ предположенного ей матеріала свѣдѣній для каждаго лица въ отдѣльности (см. слѣд. страницу).

Оказывается, такимъ образомъ, что до преобразования Петровская академія дала больше *практиковъ*, т.-е. занимающихся сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ управляющаго, арендатора и собственника, а именно 164 ч., вмѣсто 158 ч. практиковъ втораго періода, несмотря на вдвое ббльшую продолжительность втораго періода.

Такой результатъ будетъ вполне понятенъ, если припомнить, что, до преобразования академіи въ 1872 году, образовательнаго ценза при поступленіи не требовалось, почему, въ большинствѣ случаевъ, слушатели ограничивались изученіемъ лишь интересовавшихъ ихъ спеціальностей. Этимъ же объясняется и другой цифровой выводъ, что изъ числа всѣхъ 458 лицъ сельско-хозяйственнаго отдѣла (о которыхъ имѣются свѣдѣнія) окончили полный курсъ въ академіи лишь 220 ч. (48,03%). Изъ 194 бывшихъ слушателей академіи перваго періода дипломъ добыли себѣ лишь 10 человекъ. Но, помимо указанной главной причины, фактъ этотъ объясняется еще большими затрудненіями, съ которыми сопряжено было полученіе диплома до преобразования, когда степени дѣйствительнаго студента не существовало.

За то изъ студентовъ втораго періода, посвятившихъ себя сельско-хозяйственной дѣятельности, окончили полный курсъ 210 чех. изъ 264, т.-е.

*) См. *Сборникъ свѣдѣній о Петровской академіи*, стр. 13.

**) См. *Извѣстія Петровской академіи* за 1887 г., вып. II., приложение, заглавіи *Сборникъ свѣдѣній о Петровской академіи*.

Занимаются или занимались вообще сельским хозяйством, или избрали родъ дѣятельности, находящейся болѣе или менѣе въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ.	Вышедшихъ изъ академіи			
	до преобразованія.		послѣ преобразованія.	
	Окончивш.	Не оконч.	Окончивш.	Не оконч.
а) Служать по учебной части въ высшихъ, среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ	5	5	31	2
б) Находятся въ командировкѣ для изученія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства.	—	—	6	1
в) Занимаются или занимались сельскимъ хозяйствомъ на практикѣ:				
аа) Ведутъ или вели хозяйство въ своихъ имѣніяхъ	1	78	45	25
bb) Арендуютъ имѣнія.	2	18	4	3
cc) Управляютъ имѣніями или служатъ въ управленіяхъ имѣніями.	1	58	59	8
dd) Служать на фермахъ министерства государственныхъ имуществъ	—	—	2	—
gg) Занимаются сельско-хозяйственнымъ техническимъ производствомъ	—	6	5	4
д) Состоять на государственной службѣ или на службѣ въ земствахъ и вѣдомствахъ, находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ сельскому хозяйству.	—	12	43	9
г) Служать въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, комиссіонерствахъ, мастерскихъ земледѣльческихъ орудій, земельныхъ банкахъ и т. п.	—	7	3	1
е) Продолжаютъ образованіе по сельско-хозяйственнымъ предметамъ.	—	—	1	1
Итого *)	9	184	199	54

79,8%. Изъ таблицы можно видѣть, что значительный процентъ лицъ и въ этотъ періодъ даютъ практики, а именно 59,3%. Но, во всякомъ случаѣ, наблюдается сильно бьющее въ глаза возрастаніе числа лицъ, посвятившихъ себя государственной или общественной службѣ. Мы находимъ именно, что лица, посвятившія себя общественной дѣятельности (преподавательской, земской и т. д.), составляютъ 37,8% общаго числа лицъ, посвятившихъ себя сельско-хозяйственной дѣятельности. Въ составъ этихъ

*) Материалы для исторіи Петровской академіи, стр. 116.

37,0% входятъ 15,0% занимающихся сельско-хозяйственной научно или педагогическою дѣятельностью.

Предпосланныя своднымъ таблицамъ монографическія свѣдѣнія позволяютъ дать еще болѣе детальныя свѣдѣнія по этой интересной для высшаго учебнаго заведенія рубрикѣ *теоретиковъ*. Оказывается именно, что 15,0% этой рубрики слагаются изъ 2,7% официальныхъ, такъ сказать, представителей науки (сюда отнесены профессора и ассистенты, а изъ лицъ, не состоящихъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ ученую степень выше кандидатской), изъ 2,31% командированныхъ правительствомъ въ разныя мѣста съ научною цѣлью и, наконецъ, изъ 9,91% преподавателей въ сельско-хозяйственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *).

Всѣ эти данныя позволяютъ намъ видѣть, что результаты дѣятельности академіи вполне совпадаютъ съ тѣми правительственными предначертаніями, какими руководствовались ея учредители. Мы могли убѣдиться, что питомцы академіи прилагали свои познанія именно на такихъ поприщахъ, на какихъ ихъ и желали видѣть дѣйствующими. При осуществленіи перваго проекта организаціи Петровской академіи имѣлось въ виду создать просто *учрежденіе*, доступное всѣмъ заинтересованнымъ успѣхомъ практической сельско-хозяйственной дѣятельности на новыхъ, послѣреформенныхъ основаніяхъ. И данныя показываютъ намъ, что академія за этотъ промежутокъ времени дала преимущественно *практиковъ*. Въ этотъ періодъ ея существованія почти не было лицъ, претендовавшихъ получить дипломъ. Но въ 1872 году правительство измѣнило свой взглядъ на это дѣло. Установивъ научный цензъ, расширивъ курсъ, правительство, очевидно, хотѣло поднять *научное* значеніе академіи, не роняя пракческаго. И цифры показываютъ, что академія и тутъ не обманула ожиданій правительства, выпустивъ, сравнительно съ первымъ періодомъ, несравненно большее число лицъ, посвятившихъ себя государственной, земской, научной, — словомъ, общественной дѣятельности. Мы видимъ даже болѣе близкое совпаденіе пожеланій правительства съ результатами дѣятельности Петровской академіи. Мы могли именно убѣдиться выше, что правительство, въ своихъ заботахъ о насажденіи агрономическихъ знаній, всегда имѣло въ виду интересы землевладѣльческаго класса. Данныя же проф. Шѣне весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что огромное большинство лицъ, отдавшихся сельско-хозяйственной дѣятельности, послужило именно интересамъ помѣщичьяго хозяйства, въ качествѣ управляющихъ, самостоятельныхъ хозяевъ и арендаторовъ. Строго говоря, изъ этой категоріи лицъ

*) Выводы о „теоретикахъ“, на основаніи такихъ условныхъ и формальныхъ признаковъ, какъ нахожденіе при каедрѣ высшаго учебнаго заведенія и проч., понятны, даютъ лишь приблизительное представленіе о числѣ лицъ, дѣйствительно послужившихъ агрономической наукѣ. Этотъ интересный вопросъ можетъ быть рѣшенъ опредѣленно лишь послѣ выхода въ свѣтъ обобщенныхъ проф. Шѣне свѣдѣній о всѣхъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ бывшихъ питомцевъ академіи.

нельзя исключить, наприм., преподавателей въ земледѣльческихъ училищахъ и нѣкоторыхъ другихъ.

И такъ, мы можемъ теперь считать прочно обоснованнымъ тотъ выводъ, что *характеръ* дѣятельности питомцевъ Петровской академіи какъ нельзя болѣе долженъ былъ удовлетворить учредителей академіи.

Можно, дагѣ, предположить, что правительство недовольно *качественною* стороной дѣятельности бывшихъ питомцевъ Петровской академіи. Последніе могли на посту управляющаго имѣніемъ оказаться не на высотѣ своего призванія. Но для такого приговора нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, да и не можетъ быть, принимая во вниманіе, что весьма значительная часть практиковъ-петровцевъ дѣйствовала въ собственныхъ или арендованныхъ имѣніяхъ. Да, кромѣ того, странно было бы предположить, что приобрѣтеніе практической сноровки не подѣ силу людямъ научно-подготовленнымъ.

Затѣмъ остается последнее возможное предположеніе: быть можетъ, многіе изъ воспитанниковъ академіи уклонились отъ сельско-хозяйственной дѣятельности.

Дѣйствительно, обращая снова къ *Материаламъ* проф. Шене, мы находимъ такое обвиненіе не безъосновательнымъ. Данные слѣдующей таблицы подтверждаютъ это *).

Выбрали дѣятельность, не имѣющую непосредственной связи съ сельскимъ хозяйствомъ.	Вышедшіе изъ академіи			
	до преобразования.		послѣ образования.	
	Окончили.	Не окончили.	Окончили.	Не окончили.
а) По учебной части	—	9	10	2
б) По министерству финансовъ и государственному контролю	—	2	17	2
в) По министерству внутреннихъ дѣлъ, городскому самоуправленію и учрежденіямъ Императрицы Маріи	—	3	1	1
д) По судебной части	—	8	6	2
е) По медицинской части	1	2	—	5
ф) По коммерческой и техническимъ частямъ	—	9	2	4
г) На желѣзныхъ дорогахъ	—	4	1	3
h) Выбрали дѣятельность разнаго рода	—	7	4	3
Итого	1	44	41	23

*) *Материалы для исторіи Петровской академіи*, стр. 118. Съ дѣль видѣны цифры, относящіяся къ однимъ лишь агрономамъ, намъ пришлось сдѣлать перерѣзъ по

Правда, значеніе цифры 45 измѣнившихъ сельскому хозяйству первато періода значительно сдвигается тѣмъ обстоятельствомъ, что только одинъ изъ нихъ окончилъ полный курсъ. Но за то значительное большинство (44 изъ 64) всѣхъ измѣнниковъ втораго періода значатся окончившими полный курсъ. Относя 41 ко всей суммѣ окончившихъ (259) послѣ преобразования, мы получаемъ цѣлыхъ 16,6%.

Правда, не надо упускать изъ вида, что существованіе лицъ категоріи *a* и отчасти *b* (вѣдомства Имп. Маріи) объяняется правомъ, предоставленнымъ окончившимъ курсъ въ Петровской академіи занимать мѣсто преподавателей естественныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Что касается лицъ всѣхъ остальныхъ категорій: медиковъ, юристовъ и т. д., то относительно ихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они потерпѣли крушеніе въ качествѣ «агрономовъ» и должны были или обратиться къ прежней своей профессіи, или, если таковой не было, просто превратиться въ искателей «мѣста», безразлично, какого, лишь бы оно обезпечивало интересы желудка.

Но, какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что число студентовъ, уклонившихся отъ своей прямой специальности, все-таки, значительно. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что всѣ оставшіеся за бортомъ агрономы оказались плохо подготовленными? Такое заключеніе было бы болѣе чѣмъ смѣло. Мы видимъ изъ тѣхъ же данныхъ, что, одновременно съ устраненіемъ отъ своей специальности окончившихъ курсъ, мѣста управляющихъ находили неокончившіе, которые никакъ не могутъ быть лучше подготовленными.

Дѣло, слѣдовательно, просто въ томъ, что бывшіе студенты Петровской академіи *не находятъ достаточного спроса* со стороны представителей землевладѣльческаго класса, интересамъ котораго они призваны служить. Характерно при этомъ то обстоятельство, что лица съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ не находятъ никакого предпочтенія на рынкѣ управительскаго труда. И это, конечно, вполнѣ правильная и понятная съ точки зрѣнія денежныхъ интересовъ владѣльца оцѣнка. На что въ самомъ дѣлѣ для скромнаго управительскаго труда знаніе политической экономіи, знаніе сравнительной анатоміи и т. д.? Такимъ отношеніемъ къ интеллигентному труду самъ землевладѣльческій классъ провозноситъ приговоръ существованію высшаго учебнаго заведенія исключительно почти для своей потребы.

И такъ, оставаясь на точкѣ зрѣнія правительства, мы не видимъ пока поводовъ къ осужденію системы преподаванія въ заведеніи, которое за все время своего существованія ни на одну іоту не отступало отъ высшихъ предначертаній. Мы приходимъ лишь неизбежно къ тому выводу, что предначертанное правительствомъ русло, по которому должны направляться агрономическія интеллигентныя силы въ практическую жизнь, не соответствуетъ дѣйствительному назначенію этихъ силъ.

монографическимъ свѣдѣніямъ, причемъ свѣдѣнія о лицахъ неизвѣстнаго отдѣла отбрасывались. Вслѣдствіе этого, результаты получились, вѣроятно, незначительно уменьшенными.

Но, слѣди за перипетіями исторіи насажденія на русской почвѣ науки сельскаго хозяйства, мы какъ бы умышленно игнорировали еще два высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведенія, а именно Ново-Александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и сельско-хозяйственное отдѣленіе Рижской политехнической школы. Но дѣло въ томъ, что оба эти заведенія служатъ исключительно почти интересамъ мѣстнымъ: первое — крупному землевладѣнію въ царствѣ Польскомъ, а второе остзейскому землевладѣнію. Оба эти заведенія если и играютъ какую-нибудь роль въ хозяйственной жизни коренной Россіи, то роль совершенно ничтожную. Поэтому мы считаемъ возможнымъ ограничиться лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ этихъ заведеній, тѣмъ болѣе, что къ категоріи высшихъ учебныхъ заведеній одно изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, можетъ быть отнесено лишь съ нѣкоторою натяжкой.

Ново-Александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства (въ Новой Александріи, Люблинской губерніи), все-таки, нѣсколько ближе къ интересамъ русскаго сельскаго хозяйства. Преподаваніе ведется здѣсь на русскомъ языкѣ, матеріальныя средства въ значительной степени почерпаются изъ государственнаго казначейства, значительный процентъ оианчивающихъ въ немъ курсъ завершаютъ сельско-хозяйственное образованіе въ Петровской академіи. Институтъ имѣетъ всего 3-хъ годичный курсъ и никакихъ ученыхъ степеней и такъ называемыхъ «гражданскихъ правъ» не даетъ. Несмотря, однако, на недостаточную продолжительность курса, время экономизируется плохо. Читаются совершенно посторонніе сельскому хозяйству предметы, наприм., математика, начертательная геометрія, даже русскій языкъ и словесность (послѣдніе два предмета введены, впрочемъ, по соображеніямъ общей руссификаціонной политики въ краѣ). Затѣмъ читается цѣлыхъ три полугодія, по 2 ч. въ недѣлю, ветеринарія. Трудно ожидать, чтобы преподаваніе было обставлено подобающимъ образомъ уже по тому одному, что институтъ располагаетъ крайне ограниченными средствами. По лежащему передъ нами годовому отчету *), въ качествѣ обычныхъ и главныхъ доходовъ значатся: изъ государственнаго казначейства 48,605 р. 20 к. и специальныхъ средствъ 45,726 рублей 92 коп., всего 94,082 р. 12 коп. Для высшаго учебнаго заведенія съ двумя отдѣленіями это болѣе чѣмъ скромно. Вѣроятно, недостаткомъ средствъ надо объяснить тотъ фактъ, что одному лицу поручаютъ тамъ часто читать цѣлую серію довольно разношерстныхъ и, притомъ, крупныхъ предметовъ. Такъ, наприм., въ 188²/₃ году доценту Хлюдинскому поручено было чтеніе скотоводства общаго и частнаго, сельско-хозяйственной экономіи, строительнаго искусства и пчеловодства **). Въ Петровской академіи, наприм., эти предметы дѣлятся между четырьмя профессорами (пчеловодство совсѣмъ не чи-

*) См. *Записки Ново-Александрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства* за 1886 г., т. VII, стр. 44.

**) См. *Записки Н.-Александрійскаго Института* за 1886 г., стр. 8.

тается) и три первыхъ предмета относятся къ категоріи самыхъ обширныхъ и важныхъ.

Въ виду всего сказаннаго, едва ли можно считать послѣднимъ заключеніе, что Н.-Александрійскій институтъ не вполне заслуживаетъ названія высшаго агрономическаго учебнаго заведенія.

Но если мы колебались включить Н.-Александрійскій институтъ въ семью русскихъ учебныхъ заведеній, то относительно Рижскаго политехникума не можетъ быть никакого сомнѣнія: это учебное заведеніе русское только по своему нахожденію въ предѣлахъ Россіи, да еще развѣ потому, что въ составъ учащихся сюда ежегодно входитъ значительное число окончившихъ русскія среднія учебныя заведенія. Во всемъ остальномъ это совсѣмъ нѣмецкое учебное заведеніе. Лекціи читаются здѣсь на нѣмецкомъ языкѣ. Средства почерпаются изъ мѣстныхъ нѣмецкихъ источниковъ (городъ и острейское дворянство).

Рижскій политехникумъ *) былъ основанъ въ 1861 году, и въ числѣ другихъ техническихъ отдѣленій имѣетъ отдѣленіе сельско-хозяйственное. Въ послѣднемъ курсъ четырехлѣтній. Окончаніе курса не сопряжено съ полученіемъ какой-либо ученой степени, даже съ полученіемъ «гражданскихъ правъ». Раздѣленіе труда въ дѣлѣ преподаванія сельско-хозяйственныхъ наукъ весьма небольшое: всѣ спеціальныя агрономическія науки читаются двумя профессорами. При агрономическомъ отдѣленіи, для цѣлей демонстративныхъ, находится образцовая ферма въ окрестностяхъ Риги (въ Петергофѣ). Съ 1864 года существуетъ также опытная сельско-хозяйственная станція при сельско-хозяйственномъ отдѣленіи. Средства отдѣленія не могутъ быть значительны, ибо на всѣ 7 отдѣленій политехникума расходуются 161,840 руб. **).

Для полноты обзора ***) упомянемъ еще о сельско-хозяйственномъ институтѣ въ Мустіанѣ, въ Финляндіи. Но относительно этого учебнаго заведенія не можетъ быть даже такого слабаго повода къ причисленію его къ категоріи «русскихъ», какъ составъ учащихся: русскихъ туда совсѣмъ не поступаетъ.

Этотъ коротенькій обзоръ позволяетъ уже намъ сдѣлать тотъ выводъ, что высшихъ русскихъ агрономическихъ учебныхъ заведеній, строго говоря, у насъ пока одно: Петровская академія. Несомнѣнно, что можно и должно придать преподаванію въ ней болѣе *практическій* характеръ.

До сихъ поръ, не имѣя возможности послужить достойнымъ образомъ отечественному земледѣлю, академія давала, по крайней мѣрѣ, *научную* подготовку, давала обществу ежегодно нѣсколько десятковъ образованныхъ

*) См. *Festschrift der polytechnischen Schule zu Riga.*

**) Ibidem, стр. 129.

***) Мы не касаемся въ настоящемъ очеркѣ преподаванія агрономіи въ университетахъ потому, что здѣсь агрономія представлена одною лишь кафедрой въ длинномъ ряду другихъ кафедръ естественнаго отдѣленія. Преподаваніе, къ тому же, исключительное.

людей. Но, спрашивается, въ какихъ предѣлахъ эта практичность можетъ быть терпима въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія?

Намъ думается, что этотъ вопросъ былъ бы рѣшенъ удовлетворительно только въ такомъ случаѣ, если бы больше ясности было въ постановкѣ вопроса о «практическихъ занятіяхъ», какъ таковыхъ. Въ высшемъ учебномъ заведеніи необходимо должна изучаться подлинная наука, а не сборники рецептовъ и догматовъ. Поэтому слушателямъ не достаточно сообщить, что добыто въ той или другой области обширной науки сельскаго хозяйства, но надо еще показать, какъ эти выводы добыты, т.-е. необходимо основательно ознакомить съ *методами изслѣдованія*. Отсюда вытекаетъ необходимость въ практическихъ занятіяхъ: кабинетныхъ и лабораторныхъ, имѣющихъ въ виду дать *умнѣ* владѣть методами изслѣдованія. Но въ наукѣ сельскаго хозяйства, какъ равно и во всѣхъ почти естественныхъ наукахъ, помимо изложенія методовъ и системы законовъ, существуетъ описательная часть. Это обязываетъ къ практическому ознакомленію съ объектами описанія, въ интересахъ лучшаго усвоенія. Наконецъ, агрономическая наука, какъ извѣстно, является законодательницею тѣхъ или другихъ техническихъ приемовъ. Чтобы провѣрить разумность этихъ приемовъ, чтобы, наконецъ, знать ихъ, необходимо видѣть ихъ примѣненіе и испытаніе на дѣлѣ.

Для ученаго агронома обязательны практическія занятія, но обязательны въ различной степени. *Умнѣ* и *навыкъ* обязательны въ практическихъ занятіяхъ первой категоріи; въ практическихъ занятіяхъ послѣднихъ категорій ученому агроному вполне достаточно достигнуть *отчетливаго знанія по опыту* и нечего гоняться за навыкомъ. Въ противномъ случаѣ предстояла бы альтернатива—или подарить страну нѣсколькими учеными агрономами, расширивъ предварительно курсъ дѣтъ до десяти, или совсѣмъ отказаться отъ такого удовольствія. Можно, конечно, поступить проще, и не расширяя курса. Для этого стѣдуетъ только скомкать елико возможно «ученаго агронома» въ пользу «техника» и «управителя». Но тогда не слѣдуетъ сохранять фикцію высшаго образованія.

Если ужъ въ самомъ дѣлѣ ощущается такая необходимость въ дѣльныхъ техникахъ сельско-хозяйственныхъ производствъ и въ таковыхъ же управителяхъ, то не лучше ли усовершенствовать и распространить уже существующія среднія сельско-хозяйственные школы. Здѣсь можно оправднить методологію, лабораторныя занятія и, словомъ, всѣ условія научности преподаванія и перенести центръ тяжести послѣдняго въ области техники, изученія отдѣльныхъ операцій.

Если же, дѣйствительно, средняя школа лучше способна выполнить задачу подготовленія сельско-хозяйственныхъ техниковъ и управителей, то для чего же существовать высшему учебному заведенію съ такою же задачей? Правда, на посту управляющаго крупной экономіи, гдѣ хозяйственный кругозоръ шире, полезнѣе можетъ оказаться лицо интеллигентное, съ высшимъ образованіемъ; но не будетъ ли роскошью такая затрата интелли-

тентныхъ силъ? По крайней мѣрѣ, крупное землевладѣніе уже отвѣтило на этотъ вопросъ утвердительно, оставивъ не у дѣлъ значительный процентъ предлагавшихъ свои услуги интеллигентныхъ агрономовъ.

Но если бы такого молчаливаго приговора со стороны землевладѣльцевъ и не было, то, все-таки, мы должны были бы считать такую затрату интеллигентнаго труда крайне непроизводительною въ виду несомнѣннаго существованія въ странѣ широкихъ поприщъ для интеллигентнаго сельско-хозяйственнаго труда.

Достаточно вспомнить, что Россія недостаточно изучена въ сельско-хозяйственномъ *) отношеніи, не смотря на то, что Россія—страна земледѣльческая. Намъ, конечно, нѣтъ надобности перечислять здѣсь эти пробѣлы въ знаніяхъ: они безъ того постоянно указывались, да, кромѣ того, это заняло бы слишкомъ много времени и мѣста. Достаточно отмѣтить только, что потребность существуетъ именно въ организаціи постояннаго текущаго изслѣдованія хозяйственныхъ условій, что осуществляется при помощи особыхъ агрономическихъ бюро. Только на почвѣ такой организаціи агрономическаго изслѣдованія возможны широкія хозяйственныя мѣропріятія.

Другая чрезвычайно плодотворная и широкая арена для интеллигентнаго труда, это—сельско-хозяйственная консультація, безусловно и широко доступная для всей массы населенія. При осуществленіи этой консультаціи сельско-хозяйственныя знанія широкимъ потокомъ направятся въ крестьянскую массу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранится существовавшая до сихъ поръ за крупнымъ землевладѣніемъ привилегія пользоваться услугами знанія.

Но если таковы должны быть будущія арены дѣятельности для интеллигентныхъ агрономовъ, то намъ представляются достаточно опредѣленными тѣ руководящія идеи, которыя должны лечь въ основу организаціи вышшаго сельско-хозяйственнаго образованія. Для указанныхъ родовъ дѣятельности необходимо не только солидное специальное образованіе, но и достаточно широкое общее развитіе. Въ самой постановкѣ преподаванія не должно быть тенденціи прииспобляться къ нуждамъ исключительно крупныхъ хозяйствъ, а, напротивъ, всегда имѣть въ виду на первомъ планѣ интересы массы населенія, т.-е. крестьянства.

А, между тѣмъ, научность преподаванія несомнѣнно страдаетъ отъ урѣзки курсовъ естественныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ Петровской академіи. Отъ этого сокращенія пострадаютъ какъ естественныя науки, такъ и спеціальныя сельско-хозяйственныя науки, всецѣло опирающіяся на первыхъ. При такомъ условіи можно расширять объемъ спеціальныхъ наукъ безъ малѣйшей надежды достигнуть научной полноты преподаванія.

Далѣе, по поводу высказаннаго нами пожеланія, чтобы при преподаваніи сельско-хозяйственныхъ наукъ не игнорировались условія крестьянскаго хозяйства, можетъ послѣдовать возраженіе, что приложеніе сельско-хозяй-

*) Здѣсь разумѣется научное изслѣдованіе сельско-хозяйственныхъ явленій преимущественно *качественное*.

ственныхъ ученій возможно-де исключительно въ крупныхъ хозяйствахъ. Но такое возраженіе предполагаетъ, что если до сихъ поръ сельско-хозяйственные научныя изысканія направлялись въ сторону интересовъ крупнаго землевладѣнія, то уже такой порядокъ вещей вытекаетъ изъ сущности дѣла, что, очевидно, несправедливо. Не надо забывать затѣмъ, что въ кругъ знаній и системъ знанія, извѣстныхъ подъ именемъ сельско-хозяйственной науки, безспорно многое имѣетъ значеніе универсальное, стоитъ внѣ условій тѣхъ или другихъ размѣровъ хозяйства. Таково ученіе о почвѣ, ученіе о кормленіи, ученіе о вредныхъ насѣкомыхъ и т. д. Во всѣхъ этихъ общихъ ученіяхъ есть чисто-описательныя надставки, напримѣръ, частное земледѣліе, частная зоотехнія, ученіе о сельско-хозяйственныхъ машинахъ и т. д. Вотъ въ этихъ-то описательныхъ надставкахъ желательнo отвести подобающее мѣсто детальному и критическому изученію всѣхъ явленій и особенностей крестьянскаго хозяйства. Рабочій крестьянскій скотъ, мѣстные крестьянскіе сорта хлѣба, крестьянскія орудія и многое другое, — все это, несомнѣнно, представить богатый матеріалъ для сельско-хозяйственныхъ изысканій. Условія крестьянскаго хозяйства далеко не такъ однообразны, какъ это принято думать. Уже одна пестрота этнографическаго состава должна бы подсказывать совершенно обратное.

Указанный оборотъ въ направленіи сельско-хозяйственныхъ изысканій поистинѣ вдохнулъ бы «душу живу» въ нашу агрономическую науку. Самостоятельность и независимость въ направленіяхъ изслѣдованія, совершенно излишнія въ чистой наукѣ, напротивъ, обязательны въ прикладной наукѣ. Трудно понять, въ самомъ дѣлѣ, почему для русскихъ агрономовъ изслѣдованіе условій акклиматизаціи какихъ-нибудь влейдесдальскихъ лошадей или шортгорнской породы скота заманчивѣе и поучительнѣе, нежели изысканіе способовъ усовершенствованія нашихъ мѣстныхъ породъ скота, воплотившихся къ суровымъ условіямъ климата и кормленія?

Въ виду этого, намъ кажется весьма симпатичнымъ появленіе такихъ трудовъ, какъ, наприм., изслѣдованіе профессора Хлюзинскаго «о крестьянской рабочей лошади», или работа г. Энгельгардта о фосфоритахъ, въ которой онъ показалъ значеніе этого удобрительнаго вещества для сѣвернаго огневаго хозяйства.

Но едва ли нужно доказывать, что ни постановка высшаго агрономическаго образованія, ни надлежащее направленіе въ области сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій сами по себѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. То и другое тогда лишь произведетъ ожидаемые результаты, когда одновременно будутъ дѣйствовать соответствующія учрежденія. Эти учрежденія — агрономическія бюро и образцовыя фермы. Пока они у насъ или совсѣмъ не существуютъ *), или существуютъ въ весьма несовершенномъ видѣ. Въ видѣ исключенія, мы можемъ назвать Пермскую губернію, гдѣ

*) Съ 1845 до 1862 ннѣ существующія фермы были «крестьянскими»; но, въ сущности, это были просто земледѣльческія практическія школы для крестьянскихъ мальчиковъ. Эти школы-фермы потеряли неумачу.

сельско-хозяйственные знания, при помощи соответственныхъ учреждений, приходятъ уже на помощь мѣстному крестьянскому населенію.

Изъ учреждений, имѣющихъ цѣлью непосредственное распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, мы можемъ назвать: 6 казенныхъ образцовыхъ фермъ (при Петровской академіи и при земледѣльческихъ училищахъ), 11 земскихъ фермъ, 3 образцовыхъ пасѣки, институтъ агрономическихкихъ смотрителей въ Пермской губерніи, 3 сельско-хозяйственныхъ музея (кроме мелкихъ земскихъ музеевъ). Въ качествѣ учреждений, вѣдающихъ дѣло сельско-хозяйственного изслѣдованія, а отчасти удовлетворяющихъ нѣкоторымъ практическимъ нуждамъ, у насъ существуютъ: 3 химическія сельско-хозяйственныхъ станціи, 3 опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станціи, 1 опытное поле (при Петровской академіи) и, наконецъ, тотъ же институтъ агрономическихкихъ смотрителей въ Пермской губерніи.

Какъ видитъ читатель, число этихъ учреждений болѣе чѣмъ скромно для нашего обширнаго отечества. Но при всемъ томъ вліяніе этихъ учреждений на теченіе сельско-хозяйственной жизни могло бы быть гораздо болѣе замѣтнымъ, если бы большинство изъ нихъ не преслѣдовало цѣли, чуждыя ближайшимъ интересамъ массы населенія. Образцовыя фермы ведутъ образцовое *крупное* хозяйство, не имѣющее ни малѣйшаго демонстративнаго значенія для окружающаго крестьянскаго населенія. Намъ известна одна лишь образцовая *крестьянская ферма* въ селѣ Черемховѣ, Иркутской губерніи. Существующія химическія и сельско-хозяйственныя опытныхъ станціи даютъ матеріалъ, могущій имѣть интересъ исключительно научный. Для того, чтобы быть въ состояніи давать матеріалъ, могущій послужить основаніемъ для принятія широкихъ сельско-хозяйственныхъ мѣръ, имъ слѣдовало бы увеличиться въ числѣ и присоединить всѣ функціи сельско-хозяйственныхъ бюро.

Дѣло сельско-хозяйственной консультаціи и систематическаго текущаго хозяйственнаго изслѣдованія осуществляется уже въ сравнительно широкихъ размѣрахъ въ Пермской губерніи, по почину мѣстнаго земства *).

Такъ сказать, непосредственно дѣйствующею частью механизма являются тамъ агрономическіе смотрители, распределенные по уѣздамъ. Каждый смотритель обязывается возможно детальнѣе изучить свой районъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и оказывать мѣстному населенію всевозможное содѣйствіе, разрѣшая разныя хозяйственныя недоумѣнія, подавая полезныя сельско-хозяйственныя совѣты, дѣлая указанія на опытъ, способствуя выпискѣ сѣмянъ и орудій. Агрономическіе смотрители ведутъ особые дневники, въ которые они заносятъ все, касающееся ихъ дѣятельности, и представляютъ ихъ періодически, вмѣстѣ съ работами по изслѣдованію своего района, въ сельско-хозяйственный совѣтъ, — центральное учрежденіе, стоящее во главѣ института сельско-хозяйственныхъ смотрителей. Совѣтъ

* См. Сборникъ Пермскаго Земства. Протоколы засѣданій сельско-хозяйственнаго совѣта и Инструкція для агрономическихкихъ смотрителей. 1887 г.

рассматриваетъ эти дневники и работы и возвращаетъ ихъ затѣмъ зрителямъ съ своими замѣчаниями. Ежегодно организуются съѣзды агрономическихкихъ смотрителей, на которыхъ послѣдніе разрѣшаютъ свои недоумѣнія и дѣлятся своими наблюдениями. Агрономическіе смотрители получаютъ подготовку въ мѣстномъ красноуфимскомъ реальномъ училищѣ съ агрономическимъ отдѣленіемъ, а въ составъ сельско-хозяйственнаго совѣта входятъ или лица съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ, или вообще извѣстныя за компетентныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣятельность этого молодого симпатичнаго учрежденія очень полезна. Въ этомъ убѣждаютъ какъ ближайшее знакомство съ отчетнымъ матеріаломъ, въ формѣ протоколовъ засѣданій и работъ агрономическихкихъ смотрителей, такъ равно и тотъ краснорѣчивый фактъ, что въ продолженіе почти шестилѣтняго своего существованія учрежденіе это все крѣпло и расширялось, вызывая самые одобрительные отзывы со стороны мѣстнаго земства и въ печати. Слѣдовательно, организація дѣла въ основѣ своей разумна. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи круга обязанностей агрономическихкихъ смотрителей, нельзя не замѣтить несоотвѣтствія ихъ подготовки съ обширностью этого круга. Такъ, по *Инструкціи*, смотрители не только обязаны играть роль сельско-хозяйственныхъ консультантовъ и агрономическихкихъ изслѣдователей, но должны еще насаждать различныя техническія сельско-хозяйственныя производства, и, что особенно важно, должны всесторонне изучать экономическія условія своего района. Словомъ, агрономическій смотритель несетъ на себѣ функція агрономическаго бюро, сельско-хозяйственной опытной станціи и агрономическаго консультанта, что едва ли подъ силу лицу, получившему лишь среднюю подготовку. Насколько мы можемъ судить, практика ввела соотвѣтствующія поправки въ *Инструкцію* и заключила кругъ обязанностей въ предѣлы возможнаго.

И такъ, подводя итоги, мы можемъ сказать, что существующія нынѣ сельско-хозяйственныя фермы должны бы реорганизоваться въ образцовыя крестьянскія хозяйства, примѣнительно къ мѣстному среднему типу крестьянскаго хозяйства, причемъ, при этихъ фермахъ, разумѣется, попрежнему, желательны склады сельско-хозяйственныхъ орудій, сѣменные депо и проч. Потомъ, нечего и говорить, такихъ фермъ должно быть несравненно больше.

Въ ближайшей связи съ этими образцовыми фермами, или особо отъ нихъ, должны существовать сельско-хозяйственныя бюро и сельско-хозяйственныя опытыя станціи, долженствующія въ лицѣ своихъ представителей нести функція агрономической консультации и правильнаго текущаго обслѣдованія мѣстныхъ условій. Учрежденія эти, въ интересахъ болѣе согласныхъ дѣйствій, должны быть руководимы особыми центральными учрежденіями, вродѣ пермскаго сельско-хозяйственнаго совѣта.

Этотъ набросокъ желательной агрономической организаціи, конечно, прижѣрный и схематичный. Однако, думается намъ, широкое осуществленіе подобной организаціи могло бы быть предпринято безъ особыхъ опасеній,

въ виду удачнаго опыта Пермской губерніи, и, во всякомъ случаѣ, пожеланія, выраженные въ наброскѣ, не могутъ уже считаться отнынѣ утопичными.

Нѣкоторую пищу подобнымъ пожеланіямъ и «мечтаніямъ» даетъ вновь поднятый теперь въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о губернскихъ агрономахъ, которые имѣютъ быть введенными въ видѣ опыта въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Было бы крайне жаль, если бы при исполненіи этого опыта не воспользовались опытомъ пермскаго земства и обставили дѣтельность губернскихъ агрономовъ условіями, исключающими возможность успѣха. Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, расширить районъ дѣятельности одного агронома до размѣровъ цѣлой губерніи, чтобы превратить всю его дѣтельность въ бюрократическую фикцію.

Подводя итоги всему сказанному въ статьѣ, мы можемъ отмѣтить слѣдующіе главные выводы.

Правительство, призывая къ жизни разсадники агрономическаго образованія, желало придти на помощь крупному землевладѣнію. Имѣлось въ виду, что притокъ знанія, поднявъ благосостояніе землевладѣльческаго класса, тѣмъ самымъ будетъ косвенно содѣйствовать благоприятному теченію всей хозяйственной жизни въ странѣ. Время показало, что такія ожиданія не оправдались.

Агрономическое образованіе въ Россіи, поставленное съ самаго начала въ ненормальныя отношенія къ хозяйственной народной жизни, не оказывало на послѣднюю замѣтнаго вліянія.

Разсмотрѣніе относящихся сюда фактовъ и историческія справки приводятъ къ тому заключенію, что вступить въ живую связь съ хозяйственною жизнью страны агрономическое образованіе можетъ лишь при посредствѣ соответствующихъ государственныхъ учреждений: агрономическихъ бюро, образцовыхъ фермъ и т. д. Только при этомъ условіи будетъ обеспечено дальнѣйшее здоровое развитіе высшаго агрономическаго образованія, только при этомъ условіи самая агрономическая наука можетъ пустить у насъ глубокіе корни. Только тогда устранится, наконецъ, ненормальное явленіе, что, при существованіи въ странѣ дѣйствительной потребности въ интеллигентномъ агрономическомъ трудѣ, наши агрономы или сидятъ безъ дѣла, или ютятся по частнымъ хозяйствамъ.

Признавая необходимымъ открыть интеллигентному агрономическому труду болѣе широкое поприще, нельзя также не признать необходимымъ согласовать съ этимъ поприщемъ самый характеръ преподаванія. Должна исчезнуть тенденція приспособлять агрономическую науку къ нуждамъ одного крупнаго хозяйства. Необходимо строго оберегать научную высоту преподаванія, обеспечивающую болѣе высокій уровень развитія въ слушателяхъ.

Б.

О прекрасномъ въ искусствѣ *).

Каждый изъ насъ помнить, что въ дѣтствѣ ему нравились раскрашенныя картинки, на которыя не станеть смотрѣть взрослый. По мѣрѣ того, какъ накопились наблюденія и шла незамѣтно, но постоянно работа мысли, эстетическій вкусъ становился тоньше и сложнѣе. Ребенокъ любитъ ярко окрашенный шарикъ; для подростка такого шарика недостаточно, — онъ съ пренебреженіемъ отброситъ его. Тотъ же прогрессъ происходитъ и въ слуховыхъ ощущеніяхъ, — о другихъ чувствахъ мы говорить не станемъ, такъ какъ они играютъ незначительную роль въ области эстетическихъ волненій. Изъ двухъ рисунковъ ребенокъ десяти или двѣнадцати лѣтъ выберетъ уже тотъ, который ему болѣе нравится по содержанію. Иной, наоборотъ, предпочтетъ лучше окрашенную картинку. У взрослого челоука вкусы также мѣняются, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Всякій на себѣ испытаетъ, что способность получать наслажденіе отъ какаго-либо художественнаго произведенія непостоянна. Если я чѣмъ-либо встревоженъ, то музыкальная пьеса или стихотвореніе не произведетъ на меня надлежащаго впечатлѣнія. Если мною овлаѣла глубокая радость, то я пропущу мимо ушей самую великолѣпную элегію!

То, что наблюдаетъ въ своей жизни отдѣльный челоукъ, наблюдается и въ исторіи. Въ каждомъ изъ насъ, въ краткомъ видѣ, какъ будто повторяется прожитое челоучествомъ. Не трудно убѣдиться во вліяніи на наши эстетическія чувства, на нашъ художественный смыслъ, и наследственной передачи способностей или недостатковъ, и вліянія окружающей насъ среды. При такихъ условіяхъ возможно ли говорить о прекрасномъ въ искусствѣ? Не будетъ ли это повтореніемъ метафизическихъ фразъ о вѣчной красотѣ, о красотѣ самой въ себѣ, то - есть о томъ, что опровергается исторіей, психологіей и жизненнымъ опытомъ?

Я думаю, что вопросъ о прекрасномъ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ вопросовъ и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи. Измѣнчивость взглядовъ на прекрасное отнюдь не исключаетъ возможности

*) Лекція, читанная въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ при третьей гимназіи 8 марта 1889 г.

удовлетворительнаго его опредѣленія, въ основныхъ и главныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ. Вѣдь, мѣнялись и научныя воззрѣнія, мѣнялись нравственныя идеи, что вовсе не мѣшаетъ существовать точной наукѣ и попыткамъ, которыя становятся все болѣе и болѣе удовлетворительными, поставить на научную почву ученіе о нравственности. Вопросъ о прекрасномъ важенъ потому, что искусство играло и играетъ громадную роль въ жизни человѣчества. Въ будущемъ, по всей вѣроятности, роль эта еще болѣе усилится. Произведенія искусства даютъ разумный отдыхъ отъ будничной тяжелой работы; они возбуждаютъ въ насъ энергію мысли, возвышаютъ наши помыслы и чувства.

Но всегда ли и всякое ли искусство производитъ такія послѣдствія? Бъ сожалѣнію, отвѣтъ долженъ быть отрицательнымъ. Мы знаемъ, что искусство служило иной разъ безнравственнымъ цѣлямъ и потакала дурнымъ инстинктамъ. Для того, чтобы разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ, необходимо обратиться къ даннымъ психологіи, съ одной стороны, и не терять изъ вида, съ другой стороны, что человѣчество развивается изъ пожелнія въ поколѣніе, изъ народа въ народъ, повинаясь великому закону эволюціи. Приведемъ нѣкоторые данныя этого рода.

Реалистическая эстетика, — говоритъ Бѣльше *) — исходитъ не отъ метафизической точки зрѣнія, а отъ дѣйствительнаго, непредубѣжденнаго изслѣдованія. Основаніемъ современной мысли вообще служатъ естественныя науки. Поэзія, какія бы особенныя цѣли она себѣ ни поставила, какъ бы ни различалась она въ своемъ существѣ отъ наукъ естественныхъ, не можетъ не принимать въ соображеніе, не можетъ не поддаваться влиянію точнаго изученія природы и человѣческой души. Шиллеръ и Гёте неустанно стремились къ тому, чтобы въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ ставить и разрѣшать философскія и психологическія задачи. Поэтому истинная реалистическая поэзія предполагаетъ со стороны художника нелегкій трудъ. Создать образъ, который является естественнымъ и, въ то же время, типичнымъ, который возвышается до идеала и интересуетъ насъ во многихъ отношеніяхъ, — это и самое трудное, и самое высокое изъ того, что можетъ творить человѣческій геній.

Искусство и наука, идеаль и дѣйствительность, должны возвышаться рука объ руку. Какъ можетъ, напримѣръ, современный художникъ игнорировать научную постановку вопроса о свободной волѣ, о наследственной передачѣ душевныхъ особенностей?

За предѣлами нашего познанія лежитъ иной міръ; онъ намъ совершенно неизвѣстенъ. Но не падаютъ ли при этомъ тѣ идеалы, потребность въ которыхъ вызывала обветшалыя теперь метафизическія построенія? Отнюдь нѣтъ; только идеалы эти становятся намъ ближе и ярче выступаютъ передъ нами. Вся природа въ величественной борьбѣ за существованіе ведетъ

*) *Wilhelm Bölsche*: „Die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Poesie. Prolegomena einer realistischen Aesthetik“. 1887.

къ установленію гармоніи, а въ мірѣ человѣческомъ борьба эта должна сопровождаться все болѣе и высшимъ счастьемъ людей. Отъ искусства мы требуемъ,—говоритъ Бѣльше,—*тенденціи* къ гармоничному, здоровому, счастливому. Понятіе *прекраснаго* развилось именно изъ понятія о здоровомъ, нормальномъ. Поэтъ-реалистъ долженъ изображать жизнь, какъ она есть. Въ жизни существуетъ указанное стремленіе къ здоровью и счастью, какъ желаніе, которому далеко до безусловнаго исполненія. Идеализировать все не значить замѣнять дѣйствительныя вещи фантастическими, все окрашивать въ розовую краску. Идеализируетъ тотъ, кто выдвигаетъ и ярко освѣщаетъ стремленія къ счастью и совершенствованію, которыя на самомъ дѣлѣ существуютъ и только затемняются сложною игрою жизни. Реалистическая поэзія, лишенная всякаго идеала, представляется Бѣльше рѣшительно непонятною.

Въ психологической области для поэта ничего не можетъ быть привлекательнѣе появленія гениевъ, пролагающихъ человѣчеству новые пути въ наукѣ, въ общественной жизни, въ мірѣ искусства. Изъ глубины исторіи ярко выдѣляются величественныя фигуры Колумба, напримѣръ, или Гуттенберга, съ ихъ дѣйствительнымъ торжествомъ, съ ихъ горькими страданіями. Поэзія должна сохранить свою старую роль воспитательницы рода человѣческаго, и на этой почвѣ ея стремленія сходятся съ стремленіями естественныхъ наукъ достигнуть для людей здоровья и счастья.

Необходимость внимательнаго изученія психологическаго процесса, который называется художественнымъ творчествомъ, ярко обрисовывается въ интересномъ сочиненіи одного современнаго французскаго писателя—Габриэля Сеайля: *Отытъ о гениі въ искусствѣ* *).

Мысль,—говоритъ Сеайль,—продолжаетъ жизнь, стремится приспособить ее къ себѣ, *организовать* все въ нее проникающее; *мысль есть творчество*. Изъ множества ощущеній создается единство чувствованія. Ни сознаніе, ни воля не входятъ въ первый періодъ этого процесса. Нашъ духъ инстинктивно стремится къ тому, чтобы овладѣть наплывомъ безконечнаго множества впечатлѣній и организовать ихъ. Его первымъ импульсомъ является потребность въ гармоніи, а гармонія есть существенная принадлежность красоты. Въ глубинѣ души происходитъ глухая работа, и вдругъ, съ быстротою молніи, вспыхиваетъ подготовленная этою работою идея или образъ. Во всѣхъ областяхъ психической жизни этотъ процессъ въ общемъ и главномъ сходенъ. Гармонія, сведеніе къ общей мысли или стройному образу обступающихъ насъ ощущеній, воспоминаній и волненій составляетъ органическую потребность, потому что безпорядокъ въ этомъ отношеніи равнозначителенъ страданію и смерти. Единство въ разнообразіи—это гармонія; совокупность многихъ фактовъ согласно звучащихъ актовъ—*это—красота, и давать жизнь мысли—значитъ давать красоту міру. Мы являемся дѣломъ нашихъ идей*. Если эти идеи противорѣчивы, наше су-

*) Gabriell Séailles: „Essai sur le génie dans l'art“.

щество раздѣлено, мы умалены. Руководящею идеей служить идея прогресса, которая видитъ въ настоящемъ частицу будущаго, которая позволяетъ въ нынѣшнемъ злѣ предчувствовать грядущее добро. Чтобы быть въ гармоніи съ самимъ собою, каждый долженъ быть въ гармоніи съ своими ближними, которые такъ или иначе на него воздѣйствуютъ.

Впечатлѣнія, которыми непрерывно обогащается наша душа, образуются въ гораздо большей степени отъ насъ самихъ, отъ нашихъ органовъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Они организуются въ *образы*, которые являются живыми элементами нашего духа, борются за существованіе съ другими образами, укрѣпляются или гаснутъ въ нашемъ сознаніи. Образъ есть одухотворенное ощущеніе (*L'image, c'est la sensation spiritualisée*). Онъ въ значительной степени зависитъ отъ насъ, можетъ быть вызванъ или видоизмѣненъ по нашей волѣ, тогда какъ ощущеніе намъ навязывается. Я слышу, напримѣръ, ружейный выстрѣлъ и не могу устранить это ощущеніе. Образъ вступаетъ въ ассоціацію съ другими образами, стремится стать дѣйствительностью. Извѣстный опытъ Шеврѣля съ гирькою доказываетъ, что *образъ движенія* становится причиною настоящаго движенія. Держите гирьку и вообразите то движеніе, которое вы захотите придать ей. Она и въ самомъ дѣлѣ закачается въ этомъ направленіи. Нечувствительное движеніе руки явится результатомъ опредѣленнаго напряженія мысли. Это становится особенно яснымъ въ болѣзненныхъ случаяхъ, когда какой-либо образъ исключительно захватываетъ нашу душевную жизнь. Въ этомъ отношеніи *образа* къ духу и движенію именно и заключается зародышъ искусства. Воображать—значитъ жить, и въ нѣкоторой степени каждый изъ насъ является художникомъ. Темныя потребности организма, ощущенія, воспоминанія, чувствованія и страсти самопроизвольно возбуждаютъ образы, которые соотвѣтствуютъ совокупности этихъ процессовъ. Воображеніе поддерживаетъ насъ въ работѣ, требующей долгаго и связнаго напряженія силъ. Поэзія вещей заключается въ нашемъ духѣ. Очарованіе какого-либо предмета зависитъ въ наиболѣе значительной мѣрѣ отъ связанныхъ съ этимъ предметомъ воспоминаній, отъ волненій, которыя возбуждаетъ его присутствіе. Отсюда такое разнообразіе вкуса, какое приходится всѣмъ намъ наблюдать. Одинъ и тотъ же предметъ различно дѣйствуетъ на различно одаренныхъ и воспитанныхъ людей, различно дѣйствуетъ на одного и того же человѣка въ несходные моменты его жизни. Поэтому-то много красотъ имѣютъ, исключительно субъективные значенія: нѣтъ возможности дать о нихъ хотя приблизительное понятіе другому человѣку. Прекрасенъ не внѣшній предметъ самъ по себѣ, а то, что дѣлается во мнѣ самомъ, что вижу я самъ, въ чемъ состоитъ моя собственная жизнь. Прекрасенъ идеаль, который растетъ и видоизмѣняется въ исторіи и составляетъ необходимую принадлежность нашей природы, потому что мы не можемъ воображать, не идеализируя. Идеаль есть ничто иное, какъ естественное движеніе мысли къ вполнѣ гармоничной жизни. Изъ безобразнаго даже исходитъ красота, ибо безпорядокъ усиливаетъ въ насъ стремленіе

жъ стройности и законченности. Произведеніе искусства всегда возникаетъ и выполняется подъ вліяніемъ чувства, но импульсъ часто дается, во всякомъ случаѣ, поддерживается нашею волей. Размышленіе подготавливаетъ свободную игру воображенія, направляетъ его, ставитъ ему границы, заставляетъ его выражать опредѣленные чувства и идеи. Артистъ долженъ чутко прислушиваться и приглядываться къ тому, что дѣлается вокругъ него. Искусство не исходитъ отъ абстрактной идеи, но мысль входитъ необходимою составною частью въ каждое художественное произведеніе. Формальная эстетика права только въ томъ случаѣ, когда возстаетъ противъ пренебреженія формою, которая должна органически соответствовать идеѣ. Раздѣлять идею и форму—значитъ уничтожать искусство. Но идея приобретаетъ свое истинное значеніе въ искусствѣ только тогда, когда она становится *чувствомъ*, когда она завладѣваетъ всею душою художника и возбуждаетъ образы, способные живо и ярко воплотить эту идею. Искусство—не процессъ разсужденія, оно—сама жизнь. Крайній реалистъ превращаетъ искусство въ ремесло, крайній идеалистъ—въ философію, а сторонникъ искусства для искусства является жонглеромъ, который играетъ словами, звуками, линіями и красками. Искусство—это живущая идея, ставшая центромъ внутренней жизни и создающая себѣ тѣло изъ образовъ; она была бы ничѣмъ безъ формы, но эту форму творитъ сама идея. Печаль, радость, разсказъ, случай,—все можетъ вызвать художественную эмоцію, результатомъ которой выйдетъ произведеніе искусства. Бетховенъ слышитъ исторію героической испанки, которая, переодевшись въ мужское платье, чудомъ энергіи и преданности спасаетъ любимаго человѣка изъ тюрьмы, въ которой онъ долженъ былъ погибнуть. И вотъ въ душѣ гениальнаго композитора зарождаются *Фиделио*. Художникъ постоянно *думаетъ* о своемъ произведеніи, хотя иной разъ *самъ этою-то и не думаетъ*. Во всякомъ серьезномъ произведеніи искусства дѣло не обходится безъ сознательной работы ума и замѣтныхъ усилій воли. И чѣмъ больше у художника этого ума и чѣмъ сосредоточеннѣе его воля, тѣмъ значительнѣе будетъ и его художественный трудъ. «Я никогда не думаю, — говорилъ Ламартинъ, — за меня думаютъ мои идеи». А Гёте писалъ слѣдующее: «Я предоставляю предметамъ спокойно дѣйствовать въ моей душѣ; потомъ я наблюдаю это дѣйствіе и спѣшу вѣрно передать его, — вотъ вся тайна того, что люди называютъ даромъ гениа». Для художника идеи сейчасъ же приобретаютъ плоть и кровь. Гёте говоритъ: «Двѣ идеи никогда не представляются моему уму абстрактно, онѣ немедленно превращаются въ двухъ лицъ, которыя вступаютъ между собою въ бесѣду».

Въ зародышѣ произведенія, какъ въ зернѣ, заключаются уже все его части, которыя впоследствии пропорціонально разовьются. Изъ неясныхъ очертаній выдѣлится и главная идея произведенія, и ея подробности. Въ этомъ смыслѣ *цѣлое* опредѣляетъ эти подробности. *Прекрасное есть общее въ индивидуальномъ* (Le beau est le général dans l'individuel). Красота—это всегда человѣческій духъ, раскрытый на встрѣчу себѣ подобныхъ.

Искусство не связано съ эгоистическими нуждами и является цвѣтомъ жизни. Долгая и незамѣтная работа многихъ поколѣній подготавливаетъ ту почву, на которой потомъ пышно развертывается геній. Но и великому художнику необходима работа надъ своимъ дарованіемъ. Бахъ, юношей, по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, переписывалъ музыкальныя произведенія Фробергера, Керля и Пательбега, которыхъ, вслѣдствіе ихъ трудности, еще не давали Баху. Вся жизнь Моцарта есть исторія гениальнаго труда. Въ горькой нуждѣ онъ создаетъ свои музыкальныя произведенія, на смертномъ одрѣ онъ оканчиваетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Умирая тридцати шести лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ послѣ себя столько произведеній, что одинъ списокъ ихъ занимаетъ 511 страницъ in 8°. Гайднъ рассказываетъ про нужду и печали своей молодости и прибавляетъ: «Но когда я сѣлся за мое старое фортепіано, не было на свѣтѣ царя, которому бы я позавидовалъ».

Поработавши надъ замысломъ, сообразивши все необходимое для полноты и стройности произведенія, художникъ долженъ ждать момента, когда его охватитъ одушевленіе, когда весь предшествовавшій трудъ какъ бы расплавится въ общемъ горячемъ порывѣ. Но и здѣсь сознательная роль воли не прекращается, потому что это одушевленіе необходимо поддерживать. Большое произведеніе не можетъ быть создано сразу, и сохранить между частями органическую связь могутъ только совокупныя усилія всѣхъ способностей художника. Только усилія эти не должны быть замѣтны вполнѣдствіи,—въ этомъ заключается признакъ истиннаго таланта. Нарушите форму, напримѣръ, ритмъ стиха, и поэзія отлетитъ отъ произведенія. На это давно указывали многіе, въ томъ числѣ и одинъ изъ нашихъ поэтовъ, Я. П. Полонскій. Онъ приводилъ въ примѣръ стихотвореніе Кольцова:

Не шуми ты, рожь,
Слѣднмъ колосомъ,
Ты не пой, косарь,
Про широку степь.

Переставьте слова—и получится нѣчто безцвѣтное и банальное: ты, рожь, слѣднмъ колосомъ не шуми; не пой, косарь, про широку степь.

Эстетическое удовольствіе,—говоритъ Сеайль,—не есть пассивное чувство. Слушать симфонію—значитъ ее исполнять. Вкусъ есть истинное искусство. Художникъ приводитъ въ движеніе лишь то, что заключается въ нашей душѣ, и наслаждаться артистическимъ произведеніемъ—значитъ создавать его въ себѣ. Чѣмъ больше вызвано въ насъ художникомъ идей, тѣмъ совершеннѣе гармонія этихъ идей, тѣмъ выше эстетическое наслажденіе. И поэтому до извѣстной степени справедливо то горделивое удовольствіе, которое испытываемъ мы, глядя на картину великаго живописца или читая повѣсть великаго художника: въ эти моменты, по образцу этихъ произведеній, мы создаемъ красоту въ собственной душѣ. Въ полнотѣ наслажденія, въ согласіи ума и чувства лежитъ источникъ того, что въ области эстетическихъ волненій отсутствуетъ эгоизмъ. Жизнь есть борьба, а

искусство вносить миръ въ насъ самихъ и примиряетъ съ другими. Счастье дѣлаетъ добрымъ. Красота художественнаго произведенія доступна всѣмъ; здѣсь нѣтъ мѣста для зависти или соперничества между тѣми, кто наслаждается этою красотой. Искусство есть искусственный рай, — говоритъ Сеайль, но черезъ нѣсколько страницъ прибавляетъ: искусство не обитаетъ на ледяныхъ высотахъ, оно вездѣ, гдѣ есть жизнь, гдѣ люди волнуются и симпатизируютъ другъ другу. Мы превращаемъ въ красоту все, что насъ трогаетъ, и поэзія вызываетъ въ насъ не одну радость, но и печаль. Какъ сама жизнь, прекрасное не допускаетъ строгаго и исключительнаго опредѣленія. Одно несомнѣнно: выборъ идей, богатство ихъ развитія и сочетанія — вотъ что измѣряетъ геній и красоту. Идеализировать — значитъ заставлять предметъ жить болѣе напряженно, болѣе горячею жизнью.

Французскій писатель заглянулъ, такимъ образомъ, въ тайники художественнаго творчества. Онъ указалъ на органическій ростъ художественнаго произведенія, на руководящую роль въ этомъ процессѣ идей, которая всегда соединена у большихъ художниковъ съ эстетическими волненіями, живетъ и развивается въ этихъ волненіяхъ. Не отрицая и возможности, и великой пользы формальныхъ опредѣленій прекраснаго, признавая и то, что ничтожный самъ по себѣ предметъ можетъ быть превращенъ талантомъ художника въ предметъ высоко-эстетическій, Сеайль настаиваетъ, однако, на томъ, что красота и геній измѣряются содержаніемъ произведенія. Я приведу нѣсколько другихъ доказательствъ этой простой мысли, потому что она до сихъ поръ не пользуется общимъ признаніемъ.

Вотъ что говорятъ Крамской въ письмѣ къ Ѡ. А. Васильеву: «У него (у Шишкина) нѣтъ тѣхъ душевныхъ нервовъ, которые такъ чутки къ шуму и музыкѣ въ природѣ и которые особенно дѣятельны не тогда, когда заняты формой и когда глаза ее видятъ, а, напротивъ, когда живой природы нѣтъ уже передъ глазами, а *остался въ душѣ общій смыслъ предметовъ*, ихъ разговоръ между собою и ихъ *дѣятельное значеніе въ духовной жизни человека*, и когда настоящій художникъ, подъ впечатлѣніями природы, обобщаетъ свои инстинкты, *думаетъ пятнами и тонами* и доводитъ ихъ до того ясновидѣнія, что стоитъ ихъ только формулировать, чтобы его поняли». Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу Крамской говоритъ о необходимости сравнивать картину *съ задачей, съ требованіями ума и идеала* **).

И. Е. Рѣпинъ, къ которому я обратился за разъясненіями относительно процесса художественнаго творчества, отвѣтилъ мнѣ, что сознательность и преднамѣренность онъ видитъ у всѣхъ гениальныхъ представителей искусства, что эти свойства составляютъ необходимые элементы художественной дѣятельности. «Натуры, необычайно одаренныя способностью творчества и проникновенностью мировыхъ явленій, — пишетъ мнѣ И. Е. Рѣпинъ, —

*) *Иванъ Николаевичъ Крамской, его жизнь, перетиска и художественно-критическія статьи*, стр. 97.

***) *Ibid.*, стр. 102.

одарены также сильно и богато идеями, которыя, можетъ быть, складываются изъ массы непосредственныхъ наблюденій надъ окружающимъ миромъ; но онѣ формируются потомъ въ сознательное цѣлое, хотя и глубокое, расплывающееся до необычайныхъ размѣровъ и неуволнимыхъ очертаній». «Художественныя натуры,—продолжаетъ И. Я. Рѣпинъ,—мыслить синтетически, воплощая свои идеи въ образы; иногда имъ представляются прямо сцены и образы, и уже послѣ авторы находятъ въ этихъ непосредственныхъ явленіяхъ тѣ или другія идеи». Но мы не можемъ прослѣдить, каковымъ процессомъ произошло это непосредственное возникновеніе идей; можетъ быть, оно есть плодъ долгаго исканія, душевнаго усилія и является намъ красивымъ цвѣтомъ вдругъ, такъ какъ намъ не видѣтъ и не интересенъ стебель и корень». «Если бы творческія натуры не руководствовались разумнымъ анализомъ своихъ вдохновеній, онѣ блуждали бы во тьмѣ».

Мнѣ кажется, что это свидѣтельство одного изъ лучшихъ нашихъ художниковъ имѣетъ глубокой интересъ и большую важность. Оно служитъ доказательствомъ того, что художественное творчество — процессъ сложный, въ которомъ мысли, выростая на опредѣленномъ настроеніи, видоизмѣняютъ или укрѣпляютъ его. *Красота* является поэтому также понятіемъ сложнымъ. Возьмемъ для примѣра новую картину г. Рѣпина *Святитель Николай*. Въ серединѣ, на первомъ планѣ, стоитъ на колѣняхъ приговоренный къ смертной казни. Его помертвѣвшее лицо опущено, рука въ цѣпяхъ,—онъ почти умеръ, въ ужасномъ ожиданіи роковаго удара. Налѣво отъ зрителя воины держатъ молодаго человѣка, также обреченнаго на казнь. Направо весь уголъ картины занимаетъ громаднаго роста палачъ, который хочетъ занести мечъ, чтобы отрубить голову осужденному. Но вотъ подходитъ святитель Николай—маленькій, тщедушный старичокъ, съ добрыми глазами, въ которыхъ какъ будто остановились слезы. Онъ положилъ свою худенькую и безсильную руку на протянутый гигантомъ-палачомъ мечъ. Палачу ничего не стоить пальцемъ положить на мѣстѣ святителя. Тутъ находятся, кромѣ того, правитель и стража. Но для васъ ясно, что казни не будетъ, что духъ побѣдилъ физическую силу, что гуманное чувство, поднявшееся святаго Николая, всколыхнуло и подняло такое же чувство въ народной массѣ. Эта масса толпится на второмъ и третьемъ планѣ картины; въ ней, съ появленіемъ ея духовнаго вождя, явилась радость и надежда,—и зло должно отступить, признать себя побѣжденнымъ. На душѣ у васъ становится свѣтло и тепло, — художникъ, по моему, создалъ прекрасное произведеніе.

Не знаю, это ли имѣлъ въ виду сказать своими образами г. Рѣпинъ; но онъ, по собственному признанію, пишетъ свои картины сознательно, просвѣтляетъ свою художественную работу работою мысли, потому-то его картины и имѣютъ большую эстетическую цѣну и большое общественное значеніе.

Маленькое лирическое стихотвореніе можетъ быть, конечно, написано сразу, такъ сказать, вылиться изъ души. Ему предшествовала долгая обшая работа чувства и мысли у художника. Сознательные элементы твор-

ческаго процесса здѣсь не выдѣлимы. Данный порывъ, преобладающее въ опредѣленное время настроеніе, благодаря особому дарованію писателя, овладѣли его душою, быстро организовали образы въ стройное цѣлое. Но мы знаемъ, что даже великимъ поэтамъ приходилось иногда *отдѣлывать* свои лирическія стихотворенія. А для поэтовъ сравнительно небольшого таланта,—въ особенности для начинающихъ,—безпечальная теорія, представляющая каждому писать, что придетъ въ голову и какъ придетъ въ голову, неизбежно поведетъ къ очень печальнымъ результатамъ. Приведу одинъ примѣръ изъ стихотвореній молодого и даровитаго поэта, г. Фофанова. Вотъ что написалъ г. Фофановъ:

Опять я вижу тѣ аллеи,
 Опять брожу у милыхъ мѣстъ,
 Гдѣ вздохъ я слагалъ въ хорехъ,
 А подѣлунъ въ анапестъ.
 И вонъ пригорокъ тотъ отлогій,
 Гдѣ съ ней о счастья я мечталъ,
 Гдѣ яркій серпъ луны двурогой
 Часы свиданья пожиналъ.
 И вонъ то озеро, гдѣ прежде,
 Казалось, блѣдный рой внадъ
 Сбѣгался въ облачной одеждѣ
 Пить съ влажныхъ лилій ароматъ.
 Но все безмолвно здѣсь стннѣй,
 Лишь эхо сонное одно
 Сидитъ въ раздумчивой кручинѣ
 И смотритъ въ озеро на дно.

Серпъ луны, который пожиналъ часы свиданья, и сонное эхо, которое сидитъ и смотритъ на дно озеро,—это вопіющая бессмыслица, а бессмысленное и прекрасное исключаютъ другъ друга. Слѣдовало обработать это стихотвореніе или не печатать его.

Что же сказать не о мелкихъ стихотвореніяхъ,—дѣлѣ короткаго поэтическаго настроенія,—а о большихъ художественныхъ произведеніяхъ, которыя пишутся годами, въ которыхъ долженъ быть обдуманъ планъ, установлена соразмѣрность частей? Для всякаго ясно, что подобное произведение вызоветъ разнообразныя истолкованія, что критика будетъ искать въ немъ смысла, раскрывать его эстетическое и общественное значеніе. Взгляды критики могутъ не сойтись со взглядами автора, но, вѣдь, наконецъ взгляды долженъ же имѣть самъ этотъ авторъ. Его произведеніе росло и выросло на почвѣ какаго-либо міропониманія, и трудно предположить, чтобы дѣйствительно выдающійся художникъ никогда не задавался вопросомъ, въ какомъ отношеніи стоитъ его созданіе къ его міропониманію *).

*) Въ статьѣ г. О. В. Письма о современной журналистикѣ, напечатанной въ № 5 Наблюдателя, говорится при разборѣ, между прочимъ, моей статьи О задачахъ искусства (Русская Мысль 1888 г., кн. XI) слѣдующее: „...все положенія, относящіяся къ тенденціозности или нетенденціозности въ искусствѣ, односторонки и не исчерпываютъ всего содержанія искусства“. Читатели могутъ судить, что я не выдаю въ такую односторонность...

Если художнику удалось изобразить рядъ характеровъ, связанныхъ единствомъ дѣйствія, вполне безстрастно, такъ что его симпатіи или антипатіи вы ни къ кому не замѣтили,—нигто не станетъ осуждать за это художника. Пусть будетъ его произведеніе богато содержаніемъ, пусть образы его будутъ живы и ярки,—его произведеніе и вопреки волѣ художника получить, помимо эстетическаго, и общественное значеніе. Здѣсь катати будетъ опровергнуть одинъ ходячій упрекъ нашей критикѣ шестидесятыхъ годовъ за то, что она будто бы требовала отъ искусства *только* тенденціозныхъ произведеній. Этотъ упрекъ основанъ на незнакомствѣ съ дѣломъ. Вотъ что писалъ Добролюбовъ въ знаменитой статьѣ: *Что такое обломовщина*. Отвѣчая на вопросъ: составляетъ ли высшій идеалъ художественной дѣятельности объективное творчество, подобное спокойному, безстрастному творчеству Гончарова, Добролюбовъ говоритъ: «Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и, во всякомъ случаѣ, былъ бы несправедливъ безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посылитье увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это нѣсколько обломовское, происходящее отъ склонности имѣть постоянно руководителей даже въ чувствахъ». Я думаю только, что склонность, о которой говоритъ Добролюбовъ, и естественна, и законна. Нигто изъ насъ не достаточно авторитетенъ, чтобы руководить безукоризненно своими чувствами, потому что наши личные чувства воспитываются въ общественной средѣ, преобразуются подъ многочисленными личными и общественными влияніями. Намъ необходимо искать руководителей въ томъ или другомъ отношеніи. Непосредственное воспитательное значеніе искусства очень велико, и мы вправѣ желать, чтобы художникъ разумно и честно воспользовался своимъ дарованіемъ, чтобы онъ не зарылъ его въ землю и не послужилъ, прямо или косвенно, цѣлямъ общественной неправды. Художникъ можетъ насъ просто позабавить смѣшною сценой или поласкать нашъ глазъ красивыми переливами красокъ. И за то спасибо. Опять-таки ничего подобнаго люди шестидесятыхъ годовъ не отрицали. Вотъ что пишетъ Н. Г. Чернышевскій въ одномъ изъ примѣчаній къ *Основаніямъ политической экономіи* Д. С. Милля: «Если работникъ подаритъ жень или дочери серебряныя серьги, купленныя за полтинникъ или за день труда, это удовольствіе, навѣрное, столько оживитъ и ободритъ его, что онъ на довольно долгое время становится энергичнѣе и усерднѣе въ работѣ, и производительность его труда, навѣрное, увеличится многими рублями отъ этого потраченнаго на удовольствіе полтинника». Лестно ли сравненіе нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній,—по содержанію, а не по формѣ, конечно,—съ серебряными серьгами,—это другой вопросъ.

Возьмемъ *большія и дорогія серебряныя серьги*—новую картину Семирадскаго: Фрина готовится погрузиться въ ласковыя волны Средиземнаго

моря. Красота и блескъ повсюду, но какая красота?—только формъ, а не духа. Я далеко отъ мысли осуждать художника или умалять значеніе ихъ такихъ произведеній; но указываю лишь на то, что культомъ чистой красоты можно и не удовольствоваться, что этотъ культъ, при своей исключительности, можетъ повести,—да это и бывало въ исторіи,—къ безнравственнымъ послѣдствіямъ. Мы не говоримъ художнику: дайте намъ идею; мы говоримъ: какъ хорошо, если у великаго таланта есть глубокая мысль, какъ прекрасно произведеніе, въ которомъ, въ переливахъ красоты, свѣтится гуманное чувство! Мы выставляемъ не произвольное требованіе: сознательно работаютъ сами художники, и многіе изъ нихъ констатируютъ это явленіе. Приведу въ примѣръ опять того же писателя. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Я. П. Полонскій напечаталъ статью: *Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ*. Въ этой статьѣ онъ доказывалъ, что многія изъ тѣхъ идей, которыя защищалъ тогда Писаревъ, уже заключались въ стихотвореніяхъ Полонскаго. Поэтъ указывалъ при этомъ, какъ много предварительнаго труда кладеть художникъ для своихъ произведеній. Такъ, по словамъ г. Полонскаго, его маленькое, но дѣйствительно превосходное стихотвореніе *Аспазія* потребовало нѣсколькихъ лѣтъ изученія греческой жизни. Если въ какомъ-либо произведеніи тенденція неуклюже бросается въ глаза, то корить за это идейное искусство такъ же нелѣпо, какъ упрекать чистое искусство за промахъ того или другаго изъ его представителей, за серпъ луны, напримѣръ, поминающій часы любви.

Въ исторіи мы замѣчаемъ смѣну идеаловъ, торжество или исчезновеніе разнообразныхъ идей. Въ произведеніяхъ искусства этотъ міръ идей и чувствъ отражается всегда въ болѣе или меньшей степени. Такъ, характеръ античнаго искусства ясно отличается отъ характера средневѣковаго искусства. Когда противъ послѣдняго наступила реакція, то она получила также опредѣленное идейное содержаніе. Гёте и Шиллеръ выступаютъ на защиту античнаго идеала искусства, и Брандесъ указываетъ, какъ далеко заходятъ оба великіе нѣмецкіе поэта въ этомъ стремленіи. Въ произведеніи большого художника мы всегда можемъ раскрыть его міропониманіе, подмѣтить идеи времени и личныя свойства художника. Именно въ созданіяхъ искусства душевный складъ эпохи и выступаетъ съ особою рельефностью и яркостью. Сочиненіе, глубоко волновавшее современниковъ, возбуждаетъ нерѣдко непобѣдимую скуку у ближайшихъ потомковъ. Утрачивается интересъ къ содержанію многихъ произведеній; эстетическій вкусъ перерастаетъ многія изъ тѣхъ формъ, которыя прежде нравились. Профессоръ Троицкій говоритъ, что единственный признакъ, дающій прекраснымъ предметамъ право называться прекрасными, есть именно то духовное волненіе, какое называется эстетическимъ волненіемъ или чувствомъ красоты. «Нѣтъ единаго качества, дающаго предметамъ прекрасный характеръ». Но все въ нашей жизни подлежитъ общимъ законамъ развитія. Измѣняются не только наши эстетическіе вкусы, но и наши идеи, наши знанія. Отъ времени до времени происходятъ то въ одной, то въ другой области чело-

вѣческой жизни болѣе или менѣе продолжительныя попятныя движенія; но научное знаніе и философская мысль, которая опирается на это знаніе, неустанно и побѣдоносно двигаютъ человѣчество по пути личнаго и общественнаго совершенствованія. Искусство не можетъ не являться союзникомъ науки и философіи. Наука расширяетъ и укрѣпляетъ для него почву и вооружаетъ техническими знаніями; философія освѣщаетъ ту дорогу, по которой долженъ идти художникъ. Художнику слѣдуетъ знать психо-физиологическія основанія эстетическаго чувства и наполнять своимъ произведеніями такими образами, въ которыхъ чувствуется вѣяніе великихъ и великодушныхъ идей. Красота художественныхъ произведеній, — говоритъ Гюйо, — будетъ становиться все болѣе и болѣе значительною по мѣрѣ того какъ эти произведенія станутъ выражать все болѣе и болѣе возвышенную умственную и нравственную жизнь. Искусство можетъ выбрать для себя предметъ не прекрасный, но такъ изобразить его, что въ насъ будетъ вызвано эстетическое волненіе, намъ передастся доброе чувство или свѣтлая мысль самого художника, мы испытаемъ такое же отношеніе къ этому предмету, какое было въ гуманной душѣ художника. Напомню хоть о *Шинели* Гоголя. Намъ можетъ быть представлена мрачная картина, наприимѣръ, сожженія на кострѣ за религиозныя несогласія. Неужели можно предположить, что живописецъ, который возьмется за такую тему, въ состояніи отнестись къ ней вполне безстрастно, не принять сторону ни инквизиціи, ни ея жертвъ? Во всякомъ случаѣ индифферентизмъ при такихъ условіяхъ былъ бы явленіемъ уродливымъ. Древніе греки поклонялись *чистой* красотѣ, красотѣ формъ человѣческаго тѣла. Сонмъ иліонскихъ старцевъ, увидавши Влену, вель такія крылатыя рѣчи:

Нѣтъ, осуждать невозможно, что Тронъ сныи и Ахейди
Брань за такую жену и бѣды столь долгиа терпѣть:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотомъ подобна!

Правда, Сократъ издѣвался надъ Иппіасомъ, который находилъ, что прекрасное есть прекрасная дѣвушка *). Но, по Сократу, искать прекраснаго не слѣдуетъ въ мірѣ вещей чувствопостигаемыхъ, потому что здѣсь мы будемъ встрѣчать только прекрасное *относительное*. Сократъ, въ концѣ діалога, припоминаетъ пословицу, что прекрасное—трудно, что, любя прекрасное, онъ все-таки не знаетъ, въ чемъ оно состоитъ, не знаетъ абсолютно прекраснаго. Съ тѣхъ поръ прошли многія столѣтія. Геніальные мыслители пытались разрѣшить задачу, которая была поставлена Сократомъ, и бесплодность ихъ усилій свидѣтельствуетъ, что самая задача или недостижима, или ложно поставлена. Въ области искусства мы видимъ, какъ видоизмѣнялись содержанія и формы художественныхъ произведеній, какъ искусство впитывало въ себя идеальныя стремленія, достоинства и пороки эпохи, какъ оно совершенствовалось технически и захватывало все новыя и новыя области явленій. Прекрасное въ искусствѣ растетъ и раз-

*). *Сочиненія Платона*, пер. Карпова, ч. IV: *Иппіасъ Большой*.

вивается въ обществѣ и каждый успѣхъ знанія, каждая побѣда общественной мысли имѣетъ на него облагораживающее и возвышающее вліяніе. Мы любуемся красивыми линиями, красками и звуками; но изъ глубины художественнаго произведенія встаетъ гуманное чувство и разумная мысль. Все существо наше охватывается сложнымъ волненіемъ, въ которомъ побѣдоносно владычествуетъ вѣра въ достоинство человѣка, радостное сознание торжества идеала или горькое раздумье надъ поруганною правдой, надъ разбитыми надеждами. Искусство не только утѣшаетъ и примиряетъ; оно зоветъ и на борьбу, на тяжелый трудъ личнаго и общественнаго совершенствованія. Да, конечно: искусство составляетъ сладкій отдыхъ жизни, но какой отдыхъ? Знаменитый генераль первой французской республики, Гошъ, говорилъ: «дайте мнѣ отдыхъ, но только чтобъ этотъ отдыхъ не былъ бездѣйствіемъ». Прекрасное художественное произведеніе отвлекаетъ насъ отъ дразгъ и суеты обыденной жизни и въ то же время очищаетъ душу, вливаетъ въ нее новыя нравственныя и умственныя силы.

Я считалъ необходимымъ тщательно провѣрить тѣ мысли, которыя я здѣсь излагаю. Съ этою цѣлью я обратился за совѣтомъ къ графу Л. Н. Толстому, и вотъ, въ подлинныхъ словахъ, взглядъ творца *Войны и мира* на прекрасное въ искусствѣ:

«Произведеніе искусства хорошо или дурно отъ того, что говорить, какъ говорить и насколько отъ души говорить художникъ. 1) Для того, чтобы художникъ зналъ, о чемъ ему должно говорить, нужно, чтобы онъ зналъ то, что свойственно всему человѣчеству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще неизвѣстно ему, т.-е. человѣчеству. Чтобы знать это, художнику нужно быть на уровнѣ высшаго образованія своего вѣка, а, главное, жить не эгоистичною жизнью, а быть участникомъ въ общей жизни человѣчества. И потому ни невѣжественный, ни себялюбивый человѣкъ не можетъ быть значительнымъ художникомъ. 2) Для того, чтобы говорить хорошо то, что онъ хочетъ говорить (подъ словомъ «говорить» я разумію всякое художественное выраженіе мысли), художникъ долженъ овладѣть мастерствомъ. А чтобы овладѣть мастерствомъ, художникъ долженъ много и долго работать, подвергая свою работу только своему внутреннему суду. 3) Для того, чтобы отъ всей души говорить то, что онъ говоритъ, художникъ долженъ любить свой предметъ. А для этого нужно не начинать говорить о томъ, къ чему равнодушенъ и о чемъ можешь молчать, а говорить только о томъ, о чемъ не можешь не говорить, о томъ, что страстно любишь. Изъ этихъ трехъ основныхъ условій всякаго произведенія искусства главное послѣднее: безъ него, безъ любви къ предмету, по крайней мѣрѣ, безъ искренняго, правдиваго отношенія къ нему, нѣтъ произведенія искусства».

«Первъ искусства есть страстная любовь художника къ своему предмету, а если это есть, то произведеніе всегда будетъ удовлетворять и другимъ двумъ требованіямъ — содержательности и красотѣ: содержательности будетъ удовлетворять потому, что невозможно страстно любить ничтожный предметъ, а красотѣ потому, что, любя предметъ, художникъ не

пожалѣть никакихъ трудовъ для того, чтобы облечь любимое содержаніе въ наилучшія формы».

Очевидно, что въ общемъ и главномъ этотъ взглядъ великаго художника согласуется съ тѣмъ, который защищается мною. Только Л. Н. Толстой, какъ моралистъ, придаетъ первенствующее значеніе моменту нравственному, личному; сторонники же того направленія, къ которому я принадлежу, болѣе выдвигаютъ моментъ общественный. Чѣмъ глубже заглянулъ художникъ въ душу человѣка, чѣмъ больше идей и интересовъ, которыми живетъ каждый народъ и все человѣчество, охватилъ онъ своимъ созданіемъ, тѣмъ лучезарнѣе его слава, тѣмъ благотворнѣе его вліяніе, тѣмъ прекраснѣе его произведеніе. Въ созданіяхъ искусства свѣтитъ солнце человѣческаго разума, и я кончу словами нашего великаго поэта:

Ты, солнце свѣтлое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и глѣбетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да свернется тьма!

В. Гольцевъ.

Милитаризмъ и капитализмъ.

Въ цивилизованныхъ обществахъ большимъ распространениемъ пользуется мнѣніе, что милитаризмъ составляетъ экономическое бремя для современныхъ обществъ, что затрата производительныхъ средствъ страны на содержаніе арміи ослабляетъ ея экономическую мощь, сокращаетъ ея производительные ресурсы, столь необходимые для отвѣта на массу неудовлетворенныхъ потребностей населенія, и этимъ ведетъ націи къ кризису. Чтобы не ходить далеко, напомнимъ читателю о двухъ отзывахъ въ этомъ смыслѣ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время въ нашей литературѣ. Современная Европа задыхается подъ страшнымъ гнетомъ превышающихъ всякую мѣру вооруженій и съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ и истощается все больше и больше, — говоритъ одинъ публицистъ (*Рус. Вѣд.*). Армія отымаетъ отъ мирныхъ работъ цвѣтъ населенія и этимъ ограничиваетъ возможность приложенія человеческого труда къ производству продуктовъ; расходы на содержаніе арміи дѣлаютъ то же самое по отношенію къ капиталамъ, и подобная экономически-безплодная растрата производительныхъ средствъ неизбежно приведетъ европейскія націи къ полному оскудѣнію и упадку.

Современныя европейскія націи, — говоритъ другой публицистъ (см. *Сов. Вѣстн.*), — постепенно приходятъ къ состоянію насильственного перерыва прогресса, выражающагося накопленіемъ богатствъ, увеличеніемъ производительности труда, развитіемъ науки, техники, общественныхъ учреждений и т. д., и происходитъ это, между прочимъ, отъ огромныхъ вооруженій, непосильныхъ даже для такого быстрого роста богатствъ, какое характеризуетъ европейское общество новѣйшаго времени. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти усиленные вооруженія несомнѣнно являются главною причиною экономическаго кризиса, въ другихъ — весьма существенною. Разъ это опасное и роковое значеніе усиленныхъ вооруженій выяснится окончательно, придется подумать о разоруженіи подъ угрозой жестокаго экономическаго краха.

И такъ, въ современномъ обществѣ господствуетъ взглядъ, что милитаризмъ отягчаетъ экономически всякую страну, и въ этомъ возрѣніи много утѣшительнаго. Если милитаризмъ безусловно несомнѣнное экономическое зло, если въ разсмотрѣнномъ отношеніи онъ для всѣхъ невыгоденъ, всѣхъ отягоча-

еть, то можно надѣяться, что противъ него вооружатся всѣ производительные классы общества—отъ высшихъ до низшихъ, что дни его существованія сочтены, и тогда новѣйшее громадное его развитіе должно быть признано, можетъ быть, послѣднимъ, такъ сказать, предсмертнымъ судорожнымъ движеніемъ организма, обреченнаго исторіей на погибель. Но что, если положеніе дѣлъ въ дѣйствительной жизни значительно отличается отъ указаннаго; если развитіе милитаризма нѣкоторыми своими сторонами не обременяетъ, а облегчаетъ экономическое положеніе современныхъ обществъ, если выдающимся его вліяніемъ служитъ не *отмелеченіе* производительныхъ силъ отъ плодотворнаго (въ промышленномъ смыслѣ слова) назначенія, а *расширеніе* поля для приложенія капиталовъ и труда; если окончательнымъ его результатомъ является не сокращеніе потребленія страны, а его расширеніе, т.-е. увеличеніе спроса на товары, возможность расширенія, а не сокращенія производства, и если, съ другой стороны, именно затрудненіе въ сбытѣ, недостатокъ спроса на товары, а не ихъ предложенія характеризуетъ новѣйшіе промышленные кризисы? Не нужно ли будетъ тогда признать, что развитіе милитаризма служитъ однимъ изъ предохранительныхъ клапановъ современной промышленной организаціи общества, что онъ выгоденъ для нѣкоторыхъ элементовъ этой организаціи, что онъ растетъ и укрѣпляется не по злой волѣ Бисмарка и ему подобныхъ, а на основаніи полуинстинктивнаго, полусознательнаго стремленія къ нему со стороны вліятельныхъ экономически элементовъ, со стороны самихъ производительныхъ классовъ? И въ этомъ случаѣ не оказывается ли милитаризмъ новымъ грознымъ бичомъ, надвигающимся на Европу, полное господство котораго еще впереди, главнѣйшія вредныя вліянія котораго на культуру обнаружатся лишь впоследствии,—и не грозятъ ли Европѣ, вмѣстѣ съ промышленнымъ развитіемъ, регрессъ нравственный и умственный, одичаніе нравовъ, пониженіе человѣческаго типа, ограниченіе свободы, процвѣтаніе которой не можетъ быть совмѣстимо съ превращеніемъ страны въ военный лагерь?

Для приблизительнаго отвѣта на поставленный вопросъ необходимо разсмотрѣть, съ одной стороны, характеристическія черты новѣйшихъ промышленныхъ кризисовъ, степень ихъ устойчивости и ея причины, съ другой—экономическія свойства милитаризма и, сведя ихъ на очную ставку, разсмотрѣть, въ какомъ отношеніи стоитъ милитаризмъ къ кризису, а черезъ него и къ современной промышленной организаціи общества. Нужно ли ожидать между однимъ и другой столкновенія, результатомъ котораго должна быть гибель одного изъ противниковъ, или имъ причлчѣ всего цѣлѣсти и развиваться одновременно, поддерживая, а не враждуя другъ съ другомъ, и печальная перспектива превращенія въ военныя общества, грозящая европейскимъ націямъ, устранится лишь съ измѣненіемъ господствующей въ нихъ экономической организаціи? Въ предлагаемой замѣткѣ мы имѣемъ въ виду намѣтить руководящую идею, лежащую въ основѣ той постановки вопроса о милитаризмѣ, какую мы ему дали на предъидущихъ страницахъ.

И такъ, что такое новѣйшіе промышленные кризисы?

Благодаря множеству изслѣдованій частныхъ лицъ и въ особенности правительственныхъ комиссій Англій и Америки, мы имѣемъ достаточно данныхъ для характеристики послѣдняго экономическаго застоя, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ европейской исторіи. Мы и воспользуемся этими данными, какъ они сгруппированы въ университетской рѣчи проф. Чупрова: *О характерѣ и причинахъ современнаго промышленнаго кризиса въ Западной Европѣ*, напечатанной въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* за текущій годъ, а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ.

Послѣдній кризисъ отличается отъ всѣхъ предъидущихъ своею продолжительностью. Тогда какъ прежніе кризисы посѣщали Европу периодически, приблизительно каждыя 10 лѣтъ (это относится къ кризисамъ, имѣющимъ общій характеръ, что же касается частныхъ, то они являются гораздо чаще: въ англійской хлопчатобумажной промышленности, напримѣръ, въ періодъ времени съ 1815 г. по 1863 г. Марсъ насчитываетъ 20 лѣтъ процвѣтанія и 28 лѣтъ застоя), настоящій съ небольшими колебаніями тянется вотъ уже 15 лѣтъ: начавшись около 1873—1875 гг. и обнаруживъ ослабленіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности въ теченіе 1880—83 гг., онъ опять обострился и продолжаетъ свое истощающее вліяніе, кажется, до настоящаго момента. Затѣмъ этотъ кризисъ характеризуется широкимъ географическимъ распространеніемъ: Великобританія, Франція, Бельгія, Россія, Скандинавскія государства, Соединенные Штаты, часть Германія и Австрія и другія страны испытываютъ на себѣ его дѣйствіе; какъ видитъ читатель, онъ обнимаетъ весь цивилизованный міръ.

Обращаясь къ прямымъ проявленіямъ новѣйшаго кризиса, къ его признакамъ, мы ихъ найдемъ въ слѣдующихъ явленіяхъ: изобиліи капиталовъ, избыткѣ труда, дешевизнѣ продуктовъ, задержкѣ въ сбытѣ товаровъ.

Что касается изобилія капиталовъ, достаточнымъ его доказательствомъ служитъ высота процента: чѣмъ больше промышленность нуждается въ капиталѣ, тѣмъ процентъ на него выше; не находя же для него достаточнаго помѣщенія, капиталистъ понижаетъ процентъ и тѣмъ надѣется привлечь къ нему потребителя. И вотъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе мы замѣчаемъ слѣдующее измѣненіе этого показателя размѣровъ капиталовъ, обращающихся на рынкѣ. Въ періодъ 1861—70 гг., т.-е. до начала кризиса, средній дисконтъ англійскаго банка равнялся 4,3%, въ 1871—75 гг.—3,5%, 1876—80 гг.—2,9%, въ 1885 г.—2½%; въ Берлинѣ средній банковый дисконтъ въ 70-хъ годахъ былъ не меньше 4½%, а въ 1884—87 гг.—равнялся 2½%. Частный дисконтъ въ послѣдніе годы падалъ еще ниже: въ Лондонѣ онъ спускался въ 1886 г. до 1½%, въ 1887 г. до 1%; въ Парижѣ, Амстердамѣ и Берлинѣ рыночный дисконтъ въ тѣ же годы не рѣдко опускался ниже 2%, даже 1½%. Такое пониженіе процента, указывающее на изобиліе капиталовъ—небывалое явленіе въ финансовоѣ исторіи Европы.

Другое явленіе, сопутствующее изобилію капиталовъ, это—избытокъ труда на рынкѣ. «Въ промышленныхъ округахъ,—читаемъ мы у проф. Чупрова,—многія тысячи рабочихъ остаются безъ дѣла. Въ концѣ 1886 г. въ важнѣйшихъ отрасляхъ англійскаго производства, по запискамъ англійскихъ рабочихъ, было больше людей безъ занятій, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ Парижѣ въ первые дни 1887 года считалось до 100,000 рабочихъ, не имѣвшихъ никакого занятія, а около 125,000 человекъ съ сокращеннымъ временемъ работы. Въ Соединенныхъ Штатахъ правительственное бюро труда насчитывало въ началѣ 1886 года около 1 милліона рабочихъ людей, лишившихся заработка».

Еще болѣе замѣтнымъ признакомъ современнаго положенія дѣлъ служить «почти небывалое по своему размѣру паденіе цѣнъ на всѣ главные предметы всемірной торговли», начавшееся съ 1873 года: немного найдется такихъ предметовъ, которые упали бы меньше чѣмъ на 20%, средній же размѣръ пониженія въ разныхъ странахъ доходилъ даже выше 30%. «Казалось бы, при такихъ небывало низкихъ цѣнахъ должно вырости потребленіе; между тѣмъ дѣйствительность показываетъ, что спросъ на всѣ предметы находится въ полномъ застоѣ. Земледѣльцы не въ состояніи сбыть хлѣба, промышленники—своихъ издѣлій; рынки переполнены товарами, которые, несмотря на уступки въ цѣнѣ, не идутъ съ рукъ».

И такъ, промышленное положеніе дѣлъ послѣдняго 15-тилѣтія характеризуется избыткомъ капитала, труда, товаровъ; иначе говори, производство цивилизованнаго міра, даже при томъ неполномъ ходѣ, какой оно имѣло въ рассматриваемый періодъ времени (неполнота его хода доказывается избыткомъ капитала и труда), выбрасываетъ на рынокъ такую массу продуктовъ, потребить которую человечество не въ состояніи. Конечно, этотъ избытокъ продукта былъ бы еще больше, если бы общества развернули всѣ свои производительныя средства, если бы весь капиталъ, не находящій помѣщенія въ промышленности, соединился съ трудомъ, ожидающимъ занятія, т. е. если бы произошло то, чему естественно и слѣдуетъ быть. Но, спрашивается, можно ли рассматриваемое положеніе дѣлъ назвать кризисомъ, т. е. острою болѣзнью, условія возникновенія которой извѣстны и подлежатъ устраненію, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ надежда и на благополучный исходъ страданія? Можно ли прижѣнять терминъ «кризисъ», какъ что-то временное, скоропреходящее, къ положенію дѣлъ, длящемуся цѣлыя 15 лѣтъ и окончательное измѣненіе котораго никѣмъ не предвидится? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, въ описанномъ положеніи промышленности усматривать что-то вродѣ нормальнаго состоянія для извѣстной организациі экономическихъ отношеній? Не имѣемъ ли мы нѣкотораго права въ положеніи дѣлъ, проявлявшемся въ теченіе 15 лѣтъ, подозревать не уклоненіе отъ пути, естественнаго для господствующей промышленной организациі, а, напротивъ того, приближеніе къ порядкамъ, свойственнымъ экономическимъ обществамъ новѣйшаго типа, когда они достигнутъ извѣстной степени развитія и географическаго распространенія?

И действительно, слово «кризисъ» применяется для характеристики современнаго положенія дѣлъ развѣ только по старой привычкѣ. Это потому, что рассматриваемое положеніе значительно отличается отъ тѣхъ застоевъ промышленности, какіе намъ были извѣстны раньше. Такъ, «современный кризисъ» вовсе не имѣетъ того бурнаго характера, которымъ отличались его предшественники. Онъ не бьетъ въ глаза разореніемъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій или значительнымъ увеличеніемъ числа банкротствъ. Напротивъ того, число банкротствъ въ Англии въ пятилѣтіе 1880—1885 гг. было даже нѣсколько меньше (на 20%) по сравненію съ пятилѣтіемъ 1875—1880 гг.). Въ Соединенныхъ Штатахъ наблюдается нѣчто, по существу, подобное же. Такимъ образомъ, нашъ «кризисъ» лишенъ одного изъ своихъ главнѣйшихъ признаковъ—неустойчивости промышленныхъ предпріятій, какъ результата нарушеннаго равновѣсія въ отношеніяхъ между элементами жизни, лишающаго производителей прочной опоры въ своихъ заключеніяхъ, почему они вовлекаются въ постоянныя практическія ошибки, заканчивающіяся промышленными крахами и финансовыми банкротствами. Тотъ фактъ, напримѣръ, что банкротства въ Соединенныхъ Штатахъ послѣднихъ лѣтъ по суммѣ обязательствъ несостоятельныхъ предпріятій не представляютъ чего-либо выдающагося сравнительно съ прежними случаями, начиная съ 1867 г., доказываетъ, что американскіе предприниматели понимаютъ особенности, свойственныя новѣйшему положенію промышленности, что они строятъ свои предпріятія соотвѣтственно обстоятельствамъ дѣла, приспособились къ обстановкѣ, какъ она установилась въ послѣднее время, что они вошли, такъ сказать, въ колею, созданную новѣйшею исторіей промышленной жизни. Это, во всякомъ случаѣ, не критическое положеніе дѣлъ, не критическое въ смыслѣ необычнаго, непривычнаго, случайнаго и потому плохо извѣстнаго, не поддающагося регулированію и къ которому, поэтому, нельзя приспособиться.

Во-вторыхъ, современное положеніе экономической жизни не имѣетъ и другаго признака, характернаго для жизни, какъ явленія необычнаго, болѣзненнаго: оно не выражается замѣтнымъ сокращеніемъ производства. «Напротивъ того, по отзыву англійской комиссіи, произведенное исследование не обнаружило уменьшенія ни въ размѣрахъ промышленности, ни въ количествѣ вложеннаго въ нее капитала»; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производство даже увеличилось. Такимъ образомъ, связь между потребленіемъ и производствомъ не порвана, какъ это бываетъ при настоящихъ кризисахъ; послѣднее идетъ до извѣстной степени параллельно съ первымъ, оно настолько спокойно, что можетъ слѣдить за требованіями рынка, отвѣчать на его запросы приблизительно такъ же правильно, какъ оно отвѣчаетъ и въ обыкновенное время. Поэтому «настоящій кризисъ» представляетъ существенное отличіе отъ прежнихъ. Не удивительно, что и составители отчета англійской комиссіи, и большинство спрошенныхъ ею лицъ избѣгаютъ даже употреблять терминъ «кризисъ», замѣняя его выраженіемъ «угнетенное положеніе дѣлъ», «депрессія», и т. д.).

Но если переживаемое нами время—не кризисъ, то что же оно такое? «Говоря словами одного изъ членовъ англійской коммисси, количество товаровъ, создаваемыхъ капиталомъ и трудомъ, продолжаетъ возрастать, но классы, участвующіе въ производствѣ этихъ товаровъ, какъ капиталисты, такъ и рабочіе, терпятъ отъ уменьшенія прибыли и сокращенія или полнаго прекращенія занятій. Сумма богатства увеличивается, лица же, создающія это богатство, получаютъ меньшую его долю». То же самое свидѣтельствуется и американскій отчетъ. «Размѣръ промышленныхъ дѣлъ сохранился въ прежнемъ видѣ или, по крайней мѣрѣ, не испыталъ значительнаго уменьшенія, но цѣны постоянно падали. На ряду съ этими явленіями замѣчается общее пониженіе заработной платы и предпринимательской прибыли, такъ что во многихъ промыслахъ для ихъ руководителей остается слишкомъ мало или вовсе не остается барыша».

Такимъ образомъ, главныя черты современнаго положенія дѣлъ—не боязнь затраты производительныхъ силъ, не спекулятивное направленіе промышленности, не сообразующееся съ реальными основами спроса, съ дѣйствительными требованіями рынка на различные продукты. Эти черты—отсутствіе выгодныхъ дѣлъ и обезцѣненіе товаровъ. Производители не рассчитываютъ на удачныя спекуляціи, они стремятся удовлетворить дѣйствительному требованію рынка, но послѣднее далеко отстало отъ развитія производительныхъ силъ, и промышленность можетъ работать лишь въ половину. По удачному выраженію проф. Чупрова, «настоящій кризисъ состоитъ, въ сущности, въ замедленіи темпа экономической дѣятельности, такъ сказать, въ *атоніи, обнимающей всю отрасли промышленной жизни*».

И такъ, если современное положеніе промышленности можетъ быть признано за болѣзненное состояніе, то, во всякомъ случаѣ, не острое, а хроническое. Но весьма вѣроятно, что это—вовсе не болѣзнь въ смыслѣ уклоненія отъ явленій, свойственныхъ извѣстному организму; можетъ быть, атонія въ вышеуказанномъ смыслѣ—естественное состояніе нашего времени; можетъ быть, она неизбежно связана съ тѣмъ типомъ промышленной организаци, который устанавливается въ одной за другой во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и вопросъ объ улучшеніи дѣла сводится либо къ реорганизациіи промышленности, либо къ обращенію къ палліативамъ, способнымъ на время ослабить проявленіе атоніи, сдерживающимъ быстрое развитіе того замедленія темпа экономической дѣятельности, какое составляетъ характеристическую особенность переживаемаго періода и которое не застраховано отъ дальнѣйшаго усиленія. Для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ объясненію послѣдняго кризиса, къ теоріямъ, указывающимъ причины угнетающаго наше поколѣніе состоянія экономической жизни цивилизованнаго міра.

Въ цитируемой нами брошюрѣ проф. Чупрова развиваются двѣ теоріи, созданныя для объясненія промышленнаго кризиса послѣдняго времени, обѣ основанныя на положеніи, что «исходнымъ пунктомъ настоящаго промыш-

ленного упадка является упорное пониженіе цѣнъ въ теченіе многихъ лѣтъ, за которымъ непрерывною чередой тянутся: сокращеніе прибылей предпринимателей, паденіе зарбатовъ рабочихъ и всѣ прочіе признаки, которые были приведены раньше». Одна теорія сводитъ пониженіе цѣнъ на вздорожаніе золота, другая объясняетъ его мотивами, лежащими въ условіяхъ производства и потребленія товаровъ. Такъ какъ первая теорія и менѣе основательна, и принимается меньшимъ числомъ изслѣдователей, нежели послѣдняя, то мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ней, а перейдемъ прямо къ оцѣнкѣ мнѣнія, въ пользу котораго высказывается и проф. Чупровъ.

Основная причина паденія цѣнъ послѣдняго времени заключается въ техническихъ усовершенствованіяхъ въ производствѣ и транспортировкѣ товаровъ. «Хотя главнѣйшія изобрѣтенія, положившія основаніе современной промышленной системѣ, относятся къ болѣе раннему времени, но и въ теченіе послѣднихъ 10 — 15 лѣтъ замѣчается огромный успѣхъ техническихъ усовершенствованій. Послѣ долгаго перерыва, продолжавшагося съ 40-хъ годовъ, въ послѣднее время снова съ поразительною энергіей пробудился духъ изобрѣтательности. Наше время ознаменовалось цѣлымъ рядомъ крупныхъ открытій: электрическое освѣщеніе, телефоны, передача силъ на разстояніе, — эти научныя новинки, равняющіяся по своей оригинальности и важному значенію великимъ открытіямъ XVIII вѣка, представляютъ лишь болѣе яркія проявленія научно-техническаго прогресса. На ряду съ ними идетъ множество болѣе мелкихъ улучшеній, масса усовершенствованій въ прежнихъ приѣмахъ производства». Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «фабрика огнестрѣльнаго оружія вырабатываетъ нынѣ при механическомъ производствѣ почти въ 50 разъ больше, чѣмъ при ручномъ. Одинъ работникъ, пользуясь машиною Макъ-Кея, шьетъ въ день до 300 паръ сапогъ, безъ машины же онъ не могъ бы шить и 5 паръ. Приготовленіе ковровъ требуетъ нынѣ почти въ 20 разъ меньше рабочихъ, чѣмъ прежде. Никогда приложеніе механической силы не было такъ громадно, какъ въ наше время». Въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ Америки число лошадиныхъ паровыхъ силъ по годамъ измѣнялось такъ: въ 1860 г. ихъ было 11,4 мил., въ 70 г.—19, мил., въ 80 г.—28, мил., 85 г.—35, мил. «Принимая во вниманіе, что паровая лошадь по количеству развиваемой механической силы равняется приблизительно 10 челов., мы найдемъ, что Европа располагаетъ въ данное время работою какъ бы 250 милліоновъ даровыхъ рабовъ». На долю Великобританіи выпадаетъ изъ этой цифры 97 мил.; это значитъ, что каждый изъ ея взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, равно какъ и подростковъ, способныхъ къ работѣ, имѣетъ по 4—5 раба трудящихся. «Во всѣхъ отрасляхъ промышленности произошло въ наши дни огромное сокращеніе издержекъ производства, громадная экономія въ количествѣ труда, потребнаго на снабженіе чловѣческаго общества необходимыми для него товарами. Естественно, если подъ влияніемъ этой причины, въ силу общаго экономическаго закона, падаютъ цѣны».

Чего же, кажется, лучше? Производство удешевилось, цѣны продуктовъ упали, потребление ихъ должно расширяться; гдѣ условія для кризиса, почему масса товаровъ не покупается въ то время, какъ большинство населенія далеко не удовлетворило свои даже элементарныя потребности?

Отвѣтъ на вопросъ заключается въ томъ, что на ряду съ усиленнымъ производствомъ, какъ естественнымъ результатомъ техническихъ улучшеній на почвѣ индивидуально - предпринимательнаго хозяйства, развивалось сокращеніе потребительной способности населенія, причины котораго указываются въ упадкѣ доходовъ земледѣльческихъ классовъ подъ вліяніемъ конкуренціи иностраннаго хлѣба сначала въ Англіи, а потомъ въ Америкѣ (конкуренція Остъ-Индіи) и вытѣсненія труда изъ производства вслѣдствіе примѣненія машинъ и другихъ берегающихъ трудъ приспособленій. Такъ какъ указанные явленія въ области земледѣлія въ своей основѣ имѣютъ тотъ же фактъ примѣненія машинъ и другихъ берегающихъ трудъ приспособленій къ нетронутымъ почвамъ Америки, Индіи и т. д., то вытѣсненіе труда изъ производства подъ вліяніемъ техническихъ улучшеній должно быть признано основною причиною сокращенія потребления массы населенія въ послѣднее 15-тилѣтіе.

Спрашивается, однако, чѣмъ же вызвано самое вытѣсненіе труда изъ производства, почему техническія улучшенія повели къ такому результату? Примѣненіе машинъ повело къ увеличенію и удешевленію товаровъ; если потребности производителей не имѣли полнаго удовлетворенія, то за сямъ долженъ послѣдовать новый спросъ на продукты, который и поглотитъ добавочно произведенный товаръ. Если же такого поглощенія не происходитъ, то значить, что есть группа лицъ, не усиливающихъ своего потребления въ размѣрахъ имѣющихся у нихъ средствъ (мы говоримъ «имѣющихся у нихъ средствъ», ибо всякій добавочно произведенный продуктъ имѣетъ своего хозяина). Эта группа, конечно,—не масса трудящихся, потребности которой далеко не получили полнаго удовлетворенія; остается искать ее въ группѣ предпринимателей и посредниковъ, доходы которыхъ, слѣдовательно, растутъ быстрее, чѣмъ могутъ развиваться ихъ потребности.

И такъ, относительное перепроизводство товаровъ при существованіи неудовлетворенныхъ потребностей у $\frac{2}{10}$ производителей и слѣдующее за нимъ вытѣсненіе съ фабрикъ и заводовъ рабочихъ, ведущее уже къ абсолютному сокращенію потребления народныхъ массъ, есть результатъ такого распредѣленія приращенія національнаго дохода, зависящаго отъ увеличенной производительности труда, при которомъ сравнительно меньшая его часть достается массѣ населенія, потребности которой не удовлетворены, и большая выпадаетъ на долю незначительной группы лицъ, и по зажиточности, и по своей малочисленности неспособной потратить все приращеніе своего дохода и потому не предъявляющей соответственнаго спроса на произведенные товары. Въ результатъ неизбежны сокращеніе продукціи, вытѣсненіе труда и безработица. «Затрудненія, переживаемыя теперь, состоятъ не въ недостаткѣ или дороговизнѣ предметовъ необходимости и удобства,

но въ борьбѣ за обезпеченіе занятій, которыя даютъ массѣ народа право на известную долю этихъ необходимыхъ или полезныхъ предметовъ. При отсутствіи надлежащихъ занятій народной массѣ приходится вести жалкое существованіе среди величайшаго изобилія...» «Увеличившееся производство лишь въ томъ случаѣ не повело бы къ промышленному разстройству, если бы параллельно съ нимъ развивалось потребленіе. Но очень быстрый ростъ потребленія невозможенъ, такъ какъ послѣднее обуславливается существующимъ распредѣленіемъ народнаго дохода, которое сразу не мѣняется».

Но можетъ ли оно получить надлежащее измѣненіе хотя бы не сразу, но въ такихъ размѣрахъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ избыточный продуктъ, вытѣсненіе рабочихъ съ фабрикъ? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нигдѣ еще не данъ, отрицательный же нигдѣ не опровергнуть. Ниже мы представимъ нѣсколько соображеній по этому поводу, теперь же остановимся нѣсколько на основной причинѣ переживаемыхъ нами экономическихъ затрудненій.

Мы видимъ, что анализъ фактическихъ условій известнаго историческаго момента, иначе говоря—индуктивный методъ изслѣдованія привелъ къ той самой теоріи кризисовъ и пауперизма, какая установлена Ротбертусомъ дедуктивно. Послѣдній, какъ известно, утверждаетъ, что причина кризисовъ и пауперизма—одно и то же: это—законъ распредѣленія національнаго дохода, свойственный капиталистическимъ обществамъ,—законъ, по которому всякое приращеніе дохода, происшедшее отъ техническихъ улучшеній въ производствѣ, распредѣляется между рабочими и предпринимателями не пропорціонально ихъ старымъ доходамъ, а такъ, что первые получаютъ относительно меньшую его часть, послѣдніе — большую. Въ силу сказаннаго, по мѣрѣ прогрессивнаго развитія общества, доля продуктовъ страны, идущая на потребленіе трудящейся массы, сравнительно сокращается, а доходы привилегированныхъ классовъ относительно растутъ. Но такъ какъ потребности челоуѣческаго организма, разъ получивъ удовлетвореніе, развиваются не столь быстро, какъ техника, то естественно, если небольшая кучка верхнихъ слоевъ общества не можетъ потребить всего приращенія своихъ доходовъ, если на рынкѣ появляется избыточный продуктъ (моментъ, называемый нами кризисомъ), если часть рабочихъ вытѣсняется съ фабрикъ, наполняя кадры пауперовъ, кадры лицъ безъ опредѣленныхъ занятій и средствъ существованія.

Такъ какъ прогрессъ техники—одинъ изъ наиболее ясныхъ законовъ развитія современныхъ обществъ, то, при условіи роста капиталистической организациі промышленности, перепроизводство продуктовъ съ теченіемъ времени должно проявляться чаще, кризисы сдѣлаются обычнымъ явленіемъ, пауперизмъ — неизбѣжною и всеростущею составною частью общества. До сихъ поръ, какъ мы знаемъ, указанная характеристическая особенность развитія капиталистической промышленности проявлялась періодически (приблизительно черезъ 10 лѣтъ) наступающими кризисами, т. е. приостановками про-

изводства, въ теченіе которыхъ запасы товаровъ потреблялись, рынокъ открывался для новаго помѣщенія продуктовъ, и начиналось такъ называемое оживленіе промышленности, за которымъ черезъ нѣсколько лѣтъ слѣдовалъ опять застой. Но такъ какъ съ теченіемъ времени распредѣленіе національнаго дохода больше и больше расходится съ условіями его потребления, доля небольшой кучки предпринимателей относительно продолжаетъ расти, обращеніе продуктовъ на производство (за невозможностью ихъ потребить), т.-е. накопленіе капитала, идетъ быстрѣе и быстрѣе, то теоретически нѣтъ ничего невозможнаго въ наступленіи такого момента, когда уже и небольшого прогресса въ техникѣ достаточно для вызова перепроизводства, когда періоды оживленія промышленныхъ дѣлъ сократятся до минимума, застой сдѣлается преобладающимъ состояніемъ, когда, слѣдовательно, острое состояніе кризиса превратится въ хроническое и, вмѣсто сравнительно длинныхъ періодовъ оживленія, смѣняемыхъ краткими промежутками кризиса, мы будемъ имѣть угнетенное положеніе промышленности, какъ обычное явленіе, оживляемое по временамъ скоропроходящими вспышками лучшаго, такъ же быстро исчезающими, какъ и появляющимися,—словомъ, будемъ имѣть *замедленный темпъ* или *атоническое* состояніе промышленной жизни. Можно ли считать, что этотъ періодъ въ развитіи капиталистической продукціи уже наступилъ, и положеніе экономической дѣятельности за послѣднія 15 лѣтъ, вполне подходящее къ только что описанному à priori, есть нормальное состояніе для ближайшаго будущаго, рѣшать этого вопроса мы не беремъ. Скажемъ только, что такъ какъ «настоящее промышленное бѣдствіе идетъ совершенно инымъ путемъ», нежели шли предшествующіе кризисы, что оно характеризуется повсемѣстнымъ распространеніемъ и необыкновенною продолжительностью, и «обычное его объясненіе разными временными и случайными причинами, вродѣ чрезмѣрнаго кредита и спекуляціи, при настоящихъ обстоятельствахъ оказывается непригоднымъ», то мы должны признать настоящий моментъ, по крайней мѣрѣ, за начало новаго фазиса въ развитіи капиталистическаго хозяйства, за преддверіе (если не за него самого) того хронически-атоническаго состоянія, которое неизбѣжно постигнетъ господствующую организацию промышленности, если не явится какой-нибудь существенной къ ней поправки.

Въ пользу положенія, что настоящее угнетенное состояніе промышленности—только преддверіе атоническаго состоянія, какъ нормальнаго явленія, а не само это состояніе, говоритъ тотъ фактъ, что оно явилось послѣ необычно широкаго примѣненія къ производству средствъ, сберегающихъ трудъ, какъ въ видѣ техническихъ изобрѣтеній, такъ и въ формѣ обращенія къ дѣйственнымъ почвамъ Америки и Австраліи. Но если вспомнить, что колонизація некультурныхъ странъ, а съ ней и обращеніе къ неистощеннымъ почвамъ еще далеко и далеко не закончено, а съ другой стороны, что современная техника всѣ силы человѣческаго генія направила на разрѣшеніе вопросовъ о примѣненіи къ производству электричества и передачѣ силы на разстоянія,—вопросовъ, удачное разрѣшеніе которыхъ общааетъ

человѣчеству новыя громадныя завоеванія въ сферѣ производительности труда, а капиталистическимъ обществамъ—новые источники перепроизводства товаровъ, новыя затрудненія,—если вспомнить все это, то придется признать, что допускаемая нами отсрочка наступленія хронической атоніи мировой промышленности заключаетъ въ себѣ очень мало утѣшительнаго, что предверіе названнаго состоянія весьма узко, и потому близокъ часъ новыхъ явленій въ экономической жизни, когда оживленіе и угнетеніе промышленности помѣняются мѣстами и первое будетъ такъ же рѣдкимъ и не засиживающимся гостемъ, какъ до послѣдняго 15-тилѣтія было послѣднее.

И такъ, современное атоническое состояніе производства вполне объясняется и получаетъ надлежащее освѣщеніе съ точки зрѣнія теоріи кризисовъ, установленной Ротбертусомъ, которая въ свою очередь получаетъ, такимъ образомъ, новое подтвержденіе. Мы должны сдѣлать въ немъ только одну поправку или, вѣрнѣе, дополненіе. Слабымъ мѣстомъ современной организаціи промышленности, обусловливающимъ кризисы и развитіе науперизма, названный экономистъ считаетъ, какъ мы видѣли, непропорціональное ихъ фактическимъ долямъ въ національномъ доходѣ распределеніе приращенія этого послѣдняго между предпринимателями и собственниками земли, съ одной стороны, и рабочей массы — съ другой. Исходя изъ этого, Ротбертусъ построилъ планъ поправки къ современной экономической организаціи, устраняющей указанную непропорціональность и обеспечивающей рабочимъ участіе въ приращеніи національнаго дохода въ размѣрахъ (относительныхъ) ихъ теперешней доли. Намъ кажется, что и введеніемъ подобной поправки къ современному строю западныхъ обществъ не предугреждаются характерныя для послѣднихъ явленія въ видѣ кризисовъ и науперизма. Непосредственною причиною названныхъ явленій служить не тотъ фактъ, что доля рабочихъ классовъ въ національномъ доходѣ слишкомъ мала, а то обстоятельство, что классъ предпринимателей не въ силахъ потребить массу продуктово, ежегодно поступающую въ его распоряженіе. Эта же невозможность обусловливается не тѣмъ или другимъ *отношеніемъ* приращенія дохода предпринимателя къ коренной его величинѣ, а *абсолютною* величиною приращенія. Чтобы долго не распространяться на этотъ счетъ, скажемъ, что Ротшильдъ не съумѣетъ потребить всего приращенія своего дохода, даже если бы огромную часть его онъ отдалъ рабочимъ, создавшимъ таковой,—не съумѣетъ потребить просто потому, что, составляя хотя бы небольшую долю, если его сравнить съ прежними доходами названнаго богача, это приращеніе представляетъ такую значительную массу предметовъ потребленія, что Ротшильдъ, всѣ прихоти котораго и безъ того исполняются тотчасъ по ихъ появленіи, рѣшительно затруднился бы связать, какимъ такимъ способомъ, кромѣ прямаго уничтоженія или раздачи на правоналѣво, онъ въ состояніи потребить доставшуюся ему часть. А если онъ ея не уничтожитъ, какъ предметъ непосредственнаго потребленія, она пойдетъ на производство товаровъ, и къ слѣдующему моменту масса продуктово, тщет-

но ищущихъ покупателей, возрастетъ еще больше, затрудненія рынка увеличатся, кризисъ сдѣлается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ.

Мы знаемъ, что законъ развитія капиталистической промышленности ведетъ къ концентраціи капиталовъ, къ скопленію послѣднихъ въ немногихъ сравнительно рукахъ,— выражая то же иными словами, къ сокращенію (относительному) группы лицъ, получающихъ доходъ отъ капитала, сокращенію той группы, которая должна потреблять приращеніе національнаго дохода, выпадающее на долю предпринимателей—ренту, по терминологіи Ротбертуса, прибавочную стоимость—по Марксу. Выражая опять конкретно, число Ротшильдовъ растетъ быстрѣе приращенія капитала, а если такъ, то нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что и ограничивъ долю предпринимателей въ національномъ доходѣ *относительно*, мы, все-таки, не уничтожимъ слабыхъ сторонъ современной организаціи западно-европейскихъ обществъ: *абсолютная* величина ренты, прибавочной стоимости останется, все-таки, настолько высокой, что не будетъ потреблена ея собственниками.

И такъ, Ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ невозможности для предпринимателей потребить весь свой доходъ. При такомъ положеніи дѣлъ остается или направить избытокъ дохода на расширеніе производства, или тѣмъ или инымъ способомъ передать его для потребленія другимъ, или вѣчно находиться въ ожиданіи кризисовъ, сначала острыхъ, а потомъ хроническаго. Въ исторіи европейскихъ обществъ мы встрѣчаемся со всѣми тремя указанными исходами, но въ разное время тотъ или другой играли не одинаковую роль.

При началѣ организаціи капиталистическаго строя выдающуюся роль играло обращеніе излишка дохода на расширеніе производства. Такъ какъ этотъ отводъ излишняго дохода недействителенъ безъ расширенія рынка для сбыта, ибо его результатомъ будетъ еще большее накопленіе предметовъ потребленія, то примѣненіе названнаго способа всецѣло зависитъ отъ того, насколько успѣшно идетъ открытіе новыхъ странъ, куда можно было бы сбывать избытокъ товаровъ, не находящихъ помѣщенія дома. Сбывая туда готовые издѣлія, нужно только стараться брать въ объѣмъ или совершенно новые предметы, способные идти въ потребленіе на ряду съ продуктами домашняго производства, т. е. вызывающія новыя потребности, расширяющія потребленіе привилегированныхъ классовъ (кофе, чай, табакъ и другія колоніальныя произведенія), или сырье, которое стоитъ только переработать, чтобы безпрепятственно сбыть на сторону. А дабы обезпечить себѣ свободный ростъ производства, свободное обращеніе избытка доходовъ на расширеніе продукціи, нужно, во-первыхъ, искать все новыхъ и новыхъ рынковъ, во-вторыхъ, препятствовать развитію обрабатывающей промышленности во вновь открытыхъ странахъ, сдѣлать ихъ поставщиками сырья, а не фабрикатовъ. Такъ именно и поступала Англія, одна изъ первыхъ великихъ европейскихъ странъ выступившая на путь капиталистической организаціи промышленности.

Съ теченіемъ времени этотъ путь становился все тернистѣе. Число странъ, ищущихъ вѣнскихъ рынковъ, увеличилось, самое отысканіе послѣднихъ становится труднѣе; внѣзъ открытыя страны пытаются освободиться отъ тягостной экономической зависимости, въ какую онѣ стали по отношенію къ метрополіямъ. Сбытъ продуктовъ за предѣлы государства поэтому сравнительно сокращается, и избыточные доходы не находятъ, такимъ образомъ, помѣщенія внутри страны даже на производство. Но есть другой способъ сходнаго отведенія избыточнаго дохода: его можно затратить на производство не внутри, а внѣ страны. Если стѣснительно найти вѣнское помѣщеніе для готовыхъ предметовъ потребления, которые, во всему прочему, нужно еще приравнивать къ вкусамъ малоизвѣстнаго потребителя, то, можетъ быть, легче помѣститъ на сторонѣ самый капиталъ, начать производство не у себя, а у другихъ, на мѣстѣ добыванія сырья и потребления продуктовъ. И вотъ капиталы передовыхъ странъ Европы двинулись на всѣ четыре стороны, иногда забирая съ собой и рабочихъ. Англійскія мануфактуры открылись повсюду, гениі передовыхъ народовъ поработали на пользу чужихъ странъ и, вѣсть съ тѣмъ, отсрочивали или ослабляли въ своемъ проявленіи самый нежелательный путь отвода избыточнаго дохода—прекращеніе производства, кризисъ. Въ описываемому способу помѣщенія избыточнаго дохода относятся и ссуды капиталовъ иностраннымъ правительствамъ. Но и указанный путь не вѣченъ и не безграниченъ и, облегчая положеніе дѣлъ въ настоящемъ, онъ создаетъ еще болѣшія затрудненія для будущаго. Понемногу наступаетъ время, когда общества отказываются и отъ чужихъ продуктовъ, и отъ чужихъ капиталовъ, а, между тѣмъ, накопленіе послѣднихъ, благодаря продолжительному, почти монопольному господству на мировомъ рынкѣ, гдѣ обычные коммерческіе приемы шли рука объ руку съ замаскированнымъ, а то и открытымъ грабежомъ, въ нѣкоторыхъ странахъ шло очень быстрымъ темпомъ. Приходится, на ряду съ главнымъ отводомъ избытка доходовъ на расширеніе производства, практиковать и другіе способы поглощенія произведенныхъ товаровъ; за невозможностью, потребления продуктовъ самими предпринимателями и трудностью обращенія ихъ на производство для заграничныхъ рынковъ, нужно развѣивать способы ихъ уничтоженія внутри страны. И вотъ расширяется потребление этихъ продуктовъ пауперами, содержащимися на общественное иждивеніе, прислужой, ничего не производящей, а только потребляющей, войскомъ, лицами быстро растущаго класса такъ называемыхъ свободныхъ профессій и т. д. Очень быстро растутъ государственные бюджеты и затраты на благотворительность. Наконецъ, организація рабочихъ союзовъ съ цѣлью сокращенія рабочаго дня и возвышенія заработной платы ведетъ къ тому же результату освобожденія предпринимателей отъ избыточнаго дохода, одновременно предупреждая излишнее производство и увеличивая долю національнаго дохода, выпадающую трудящимся.

Для поясненія сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ области непроизводительнаго потребления въ классической странѣ капитализма, Англии.

По мѣрѣ роста накопленія капиталовъ, все большая часть производительнаго населенія страны отвлекается отъ производства и берется на содержаніе привилегированныхъ классовъ въ качествѣ прислуги и лицъ свободныхъ профессій.

Въ 1851 году прислуга составляла 11,3% населенія страны, получающаго доходы трудомъ, капиталомъ и т. д., т.-е. одинъ изъ 8—9 лицъ, добывающихъ средства существованія трудомъ, былъ устраненъ отъ производства и въ общей экономіи страны игралъ роль потребителя, не больше; въ 1871 г. прислуга составляла уже 15,3% производительнаго населенія, т.-е. больше седьмой части лицъ, способныхъ къ труду, были взяты на содержаніе привилегированныхъ классовъ. Профессиональный классъ, т.-е. классъ лицъ, тоже не участвующихъ въ производствѣ (администрація, войско, врачи, литераторы и т. д.), составлялъ въ 1851 г. 4,3% производительнаго населенія, въ 1871 году—6,3%. Вмѣстѣ два эти непроеводительные класса составляли въ 1851 г. 16,3% населенія, получающаго доходъ (отъ труда, капитала и т. д.), въ 1871 г.—22,2%,—возростаніе на 35% первоначальной величины. Соответствующимъ темпомъ уменьшилось, слѣдовательно, число лицъ, участвующихъ въ производствѣ, и увеличилось число потребляющихъ продукты, но не производящихъ ихъ.

Другой способъ отдачи дохода владѣющихъ классовъ на потребление другихъ заключается въ содержаніи бѣдныхъ, больныхъ, сирыхъ и т. п.

Въ началѣ 80-хъ годовъ число лицъ, получавшихъ въ Англіи пособіе въ качествѣ бѣдныхъ, достигало слишкомъ милліона. Затрачено на нихъ 10 милл. ф. стерл. въ годъ; столько же ежегодно тратилось на благотворительность. Такимъ образомъ, только эти два источника погложенія національнаго дохода уменьшаютъ запасъ ежегодно произведенныхъ товаровъ слишкомъ на 20 милл. ф. ст. или около 200 милл. кредитныхъ рублей.

И такъ, если промышленной организаціи, господствующей въ Западной Европѣ, суждено еще процвѣтать и развиваться, то это подъ условіемъ отысканія способовъ уничтоженія той части національнаго дохода, которая превышаетъ потребительную способность класса предпринимателей и, тѣмъ не менѣе, направляется въ его руки. Наипростейшимъ рѣшеніемъ этого вопроса было бы соответствующее измѣненіе въ распредѣленіи національнаго дохода между участниками производства. Капиталистическій режимъ былъ бы обезпеченъ надолго, если бы изъ каждаго приращенія національнаго дохода предприниматели оставляли себѣ лишь сколько это необходимо для удовлетворенія всѣхъ ихъ прихотей и капризовъ, предоставляя остальное рабочему классу, т.-е. на потребленіе массы населенія. За трудностью достигнуть указаннаго прямымъ соглашеніемъ владѣющихъ классовъ, остается надежда на рабочіе союзы, на договоръ организованнаго класса рабочихъ съ капиталистами, при продажѣ первыми своего труда послѣднимъ.

Исторія рабочаго движенія на самомъ дѣлѣ доказываетъ, что путь организаціи трудящихся дѣйствителенъ для нѣкотораго возвышенія заработной платы; но можно ли этимъ путемъ достигнуть обращенія на потребленіе

массы населенія всего продукта, не могущаго быть потребленнымъ предпринимателями, сказать теперъ нельзя. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: рабочая сила — такой необходимый элементъ для производства и для оплодотворенія капитала, что было бы только естественно, если бы ея владѣлецъ договаривался объ условіяхъ своего участія въ производствѣ съ капиталистомъ, какъ равный съ равнымъ. Въ прошедшемъ, когда просвѣщеніе, организація и другія блага и орудія цивилизаціи доставались одному классу, трудящійся отодвинуть былъ на второй планъ въ соціальной жизни, и послѣдняя во всемъ ея объемѣ направлялась односторонне. Теперь обстоятельства понемногу мѣняются. Масса населенія получаетъ образованіе, начинаетъ сознательно относиться къ окружающему и пытается такъ или иначе вліять на него. Въ разсматриваемой нами области это выразилось, между прочимъ, организаціей союзовъ для ограниченія рабочаго дня и возвышенія заработной платы. Пока эта организація охватила небольшую долю трудящихся, и результаты ея дѣятельности не особенно велики. Но, по мѣрѣ ея роста, вліяніе ея сдѣлается очевидное, а коль скоро она охватитъ все рабочее населеніе страны, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что голосъ рабочихъ при установленіи заработной платы будетъ значить очень много. Уже и теперъ многіе фабриканты, отказывая союзу въ его требованіи повысить заработную плату, ссылаются на свои малые доходы и для провѣрки своего утвержденія отгрызаютъ ему счетныя книги. Уже сдѣланы попытки учрежденія особыхъ камеръ изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ, задача которыхъ—оцѣнивать положеніе той или другой промышленной области съ цѣлью мирнаго удовлетворенія требованій рабочихъ и хозяевъ въ предѣлахъ возможности и предупрежденія недружелюбныхъ столкновеній между ними, вредныхъ для обѣихъ сторонъ. Если мы наблюдаемъ такія попытки въ настоящее время, когда рабочій классъ такъ мало еще развитъ и организованъ, то нѣтъ ничего невозможнаго, что указанный способъ разрѣшенія столкновеній между нанимателемъ и трудомъ,—иначе говоря, способъ распредѣленія національнаго дохода между участниками производства по взаимному соглашенію сторонъ, достигнутому путемъ тщательнаго изученія положенія дѣлъ, доходовъ и расходовъ предпріятія, съ присоединеніемъ сюда учета потребностей предпринимателей и рабочихъ,—что этотъ способъ сдѣлается господствующимъ или единственно практикующимся въ то время, когда рабочій классъ, по своему развитію и т. п., будетъ представлять рѣшающую величину въ ряду другихъ соціальныхъ силъ.

Изъ сказаннаго видно, что (какъ бы это ни показалось страннымъ съ перваго взгляда) прочность капиталистическаго строя зависитъ отъ того, насколько классъ предпринимателей съумѣетъ передать рабочимъ часть своихъ доходовъ, которую онъ не можетъ потребить самъ. Если такъ, то и вопросъ о «перераспредѣленіи богатствъ», такъ сильно нѣкогда смущавшій благонамѣренныхъ гражданъ, теряетъ радикальный характеръ, а само «перераспредѣленіе» становится желательнымъ съ точки зрѣнія сохраненія

господствующей на Западѣ капиталистической организаціи промышленности. Воль скоро сказанное будетъ достигнуто, воль скоро все количество произведенныхъ продуктовъ будетъ находить своихъ потребителей, — кризисъ, какъ всеобщее явленіе, исчезнетъ, пауперизмъ, какъ выраженіе избытка рабочихъ, не находящихъ занятія по причинѣ отсутствія рыночнаго запроса на продукты, какіе они могли бы произвести, значительно ослабѣетъ, если не совершенно уничтожится, а это не замедлитъ отразиться на отношеніи рабочихъ классовъ къ господствующему строю общества. Этотъ строй не будетъ въ ихъ глазахъ средствомъ эксплуатаціи слабого сильнымъ; предприниматель потеряетъ свою репутацію пресса, выжимающаго изъ рабочей массы послѣдніе соки. Въ дѣйствительной жизни онъ сдѣлается, чѣмъ былъ до сихъ поръ въ теоріи: общественнымъ агентомъ, руководителемъ не частнаго, а общественнаго предпріятія. Его функцией будетъ увеличеніе производительности труда, доставленіе обществу наибольшей массы продуктовъ (которые всѣ цѣликомъ пойдутъ на общее потребленіе) при наименьшей затратѣ силъ. Рабочіе, вѣроятно, надолго примирятся съ положеніемъ, при которомъ руководителемъ производства оказывается не выборное лицо, и не стануть настаивать на превращеніи предпринимательской формы хозяйства въ общественную. Если эта форма оставляетъ руководителю производства, все-таки, слишкомъ большую долю національнаго дохода, то за то она обезпечиваетъ, кажется, и наиболѣе быстрое приращеніе послѣдняго, а чрезъ то и увеличеніе доли рабочаго, такъ какъ частный предприниматель подвижнѣе въ дѣлѣ введенія улучшеній производства, чѣмъ выборное лицо, распоряжающееся не своимъ, а общественнымъ предпріятіемъ.

Но указанный нами способъ регулированія потребленія національнаго дохода путемъ цѣлесообразнаго его распредѣленія между предпринимателями и рабочими существуетъ пока только въ теоріи и неизвѣстно, осуществится ли когда-либо на практикѣ. До тѣхъ же поръ, пока это случится, т. е. въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ, обществу много придется еще страдать отъ такъ называемаго перепроизводства товаровъ, капиталисты стануть жадно хвататься за всякій случай, обезпечивающій расширеніе ихъ производства, общественная атмосфера будетъ благопріятствовать всякимъ рискованнымъ предпріятіямъ, основаннымъ на затратѣ производительныхъ средствъ страны, въ которыхъ ощущается такой избытокъ сравнительно съ покупательною силой потребителей товаровъ.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ по достоинству оцѣнить степень основательности утвержденія, что милитаризмъ, отвлекающій отъ производства рабочія силы и капиталъ, взваливаетъ этимъ на промышленность страны новое бремя, разорителенъ для общества капиталистическаго типа, подрываетъ его промышленныя силы, подѣкаетъ его экономическіе устои, что онъ долженъ поэтому съузиться до минимума, если не по нравственно-политическимъ соображеніямъ, то по причинамъ матеріально-экономическимъ.

Какъ бы мы ни думали о теоріи кризисовъ Ротбертуса, считаясь толь-

ко съ общеизвѣстными фактами, а не со стройнымъ ихъ объясненіемъ названнаго ученаго, нужно будетъ, все-таки, признать, что признаки періодически повторяющихся острыхъ кризисовъ, а также и послѣдняго 15-ти лѣтнаго угнетеннаго состоянія промышленности заключаются въ избыткѣ капиталовъ, излишнѣ труда и его продуктовъ. Рынокъ сокращаетъ спросъ на товары, капиталъ не находитъ надежнаго производительнаго помѣщенія, рабочіе остаются безъ заработка. Въ силу тенденціи современной промышленности къ переходу въ описанное состояніе, можно ли считать новою тяжестью явленіе, дѣйствующее прямо въ противоположномъ направленіи? Можно ли сказать, что милитаризмъ, насколько онъ содержится на средства владѣющихъ классовъ, лишаетъ страну капиталовъ, и безъ того не находящихъ себѣ помѣщенія изъ 2—3%? Не будетъ ли насмѣшкой надъ рабочими, не находящими занятія даже изъ-за куска хлѣба, утверждать, что освобожденіе отъ военной службы нѣсколькихъ сотъ тысячъ молодежи улучшить ихъ положеніе, измѣнить условія спроса и предложенія труда въ пользу рабочихъ, а не капиталистовъ, повысить, а не понизить заработную плату? Мыслимо ли увѣрить предпринимателей, что сокращеніе ежегодныхъ правительственныхъ заказовъ для военныхъ цѣлей на сотни милліоновъ рублей расширить рынокъ для сбыта ихъ товаровъ, будетъ имѣть слѣдствіемъ расширеніе, а не суженіе производства?

И, наоборотъ, не составляетъ ли привлеченіе на военную службу 250 тыс. молодыхъ людей въ Англіи, 600—700 тыс. во Франціи или Германіи прямую выгоду для рабочаго класса, какъ такового, не освобождается ли такимъ образомъ рынокъ отъ излишняго предложенія труда, не играетъ ли военная служба здѣсь роль, аналогичную съ эмиграціей, но болѣе дѣйствительную? Каждый эмигрантъ, правда, облегчаетъ, какъ и рекрутъ, трудовой рынокъ и тѣмъ предупреждаетъ пониженіе заработной платы и слишкомъ быстрый ростъ науперяма; но за то онъ лишаетъ страну и потребителя, суживаетъ запросъ на ея продукты. Солдаты же переходятъ на готовое содержаніе, для многихъ лучшее, чѣмъ они пользуются обыкновенно; вмѣстѣ съ облегченіемъ рабочаго рынка, поэтому, здѣсь расширяется рынокъ для сбыта товаровъ. 300—400 милліонный военный бюджетъ государства, почти цѣликомъ расходуемый на матеріальные предметы, т.-е. обращающійся на производство продуктовъ, на занятіе капитала и труда, составляетъ замѣтную величину въ общей экономіи страны. Но, вѣдь, кромѣ обыкновенныхъ расходовъ на военную силу, есть масса экстраординарныхъ, часто даже немѣющихся вида военныхъ издержекъ, напримѣръ, хотя бы постройка дорогъ съ стратегическою цѣлью. Сколько затрачивается производительныхъ силъ на подобныя предпріятія, каковой размѣръ труда и капиталовъ находятъ здѣсь себѣ помѣщеніе!

И такъ, въ капиталистическихъ обществахъ милитаризмъ является главною, служащимъ для смягченія черезъ-чуръ рѣзкихъ проявленій отрицательнаго характера, свойственныхъ этому типу организаціи. Поэтому въ экономическомъ отношеніи онъ—не бремя, истощающее жизненные соки

подобной страны; безъ него послѣдняя скорѣе почувствуетъ суровую сторону капиталистическаго режима: рынокъ легче переполнится предложеніемъ капиталовъ, труда и продуктовъ производства, кризисъ видится ближе. Если это такъ, и коль скоро социально-экономическое значеніе какого-либо явленія не остается безъ вліянія на судьбу послѣдняго, если известное явленіе склонно къ упадку въ случаѣ его несоотвѣтствія съ важнѣйшими отношеніями окружающей жизни и становится крѣпче, коль скоро оно отвѣчаетъ на известныя потребности общества,—даже если бы этотъ фактъ и ускользалъ отъ сознательнаго пониманія каждаго,—то слѣдуетъ признать, что почва новѣйшей экономической организаціи Запада весьма благоприятствуетъ дальнѣйшему усиленію милитаризма; поэтому, насколько это зависитъ отъ экономическихъ отношеній, послѣдній имѣетъ все шансы на блестящее развитіе.

Но гдѣ милитаризмъ, тамъ и война, а войны настоящаго времени требуютъ огромныхъ жертвъ крови и денегъ. Но даже и эти ужасныя столкновенія народовъ утилизируются современнымъ буржуазнымъ режимомъ въ свою пользу. Человѣческія жертвы, правда, если онѣ превзойдутъ определенную норму, если поглотятъ не только избыточное населеніе, но и часть дѣйствующей арміи рабочихъ, нежелательны для него, потому что ими сокращается запросъ на продукты въ ближайшемъ будущемъ. Но, во-первыхъ, сокращеніе числа потребителей нѣсколько возмѣщается улучшеніемъ ихъ качества, такъ какъ устраненіе съ трудового рынка нѣсколько сотъ тысячъ конкурентовъ будетъ имѣть слѣдствіемъ возвышеніе заработной платы; во-вторыхъ, это маленькое сокращеніе спроса на товары съ лихвой вознаграждается милліардными затратами правительства во время войны на продукты, подлежащіе немедленному и безвозвратному потребленію. Въ концѣ-концовъ, оказывается, что война, вмѣсто разоренія, обогатила страну, т.-е. повела къ созданію новыхъ богатствъ, къ усиленію производства, къ возвышенію заработной платы, къ ускоренію замедленнаго было темпа промышленной жизни.

И такъ, коль скоро современная экономическая жизнь характеризуется наклонностью къ переполненію рынка трудомъ, капиталомъ и товаромъ, то, значить, она благоприятствуетъ всякимъ рискованнымъ предпріятіямъ, обещающимъ облегченіе этого переполненія, а таковымъ является, между прочимъ, милитаризмъ вообще, войны въ частности. Этимъ, кажется намъ, въ значительной степени объясняется громадное развитіе милитаризма въ Европѣ въ послѣдніе годы, имѣвшее мѣсто одновременно съ безпримѣрнымъ промышленнымъ кризисомъ. Правда, для усиленія военныхъ расходовъ правительства ссылаются на политическія причины, но послѣднія далеко не оказались бы столь настоятельными, если бы не благоприятная экономическая почва.

Въ самомъ дѣлѣ, что за морской Атилла грозитъ Англіи, если она рѣшится затратить сотни милліоновъ рублей для приведенія своихъ военныхъ силъ въ лучшее состояніе? Откуда такія опасности въ концѣ XIX

вѣна, когда просвѣщеніе вообще и въ частности развитіе *сознанія* братства всѣхъ народовъ сдѣлало такіе поразительные успѣхи? Гдѣ причина такого рѣзкаго противорѣчія между мыслями и рѣчами цивилизованныхъ обществъ, заключающими развитіе идеи международной солидарности, воззваніе къ братству и единенію народовъ на почвѣ мирнаго труда, и практикой тѣхъ же обществъ, принимающихъ всѣ мѣры для того, чтобы разъединить народы, чтобы поставить ихъ другъ противъ друга на ножи? Отвѣта нужно въ значительной мѣрѣ искать въ сферѣ экономіи, въ области, вѣдающей интересы желудка и кармана, главнѣйшихъ регуляторовъ общественныхъ отношеній въ XIX, какъ и во всѣхъ предшествующихъ вѣкахъ.

Полному развитію милитаризма препятствуютъ съ экономической стороны еще нѣкоторые условія: это—тяжесть налоговъ для его поддержанія и всеобщая воинская повинность. Первое условіе въ значительной степени смягчается, однако, тѣмъ, что война и другіе процессы, требующіе сразу большаго расхода, ведутся на заемныя средства, т.-е. на средства, въ данный моментъ добровольно предоставленныя въ распоряженіе правительства; такимъ образомъ, населеніе избавлено отъ немедленной расплаты деньгами за рискованныя предпріятія, а разложеніе расхода на годы кажется уже не столь тяжкимъ. Но если бремя налоговъ лежитъ, главнѣйшимъ образомъ, на массѣ трудящагося населенія, всякое ихъ увеличеніе сокращаетъ покупательную ея силу, а черезъ нея и запросъ на продукты производства, и милитаризмъ до извѣстной степени ослабляетъ свое облегчающее экономическое вліяніе. Другое дѣло—прогрессивный подоходный налогъ: онъ въ значительной степени падаетъ на средства, не подлежащія расходованію на непосредственное потребленіе, поэтому отнесеніе на ихъ счетъ значительной доли военныхъ издержекъ будетъ очень дѣйствительнымъ средствомъ для поднятія милитаризма, какъ предохранительнаго клапана противъ избыточнаго накопленія въ капиталистическомъ обществѣ производительныхъ силъ.

Обязательная воинская повинность—весьма важное условіе для поддержанія милитаризма; но если она существуетъ въ формѣ поголовной, это можетъ вредно отразиться на экономическомъ положеніи тѣхъ странъ, гдѣ на ряду съ капиталистическимъ производствомъ сохранилась въ широкихъ размѣрахъ мелкая форма промышленности. Взятіе въ рекруты наемнаго рабочаго почти не вліяетъ на состояніе крупной промышленности, которая всегда имѣетъ возможность замѣстить одного наемника другимъ. Другое дѣло—мелкое самостоятельное производство, гдѣ сплошь и рядомъ хозяинъ является главнѣйшею опорой предпріятія. Взятіе его въ солдаты весьма часто будетъ значить разрушеніе мастерской, а это уже безцѣльный подрывъ основныхъ производительныхъ силъ страны, который въ значительномъ числѣ случаевъ можетъ быть предупрежденъ допущеніемъ замѣны одного рекрута другимъ по ихъ взаимному соглашенію. Нѣтъ ничего невозможнаго, что такая замѣна и будетъ допущена правительствами, запрещающими ее въ настоящее время. Этимъ ослабится отрицательное отношеніе къ милитаризму въ массѣ населенія и типически-капиталистическихъ

обществъ, а введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога значительно усилить милитаризмъ, какъ средство избавленія общества отъ избыточнаго продукта.

До сихъ поръ мы говорили объ экономической сторонѣ милитаризма въ связи съ капиталистическою организаціей промышленности. Последняя благопріятствуетъ первому, а милитаризмъ и политическая свобода врядъ ли могутъ быть признаны совмѣстимыми другъ съ другомъ. Буржуазія же за свое прошлое приобрѣла себѣ репутацію бойца за свободу. Такая ея историческая роль въ значительной степени была результатомъ экономическихъ отношеній прошлаго; и, во всякомъ случаѣ, политическая свобода, за которую боролось просвѣщенное третье сословіе, не находилась въ противорѣчій съ его экономическими интересами. Въ настоящее время положеніе измѣняется: традиціи либерализма требуютъ ослабленія правительства, экономическіе интересы буржуазіи говорятъ въ пользу расширенія милитаризма, что равносильно усиленію и правительства. Что побѣдитъ: старыя вѣрованія или новыя вѣянія—рѣшать не беремъ; скажемъ только, что военный лагерь, въ каковой очень быстро превращается Европа, чуть ли не заставляетъ усомниться въ томъ, чтобы буржуазія и въ будущемъ продолжала играть ту же роль опоры свободы, какую она играла до настоящаго времени.

Все вышеизложенное относится къ обществамъ, построеннымъ по капиталистическому типу. Но въ Европѣ есть нѣсколько странъ, гдѣ капиталистическое производство играетъ подчиненную роль, и ихъ отношеніе къ милитаризму совершенно иное. Впрочемъ, такъ какъ и здѣсь исторія послѣдняго тридцатилѣтія характеризуется попытками искусственно насадить капитализмъ, ради чего мелкое производство оставалось въ пренебреженіи и даже намѣренно утѣснялось, безразборчивое же покровительство крупной промышленности привело къ созданію множества тепличныхъ предпріятій, держащихся только на почвѣ покровительственныхъ тарифовъ и т. п., то неудивительно, если и здѣсь, несмотря на мизерные успѣхи капитализма, какъ положительнаго фактора развитія, весьма ясно обнаружилась отрицательныя стороны буржуазнаго строя—излишекъ товаровъ на рынкѣ и переполненіе послѣдняго рабочими.

Эти явленія въ весьма значительной степени искусственны и, по крайней мѣрѣ, избытокъ наемнаго труда легко можетъ быть устраненъ доставленіемъ рабочему доступа къ землѣ и другими мѣрами для развитія мелкаго производства. А устраненіе съ поля наемнаго труда всякаго образующагося излишка рабочихъ равносильно приведенію и товарнаго рынка въ соотвѣтствіе съ дѣйствительнымъ запросомъ страны.

Такимъ образомъ, для некапиталистическихъ обществъ, ясно сознавшихъ требованія времени и построившихъ свою экономическую политику на этомъ сознаніи, милитаризмъ имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ для капиталистическихъ. Начать съ того, что главнѣйшимъ финансовымъ основаніемъ государства здѣсь всегда будетъ мелкое производство, какъ

преобладающее, и даже прогрессивный подоходный налог мало облегчить здѣсь бремя, лежащее на трудящемся. Мелкое же производство, регулируемое дѣйствительными потребностями производителя, не даетъ избыточнаго продукта; поэтому налогъ на него съ цѣлью содержанія войска всецѣло падаетъ на потребление, и расширение милитаризма въ такой же мѣрѣ суживаетъ запросъ населенія на различные продукты, въ какой расширяетъ его заказами для военныхъ цѣлей; съ этой стороны, значитъ, онъ, по меньшей мѣрѣ, не вноситъ никакого облегченія въ экономическую жизнь страны. Но другимъ своимъ вліаніемъ онъ играетъ уже несомнѣнно отрицательную роль. Притягивая въ свои ряды сотни тысячъ здоровой молодежи, милитаризмъ не только мѣшаетъ расширенію производства, но и разрушаетъ массу уже установившихся хозяйствъ. Такимъ образомъ, онъ отвлекаетъ отъ полезнаго занятія дѣйствительныя производительныя силы и отягощаетъ положеніе оставшихся, вваливая на ихъ плечи содержаніе непроизводительныхъ членовъ семей, коихъ кормильцы попали въ рекруты.

Россія—одна изъ такихъ некапиталистическихъ странъ, и надежда на измѣненіе ея экономическаго строя по западному образцу съ каждымъ годомъ становится слабѣе. При слабыхъ успѣхахъ капиталистическаго режима въ нашей странѣ (приращеніе рабочихъ на нашихъ фабрикахъ въ послѣднія 20 лѣтъ почти не превосходитъ обычнаго для насъ темпа размноженія населенія), естественно, если характеристическимъ признакомъ экономической организаци Россіи еще очень долго будетъ мелкая форма производства, при которой производитель получаетъ въ свое распоряженіе всю сумму продуктовъ труда, образованіе избыточнаго товара сведено до минимума и естественнаго экономическаго основанія для разцвѣта милитаризма не существуетъ. А, между тѣмъ, сосѣдство обязываетъ. Если всѣ вокругъ насъ вооружаются, мы не можемъ не отозваться на общее настроеніе. Но, усиливая свои военныя средства, нужно помнить, что мы празднуемъ лишь въ чужомъ пиру похмѣлье.

Въ противоположность Западу, мы страдаемъ недостаточнымъ развитіемъ производительныхъ средствъ, и если Европа удѣляетъ на милитаризмъ избытокъ играющихъ въ ней силъ и этимъ облегчаетъ затрудненія, навлеченныя на нее господствующимъ строемъ, то мы отдаемъ ему послѣднія крохи, отягощаемъ бремя, лежащее на производствѣ страны. Европа поэтому можетъ пускаться въ рискованныя военныя предпріятія, вести активную международную политику, выставляя необходимость самообороны лишь какъ приличный предлогъ для вооруженій съ наступательною цѣлью. Россія должна ограничиться строго-оборонительными задачами, ея военныя силы должны быть сведены къ возможному минимуму. Ея заявленія о стремленіи къ миру не лицемерная фраза, скрывающая вождѣнныя поползновенія на захватъ чужой собственности, а выраженіе дѣйствительныхъ потребностей страны, какъ представительницы народнаго, а не капиталистическаго режима, какъ царства мужиковъ, а не буржуазіи.

В. В.

Канцлеръ былъхъ временъ *).

(Дипломатическое господство князя Меттерниха).

III.

Заключительный актъ вѣнскаго конгресса 1815 г. былъ, по существу своему, актомъ реакціоннымъ, предназначеннымъ возстановить все, ниспровергнутое и разрушенное французскою революціей и ея прямою наследницею—наполеоновскою имперіей. Но въ дѣйствительности не было уже никакой возможности вернуть прежнее въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до революціи, отчасти потому, что отжившее не возвращается, отчасти же и потому еще, что вѣнскій конгрессъ, подъ прикрытіемъ блестящихъ празднествъ, придворныхъ увеселеній и дипломатическихъ выраженій, былъ ничѣмъ инымъ, какъ громаднымъ раздѣломъ добычи,—земель, провинцій и «душъ», какъ тогда говорилось. Тутъ завершился окончательный раздѣлъ Польши; помимо этого, Пруссія старалась захватить какъ можно больше на Эльбѣ и на Рейнѣ, Австрія—въ Германіи и Италіи, Англія—на всѣхъ моряхъ. Изъ этого столкновенія рѣзкихъ соперничествъ, стремленій къ захватамъ, интригъ и всякихъ сдѣлокъ сложилась новая система европейскихъ державъ, которая могла, до нѣкоторой степени, почитаться болѣе или менѣе прочнымъ залогомъ всеобщаго мира, основаннаго на уравнительномъ распредѣленіи всего, добытаго побѣдой. Правда, этотъ кодексъ заново переустроенной Европы былъ созданъ подъ влияніемъ необычайныхъ обстоятельствъ и являлся, по словамъ одного изъ его творцовъ, выраженіемъ «диктаторской воли» нѣсколькихъ державъ, результатомъ ихъ столкновеній между собою и даже, просто, случая, въ иныхъ своихъ частяхъ. Онъ представлялъ собою странное смѣшеніе возврата къ старымъ порядкамъ съ уступками духу времени. Никакіе дипломатическіе акты не могли уже возстановить въ прежнеемъ ея видѣ Европу, испытавшую въ теченіе двадцатипятилѣтнихъ войнъ столько переворотовъ, столько территоріальныхъ и династическихъ перемѣнъ. Изъ обломковъ стараго бралось лишь то, что оказывалось пригоднымъ по политическимъ и территоріальнымъ соображеніямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

побѣдившей коалиціи, такъ называемаго «четвернаго союза», получившаго съ тѣхъ поръ наименованіе «Священнаго Союза». Никакія усилія не въ силахъ были возстановить Германію въ томъ видѣ, въ какомъ она была при Священной Римской имперіи, уничтоженной секуляризаціей и отиженіемъ самыхъ титуловъ. На ея мѣсто пытались создать иную Германію, мѣшая при этомъ старину съ новизнами, Германію—объединенную и разрозненную, въ одно и то же время, поставленную подъ главенство Австріи и Пруссіи. По волѣ немногихъ лицъ, жизнь народовъ и дѣятельность правительствъ втискивались въ новыя рамки, созданныя ухищреніями дипломатіи, прикрывавшей насиліе побѣдителей фикціей возстановленія всѣхъ стародавнихъ правъ.

Въ то время могло казаться, что этимъ заканчивается навсегда страстная борьба, слишкомъ долго тревожившая весь міръ. Въ дѣйствительности же борьба только прерывалась на время,—вѣрнѣе же, принимала другой оборотъ и неизбѣжно должна была возобновиться при иныхъ условіяхъ и при другихъ бойцахъ. Въ этомъ новомъ порядкѣ вещей Меттернихъ занимаетъ самое выдающееся, чтобы не сказать—первенствующее, мѣсто. Онъ не министръ только, какими были лордъ Кастельри или Каннингъ въ Лондонѣ, Капо д'Истрія, одинъ изъ любимцевъ Александра I, и Нессельроде въ Петербургѣ, князь Гарденбергъ въ Берлинѣ или герцогъ Ришельё въ Парижѣ. Со времени вѣнскаго конгресса начинается періодъ дипломатическаго господства князя Меттерниха, длившійся тридцать три года. Его преобладающее вліяніе на дѣла Австріи и Европы признается почти безпрекословно; правительства обращаются къ его совѣтамъ, подчиняются его руководительству; онъ внушаетъ страхъ народамъ и возводитъ въ систему равновѣсія неподвижность и покой застоя. Нѣмецкій историкъ Гервинусъ говоритъ о немъ: «Противникъ принципозъ революціи, войны и завоеваній, которыми Франція волновала Европу, Меттернихъ твердо держался контръ-революціонныхъ принципозъ мира и консерватизма, которые полагалъ въ основу всемірной политики будущаго». Въ этой новой дѣятельности австрійскій канцлеръ доходитъ до своего рода гениальности въ политической борьбѣ противъ подавленныхъ стремленій своего времени, въ усиліяхъ противопоставить своими изворотами эфемерныя преграды неотвратимому ходу историческаго развитія.

Европейскій миръ, которымъ дипломатія закончила въ Вѣнѣ тяжелую эпоху войнъ, принесъ для всѣхъ радостное чувство покоя, возможности вздохнуть свободно безъ тревогъ и опасеній, истомившихъ цѣлое поколѣніе. Окончательное паденіе Наполеона всѣми было привѣтствовано, какъ счастливое событіе; народы видѣли въ немъ залогъ спокойствія и лстили себя надеждою долгаго отдыха; государи и дипломаты наслаждались одержанными побѣдами, давшими имъ громкую популярность, и Меттернихъ не менѣе, чѣмъ кто-либо, самодовольно тѣшилса ролью побѣдителя-миротворца, которую онъ разыгрывалъ наравнѣ съ Императоромъ Александромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, не говоря уже о какихъ-нибудь

Гарденбергахъ и Кастельри, Веллингтонахъ и Блюхерахъ. На самомъ же дѣлѣ, подъ такою успокоительною внѣшностью, преисполнившюю всѣхъ чувствами довольства и тщеславной радости, таилось не мало обманутыхъ ожиданій, затаенныхъ стремленій, подавленныхъ, но не уничтоженныхъ національныхъ порывовъ, возбужденныхъ войною и пережившихъ время борьбы, соперничества между государями и правительствами, скрытыхъ вождельній честолюбія и своекорыстія. Во дни торжества союзниковъ всѣмъ казалось, что французская революція побѣждена окончательно; она и на самомъ дѣлѣ была побѣждена въ смыслѣ военномъ и въ лицѣ ея коронованнаго героя; но далеко не рѣшительна была побѣда надъ нею въ иномъ смыслѣ. Революціонная пропаганда, которую разносили съ собою арміи Наполеона, не даромъ прошла по Европѣ. Вездѣ она оставила глубокіе слѣды въ гражданскихъ реформахъ, въ идеяхъ, возбужденныхъ ею въ народахъ, и даже въ страхѣ, все еще внушаемомъ ею побѣдителямъ, торжествующимъ, но не вполне убѣжденнымъ въ своей побѣдѣ.

Революція оказалась живучею, чѣмъ то думали. Во Франціи полуторастысячная оккупационная армія союзниковъ охраняла матеріальную безопасность реставрированной монархіи. Но иноземная оккупация ничуть не могла вліять на новое общество, надъ которымъ призваны были царствовать Бурбоны; она не въ состояніи была уничтожить либерализма, подавленнаго имперіей и возрождавшагося послѣ ея паденія. Какъ наслѣдіе прошлаго, либерализмъ былъ въ нравахъ, въ сознаніи; его не одолѣлъ режимъ Наполеона, въ сочувствіи къ либерализму Меттернихъ упрекалъ Людовика XVIII. Въ Италіи Австрія присоединила къ своимъ владѣніямъ Ломбардію и Венеціанскую область, получила господствующее вліяніе на реставрированныя по старинѣ мелкія государства; но и подъ австрійскимъ господствомъ тамъ продолжалъ тлѣть опасный для него огонь. Тамъ живы были воспоминанія объ Итальянскомъ королевствѣ, о порядкахъ, созданныхъ Франціей. Тайныя общества множились и разрастались, повсюду раскидывали сѣти заговоровъ. Но всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что въ странѣ, выказавшей наиболѣе сильную ненависть къ Франціи, именно въ Германіи, съ особенною силой отразилось вліяніе французской революціи и первой имперіи. Въ Германіи, какъ бы въ отвѣтъ на событія 1815 года, поднимались новыя вѣянія, имѣвшія совершенно различный смыслъ въ глазахъ Австріи и патриотовъ *Туендбунда*, въ глазахъ Меттерниха и Штейна.

Положеніе оказывалось настолько же страннымъ, насколько оно было неожиданнымъ. Вожди европейской коалиціи, дважды побѣдно вступавшіе въ Парижъ и завершившіе свое торжество дипломатическимъ актомъ въ Вѣнѣ, одерживали побѣды не одни. Для этого имъ необходимо было привлечь къ себѣ народныя массы, ихъ заинтересовать въ своемъ дѣлѣ, необходимо было принять или заискривать содѣйствіе народныхъ страстей, возбужденныхъ противъ иноземнаго господства; а чтобы заручиться такою поддержкой, они не щадили обѣщаній, — обѣщаній національнаго величія

и обѣщаній политическихъ реформъ. Противъ общаго врага все пускалось въ ходъ. Со вступленія русскихъ войскъ въ Силезію, въ 1813 г., были уже обнародованы прокламаціи къ нѣмцамъ, вызвавшія почти революціонное возбужденіе. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, поддаваясь увлеченіямъ своего штаба и пламенныхъ прусскихъ патриотовъ, обѣщалъ «конституцію», «народное представительство». Другіе государи Германіи, крупные и мелкіе, по мѣрѣ того, какъ вырывались изъ-подъ власти Наполеона, слѣдовали этому пригѣру, отчасти еще для того, чтобы заставить забыть свои измѣны: они обѣщали все, что угодно! Въ самомъ федеральномъ актѣ, составленномъ въ Вѣнѣ и опредѣлявшемъ основанія новаго Германскаго союза, была статья XIII, въ которой выражены и подтверждены обѣщанія этого рода. Ею прямо возвѣщалось наступленіе эры народнаго представительства и политическихъ вольностей во всѣхъ владѣніяхъ, входящихъ въ составъ обновленнаго союза. И вотъ наступало время исполнить всѣ данныя обѣщанія, во дни мира продолжить и скрѣпить союзъ между государями и народами, заключенный въ пылу войны за независимость Германіи. Задача была тѣмъ болѣе трудною и сложною, что рѣшать ее приходилось при большой путаницѣ взглядовъ на предполагаемую цѣль рѣшенія. Одни мечтали уже о германскомъ единствѣ и въ будущемъ франкфуртскомъ сеймѣ видѣли великое народное представительство, образъ объединеннаго общаго отечества; другіе, изъ ненависти къ Франціи, мечтали о возвратѣ къ старымъ правоотношеніямъ, къ старымъ порядкамъ, къ древне-германскимъ государственнымъ формамъ. Въ результатъ получилось ничего нерѣшавшее столкновение возбужденныхъ страстей и противоположныхъ другъ другу стремленій, приведшихъ къ тому своеобразному движенію, которымъ ознаменовались для Германіи первые годы послѣ вѣнскаго конгресса, съ 1815 по 1819 годъ.

Далеко не одинаково относились къ дѣлу и правительства, которымъ предстояло такъ или иначе выполнить слово, данное во время борьбы; всѣмъ приходилось считаться съ обстоятельствами, съ разногласіемъ общественнаго мнѣнія, со множествомъ другъ другу противоположныхъ интересовъ. И замѣчательно, изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ то, именно, которое наиболѣе рьяно возбуждало надежды, которое было поставлено въ наилучшія условія для осуществленія стремленій нѣмцевъ, на дѣлѣ выказало наибольшія колебанія,—то была Пруссія. Пруссія не отказывалась отъ принятыхъ обязательствъ; она лишь откладывала ихъ выполненіе. Она дѣлала шагъ впередъ, назначала комиссію для составленія проекта конституціи и дальше этого не шла, отступала назадъ. Нерѣшительный, съ умомъ узкимъ и мелочнымъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ, ревниво охраняя свое абсолютное право, постоянно колебался между вліяніями, толкавшими его впередъ, и реакціей, тянувшей его назадъ,—между канцлеромъ Гарденбергомъ, считавшимся сторонникомъ партіи реформъ, и княземъ Витгенштейномъ, противникомъ всякихъ новшествъ, вѣрнымъ союзникомъ всѣхъ приверженцевъ абсолютизма. Другія государства, въ особенности южной Германіи, быть

можетъ, изъ соперничества съ Пруссіей и Австріей, или чтобы выказать свою отъ нихъ независимость, одно за другимъ приставали къ конституціонному движенію. Однимъ изъ первыхъ выступилъ въ этомъ направленіи великій герцогъ саксенъ-веймарскій, Карль-Августъ, другъ Гёте, покровитель литературы и искусствъ, гордившійся тѣмъ, что свою столицу Веймаръ превратилъ въ нѣмецкія Афины. Своему маленькому государству онъ далъ широко-либеральную конституцію въ 1816 году. Въ Баваріи конституція введена въ 1818 году; за нею вскорѣ получило таковую же великое герцогство Баденское и королевство Виртембергское.

Толчокъ былъ данъ, и отозвался онъ съ особенною силой въ полемикѣ, разгорѣвшейся въ нѣмецкой прессѣ и въ университетахъ, гдѣ страсти были необычайно возбуждены и не могли еще затихнуть послѣ войны. По всей Германіи, въ самомъ Берлинѣ, на глазахъ у правительства, въ Іенѣ, въ прирейнскихъ провинціяхъ политическая печать вела свою агитацію при участіи людей, одушевленныхъ пламеннымъ, хотя и туманнымъ, патріотизмомъ, каковы были Арндтъ, галлофобъ Гёръ и пылкій Янгъ, популярныя вожаки общественнаго мнѣнія, съ которыми необходимо было считаться. Центрами такого движенія были университеты и изъ нихъ самымъ выдающимся былъ Іенскій университетъ, студенты котораго вступили вскорѣ въ общестуденческій союзъ, получившій названіе *Burschenschaft* и замѣнившій собою всѣ патріотическія и національныя ассоціаціи временъ иноземнаго господства. Тутъ мечтали о переустройствѣ Германіи при помощи усиленныхъ гимнастическихъ упражненій, дополняющихъ собою смѣлость философской и политической мысли. Во всемъ этомъ не было ничего, точно опредѣленнаго; въ умахъ царило странное смѣшеніе романтическаго патріотизма, ненависти къ Франціи, рыцарскаго воодушевленія и революціоннаго фанатизма. И вотъ 18 октября 1817 года всѣ эти университетскія стремленія выразились въ довольно странной формѣ. Іенскіе студенты кликнули кличь по всѣмъ университетамъ и собрались въ Вартбургъ праздновать трехсотлѣтіе реформаціи и годовщину лейпцигскаго сраженія. Вечеромъ, послѣ множества рѣчей, были зажжены потѣшныя огни, и студенты бросили въ одинъ огромный костеръ преданныя ими анафемѣ сочиненія Ансельона, Галлера, Кампа и Коцебу, нѣмца, перешедшаго въ 1812 г. въ русскую службу и вернувшагося потомъ въ Іену, гдѣ онъ издавалъ газету, направленную противъ новыхъ идей. Тутъ же были сожжены: австрійская капральская шапка, прусскій гвардейскій колетъ и гессенская коса.

Трудно себѣ представить, какую бурю вызвало это ничтожное происшествіе во всемъ реакціонномъ лагерѣ. Россія, Франція, Австрія и Пруссія обратились съ грозными нотами въ Веймаръ. Запугиваемый со всѣхъ сторонъ, герцогъ Карль-Августъ долженъ былъ отмѣнить свободу печати и ввести вновь цензуру, запретить газету, проектированную буршами, назначить слѣдствіе надъ нѣсколькими профессорами. Но, дѣйствуя такимъ образомъ, герцогъ не скрывалъ, что онъ уступаетъ лишь давленію извнѣ.

Понятно, что негодование буршей и их сторонниковъ должно было обратиться не на герцога, а на вожаковъ европейской реакціи и ихъ общаго вождя, Меттерниха. Въ то же время, въ Италиі тайныя общества съ возростающею энергіей подкапывались подъ австрійское господство. Очевидной становилась неизбежность новой борьбы между революціонными движеніями, съ одной стороны, и всѣми силами реакціи — съ другой. Меттернихъ имѣлъ основанія почитать себя въ нѣкоторомъ смыслѣ вождемъ этихъ силъ. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ онъ необычайное счастье одолѣть Наполеона и въ его лицѣ побѣдить революцію и, съ тѣмъ вѣстѣ, возстановить австрійское преобладаніе надъ Германіей и Европой, чтобы дать погибнуть плодамъ побѣды и отдать на волю новыхъ случайностей порядокъ вещей, надъ созданіемъ котораго онъ много поработалъ и охранять который считалъ своимъ священнымъ призваніемъ. Подобно очень многимъ людямъ того времени, Меттернихъ страстно желалъ мира и «покоя» послѣ страшныхъ потрясеній начала столѣтія. И подъ этими словами онъ разумѣлъ не только миръ между державами, не только «спокойное обладаніе» прибрѣтеннымъ подъ гарантіей международныхъ союзовъ, но также и внутренній «покой» народовъ, ограждаемыхъ отъ революціонныхъ волненій отеческою властью повсюду возстановленныхъ законныхъ правительствъ. Охрану мира вѣшняго и внутренняго онъ возводилъ въ принципъ, въ своего рода «догматъ», а себя самого почиталъ апостоломъ, призваннымъ быть его стражемъ и защищать противъ покушеній новыхъ враговъ. О своемъ «апостольскомъ» призваніи онъ самъ говоритъ не разъ и съ совершенно искреннимъ тщеславіемъ величаетъ себя благодѣтелемъ умиротвореннаго человѣчества.

Находясь во главѣ австрійскаго правительства, Меттернихъ всѣ усилія свои направлялъ къ поддержанію въ Австріи полнаго спокойствія и молчаливой неподвижности, къ огражденію имперскихъ владѣній отъ «революціонной заразы». Но оградить Австрію не представлялось никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ подавленія всякаго движенія въ сосѣднихъ съ нею государствахъ; сдѣлать же это можно было только захвативши въ свои руки, непосредственно или косвенно, высшую государственную полицію во всей Германіи, начиная съ Пруссіи, которой австрійскій канцлеръ не довѣрялъ вдвойнѣ. Въ ней онъ видѣлъ соперницу для австрійскаго господства надъ Германіей и считалъ ее очагомъ опасныхъ революціонныхъ замысловъ. Путешествуя по Италиі и устраивая частныя территоріальныя дѣла Австріи, Меттернихъ зорко слѣдилъ за конституціоннымъ движеніемъ въ нѣмецкихъ государствахъ, за развитіемъ политической печати и либеральныхъ стремленій въ тамошнихъ университетахъ. Все это тѣмъ болѣе было ненавистно австрійскому канцлеру, что внушало ему серьезныя опасенія своимъ быстрымъ ростомъ, угрожавшимъ австрійскому господству надъ Германскимъ союзомъ, основанія котораго были изложены лишь въ общихъ и очень неопредѣленныхъ чертахъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Кромѣ того, Меттерниха пугала поддержка, оказываемая конституціонному движенію въ Германіи со

«стороны Императора Александра и его министра Капо д'Истрия. Русский императоръ только что далъ конституцію Польшѣ и считалъ себя какъ бы поучителемъ въ точномъ исполненіи обѣщаній, данныхъ нѣмцамъ въ 1813 г.; сообразно съ этимъ онъ поощрялъ и подкрѣплялъ своими дипломатическими дѣйствіями всѣ конституціонныя требованія въ Германіи. Для Меттерниха такая политика русскаго царя представляла очень большія затрудненія. Австрійскій канцлеръ хорошо понималъ это и съ величайшимъ страхомъ относился къ предстоящимъ событіямъ, что и выразилось въ его письмѣ къ Генцу. «Ручаюсь вамъ, — писалъ онъ изъ Италіи, — что мнѣ пользоваться отличнымъ здоровьемъ въ 1789 г., сравнительно съ его настоящимъ положеніемъ». Меттернихъ былъ убѣжденъ, что призванъ и теперь спасти Германію и весь мнръ отъ революціи, какъ уже спасъ ихъ отъ завоевателя въ 1813 г.

Въ этомъ смыслѣ онъ оказывалъ постоянное давленіе на правительства мелкихъ государствъ Германскаго союза, увлеченныхъ либеральнымъ потокомъ. На конгрессѣ въ Ахенѣ Меттернихъ старался напугать прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и Императора Александра, причемъ ссылался на принципы «Священнаго Союза», обязывающіе государей къ взаимной поддержкѣ другъ друга. У канцлера была уже готова цѣлая программа репрессивныхъ мѣръ противъ печати, университетовъ и всякихъ видовъ агитацій. Меттерниху удалось встревожить прусскаго короля, затронуть въ немъ инстинкты абсолютнаго монарха; удалось ему поколебать нѣсколько сочувствіе русскаго императора къ стремленіямъ либераловъ; но ничего положительнаго въ смыслѣ, желательномъ для австрійской политики, онъ, все-таки, не добился. Въ это время произошло одно несчастное событіе, послужившее отличнѣйшую службу видамъ австрійскаго канцлера. Мы говоримъ объ убійствѣ Коцебу, оказавшемся кровавымъ прологомъ драмы или, вѣрнѣе, траги-комедіей высшей дипломатіи. Нѣмецъ по происхожденію, заклятый врагъ Франціи, весьма посредственный писатель, противникъ либеральныхъ идей и стремленій, дослужившійся въ Россіи до виднаго чина и положенія при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Коцебу поселился въ Веймарѣ, потомъ въ Мангеймѣ, издавалъ ультра-консервативную газету, въ которой осмѣивалъ и всячески опозоривалъ нѣмецкихъ либераловъ, университеты и студентовъ съ ихъ «буршеншафтомъ», возбуждалъ противъ себя всеобщее презрѣніе, прослылъ за русскаго шпіона и былъ убитъ 23 марта 1819 г. студентомъ Іенскаго университета Карломъ Зандомъ. Тихій и скромный юноша вообразилъ себя мстителемъ за поруганіе національныхъ стремленій и совершилъ одно изъ ужасныхъ преступленій, наносящихъ непоправимый ударъ тому дѣлу, на защиту котораго поднялась рука убійцы.

Реакція не замедлила воспользоваться случаемъ, раздула дѣло Занда до размѣровъ, способныхъ внушить страхъ всѣмъ правительствамъ передъ взрывами революціоннаго фанатизма, каковымъ постарались выставить мангеймское убійство. Меттернихъ путешествовалъ въ это время по Италіи съ императоромъ Францемъ, и вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, оттуда

по полученіи извѣстія о смерти Коцебу: «Всѣ кабинеты Германіи обращаются ко мнѣ съ настоятельными просьбами какъ можно скорѣе положить конецъ беспорядкамъ, которые каждый нѣмецкій государь вызвалъ въ своей странѣ и остановить которые теперь уже не въ состояніи...» Въ этомъ самохвальствѣ была доля правды: нѣмецкія правительства, въ самомъ дѣлѣ, перепугались единичнаго факта и растерялись передъ мнимую опасностью, чѣмъ Меттернихъ и воспользовался со свойственною ему ловкостью. Онъ съ мало скрываемою ироніей относился къ тому, что станетъ дѣлать при такихъ обстоятельствахъ великій герцогъ Веймарскій, прозванный «der grosse Student», что скажетъ Императоръ Александръ, узнавши, какъ «любезно» обходятся въ Германіи съ совѣтниками его министерствъ. Меттернихъ, само собою разумѣется, не скупился на выраженія своего сочувствія къ участи, постигшей «бѣднягу Коцебу», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не прочь былъ считать весьма счастливымъ событіемъ ударъ кинжала, которымъ «этотъ славный малый Зандъ» оказалъ ему столь неожиданную и существенную услугу. Вопросъ заключался лишь въ томъ, какими способами извлечь изъ этого «счастливаго» событія наибольшую пользу для излюбленнаго Меттернихомъ дѣла общей реакціи.

По своему обыкновенію, австрійскій канцлеръ не хотѣлъ оставлять ничего на волю случая и неторопливо шелъ къ намѣченной цѣли. Онъ считалъ рискованнымъ и небезопаснымъ обратиться прямо къ германскому сейму, власть котораго была еще недостаточно опредѣлена и могла подлежать спору, въ которомъ могли, кромѣ того, возникнуть неудобныя пререканія. Меттернихъ рѣшилъ предложить уже совсѣмъ готовое рѣшеніе и въ такой формѣ, чтобы сейму оставалось только его утвердить. Для этого онъ втихомолку устроилъ предварительный сѣздъ въ маленькомъ, почти неизвѣстномъ въ то время городкѣ, въ Карльсбадѣ. Съ дороги туда изъ Італіи вотъ что писалъ Меттернихъ своей супругѣ: «...Нѣмецкіе революціонеры воображали, что я далеко потому, что находился за 500 миль. Они ошиблись, я все время былъ неотлучно среди нихъ и теперь наносу имъ удары. Вы, вѣроятно, обратили вниманіе на странное совпаденіе такихъ разоблаченій и арестовъ въ Пруссіи и въ Германіи съ моимъ перѣздомъ черезъ Альпы. Думаю, что это станетъ всѣмъ ясно, наконецъ, когда узнаютъ, что здѣсь вокругъ меня собирается вся Германія... Мы сдѣлаемъ крупное дѣло. Къ добру ли оно послужитъ, — то рѣшитъ Господь Богъ. Но дѣло будетъ, все-таки, очень большимъ, ибо отъ него зависить спасеніе или же окончательное разрушеніе общественнаго порядка».

Меттернихъ явился въ Карльсбадъ съ готовою программой мѣропріятій, долженствующихъ «обезпечить общественное спокойствіе». Вотъ ея основныя положенія: отмена свободы печати, установленіе цензуры для періодическихъ изданій, преобразование университетовъ, подчиненіе ихъ правительственному надзору, введеніе въ нихъ строгой дисциплины, исключеніе изъ нихъ неблагонадежныхъ профессоровъ, учрежденіе въ Майнцѣ центральной слѣдственной комиссіи, своего рода судилища, обязаннаго слѣ-

дить за всёмъ, что дѣлается въ предѣлахъ союза, и принимать мѣры къ пресѣченію демагогическихъ покушеній во всёхъ государствахъ союза. Предложенія канцлера были приняты карльсбадскою конференціей и черезъ нѣсколько дней, безъ преній, утверждены сеймомъ во Франкфуртѣ. Затѣмъ оставалось довершить дѣло, увѣнчать зданіе «интерпретаціей» или, придерживаясь очень удачнаго эфеизма, «ректификаціей» знаменитой XIII статьи федеративнаго акта, ktoroмo такъ «неосмотрительно злоупотребляли и которая дала лишь поводъ къ введенію въ Германію, въ особенности же въ ея южныхъ государствахъ, демагогическихъ конституцій на французскій образецъ». Дѣло такой «ректификаціи» было предоставлено конференціи министровъ, созванной въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ австрійскаго канцлера. Результатомъ конференціи явился документъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «заключительнаго вѣнскаго акта» (*acte final de Vienne*), которымъ, подъ предлогомъ толкованія и разъясненія союзнаго договора, слабыя государства ставились въ полную зависимость отъ сильныхъ, а волюнтаризмъ Германіи—во власть сейма, подчиненнаго во всемъ Австріи.

Все сдѣлалось такъ именно, какъ хотѣлъ Меттернихъ, и онъ высказалъ свое полное удовольствіе въ такихъ выраженіяхъ: «И такъ, я, слава Богу, отдѣлался отъ хлопотъ: роды совершились благополучно, и дитя скоро будетъ представлено міру. Я имѣю основаніе быть довольнымъ результатомъ, и долженъ быть доволенъ потому, что сдѣлалъ то, чего хотѣлъ... Чего не могли совершить тридцать лѣтъ революціи, то сдѣлано нами въ три недѣли въ Карльсбадѣ. Впервые появится въ стройной системѣ рядъ мѣръ настолько же антиреволюціонныхъ, насколько онѣ правильны и рѣшительны. Что я хотѣлъ сдѣлать съ 1813 года и что мнѣ постоянно портилъ Императоръ Александръ, того я достигъ потому, что его тутъ не было. Наконецъ-то, я имѣлъ возможность провести мою мысль во всей ея полнотѣ...» На самомъ дѣлѣ, мысль Меттерниха была имъ проведена замѣчательно ловко и въ такой ея полнотѣ, что Германія очутилась охваченною реакціей, какъ страшнымъ желѣзнымъ кольцомъ, нажимательныя пружины котораго находились въ рукахъ Австріи и ея канцлера. Вѣнскій заключительный актъ обрекалъ Германію на неподвижность и «спокойствіе», ничѣмъ не отличающіяся отъ летаргіи. Подчинивши себѣ мелкія государства союза, Меттернихъ сумѣлъ увлечь на желательный ему путь и Пруссію, необыкновенно искусно скомпрометировалъ ее передъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи и изъ опасной для Австріи соперницы превратилъ въ послушную сообщницу, въ покорную пособницу всёхъ его реакціонныхъ предприятий. Такимъ образомъ, австрійскій канцлеръ достигъ, наконецъ, осуществленія своей давнишней мечты, выраженной имъ въ письмѣ къ императору Францу такими словами: «*Необходимо довести Германію до того, чтобы она усвоила себѣ наши принципы, не давая замѣтить, что мы хотимъ навязать Германіи наши принципы...*»

То, что происходило въ Германіи въ 1819—1820 гг., было, очевидно, лишь частью общаго движенія, охватившаго въ то время весь континентъ

Европы, а предпринятое Меттернихомъ въ его германской политикѣ проводилось имъ съ неменьшею послѣдовательностью и ловкостью въ его европейской политикѣ. Онъ былъ душою Священнаго Союза, не мистически-гуманнаго, не «христіанскаго» Священнаго Союза Императора Александра, а болѣе простаго Священнаго Союза, болѣе практическаго, крѣпко организованнаго, непрестанно готоваго подавить всякую попытку выдти изъ неподвижности, наложенной Австріей, уничтожить всякую мысль о возможности подобной попытки. Здѣсь уместно припомнить любопытную и мѣткую острогу другаго оракула того времени, Талейрана: «Австрія изображаетъ собою палату перовъ Европы; пока ее не распустятъ, она будетъ сдерживать общины». Меттернихъ былъ и хотѣлъ оставаться, во что бы ни стало, главою, руководителемъ и, при случаѣ, исполнителемъ рѣшеній этой всеевропейской «палаты лордовъ».

Въ началѣ ничто, повидимому, не угрожало территоріальнымъ и политическимъ порядкамъ, установленнымъ въ 1815 г.; но ясно также было, что въ народныхъ массахъ происходитъ какая-то внутренняя работа, обусловленная стремленіемъ къ перемѣнамъ и къ новизнамъ. Въ Германіи это выразилось конституціоннымъ движеніемъ, охватывавшимъ одно государство за другимъ и приводившимъ въ смущеніе правительство. Франція, попрежнему, оставалась подозрительнымъ гнѣздомъ революціонныхъ идей, готовыхъ постоянно перейти въ дѣйствіе и выразиться то выборомъ цареубійцы въ 1819 г., то убійствомъ герцога Беррійскаго, совершеннымъ такимъ же фанатикомъ, какимъ былъ Зандъ въ Германіи. По ту сторону Альпъ кажущееся спокойствіе прикрывало собою очень тревожное положеніе. Всѣ правительства стараго режима, возвращенныя ходомъ событій въ Модену, Парму, Лукку, во Флоренцію, Болонью и въ Неаполь, возбуждали повсемѣстно крайнее недовольство всѣхъ классовъ населенія. Повсюду разрастались тайныя общества карбонаріевъ, отчасти изъ вражды къ Австріи, господство которой оскорбляло національное чувство, отчасти изъ ненависти къ мелкимъ итальянскимъ дворамъ, ничтожнымъ и деспотическимъ, своимъ обскурантизмомъ вооружившимъ противъ себя просвѣщенную и либеральную часть общества. Какъ бы въ дополненіе къ этому, на Востоцѣ начиналось уже броженіе. Къ стариннымъ дипломатическимъ несогласіямъ между Россіей и Турціей, грозившимъ каждую минуту разразиться новою войной, присоединилось греческое возстаніе, подготовленное тоже тайнымъ обществомъ, носившимъ названіе *Гетерии*.

Меттернихъ зорко слѣдилъ за всѣмъ этимъ, понималъ опасность; но, занятый исключительно своею идеей фикс, во всемъ видѣлъ только одно — «гидру революціи», и только. А противъ этой «гидры» онъ зналъ одно лишь средство: тѣсное единеніе, «спокойное и непреклонное въ своихъ дѣйствіяхъ», государей великихъ державъ Европы, покровителей и хранителей общественнаго порядка, — единеніе въ Священномъ Союзѣ, бывшемъ до сихъ поръ лишь «неправильнымъ и ни къ чему непригоднымъ символомъ» и долженствующимъ стать «противовѣсомъ» всякихъ беспорядочныхъ агитацій,

«центромъ силъ, организованныхъ на защиту стараго европейскаго общества». Задумшевною мыслію Меттерниха было воспользоваться союзомъ 1815 г. для сдерживанія и подавленія всего, что онъ считалъ революціоннымъ движеніемъ; то признаваемою, то скрываемою цѣлью его дипломатіи было устроить, въ концѣ-концовъ, «европейскій Карльсбадъ», — довести Европу до того; до чего ему удалось довести Германію въ Карльсбадъ. Но достигнуть этого было далеко не такъ легко, какъ справиться съ Германіей въ Карльсбадъ, Франкфуртъ и Вѣнѣ. На Пруссію австрійскій канцлеръ могъ, разумѣется, вполнѣ рассчитывать. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III всецѣло отдался въ его руки и подчинился его вліянію и совѣтамъ во время свиданія въ Теплицѣ, предшествовавшаго карльсбадскому съѣзду. Весьма существенное сопротивленіе встрѣтилось со стороны Англіи. Руководимая въ своей политикѣ все еще лордомъ Кастельри, а вскорѣ потомъ блестящимъ Баннингомъ, Англія оставалась вполнѣ солидарною съ кабинетами континентальныхъ державъ во всемъ, что касалось охраненія, хотя бы даже вооруженными силами, трактатовъ 1815 г. Но, поставленная въ зависимость отъ парламента и отъ общественнаго мнѣнія, англійская дипломатія не очень-то легко и свободно могла пускаться въ обсужденіе новыхъ комбинацій и въ заключеніе новыхъ обязательствъ, когда рѣчь заходила о томъ, чтобы союзъ обратилъ противъ проявленій внутренней жизни народовъ, если бы таковыя перешли даже въ открытую революцію. На помощь Англіи ни въ какомъ случаѣ нельзя было рассчитывать; напротивъ, съ ея стороны слѣдовало ожидать только большихъ затрудненій.

Не менѣе серьезныя препятствія представляла замысламъ Меттерниха политика Императора Александра, заявлявшаго себя первымъ охранителемъ мира и порядка въ Европѣ и легко поддававшагося увлеченіямъ либерализмомъ, усложняемымъ еще мистицизмомъ. Русскій царь продолжалъ считать себя главою и душою созданнаго имъ Священнаго Союза и, въ то же время, привлекалъ къ себѣ полныя надежды взоры революціонеровъ всѣхъ странъ. Чего собственно хотѣлъ императоръ, этого вполнѣ точно не могъ никто опредѣлить. Его довѣріемъ въ равной мѣрѣ пользовались и Нессельроде, съ своимъ консерватизмомъ, любезнымъ Меттерниху, и Капо д'Истрія, корфіотъ по происхожденію, заслужившій расположеніе государя своимъ сочувствіемъ эллинизму и своимъ космополитическимъ либерализмомъ. Эта неопредѣленность приводила въ отчаянне австрійскаго канцлера; онъ рѣшительно терялся передъ русскимъ императоромъ, политики котораго не могъ понять, и его министромъ, къ которому относился съ нетерпѣливымъ высокоуміемъ, дипломатическія элокубраціи котораго называлъ «апокалипсисомъ». На конгрессѣ въ Ахенѣ, въ 1818 г., Меттернихъ вообразилъ было, что совсѣмъ уже вовлекъ Императора Александра въ свои сѣти и окончательно закрѣпилъ за собою его содѣйствіе австрійской политикѣ какъ въ Германіи, такъ и въ Европѣ. Ахенскій конгрессъ, который Меттернихъ называетъ «хорошенькимъ конгрессомъ» (joli congrès), имѣлъ цѣлью рѣшеніе вопроса о прекращеніи оккупациі Франціи иноземными войсками. Но, помимо этой официально

объявленной задачи, была еще и другая, конфиденциальная. Меттернихъ хотѣлъ воспользоваться съѣздомъ государей и ихъ министровъ для приданія новой силы политикѣ «высшаго консерватизма», для сдѣланія нѣкоторыми секретными обязательствами «четвернаго союза» въ тотъ именно моментъ, когда монархической Франціи предстояло занять мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ. Повидимому, на «хорошенькомъ конгрессѣ» все обошлось какъ нельзя лучше, во всемъ сговорились, договорились и между собою согласились; только соглашеніе осталось не вполне точно опредѣленнымъ и ничѣмъ не закрѣпленнымъ, по неопредѣленности самаго объекта соглашенія. А потому Капо д'Истріа, не задумываясь, началъ въ самомъ скоромъ времени, попрежнему, воевать своими либеральными циркулярами, на которые Меттернихъ отвѣчалъ насмѣшками.

Ахенскій конгрессъ не привелъ, въ сущности, ни къ чему, въ смыслѣ, желательномъ Меттерниху. Но эпоха конгрессовъ, которыми австрійскій канцлеръ пытался подчинить себѣ политику всѣхъ государствъ Европы, далеко еще не кончилась, когда на югѣ Европы произошли самыя неожиданныя событія, сблизившія союзниковъ и давшія союзу реальную цѣль. 1 января 1820 г. вспыхнула въ Испаніи либеральная революція, произведенная войсками, — такъ называемое военное пронунциаменто. 2 іюля произошла революція въ Неаполѣ, принудившая короля согласиться на такую же конституцію, какую получила Испанія. Немного времени спустя то же самое повторилось въ Португаліи; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 10 марта 1821 г., тому же примѣру послѣдовалъ Пьемонтъ. Испанія была далеко и, къ тому же, отдѣлена отъ остальной Европы Франціей, а потому все вниманіе кабинетовъ сосредоточилось на первый разъ на Италіи. Священный Союзъ не ограничивается уже дипломатіей и переходитъ къ вооруженнымъ дѣйствіямъ; конгрессы слѣдуютъ одинъ за другимъ: въ Троппау, потомъ въ Лайбахъ и, наконецъ, въ Веронѣ. Въ октябрѣ 1820 г. на конгрессѣ въ Троппау, по инициативѣ Меттерниха, не стѣняясь сдержаннымъ положеніемъ Франціи и упорствомъ Англіи въ ея политикѣ невмѣшательства, рѣшено было втроемъ, между Австріей, Пруссіей и Россіей, не признавать того, что совершено революціей въ Неаполѣ, какъ равно и въ другихъ государствахъ, и, въ случаѣ нужды, употребить въ дѣло «нравственное и матеріальное воздѣйствіе для возвращенія законной власти ея свободы... и для возвращенія Европѣ залоговъ спокойствія и прочной устойчивости». Неаполитанскому королю было послано приглашеніе прибыть для обсужденія совмѣстно съ другими государями вопросовъ, касающихся «интересовъ его королевства». Мѣстомъ свиданія назначался Лайбахъ.

Старый король Фердинандъ могъ выбраться въ Лайбахъ лишь послѣ того, какъ надавалъ своимъ неаполитанцамъ торжественныхъ обѣщаній исполнить все, что только отъ него требовали; онъ обѣщалъ даже отставать передъ государями испанскую революцію. Приѣхавши въ Лайбахъ, онъ, конечно, поспѣшилъ тотчасъ же высказаться самымъ положительнымъ образомъ противъ революціи и парламента и всего, что было сдѣлано послѣ

2 июля 1820 года. Тутъ онъ являлся уже не болѣе, какъ кліентомъ союзниковъ. И Меттернихъ, умѣвшій иногда освобождаться отъ своихъ иллюзій и не всегда сохранявшій почтительный тонъ по отношенію къ государямъ, которыхъ онъ «реставрировалъ», писалъ нижеслѣдующее о королѣ неаполитанскомъ: «Мнѣ во второй разъ приходится поднимать его и ставить на ноги, по милости его дурной привычки постоянно сваливаться. Дѣло въ томъ, впрочемъ, что многіе короли воображаютъ, будто тронъ—не болѣе, какъ кресло, на которомъ можно спать въ свое удовольствіе. Въ 1821 г. такое сѣдалище не совсѣмъ удобно для спанья». Въ виду отказа неаполитанцевъ подчиниться предъявленнымъ имъ требованіямъ, противъ нихъ была двинута австрійская армія подъ командой генерала Фримона. 6 февраля 1821 г. Меттернихъ пишетъ: «Мой кабинетъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, походитъ на квартиру главнаго штаба... Сегодня шестьдесятъ тысячъ человѣкъ переходятъ По. Не пройдетъ тридцати дней, какъ они будутъ засѣдать на курульныхъ креслахъ парепопейскихъ законодателей, и этимъ будетъ доказано, что я умѣю быть рѣшительнымъ. Мои враги должны находить меня очень неудобнымъ противникомъ». Онъ убѣжденъ, что при первомъ столкновеніи съ австрійскими силами «все это разсѣется, какъ дымъ, потому что, въ сущности, это и есть только дымъ». «По моимъ расчетамъ,—пишетъ онъ вскорѣ потомъ,—наши должны завтра вступить въ Неаполь. Такимъ образомъ, все будетъ покончено съ этою революціей; фантазмагорія исчезла фактически; черезъ недѣлю онъ нея ничего не останется!...» Однако же, въ ту самую минуту, когда Меттернихъ считаетъ уже все поконченнымъ, огонь, который пошли тушить въ Неаполь, вспыхиваетъ на сѣверѣ Италіи: 10—12 марта 1821 г. разражается военное возстаніе въ Алессандріи и въ Туринѣ, и опять-таки подъ знаменемъ испанской конституціи. Надо замѣтить, впрочемъ, что пьемонтская революція, затѣянная нѣсколькими пылкими молодыми людьми, какъ Санта-Роза, Колленьо, Лизіо, и, повидному, патрулируемая принцемъ Карломъ-Альбертомъ, будущимъ королемъ, съ самаго начала оказалась несостоятельною и неспособною къ серьезному сопротивленію выдвинутымъ противъ нея силамъ. Подобно неаполитанской, она покончилась капитуляціями, восстановленіемъ абсолютизма и удаленіемъ принца Кариньянскаго (Карла-Альберта).

Виновница всѣхъ этихъ событій, испанская революція, осталась, все-таки, нетронутою, отчасти за дальностью разстоянія и затруднительностью до нея добраться, отчасти потому, что общее вниманіе сосредоточивалось на событіяхъ въ Неаполь и въ Пьемонтѣ. По окончаніи дѣлъ въ Италіи, рѣшено было уничтожить и этого послѣдняго врага. На веронскомъ конгрессѣ, бывшемъ, въ сущности, только продолженіемъ предшествовавшихъ конгрессовъ въ Лайбахѣ и въ Троппау, порученіе раздѣлаться съ Испаніей было возложено на Францію. На попытку Англій, старавшейся склонить Меттерниха къ нейтралитету по отношенію къ Испаніи, австрійскій канцлеръ отвѣчалъ: «Мысль о нейтралитетѣ несовмѣстна съ нашею политическою системою... Императоръ не можетъ оставаться нейтральнымъ, когда дѣло идетъ о поддержаніи прин-

ципа, на которомъ зиждется существованіе его имперіи». Австрійскому посланнику въ Парижѣ канцлеръ постоянно повторялъ: «Дѣло Франціи (противъ Испаніи) есть дѣло всей Европы такъ же точно, какъ дѣла Европы суть дѣла Франціи». Интересуясь, какъ нельзя больше, французскою экспедиціей 1823 г. противъ Испаніи, Меттернихъ отъ времени до времени примѣшивалъ къ своей политикѣ всякаго рода двоедушныя каверзы и продѣлывалъ изподтишка неблаговидныя штуки. Такъ, онъ придумалъ поставить французское правительство въ затруднительное положеніе, выпустивши соперника ему въ лицѣ неаполитанскаго короля, заявлявшаго поощряемья Меттернихомъ претензіи на роль какаго-то «семейнаго посредника», во имя легитимизма и своихъ династическихъ правъ. Канцлеръ не довѣрялъ Франціи, заподозривалъ ее въ томъ, что она, принявши на себя вмѣшательство въ дѣла Испаніи, преслѣдуетъ свои личныя цѣли, добивается возстановленія своей военной славы или, быть можетъ, поддается своимъ либеральнымъ слабостямъ. Ему хотѣлось держать Францію подъ своею опекой при посредствѣ европейской конференціи, засѣдающей въ Парижѣ во все время вмѣшательства. Въ сущности, Меттернихъ былъ изъ тѣхъ людей, что остаются довольными тѣмъ только, что сами они дѣлаютъ, и очень охотно приписываютъ себѣ въ заслуги то, что сдѣлано другими.

Въ данномъ случаѣ Меттернихъ имѣлъ, конечно, основанія считать своимъ дѣломъ удачно окончившуюся кампанію. Хотя и не имъ она была ведена, все же предпринята она по его настоянію, благодаря его ловкимъ маневрамъ въ Лайбахѣ и Веронѣ. Онъ былъ душою конгрессовъ, онъ придалъ реальное значеніе «Священному Союзу», бывшему вначалѣ какимъ-то химерическимъ призракомъ, — лишенною всякаго практическаго смысла религиозно-мистическою фантазіей Императора Александра. Теперь же, со времени Карльсбада, въ рукахъ этого союза сосредоточивались всѣ нити огромной контръ-революціонной сѣти, охватившей Германію и достигающей до Неаполя и Мадрида. Все это было дѣломъ Меттерниха, и этимъ онъ кичился и величался. «Несносное это дѣло — путешествовать въ моемъ положеніи, — писалъ онъ своимъ близкимъ. — На моемъ пути всѣ дворы устраиваютъ мнѣ убійственно-падоубающія торжества, какъ настоящему государю; въ то же время, ко мнѣ пристають, какъ къ знахарю, всѣ требуютъ отъ меня совѣтовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье стереть съ лица земли *карбонаріевъ*, всѣ воображаютъ, будто мнѣ достаточно показаться для того, чтобы уничтожить все неприятое тому или другому. Въ настоящее время всѣ правительства больны, и больны они по собственной винѣ. Со времени моихъ конференцій по дѣламъ Германіи на меня смотрятъ, какъ на верховнаго законодателя, а съ 1821 г. — какъ на истребителя революціонеровъ. Каждый проситъ, чтобы и у него я ихъ истребилъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы сообщилъ свой рецептъ». Рецептъ же былъ очень простъ, и весь онъ заключался въ ловкой изворотливости находчиваго ума, неуклонно преслѣдующаго одну *idée fixe*, ничѣмъ не стѣсняющагося, умѣющаго всѣмъ пользоваться, какъ оружіемъ, которое давали ему противъ себя

плохо задуманныя революціи, такъ и страхомъ, внушаемымъ ими правительствомъ, и ухитряющагося, въ концѣ-концовъ, убѣдить всѣхъ въ томъ, что въ немъ оживаютъ и увѣковѣчиваются традиціи 1815 года, — однимъ словомъ, весь секретъ Меттерниха состоялъ въ томъ, что онъ былъ единственнымъ невозмутимо-хладнокровнымъ политикомъ среди охватившей всѣхъ тревоги.

Меттернихъ достигъ апогея своей славы и надолго удержалъ за собою первенствующее положеніе въ Европѣ. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ совершенно въ его рукахъ, смотрѣлъ на него, какъ на необходимаго руководителя, какъ на непогрѣшимого оракула. При содѣйствіи прусскаго короля, Меттерниху удалось, хотя и съ большимъ трудомъ, приобрести вліяніе на Императора Александра, — правда, не особенно прочное и лишь по нѣкоторымъ вопросамъ. Англійскій король называлъ его своимъ «дорогимъ другомъ», при свиданіи во время путешествія въ Ганноверъ «душилъ» его въ своихъ объятіяхъ. Изъ Парижа обращались къ Меттерниху съ просьбою о посредничествѣ между герцогомъ д'Артуа и главою кабинета, герцогомъ Ришельё. Императоръ Францъ, человекъ простой, не блестящій и не дѣятельный, но разумный, былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ государемъ для австрійскаго канцлера, умѣвшаго отлично служить императору, который въ свою очередь служилъ ему превосходнымъ орудіемъ для достиженія его цѣлей. Фактически вся власть была въ рукахъ Меттерниха, и, что бы онъ ни говорилъ, онъ любилъ ея проявленія, то, что можно назвать ея представительствомъ. Онъ не прочь былъ повеличаться наименованіемъ себя въ интимныхъ кружкахъ «puissance morale», приравнивая, такимъ образомъ, свою силу къ значенію любой державы (puissance). Меттернихъ игралъ въ свое время, несомнѣнно, первенствующую роль во всѣхъ политическихъ дѣлахъ Европы; но значеніе такой роли онъ всегда склоненъ былъ преувеличивать съ тѣмъ почти наивнымъ и мелкихъ тщеславіемъ, которое составляло отличительную черту его характера. До конца дней своихъ онъ сохранилъ непоколебимую увѣренность въ томъ, что «заблужденіе никогда не коснулось его ума», что онъ никогда не ошибался и всегда «дѣлалъ лишь то, что хорошо и правильно, и, въ особенности, въ надлежащій моментъ, — въ тотъ единственный моментъ, когда только могутъ быть совершены великія дѣла». Канцлеръ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчалъ чужія ошибки, дѣлая тотчасъ же такую лестную для себя самого оговорку: «Моей душѣ чуждо все узкое. Я всегда смотрю дальше и стою выше того, что занимаетъ большинство дѣловыхъ людей. Я обнимаю неизмѣримо большій кругъ, чѣмъ они видятъ или хотятъ видѣть...» Въ соотвѣтствіи съ такимъ самодовольствомъ, онъ презрительно относился къ своимъ современникамъ, находилъ ихъ всѣхъ мелкими, посредственными. Исключеніе дѣлалось для одного только Наполеона, «великаго изгнанника», «человѣка Святой Елены», «l'homme du siècle», какъ называлъ его Меттернихъ. Только его превосходство и признавалъ австрійскій канцлеръ, но и то съ гордымъ сознаніемъ побѣ-

ды надъ нимъ, всю честь которой Меттернихъ приписывалъ себѣ. Лишь себя одного признавалъ онъ истиннымъ зиждителемъ и представителемъ новаго порядка вещей 1815 г., одного себя признавалъ силой (puissance), «исчезновеніе которой дастъ почувствовать послѣ себя замѣтную пустоту». «И, тѣмъ не менѣе, она исчезнетъ!»—удостоивалъ онъ добавить. «Хорошо еще, что хоть въ этомъ-то онъ сознавался»,—замѣчаетъ де-Мазадъ въ излагаемой нами книгѣ.

«Порядокъ 1815 года», по Меттерниху, долженъ былъ означать внутреннее спокойствіе во всѣхъ государствахъ, основанное на неизблестности традиціонныхъ правъ, на тождественности внутренней охранительной политики правительствъ, поддерживаемой высшею полиціей Священнаго Союза, предупреждающею и пресѣкающею всякое революціонное движеніе. При этомъ разумѣлась, конечно, и ненарушимость мира внѣшняго между народами, оберегаемаго уваженіемъ къ трактатамъ, единеніемъ государей и правительствъ въ дѣлѣ защиты основныхъ положеній европейской системы. Меттернихъ неизмѣнно держался одного принципа, сводившагося къ охраненію всего легально-существующаго и къ ненарушимости соглашенія между великими державами неизмѣнно слѣдовать такому принципу...» Австрійскій канцлеръ всегда былъ сторонникомъ мира, скрѣпляемаго равновѣсіемъ силъ и искуснымъ распредѣленіемъ вліяній. Въ Карльсбадѣ, Троппау, Лайбахѣ и въ Веронѣ его политика восторжествовала надъ революціей. Съ этихъ же поръ Меттерниху предстояло имѣть дѣло съ обстоятельствами болѣе трудными и сложными, чѣмъ тѣ, съ которыми онъ такъ счастливо для себя покончилъ въ Италіи и въ Испаніи. Передъ европейскою дипломатіей возникалъ «Восточный вопросъ».

Вопросъ этотъ, по существу своему, не былъ ни новостью, ни неожиданностью, по крайней мѣрѣ, въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ представлялся старымъ, вѣковымъ споромъ между Россіей и Турціей. Онъ не разъ служилъ предметомъ интимныхъ бесѣдъ Наполеона съ Меттернихомъ и не заключалъ въ себѣ ничего грозпаго для европейскаго мира и дорогаго канцлеру всеобщаго покоя. Недоразумѣнія между петербургскимъ кабинетомъ и Высокою Портой касались, главнымъ образомъ, толкованія бухарестскаго мирнаго договора, пререканій изъ-за азіатской границы и тянулись довольно вяло и безрезультатно до тѣхъ поръ, пока новыя событія величайшей важности не заставили встрепенуться всю Европу. Въ началѣ 1821 г. вспыхнуло возстаніе въ Молдавіи и Валахіи подъ предводительствомъ Ипсиланти, генерала русской службы. Подавленное турками на Дунаѣ, оно быстро охватило Эпиръ, Фессалію и Целопонезъ. Произошло это во время лайбахскаго конгресса, въ разгаръ австрійскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Неаполя и Пьемонта. «Въ теченіе шести недѣль мы покончили двѣ войны и подавили двѣ революціи. Будемъ надѣяться, что и третью, вспыхнувшую на Востокѣ, ждетъ та же участь!»—такъ писалъ Меттернихъ по поводу событій на Балканскомъ полуостровѣ, но въ значеніи ихъ онъ отнюдь

не ошибался. Онъ отлично понималъ, что, въ виду кризиса на Востоѣ, Россія не можетъ и не захочетъ оставаться спокойною, что этимъ можетъ быть поколебленъ «великій союзъ» Запада и что все, подрывающее лайбахскія соглашенія, можетъ разрушить всѣ его комбинаціи, всѣ устои, на которыхъ держится консервативный порядокъ въ Европѣ. Всѣ усилія дипломатіи Меттерниха были направлены къ тому, чтобы поддержать миръ во что бы то ни стало, не допустить Россію до активнаго вмѣшательства въ дѣла Балканскаго полуострова, побудить Порту удовлетворить требованія русскаго царя и отнять у него, всякій поводъ къ вмѣшательству быстрымъ умиротвореніемъ возставшихъ провинцій.

Вначалѣ все шло, повидимому, такъ, какъ желательно было Меттерниху. Греческое возстаніе не пользовалось въ Европѣ тѣмъ сочувствіемъ, какое оно приобрѣло впоследствии. Очень многіе видѣли въ возстаніи, подобно Меттерниху, не болѣе, какъ новую революціонную попытку. Во время путешествія своего въ Ганноверъ на свиданіе съ англійскимъ королемъ канцлеръ совѣщался съ лордомъ Кастельри, получившимъ титулъ лорда Лондонери, и вполне сговорился съ главою англійскаго кабинета относительно дѣлъ на Востоѣ. Въ согласіи Берлина Меттернихъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія и надѣялся добиться соглашенія съ Франціей. Единственное серьезное затрудненіе представлялось со стороны Императора Александра. Правда, и русскій царь желалъ сохраненія мира и подчиненія инсургентовъ. Онъ оставался неизмѣнно вѣренъ Священному Союзу; но, не одобряя революціи, онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ своимъ долгомъ оказать защиту единовѣрцамъ и оградить религіозные интересы православныхъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Меттернихъ, всегда находчивый на разные дипломатическіе извороты, придумалъ упростить дѣло и облегчить рѣшеніе вопроса, разбивши его на-двое: во-первыхъ, слѣдовало покончить всякія дипломатическія недоразумѣнія между Россіей и Портой, ежеминутно грозившія дойти до войны, и эту часть задачи бралъ на себя австрійскій канцлеръ; во-вторыхъ, онъ предлагалъ, чтобы, по устраненіи этого главнаго затрудненія, представители пяти великихъ державъ собрались въ Петербургъ и выработали основанія для умиротворенія Греціи съ сохраненіемъ, впрочемъ, неприкосновенности верховныхъ правъ Порты надъ возставшими провинціями. Такою комбинаціей Меттернихъ рассчитывалъ все уладить, сохранить миръ между Россіей и Турціей, провести Императора Александра, изолировать и обезсилить греческое возстаніе и, во всякомъ случаѣ, выиграть время.

На этотъ разъ дипломатическія ухищренія австрійскаго канцлера ни къ чему не привели. Греческое возстаніе, которое всѣ считали обреченнымъ на вѣрную и скорую гибель, все разрасталось и крѣпло,—крѣпло, благодаря самой продолжительности своей, благодаря геройству такихъ вождей, какъ Колокотрини и Канарисъ, благодаря, наконецъ, дикой жестокости турокъ, только разжигавшей борьбу и доводившей сопротивление до отчаяннаго боя на смерть. Общественное мнѣніе Европы, относившееся внача-

лѣ довольно сдержанно къ возстанію, мало-по-малу заинтересовалось геройством эллиновъ, поэзіей борьбы и поэзіей античныхъ воспоминаній; нѣсколько искусственно возбужденный интересъ перешелъ въ сочувствіе къ бойцамъ за вѣру и свободу, сочувствіе въ свою очередь смѣнилось восторгомъ передъ защитниками Миссолонги, передъ руинами Паренона, передъ подвигами «паликаровъ». Грецію воспѣвали поэты, ее прославляли въ прозѣ, популяризировали; въ Грецію поѣхалъ умирать Байронъ, и Греція вошла въ моду... Общественное мнѣніе не замедлило оказать свое дѣйствіе и на дипломатію тамъ, гдѣ она не есть покорное орудіе политики одного человѣка. Симпатіи Англій и Франціи съ неудержимою и возрастающею силой склонялись на сторону Греціи и уже готовы были выразиться прямымъ вмѣшательствомъ въ ея пользу, когда въ Россіи произошло событіе величайшей важности. 1 декабря 1825 г. совершенно неожиданно скончался въ Таганрогѣ Императоръ Александръ I.

Отмѣчая въ своихъ *Мемуарахъ* это «потрясающее событіе» (le faudroyant évènement), Меттернихъ посвящаетъ памяти Императора Александра слѣдующую странную характеристику: «Къ сожалѣнію, Александръ I былъ дитя своего времени. Переходя отъ одного культа къ другому, отъ однихъ вѣрованій къ другимъ, онъ все переверочалъ и ничего не создалъ. Въ немъ все было поверхностно, въ глубь онъ не шель...» Австрійскій канцлеръ не особенно опечалился смертью Александра I, въ расчетѣ найти въ его предполагаемомъ преемникѣ, великомъ князѣ Константинѣ, надежнаго союзника, вполне раздѣляющаго его политическія убѣжденія. «Политическіе принципы великаго князя Константина самые правильные,—писалъ онъ австрійскому послу въ Константинополь.— Не соглашаясь часто съ романтическими и сантиментальными идеями своего августѣйшаго брата, онъ былъ, тѣмъ не менѣе, всегда твердою опорой его воли. Никто не умѣлъ такъ повиноваться, какъ великій князь, и заставлялъ повиноваться другихъ... Политика его будетъ самая миролюбивая. Онъ будетъ стремиться къ двумъ главнымъ цѣлямъ: къ поддержанію монархическаго принципа и къ улучшенію внутренняго состоянія имперіи. Я не ошибусь, если скажу, что теперь романъ конченъ и для Россіи начинается исторія. Я имѣю основанія думать, что Константинъ ни въ какомъ смыслѣ не станетъ интересоваться судьбами грековъ. Онъ всегда отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о націи, и съ отвращеніемъ, какъ о мятежныхъ подданныхъ. Онъ искренно предавъ Австріи и союзу съ нею, ненавидитъ англичанъ и презираетъ французовъ. Пруссія, по его мнѣнію, проникнута революціоннымъ духомъ...» За отказомъ отъ короны великаго князя Константина, на русскій престолъ вступилъ Императоръ Николай I, человѣкъ почти совершенно неизвѣстный Меттерниху и весьма заподозрѣнный имъ въ особенной симпатіи къ прусскому двору.

На первыхъ порахъ Императоръ Николай заявилъ себя горячимъ сторонникомъ консервативныхъ принциповъ Священнаго Союза и противникомъ всякихъ войнъ и завоевательныхъ стремленій, чѣмъ и заслужилъ отъ Мет-

терника чуть не восторженныя похвалы, но весьма не надолго. Императоръ Николай, дѣйствительно, былъ чуждъ всякой сентиментальности и фантазерства, не поддавливъ на какія-либо постороннія вліянія; въ политику онъ вносилъ гордое сознаніе своей автократіи и силы, презрительную враждебность къ туркамъ и высокое понятіе о призваніи Россіи на Востока. Прибытіе въ Петербургъ англійскаго посла герцога Веллингтона дало первое опредѣленное понятіе о новомъ направленіи, которое русскій царь намѣревался дать своей политикѣ. 4 апрѣля 1826 года по его, желанію, былъ, подписанъ «протоколъ», заключавшій въ себѣ программу умиротворенія Греціи съ оставленіемъ ея въ вассальной зависимости отъ султана. «Протоколъ этотъ, — писалъ Меттернихъ, — мертворожденное дитя. Это — документъ, неисполненный обманъ, не имѣющій никакого значенія». Австрійскій канцлеръ считалъ этотъ актъ сепаратнаго соглашенія между Россіей и Англійей «преступнымъ» посягательствомъ на Священный Союзъ и во всемъ винилъ Каннинга. Дипломатическое давленіе, оказанное на Турцію совмѣстно Россіей и Англійей, на основаніи протокола 4 апрѣля, не привело ни къ чему, благодаря отчасти противодѣйствію австрійскаго канцлера въ Константинополѣ. Тогда частное соглашеніе двухъ державъ, вслѣдствіе присоединенія къ нимъ Франціи, превратилось въ тройственный союзъ, ссрѣпленный договоромъ 6 іюля 1827 года. Результатомъ этого договора было энергическое посредничество, поддержанное союзнымъ флотомъ въ водахъ Архипелага. «Вооруженное посредничество», какъ это почти всегда бываетъ, закончилось никѣмъ неожиданнымъ наваринскимъ боемъ, безъ формальнаго объявленія войны Турціи. Въ Петербургѣ и Парижѣ уничтоженіе турецкихъ морскихъ силъ въ Наваринской бухтѣ называлось блестящимъ подвигомъ и славною побѣдой, въ Лондонѣ — «прискорбнымъ событіемъ», въ Вѣнѣ — «катастрофой» и «посягательствомъ». Въ сущности, Наваринъ былъ прелюдией рѣшительныхъ дѣйствій русскихъ войскъ на Дунаѣ и за Балканами и не лишеной романтическаго характера французской экспедиціи въ Морею.

Во все время смутъ, потрясавшихъ Оттоманскую имперію и причинившихъ такія замѣшательства въ европейской политикѣ, Меттернихъ одинъ оставался неизмѣнно вѣренъ своей системѣ неподвижности, консерватизма во всемъ и во что бы то ни стало. Россія желала войны не для того, чтобы сразу уничтожить турецкое владычество на Балканскомъ полуостровѣ, а чтобы подчинять Турцію своему вліянію, чтобы распоряжаться ею. Англія, съ Каннингомъ во главѣ, воображала, что ведетъ за собою Россію и можетъ сдержать ее по своему желанію, на самомъ же дѣлѣ сама шла туда, куда ее велъ русскій императоръ. Франція увлекалась эллинско-романтическими приключеніями, а ея государственные люди рассчитывали посредствомъ союза съ Россіей получить какое-нибудь серьезное вознагражденіе за совмѣстное участіе въ борьбѣ противъ турокъ. Одинъ австрійскій канцлеръ продолжалъ упорно отстаивать миръ и равновѣсіе силъ Европы. Въ 1825 году онъ успѣвалъ своими дипломатическими хитростями предотвращать кризисъ, или,

по меньшей мѣрѣ, оттягивать его взрывъ на неопредѣленное время въ надеждѣ все уладить, а причины кризиса уничтожить, такъ сказать, изморомъ. Со смерти Императора Александра Меттернихъ начинаетъ чувствовать, что главные его пружины дѣйствуютъ уже не такъ, какъ прежде; «великій союзъ», его надежнѣйшая опора, утрачиваетъ свою былую крѣпость, какъ-то странно расплзается. Канцлеръ напрягаетъ всѣ силы своего ума и изворотливости на то, чтобы поймать ускользящія изъ его рукъ и наскоро связывать обрывающіяся нити европейской политики. Но это ему плохо удается; дѣла приняли совершенно новый оборотъ, на политическую арену явились новые люди. Самые, повидимому, правильно построенные Меттернихомъ расчеты оказываются невѣрными, его «непогрѣшимыя» соображенія—ошибочными, что не мѣшаетъ, однако, австрійскому канцлеру оставаться при непоколебимомъ убѣжденіи, что онъ одинъ отстаиваетъ «дѣло права и здраваго смысла», что одинъ онъ идетъ въ политикѣ настоящимъ путемъ, — «знаетъ, чего хочетъ», тогда какъ, по его словамъ, «въ Петербургѣ хотятъ того, чего сдѣлать не могутъ; въ Лондонѣ—того, чего однимъ хотѣннѣмъ сдѣлать нельзя, и въ Парижѣ—совсѣмъ не знаютъ, чего хотятъ...» Въ дѣйствительности же одинъ Меттернихъ хотѣлъ невозможнаго, чего сдѣлать никто не можетъ, чего сдѣлать нельзя ни единичными силами, ни союзами, ни дипломатическими ухищреніями, никакою силой, наконецъ,— онъ хотѣлъ покоя и застоя, хотѣлъ остановить ростъ общества, развитіе идей и народнаго самосознанія. Воображая, что борется съ революціей, онъ хотѣлъ остановить эволюцію. По существу дѣла, Меттернихъ самъ не зналъ, чего хотѣлъ, ибо велъ борьбу противъ неизмѣннаго міроваго закона, и, въ концѣ-концовъ, оказался разбитымъ и побѣжденнымъ такою силой, противъ которой немогша дипломатія.

IV.

За періодъ времени съ 1815 по 1830 годъ европейскому обществу, въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось его политическимъ вождямъ, непрестанно грозили двѣ упорно надвигающіяся на него опасности: опасность войнъ, могущихъ поколебать равновѣсіе, созданное съ такимъ трудомъ на вѣнскомъ конгрессѣ, и опасность революцій, способныхъ нарушить внутренній порядокъ государствъ, ниспровергнуть социальное равновѣсіе, только что возстановленное послѣ страшныхъ потрясеній. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ Меттернихъ напрягалъ всѣ свои силы на то, чтобы предупредить ту и другую опасность, созывая конгрессы, устраивая союзы противъ народныхъ воленій, стараясь сдерживать Россію въ ея стремленіяхъ на защиту христіанъ въ Турціи. Австрійскій канцлеръ напрасно обольщалъ себя увѣренностью, будто ему удалось задушить «гидру» революціи своею политикой, одержавшей побѣду въ Карльсбадѣ, Лайбахѣ и Веронѣ и укрѣпившей за нимъ положеніе охранителя высшаго консерватизма и мира въ Европѣ. Вначалѣ, дѣйствительно, казалось, что онъ впол-

нѣ справился съ Германіей и Италіей. Но весьма скоро пришлось ему почувствовать, что все опять ускользаетъ изъ его рукъ. Онъ видѣлъ, какъ Англія съ Каннингомъ во главѣ отдаляется отъ кабинетовъ, держащихся абсолютизма, какъ Императоръ Николай уклоняется на путь совершенно независимой политики въ дѣлахъ Востока, какъ возрождается либерализмъ или революціонный духъ, пользуясь ослабленіемъ союзовъ и дипломатическою неурядицей. Въ особенности же подозрительно представлялась ему Франція, въ которой онъ замѣчалъ накопленіе самыхъ тревожныхъ признаковъ, способныхъ стать причиною новаго пожара въ Европѣ.

По отношенію къ Франціи Меттернихъ находился въ довольно странномъ положеніи. Любя вначалѣ реставрацію бурбонской монархіи за ея принципъ, за гарантіи, представляемыя ею общественному порядку въ Европѣ, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что такая монархія есть ничто иное, какъ порядокъ вещей, извращенный въ самой основѣ конституціонною идеей, а потому лишенный авторитета послѣдственныхъ традицій и не имѣющей силы наполеоновскаго правительства, поддающийся «глуному доктринерству» (*doctrinarisme naïf*) и власти общаго врага—либерализма. Изъ всѣхъ французскихъ министровъ австрійскій канцлеръ сочувствовалъ только Полиньяку и желалъ полнаго успѣха его политикѣ. «Г. де-Полиньякъ дѣйствуетъ смѣло,— писалъ онъ князю Эстергази, — и надо думать, что онъ побѣдитъ; но поручиться за это нигто не можетъ». Меттернихъ видѣлъ, что борьба между либерализмомъ и министерствомъ Полиньяка принимаетъ опасный характеръ; въ ея исходѣ онъ не былъ увѣренъ, но, все-таки, не терялъ надежды и, на всякій случай, спѣшилъ выдвинуть впередъ традиціи 1815 г. и скрѣпить на основахъ абсолютизма союзы съ Пруссіей и съ Россіей, отъ которой его временно отдалила восточная война 1828 года. Желаніемъ сближенія съ Россіей было вызвано свиданіе Меттерниха съ русскимъ вице-канцлеромъ Нессельроде въ Карльсбадѣ. Но въ то время, когда свиданіе это состоялось (27 іюля 1830 г.), въ Парижѣ произошелъ уже кризисъ, уничтожившій бурбонскую монархію.

Парижскія событія въ періодъ времени съ 27 іюля по 9 августа ничуть не походятъ на революціонныя вспышки, съ которыми такъ легко справились дипломаты въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Во Франціи совершилась настоящая революція, вызванная слишкомъ самопадѣнною попыткой правительства сдѣлать государственный переворотъ, поддержанная народнымъ возстаніемъ и быстро закончившаяся замѣною одной династіи другою. Какъ для Франціи, такъ и для Европы революція тридцатаго года имѣла очень важное значеніе: во-первыхъ, ею былъ ниспровергнутъ весь порядокъ, основывавшійся на монархическомъ легитимизмѣ; во-вторыхъ, уничтожены результаты иноземнаго вѣншательства, силою навязавшаго Франціи реставрацію Бурбоновъ; въ то же время, съ одной стороны, она являлась угрозою для всѣхъ правительствъ стараго режима, съ другой — примѣромъ для народовъ, въ которыхъ разжигала либеральныя стремленія. И на самомъ дѣлѣ, едва закончившисъ во Франціи, іюльская революція

машла себѣ отголоски во многихъ странахъ: въ Брюсселѣ, гдѣ бельгійцы отдѣлились отъ Нидерландовъ; въ Варшавѣ, гдѣ поляки подняли знамя возстанія противъ Россіи; по ту сторону Альпъ, въ герцогствахъ и въ папскихъ владѣніяхъ, даже въ самой Германіи, а именно во Франкфуртѣ и въ Дрезденѣ, гдѣ вспыхивали одно за другимъ инсurreкціонныя движенія народа.

Умудренный долголѣтнимъ опытомъ, искусный боецъ традиціонной политики, представитель прославленной системы, совѣтникъ и руководитель кабинетовъ, призванный больше, чѣмъ кто-либо другой, дать тонъ европейской дипломатіи, Меттернихъ, можно сказать, растерялся, очутившись лицомъ къ лицу съ стариннымъ врагомъ—съ французскою революціей. Себя онъ издавна считалъ ея предопредѣленнымъ противникомъ; ее онъ зналъ и съ нею боролся во дни своей молодости, въ эпоху самыхъ бурныхъ ея проявленій при республикѣ; съ нею же онъ бился въ періодъ ея величайшаго могущества и славы при Наполеонѣ и думалъ, что побѣдилъ ее. При реставраціи онъ опять ее видѣлъ, но уже истощенною, придавленною, едва живою, но, все-таки, живою. И вдругъ она теперь еще разъ встала передъ нимъ въ иной формѣ: въ лицѣ короля, избраннаго на баррикадахъ, и въ видѣ конституціонной монархіи, созданной народнымъ возстаніемъ. Подъ всеми этими превращеніями Меттернихъ видѣлъ все того же стараго врага, становившагося годъ отъ году все опаснѣе, и, тономъ Кассандры, который онъ любилъ иногда пускать въ ходъ, канцлеръ писалъ Нессельроде подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ іюльскихъ событій: «Въ душѣ я убѣжденъ, хотя и въ глубокой тайнѣ, что старая Европа переживаетъ начало своего конца. Рѣшившись погибнуть вмѣстѣ съ нею, я счужю исполнить свой долгъ. Съ другой стороны, еще не существуетъ начала новой Европы. Между концомъ и началомъ будетъ хаосъ». Эта «выходка гнѣвной Сивиллы»—*boutade sibylline*, какъ называетъ ее авторъ передаваемой нами книги, была обращена къ графу Нессельроде съ цѣлью припугнуть его, а съ нимъ русскаго императора и Европу. Самъ Меттернихъ не вѣрилъ тому, что говорилъ министру Императора Николаю; по крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобы, въ предупрежденіе «хаоса», канцлеръ предпринималъ что-либо для постепеннаго перехода отъ старыхъ порядковъ, обрекаемыхъ имъ гибели, къ новымъ, возникновенію которыхъ онъ предсказывалъ. Онъ прямо въ глаза говорилъ французскому посланнику, что въ Вѣнѣ смотрятъ съ ненавистью на происшедшее во Франціи, не вѣрятъ ни силѣ, ни прочности режима, созданнаго «іюльскою катастрофой». Въ то же время, австрійскій канцлеръ не допускалъ мысли о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла «несчастной» Франціи, предупреждая, впрочемъ, французское правительство, что при «малѣйшемъ покушеніи» съ его стороны оно натолкнется на всю Европу, твердо рѣшившуюся охранять трактаты и отражать силою всякія попытки революціонной пропаганды. Признавая іюльскую монархію, какъ совершившійся фактъ, за «наименьшее изъ золъ», которыми грозила анархія, вступая съ правительствомъ Людовика - Филиппа въ соглашенія, когда находилъ это

полезнымъ, Меттернихъ, съ высоты своей непогрѣшимости, въ теченіе восемнадцати лѣтъ не переставалъ пророчествовать, что конституціонная монархія должна роковымъ образомъ погибнуть такъ же точно, какъ она явилась на свѣтъ. Одного не провидѣлъ дипломатъ, всегда похвалявшійся своимъ всезнаніемъ, — не провидѣлъ онъ, что въ то самое время, когда снесена будетъ либеральная монархія во Франціи, тотъ же революціонный потокъ унесетъ и его самого съ его системой, разрушить все хитрое зданіе его политики и весь европейскій строй, привилегированнымъ стражемъ котораго онъ почиталъ себя.

Положеніе Австріи и ея канцлера было въ высшей степени затруднительно среди всеобщей тревоги, вызванной іюльскою революціей и ея послѣдствіями, — революціей въ Бельгій, польскимъ возстаніемъ, волненіями въ Италіи и въ Германіи, грозившими ежеминутно разразиться европейскою войной. Въ это время все пугало Меттерниха: онъ боялся всякой случайности, способной перепутать всѣ его расчеты, а всего больше боялся тѣхъ идей, представительницею которыхъ являлась Франція іюльскихъ дней, въ особенности же принципа невмѣшательства, провозглашеннаго ею нѣсколько наудачу въ защиту свободы народовъ и въ защиту себя самой отъ политиковъ абсолютизма. Затрудненія канцлера увеличивались еще тѣмъ, что вокругъ себя онъ видѣлъ только всеобщую разрозненность или нерѣшительность. Съ одной стороны, революція тридцатаго года сразу нашла себѣ поддержку, приобрѣла своего рода популярность въ Лондонѣ. Правительство Англіи, — во главѣ котораго стояли сначала тори, предводимые герцогомъ Веллингтономъ и лордомъ Абердиномъ, потомъ вскорѣ виги при министерствѣ лордовъ Грея и Пальмерстона, — не было, конечно, расположено дѣлать Франціи какія-либо поблажки и уступки въ трактатахъ 1815 года; но оно невольно подчинялось общественному мнѣнію и либеральному увлеченію. Надежною союзницею Англіи не могла быть, полезною же была, во всякомъ случаѣ, для только что зарождающагося правительства Франціи. Съ другой стороны, Меттернихъ далеко не такъ былъ увѣренъ въ Россіи и въ Пруссіи, какъ старался это выказать. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ іюльскихъ событій онъ успѣлъ составить съ Нессельроде нѣчто вродѣ предварительнаго меморандума, крайне неопредѣленнаго и не имѣющаго никакого существеннаго значенія; самъ канцлеръ называлъ этотъ документъ «le chiffon de Carlsbad» — карльсбадскимъ влочкикомъ бумаги. Вообще Меттернихъ сознавалъ свою изолированность и всячески старался маскировать это.

Какъ опытный дѣлецъ, австрійскій канцлеръ скоро понялъ, что ни французскій кабинетъ, ни король Людовикъ-Филиппъ не желаютъ войны и рѣшились сдѣлать все возможное для сохраненія мира. Меттернихъ тоже не хотѣлъ войны и, сообразно съ этимъ, искусно повелъ свою дипломатическую игру: то припугивалъ Францію, то спускалъ тонъ до дружескихъ предупрежденій объ опасности. Когда дѣла въ Италіи приняли тревожный оборотъ и австрійскія войска вступили въ легатства, то Франція протест-

стовада во имя своего принципа невмѣшательства. Канцлеръ заговорилъ рѣшительно и отвѣчалъ угрозами: «Если вступленіе австрійцевъ въ Италію можетъ повести къ войнѣ,—говорилъ онъ вызывающимъ тономъ,—то пусть будетъ война. Всякія случайности войны мы предпочитаемъ опасности погибнуть отъ бунтовщиковъ»,—но тотчасъ же переходилъ къ обычной дипломатической мягкости, въ особенности, когда во главѣ кабинета сталъ Казиміръ Перье, ярый противникъ революціи. Меттернихъ не замедлилъ оцѣнить такого человѣка и его политику, сталъ къ французскому правительству уже совсѣмъ въ добрыя отношенія, стараясь подзаоротъ его противъ «общаго врага» и затрогивая, при случаѣ, династическія чувства короля Людовика-Филиппа. Онъ повсюду указывалъ королю на бонапартизмъ, дѣйствующій заодно съ итальянскими революціонерами и пытающійся овладѣть бельгійскою короною посредствомъ кандидатуры герцога Лейхтенбергскаго. Меттернихъ ловко давалъ понять, что король «долженъ цѣнить его правильный образъ дѣйствій по отношенію къ Наполеону II, что если бы королю французовъ вздумалось «разыграть роль завоевателя или главы революціонной пропаганды», то у Австріи нашлось бы въ рукахъ средство защищаться. «Атакованные въ нашихъ послѣднихъ ретраншаментяхъ,—говорилъ канцлеръ,—мы не станемъ соблюдать ангельскую кротость и пустимъ въ дѣло всѣ наши батареи». А затѣмъ, когда угасалъ несчастный юноша, котораго онъ называлъ Наполеономъ II, т.-е. герцогъ Рейхштадтскій, канцлеръ написалъ своему посланнику въ Парижѣ слѣдующія странныя слова, сбывшіяся черезъ восемнадцать лѣтъ: «Прошу васъ обратить вниманіе короля Людовика-Филиппа на личность, *помучающую наследство* герцога Рейхштадтскаго (*qui succédera au duc de Reichstadt*). Молодой Людовикъ Бонапартъ замѣшанъ въ возни тайныхъ обществъ. Онъ не находится, подобно герцогу Рейхштадтскому, подъ охраною принциповъ императора (австрійскаго). Въ день смерти герцога онъ сочтетъ себя призваннымъ стать во главѣ Французской республики». Въ дѣлѣ кандидатуры на бельгійскій престолъ австрійскій канцлеръ совсѣмъ уже беззапѣтливо торговался съ орлеанскимъ правительствомъ Франціи: «Вы скажете Себастьяни,—писалъ онъ австрійскому посланнику Аппони во время выборовъ короля бельгійцевъ,—что если въ Парижѣ будутъ вести себя хорошо, то мы будемъ усердно дѣйствовать въ подрывъ шансовъ герцога Лейхтенбергскаго достигнуть трона въ Бельгіи» (*Мемуары*, т. V, стр. 131).

Давно уже задушевною мечтой австрійскаго канцлера было устроить тѣсный «союзъ трехъ дворовъ». Со времени июльскихъ событій мечта превратилась въ *idée fixe* и, наконецъ-таки, осуществилась, хотя и не вполне, въ 1833 г. Среди полного мира и даже политическаго затишья, Меттернихъ, въ большой тайнѣ, подготовилъ и устроилъ съѣздъ трехъ государей въ дрянномъ богемскомъ городишкѣ Мюнхенгрецѣ. Мы уже знаемъ этотъ излюбленный маневръ меттерниховской политики, оставленный имъ въ наследство своимъ преемникамъ, охотно практикуемый до нашихъ дней и состоящій въ устройствѣ «свиданій», непременно въ какомъ-нибудь за-

холустьѣ, для рѣшенія втихомолку дѣлъ первостепенной важности. На первый взглядъ свиданіе въ Мюнхенгрецѣ дало весьма некрупные результаты, и оцѣнить ихъ по достоинству представилась возможность лишь черезъ пятнадцать и двадцать лѣтъ. Вначалѣ все дѣло ограничилось заключеніемъ между Россіей, Австріей и Пруссіей своего рода трактата, коимъ, съ общаго согласія, французскому принципу невмѣшательства противопоставлялось право государей обращаться къ помощи сильнѣйшаго, въ случаѣ необходимости. Кромѣ того, три договорившіяся державы обязывались взаимно поддерживать другъ друга въ случаѣ нападенія на которую-либо изъ нихъ вслѣдствіе ея вмѣшательства, вызваннаго требованіемъ законнаго государя. О состоявшемся соглашеніи трехъ кабинетовъ рѣшено было нотоу поставить въ извѣстность французское правительство. Начатое въ Мюнхенгрецѣ было завершено черезъ два года новыиъ «свиданіемъ» въ Теплицѣ, гдѣ предварительное мюнхенгрецкое соглашеніе облечено въ форму договора, закрѣпившаго такъ называемый «Сѣверный союзъ», за вѣрность которому дорого пришлось заплатить Россіи. Меттернихъ едва ли могъ предвидѣть такія отдаленныя послѣдствія, получившіяся, во-первыхъ, совершенно случайно и, во-вторыхъ, лишь благодаря рыцарскому, а не дипломатическому взгляду Императора Николая на принятые на себя обязательства.

Хлопоты Меттерниха въ Мюнхенгрецѣ и въ Теплицѣ были, очевидно, направлены противъ Франціи; такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ его хвастливыхъ словъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ де-Брольи будетъ поставленъ этими актами въ неудобное положеніе и не найдетъ, какъ отвѣтить на сообщеніе трехъ кабинетовъ. Канцлеръ ошибся, и герцогъ де-Брольи отвѣтилъ, что считаетъ ноту союзниковъ совершенно ненужнымъ выраженіемъ враждебности, ничѣмъ неоправдываемой, такъ какъ явилась она въ то время, когда устранены были всѣ вопросы, могущіе подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Но, помимо желанія лишній разъ припугнуть Францію за ея упорную поддержку принципа невмѣшательства, Меттернихомъ руководили въ данномъ случаѣ, быть можетъ, и иные соображенія. Десять лѣтъ прошло со времени сѣздовъ государей въ Троппау и Лайбахѣ, гдѣ австрійскій канцлеръ игралъ первую роль. Устраивая съ такою настойчивостью новыя «свиданія», вождь европейскаго консерватизма льстилъ себя надеждой еще разъ показать себя вершителемъ судебъ міра, менторомъ покорныхъ его воле монарховъ, оракуломъ, вокругъ котораго тѣснятся дипломаты всѣхъ странъ, жадно внимая его прорицаніямъ. Самъ Императоръ Николай, прибывши въ Богемію, любезно говорилъ ему: «Являюсь стать подъ команду моего шефа и рассчитываю, что вы укажете мнѣ, если я сдѣлаю ошибку...» При случаѣ, царь прибавлялъ: «Берегите себя, вами замкнутъ нашъ сводъ!» («Conservez vous, vous êtes notre clef de voûte!»). Меттернихъ принималъ это за чистую монету, величался, по обыкновению, своимъ якобы ничуть не умалившимся значеніемъ.

Въ промежутокъ времени между Мюнхенгрецомъ и Теплицемъ скончался императоръ Францъ послѣ почти полувѣковаго царствованія, и на ав-

стрийскій престолъ вступилъ Фердинандъ, человекъ благонамѣренный, но узкій, ума весьма посредственнаго и совершенно неопытный. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ для него необходимъ такой руководитель, какъ Меттернихъ, и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, канцлеръ сознавалъ весь блескъ своего могущества въ качествѣ полновластнаго господина Австріи, властителя Германіи, укротителя Италіи, повсемѣстно подавляющаго революцію и искусно распоряжающагося дѣлами Европы.

Здѣсь уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о супругѣ князя Меттерниха, т. е. о его третьей супругѣ. Первая его жена, урожденная графиня Кауницъ, умерла въ Парижѣ въ 1825 г.; вторая, Антуанета фонъ Лейкамъ, пожалованная императоромъ титуломъ графини фонъ-Бейльштейнъ, скончалась черезъ два года послѣ брака. На склонѣ дней своихъ, 58 лѣтъ отроду (въ 1831 г.), Меттернихъ вступилъ въ третій бракъ съ графиней Меланіей Зичи-Феррари, особѣ выдающихся способностей, внесшей въ домъ канцлера блескъ молодости, остроумія, высшаго свѣтскаго образованія, гордое сознаніе своего выдающагося положенія и женскую страсть къ господству. Третья княгиня Меттернихъ оставила послѣ себя *Дневникъ*, въ которомъ, рядомъ съ множествомъ страницъ, не имѣющихъ никакого значенія, встрѣчаются очень любопытныя вещи. *Дневникъ* этотъ дополняетъ *Мемуары* самого канцлера, представляетъ собою какъ бы ихъ интимную часть. Княгиня Меттернихъ увѣряетъ, будто не имѣла вліянія на дѣла и никогда не вмѣшивалась въ политику. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что это не совсѣмъ такъ и ея *Дневникъ* свидѣтельствуетъ о томъ, какъ охотно она давала совѣты и указанія и не стѣснялась «высказывать истины». Въ политикѣ она была сторонницей стараго режима самой чистой пробы. Въ особенности же аристократически-недружелюбно относилась она къ июльской монархіи и къ Людовику-Филиппу, чѣмъ ставила иногда канцлера въ очень неловкое положеніе. Доказательствомъ служить нижеслѣдующее приключеніе: на одномъ балѣ только что прибывшій и очень любезно принятый княгиней французскій посланникъ, де-Сентъ-Олеръ, восхищался брилліантовою короной, украшавшею ея голову. «Корона какъ корона,—бойко отвѣтила г-жа Меттернихъ.—Если бы она не была моею собственною, я бы ее не стала носить,—она не краденная!» Намекъ весьма отзывался преднамѣренною дерзостью. Дѣло грозило принять очень непріятный оборотъ, и Меттерниху стоило немалого труда уладить скандалъ, раздутый въ Парижѣ легитимистскими газетами. Въ этомъ помогъ ему и самъ де-Сентъ-Олеръ, человекъ разумный и тактичный. Онъ отлично понималъ положеніе и, еще ранѣе странной выходки слишкомъ развязной супруги канцлера, писалъ въ Парижъ: «Я уже успѣлъ убѣдиться въ томъ, что здѣсь насъ терпѣть не могутъ... Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Но дворъ и министры, вообще, не поддаются личнымъ чувствамъ... Заботятся они только о своихъ интересахъ, любятъ миръ и спокойствіе и улагутся вмѣстѣ съ нами, если мы не будемъ имъ мѣшать спать».

И на самомъ дѣлѣ Меттернихъ могъ быть недругомъ только въ этомъ смыслѣ и неизмѣнно держался большой увѣренности по отношенію ко всему, что не грозило тишинѣ и спокойствію. Сохраняя подозрительное недо-вѣріе къ Франціи и ея министрамъ, онъ совершенно иначе смотрѣлъ на короля, отлично понималъ его идеи, поступки и тактику. «Въ ихъ ла-вочкѣ,—писалъ канцлеръ,—нѣтъ ни одного человѣка съ характеромъ, кро-мѣ самого короля». Съ первыхъ же годовъ,—можно сказать, пожалуй,—съ первыхъ же мѣсяцевъ австрійскій канцлеръ и король французовъ обо-одно поняли другъ друга, и въ высокой степени любопытно то обстоя-тельство, что между этими двумя личностями, стоявшими въ совершенно различныхъ положеніяхъ, образовалась своего рода интимность, постоянно возростающая, независимая отъ постороннихъ вліяній и какихъ-либо по-средничествъ. Ни въ чемъ явно не отступая отъ конституціонныхъ пра-вилъ и не умаляя формально конституціоннаго значенія своихъ министровъ, Людовикъ-Филиппъ отнюдь не желалъ поступаться своими личными мнѣ-ніями и своимъ вліяніемъ. Онъ велъ свою собственную политику, чего и не думалъ скрывать отъ нѣкоторыхъ представителей иностранныхъ дер-жавъ, отъ графа Аппони, отъ Поццо-ди-Борго и Вертера. Передъ ними король желалъ выставить себя своимъ собственнымъ министромъ иностран-ныхъ дѣлъ, не имѣющимъ ничего общаго съ оффиціальною политикою сво-его кабинета. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ посланниками онъ нерѣдко жа-ловался на затрудненія, которыя ему ставятъ его «почтовые перепряжки» (relais de poste), какъ онъ презрительно называлъ свои министерства. Ко-роль французовъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Меттернихомъ черезъ графа Аппони и черезъ него велъ съ канцлеромъ почти непрерывающіяся бесѣды, остававшіяся неизвѣстными даже министрамъ и посланнику Фран-ціи въ Вѣнѣ. Меттернихъ, съ своей стороны, былъ, конечно, очень до-воленъ этою интимною дипломатіей и ловко пользовался ею для того, что-бы приобрести расположеніе Людовика-Филиппа и преподавать ему совѣты высшей политики и свои противуреволюціонныя теоріи. Онъ зналъ сла-бость струны короля, искусно поощрялъ его склонность къ личному прав-ленію, поддерживалъ въ немъ нежеланіе подчиняться власти парламен-та и внушилъ даже мысль отмѣнить празднованіе годовщины революціи (27 іюля 1830 г.), оставивши празднество 7 іюля, день его вступленія на престолъ. Не было ни одного событія, ни одного вопроса, по которымъ тотчасъ же не произошло бы тайнаго обмѣна мыслей между Парижемъ и Вѣной. Согласіе было, повидимому, полное. И, тѣмъ не менѣе, каждый преслѣдовалъ свою личную цѣль, поддерживалъ дружескія сношенія съ заднею мыслію извлечь изъ нихъ свои выгоды, что и обнаружилось въ любопыт-ной и мало извѣстной исторіи сватовства принца Орлеанскаго за австрій-скую эрцгерцогиню.

Не безъ достаточныхъ основаній заигрывалъ Людовикъ-Филиппъ съ европейскими дворами и въ особенности съ австрійскимъ канцлеромъ. Онъ велъ свою игру въ качествѣ основателя династіи и рѣшился искать ей под-

держки въ бракѣ наслѣдника престола съ австрійскою принцессой. Для осуществленія этого проекта устроено было путешествіе по Европѣ двухъ принцевъ, герцога Орлеанскаго и герцога Немурскаго. Меттернихъ не былъ, разумѣется, такимъ новичкомъ, чтобы не понять, въ чемъ тутъ дѣло, но счелъ нужнымъ притвориться необыкновенно удивленнымъ и началъ толковать о томъ, что въ Парижѣ слишкомъ торопятся, что путешествіе принцевъ и въ особенности прїѣздъ ихъ въ Вѣну кажется ему преждевременнымъ. Онъ употреблялъ всѣ средства отклонить или, по меньшей мѣрѣ, отложить на долгій срокъ посѣщеніе французскими принцами столицы Австріи. Людовикъ-Филиппъ, его супруга королева Марія-Амалия и даже тогдашній первый министръ Тьеръ только и думали объ этомъ блестящемъ бракѣ и слышать не хотѣли ни о какихъ отсрочкахъ. Принцевъ приняли въ Вѣнѣ какъ нельзя болѣе любезно; была даже минута, когда бракъ герцога Орлеанскаго на эрцгерцогинѣ Терезіи могъ казаться дѣломъ близкимъ съ осуществленію; и, все-таки, изъ этого ничего не вышло. Тутъ характерно конфиденціальное разъясненіе истинныхъ причинъ отказа, данное канцлеромъ австрійскому посланнику въ Парижѣ: «Никто,—писалъ Меттернихъ,—не можетъ усомниться въ томъ, что Орлеанская фамилія принадлежитъ великому и славному дому; его унижилъ тронъ, созданный 7 августа. Герцогъ Шартскій былъ бы партіей болѣе желательной, но отнюдь нельзя сказать того же про наслѣдника короля *франгузовъ*...» *). «Мы остаемся неизмѣнно вѣрны религіи (принципамъ), въ которой мы родились; король *франгузовъ* отъ нея отступился»,—добавлялъ канцлеръ своимъ сентенціознымъ тономъ.

Отказъ Австріи произвелъ непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ; въ политическомъ отношеніи онъ не имѣлъ, однако же, никакого значенія. Сношенія между Тюльери и Вѣной оставались такими же, какими были до неудачнаго сватовства, и продолжались они до тѣхъ поръ, пока Франція сама не поставила себя въ очень неудобное положеніе своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Востока, принявши сторону египетскаго вице-короля Мегмета-Али, сынъ котораго, Ибрагимъ-паша, только что уничтожилъ турецкую армію. Людовикъ-Филиппъ и Тьеръ ошиблись въ расчетѣ, положившись, съ одной стороны, на несогласія между европейскими кабинетами, съ другой—на искусство и силу стараго арнаута, задумавшаго освободить Египетъ отъ турецкаго господства. 15 іюля 1840 г. Англія, Россія, Австрія и Пруссія, безъ участія Франціи, подписали въ Лондонѣ трактатъ, кото-

*) Глава Орлеанскаго дома носитъ титулъ герцога Орлеанскаго; старшій его сынъ имѣетъ титулъ герцога Шартскаго, такъ что если бы Людовикъ-Филиппъ не былъ королемъ, то сынъ его, претендентъ на руку австрійской принцессы, назывался бы не Орлеанскимъ герцогомъ, а Шартскимъ. Самъ же Людовикъ-Филиппъ, вступившій на престолъ не по праву наслѣдія, а по избранію народомъ, титуловался „королемъ французовъ“, а не королемъ Франціи, на что и напиралъ Меттернихъ въ своемъ письмѣ, какъ на признакъ униженія съ точки зрѣнія легитимистовъ, какъ на унижительный признакъ подчиненія конституціи—съ точки зрѣнія абсолютистовъ.

рыжь рѣшалась участь ея кліента Мегмета-Али. Франція очутилась опять изолированной, поставленной въ необходимость или присутствовать смиренно зрительницей при усмиреніи непокорнаго вассала Турціи, или взяться за оружіе на его защиту противъ европейской коалиціи. Людовикъ-Филиппъ, большой любитель интимныхъ бесѣдъ съ иностранными дипломатами, такъ объяснялъ графу Аппони постигшую его неудачу, поручая сообщить канцлеру содержаніе ихъ разговора: «Все дѣло испортила тутъ Россія. Императоръ Николай лично меня ненавидитъ. Онъ переварить не можетъ, что мое *революціонное* царствованіе продолжится болѣе десяти лѣтъ. Изыскивая средства, какъ бы уничтожить меня, онъ порѣшилъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ будетъ поссорить Францію съ Англіею. Вы всѣ были *запуганы* и вовлечены въ это дѣло Россіей; Англія вступила съ нею въ союзъ противъ меня изъ-за желанія перваго министра отомстить мнѣ, Пруссія и Австрія — изъ-за страха передъ Россіей». Въ этомъ была немалая доля правды. Австрійскій канцлеръ вступилъ въ союзъ безъ предвзятой враждебности къ Франціи, а лишь потому, что на этомъ настаивали Императоръ Николай и лордъ Пальмерстонъ. Меттернихъ предупреждалъ тюльерійскій кабинетъ объ опасности его симпатій къ Египту, когда другіе кабинеты поддерживаютъ Турцію, — убѣждалъ «оставаться въ согласіи» и «впятеромъ» уладить восточныя дѣла. Онъ уступилъ требованіямъ другихъ державъ только потому, что ихъ дѣйствія были согласны съ австрійскою политикою, находившею нужнымъ охранять цѣлость Турецкой имперіи отъ безпокойнаго честолюбія Мегмета-Али, въ своемъ родѣ тоже революціонера.

Лондонскій трактатъ произвелъ во Франціи потрясающее впечатлѣніе. Для Людовика-Филиппа оказались сразу потерянными всѣ плоды его десятилѣтнихъ усилій, его ловкихъ и нерѣдко очень тягостныхъ изворотовъ между требованіями общественнаго мнѣнія, давленіями извнѣ и своими личными затаенными стремленіями забрать какъ можно больше власти въ свои руки, въ обходъ принятыхъ на себя конституціонныхъ обязательствъ. Дипломатическое пораженіе вызвало сильнѣйшее раздраженіе во Франціи, подняло всѣ воинственныя и революціонныя страсти. Три мѣсяца прошли въ удручающей неизвѣстности между миромъ и войной, при громѣ англійскихъ пушекъ у береговъ Египта, при шумѣ французскихъ вооруженій на континентѣ Европы. Такой не совсѣмъ-то предвидѣнный Меттернихомъ результатъ лондонской конференціи не замедлилъ встревожить канцлера, и онъ спѣшно началъ сглаживать и улаживать все то, что возможно было уладить. Передъ Франціей онъ расточалъ увѣренія, перемѣшанныя съ беззастѣнчивою лестью въ томъ, что никто не хотѣлъ нанести ей оскорбленія уже потому, что «ни у кого не хватило бы на это смѣлости», что лондонскій актъ не заключаетъ въ себѣ ни вызова, ни угрозы, направленныхъ противъ правительства Франціи. Съ другой стороны, онъ усиленно хлопоталъ покончить дѣло съ Мегметомъ-Али и начиналъ уже бояться слишкомъ рѣзкаго и безпокойнаго права лорда Пальмерстона, который, по его

словамъ, «хотя и призналъ на этотъ разъ истинное право, несмотря на свою принадлежность къ партіи виговъ, но торжества этого права добивается на манеръ игрока, поставившаго себѣ задачей сорвать банкъ». Однимъ словомъ, австрійскій канцлеръ вернулся къ своей обычной роли успокоителя, къ своей всегдашней тактикѣ посредничествъ, стараясь, прежде всего, устранить поводы къ европейской войнѣ изъ-за «турецко-египетскаго конфликта».

Первымъ и самымъ надежнымъ помощникомъ Меттерниха былъ въ этомъ случаѣ самъ король Людовикъ-Филиппъ, который трусилъ еще больше, чѣмъ канцлеръ. Такое заключеніе могли, по крайней мѣрѣ, вывести иностранные послы изъ его безконечныхъ разговоровъ съ ними «по душѣ». Эти странныя откровенности короля, быть можетъ, перетолкованныя и извращенныя, дали княгинѣ Меттернихъ поводъ написать въ своемъ дневникѣ нижеслѣдующее: «Изъ одного разговора короля съ Антони явствуетъ, что происходящія во Франціи вооруженія вызваны исключительно личными соображеніями, желаніемъ быть наготовѣ защищаться отъ внутреннихъ враговъ. Тьеръ воспользовался всѣми этими тревогами и распорядился укрѣпить Парижъ, а для того, чтобы имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе, онъ увѣрилъ французовъ, будто хочетъ вести внѣшнюю войну, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, укрѣпляетъ Парижъ въ виду внутреннихъ революцій». Весьма возможно, что это не болѣе, какъ дипломатическая сплетня, охотно подхваченная высокопоставленною дамою, извѣстною своимъ нерасположеніемъ къ правительству іюльской монархіи; но, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію не подлежитъ полнѣйшее нежеланіе короля доводить дѣло до войны, какъ ни тяжело ему было перенести нанесенное ему оскорбленіе, всю силу котораго онъ хорошо сознавалъ. Австрійскому канцлеру тоже совсѣмъ не желательно было идти на буксиръ у Императора Николая и лорда Пальмерстона. Меттернихъ слишкомъ привыкъ къ дипломатическому господству и войны тоже не желалъ. Вслѣдствіе этого, доброе согласіе между канцлеромъ и королемъ французовъ возобновилось очень скоро; для Франціи же все дѣло окончилось перемиріемъ министерства, во главѣ котораго мѣсто Тьера занялъ Гизо.

V.

Изъ всѣхъ министровъ іюльской монархіи и даже реставраціи Гизо пришелся наиболѣе по душѣ австрійскому канцлеру, очень скоро убѣдившемуся въ полномъ консерватизмѣ тюльерійскаго кабинета. «Французское правительство консервативно, — писалъ Меттернихъ, — и побуждать его въ этомъ направленіи не представляется надобности». Канцлера беспокоило лишь то, что король и его министръ держались «консерватизма» людей «золотой середины», связанныхъ обстоятельствами, вынужденныхъ постоянно выкарабкиваться изъ фальшиваго положенія. «Я имѣю основанія думать, что знаю, чего хочетъ г. Гизо, — говорилъ Меттернихъ, — но не знаю, что онъ

въ силахъ сдѣлать». На политикѣ это отражалось большою неопредѣленностью, непрерывными колебаніями и переходами отъ дружбы къ недоувѣрчивости, къ сдержанности и къ мнительной осторожности. Канцлеръ не желалъ создавать затрудненій французскому правительству, — напротивъ, онъ упрекалъ его въ томъ, что оно само создаетъ себѣ затрудненія тѣмъ, что онъ называлъ «погоней за кусками» — *garrillage dans toutes les digestions*, — и большою податливостью на честолюбивыя вліянія, увлекавшія его «въ двадцать разныхъ мѣстъ, — то въ Америку, то въ южныя моря». Онъ ставилъ еще въ вину французскому правительству и то, что оно «тѣшится иллюзіями и словами» въ своихъ отношеніяхъ къ Англіи, занимается политикой тщеславія и показныхъ штукъ, устраивая визиты королевы Викторіи въ Ё (Eu) и Людовика-Филиппа въ Виндзоръ, воображая, будто возстановитъ прежній либеральный союзъ, придумавши новый терминъ — *entente cordiale*. Меттернихъ, большой формалистъ въ дѣлѣ составленія дипломатическихъ соглашеній и неизмѣнный консерваторъ даже въ дипломатической номенклатурѣ, говоритъ объ *entente cordiale* не иначе, какъ тономъ насмѣшки. И на самомъ дѣлѣ, послѣ событій 1840 года англо-французская дружба была просто «фантасмагоріей», фикціей, неспособной устоять передъ ничтожнымъ споромъ миссіонеровъ въ Тихомъ океанѣ. Этой *entente cordiale* пришлось подвергнуться очень серьезному испытанію въ дѣлѣ, извѣстномъ въ исторіи подъ названіемъ «дѣла объ испанскихъ бракахъ», въ которомъ Меттернихъ оказалъ весьма существенную помощь Людовику-Филиппу и Гизо. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что сношенія австрійскаго канцлера съ французскимъ первымъ министромъ приняли одно время самый интимный характеръ; между Меттернихомъ и Гизо завязалась секретная переписка, а въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывалось почему-нибудь неудобнымъ вести слишкомъ откровенные переговоры на письмѣ, таковыя поручались довѣреннымъ лицамъ, тайнымъ агентамъ канцлера и французскаго министра. Такимъ образомъ, Меттернихъ въ тайнѣ сносился съ королемъ французовъ и съ главою французскаго министерства и, что всего любопытнѣе, король не зналъ, о чемъ переписывается его министръ, министръ не зналъ содержанія переписки своего короля, и въ секретныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ канцлеромъ иногда король и министръ говорили совершенно разное.

«Дѣло объ испанскихъ бракахъ» возникло со времени вступленія на испанскій престолъ Изабеллы II *) и начала первой карлистской междоусобной войны. Изабеллѣ не было еще четырехъ лѣтъ, когда между коро-

*) Дочь короля Фердинанда VII и его четвертой супруги Маріи-Христины, Изабелла II вступила на престолъ трехъ лѣтъ подъ опекою и регентствомъ королевы-матери. Вслѣдствіе возстанія въ октябрѣ 1840 г., Марія-Христина вынуждена была отказаться отъ регентства и уѣхать изъ Испаніи. Регентомъ объявленъ былъ Эспартеро, свергнутый военнымъ прононціаментомъ, произведеннымъ Нарваецомъ 19 октября 1844 г. Четырнадцатилѣтняя королева объявлена совершеннолѣтнею. Ея романтическое царствованіе кончилось тоже изгнаніемъ изъ Испаніи въ 1868 г.

лемъ французовъ и австрійскимъ канцлеромъ въ тайнѣ обсуждался вопросъ о ея замужствѣ. Отецъ Изабеллы, Фердинандъ VII, незадолго до ея рожденія отменилъ салическій законъ лишившій женщину права на испанскую корону, и тѣмъ устранилъ отъ престолонаслѣдія дона Карлоса. Людовикъ-Филиппъ и тогдашній его первый министръ герцогъ де-Броули были склонны поддерживать въ Испаніи салическій законъ по династическимъ соображеніямъ, о чемъ прямо заявили канцлеру черезъ посланника князя Эстергази. Они опасались, что «царствование женщины можетъ дать имъ въ сосѣди Богъ знаетъ кого». Людовикъ-Филиппъ согласился, однако же, признать королевою Изабеллу потому, главнымъ образомъ, что не могъ поступить иначе, не разрывая добрыхъ отношеній съ Англіей. Вся его политика клонилась къ тому, чтобы избѣжать какихъ-либо прямыхъ обязательствъ, въ особенности необходимости вмѣшательства во внутренніе дѣла Испаніи. Меттернихъ же, принявшій сторону дона Карлоса, какъ законнаго наслѣдника, и знавшій желанія короля, тщательно избѣгалъ всего того, что могло бы вынудить Францію принять болѣе активное участіе въ дѣлахъ Пиренейскаго полуострова. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ было предоставлено оружію, и семилѣтняя война между дономъ Карлосомъ и правительствомъ королевы рѣшила дѣло въ пользу Изабеллы II противъ претендента. Тогда-то и выдвинулся вопросъ о томъ, кого дать въ мужья юной королевы. Меттернихъ хотѣлъ было сразу покончить всю эту исторію смѣлымъ компромиссомъ—бракомъ Изабеллы съ сыномъ дона Карлоса. Проектъ этотъ не осуществился, отчасти, быть можетъ, по милости неловкости самихъ претендентовъ, покровительствуемыхъ австрійскимъ канцлеромъ, отчасти по милости крайней непопулярности карлистскаго дѣла въ Испаніи. Какъ бы то ни было, вопросъ оставался открытымъ, и рѣшеніе его зависѣло не столько отъ четырнадцатилѣтней королевы и окружавшихъ ее лицъ, сколько отъ исхода дипломатической борьбы, происходившей по этому поводу между тюльерійскимъ и сентъ-джемскимъ кабинетами.

Стараясь избѣжать серьезныхъ осложненій, способныхъ угрожать миру, Людовикъ-Филиппъ отказался отъ проекта брака Изабеллы съ однимъ изъ своихъ сыновей; но за то онъ твердо стоялъ на полномъ исключеніи изъ числа претендентовъ всѣхъ иноземныхъ принцевъ, на ограниченіи выбора жениха изъ потомковъ Филиппа V, изъ принцевъ Бурбонскаго дома, въ которыхъ не было недостатка въ Неаполѣ, въ Луккѣ, въ самомъ Мадридѣ и въ другихъ мѣстахъ. Отклоняя всѣ дѣлаемые ему изъ Мадрида предложенія отдать руку королевы одному изъ французскихъ принцевъ, онъ въ тайнѣ души своей ждалъ во что бы не стало женить своего сына, герцога Монпансье, на инфантѣ Луизѣ-Фернандѣ, сестрѣ королевы Изабеллы. Англія упорно возставала противъ присвоенія себѣ иностраннымъ правительствомъ права ограничивать выборъ королевы и дѣлала это, главнымъ образомъ, потому, что имѣла наготовѣ своего жениха—принца Леопольда Кобургскаго. Одно время,—а именно, когда Людовикъ-Филиппъ и королева

Викторія обмѣнивались визитами,—казалось, что несогласія могутъ уладиться, благодаря откровеннымъ объясненіямъ и обоюднымъ уступкамъ, съ одной стороны, короля французовъ, съ другой—министра Роберта Пила и лорда Абердина. Но неожиданный парламентскій кризисъ 1846 г. поставилъ опять лорда Пальмерстона во главѣ иностранной политики Англіи, и кандидатура принца Кобургскаго была заявлена съ усиленною настоятельностью. При первыхъ признакахъ безпокойной дѣятельности Пальмерстона, французское правительство сочло себя обманутымъ и, опасаясь какого-нибудь сюрприза, вродѣ преподнесеннаго въ 40-мъ году по египетскому вопросу, поторопилось развязкою. При посредствѣ ловкаго и смѣлаго посланника, Брессона, дѣло было въ нѣсколько дней улажено и покончено двойнымъ бракомъ—королевы Изабеллы съ бурбонскимъ принцемъ, ея кузеномъ, сыномъ инфанта Франца де-Паула, герцогомъ Кадикскимъ, и инфанты Луизы-Фернанды съ сыномъ Людовика-Филиппа, герцогомъ Монпансье. Англійскій посланникъ, сэръ Генри Бульверъ, ничего не видалъ. Все было устроено такъ быстро, ловко и секретно, что лорду Пальмерстону, въ виду совершившихся фактовъ, ничего не оставалось больше дѣлать, какъ поднять шумъ на всю Европу жалобами на двуличность короля и на честолюбивыя интриги французскаго кабинета.

Попытки Пальмерстона растревожить австрійскаго канцлера и вовлечь его въ свои интересы не привели ни къ чему. Вѣрный своему догмату ненарушимости легитимизма, Меттернихъ видѣлъ въ испанскихъ бракахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они состоялись, не вопросъ о принципѣ, а простое соперничество честолюбій, столкновение между двумя революціонными державами, тягущимися между собою изъ-за вліянія въ Мадридѣ. Ему дѣла не было до жалобъ и протестовъ лорда Пальмерстона, вопіявшаго нѣсколько поздно о нарушеніи утрехтскаго трактата. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ избѣгалъ всего, что могло подать поводъ къ предположенію, будто онъ держитъ сторону Франціи. Напротивъ, онъ отнюдь не желалъ успокоивать Людовика-Филиппа и давалъ чувствовать Гизо, что «цельзя безнаказанно устраивать маленькія каверзы великой державѣ», что онъ пустилъ въ игру слишкомъ крупную ставку. «Я думаю,—писалъ онъ къ графу Аппони,—что въ Парижѣ заблуждаются относительно истиннаго положенія дѣла въ Англіи. Правда, безъ всякихъ увертокъ, заключается вотъ въ чемъ. Лордъ Пальмерстонъ—пребезпокойный человекъ (*est très mauvais coucheur*). Онъ норовитъ отомстить за все то, что идетъ *не въ томъ направленіи, въ какомъ ему желательно*, не разбирая, правильно это направленіе или ложно. Онъ поссорился съ Гизо и теперь ни за что не успокоится. Другіе министры обращаютъ мало вниманія на это дѣло, ибо не вѣрятъ, чтобы оно могло выдти изъ предѣловъ простаго спора... Лордъ Пальмерстонъ остался бы безъ серьезной поддержки, если бы *королева* не была глубоко возмущена тѣмъ, что она называетъ оскорбленіемъ (*indélicatesse*) со стороны короля Людовика-Филиппа... И тутъ - то сходятся два непріязненныхъ чувства: королевы къ Людовику-Филиппу и Пальмерстона къ Гизо. Королева

не может забыть своей поездки въ Ё и простить не может тѣхъ любезностей, которыя ей тамъ расточали. Съ нею мудро будетъ сладить. Лордъ Пальмерстонъ ни передъ тѣмъ не остановится, а онъ человѣкъ ловкій и смѣлый...» Меттернихъ писалъ это съ тѣмъ, чтобы его слова были переданы Людовику-Филиппу.

Канцлеръ не думалъ, чтобы испанскій инцидентъ способенъ былъ повести въ близкомъ будущемъ къ войнѣ между двумя великими державами; онъ показалъ только, что совершенно измѣнилась группировка державъ въ союзы, что Франція попала въ крайне неудобное положеніе и что Англія будетъ пользоваться всякимъ случаемъ нагадить сосѣдѣ. Самъ же онъ рѣшилъ «стать къ сторонѣ» (*mettre en rappe*) по отношенію ко всему, касающемуся испанскихъ дѣлъ. Въ дѣйствительности,—хотя и не сознаваясь въ томъ открыто,—Меттернихъ оказалъ Франціи существенную услугу уже тѣмъ, что отказался присоединиться къ затѣянной Пальмерстономъ кампаніи протестовъ, клонившейся къ созданію новой коалиціи противъ Франціи. Весьма возможно, что канцлеръ допускалъ поблажки династическимъ стремленіямъ Людовика-Филиппа въ Мадридѣ, рассчитывая заручиться полезнымъ союзникомъ въ Парижѣ, въ виду опасныхъ осложненій и возникновенія самыхъ тревожныхъ вопросовъ въ періодъ 1846—1847 гт.

Въ Краковѣ вспыхнуло возстаніе. Оно было подавлено самымъ беспощаднымъ, кровавымъ способомъ и повело къ уничтоженію маленькой Краковской республики, созданной вѣнскимъ трактатомъ и присоединенной къ австрійскимъ владѣніямъ по соглашенію трехъ державъ, составлявшихъ «Сѣверный союзъ». Съ другой стороны, еще большія тревоги возбуждала борьба между кантонами Швейцаріи, начавшаяся издавна, особенно обострившаяся съ 1844 г., приведшая къ междуусобной войнѣ *Зондербунда* и закончившаяся подчиненіемъ мелкихъ католическихъ кантоновъ союзному правительству. Въ Италіи, наконецъ, поднималось и росло волненіе, вызванное избраніемъ на папскій престолъ Пія IX. «Папа,—писалъ Меттернихъ,—съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ все большее и большее отсутствіе практическаго смысла. Рожденный и воспитанный въ либеральной семьѣ, онъ подготовленъ въ дурной школѣ... Съ самаго вступленія своего на папскій престолъ онъ далъ изловить себя и запутать въ такія сѣти, изъ которыхъ не знаетъ, какъ вырваться. Если дѣла пойдутъ своимъ естественнымъ ходомъ, то его прогонятъ изъ Рима. Что тогда произойдетъ, этого никто предвидѣть не можетъ». Движеніе, начавшееся въ Римѣ, охватило Флоренцію, потомъ Туринъ и Неаполь, Миланъ и Венецію. Либеральное вначалѣ, оно очень скоро превратилось въ національное, т. е. въ угрожающее уже не внутреннимъ порядкамъ, но всему политическому строю, созданному трактатами 1815 года, и въ особенности австрійскому господству въ Ломбардо-Венеціанской области. Австрія рѣшилась защищаться, отстаивать свою власть; она была увѣрена въ поддержкѣ со стороны другихъ державъ,—по меньшей мѣрѣ, со стороны Россіи. Все при-

ни мало революціонный и воинственный оборотъ эпохи 1831 года, при условіяхъ неизмѣримо болѣе опасныхъ.

Между Австріей и Франціей, Меттернихомъ и Гизо согласіе было, по-видимому, полное и по всѣмъ пунктамъ; ихъ секретныя сношенія были непрерывнымъ рядомъ дружескихъ увѣреній, приправленныхъ льстивыми восхваленіями другъ друга. На самомъ же дѣлѣ канцлеръ и французскій министръ были согласны только въ одномъ, а именно въ томъ, что оба они—«великіе умы», коимъ предстоитъ обсудить и рѣшить судьбы міра. Правда, ихъ взгляды были сходны, если не тождественны, на революціонныя волненія въ Швейцаріи, на войну *Зондербунда*, на опасность радикализма для Франціи, для Австріи и для всей Европы. Но какъ только представлялась необходимость перейти отъ дружественнаго общія мыслей къ дѣлу, отъ «философіи политики» къ дѣйствіямъ, такъ сейчасъ начинались колебанія, каждый медлилъ, недовѣрчиво выжидалъ, что сдѣлаетъ «добрый другъ». Гизо, или, вѣрнѣе, Людовигъ-Филиппъ, не чуждъ былъ подозрѣнія, что Меттернихъ хочетъ втянуть Францію въ швейцарскія дѣла, компрометировать ее защитою трактатовъ 1815 г., чтобы обезпечить себѣ свободу дѣйствій въ Италіи. Съ другой стороны, когда французскій кабинетъ настоятельно убѣждалъ канцлера принять на себя инициативу дѣйствія, обѣщаясь слѣдовать за нимъ, Меттернихъ заподозрѣвалъ искренность такого совѣта, усматривалъ въ немъ ловушку. Либеральная іюльская монархія и ультра-консервативная Австрія сходились во взглядахъ на необходимость поддерживать миръ, основанный на трактатахъ, какъ за Альпами, такъ и повсюду. А затѣмъ ни положенія ихъ, ни политика не были и не могли быть одинаковыми. Гизо воображалъ, что волненія Италіи могутъ привести, отчасти подъ французскимъ вліяніемъ, къ политикѣ либеральнаго прогресса и излюбленной имъ «золотой середины», совмѣстимой съ независимостью государей и съ миромъ. Меттернихъ въ этомъ отношеніи вѣрилъ искренности и добрымъ намѣреніямъ французскаго министра; онъ сомнѣвался только въ возможности для Гизо достигнуть этого и совсѣмъ не вѣрилъ въ его «золотую середину»—въ Италію. Въ Римѣ и во Флоренціи, въ Туринѣ и въ Неаполѣ, подъ стремленіями къ внутреннимъ рефермамъ, австрійскій канцлеръ видѣлъ революціонное и національное движеніе, направленное къ ниспроверженію троновъ и долженствующее роковымъ образомъ привести къ войнѣ противъ Австріи. Какъ человекъ практическій, Меттернихъ видѣлъ, что ему грозитъ; Гизо видѣлъ лишь то, что ему было желательно. А тѣмъ временемъ лордъ Пальмерстонъ, изъ ненависти къ Франціи и въ отместку за испанскіе браки, повсюду раздувалъ огонь и тѣмъ ускорялъ ходъ событій въ Швейцаріи и въ Италіи. Въ интимномъ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ, Флао (de Flahault), обсуждая наступающую необходимость для обоихъ государствъ поддержать паузу, австрійскій канцлеръ сказалъ довольно меланхолическимъ тономъ: «Австрія не можетъ одна взяться за это, такъ какъ вы вторично устроите намъ

Анкону» *). Если Франція одна пустится въ это дѣло, она будетъ парализована Англіей. Если же обѣ державы станутъ дѣйствовать вмѣстѣ и заодно, тогда либеральная партія соединится съ радикалами и они прогонятъ Гизо, обвинивши его въ желаніи возстановить съ Меттернихомъ «Священный союзъ». Въ такомъ положеніи находились дѣла къ концу 1847 года.

Совершенно иначе, но отнюдь не благоприятнѣе для Австріи, складывалась политическая жизнь Германіи. Съ 1815 года, съ тѣхъ поръ, какъ Германскій союзъ замѣнилъ собою Рейнскую конфедерацию, созданную Наполеономъ, всѣ дипломатическія усилія австрійскаго канцлера были направлены къ обезпеченію за собою пособничества Пруссіи, дабы имѣть возможность самовластно распоряжаться сеймомъ, засѣдающимъ во Франкфуртѣ, и пользоваться сеймомъ для того, чтобы подчинить всю Германію однообразному режиму просвѣщеннаго деспотизма. Настойчиво-терпѣливый и изворотливый, смѣлый тамъ, гдѣ зналъ, что не предстоитъ никакой опасности, умѣющий искусно пользоваться чужими слабостями, ловко затрогивать чужіе интересы и изъ всего извлекать свои выгоды, Меттернихъ въ теченіе многихъ лѣтъ неуклонно шелъ къ своей цѣли. По словамъ Бисмарка, онъ умѣлъ пользоваться всѣмъ, то дѣйствуя властно, по феодальному праву его собственнаго изобрѣтенія, навязанному имъ сейму, то пуская въ ходъ личное вліяніе посредствомъ запугиванія или лести, посредствомъ привлеченія на австрійскую службу сыновей вліятельныхъ лицъ и министровъ мелкихъ государствъ и посредствомъ интимныхъ связей съ высокопоставленными лицами при чужеземныхъ дворахъ, даже при берлинскомъ **). Таковыми средствами австрійскій канцлеръ успѣлъ нейтрализовать старинный антагонизмъ Пруссіи, парализовать либеральныя и конституціонныя стремленія въ государствахъ южной Германіи и опутать всю Германію сѣтями своего господства. Даже послѣ 1830 года онъ сумѣлъ заставить франкфуртскій сеймъ принять (въ 1832 г.) цѣлый рядъ постановленій, ограничивающихъ конституціонныя вольности тамъ, гдѣ существовали представительныя собранія, и затягивающихъ путы угнетенія во имя «внутренней и внѣшней безопасности» Германіи. Меттерниху удалось, насколько это возможно было, остаться душою и вождемъ нѣмецкой политики и создать своего рода единство Германіи подъ главенствомъ Австріи. Но единство это было лишь кажущимся и искусственнымъ. Этого только и хотѣлъ австрійскій канцлеръ, и дальше этого онъ не шелъ. Онъ не ви-

*) Анкона—городъ, принадлежавшій къ Папскимъ владѣніямъ, былъ взятъ французскими войсками 28 февраля 1832 года, въ то время, когда австрійская армія вступила въ Марки для усмиренія революціи въ 1831 г. Событіе это едва не послужило поводомъ къ очень серьезному столкновенію между Австріей и Франціей, и Меттернихъ никогда не могъ простить французамъ анконской исторіи—Анконы.

**) Большой интересъ представляетъ знаменитая *Записка (Mémoire)* 1859 г. въ *Correspondance diplomatique de M. de Bismarck*. Это настоящій обвинительный актъ противъ Австріи; въ ней уже намѣчается политика будущаго берлинскаго канцлера.

далъ, что, давая либеральныя и національныя стремленія, которыя называлъ революціонными, онъ ихъ не уничтожалъ и никогда не уничтожить; не видалъ онъ того, что, связывая Пруссію солидарностью абсолютизма, онъ ее не обезоруживаетъ; онъ не замѣчалъ, какъ, въ отвѣтъ на его молчаливую и упорную работу на пользу деспотизма, тотчасъ же начинается другая, столько же молчаливая и настойчивая работа соединившихся противъ него мысли, чувства и интересовъ. Въ то время, какъ онъ развивалъ свою политику конгрессами, конференціями и комиссіями федеральной полиціи, общественная мысль открывала себѣ иные выходы, а общественные интересы пролагали себѣ новые пути.

Еще со времени карльсбадскихъ конференцій, или около того времени, тихо и незамѣтно возникло таможенное соглашеніе, вызванное интересами внутренней торговли и ограничивавшееся вначалѣ договоромъ Пруссіи съ мелкими герцогствами, охваченными ея территоріей. Соглашеніе это, разрастаясь мало-по-малу, привлекло къ себѣ большинство государствъ сѣвера и даже юга Германіи и превратилось въ *Цольферейнъ* — въ Таможенный союзъ. Основанный съ чисто-коммерческими цѣлями, Таможенный союзъ, по самой силѣ вещей, не могъ долго оставаться внѣ вліянія политическихъ идей и естественно поддался теченію, стремившемуся создать рядомъ съ искусственнымъ единствомъ, скрѣпленнымъ австрійскимъ абсолютизмомъ, иное—жизненное и болѣе прочное единство подъ предводительствомъ Пруссіи. Австрія властвовала своею дипломатіей при посредствѣ сейма; Пруссія шагъ за шагомъ становилась охранительницей интересовъ, руководительницей матеріальнаго движенія Германіи, независимаго отъ сейма. Вначалѣ Меттернихъ отнесся къ этому зарождающемуся союзу съ своимъ обычнымъ высокомернымъ презрѣніемъ; но прошло немного времени, и онъ понялъ всю опасность такого «единенія матеріальныхъ интересовъ», которымъ едва прикрыта политическая агитація, составляющая внутри великой конфедераціи, поработанной волѣ канцлера, новую конфедерацію, свободную и разрастающуюся подъ патронатомъ Пруссіи. Этой подозрительной лигѣ, грозившей мало-по-малу отгѣснить Австрію на положеніе «чужеземной» для Германіи державы, Меттернихъ въ состояніи былъ противопоставить только дипломатическія каверзы, не имѣвшія никакого серьезнаго значенія. Канцлеръ чувствовалъ, что передъ нимъ поднимается новая, неподдающаяся ему сила, разрушающая всѣ его комбинаціи. Но самымъ важнымъ для него событіемъ, способнымъ спутать всю его политику, была смерть прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III въ іюнѣ 1840 года.

Пока былъ живъ Фридрихъ-Вильгельмъ III,—онъ царствовалъ сорокъ три года,—Меттернихъ не сомнѣвался въ неизмѣнной поддержкѣ скромнаго короля, создавшаго себѣ изъ союза съ Австріей нѣчто вродѣ догмата и смотрѣвшаго на самого канцлера, какъ на непогрѣшимаго совѣтника и оракула. Между королемъ и канцлеромъ существовали старинныя связи, скрѣпленныя воспоминаніями общей борьбы 1813 г. и общою обоимъ ненавистью ко всему революціонному. Пруссійскій король не забылъ своихъ ли-

беральныхъ обѣщаній, данныхъ народу въ эпоху войны за независимость; онъ только откладывалъ исполненіе обѣщаннаго на неопредѣленное время подъ вліяніемъ вѣнскаго кабинета. Фридрихъ - Вильгельмъ III ни энергичнымъ, ни воинственнымъ никогда не былъ, а теперь только о томъ и мечталъ, только о томъ и хлопоталъ, чтобы дожить остатокъ дней своихъ покойно, въ благоговѣйномъ умиленіи передъ «Священнымъ союзомъ» и законностью абсолютизма. При немъ Меттернихъ могъ тоже быть покоепъ. Наслѣдовавшій отцу Фридрихъ - Вильгельмъ IV, старшій братъ будущаго императора германскаго Вильгельма, былъ настоящею загадкой. За абсолютизмъ онъ держался ничуть не менѣе, чѣмъ его отецъ, и съ такимъ же почтеніемъ, какъ отецъ, относился къ Австріи и къ Меттерниху; но на отца онъ совсѣмъ не походилъ. Человѣкъ очень оригинальнаго характера, непостоянный и подвижный, пылкій и нерѣшительный, краснорѣчивый и увлекательный, самъ вѣчно увлекающійся проектами и самыми невѣроятными фантазіями, — онъ умудрился соединить любовь къ новшествамъ съ мистицизмомъ и съ суевѣрнымъ отношеніемъ къ историческому феодализму. Онъ рѣшилъ непремѣнно выполнить либеральныя обѣщанія, данныя, но не исполненныя его отцомъ; но выполнялъ онъ ихъ своимъ, особеннымъ способомъ, самъ хлопоча и волнуясь, — такъ сказать, въ нустомъ пространствѣ, — и волнуя умы, возбуждая преувеличенныя надежды. «Король родился экспериментаторомъ», — говорилъ про него Меттернихъ. И эксперименты свои Фридрихъ - Вильгельмъ IV началъ рескриптами, устанавливавшими провинціальныя собранія и обѣщавшими еще больше того, что они давали, и воодушевленными рѣчами, въ которыхъ прусскіе либералы радостно усматривали залогъ будущихъ конституціонныхъ реформъ.

Меттернихъ смотрѣлъ на затѣи новаго прусскаго короля съ опасливымъ недовѣріемъ и хотя давалъ совѣты, за которыми къ нему обращался Фридрихъ - Вильгельмъ IV, но былъ, повидимому, заранѣе убѣжденъ въ совершенной ихъ бесполезности. Король и канцлеръ видѣлись за это время, т. - е. до 1845 г., нѣсколько разъ, и особенною характерностью отличается сцена между ними на пароходѣ, на которомъ они ѣхали вмѣстѣ по Рейну. Короля занималъ въ то время проектъ закона, болѣе или менѣе конституціоннаго, дополняющаго собою положеніе о провинціальныя собранія въ Пруссіи. Чего собственно хотѣлъ король достигнуть этимъ закономъ, — онъ самъ хорошо не зналъ. Въ разговорѣ съ Меттернихомъ онъ сильно жестикулировалъ, много и горячо говорилъ, съ ужасомъ оуждая все сколько-нибудь напоминающее современное представительное правительство, ставя превыше всего свое королевское право и свою власть, связывая замышляемыя имъ реформы съ старо-германскими преданіями, съ древнимъ историческимъ правомъ. Король неоднократно и настоятельно повторялъ, что онъ никогда не допуститъ собранія «генеральныхъ штатовъ», что онъ ограничится общимъ для всего государства созывомъ провинціальныя собраній. Меттернихъ отвѣчалъ: «Если вашему величеству угодно будетъ сдѣлать то, что я имѣлъ честь выслушать, то мое глубокое убѣжденіе обя-

зываетъ меня сказать, что созванный вашимъ величествомъ общій съѣздъ провинціальныхъ собраній непременно превратится въ собраніе генеральныхъ штатовъ. Воля вашего величества не въ состояніи будетъ воспрепятствовать этому». — «Бромъ воли, — сказала задумчиво королю, — у меня есть и сила». — «Я не скрылъ отъ вашего величества моего убѣжденія, — возразилъ канцлеръ. — Въ вашей власти дѣлать, что вамъ угодно, но не въ вашей власти уничтожить послѣдствія, создаваемые силою вещей». Послѣ короткаго молчанія король прибавилъ: «То, что я дѣлаю, я дѣлаю для себя и по личному моему убѣжденію. Я не для другихъ это дѣлаю и вотъ, что говорю я моему брату Вильгельму: если сдѣланное мною когда-нибудь тебѣ не понравится, измѣни все по своему желанію». Канцлеръ, прерывая короля, отвѣтилъ: «Есть вещи, которыхъ, разъ онѣ сдѣланы, измѣнить нельзя!»

Фридрихъ-Вильгельмъ IV не предполагалъ, что своимъ проектомъ онъ готовитъ конецъ старой Пруссіи и создастъ начало Пруссіи новой; онъ не подозрѣвалъ, что это, въ то же время, конецъ политики 1815 г. въ Германіи и основаніе того объединенія, которое изъ разрозненныхъ, исповѣдующихъ разныя религіи, мелкихъ и ничтожныхъ нѣмецкихъ государствъ создастъ великую и могущественную имперію подъ скипетромъ его брата Вильгельма, — создастъ громадную силу, поработавшую Австрію, грозную для Франціи, опасную для Россіи и для разрозненныхъ славянъ. Не подозрѣвалъ и не провидѣлъ этого, конечно, и Меттернихъ; но онъ понималъ, что подъ конституціонными формами, какъ и подъ скромнымъ видомъ Таможеннаго союза, скрывается прусское честолюбіе, пытающееся взять на себя новую роль въ средѣ нѣмецкихъ государствъ. Съ этого времени дѣла Пруссіи получили для австрійскаго канцлера значеніе еще одного революціоннаго эпизода въ исторіи Европы. Онъ слѣдилъ за ними нѣсколько презрительно и свысока, иногда дѣлалъ попытки удержать, остановить прусскаго короля, стараясь расшевелить въ немъ чувство гордости абсолютнаго монарха, чаще же всего — съ тревожнымъ сознаніемъ своего безсилія. Меттернихъ не вѣрилъ въ возможность повторенія въ Пруссіи событій, ознаменовавшихъ собою 1789 г. во Франціи, но опасался, что предстоящій кризисъ дастъ себя почувствовать и за предѣлами Пруссіи, во всей Германіи, въ Европѣ, быть можетъ, и, — что всего характернѣе, — въ виду предстоящихъ событій, канцлеръ особенно охотно обвинялся своими консервативными тревогами съ Гизо, первымъ министромъ «революціонной» іюльской монархіи.

Рескриптомъ 3 февраля 1847 г. прусскій король рѣшился, наконецъ, обнародовать свою конституцію и созвать «соединенное собраніе» представителей провинцій, то, что носило названіе — *états réunis*. «*Jacta est alea!*» — проанесъ Меттернихъ давно избитую фразу и вскорѣ потомъ на себѣ самомъ испыталъ, къ чему могутъ привести «эксперименты», къ которымъ онъ такъ легко относился.

Начавшееся въ Пруссіи движеніе оживило Германію, придадо новуу силу слѣшкомъ долго придавленнымъ стремленіямъ. Междуособная война *Sonderbund* въ Швейцаріи закончивалась побѣдою радикаловъ на глазахъ смущенной Европы, не имѣвшей возможности вмѣшаться въ это дѣло. За Альпами,—въ Неаполѣ, въ Римѣ и во Флоренціи,—все было уже готово къ общему взрыву. Въ ближайшемъ соседствѣ отъ ломбардской границы былъ въ Туринѣ король, еще болѣе неудобный для австрійской политики, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ Берлинѣ,—король Бартъ-Альбертъ, надѣлавшій не мало хлопотъ Австріи еще въ то время, когда онъ былъ принцемъ Кариньянскимъ. Во Франціи уже чувствовалось глухое, но крайне тревожное броженіе. Все волновалось, все поднималось и все это было еще разъ революціей, — тою самою революціей, съ которою австрійскій канцлеръ боролся тридцать пять лѣтъ и которая надвигалась теперь на него болѣе грозною, чѣмъ когда-либо. И все это Меттернихъ предвидѣлъ, все онъ предрекалъ правительству «іюльской монархіи» во Франціи, прусскому королю—въ Берлинѣ, папѣ Пію IX—въ Римѣ... Всѣмъ предрекалъ онъ грядущія бѣды и только въ одномъ жестоко ошибался,—въ своей непоколебимой увѣренности, что чужія бѣды не коснутся ни его самого, ни Австрійской имперіи въ ея вѣковой неподвижности. Въ теченіе своего долгаго дипломатическаго господства въ Австріи и въ Европѣ Меттернихъ былъ самымъ упорнымъ противникомъ всякихъ переменъ, всего, что нарушаетъ молчаливое спокойствіе, мертвую общественную тишину или покушается на традиціонную неприкосновенность разъ навсегда установленныхъ порядковъ. Какъ человекъ, умудренный долгимъ опытомъ, и хорошій знатокъ своего времени, онъ ясно видѣлъ, откуда грозитъ опасность его политикѣ вѣчнаго застоя, и понималъ, что грозятъ ей повторяющіяся то тамъ, то сямъ, вокругъ него революціи; роковое заблужденіе его состояло въ томъ, что онъ воображалъ, будто непрерывный ростъ общественнаго и національнаго самосознанія можно остановить дипломатическими хитростями, будто силѣ вещей—эволюціи можно противопоставить «паутину», едва прикрывающую политику неподвижности.

Австрійскій канцлеръ еще рассчитывалъ какими-нибудь изворотами отклонить опасность, когда гроза уже разразилась. 24 февраля 1848 года вспыхнула революція въ Парижѣ и положила конецъ іюльской монархіи. По этому поводу канцлеръ писалъ: «Вы знаете, какого я всегда былъ мнѣнія о прочности іюльскаго трона. Одно считалъ я не совсѣмъ правдоподобнымъ, что у Франціи не станетъ силы или терпѣнія, каковое есть тоже сила, дожидаться смерти Людовика - Филиппа». И такъ, катастрофа, постигшая іюльскую монархію, не удивила Меттерниха; за то послѣдовавшія за нею событія въ Германіи были для него совершенною неожиданностью, когда революція разразилась въ Берлинѣ, и еще того раньше въ самой Австріи. Начавшееся 13 марта народное возстаніе въ Вѣнѣ, послѣ кровопролитной борьбы, одержало верхъ и принудило правительство принять поставленные ему условія. Всесильный министръ, лишь за нѣсколь-

ко часовъ передъ тѣмъ распоряжавшійся судьбами имперіи и Европы, всѣми теперь покинутый, всѣми преданный, едва успѣлъ бѣгствомъ спастись отъ ярости возставшаго народа. Такъ закончилась политическая карьера—дипломатическое господство князя Меттерниха.

Революціи 1848 г. были вездѣ побѣждены реакціей; но онѣ положили начало новому порядку вещей въ Европѣ: слѣдствіемъ ихъ было востановленіе наполеоновской имперіи во Франціи, новая группировка европейскихъ силъ, создавшая въ свою очередь объединеніе Италіи, объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, перенесеніе центра европейской политики сначала въ Парижъ, потомъ въ Берлинъ и, наконецъ, дипломатическое господство новаго германскаго канцлера князя Бисмарка, продолжающаго въ пользу Пруссіи дѣло, предпринятое Меттернихомъ для Австріи. По существу, задачи обоихъ канцлеровъ тождественны и системы ихъ одинаковы; разница заключается въ перемѣнѣ именъ: вмѣсто Габсбурговъ, выступаютъ Гогенцоллерны,—и въ средствахъ къ установленію прусской гегемоніи на мѣсто австрійской. Вѣнскій канцлеръ всю жизнь преслѣдовалъ политику равновѣсія силъ и поддержанія мира и, какъ человекъ стараго вѣка, ловко и уклончиво, избѣгая всякаго шума, маскировалъ утонченною дипломатіей свое господство надъ Германіей и Европой. Берлинскій канцлеръ поступалъ и поступаетъ всегда совершенно иначе,—«по-прусски»,—*ferro et igne* (жельзомъ и огнемъ), по его собственному выраженію. Въ своей политкѣ, создавшей господство Пруссіи, Бисмаркъ соединилъ традиціи стародавнихъ баронскихъ насилій съ крайностями реализма новѣйшихъ временъ. Меттернихъ не стѣснялся средствами, конечно, но тщательно прикрывалъ ихъ искусными дипломатическими ухищреніями и изворотами. О совѣсти въ политкѣ говорить, кажется, нечего; но австрійскій канцлеръ не утратилъ въ ней, по крайней мѣрѣ, *стыда*. Бисмаркъ также мало разборчивъ въ средствахъ, но при этомъ признаетъ въ политкѣ одинъ только принципъ—силу и одно надъ всѣми первенствующее средство—насиліе, не считая нужнымъ даже маскировать это. Однако, и онъ начинаетъ, повидимому, чувствовать, что всякой силѣ положенъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго расти она ни при какихъ условіяхъ не можетъ, и онъ начинаетъ сознавать, что насиліямъ есть мѣра, переступить которую можетъ быть губительно. Онъ понимаетъ это по тѣмъ возрастающимъ трудностямъ, которыя ему приходится преодолевать, по тѣмъ сопротивленіямъ, противъ которыхъ онъ вынужденъ непрестанно увеличивать свои силы. Въ данную минуту превосходство силы въ его рукахъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, это кажется. Но такъ ли это въ дѣйствительности, на его ли сторонѣ будетъ перевѣсъ завтра, его ли сила одержитъ перевѣсъ въ случаѣ борьбы,—все это вопросы, на которые никто не можетъ дать отвѣта. И, наконецъ, никто, ни даже самъ Бисмаркъ, предвидѣть не можетъ, на какую еще силу, не звѣшенную и не измѣренную дипломатіей, можетъ натолкнуться прусская политика «крови и желѣза», подъ гнетомъ которой въ вѣчной тревогѣ живутъ народы Европы, а въ наше время—даже и не одной только Европы...

Въ этомъ сжатомъ изложеніи мы видѣли, къ чему привелъ гнетъ, которымъ пытался задавить Европу военный гений Наполеона I; мы видѣли, какъ въ одинъ день рухнуло хитрое сооруженіе, которымъ дипломатія Меттерниха хотѣла задушить самосознаніе народовъ; мы знаемъ, наконецъ, какъ въ нѣсколько часовъ погибла двадцать лѣтъ тяготѣвшая надъ Франціей и міромъ вторая имперія, созданная рядомъ политическихъ предательствъ Наполеона III. Оба Бонапарта и Меттернихъ пережили свое паденіе и полное уничтоженіе всего, что было ими создано съ такимъ искусствомъ и трудомъ, цѣною столькихъ народныхъ бѣдствій. Всѣ трое были свидѣтелями возникновенія новыхъ порядковъ, но едва ли поняли настоящія причины разрушенія старыхъ и своего собственнаго паденія, и, во всякомъ случаѣ, своимъ примѣромъ никого не научили именно тому, что слѣдовало бы извлечь изъ такихъ опытовъ государямъ и министрамъ, стремящимся, подобно имъ, къ господству.

M.

Объ оханскомъ метеоритѣ и о метеоритахъ вообще *).

I.

Въ концѣ августа и въ сентябрѣ 1887 года во многихъ газетахъ были помѣщаемы извѣстія о пронесшемся 18 августа по пермскому небу огненномъ шарѣ, появленіе котораго сопровождалось паденіемъ съ неба въ г. Оханскѣ и его окрестностяхъ камней, одинъ изъ которыхъ имѣлъ болѣе 15 пудовъ вѣсу.

Явленія этого рода нельзя считать особенно рѣдкими. Огненные шары, проносящіеся въ атмосферѣ и представляющіе особенно эффектное явленіе ночью, называются болидами, также метеорами. Появленіе въ атмосферѣ болидовъ весьма рѣдко сопровождается паденіемъ одного, а иногда и множества камней, что и даетъ возможность убѣдиться въ тѣсной причинной связи обоихъ явленій. Камни, приносящіеся къ намъ при столь эффектной и загадочной обстановкѣ, называли прежде аэролитами—атмосферными камнями, такъ какъ думали, что въ атмосферѣ нашей планеты какииъ-то загадочнымъ способомъ происходитъ образованіе этихъ камней; теперь эти камни называютъ метеоритами и не считаютъ нашу атмосферу ихъ родной.

Въ послѣдніе годы у насъ въ Россіи было нѣсколько случаевъ появленія болидовъ и паденія метеоритовъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ: 10 сентября 1886 г., утромъ, въ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., яркій огненный шаръ появился надъ полемъ, гдѣ работали крестьяне, и съ страшнымъ громовымъ ударомъ упалъ вблизи нихъ на полѣ. Попадая отъ страха, крестьяне долго не рѣшались приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ упалъ камень, и когда, наконецъ, любопытство взяло верхъ надъ страхомъ, они подошли туда и нашли тяжелый черный снаружи камень, еще очень горячій. Это былъ тотъ самый камень, который обратилъ на себя особенное вниманіе ученаго міра присутствіемъ въ немъ частицъ алмаза. Одновременно съ паденіемъ этого камня было замѣчено паденіе еще двухъ: одинъ упалъ въ лѣсной болотистой мѣстности и не былъ найденъ,

*) Публичная лекція, читанная въ Политехническомъ музеѣ.

а другой былъ случайно найденъ однимъ крестьяниномъ въ полѣ. Въ сентябрѣ 1882 г. камень, вѣсомъ въ 5 фунтовъ, упалъ въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., и его паденіе сопровождалось тремя сильными ударами. Можно насчитать десятки исторически извѣстныхъ случаевъ подобнаго рода. Разказы и преданія, живущіе въ народѣ, доказываютъ, что число такихъ случаевъ значительно больше того, какое занесено въ лѣтописи науки. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ появленія камней изъ глубины небеснаго пространства, свѣтотыя явленія и громовые удары, сопровождающіе ихъ появленіе, всегда производили и производятъ сильное впечатлѣніе, — впечатлѣніе чуда, — на очевидцевъ. Отсюда разказы объ огненныхъ драконахъ, прилетающихъ съ неба, объ ангелахъ, о птицахъ, приносящихъ камни съ неба, и т. п. Понятно, поэтому, возникновеніе культа метеоритовъ и суевѣрій, съ которыми относятся простолюдины къ этимъ загадочнымъ тѣламъ; недалеко ходить за примѣрами: только одинъ изъ метеоритовъ съ алмазными частицами, упавшихъ недавно въ Пензенской губерніи, попалъ въ руки человѣка просвѣщеннаго и, благодаря его содѣйствію, не пропалъ для науки; другой, одновременно упавшій камень, попалъ въ руки суевѣрныхъ крестьянъ-мордвиновъ и былъ раздробленъ и съѣденъ ими, какъ чудодѣйственный небесный камень. Милліоны пилигримовъ привлекаетъ къ себѣ камень Кааба въ Меккѣ, по преданію, принесенный съ неба архангеломъ Гаврииломъ. Это преданіе и самый культъ камня давно наводили минералоговъ на мысль о метеорическомъ происхожденіи камня, которое теперь доказано изслѣдованіемъ образца камня, добытаго въ Меккѣ. Исторія сохранила намъ интересный разказъ о судьбѣ одного метеорита, упавшаго во Фригіи во времена Римской республики и сдѣлавшагося предметомъ культа въ Римѣ, куда камень былъ перенесенъ въ 204 г. по указанію дещевировъ. Перенесеніе камня въ Римъ сопровождалось великимъ торжествомъ. По указанію дельфійскаго оракула, самый честный человѣкъ республики долженъ былъ встрѣтить камень, и за такового былъ признанъ Сципіонъ Назика. Римскія дамы сопровождали пестрою веселою толпой торжественную процессію и несли камень, передавая его изъ рукъ въ руки.

Но возвратимся къ охакскимъ метеоритамъ, паденіе которыхъ совершилось при очень благоприятныхъ для наблюденія условіяхъ и было замѣчено многими лицами, что дѣлаетъ это явленіе однимъ изъ самыхъ интересныхъ явленій этого рода. Мнѣ удалось получить свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ паденія камня, по свѣжимъ слѣдамъ и свидѣтельствамъ нѣсколькихъ очевидцевъ явленія, и я опишу событіе собственными словами этихъ лицъ. Вотъ разказъ одного учителя, наблюдавшаго явленіе въ г. Перми. «Когда я подходилъ къ крыльцу семинаріи, то невольно обратилъ вниманіе на вдругъ появившійся на южной сторонѣ неба или, вѣрнѣе, на половинѣ южнаго небосклона свѣтлый предметъ, на подобіе падающей звѣзды или раскаленнаго куска желѣза. Предметъ двигался отъ востока къ западу въ горизонтальномъ или нѣсколько наклоненномъ къ землѣ направленіи. Видимая величина свѣтящагося предмета не превосходила ракету фейерверка, за кото-

рую я было и принять въ первый моментъ это явленіе, но горизонтальное направленіе полета заставило усомниться въ этомъ и прийти къ заключенію, что это—аэролитъ. Явленіе было видно въ продолженіе 2—3 сек. За аэролитомъ оставалась свѣтящаяся полоса, которая скоро исчезла. Никакого шума и грома слышно не было».

Вотъ другой разсказъ жителя г. Оханска, И. В. Вологодина: «Въ 12¼ час. дня, при совершенно ясномъ небѣ и тихой погодѣ, раздался съ сѣверо-восточной стороны отъ города необычайный громовой ударъ. Я находился въ это время въ комнатѣ земской управы, гдѣ были также предсѣдатель управы и еще два лица. Предсѣдатель инстинктивно вскрикнулъ: «у насъ что-то провалилось!» Шумъ въ воздухѣ заставилъ насъ всѣхъ выбѣжать на улицу, гдѣ мы увидели прохожихъ и выбѣжавшихъ изъ домовъ жителей; смотрящихъ вверхъ на амѣобразно-растлѣвающуюся на южной сторонѣ неба полоску дыма, которая затѣмъ превратилась въ дымовое облако, мало-по-малу разсѣявшееся. Шумъ былъ слышенъ въ продолженіе 3—4 минутъ; онъ имѣлъ характеръ клочотанія и шума отъ падающихъ и сталкивающихся между собою тѣлъ. Одинъ мальчикъ, бывшій на улицѣ, вдругъ закричалъ: «Что-то черное, какъ воронъ, упало въ садъ!» Мы побѣжали туда и по смятому кусту иммортелей и взрытой землѣ отыскали мѣсто паденія и извлекли изъ земли еще теплый камень, вѣсомъ въ 4 ф. 12 зол., черный снаружи и сѣрый въ изломѣ».

Приведу еще разсказъ о паденіи самой большой глыбы метеорита у села Таборскаго, Оханскаго уѣзда, написанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія волостнымъ писаремъ этого села. Въ полдень 18 августа, при ясной, теплой погодѣ, раздался сильный ударъ, подобный пушечному выстрѣлу, сопровождавшійся трескомъ, какъ отъ быстро фдуцаго по шоссеиной дорогѣ экипажа. Крестьянинъ Бушуевъ былъ въ это время съ своимъ работникомъ въ полѣ на клѣдѣ. Посмотрѣвъ на небо, откуда еще слышался шумъ, они замѣтили полетъ нувыркомъ какого-то предмета, похожаго на овсяную соломеннаго цвѣта кучку, за которою вился бѣлый дымовъ. Масса, быстро пролетѣвъ надъ ихъ головами, саженяхъ во 100 отъ нихъ упала на землю, отчего на мѣстѣ паденія поднялся столбъ пыли. Крестьяне соскочили съ клѣды и побѣжали извѣстить объ этомъ волостное правленіе. Находившіеся въ волостномъ правленіи тоже слышали ударъ и замѣтили дрожаніе стеколъ. Тотчасъ же былъ произведенъ осмотръ мѣста паденія, гдѣ и оказалась яма глубиною въ 2 арш. и шириною въ 1½ арш., и въ ней камень, до того горячій, что не было возможности начать выемку его изъ земли; въ 8 час. вечера онъ былъ еще теплый. На мѣстѣ паденія былъ отслуженъ молебенъ и рѣшено построить часовню въ память безкровнаго паденія камня. На другой день метеоритъ былъ вырытъ, причемъ разбитъ на нѣсколько кусковъ, которые и отвезены въ г. Оханскъ присланнымъ оттуда полицейскимъ стражникомъ.

Факты, передаваемые очевидцами паденія пермскихъ метеоритовъ, хорошо знающихъ насъ съ обстоятельствами, которыя вообще сопровождаютъ

явленія этого рода. Быстро несущійся огненный шаръ, струйка дыма за нимъ, удары, подобныя громовымъ, и, наконецъ, паденіе камня, или одного, или нѣсколькихъ, или иногда множества камней, разбѣивающихся на не- большой площади. Не всегда явленіе оканчивается паденіемъ большихъ кам- ней; большую часть падаютъ мелкіе камни, и иногда настолько мелкіе, что только случайно находятъ ихъ. Уже это разнообразіе размѣровъ падающихъ камней наводитъ на мысль, что между ними могутъ быть и такіе, которые сгораютъ въ атмосферѣ или разсыпаются въ пыль. Свѣтъ, издаваемый ме- теоромъ, какъ мы видѣли, настолько яркъ, что обращаетъ на себя вни- маніе даже въ ясный солнечный день. Понятно, что то же явленіе ночью должно производить весьма эффектное зрѣлище; такимъ его и описываютъ очевидцы. Въ видѣ ярко-свѣтящагося шара, иногда окрашеннаго въ крас- ный, зеленый и другіе цвѣта, проносится метеоръ въ атмосферѣ, оставляя за собою искристую, свѣтлую полосу на небѣ. Все небо ярко освѣщается его свѣтомъ, метеоръ проносится безшумно или съ шумомъ разрывается и исчезаетъ. Въ столь эффектной формѣ явленіе наблюдается не часто, но, конечно, каждый наблюдалъ явленіе падающихъ звѣздъ и иногда любовал- ся ихъ яркостью. Между блестящимъ болидомъ и падающею звѣздой су- ществуетъ цѣлый рядъ градаций и нѣтъ разницы по существу; самый яр- кій болидъ, наблюдаемый съ значительнаго разстоянія, будетъ имѣть видъ обыкновенной падающей звѣзды. Сопоставляя результаты одновременныхъ наблюденій надъ однимъ и тѣмъ же болидомъ, полученные въ разныхъ мѣ- стахъ, возможно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить высоту, на ко- торой вообще начинается свѣченіе болидовъ, и оказалось, что болиды за-гораются на огромной высотѣ, иногда болѣе 60 верстъ, близъ крайнихъ предѣловъ земной атмосферы. Быстрота, съ какою движется болидъ, всту- пающій въ земную атмосферу, такъ велика, что ее трудно себѣ предста- вить: болидъ несется въ 100 — 130 разъ быстрѣе пушечнаго ядра, т. е. пробѣгаетъ въ каждую секунду 30—70 верстъ. На землѣ нѣтъ столь быст- рыхъ движеній; только планеты и кометы несутся по своимъ орбитамъ съ такою подавляющею воображеніе быстротой, и въ этой быстротѣ одно изъ доказательствъ виѣзднаго космическаго происхожденія метеоритовъ и одна изъ причинъ, заставляющихъ признать метеориты, несмотря на сравни- тельно незначительные ихъ размѣры, за тѣла, движущіяся въ небесномъ пространствѣ и управляемыя въ своихъ движеніяхъ тѣми же законами, ка- кимъ подчиняются другія небесныя тѣла, составляющія планетную систе- му. Эта изумительная быстрота разъясняетъ намъ и всѣ тѣ обстоятель- ства, всю ту обычную обстановку, при которой совершается паденіе мете- оритовъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столь быстрого движенія твердаго тѣ- ла въ атмосферѣ будетъ сжатіе воздуха впереди тѣла и образованіе пус- тоты позади его; сжатіе воздуха вызываетъ развитіе теплоты, воздухъ на- грѣвается и расширяется и даже расплавляетъ съ поверхности камень, пре- вращая твердую холодную массу въ огненный шаръ. Врѣзаясь въ болѣе плотныя слои атмосферы, метеоритъ испытываетъ сильное сопротивленіе

воздуха своему движению, иногда изменяетъ направленіе полета, какъ бы уклоняясь отъ препятствія, создаваемого его собственнымъ движениемъ; нерѣдко онъ распадается на части, какъ бы разбиваясь о воздухъ или ударамъ воздуха; наконецъ, живая сила, приводившая его въ движениіе, истощается въ борьбѣ съ сопротивленіемъ; тѣло останавливается, сжатый впереди и съ боковъ воздухъ съ шумомъ, подобнымъ выстрѣлу, устремляется въ пустоту, которую оставляло позади себя быстро летѣвшее тѣло, и метеоритъ падаетъ на землю, подчиняясь законамъ тяжести, какъ и всякое тяжелое тѣло, притягиваемое землею. Съ этого момента небесный камень кончилъ свой путь въ мировомъ пространствѣ и сталъ гражданиномъ нашей земли. Минералогъ, геологъ, химикъ съ восторгомъ встрѣчаютъ этого пришельца изъ чуждаго намъ міра и употребляютъ всѣ выработанныя наукой средства, чтобы разузнать отъ него что-нибудь объ его родинѣ. Его шлифуютъ, толкутъ, растворяютъ, чтобы заставить рассказать исторію его происхожденія, объяснить, что дѣлается въ этихъ загадочныхъ и полныхъ интереса глубинахъ небеснаго пространства, о которыхъ такъ много чудеснаго рассказываютъ намъ лучи свѣта, вопрошаемые астрономами.

Послушаемъ теперь, что удалось натуралистамъ узнать о метеорныхъ камняхъ, изслѣдуя ихъ разнообразными способами. Прежде всего, конечно, внѣшній видъ и форма метеоритовъ обратили на себя вниманіе. Обыкновенно, это неправильно-угловатыя глыбы съ нѣсколько округленными, какъ бы оплавленными, углами и черною матовою поверхностью. Они имѣютъ такой видъ, какой имѣли бы обломки нѣкоторой большой каменной массы, разбившейся на глыбы, края и поверхность которыхъ были затѣмъ слегка оплавлены и покрылись черною шлаковою коркой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно замѣтить, что не всѣ стороны камня имѣютъ одинаковый видъ, и нерѣдко, изучая его поверхности, можно опредѣлять, въ какомъ положеніи летѣлъ камень. Одна сторона его, передняя или грудная, оказывается болѣе или менѣе правильно округленной, куполовидной, гладкой или покрытой неглубокими бороздками, расходящимися отъ середины ея къ краямъ; онѣ вызваны движениемъ струекъ сжатого полетомъ метеорита и раскаленного воздуха и отчасти стеканіемъ назадъ расплавлявшейся поверхностной массы его. Задняя, или спинная, сторона камня характеризуется присутствіемъ неглубокихъ округлыхъ ямокъ, напоминающихъ ямки, остающіяся отъ легкаго нажатія пальцемъ какой-нибудь пластичной массы; эти ямки объясняютъ вліяніемъ вихрей раскаленного воздуха, окружающаго метеоритъ и стремящагося проникнуть въ образующуюся позади него пустоту. Бромъ этихъ ямокъ плавленія, на задней поверхности камня нерѣдко видны какъ бы налипшія капли шлака, застывшія и слившіяся съ общою массою шлаковой корки.

Весьма интересныя наблюденія были сдѣланы надъ температурой въ различныхъ частяхъ только что упавшаго метеорита. Поверхность только что упавшаго камня бываетъ настолько горяча, что, прикасаясь къ нему, можно обжечь руки. Но, разбивая горячій камень, не безъ удивленія на-

ходить его внутри чрезвычайно холоднымъ, и иногда до такой степени, что не безопасно прикасаться къ нему, какъ и къ очень холодному металлу. Это объясняется очень низкой температурой междупланетнаго пространства, изъ котораго придетъ метеоритъ, и слабою теплопроводностью массы камня, благодаря которой теплота поверхности камня, распаленной при полетѣ черезъ атмосферу, не успѣваетъ сообщиться его внутренней массѣ; слѣдовательно, въ наши руки попадаетъ вещество такимъ, какимъ оно было на своемъ пути въ небесномъ пространствѣ, а не переплавленное, не измѣнившееся существенно въ нашей атмосферѣ.

Познакомимся теперь со строеніемъ и составомъ оханскаго метеорита, посмотримъ, что за вещество принесъ онъ съ собою на землю. Полный химическій анализъ этого камня еще не оконченъ, но химическое разложение—не единственное средство опредѣлять природу камня. Микроскопическое изслѣдованіе его даетъ результаты не менѣ интересные. Оно производится такъ: отъ камня отбивается или отпиливается болѣе или менѣ плоскій осколокъ величиною приблизительно съ двугривенный; одна его поверхность отшлифовывается, приклеивается прозрачною смолой къ стеклу, а затѣмъ и другая сторона стачивается на камнѣ все тоньше и тоньше, пока оставшаяся на стеклѣ пластинка сдѣлается настолько прозрачною, что ее можно положить на столикъ микроскопа, освѣтить снизу проходящимъ свѣтомъ и изучать такимъ образомъ строеніе и отличительные свѣтовые признаки минераловъ, замѣняя, по мѣрѣ надобности, обыкновенное освѣщеніе поляризованнымъ свѣтомъ. Этимъ способомъ, сравнительно недавно введеннымъ въ науку, опредѣляются и изучаются минеральныя составныя части нашихъ земныхъ каменныхъ породъ, и онъ даетъ возможность придти къ интереснымъ выводамъ объ ихъ происхожденіи, о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ порода образовалась и видоизмѣнялась. Если мы вырѣжемъ такую пластинку изъ оханскаго метеорита и помѣстимъ въ поле зрѣнія микроскопа, то увидимъ какую-то мелкозернистую основную массу, въ которую включены болѣе или менѣ крупныя образования разнаго рода (основная масса представляетъ какъ бы фонъ картины, образования, въ ней включенныя,—какъ бы фигуры, выдѣляющіяся на этомъ общемъ фонѣ). Прежде всего останавливаютъ наше вниманіе темныя непрозрачныя массы, разсѣянныя неправильными островками среди прозрачныхъ минеральныхъ частицъ: это—жельзо, содержащее нивель; оно имѣетъ сѣроватый цвѣтъ и блеститъ металлическимъ отблескомъ на разрѣзѣ камня. Мѣстами зерна жельза окружены темными, вовсе не блестящими, коймами и аернами: это—тоже жельзо, уже окислившееся, превратившееся уже въ магнитный жельзнякъ. Разсматривая прозрачныя мѣста пластинки, мы замѣчаемъ, то тамъ, то здѣсь, болѣе или менѣ прозрачныя поля, ограничанныя рѣзкими прямолинейными контурами со всѣхъ или только съ нѣкоторыхъ сторонъ: это—разрѣзы кристалловъ или обломковъ кристалловъ. Присматриваясь къ этимъ перерѣзаннымъ кристалламъ, мы замѣчаемъ, что они не всѣ одинаковы, что передъ нами кристаллы двухъ различныхъ минераловъ и что

каждый изъ этихъ минераловъ имѣетъ свой особенный обликъ и свои характерные признаки. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ минералогамъ и любителямъ цѣнныхъ камней подъ именемъ оливина или хризолита, другой носитъ названіе энстатитъ (разновидность авгита). Оба принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ минераловъ, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ лавахъ, изверженныхъ вулканами изъ глубины земли. Освѣщая пластинку поляризованнымъ свѣтомъ, мы съ особенною отчетливостью отличаемъ оба минерала по окраскѣ, которую они при этомъ принимаютъ (оливинъ окрашивается въ чудные яркіе цвѣта), и убѣждаемся, что каждый малѣйшій обломокъ кристалла построенъ изъ правильно расположенныхъ частицъ, а не изъ безформенной массы вещества, какая образуетъ обыкновенное стекло. Изучая различныя лавы, при различныхъ условіяхъ застывавшія, не трудно убѣдиться, что только тогда могутъ развиваться въ ихъ массѣ кристаллы, эти индивидуумы неорганической природы, когда остываніе массы происходитъ медленно и спокойно, и что остывающая лава быстро превращается въ безформенную стеклообразную массу.

Мы знаемъ теперь два важные факта, обобщающіе пролить свѣтъ на исторію метеоритовъ: 1) присутствіе въ нихъ тѣхъ же веществъ и даже тѣхъ же химическихъ соединеній (минераловъ), какия мы знаемъ на землѣ, и 2) присутствіе въ метеоритахъ кристалловъ, для образованія которыхъ нужны, какъ извѣстно, опредѣленные условія. Прежде чѣмъ перейти къ другимъ образованіямъ, наблюдаемымъ въ общей зернистой массѣ метеорита, остановимся еще на нѣкоторыхъ интересныхъ особенностяхъ тѣхъ кристалловъ, съ которыми мы только что познакомились. Одна изъ этихъ особенностей—трещиноватость кристалловъ, необычайное обиліе трещинокъ, раскалывающихъ массу кристалла по различнымъ направленіямъ. Такого обилія трещинъ мы не встрѣчаемъ въ кристаллахъ нашихъ лавъ; оно указываетъ на быстрыя колебанія температуры, которымъ подвергались кристаллы послѣ своего образованія. Нѣкоторые изъ кристалловъ, встрѣчаемыхъ въ метеоритахъ, отличаются еще одною особенностью отъ кристалловъ, встрѣчаемыхъ въ лавахъ: въ этихъ послѣднихъ кристаллахъ можно иногда встрѣтить очень маленькія пустотки, наполненныя некристаллизованною, похожею на стекло, массой, какъ будто въ кристаллѣ уцѣлѣли мѣстами участки той аморфной стеклообразной массы, въ которой и на счетъ которой происходило развитіе кристалла; въ оливиновыхъ кристаллахъ оханскаго и нѣкоторыхъ другихъ метеоритовъ мы встрѣчаемъ иногда образованія, быть можетъ, аналогичныя съ этими, но въ иной степени развитія, мы встрѣчаемъ кристаллы съ огромною, иногда вѣтвистою, полостью внутри, наполненною стеклообразною массой съ мелкими черными зернышками, какъ будто эта масса была втиснута въ пустой внутри кристаллѣ и застыла тамъ или какъ будто аморфная масса, изъ которой развивался кристаллѣ, только къ поверхности организовалась и превратилась въ кристаллическій индивидуумъ, а внутри осталась аморфнымъ стекломъ.

Разсматривая обломокъ оханскаго метеорита даже простымъ глазомъ,

легко замѣтить присутствіе въ его массѣ маленькихъ шарообразныхъ или вообще округлыхъ зеренъ величиною обыкновенно съ просяное, иногда даже съ конопляное зерно или съ маленькую горошину. Эти образованія называютъ хондрами. На пластинкѣ, вышлифованной изъ камня, разрѣзы этихъ хондръ являются въ видѣ кружечковъ, иногда рѣзко, иногда не рѣзко очерченныхъ; рассматривая эти кружечки, можно замѣтить, что не всѣ они имѣютъ одинаковое строеніе: иногда одинъ минералъ, какъ бы одно кристаллическое зерно, разбитое трещинками, образуетъ всю хондру, напримѣръ, хондры оливина весьма нерѣдки въ нашемъ метеоритѣ; иногда хондра бываетъ образована изъ нѣсколькихъ зеренъ, соединенныхъ тонкою мелкозернистою массой; иногда различные минералы встрѣчаются въ одной и той же хондрѣ; особенно интересны въ нашемъ метеоритѣ волокнистыя хондры, состоящія изъ длинныхъ и тонкихъ кристалликовъ энстатита, расходящихся отъ одной эксцентрично лежащей точки къ поверхности. Обыкновенно, различныя хондры встрѣчаются вмѣстѣ включенными въ общую мелкозернистую массу. Сейчасъ приведенные примѣры показываютъ, что хондры состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ минераловъ, которые мы различили раньше въ видѣ кристалловъ; изъ мелкихъ зернышекъ тѣхъ же минераловъ и изъ частицъ окисленного и неокисленного желѣза состоитъ и мелкозернистая основная масса, въ которую заключены и кристаллы, и хондры; лишь изрѣдка замѣчаются въ ней безцвѣтные участки, обнаруживающіе въ поляризованномъ свѣтѣ полосатость, характерную для кристалловъ полевого шпата, близкаго къ тому, который подъ именемъ лабрадора пріобрѣлъ извѣстность прекрасною игрой свѣтовыхъ лучей, имѣ отражаемыхъ.

Особенности строения, съ которыми мы только что познакомились, повторяются въ очень большомъ числѣ метеоритовъ; всѣ такіе метеориты составляютъ одну большую группу хондритовъ. И въ другихъ хондритахъ встрѣчаемъ мы тѣ же знакомые намъ минералы; иногда одинъ изъ нихъ, напримѣръ, оливинъ, преобладаетъ надъ остальными, иногда, вмѣсто энстатита, является одинъ изъ близкихъ къ нему минераловъ, напримѣръ, бронзитъ, авгитъ и др.; сравнительно рѣже полевого шпата является одною изъ существенныхъ составныхъ частей камня. Почти всѣ минералы, встрѣченные нами въ метеоритахъ, относятся къ группѣ такъ называем. силикатовъ, т. е. соединений кремневой кислоты съ окислами металловъ, чаще всего желѣза и магнѣзіи.

Если прибавить къ тому, что мы узнали объ оханскомъ метеоритѣ, еще нѣкоторые факты, замѣченные при изученіи другихъ хондритовъ, то мы получимъ достаточно полное понятіе объ этой наиболѣе распространенной группѣ метеоритовъ. Въ нѣкоторыхъ метеоритахъ встрѣчены хондры съ ямками, какъ бы съ вдавленными, оставленными въ еще мягкой массѣ хондры другою столкнутшеюся съ нею хондрой. Извѣстны метеориты, состоящія изъ обломковъ хондръ и раздробленныхъ кристалловъ, сцементированныхъ общею основною массой; это указываетъ на какія-то механическія вліянія, которымъ подвергалась масса метеорита уже послѣ образованія ея

характерныхъ составныхъ частей. Въ нѣкоторыхъ метеоритахъ темная основная масса, похожая на сплавившуюся на поверхности метеорита шлаковую корку, образуетъ какъ бы жилы, проникающія внутрь камня, иногда, что еще болѣе интересно, весь метеоритъ оказывается состоящимъ какъ бы изъ отдѣльныхъ глыбоватыхъ массъ оливина и энстатита, мѣстами раздѣленныхъ щелями или какими-то неправильными полостями, стѣнки которыхъ покрыты тою же черною основною массой съ зернами желѣза магнитнаго колчедана и угля. Химическое изслѣдованіе камня показало, что онъ содержитъ почти 1% углеводорода. Этотъ составъ и строеніе породы указываетъ на весьма интересныя измѣненія, какія претерпѣлъ метеоритъ отъ дѣйствія на него жара, причемъ углеводородъ игралъ, повидимому, значительную роль въ этихъ измѣненіяхъ. Здѣсь встаетъ упомянуть объ интересныхъ, но очень рѣдкихъ метеоритахъ, такъ называемыхъ углистыхъ, содержащихъ какое-то, еще точно не изученное, соединеніе угля съ водородомъ и кислородомъ. Это, обыкновенно, рыхлыя, легко рассыпающіяся тѣла, размокающія въ водѣ и превращающіяся въ грязь, почему они и сохраняются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Присутствіе углерода въ метеоритахъ дало поводъ искать въ нихъ слѣды органической жизни, вызвало даже гипотезу о водвореніи жизни на земномъ шарѣ при посредствѣ метеоритовъ, принесшихъ ея зародыши. Но до сихъ поръ всѣ самыя тщательныя изслѣдованія не обнаружили въ метеоритахъ ни малѣйшихъ признаковъ чего-либо сходнаго съ остатками или слѣдами органической жизни, и всѣ указанія на находки въ метеоритахъ остатковъ коралловъ, губокъ, морскихъ лилій и т. п. должны быть отнесены къ области фантази; тѣ округлыя образованія, которыя называютъ хондрами, и по составу, и по строенію суть образованія чисто-минеральнаго происхожденія, и нѣтъ никакой возможности видѣть въ нихъ что-либо имѣющее отношеніе къ органической жизни.

Хондриты представляютъ собою одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ типовъ метеоритовъ, но есть между метеоритами тѣла, мало похожія и даже совсемъ не похожія на хондриты. Наиболѣе близкими къ хондритамъ будутъ такіе метеориты, которые, не заключая хондръ, представляютъ собою комбинацію тѣхъ же минераловъ, какіе мы встрѣтили въ хондритахъ съ разсѣянными въ минеральной массѣ островками желѣза. Всѣ подобныя метеориты и хондриты въ томъ числѣ составляютъ большую группу *спорадо-сидеритовъ*. Метеориты этой группы интересны въ томъ отношеніи, что нѣкоторые изъ нихъ очень сходны съ нѣкоторыми земными каменными породами вулканическаго происхожденія; все различіе сводится къ тому, что наши земныя породы не содержатъ желѣза въ видѣ металла, оно превращено въ нихъ въ окись, — это вещества болѣе окисленные. Въ нѣкоторыхъ метеоритахъ этой группы желѣза такъ много, что оно образуетъ крупныя острова, пестрящіе минеральную массу, ихъ окружающую; эти метеориты составляютъ переходъ ко второй большой группѣ — къ группѣ паласситовъ, которые заключаютъ въ себѣ желѣза болѣе, чѣмъ минераловъ, т. е. оно образуетъ какъ бы губчатую связную массу, въ петляхъ которой помѣща-

ются кристаллы минераловъ, уже знакомыхъ намъ, чаще всего оливина. Огромная масса, имѣющая такое строеніе, была найдена Палласомъ около Красноярска въ Сибири и хранится въ музеѣ петербургской академіи наукъ. Эта распиленная пополамъ масса хорошо знакомитъ насъ съ строеніемъ подобныхъ метеоритовъ, она то и дала поводъ называть всѣ подобные метеориты *паласситами*. Существуютъ, наконецъ, метеориты, всю массу которыхъ составляетъ желѣзо, содержащее никель, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ минераловъ; такіе метеориты называютъ *голосидеритами* или метеорическимъ желѣзомъ. Такъ какъ метеориты этой группы долѣе противустоятъ разрушающему вліянію атмосферы, то сравнительно рѣдки случаи находенія ихъ въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ при условіяхъ, которыя исключаютъ сомнѣніе въ ихъ метеорическомъ происхожденіи, хотя падаютъ они сравнительно рѣдко.

Метеорическое желѣзо, будучи вполне сходно по своимъ физическимъ свойствамъ съ нашимъ обыкновеннымъ желѣзомъ, добываемымъ искусственно, отличается отъ него тѣмъ, что обнаруживаетъ весьма интересное строеніе, указывающее на правильную группировку его частицъ, на ориентировку ихъ по извѣстнымъ кристаллографическимъ законамъ. Хотя глыбы этого желѣза, падающаго на землю, и имѣютъ неправильныя формы, какъ и другіе метеориты, но по своему внутреннему сложенію это не безформенная масса беспорядочно сдѣпившихся частицъ металла. Это масса такъ же правильно организованная, какъ и всякій естественный кристаллъ, каждый обломокъ котораго, какъ бы мы ни искажали, не измѣняли искусственно его форму, всегда будетъ обнаруживать организацію своей массы: характеромъ лучепреломленія, блескомъ, правильнымъ направленіемъ трещинъ и расколовъ и многими другими признаками. Правильность строенія метеорического желѣза обнаруживается слѣдующимъ образомъ: отшлифованную поверхность металла смачиваютъ слабою кислотою; кислота не одинаково быстро разъѣдаетъ всѣ части этой массы, и болѣе устойчивыя части выдаются надъ общою поверхностью и обнаруживаютъ свое правильное расположеніе и особенности строенія всей массы. Это правильное строеніе космическихъ желѣзныхъ массъ, группировка частицъ ихъ по опредѣленнымъ законамъ кристаллообразованія, указываетъ, что эти массы формировались изъ пластичной, безформенной матеріи медленно и спокойно, подъ весьма значительнымъ давленіемъ, составляя какъ бы внутреннюю массу крупнаго космическаго тѣла.

Отъ самой распространенной группы метеоритовъ, съ которой мы начали нашъ обзоръ, мы пришли къ тѣламъ иного типа, — къ неокисленнымъ металлическимъ массамъ. При всемъ различіи этихъ метеоритовъ отъ нашей исходной группы, ихъ, какъ мы видѣли, можно связать съ ней рядомъ градацій. Идя отъ той же исходной группы въ другую сторону, мы путемъ такихъ же градацій дойдемъ до послѣдней, правда, очень небольшой группы *ассидеритовъ* — безжелѣзныхъ метеоритовъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ желѣза и всю массу которыхъ составляютъ минералы, между которыми видное мѣсто занимаютъ авгитъ и полевой шпатъ, составляющіе лишь рѣд-

ное явленіе въ хондритахъ. Эти же минералы, менѣе богатые желѣзомъ, чѣмъ оливинъ, играютъ преобладающую роль въ лавахъ нашихъ вулкановъ; извѣстны даже такіе метеориты, которые представляютъ совершенно ту же комбинацію минераловъ, какую мы видимъ въ медленно-остывшей лавѣ Этны; такой метеоритъ упалъ въ Арденскомъ департаментѣ во Франціи въ 1821 году.

И такъ, мы видимъ, что метеориты, при всемъ разнообразіи своихъ физическихъ свойствъ и состава, представляютъ естественную группу тѣлъ, образованныхъ комбинаціей немногихъ кремнекислыхъ минераловъ и никелекислаго желѣза. То одно желѣзо образуетъ всю массу метеорита, то оно образуетъ губчатую основу, въ которой заключены минералы, то разсѣяно островками въ минеральной массѣ, то является ничтожною примѣсью въ минеральнымъ составнымъ частямъ метеорита. Всѣ или почти всѣ минералы, встрѣчаемые въ метеоритахъ, извѣстны и на землѣ, — они встрѣчаются въ каменныхъ породахъ, образующихъ земныя толщи. Мало того, есть метеориты очень близко сходные съ нѣкоторыми каменными породами земли. Другіе, какъ, напримеръ: хондриты, паласситы, метеорическое желѣзо, представляютъ оригинальные типы, не имѣющіе своихъ аналоговъ на земной поверхности. Всѣ эти тѣла появляются въ нашей атмосферѣ съ своимъ обычнымъ cortegeemъ: огненнымъ шаромъ, оставляющимъ позади себя искристый слѣдъ, громовыми ударами и т. п. Размѣры этихъ тѣлъ варьируютъ въ довольно широкихъ предѣлахъ—отъ мелкихъ частицъ, безъ остатка сгорающихъ въ воздухѣ или оставляющихъ послѣ себя такъ называемую космическую пыль, до глыбъ вѣсомъ въ десятки пудовъ. Нашъ оханскій метеоритъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ, и если бы онъ не былъ разбитъ, онъ занялъ бы едва ли не первое мѣсто въ числѣ метеоритовъ, паденіе которыхъ было наблюдаемо до сихъ поръ.

Заговоривъ о величинѣ метеоритовъ, нельзя не упомянуть объ очень интересномъ событіи, случившемся осенью прошлаго года въ Тонкинѣ, въ провинціи Тайнинъ, — событіи, которое заставляетъ придти къ убѣжденію, что метеориты достигаютъ иногда колоссальныхъ размѣровъ.

Въ *Compte-rendu* парижской академіи и въ другихъ журналахъ въ концѣ прошлаго года было помѣщено письмо капитана Делоне, въ которомъ разсказывается, что 25 октября, около 8 час. вечера, изъ Тайнина и изъ Сайгона былъ видѣнъ болидъ, издававшій яркій, нѣсколько фіолетовый свѣтъ и оставлявшій послѣ себя искристую полосу, которая была видна секундъ 30.

Профессоръ Джемсъ, описывая то же явленіе, говоритъ, что болидъ 25 октября ярко освѣтилъ горизонтъ; воды рѣки Меконга у Пномъ-Пенха (Pnom-Penh) какъ будто поднялись, стремясь выйти изъ береговъ. Слышенъ былъ шумъ, сильно перепугавшій туземцевъ. Лодочники утверждали, что большой драконъ спускался съ неба, чтобы искупаться въ рѣкѣ.

То же явленіе и въ то же время было видно въ 80-ти верстахъ отсюда (въ Comroug-Cham), гдѣ европейцы слышали взрывы и какіе-то свиста-

шіе звуки. Спустя нѣсколько дней начальник провинціи получилъ отъ одного изъ правителей кантоновъ слѣдующее письмо:

«Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что въ деревнѣ Тань-Дунъ 9 числа 9 мѣсяца Анамита (25 октября) изволило спуститься неизвѣстное животное. Въ этотъ день былъ дождь и громъ. Это животное ушло на небо; земля оказалась поврежденной на протяженіи 20 метровъ въ длину, 5 въ ширину и 4 въ глубину. Вслѣдствіе чего и считаю долгомъ васъ увѣдомить объ этомъ».

Капитанъ Делоне немедленно отправился на мѣсто изслѣдовать обстоятельства, сопровождавшія паденіе этого, по всѣмъ признакамъ, замѣчательнаго метеорита. Осмотръ мѣстности и распросы показали, что огромный метеоритъ ударился о землю и, сдѣлавъ рикошетъ, отскочилъ и унесся далѣе по направленію къ Китайскому морю, въ которое, вѣроятно, и упалъ. Царапина, оставленная имъ на рисовой плантаціи съ торфянистою, богатою древесными корнями почвой была тщательно измѣрена и осмотрѣна; ея размѣры и форма дали возможность опредѣлить величину метеорита: это было удлинненно-грушевидное, неправильное тѣло, длиною въ 32 метра и съ діаметромъ въ 8 метровъ; вѣсъ тѣла Делоне оцѣниваетъ приблизительно 110,000 пудовъ. Явленіе было наблюдаемо столькими лицами, слѣдъ, оставленный метеоритомъ, настолько осязателенъ и поучителенъ, что не остается мѣста сомнѣнію въ дѣйствительности факта.

II.

Познакомившись съ минеральнымъ составомъ и строеніемъ метеоритовъ, мы можемъ приступить къ сравненію ихъ съ минеральными массами или такъ называемыми горными породами, изъ которыхъ построена наша планета. Эти разнообразныя минеральныя массы не въ безпорядкѣ перемѣшаны въ земной корѣ, а обнаруживаютъ въ своемъ распредѣленіи извѣстную законность, извѣстный порядокъ и правильность, дающія возможность, изучая ихъ, придти къ нѣкоторымъ положительнымъ научнымъ выводамъ объ исторіи событій, пережитыхъ нашею планетой. Нужно замѣтить, что поверхностныя минеральныя массы, составляющія почву съ ея растительнымъ покровомъ, игнорируются, когда идетъ рѣчь объ основныхъ чертахъ строенія земнаго шара; въ этихъ случаяхъ имѣются въ виду только тѣ массы, которыя лежатъ подъ этимъ почвеннымъ, наноснымъ слоемъ; ихъ можно видѣть въ тѣхъ искусственныхъ разрѣзахъ, которые приходится иногда дѣлать при проложеніи дорогъ, въ каменоломняхъ и рудникахъ, въ крутыхъ обрывахъ рѣчныхъ береговъ и въ утесистыхъ обнаженіяхъ морскаго побережья. Во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ мы чаще всего видимъ различнаго состава минеральныя массы, расположенныя слоями иногда очень мощными. Эти разнообразныя по составу слои смѣняють одинъ другой въ нѣкоторой правильной послѣдовательности: иногда они лежатъ горизонтально, въ другихъ случаяхъ они приподняты, иногда изогнуты и образуютъ складки

Почти всюду въ этихъ слояхъ можно встрѣтить раковины и другіе остатки организмовъ, преимущественно морскихъ; они находятся и въ мягкихъ глинистыхъ слояхъ, и въ твердыхъ каменныхъ слояхъ, слагающихъ высочайшія горы. Три четверти земной поверхности образованы изъ этихъ наслоенныхъ породъ и уже за тысячи лѣтъ было дознано, что онѣ образовались путемъ осажденія изъ воды. Ихъ образованіе мы наблюдаемъ и теперь на днѣ моря; ручьи и рѣки несутъ туда захваченныя съ суши минеральныя частицы въ видѣ зеренъ и мути; на днѣ моря онѣ осаждаются слоями, въ которыхъ погребаются и снесенныя съ суши организмы, и живущіе въ морѣ. Не только мутныя воды, но и кристалльно-прозрачныя несутъ въ море минеральный матеріалъ, въ нихъ растворенный, главнымъ образомъ, известь; морскія животныя воспринимаютъ ее и строятъ изъ нея свои раковины и скорлупки, которыя и скопляются на днѣ миллионами, образуя известковый илъ, превращающійся въ твердый известковый камень. Такъ дѣло идетъ и шло въ продолженіе миллионовъ лѣтъ. Такъ было въ теченіе того длиннаго ряда вѣковъ, въ продолженіе которыхъ развивалось и прогрессировало человѣчество и создавало свою исторію. Такъ было и въ тѣ безчисленные вѣка, когда не было не только исторіи, но и человѣчества, когда иные, чуждые намъ организмы смѣнялись на землѣ въ опредѣленной законной послѣдовательности и оставляли свои слѣды въ этихъ мощныхъ наслоеніяхъ, которыя теперь превратились въ сѣшу и образуютъ собой нѣчто вродѣ колоссальной книги, на листахъ которой записана исторія органическаго міра, исторія *жизни на землѣ*.

Но оставимъ въ покоѣ проявленія жизни,—мы говоримъ о камняхъ, о жертвѣ природѣ, если есть въ природѣ что-нибудь мертвое. Посмотримъ теперь, изъ чего состоятъ эти каменные листы. Не особенно разнообразенъ составъ ихъ: песокъ и песчаникъ, глина и известнякъ, то мягкій, какъ мѣлъ, то плотный, иногда мраморовидный. По химическому составу это все вещества, богатыя кислородомъ—окисленные: окисленный кремній, окисленный алюминій, окисленный кальцій.

Эти осадочныя толщи покоятся на породахъ иного рода, на породахъ кристаллическихъ, то слоистыхъ, какъ гнейсъ, то массивныхъ, какъ гранитъ.

Породы эти образуютъ плотную массу сросшихся кристаллическихъ зеренъ, чаще всего кварца, полеваго шпата, слюды, роговой обманки. Эти, такъ сказать, фундаментальныя породы мѣстами выходятъ прямо на поверхность, какъ, наприм., въ Финляндіи, гдѣ онѣ образуютъ довольно значительную часть поверхности континента, а оттуда въ видѣ валуновъ разнесены по всей средней Россіи. На югъ отъ Москвы онѣ выступаютъ полосой въ губерніяхъ: Волынской, Подольской, Херсонской; выступы именно этихъ породъ образуютъ пороги на нашихъ южно-русскихъ рѣкахъ. Тамъ, гдѣ эти породы не показываются на поверхность, можно добраться до нихъ, просверливъ осадочную толщу. Такъ, подъ Петербургомъ, недалеко отъ Финляндіи, онѣ находятся на глубинѣ 100 сажень; подъ Москвою можно разсчитывать встрѣтить ихъ на глубинѣ 300—500 сажень.

И такъ, земную кору, т.-е. часть земнаго шара, доступную нашимъ наблюденіямъ, мы должны представлять себѣ въ видѣ сферической оболочки изъ кристаллическихъ фундаментальныхъ породъ, какъ гранитъ, гнейсъ и т. п., пониженныя части которой — бассейны — выполнены слоистыми, осадочными породами, отлагавшимися въ древнихъ моряхъ и продолжающимися отлагаться въ современныхъ.

Что же находится еще глубже? Ищемъ ли мы средства узнать объ этомъ? Мы можемъ судить объ этомъ по третьему роду каменныхъ породъ, по породамъ вулканическимъ, которыя выносятся изъ большой глубины на поверхность въ расплавленномъ или полурасплавленномъ видѣ, въ видѣ лавъ. Источникъ этихъ лавъ находится ниже гранитной оболочки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земнаго шара можно наблюдать, какъ эти лавы прорвались нѣкогда черезъ граниты и, излившись на поверхность, застыли и превратились въ каменные массы. Изъ чего же состоятъ эти каменные массы?

Существенную составную часть ихъ, какъ и въ гранитѣ, составляютъ силикаты, соединенія кремнезема или кремневой кислоты съ окислами алюминія, кальція, магнія, желѣза. Но, въ большинствѣ случаевъ, въ нихъ меньше кремнезема, а, слѣдовательно, и меньше кислорода, чѣмъ въ гранитѣ, и больше минераловъ, богатыхъ желѣзомъ; эти массы болѣе тяжелы, чѣмъ гранитъ. Къ числу обыкновенныхъ минераловъ въ этихъ породахъ принадлежатъ: полевой шпатъ, авгитъ, оливинъ, магнитный желѣзный окисель.

Минералы эти не образуютъ сросшихся между собой зеренъ, а включены въ быстро остывшую и не успѣвшую кристаллизоваться стекловидную массу.

Эти прорвавшіяся изъ глубины каменные породы знакомятъ насъ съ составомъ минеральныхъ массъ, лежащихъ ниже гранитной и гнейсовой оболочки. По нимъ мы узнаемъ о существованіи тамъ, въ глубинѣ, болѣе тяжелыхъ и менѣе окисленныхъ веществъ, т.-е. такихъ, въ составѣ которыхъ кислорода и кремнія меньше, а металлическихъ окисловъ больше, чѣмъ въ породахъ выше лежащихъ. Еще болѣе тяжелыя, болѣе основныя массы, состоящія изъ одного оливина, иногда отдѣльными глыбами выбрасываются изъ вулкановъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ, въ глубинѣ, этотъ богатый желѣзомъ минералъ встрѣчается въ значительныхъ массахъ.

Есть и такія мѣстности, гдѣ оливиновая порода, сходная съ этими выбросами, выступаетъ на поверхность значительными массами. Далѣе въ глубь не проникаютъ наши наблюденія.

Возвратимся теперь къ метеоритамъ и попробуемъ сравнить ихъ съ этими тремя типами горныхъ породъ, образующихъ земную кору. Между породами *осадочными* мы не найдемъ ни одной сколько-нибудь похожей на метеориты. Осадочныя породы съ ихъ органическими остатками, это—продукты работы атмосферы и океана.

Метеориты не принесли намъ никакихъ указаній на существованіе атмосферы и океана, сходныхъ съ нашими, въ тѣхъ областяхъ вселенной, изъ которыхъ они прибыли.

Между фундаментальными гнейсовыми и гранитовыми породами мы также не находимъ сходныхъ съ метеоритами; присутствіе кварца или кремневой кислоты и минераловъ, богатыхъ этимъ веществомъ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ всѣхъ метеоритовъ.

Между изверженными изъ глубины вулканическими породами и метеоритами мы встрѣчаемъ болѣе общаго. Почти всѣ минералы, встрѣчаемые въ метеоритахъ, мы находимъ и въ вулканическихъ породахъ — въ лавахъ: авгитъ, оливинъ, основной полевои шпатъ, магнитный желѣзный окисель, некристаллизованные участки стекла, — все это мы встрѣчаемъ и въ метеоритахъ. Мало того, метеоритъ, упавшій въ Арденскомъ департаментѣ во Франціи въ 1821 г., по минераламъ, его составляющимъ, совершенно сходенъ съ лавою Этны. Кромѣ того, есть метеориты, состоящіе почти изъ одного оливина; они очень сходны съ оливинowymi глыбами, иногда выбрасываемыми изъ вулкановъ. Но не слѣдуетъ преувеличивать этого сходства. Большинство метеоритовъ не имѣетъ соответствующихъ имъ типовъ между вулканическими породами; только небольшая группа метеоритовъ, бѣдныхъ желѣзомъ, встрѣчается между земными каменными породами родственные типы. Большинство же метеоритовъ представляетъ собою тѣла вообще менѣе окисленные, тѣла, содержащія значительное количество металла совсѣмъ неокисленного, и даже тѣла, состоящія исключительно изъ неокисленного металла (метеорическое желѣзо).

Изученіе метеоритовъ какъ бы раздвигаетъ рамки нашихъ свѣдѣній о типахъ каменныхъ горныхъ породъ и даетъ нѣкоторое указаніе на то, что мы могли бы встрѣтить, если бы намъ были доступны болѣе глубоко лежащія массы земнаго шара. Это указаніе дѣлается еще болѣе знаменательнымъ, если вспомнить, что удѣльный вѣсъ земнаго шара въ его цѣломъ далеко превосходитъ удѣльный вѣсъ нашихъ поверхностныхъ каменныхъ породъ; эти послѣднія всего въ $2\frac{1}{2}$, въ 3 раза тяжелѣе воды, и если бы весь земной шаръ состоялъ изъ подобныхъ веществъ, онъ равнялся бы по вѣсу $2\frac{1}{2}$ или 3 такимъ шарамъ, состоящимъ изъ воды. На самомъ дѣлѣ, земной шаръ вѣситъ столько, сколько вѣсили бы $5\frac{1}{2}$ такихъ же шаровъ изъ воды. Это прямо указываетъ на присутствіе внутри нашего шара несравненно болѣе тяжелыхъ веществъ, чѣмъ тѣ, которыя мы наблюдаемъ на поверхности.

Возникаетъ вопросъ, неужели внутри земнаго шара мы должны предположить желѣзо, подобное метеорическому, чистое или смѣшанное съ кристаллами желѣзистыхъ минераловъ, какъ Палласова желѣзная масса? Припоминается тутъ и давно усвоенное нами изъ курса физики свѣдѣніе, что земля есть магнитъ и имѣетъ свои магнитные полюсы. Думается, не стоитъ ли уже и это свойство земли въ связи съ составомъ ея внутренней массы? Каковъ же, въ самомъ дѣлѣ, этотъ составъ? Можетъ ли дать наука для рѣшенія этого вопроса что-нибудь, кромѣ этихъ гадательныхъ предположеній? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить описаніе одного изъ эпизодовъ странствованій Норденшильда въ около-полярныхъ странахъ.

Отправляясь въ 1870 г. въ полярную экспедицію для изслѣдованія ледяныхъ пустынь Гренландіи, Норденшильдъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставилъ себѣ еще одну задачу: разыскать у береговъ Гренландіи массы метеорического желѣза, о присутствіи которыхъ въ этихъ странахъ можно было догадываться, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ.

Уже давно были извѣстны въ Европѣ, привезенные прежними путешественниками, эскимосскіе ножи, сдѣланные, по рассказамъ эскимосовъ, изъ желѣза, найденнаго ими близъ мыса Юрка. Желѣзо, вслѣдствіе своей легкой окисляемости, не находится въ земной корѣ въ металлическомъ неокисленномъ состояніи, и объяснить находку эскимосовъ можно было только предположивъ существованіе въ той мѣстности метеорического желѣза, которымъ воспользовались эскимосы. Присутствіе никеля въ желѣзѣ эскимосскихъ ножей подтверждало догадку. Оставалось разыскать эти интересныя массы и сдѣлать ихъ достояніемъ науки. Послѣ многихъ распросовъ Норденшильдъ удалось, наконецъ, найти на островѣ Диско, у западнаго берега Гренландіи, въ мѣстности трудно доступной, нѣскольکو большихъ глыбъ желѣза, лежавшихъ у подножія крутаго береговаго обрыва, сложеннаго изъ застывшихъ потоковъ базальтовой лавы, которая тоже мѣстами содержала желѣзо. Одна изъ этихъ глыбъ вѣсила около 1,300 пудовъ, другая около 50 пуд. Желѣзо оказалось никелистымъ, совершенно сходнымъ съ метеорическимъ, и невольно представилась воображенію путешественника величественная картина громаднхъ, еще не застывшихъ потоковъ базальтовой лавы, надъ которыми проносятся и разрываются огромныя болиды, и массы метеорического желѣза падаютъ внизъ и вѣдряются въ мягкую еще лаву. Необычайное, надо сознаться, но не невозможное совпаденіе въ одномъ мѣстѣ двухъ событій, столь рѣдко случающихся!

Другое объясненіе факта, которое можно было сдѣлать, это—допустить появленіе массъ желѣза вмѣстѣ съ базальтомъ изъ глубины земли. Это объясненіе казалось менѣе вѣроятнымъ, если принять въ соображеніе все, что было извѣстно о веществахъ, выбрасываемыхъ вулканами.

Не довольствуясь фактами, сообщенными Норденшильдомъ, датскій путешественникъ Стенструупъ вновь отправился къ западнымъ берегамъ Гренландіи и на островъ Диско, чтобы изслѣдовать во всѣхъ деталяхъ эту интересную мѣстность, въ которой въ одну изъ недавнихъ геологическихъ эпохъ изливались огромныя массы тяжелыхъ базальтовыхъ лавъ, нынѣ отчасти скрытыхъ подъ мощнымъ покровомъ гренландскаго льда.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Норденшильдъ нашелъ желѣзныя массы, Стенструупу удалось обнаружить мощныя жилы базальта, изслѣдуя массу которыхъ онъ нашелъ въ ней, кромѣ обычныхъ въ этой породѣ минераловъ: оливина, авгита и магнитной окиси желѣза, обильную примѣсь зеренъ метадического желѣза, образующихъ съ минералами такую тѣсную равномерную смѣсь, что уже нельзя было принять это желѣзо за случайно попавшую постороннюю примѣсь къ массѣ; несмотря на необычайность факта, было вѣроятнѣе признать это желѣзо за составную

часть породы, прорвавшейся на поверхность изъ глубокихъ областей земнаго шара. А такой выводъ дѣлалъ невѣроятнымъ метеорическое происхождение и большихъ глыбъ желѣза, найденнаго въ этомъ базальтѣ, и приводилъ къ допущенію земнаго происхожденія этихъ массъ.

Въ настоящее время присутствіе никелистаго желѣза въ основныхъ вулканическихъ породахъ доказано, и, вслѣдъ за открытіемъ Стенструпа, частицы желѣза стали разыскивать и въ другихъ мѣстностяхъ и нашли въ нѣкоторыхъ европейскихъ вулканическихъ породахъ; но нигдѣ еще не найдено теллурическое желѣзо въ такихъ огромныхъ массахъ, какъ въ Гренландіи.

И такъ, желѣзо и никель въ свободномъ, неокисленномъ состояніи нельзя болѣе считать принадлежностью метеорныхъ камней; это же вещество, несомнѣнно, есть и въ глубокихъ областяхъ земли, и въ рѣдкихъ случаяхъ выносится на поверхность, будучи захвачено наиболѣе тяжелыми, наиболѣе основными лавами. Это обстоятельство еще болѣе сближаетъ метеориты съ каменными породами земли, но не съ поверхностными, а глубоко лежащими и рѣдко доступными наблюденію.

Это сходство метеоритовъ съ глубоко-лежащими каменными массами земли освѣщаетъ ли намъ сколько-нибудь вопросъ о происхожденіи метеоритовъ вообще? Можно ли, наприм., основываясь на этомъ сходствѣ, предположить какую-нибудь генетическую связь метеоритовъ съ землею?

Нельзя ли признать и метеориты за продукты, выброшенные нѣкогда нашими вулканами, и, исходя изъ этого предположенія, разъяснить ихъ дальнѣйшую исторію? Именно это объясненіе и было однимъ изъ первыхъ въ томъ длинномъ рядѣ послѣдовательно возникавшихъ гипотезъ, которыми стремились объяснить происхождение и природу метеоритовъ; но она не въ состояніи была объединить всѣ извѣстные факты. Далеко не всѣ, а лишь немногіе метеориты похожи на извѣстныя намъ вулканическія породы, а обстоятельства появленія метеоритовъ, направленіе ихъ движеній и ихъ скорость совсѣмъ не мирятся съ подобнымъ предположеніемъ. Въ тому же, сходство химическаго и минеральнаго состава метеоритовъ и земныхъ породъ находитъ себѣ и иное объясненіе. Спектральный анализъ указалъ намъ на присутствіе въ солнцѣ и въ другихъ небесныхъ тѣлахъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, какіе мы знаемъ на землѣ. Метеориты, если признать ихъ за тѣла космическія, только подтверждаютъ это указаніе, принесенное свѣтовыми лучами, и свидѣтельствуютъ о томъ, что эти космическіе элементы и внѣ земли соединяются между собой по тѣмъ же законамъ и даютъ тѣ же продукты, какъ и на землѣ.

Мы не будемъ вспоминать всѣхъ весьма многочисленныхъ и иногда не лишенныхъ остроумія попытокъ объяснить происхождение метеоритовъ. Судьба всѣхъ этихъ попытокъ имѣетъ много общаго: добываются новые факты, сопоставляются съ преждевременно созданными теоріями и ничего больше не остается дѣлать, какъ оставить теоріи и предоставить говорить фактамъ.

Послушаемъ же, что говорятъ намъ о происхожденіи метеоритовъ тѣ

факты, которыми нынѣ располагаетъ наука. Факты эти удобно раздѣляются на двѣ группы: 1) наблюденія, добытыя астрономами, которые изучаютъ еще не упавшіе на землю метеориты-болиды и падающія звѣзды, опредѣляютъ направленіе полета этихъ небѣсныхъ тѣлъ и тѣлецъ, ихъ массы, скорость и условія движеній; 2) наблюденія, добытыя геологами и химиками, изучающими составъ и строеніе метеоритовъ, уже окончившихъ свой путь въ пространствѣ и упавшихъ на землю.

Съ результатами наблюденій геологовъ мы только что познакомились. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что вещество метеоритовъ кристаллично, что молекулы этого вещества расположены такъ, какъ они располагаются въ веществѣ расплавленномъ и охлаждающемся медленно и спокойно подъ значительнымъ давленіемъ, и это наблюдается не только на минералахъ, но и на массахъ желѣза, всегда обнаруживающихъ правильное расположеніе частицъ. Трещиноватость кристалловъ и присутствіе темныхъ массъ сплавленнаго шлакообразнаго вещества въ нѣкоторыхъ метеоритахъ указываетъ на рѣзкія колебанія температуры, которымъ они подвергались послѣ своего образованія. Обломочный характеръ кристалловъ указываетъ на механическія воздѣйствія, которымъ подвергались составныя части породы.

Хондритовое строеніе, присутствіе минеральныхъ шариковъ, какъ бы застывшихъ капель или комочковъ вещества, иногда вдвинутыхъ одинъ въ другой, указываетъ на какія-то особыя условія въ агрегаціи вещества, такъ какъ подобное строеніе не наблюдается въ нашихъ камняхъ и еще не воспроизведено искусственно. Въ разъясненіи этихъ особенностей строенія еще много простора для смѣлаго полета фантазій и для разнообразныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній и комбинацій, въ которыхъ нѣтъ пока ничего устойчиваго. Еще одно обстоятельство ограничиваетъ нѣсколько этотъ просторъ: обломочная, неправильно глыбоватая форма метеоритовъ и наблюдаемая иногда трещины, наполненная шлакообразною массой, указываютъ на происхожденіе этихъ глыбъ изъ нѣкакого тѣла, имѣвшаго довольно значительные размѣры и затѣмъ подвергшагося какимъ-то механическимъ и термическимъ вліяніямъ, измѣнившимъ его первоначальную структуру и форму.

Между фактами, добытыми астрономами, кромѣ указаннаго ранѣе опредѣленія скорости и высоты возгоранія метеоровъ, особенный интересъ представляетъ указаніе на тѣсную связь между метеоритами, падающими звѣздами (метеорами) и кометами. Я уже указалъ ранѣе на факты, свидѣтельствующіе о томъ, что между значительными каменными массами, упавшими на землю въ видѣ метеоритовъ, и мелкими зернами вещества, пролетающими по небу въ видѣ падающей звѣзды и сгорающими въ атмосферѣ, нѣтъ разницы по существу. Разница развѣ вотъ въ чемъ: метеориты появляются вообще рѣдко и по одиночкѣ, падающія звѣзды обыкновенно также появляются по одиночкѣ, загораясь то здѣсь, то тамъ на небесномъ сводѣ; но, кромѣ этихъ спорадическихъ метеоровъ, наблюдаются въ нѣко-

торые дни года цѣлые рои падающихъ звѣздъ; онѣ загораются тогда не по одиночкѣ, а какъ капли огненнаго дожда или какъ хлопья снѣга мелькають одновременно въ разныхъ частяхъ небснаго свода и, притомъ, въ направленіяхъ не совершенно случайныхъ, а какъ бы расходясь во всѣ стороны изъ одной точки, изъ одного мѣстечка на небсномъ сводѣ. Это и указываетъ, что земля пересѣкается въ это время цѣлый потокъ метеорическихъ частицъ, движущихся въ опредѣленномъ направленіи. Правильная періодичность этого потока, повтореніе явленія въ одинъ и тотъ же день года, указываетъ, что потокъ этотъ имѣетъ форму замкнутую, форму кольца (растянутаго въ эллипсисъ), и что кольцо это пересѣкается землею въ одной и той же точкѣ ея годичнаго пути. Такъ какъ явленіе наблюдается не одинъ разъ въ году, а нѣсколько (10 августа, 14 ноября, 20 апрѣля), то пришлось признать и нѣсколько такихъ потоковъ. Вотъ эти-то періодическіе, въ опредѣленное время появляющіеся рои метеоровъ и дали астрономамъ возможность обнаружить въ высшей степени интересную связь метеоровъ съ кометами.

Итальянскій астрономъ Скиапарелли замѣтилъ, что путь того потока метеоровъ, который пересѣкается землею 10 августа (т. наз. Персеиды), соответствуетъ пути, по которому шла большая 3-я комета 1862 г. Далѣе оказалось, что и потокъ метеоровъ 14 ноября движется, почти точно слѣдуя по пути, пройденному одною изъ большихъ кометъ. Происхожденіе знаменитаго дожда падающихъ звѣздъ 27 ноября 1872 г. удалось связать съ судьбой періодической кометы Біелы, которая прежде появлялась на нашемъ горизонтѣ черезъ каждыя 7 лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ, но лѣтъ 40 тому назадъ распалась на двѣ части, а потомъ и совсѣмъ исчезла. И такъ, желаніе разъяснить исторію метеоритовъ обратило наши взоры на кометы, на такія тѣла, разъясненіе исторіи которыхъ лежитъ внѣ предѣловъ компетенціи геологовъ; говоря о нихъ, геологъ не можетъ не чувствовать, что онъ стоитъ не на обычной своей каменной почвѣ, а далеко отъ нея, гдѣ-то въ эфирѣ неба. Но, къ счастью, мнѣ нѣтъ надобности останавливаться долго въ сферѣ, столь несвойственной моей профессіи. Мы слышали высоко-научное и художественно-простое изложеніе современнаго состоянія ученія о кометахъ и метеорахъ*), слышали изъ устъ ученаго, очень много потрудившагося надъ выясненіемъ вопроса о природѣ кометъ. Мы слышали, что эти гости невѣдомыхъ намъ отдаленныхъ міровъ съ изумительною быстротой приносятся въ нашу солнечную систему, приближаются къ нашему солнцу, обѣгаютъ вокругъ него и снова уносятся въ отдаленнѣйшіе предѣлы вселенной, по своимъ сильно растянутымъ орбитамъ, чтобы снова тѣмъ же путемъ вернуться на наше небо, быть можетъ, послѣ многихъ и многихъ десятковъ лѣтъ путешествія. У слышавшихъ эти лекціи, конечно, еще ясны въ памяти всѣ обстоятельства, которыя сопровождаютъ прибытіе въ нашу солнечную систему этихъ гостей. Вотъ наиболѣе важныя изъ

*) Публичныя лекціи проф. Бредкина.

этихъ явленій: съ приближеніемъ къ солнцу ядро кометы выдѣляетъ все большее и большее количество чрезвычайно легкаго и тонкаго вещества, которое, повинуясь отталкивающей энергіи солнца (быть можетъ, электрической), летитъ прочь отъ ядра кометы въ сторону, противоположную солнцу, образуя тотъ свѣтлый, слегка изогнутый коноидъ, который обыкновенно называютъ хвостомъ кометы.

Кромѣ этого главнаго, ядро свѣтящагося потока вещества, замѣчается иногда еще другой, а иногда и третій потокъ. Эти два болѣе слабо замѣтные потока образованы иными веществами, отбрасываемыми то съ большею, то съ меньшею энергіей, а потому и не сливающимися съ главнымъ потокомъ. Вызванные къ бытію энергіей солнечныхъ лучей, всѣ эти свѣтящіеся потоки, образуящіе хвостъ кометы, меркнутъ съ удаленіемъ отъ солнца, комета перестаетъ быть видимою и исчезаетъ съ нашего неба. Спектроскопическое изслѣдованіе свѣта этихъ потоковъ вещества указываетъ на присутствіе въ нихъ соединеній углерода съ водородомъ, т. е. на вещество, близкое къ нашему свѣтильному газу; это вещество образуетъ наиболѣе яркій потокъ. Затѣмъ открыто присутствіе водорода въ одно изъ придаточныхъ потоковъ и, наконецъ присутствіе тяжелыхъ, металлическихъ паровъ въ другомъ слабо замѣтномъ потокѣ. Но образованіемъ этого свѣтлаго, легкаго коноида съ его придатками не ограничивается рядъ явленій, сопровождающихъ приближеніе кометы къ солнцу. Въ благоприятныхъ случаяхъ, когда комета пробѣгаетъ въ близкомъ разстояніи отъ солнца, можно видѣть еще, что отъ ядра ея отдѣляется потокъ болѣе плотныхъ, болѣе тяжелыхъ частицъ, которыя уже не относятся прочь отталкивающей силой солнца, а, напротивъ, отбрасываются кометою по направленію къ солнцу, получаютъ стремленіе падать на солнце, и это стремленіе, слагаясь съ силою, мчащею комету впередъ по ея пути, сворачиваетъ отторженные частицы ядра съ этого пути и заставляетъ ихъ остаться навсегда въ нашей солнечной системѣ и описывать вокругъ солнца кольцеобразные пути, подобные тѣмъ, по которымъ движутся планеты. Вотъ происхожденіе тѣхъ кольцеобразныхъ потоковъ—метеорическихъ частицъ, которыя, сближаясь и пересѣкаясь съ путемъ нашей планеты, приносятъ въ нашу атмосферу тѣ массы метеорическихъ зеренъ, которыя цѣлыми роями сгораютъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, сжигаемыя своею собственною энергіей, превратившеюся изъ энергіи движенія въ энергію теплоты. вмѣстѣ съ этими мелкими частицами, сгорающими въ атмосферѣ, прилетаютъ иногда и крупныя глыбы, производящія явленія болидовъ, и, наконецъ, падающія на землю въ видѣ метеоритовъ. Правда, метеориты не падаютъ во множествѣ въ дни паденія звѣздныхъ дождей, но это объясняется тѣмъ, что вообще эти крупныя глыбы рѣдки, и въ обыкновенное время одинъ метеоритъ приходится на многія тысячи, даже милліоны мелкихъ, сгорающихъ въ атмосферѣ, частицъ. Каждый изъ насъ по своему опыту знаетъ, что можно насчитать десятки упавшихъ звѣздъ въ одну ночь, и, въ то же время, громадному большинству изъ насъ во всю жизнь не удастся быть свидѣтелемъ паденія метеоритовъ.

Съ другой стороны, не нужно забывать, что энергія солнечныхъ лучей не только отторгаетъ отъ ядра кометы его части, но и сортируетъ, какъ бы просѣиваетъ ихъ, ибо только мелкія зерна могутъ быть отброшены по направлению къ солнцу съ силою, достаточною, чтобы свернуть ихъ съ ихъ параболическаго пути и заставить образоватъ этотъ замкнутый, кольцеобразный потокъ вещества, который земля пересѣкаетъ на своемъ пути. Живая сила болѣе крупныхъ глыбъ, мчащая ихъ впередъ, настолько велика, что сравнительно съ нею оказывается совершенно ничтожною сила, отбрасывающая ихъ отъ кометы, и далеко недостаточною, чтобы измѣнить направленіе ихъ пути, и глыбы эти мчатся далѣе по своей кометной орбитѣ, не попадая въ тотъ замкнутый потокъ метеорическихъ зеренъ, который останется въ нашей солнечной системѣ. Эти глыбы, въ сущности, суть ничто иное, какъ маленькія кометы. Случайно и онѣ могутъ столкнуться съ землею на своемъ пути, будутъ ею притянуты и окончатъ свое небесное странствованіе.

Сравнительно частое появленіе метеоритовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, кромѣ большихъ, наблюдаемыхъ астрономами кометъ, въ пространствѣ вселенной проносится множество сравнительно мелкихъ кометъ, не видимыхъ въ телескопы, и онѣ-то, падая на землю, приносятъ намъ осязаемые, матеріальные образчики того вещества, того матеріала, изъ котораго построена видимая нами вселенная, объ изумительномъ строѣ которой повѣствуютъ намъ свѣтовые лучи на единственномъ истинно-всемірномъ языкѣ—на языкѣ математики.

Мы видимъ, что вопросъ о происхожденіи метеоритовъ тождественъ съ вопросомъ о происхожденіи кометъ. Этотъ послѣдній вопросъ не рѣшенъ астрономами; имъ удалось пока разъяснить лишь нѣкоторые эпизоды изъ исторіи странствованій этихъ небесныхъ тѣлъ.

Откуда берутся кометы, въ какомъ отношеніи стоятъ онѣ къ солнечной системѣ, къ туманностямъ, какую играютъ роль въ экономіи вселенной, прошли ли онѣ тотъ циклъ измѣненій, который пережила и переживаетъ наша земля и планеты, будутъ ли кометы переживать эти измѣненія, если еще не пережили ихъ,—все это еще вопросы будущаго.

Въ недавнее время англійскій астрономъ Локайеръ энергично принялся за разработку вопроса объ отношеніи метеоритовъ къ другимъ космическимъ тѣламъ. Онъ сталъ сравнивать спектры, даваемые раскаленными при разныхъ условіяхъ метеоритами, со спектрами кометъ, туманностей и звѣздъ и нашелъ, что спектры туманностей близки къ спектрамъ метеоритовъ, умѣренно нагрѣваемыхъ въ очень разрѣженной атмосферѣ; что спектръ кометы, проходящій близъ солнца, похожъ на спектръ метеорита, сильно раскаленнаго въ уплотненной атмосферѣ. Нѣсколько болѣе сложнымъ путемъ удалось Локайеру получить искусственно спектръ, очень близкій къ солнечному. Только спектръ такихъ звѣздъ, какъ Сиріусъ, температура котораго далеко превышаетъ температуру нашего солнца, не могъ быть полученъ искусственно. Путемъ этихъ изслѣдованій Локайеръ пытался опредѣлить

температуру веществъ, образующихъ туманности, кометы и солнца, и пришелъ къ весьма интереснымъ заключеніямъ о состояніи вещества, изъ котораго состоятъ всё эти космическія тѣла. Локайеръ думаетъ, что именно метеоритамъ принадлежитъ чрезвычайно важная роль въ экономіи вселенной, что кометы и туманности состоятъ изъ быстро несущихся и сталкивающихся между собою метеоритовъ, при столкновеніи которыхъ развивается огромное количество теплоты — слѣдствіе перехода одной формы энергіи въ другую, движенія—въ теплоту. Изъ такихъ же скопленій состояли нѣкогда звѣзды и солнце. Разница въ температурѣ метеоритныхъ скопленій, образовавшихъ туманности, кометы, солнца и звѣзды, обуславливается различною быстротою метеоритныхъ потоковъ и густотой скопленій въ нихъ метеоритовъ. Достаточно представить себѣ, по мнѣнію Локайера, пространство, наполненное безчисленными мелкими каменными массами, состоящими изъ нѣсколькихъ первичныхъ элементовъ, движущимися въ разномъ направленіи съ огромными скоростями, скопляющимися въ потоки и сталкивающимися между собою, и мы будемъ имѣть базисъ, на которомъ могла возникнуть вселенная съ ея звѣздами, солнцами, туманностями и кометами.

Менѣе густыя скопленія мелкихъ, сталкивающихся метеоритовъ образуютъ туманности и кометы; столкновеніе могучихъ метеоритныхъ потоковъ поведетъ къ образованію солнцъ вродѣ Спиріуса, вещество которыхъ нагрѣто до температуры, далеко превышающей температуру нашего солнца, и находится въ состояніи чрезвычайнаго свѣченія. Охлаждаясь и сокращаясь, такое солнце перейдетъ въ то состояніе, въ какомъ находится наше солнце, еще ярко свѣтящееся, но уже состоящее не изъ первичныхъ элементовъ, а изъ тѣхъ веществъ, которыя мы знаемъ на землѣ и при помощи спектроскопа открываемъ на солнцѣ. При дальнѣйшемъ охлажденіи получится слабо свѣтящее и далѣе не свѣтящееся тѣло. Охладившіяся массы могутъ вновь столкнуться, энергія ихъ движенія перейдетъ въ теплоту, которая опять превратитъ ихъ въ яркія солнца перваго порядка. Эта новая теорія міра привлекаетъ своею простотой и величественностью и представляетъ собою смѣлую попытку примѣнить къ толкованію строя вселенной тѣ или близкія къ тѣмъ воззрѣнія, какія выработала современная наука для объясненія свойствъ газовъ (кинетическая теорія газовъ). Но теорія эта пока не имѣетъ еще подъ собою прочной почвы и далеко остается позади стройной, математически разработанной Канто-Лапласовской теоріи. Но не станемъ вдаваться въ детали этихъ, во всякомъ случаѣ, интересныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что они не рѣшаютъ и едва ли подвигаютъ впередъ интересующій насъ вопросъ о происхожденіи метеоритовъ. Мы видимъ, что съ этимъ вопросомъ тѣсно связаны многіе другіе вопросы, рѣшеніе которыхъ обѣщаетъ пролить новый свѣтъ на механизмъ и исторію вселенной. Не трудно видѣть, что для рѣшенія вопросовъ этого рода недостаточно быть ни астрономомъ, ни геологомъ, ни физикомъ. Астрономъ не можетъ услѣдить за явленіями, совершающимися въ

кометѣ на всемъ пути ея движенія; астрономъ едва ли когда-нибудь разъяснитъ намъ, какими химическими и физическими законами управляются измѣненія въ агрегаціи того космическаго, туманнаго вещества, изъ котораго создаются солнца и планеты, и образцы котораго, въ видѣ метеоритовъ, заносятся иногда въ нашу атмосферу. Только комбинируя результаты астрономическихъ и спектроскопическихъ наблюденій съ результатами, полученными химиками и геологами, изслѣдующими составъ и строеніе метеоритовъ и стремящимися опредѣлить тѣ условія, при которыхъ могло происходить образованіе составныхъ частей ихъ, мы можемъ рассчитывать приблизиться къ пониманію тѣхъ условій, въ которыхъ находится космическое вещество въ отдаленнѣйшихъ областяхъ вселенной и въ которыхъ, быть можетъ, находилось вещество нашей земли и нашего солнца въ очень отдаленныя первичныя фазы ихъ образованія. Для рѣшенія вопросовъ этого рода нужны совокупныя усилія астрономовъ, геологовъ, физиковъ и химиковъ, нужно дружное единеніе многихъ наукъ, нужна работа мощнаго ума, способнаго ориентироваться въ огромной массѣ добываемыхъ фактовъ и иногда недоразумѣній и противурѣчій и способнаго сгруппировать эту хаотическую массу знанія въ одну стройную систему, которая сдѣлаетъ намъ понятною какъ исторію вселенной вообще, такъ и исторію метеоритовъ, этихъ желѣзныхъ и каменныхъ странниковъ въ необъятныхъ и холодныхъ областяхъ неба, этихъ маленькихъ пигмеевъ, куда-то спѣшащихъ, куда-то несущихся между тѣлами, правильно совершающими свой вѣковѣчный путь въ пространствѣ вселенной.

А. Павловъ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Фальсификаціи, искусственные продукты и суррогаты.

Фальсификація продуктовъ и спеціальныя лабораторіи для борьбы съ нею. — Способы изслѣдованія. — Умешенныя и неумешенныя примѣсы. — Цинкъ, мѣдь и свинецъ въ хлѣбѣ и въ кондитерскихъ издѣліяхъ. — Мышьякъ въ минеральныхъ водахъ. — Кухонная посуда. — Ядовитыя краски. — Подрашиваніе пшена. — Ядовитыя косметическія средства. — Фальсификація хинина и другихъ лѣкарственныхъ веществъ. — Фальсификація бадыана. — Поддѣлка чая, кофе, шоколада, какао, перда и корицы. — Мука. — Мясъ и консервы въ санитарномъ отношеніи. — Поддѣлка молока. — Искусственные продукты и суррогаты. — Искусственные драгоценныя камни. — Искусственный мускусъ. — Марена и алizarинъ. — Новый сахаръ — акроза. — Искусственные яйца. — Сахаринъ, какъ суррогатъ сахара. — Искусственная кожа. — Суррогатъ чернилъ. — Дуффа — суррогатъ губки. — Тутовый листъ. — Ткани изъ торфа. — Олеомаргаринъ и искусственное коровье масло. — Способы Межъ-Мурье и Мотта. — Санитарная оцѣнка искусственнаго масла. — Подрашиваніе и ароматизація его. — Усвояемость различныхъ жировъ. — Современные взгляды на діететическое значеніе олеомаргарина. — Способы испытанія масла. — Фабрикація олеомаргарина въ различныхъ государствахъ. — Спеціальныя законы относительно олеомаргарина. — Искусственное деревянное масло. — Фальсификація растительныхъ маселъ. — Искусственные жиры.

Фальсификація, безъ сомнѣнія, составляетъ величайшее зло современной промышленности. Порча товара разнаго рода примѣсами, часто вредными для здоровья, сдѣлалась въ настоящее время повсемѣстно столь обычнымъ явленіемъ, что для борьбы съ этимъ зломъ во многихъ государствахъ учреждены спеціальныя лабораторіи *), преимущественно для изслѣдованія обращающихся въ торговлѣ жизненныхъ припасовъ. Таковы, наприм., парижская гигиеническая лабораторія, лабораторія вольнаго общества баварскихъ представителей прикладной химіи и министерства земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ и друг. Подобныя лабораторіи приносятъ, конечно, огромную пользу во многихъ отношеніяхъ, устанавливая строгій санитарный контроль надъ качествомъ питательныхъ продуктовъ и вообще предметовъ потребленія.

Но по мѣрѣ того, какъ совершенствуются способы химическаго изслѣдованія, измѣняется и характеръ поддѣсей, — фальсификаціи становятся не-

*) Подобныя лабораторіи мало-по-малу заводятся и у насъ (въ Петербургѣ, напримѣръ).

уловимыми даже и для лучшихъ химиковъ. Случаи, когда поддѣлка почти не можетъ быть обнаружена, не составляютъ рѣдкости. Въ продажѣ существуютъ такого рода смѣси, которыя иногда совершенно не поддаются химическому изслѣдованію, каковы, наприм., поддѣльные вина, растительныя масла, разнаго рода твердые и мягкіе жиры и т. п. Предлагаемые для этого приемы анализовъ по своей сложности и продолжительности, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не примѣнимы на практикѣ, тѣмъ болѣе, что и получаемые результаты нерѣдко являются весьма сомнительными.

Простыхъ же, скорыхъ и точныхъ, вполне доступныхъ для практики способовъ изслѣдованія вина, молока, масла и т. п. продуктовъ не существуетъ, и потому-то, конечно, продукты эти чаще всего и подвергаются фальсификаціи.

Какъ велика потребность въ такихъ способахъ, видно изъ того, что еще недавно французскій министръ торговли передалъ французской академіи наукъ 50,000 фр. для выдачи преміи безъ различія націй тому, кто изобрѣтетъ простой, хотя бы при посредствѣ титрованія, общедоступный способъ для открытія фальсификаціи винъ и вообще спиртныхъ напитковъ.

Конечно, весьма желательно было бы имѣть подобныя же способы и для изслѣдованія молока, коровьяго масла, красокъ и т. п.

Фальсификаціи можно подраздѣлить на двѣ категоріи: умысленныя и неумысленныя, причемъ первыя являются результатомъ простаго мошенничества, тогда какъ вторыя болѣею частью происходятъ отъ невѣжества производителей. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ хлѣбъ изъ одной петербургской пекарни, испеченный изъ вполне добротачественной муки, сдѣлался причиною отравленія нѣсколькихъ человѣкъ, какъ оказалось, благодаря содержанію мѣдныхъ и цинковыхъ соединений. Ближайшее разслѣдованіе факта показало, что пекарь употреблялъ, вмѣсто дровъ, старыя желѣзно-дорожныя шпалы, не зная о присутствіи въ нихъ мѣдныхъ и цинковыхъ солей, которыми часто пропитываютъ шпалы для предохраненія ихъ отъ гніенія. Цинкъ и мѣдь попали въ хлѣбъ изъ золы и вызвали отравленіе. Точно также совершенно независимо отъ пекарни, какъ хлѣбъ, такъ и различныя кондитерскія печенія могутъ содержать ядовитыя свинцовыя соли. Извѣстно, что въ булочныхъ часто употребляютъ углекислый амміакъ, способствующій разрыхленію тѣста, дѣйствующій подобно дрожжамъ *) и прибавляемый именно въ подмогу имъ.

Соль эта, сама по себѣ, совершенно безвредна; но такъ какъ для ея приготовленія употребляются свинцовые сосуды, то она нерѣдко содержитъ примѣсь свинца.

Давно извѣстно также, что искусственныя минеральныя воды (содовая, сельтерская, лимонная и т. п.) довольно часто содержатъ примѣсь мышья-

*) При нагреваніи онъ разлагается на угольный и амміачный газы, которые, выдѣляясь изъ тѣста, и производятъ его поднятіе.

ковистыхъ соединеній въ количествахъ, безусловно вредныхъ для здоровья. Мышьякъ попадаетъ въ эти воды, болѣею частью безъ вѣдома производителей, изъ матеріаловъ, употребляемыхъ для добыванія углекислаго газа, которымъ обыкновенно насыщаются искусственныя минеральныя воды. Углекислый газъ добываютъ изъ мрамора (или доломита) разложеніемъ его обыкновенною сѣрною кислотой, которая нерѣдко встрѣчается въ продажѣ съ значительнымъ содержаніемъ мышьяка. При употребленіи подобнаго рода нечистой сѣрной кислоты, получаемый углекислый газъ всегда будетъ содержать примѣсь мышьяковистыхъ соединеній. Иногда такую сѣрную кислоту употребляютъ даже для приготовленія нѣкоторыхъ медицинскихъ препаратовъ (наприм., сѣрнокислыхъ солей), приобретающихъ въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе рѣзко выраженныя ядовитыя свойства.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасность для общественнаго здоровья можетъ представлять также кухонная посуда, не только металлическая (по содержанію свинца, цинка, мѣди), но также и простая глиняная. Хорошо извѣстно, напримѣръ, что такъ называемая «поливка» на горшкахъ часто содержитъ окись свинца, легко переходящую въ пищу, а для луженія мѣдной посуды обыкновенно употребляется олово съ болѣею или меньшею примѣсью свинца.

Если всѣ указанные виды фальсификаціи можно считать неумышленными, то въ примѣрахъ, которые будутъ приведены ниже и часть которыхъ заимствована изъ интересной брошюры д-ра Целя *Фальсификаціи и меры борьбы съ ними*, безъ сомнѣнія, преобладаетъ недобросовѣстность, хотя бы и въ союзѣ съ невѣжествомъ.

Несмотря на существованіе совершенно безвредныхъ для здоровья желтыхъ красокъ (орлеанъ, куркума и многія другія), для окрашиванія въ желтый цвѣтъ печеній, конфетъ, макаронъ, сплошь и рядомъ употребляются въ высшей степени ядовитый гуммигутъ или не менѣе ядовитыя бинитрокресоль, хромокислый свинецъ, а иногда аурипигментъ (сѣрнистый мышьякъ) и пикриновая кислота. Для подкрашиванія напитковъ (винь, ликеровъ, меда, фруктовыхъ водъ) нерѣдко употребляется фуксинъ, содержащій мышьякъ, несмотря на то, что въ продажѣ всегда имѣется неядовитый фуксинъ и множество другихъ совершенно безвредныхъ для здоровья красокъ.

Употребленіе красокъ столь разнообразно и значительно, что трудно указать какой-либо предметъ потребленія, который бы не окрашивался или, по крайней мѣрѣ, не подкрашивался. Даже совершенно бѣлаго цвѣта фабрикаты, и тѣ подсиниваются для уничтоженія въ нихъ легкаго желтоватаго оттѣнка (сахаръ, крахмалъ, писчая бумага, полотно и другія бѣлыя ткани). Ядовитыя краски нерѣдко употребляются для тканей, обоевъ, для окрашиванія стѣнъ, дѣтскихъ игрушекъ, конфетъ, пирожнаго и т. п., нанося огромный вредъ общественному здоровью. Употребленіе ядовитыхъ красокъ тѣмъ болѣе непростительно, что имѣются совершенно безвредныя краски всевозможныхъ цвѣтовъ.

Къ ядовитымъ краскамъ зеленымъ относятся яръ-мѣдянка, швейнфуртская и французская зелень, къ краснымъ—сурикъ (свинцовая), киноварь

(ртутная), флорентинскій лакъ (мышьякъ) и хромовая красная краска, къ синимъ—шмальта и королевская лазурь, къ бѣлымъ—свинцовыя и цинковыя бѣлила. Чаще всего обои и ткани, окрашенные мышьяковистыми красками, привозятся изъ-за границы, такъ какъ тамъ продажа ихъ воспрещена специальными законами.

Полнѣйшаго вниманія со стороны потребителей заслуживаютъ также весьма распространенныя въ продажѣ ядовитыя косметическiя средства, каковы: бѣлила, пудры, мыло, различныя пахучiя эмульсии, эссенции и т. п. По изслѣдованiямъ д-ра Пеля, косметическiя воды, предназначаемыя для обмыванiя лица, нерѣдко содержатъ въ высшей степени ядовитую сулему (хлорная ртуть). Такъ называемая рисовая пудра часто не содержитъ ни единого зерна рисовой муки, а во всей своей массѣ состоитъ изъ окиси цинка, вредъ которой особенно замѣтно обнаруживается при вдыханiи распыленной пудры *).

Драгоценное лѣкарственное средство хининъ давно уже поддѣшивается столь же горькими, но мало дѣйствительными противъ лихорадки веществами, каковы, наприм., цинхонинъ, хинидинъ, салицинъ.

Когда были установлены закономъ способы испытанiя хинина съ цѣлью опредѣленiя въ немъ указаныхъ примѣсей, тогда въ продажѣ появился хининъ съ большимъ содержанiемъ молочнаго сахара (до 20%), примѣсь котораго нельзя было открыть установленными для контроля продажнаго продукта способами. Лѣкарственные вещества вообще теперь часто подвергаются фальсификаци. Иодоформъ встрѣчается, наприм., въ смѣси съ пириновой кислотой, винный камень съ квасцами, таннинъ съ декстриномъ, зеленое мыло съ жидкимъ стекломъ и т. п. Въ аптекахъ, вмѣсто листьевъ яборанди (*Pilocarpinus officinalis*), нерѣдко отпускаютъ листья *ottania anisum*, *pireg electricum* и т. п. Подъ видомъ хлоралъ-гидрата въ продажѣ обращается много разныхъ другихъ снотворныхъ средствъ, каковы, наприм., паралдегидъ, бромагидратъ, уретанъ, гопеинъ (такъ называется алкалоидъ американскаго хмѣля), или, вмѣсто гопеина, простая смѣсь морфиа съ эфирно-хмѣлевымъ масломъ.

Въ высшей степени интересенъ случай фальсификаци бадьяна, приводимый проф. Целемъ въ его брошюрѣ. Бадьянъ или звѣздчатый анисъ представляетъ собою плоды дерева, дико растущаго въ Китаѣ и Кохинхинѣ. Отваръ этихъ плодовъ обладаетъ прiятнымъ ароматическимъ запахомъ и уже издавна употребляется на Востоцкѣ, какъ суррогатъ чая.

На Нижегородскую ярмарку изъ Гамбурга привозятся значительныя партiи этого товара. Одна партiя, доставленная изъ Гамбурга, по своей низкой цѣнѣ и по своему очень слабому запаху, обратила на себя вниманiе торговца. При ближайшемъ изслѣдованiи оказалось, что большая часть подозрительнаго товара состояла не изъ плодовъ бадьяна, имѣющихъ въ выс-

*) Пока не появились висмутовыя бѣлила, случаи хроническаго свинцоваго отравленiя, особенно между артистами, не составляли рѣдкости, такъ какъ тогда исключительно пользовались одними свинцовыми бѣлилами.

шей степени характерную звѣздчатую форму (плоды расположены лучеобразно), а изъ весьма сходныхъ съ ними сильно ядовитыхъ плодовъ растенія *illicium religiosum*.

Послѣ того, какъ подобнаго рода поддѣльный бадьянъ сдѣлался причиною нѣсколькихъ случаевъ отравленія со смертельнымъ исходомъ, медицинскій департаментъ обратилъ на это обстоятельство серьезное вниманіе и, благодаря разсланнымъ имъ циркулярамъ, большія партіи фальсифицированнаго бадьяна были своевременно конфискованы въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Одессѣ и въ Петербургѣ.

Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ фальсификація, какъ умышленная, такъ и неумышленная, сопряжена съ извѣстнымъ вредомъ для здоровья потребителей.

Но есть цѣлый рядъ фальсификацій, вредныхъ лишь въ матеріальномъ отношеніи и безусловно безвредныхъ въ санитарномъ. Сюда относится, наприм., столь распространенное у насъ подмѣшиваніе чая листьями совершенно безвредной капорской травы (*epilobium angustifolium*), подмѣсь которой легко открыть уже по одному наружному виду листьевъ. Въ последнее время въ Россіи для фальсификаціи чая стали употреблять весьма сходные съ чайными высушенные листья кавказской брусники (*vaccinium antostaphylos*). Но самый грубый и также очень распространенный способъ фальсификаціи—подмѣсь спитаго чая, обыкновенно скупаемаго въ трактирахъ, причѣмъ иногда пользуются спитыми листьями, служившими уже для подметанія половъ.

За границей чай фальсифицируется листьями шиповника, ивы, вяза, спрени и т. п.

Воскъ для церковныхъ свѣчей, вопреки всякимъ каноническимъ требованіямъ и стойкой оппозиціи духовенства, почти повсемѣстно подмѣшивается такъ называемымъ горнымъ воскомъ (церезинъ) и парафиномъ, несмотря на то, что при горѣніи такіа свѣчи сильно оплываютъ, искривляются и распространяютъ неприятный запахъ.

Фальсификація суконъ достигла въ настоящее время такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что сукна изъ одной меринсовой шерсти встрѣчаются въ продажѣ довольно рѣдко. Въ дешевыхъ поддѣльныхъ сукнахъ около половины различныхъ подмѣсей, оческовъ, хлопка, кнопа (такъ называется мелкій шерстяной отбросъ, получаемый при стрижкѣ суконъ). Много также употребляется для суконъ такъ называемой искусственной шерсти, получаемой изъ стараго шерстянаго тряпья. Изъ искусственной шерсти приготавливаютъ теперь даже высшіе сорта суконъ.

Въ министерствѣ финансовъ недавно проектированы особыя испытательныя станціи специально для изслѣдованія суконъ по образцу такихъ же учрежденій во Франціи для изслѣдованія шелковыхъ матерій.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда внѣшняя форма товара (зерна кофе, перца, бобы какао) не удобна для фальсификаціи, измѣняютъ его внѣшній видъ, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для поддѣлокъ. Въ последнее время

въ продажѣ чаще и чаще встрѣчаются кофе, какао и пряности въ измельченномъ и, слѣдовательно, особенно пригодномъ для фальсификаціи состояніи. И дѣйствительно, всѣ почти молотые продукты подмѣшаны, на что уже прямо указываетъ ихъ болѣе низкая цѣна, тогда какъ измельченіе, наоборотъ, должно бы повысить цѣну продукта. Сжженный кофе подмѣшивается поджаренными корнями цикорія, рѣпы, моркови, ячменемъ, жолудями, борохомъ, рожью, сжженными сухарями, сжженнымъ сахаромъ и т. п. Но не гарантированы отъ фальсификаціи и тѣ, кто покупаетъ натуральный цѣльный кофе. За границей существуютъ спеціальныя заведенія, занимающіяся выдѣлкой зеренъ кофе изъ смѣси муки, глины, траганта и т. п.; искусно, сформованные и подкрашенные зерна кофе подмѣшиваются къ настоящему.

Порошокъ какао часто содержитъ крахмалъ, муку различныхъ растений и даже минеральныя примѣси, тяжелый шпатель, гипсъ, окру, глину, въ иныхъ случаяхъ даже толченый кирпичъ и т. п.

Кромѣ того, изъ бобовъ какао предварительно извлекаютъ высокоцѣнное въ медицинѣ какаовое масло и замѣняютъ его простымъ саломъ.

Изъ корыцы предварительно извлекаютъ перегонкою или настаиваніемъ съ спиртомъ цѣнное эфирное масло и полученные остатки измельчаютъ, а затѣмъ смѣшиваютъ, для увеличенія вѣса, съ сходными по цвѣту минеральными веществами, а также съ измельченною древесною ситарныхъ ящиковъ.

Верхомъ же совершенства является фальсификація молотого перца. Въ немъ находятъ муку, древесныя опилки, масляныя жмыхи, мелкій песокъ, гипсъ, крахмалъ, свинцовыя бѣла и многое другое. Превосходно выдѣлываются также цѣльныя зерна перцу изъ смѣси разныхъ веществъ.

Мука сравнительно рѣдко подмѣшивается преимущественно болѣе дешевыми сортами, а иногда и тяжеловѣсными минеральными веществами (глина, мѣлъ, гипсъ) и древесными опилками. Начавшюся порчу муки булочники маскируютъ прибавленіемъ квасцовъ, мѣднаго или цинковаго купороса. Но самую опасною, хотя и неумышленною, примѣсью муки являются такъ называемыя рожки (спорынья), содержащія ядовитое вещество—эрготинъ, вызывающее острое заболѣваніе, иногда проявляющееся въ формѣ настоящихъ эпидемій (въ тѣ годы, когда колосья особенно сильно поражаются грибомъ). Эрготизмъ проявляется въ 2-хъ видахъ: конвульсивный, преобладающій въ Россіи, Германіи и Швеціи, и такъ называемый гангренозный, сопровождающійся омертвеніемъ частей тѣла (во Франціи, Англии, Швейцаріи). У насъ болѣзнь эта, извѣстная подъ названіемъ «злой корчи», чаще всего встрѣчается въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, наприм.: въ Вятской, Костромской, Базанской, гдѣ она особенно свирѣпствовала въ 1832—1837 годахъ. Смертность была очень значительна, особенно между дѣтьми. Эрготизму же приписываютъ жестокую эпидемію въ Парижѣ въ 1129 г., отъ которой погибло 14 тыс. человекъ.

Точно также и другіе недоброкачественные продукты (мясо, колбасы,

консервы, молоко) легко могут сдѣлаться причиною болѣе или менѣе опасныхъ заболѣваній.

Мясо животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, разныя колбасы, окорока, консервы часто не обладаютъ надлежащею доброкачественностью, хотя умышленная фальсификація въ подобныхъ случаяхъ почти не имѣетъ мѣста. Мясо можетъ, наприм., иногда содержать мышьякъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ странахъ къ корму, при откармливаніи на убой, прибавляютъ мышьякъ, способствующій улучшенію аппетита животныхъ и быстрому отложенію жира въ организмѣ. При этомъ мышьякъ отлагается, главнымъ образомъ, въ нервныхъ и жировыхъ тканяхъ; но онъ можетъ содержаться также и въ мышцахъ, хотя и въ маломъ сравнительно количествѣ, а потому такое мясо является безусловно вреднымъ для здоровья. Для лучшаго сохраненія мяса отъ порчи къ нему прибавляютъ селитры, борной или салициловой кислоты, что также нельзя считать безвреднымъ для здоровья. Для уничтоженія дурнаго запаха въ испорченномъ мясѣ съ успѣхомъ употребляютъ марганцово-кислое кали.

Особенно опаснымъ справедливо считается мясо животныхъ съ разными болѣзнями, каковы, наприм., сибирская язва, саль, бугорчатка, оспа и т. п. Даже варка не можетъ обезвредить мяса больныхъ животныхъ, такъ какъ высокая температура уничтожаетъ только болѣзнетворныхъ бактерій, но не дѣйствуетъ на въ высшей степени ядовитые продукты, образовавшіеся въ мясѣ, вслѣдствіе жизнедѣятельности этихъ бактерій, и извѣстные теперь подъ общимъ именемъ *птомаиновъ* *). Часто также мясо бываетъ заражено паразитами, каковы, главнымъ образомъ, *финны* (или угри) — зародыши солитера, *эхинококки* и *трихинны*. Финны видимы уже простымъ глазомъ въ видѣ бѣлыхъ пузырьковъ.

Недоброкачественное мясо чаще всего употребляется для выдѣлки колбасъ, причемъ различныя пряности (перець, лукъ, чеснокъ) отлично маскируютъ нѣсколько гнилостный запахъ, а послѣ копченія масса совершенно утрачиваетъ непривлекательный видъ и запахъ. Для увеличенія вѣса къ колбасѣ часто прибавляютъ крахмального клейстера и затѣмъ подкрашиваютъ фуксиномъ.

Немалый интересъ представляютъ также различныя мясные консервы, обыкновенно сохраняемые въ герметически запааянныхъ жестянкахъ, или въ маслѣ, или въ соусѣ. Содержимое жестянокъ было предварительно обезпложено дѣйствіемъ высокой температуры (уничтожающей бактерій), воздухъ удаленъ и жестянка герметически запааяна. При такихъ условіяхъ процессъ гніенія совершенно невозможенъ. Но если сосудъ не герметиченъ, если въ мѣстахъ спайки или на самой жести есть трещины, — воздухъ получаетъ доступъ къ содержимому жестянки и вноситъ съ собою зародыши гнилостныхъ бактерій. При этихъ условіяхъ въ мясныхъ консервахъ на-

*) Сюда относятся всѣ органическіе, мало извѣстные яды (колбасный, рыбный, сыр-ный, трупный), которые развиваются при гнилостномъ разложеніи различныхъ бѣлковыхъ веществъ.

чинается процессъ гніенія и развиваются ядовитые плѣсани. Въ этомъ и лежитъ причина заболѣваній отъ употребленія не совсѣмъ свѣжихъ консервовъ. Кроме того, олово самихъ жестянокъ бываетъ нерѣдко съ содержаніемъ свинца, что также слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ санитарнаго значенія консервовъ.

Испорченное мясо можно отличить отъ свѣжаго, если даже оно не имѣетъ гнилостнаго запаха, посредствомъ простой лакмусовой бумажки или, еще лучше, синяго лакмусоваго настоя. Свѣжее мясо, обладая кислую реакціей, окрашиваетъ его въ красный цвѣтъ. Испорченное же мясо не измѣняетъ цвѣта лакмусовой настойки, такъ какъ имѣетъ реакцію щелочную (отъ выдѣляющагося амміака).

Въ настоящее время во многихъ большихъ городахъ (между прочимъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ) устроены городскія бойни, вполне гарантирующія доброкачественность поступающаго на рынки мяса. Весь скотъ на такихъ бойняхъ подвергается до убоя строгому ветеринарному осмотру, а мясныя туши подвергаются затѣмъ тщательному микроскопическому изслѣдованію; такимъ образомъ, на рынки не можетъ попасть мясо больныхъ животныхъ или мясо, зараженное паразитами. Нужно замѣтить, что больной скотъ, а также и мясо, зараженное паразитами, подвергаются полному уничтоженію тутъ же на бойняхъ.

Молоко, продаваемое на городскихъ рынкахъ, часто подвергается фальсификаціи. Чаще всего для этого его разбавляютъ водою, а затѣмъ, чтобы сдѣлать его гуще, прибавляютъ крахмального клейстера, гипса, декстрина, намети, отвара льняныхъ сѣмянъ въ молокѣ и т. п. Если молоко закисло, то его безъ церемоніи исправляютъ тутъ же на рынкахъ, прибавляя соды или (рѣже) иѣлу. Количество подмѣшиваемой къ молоку соды бываетъ иногда столь значительно, что молоко отъ прибавки уксуса вскипаетъ, вслѣдствіе выдѣленія свободной угольной кислоты. Молоко, исправленное содою, можетъ, однако, оказывать вредное вліяніе на здоровье, въ особенности дѣтей, такъ какъ образующійся въ кислотѣ молокѣ молочнокислый натрій обладаетъ слабительными свойствами.

Многіе указываютъ, между прочимъ, на обычай, весьма распространенный и между молочными торговцами изъ окрестностей Петербурга, пускать въ молоко, для предохраненія его отъ закисанія, живую лягушку, кожная выдѣленія которой, обладая щелочною реакціей и дѣйствуя, слѣдовательно, подобно содѣ, уменьшаютъ будто бы въ молокѣ содержаніе свободной кислоты.

Гораздо опаснѣе преднамѣренной фальсификаціи недоброкачественность молока, происходящая отъ болѣзни коровъ. Представляя въ высшей степени благоприятную среду для развитія болѣзнетворныхъ зародышей, молоко весьма часто бываетъ причиною не только отдѣльныхъ заболѣваній, но и сильныхъ эпидемій—скарлатины, дифтерита, оспы, тифа и т. п. Достаточно держать молоко въ помѣщеніи, гдѣ находится больной какою-либо изъ указанныхъ болѣзней, чтобы оно сдѣлалось источникомъ и про-

водникомъ заразы. Слѣдуетъ также замѣтить, что молоко представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ путей распространенія бугорчатки. Предохранить молоко отъ заболѣванія можно простымъ кипяченіемъ и послѣдующимъ затѣмъ быстрымъ охлажденіемъ, но обезвредить этимъ путемъ уже больное молоко нельзя.

Мы обходимъ молчаніемъ въ высшей степени интересный вопросъ о фальсификаціи вина, пива, водокъ, ликеровъ и вообще спиртныхъ напитковъ, такъ какъ этому предмету была посвящена особая статья *Алкоольные напитки* (см. *Русскую Мысль* 1888 г., кн. XI). О фальсификаціи масла и о маргаринѣ будемъ говорить ниже.

Помимо настоящихъ и поддѣльныхъ товаровъ, въ продажѣ обращаются еще разнаго рода *искусственные продукты* и такъ называемые *суррогаты*. Между тѣми и другими слѣдуетъ установить точное различіе, чтобы не смѣшивать между собою эти два, во всякомъ случаѣ, далеко не тождественныя понятія. Нѣсколько примѣровъ лучше всего уяснятъ, въ чемъ дѣло.

Возьмемъ искусственный брилліантъ (стразъ). По химическому составу онъ представляетъ собою ничто иное, какъ совершенно чистое, бѣлое, прозрачное, сильно преломляющее свѣтъ стекло, чѣмъ и отличается отъ настоящаго брилліанта, который состоитъ только лишь изъ чистаго углерода. Есть также фальшивыя рубины, сафиры, изумруды. Сдѣланы они превосходно, обладаютъ отличною игрой, но по составу рѣзко отличаются отъ настоящихъ драгоцѣнныхъ камней. Поддѣльный рубинъ или сафиръ—простое окрашенное стекло, тогда какъ настоящіе яхонты (рубинъ и сафиръ) состоятъ изъ чистаго кристаллическаго глинозема (окиси металла алюминія). И такъ, поддѣльные камни представляютъ собою ничто иное, какъ дешевый суррогатъ дорогихъ драгоцѣнныхъ камней.

Были попытки искусственно готовить алмазы изъ простаго угля при содѣйствіи электричества; но и при помощи самыхъ сильныхъ токовъ до сихъ поръ удавалось получать лишь мельчайшіе, почти микроскопической величины кристаллики настоящаго искусственнаго брилліанта. Удачнѣе были опыты приготовленія искусственныхъ рубиновъ. Рубинъ, какъ извѣстно, представляетъ собою видоизмѣненіе корунда розоваго или краснаго цвѣта и принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ и высокоцѣнныхъ драгоцѣнныхъ камней. Французскій химикъ Фреми еще въ 70-хъ годахъ занимался искусственнымъ приготовленіемъ рубиновъ и не безъ успѣха. Онъ получалъ ихъ, накаливая въ глиняномъ тиглѣ до свѣтлокраснаго каленія тѣсную смѣсь глинозема съ сурникомъ (или флористымъ баріемъ) и небольшою примѣсью двухромовскаго кали, прибавляемаго для окраски кристалловъ рубина въ свойственный имъ розовый или красный цвѣтъ. Полученные такимъ образомъ искусственные рубины имѣли правильную кристаллическую форму, но, вслѣдствіе своего пластинчататаго строенія и малой твердости, они не годились для шлифовки.

Вотъ такой-то именно продуктъ, какъ рубинъ Фреми, вполне тожде-

ственный съ настоящимъ и по химическому составу, и по всѣмъ почти свойствамъ, можетъ быть по справедливости названъ искусственнымъ продуктомъ въ отличіе отъ суррогатовъ.

Такимъ образомъ, искусственный продуктъ отличается отъ натурального только своимъ происхожденіемъ. Одинъ находится въ природѣ готовымъ, другой, совершенно ему подобный, готовится искусственно. Возьмемъ примѣръ изъ животнаго царства. Доктору Бауру недавно удалось, по сообщенію *Moniteur scientifique*, искусственно приготовить продуктъ животнаго царства, весьма цѣннымъ въ медицинѣ ароматическое выдѣленіе кабарги, известное подъ названіемъ *мускуса*. Исходнымъ матеріаломъ для этого послужилъ Бауру каменноугольный деготь или, вѣрнѣе, добываемый изъ него углеводородъ *толуолъ*. Самый способъ полученія искусственнаго мускуса, какъ онъ описанъ въ привилегіи, весьма сложенъ, а химическія реакціи, которыя при этомъ происходятъ, почти совершенно не выяснены. Сущность способа по привилегіи заключается въ томъ, что перегоняютъ съ восходящимъ холодильникомъ смѣсь толуола съ хлористымъ бутиломъ и небольшимъ количествомъ хлористаго алюминія. Продуктъ реакціи обрабатываютъ водою, перегоняютъ съ водянымъ паромъ, ректифицируютъ и собираютъ углеводороды между 170—200° Ц. Ихъ обрабатываютъ дымящимися кислотами сѣрной и азотной, промываютъ водою и выкристаллизовываютъ изъ спирта. Получаются свѣтложелтые кристаллы съ сильнымъ мускуснымъ запахомъ. Ихъ растворяютъ въ спирту, къ которому предварительно прибавлено немного амміака или углекислаго аммонія, и такимъ образомъ получаютъ такъ называемыя мускусныя тинктуры.

Не мало подобныхъ же примѣровъ можно привести изъ царства растительнаго. Въ корняхъ марены содержится красящее вещество—*амзаринъ*, представляющее превосходную прочную краску для бумажныхъ тканей (кумачи). Нѣмецкіе химики Гребе и Либерманъ приготовили это красящее вещество искусственно изъ каменноугольнаго дегтя. Полученный такимъ образомъ искусственный продуктъ, ничѣмъ не отличающійся отъ натурального, повсемѣстно употребляется теперь на ситцевыхъ и красильныхъ фабрикахъ, а разведеніе марены съ тѣхъ поръ (во Франціи, на Кавказѣ и др. мѣстахъ) совершенно прекратилось.

Уже давно известно нѣсколько способовъ для полученія искусственнаго сахара, весьма сходнаго или почти тождественнаго съ тѣмъ, какой содержится въ виноградѣ и многихъ другихъ сладкихъ плодахъ (также въ медѣ, въ сѣменахъ злаковъ и т. п.). Сахаръ этотъ, чаще всего называемый *винограднымъ*, также *мюкозой*, *декстрозой*, готовится обыкновенно изъ картофельнаго крахмала, посредствомъ кипяченія его съ слабою сѣрною кислотой, или въ видѣ густаго сиропа (патока), или въ видѣ твердой кристаллической массы (крахмальный сахаръ). Въ Россіи крахмальный сахаръ, окрашенный въ розовый и желтый цвѣтъ, имѣетъ большой сбытъ во время постовъ подъ именемъ постнаго сахара.

По сообщенію французскаго журнала *Journal des fabricants de sucre*,

искусственный виноградный сахаръ недавно полученъ Фишеромъ и Тафелемъ совершенно другимъ путемъ, и не изъ крахмала, а изъ жировъ. Сущность сдѣланнаго ими синтеза заключается въ слѣдующемъ: какъ извѣстно, сало, масло и вообще жиры, пригорая, распространяють удушливый, характерный, пронизательный запахъ, принадлежавшій *акролеину*. Акролеинъ—это газъ, развивающійся при разложеніи жировъ, въ сопряженіи съ раскаленными тѣлами. Изъ него-то и былъ приготовленъ виноградный сахаръ при помощи цѣлаго ряда болѣе или менѣе сложныхъ химическихъ превращеній.

Въ общихъ чертахъ синтезъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: сначала получаютъ акролеинъ, а затѣмъ соединеніе его съ бромомъ, которое разлагають баритомъ и получаютъ, съ одной стороны, бромистый барій, а съ другой—водный растворъ сахаристаго вещества, представляющаго, послѣ надлежащаго очищенія, полнѣйшее сходство съ природнымъ винограднымъ сахаромъ не только по химическому составу, но и почти по всемъ своимъ свойствамъ. Этотъ искусственный сахаръ названъ *акрозою*. Отъ декстрозы онъ отличается, однако, своимъ индифферентнымъ отношеніемъ къ поляризованному свѣту. Растворъ природнаго винограднаго сахара вращаетъ плоскость поляризаціи вправо, а растворъ акрозы совсѣмъ ее не вращаетъ. Слѣдовательно, между естественнымъ и искусственнымъ продуктомъ нѣтъ полнаго тождества.

Новый способъ полученія декстрозы интересенъ только въ научномъ отношеніи; практическаго же значенія онъ имѣть не можетъ въ виду крайней дешевизны картофельной патоки и крахмального сахара.

Есть, однако, одинъ видъ природнаго сахара, который до сихъ поръ рѣшительно не удавалось получить искусственно. Это такъ называемый тростниковый, свекловичный или кристаллическій сахаръ, въ природѣ сравнительно съ винограднымъ сахаромъ мало распространенный (въ сахарномъ тростникѣ, свекловичѣ, въ сахарномъ клѣнѣ (Америка), въ сорго, въ арбузахъ и дыняхъ).

Этими немногими примѣрами уясняется понятіе о такъ называемыхъ искусственныхъ продуктахъ. Въ промышленности терминъ этотъ рѣдко употребляется правильно; въ большинствѣ же случаевъ онъ примѣняется къ различнымъ смѣсямъ и суррогатамъ. Такъ, наприм., въ Америкѣ выдѣлываются искусственныя яйца, ничего общаго съ настоящими не имѣющія. Берутъ окрашенную въ желтый цвѣтъ смѣсь крахмала, кукурузной муки, деревяннаго масла и формуютъ изъ нея шарики желтка; ихъ погружаютъ затѣмъ въ растворъ альбумина, гдѣ на нихъ нарастаетъ бѣлокъ. Полученной такимъ образомъ массѣ придаютъ яйцевидную форму и опускаютъ въ растворъ гипса, въ которомъ она мало-по-малу одѣвается скорлупой.

Недавно въ продажѣ появился новый искусственный сахаръ, по наружному виду весьма сходный съ тростниковымъ, но значительно превосходящій его по своей сладости. Этотъ новый сахаръ приготовленъ былъ нѣ-

сколько лѣтъ тому назадъ изъ каменноугольнаго дегтя Фишеромъ и получили въ отличіе отъ природнаго названіе *сахарина* *).

Это бѣлое кристаллическое вещество чрезвычайно сладкаго вкуса, въ 200 разъ слаще кристаллическаго сахара, предложено употреблять какъ дешевый суррогатъ сахара, хотя ни въ химическомъ, ни въ физиологическомъ отношеніи между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого сходства. По химическому составу сахаринъ рѣзко отличается отъ сахара,—онъ вовсе не питателенъ и дѣлится выводится изъ организма. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей дешевизнѣ и такой интенсивной сладости, потребленіе его въ кондитерскихъ для сироповъ и вареній расширяется съ каждымъ годомъ.

Сообщая объ этомъ совѣту министровъ въ Парижѣ, министръ торговли и земледѣлія, съ цѣлью возбудить вопросъ о физиологическомъ дѣйствіи новаго сахара, предлагалъ во всякомъ случаѣ, даже если бы сахаринъ оказался и совершенно безвреднымъ продуктомъ, писать на этикеткахъ, что приготовлено «на сахаринѣ». И это дѣйствительно необходимо, чтобы по возможности предупредить фальсификацію сахара сахариномъ въ вареньяхъ, сиропахъ, конфетахъ и т. п. кондитерскихъ издѣліяхъ. Сахаринъ, во всякомъ случаѣ, только суррогатъ сахара и, слѣдовательно, вполне замѣнить его не можетъ.

Въ настоящее время существуетъ множество различныхъ способовъ для приготовленія такъ называемой искусственной кожи, во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ замѣняющей настоящую.

Первоначально ее готовили изъ кожаныхъ обрѣзковъ и разныхъ отбросовъ кожи, превращая ихъ путемъ измельченія (въ такихъ же машинахъ, какія употребляются на писчебумажныхъ фабрикахъ для измельченія тряпья) въ тонковолокнистую массу, изъ которой затѣмъ выдѣлывали листы. Ихъ покрывали особымъ составомъ, высушивали, увлажняли и пропускали черезъ валы или прессовыя доски съ узорчатою поверхностью для отпечатанія извѣстнаго рисунка (наприм., шагрень и т. п.).

Въ настоящее время суррогаты кожи готовятся совсѣмъ безъ участія кожи. Такъ, по способу Гофмейра, готовятъ пластическую массу изъ смѣси волокнистыхъ матеріаловъ растительнаго или животнаго происхожденія (древесная волокнистая масса, приготовленная химическимъ путемъ, льняное, бумажное, даже шерстяное тряпье и т. п.) съ альбуминомъ, бурою, глицериномъ и солями магnezіа. Масса прессуется въ горячемъ состояніи и получаетъ наружный видъ кожи.

Искусственная кожа не такъ прочна и употребляется только для легкихъ поддѣлокъ, наприм., для переплетнаго дѣла и для выдѣлки обой.

Не всегда, однако, суррогаты готовятся искусственно,—часто ихъ доставляетъ сама природа. Такъ, наприм., одно растеніе изъ Новой Гренланды, *goriaria thymifolia*, называемое индійцами *шамм*, въ изобиліи вы-

*) Русская Мысль 1887 г., кн. XI.

рабатывает сокъ краснаго цвѣта, на воздухѣ скоро темнѣющей и принимающей густой черной цвѣтъ.

Сокъ этотъ представляетъ собою превосходныя естественныя чернила. Передъ обыкновенными искусственно приготовленными чернилами они имѣютъ то весьма важное преимущество, что совсѣмъ не портятъ стальныхъ перьевъ.

Другое новое промышленное растеніе — *luffa aegyptiaca Mill.* (египетская луффа) относится къ одному изъ видовъ *scurbitaceae* (тыквенныя) и доставляетъ дешевый суррогатъ обыкновенной греческой губки. Луффа для мытья лучше, она дѣйствуетъ какъ грубое полотенце и отлично очищаетъ кожу. Этотъ новый суррогатъ губки уже давно повсемѣстно находится въ продажѣ и введенъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ клиникахъ.

Воздѣлывается луффа въ южныхъ странахъ и можетъ съ успѣхомъ произрастать на Кавказѣ и на югѣ Россіи. *Земледѣльческая Газета* весьма рекомендуетъ сельскимъ хозяевамъ южной Россіи заняться культурой этого полезнаго растенія. При помощи парниковъ его можно, вѣроятно, разводить даже въ среднихъ губерніяхъ, гдѣ оно на воздухѣ не вызрѣваетъ и не даетъ плодовъ.

Луффа—однолѣтнее растеніе съ вьющимся стеблемъ, родомъ изъ Китая; молодая употребляется туземцами въ пищу и въ Индіи, напримѣръ, плоды луффы замѣняютъ огурцы. Собственно губкою служитъ вызрѣвшая сердцевина плодовъ; ее вынимаютъ, освобождаютъ отъ сѣмянъ, высушиваютъ и въ такомъ видѣ пускаютъ въ продажу.

Мы не говоримъ уже о множествѣ волокнистыхъ суррогатовъ, предлагаемыхъ для замѣны хлопка, льна и пеньки. Недавно открытъ, наприм., тутовый ленъ. Такъ были названы содержащіяся въ молодыхъ вѣтвяхъ тутоваго дерева крѣпкія, гибкія, блестящія волокна, весьма сходныя съ льняными. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Берѣ въ Голландіи показалъ возможность готовить пряжу и ткани изъ торфа или собственно изъ верхняго слегка желтоватаго и сильно волокнистаго слоя, прикрывающаго торфяныя болота. Торфяныя нити сходны съ шерстяными, пряжа хорошо окрашивается, а ткани съ 40—50% шерсти выходятъ дешевле и прочнѣе шерстяныхъ. Вопросъ, впрочемъ, находится еще въ періодѣ предварительной технической разработки.

Между всеми пищевыми продуктами, обращающимися въ продажѣ, за последнее время наибольшее вниманіе привлекаетъ къ себѣ «искусственный жиръ», извѣстный подъ названіемъ *маргарина* или *олеомаргарина*, который составляетъ наиболѣе обыкновенную поджиръ коровьяго масла.

Жиры, какъ извѣстно, необходимая составная часть пищи. Всѣ жиры, вырабатываемыя растеніями и животными, имѣютъ довольно сходный химическій составъ; они содержатъ въ себѣ глицеринъ въ соединеніи съ тремя органическими кислотами: стеариновою, пальметиновою и олеиновою,

изъ коихъ первыя двѣ тверды при обыкновенной температурѣ, а послѣдняя имѣеть видъ маслянистой нелетучей жидкости *).

Соединеніе глицерина съ стеариноювою кислотой называется стеариномъ, съ пальметиноювою—пальметиномъ, а съ олеиновою — олеиномъ. Слѣдовательно, естественные жиры ничто иное, какъ простыя смѣси стеарина и пальметина (тверды при обыкновенной температурѣ) съ жидкимъ олеиномъ и отличаются другъ отъ друга только различнымъ содержаніемъ составныхъ частей, обуславливающихъ ту или иную консистенцію жира. Если въ жирѣ преобладаютъ стеаринъ и пальметинъ, то жиръ твердъ при обыкновенной температурѣ и тогда носить названіе сала; наоборотъ, если въ жирѣ преобладаетъ олеинъ, то онъ жидокъ при обыкновенной температурѣ и называется масломъ. Жиры мягкіе, занимающіе среднее мѣсто между тѣми и другими, сохраняютъ за собой названіе жира (костяной жиръ, тюлений жиръ).

Богосовый и пальмовый жиры на мѣстѣ, гдѣ они добываются, носятъ названіе маслъ (они тамъ жидки), а у насъ имъ чаще придаютъ названіе сала, такъ какъ при обыкновенной температурѣ они еще не плавятся и остаются въ твердомъ состояніи.

Жиръ, содержащійся въ молокѣ животныхъ и представляющій собою обыкновенное коровье масло (также сливочное и чухонское), отличается нѣсколько по своему химическому составу отъ другихъ естественныхъ жировъ содержаніемъ летучихъ и пахучихъ кислотъ: масляной, капроновой, каприловой, каприновой и миристиновой, также въ соединеніи съ глицериномъ. Присутствію этихъ именно соединеній коровье масло обязано своимъ особымъ вкусомъ и запахомъ, а также способностью быстро портиться, прогоркать, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ образованія свободной масляной кислоты. Масло тѣмъ скорѣе портится, чѣмъ больше въ немъ другихъ составныхъ частей молока. Поэтому, всѣ постороннія примѣси изъ него нужно удалить, если желаютъ имѣть болѣе прочное масло для заготовки въ прокъ или для дальней перевозки. Проще всего это достигается топленіемъ масла. Но такъ какъ эта операція ведется у насъ довольно небрежно, то топленое масло выходитъ хуже сыраго и цѣнится дешевле его.

Затѣмъ, этимъ способомъ часто исправляютъ прогорклое масло.

Всѣ безъ исключенія жиры могутъ идти въ пищу. Но предпочтительно употребляется достаточными классами коровье масло подъ видомъ русскаго, чухонскаго и сливочнаго, а простыиъ народомъ по преимуществу сало говяжье или баранье (въ Малороссіи свиное).

*) Первое изслѣдованіе химическаго состава жировъ было произведено еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія недавно умершимъ французскимъ химикомъ Шверелемъ. Онъ нашелъ въ жирахъ присутствіе маргарина (такъ было названо соединеніе особой маргариновой кислоты съ глицериномъ), но послѣднія наблюденія Гейнца и другихъ показали, что то, что считали ранѣе маргариномъ, есть простая смѣсь стеарина и пальметина.

Коровье масло издавна поддѣшивается водою (до 35%) и другими болѣе дешевыми жирами (главнымъ образомъ, саломъ говяжьимъ, бараньимъ, свинымъ). Въ послѣднее время, вмѣстѣ съ широкимъ развитіемъ фабрикаціи олеомаргарина, поддѣлки коровьяго масла сдѣлались столь обычнымъ явленіемъ, что, представляя уже общественное зло, вызвали почти во всѣхъ государствахъ для борьбы съ нимъ спеціальныя законоположенія.

Олеомаргаринъ былъ изобрѣтенъ французскимъ химикомъ Межь-Мурье. Наполеонъ III, въ виду того, что коровье масло, по своей относительно высокой цѣнѣ, является недоступнымъ для бѣднѣйшей части населенія, предложилъ Межь-Мурье заняться приготовленіемъ дешеваго суррогата, который могъ бы замѣнить собою натуральное масло, былъ бы достаточно вкусенъ и сохранялся бы возможно долго, не портясь. Принявъ на себя рѣшеніе этой интересной задачи, Межь-Мурье постарался предварительно выяснитъ себѣ условія образованія жира въ животномъ организмѣ. Прежде всего, онъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что коровы продолжаютъ давать молоко и во время голоданія, — въ меньшемъ, разумѣется, количествѣ, — но всегда съ надлежащимъ содержаніемъ жира. Такъ какъ пищи онѣ не получали, то масло въ ихъ молокѣ могло образоваться, по мнѣнію знаменитаго французскаго химика, только на счетъ ихъ собственного жира. Происходящій при этомъ процессъ представлялся Межь-Мурье въ слѣдующемъ видѣ: жиръ, попавъ въ кровь, лишался здѣсь, подѣ влияніемъ дыханія, стеарина, который какъ бы сгоралъ въ кислородъ вдыхаемаго воздуха. Освободившись отъ стеарина, жиръ въ вымени коровы подѣ влияніемъ содержащагося въ немъ пепсина превращается окончательно въ масло. Такимъ путемъ самъ организмъ перерабатываетъ сало въ масло. Если все это вѣрно, если такой именно процессъ происходитъ при образованіи жира въ молокѣ животныхъ, то для полученія искусственнаго коровьяго масла остается только по возможности подражать этому естественному процессу. Межь-Мурье такъ именно и сдѣлалъ, и его опытъ увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ. Изъ говяжьяго сала онъ получилъ мягкій, вѣжнѣй, пріятнаго вкуса жиръ, который плавился почти при такой же температурѣ, какъ и коровье масло, но значительно превосходилъ его своею прочностью. Этотъ искусственный масляно-подобный продуктъ не дѣлается прогорклымъ даже при весьма продолжительномъ храненіи.

Вскорѣ Межь-Мурье взялъ привилегію и въ 1869 г. открылъ въ Пуасси (близъ Парижа) фабрику, которую пришлось, впрочемъ, скоро закрыть по случаю начавшейся въ то время франко-прусскаго войны. По окончаніи войны фабрика снова возобновила работу и еще болѣе расширила свои дѣйствія. Новый продуктъ весьма охотно покупался на парижскихъ рынкахъ.

Буде, по порученію санитарнаго совѣта департамента Сены, слѣдующимъ образомъ описываетъ приготовленіе искусственнаго масла на фабрикѣ Межь-Мурье: самый лучший жиръ, снятый съ убитыхъ въ тотъ же день быковъ, растирается между двумя цилиндрами, снабженными коническими зубцами. Затѣмъ сало помѣщаютъ въ нагрѣваемый посредствомъ водянаго пара

глубокой чанъ и прибавляютъ надлежащее количество воды, около 0,1%, углекислаго кали и два овечьихъ или свиныхъ желудка. Смѣсь нагревають до 45° Ц. въ теченіе двухъ часовъ. При этомъ, подъ влияніемъ особаго фермента—*пепсина*, содержащагося въ желудкахъ, происходитъ искусственное перевариваніе примѣшанныхъ къ салу бѣлковыхъ веществъ и, кромѣ того, при этомъ жиръ освобождается отъ перепонокъ и свободно всплываетъ наверхъ. Для лучшей очистки его переливаютъ въ другой чанъ, также нагреваемый до 45° Ц., и прибавляютъ 2% поваренной соли. Часа черезъ два жиръ совершенно отстаивается, становится прозрачнымъ, приобретаетъ прекрасный желтый цвѣтъ и пріятный запахъ, напоминающій свѣже-сбитое коровье масло. Такимъ образомъ получается чистое сало, совершенно освобожденное отъ бѣлковыхъ веществъ, клеточныхъ оболочекъ и другихъ примѣсей. Его перекалываютъ затѣмъ въ жестяные сосуды и ставятъ въ помѣщеніе съ температурою 20—25° Ц. Сало при этомъ медленно застываетъ, причѣмъ изъ него выкристаллизовывается большая часть стеарина съ примѣсью пальметина, а олеинъ остается въ жидкомъ состояніи; черезъ 24 часа вся масса приобретаетъ крупчатый (зернистый) видъ, разрѣзается на отдѣльные куски, которые завертываются въ полотно и подвергаются умѣренному давленію подъ гидравлическимъ прессомъ въ помѣщеніи, нагреваемомъ до 25° Ц. Здѣсь изъ сала отжимается 50—60% мягкаго полужидкаго жира, имѣющаго по охлажденіи крупчатый видъ, свѣтло-желтый цвѣтъ и вкусъ, нѣсколько напоминающій топленое масло; онъ таетъ во рту, какъ и масло, не прилипа къ нѣбу, что всегда происходитъ съ саломъ, вслѣдствіе значительнаго содержанія въ немъ стеарина. Полученный такимъ образомъ жиръ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ олеина, въ которомъ растворено известное количество пальметина и немного стеарина. Это и есть продуктъ, известный подъ названіемъ *французскаго масла*, чаще *олеомаргарина* или просто *маргарина* *). Онъ представляетъ собою, слѣдовательно, свѣжее, очищенное отъ всѣхъ примѣсей сало, освобожденное отъ большей части содержащагося въ немъ стеарина.

Въ 1877 году Межь-Мурье измѣнилъ способъ приготовленія олеомаргарина, взявъ въ Англій новую привилегію, по которой свѣжій жиръ, пропущенный между полыми валами, по которымъ проходитъ водяной паръ, плавится и падаетъ въ воду, гдѣ къ нему прибавляется тонко изрѣзанные овечьи желудка и известное количество соляной кислоты и фосфорно-кислой извести съ цѣлью образованія искусственнаго пищеварительнаго сока. Искусственнымъ пищевареніемъ изъ сала удаляются бѣлковыя вещества, легко подвергающіяся гніенію съ образованіемъ вредныхъ для здоровья продуктовъ. Вся смѣсь нагревается до 40—50° Ц. и по истеченіи часа на

*) Прогрѣтый между цилиндрами для большей однородности, растопленный при умѣренной температурѣ и промытый, онъ носитъ также названіе *кузотнаго* или *гозьястенаго жира* (*graisse de ménage*), а также *консервнаго* (*graisse de conserve*) или *пищевала* (*graisse alimentaire*), въ Австріи—*viener Sparbutter* или *венскаго экономическаго коровьяго масла*, въ Америкѣ—*бюттерина*.]

поверхность всплывает желтоватая жидкость пріятнаго маслянистаго запаха. Для освѣтленія смѣшиваютъ затѣмъ при 45° съ 1/4%, поваренной соли и оставляютъ кристаллизоваться въ особыхъ сосудахъ при 25° Ц. Затѣмъ, какъ обыкновенно, отжимаютъ стеаринъ. Полученный такимъ образомъ продуктъ прочіе натурального масла и можетъ быть приготавливаемъ различной консистенціи и точки плавленія (увеличиваніемъ или уменьшеніемъ въ немъ содержанія стеарина), что особенно важно для жаркихъ странъ, гдѣ коровье масло легко плавится и очень скоро портится.

Такъ называемое *искусственное коровье масло* приготавливается изъ олеомаргарина примѣшиваніемъ къ нему коровьяго молока, воды, въ которой предварительно вымачивали мелко-измельченное коровье вымя, и какой-нибудь желтой краски (обыкновенно орлеана). Составныя части смѣси берутся въ извѣстной опредѣленной пропорціи, помѣщаются въ маслобойку и сбиваются въ теченіе 1/4 часа. При взбалтываніи съ водой и молокомъ, подъ влияніемъ пепсина вымени, олеомаргаринъ превращается въ густую, похожую на сливки эмульсію.

При дальнѣйшемъ сбиваніи около двухъ часовъ эмульсіа мало-по-малу переходитъ въ маслоподобную массу. По окончаніи сбиванія въ маслобойку пускаютъ холодную воду для того, чтобы удалить изъ масла пахтанье или сыворотку; для окончательнаго же удаленія ея и сообщенія продукту плотной и равномерной консистенціи, его помѣщаютъ въ особый мѣсильный аппаратъ съ парю отжимающихъ валиковъ, вращающихся подъ водянымъ дождемъ.

По англійской привилегіи Межъ-Мурье даетъ нѣсколько иной способъ приготвленія искусственнаго масла: олеомаргаринъ въ жидкомъ состояніи при 20° Ц. смѣшивается съ 12—20% сливокъ, къ которымъ прибавлено 0,001 часть дву-углекислаго натра и 0,001 часть коровьяго вымени, и все это сбивается 1/2 часа въ маслобойкѣ. Послѣ охлажденія масло прожимается черезъ валы для удаленія пахтанья.

Способы, данные Межъ-Мурье, мало-по-малу были существенно видоизмѣнены послѣ того, какъ изслѣдованія Пфейфера, Мотта, Парча, Гайденгайна, Вуата, и др. показали, что жиръ молока образуется, вопреки воззрѣніямъ Межъ-Мурье, изъ протоплазмы молочной железы.

По мнѣнію Мотта, искусственный пищеварительный сокъ и пепсинъ не играютъ въ способахъ Межъ-Мурье другой роли, какъ только содѣйствуютъ скорѣйшему разрушенію клеточныхъ оболочекъ, въ которыхъ содержатся капельки жира, что, впрочемъ, вѣрнѣе и лучше можетъ быть достигнуто тщательнымъ механическимъ измельченіемъ. Такимъ образомъ, само собою зародилась мысль о возможности полученія олеомаргарина безъ прибавки кислоты и какихъ-либо ферментовъ. И въ скоромъ времени дѣйствительно появились совершенно новые способы фабрикаціи олеомаргарина и искусственнаго коровьяго масла. Между ними особаго вниманія заслуживаетъ способъ Мотта, химика при обществѣ *United States Dairy Company*. По этому способу, послѣ тщательной сортировки и отдѣленія чистыхъ кусковъ отъ

запаханныхъ кровью, разрѣзается на мелкія части и подвергается продолжительному промыванію сначала въ теплой, а потомъ въ холодной водѣ, для удаленія растворимыхъ въ водѣ веществъ. Затѣмъ жиръ возможно тонко измельчается съ цѣлью по возможности освободить его отъ оболочки безъ содѣйствія высокой температуры, способствующей пригоранію и образованію остраго запаха. Дѣлается это въ особомъ аппаратѣ, гдѣ сало тонко разрѣзается и продавливается черезъ сито въ особый чанъ, гдѣ оно отстаивается отъ воды и затѣмъ уже поступаетъ въ самотопленный котель съ температурою не выше 51, 67° Ц. Моттъ особенно настаиваетъ на возможно низшей температурѣ выдѣленія жира, такъ какъ продуктъ, полученный при болѣе сильномъ нагрѣваніи, дѣлается прогорлымъ уже по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Когда топленіе окончено (2—3 часа), массу оставляютъ въ покоѣ, причемъ оболочки жировыхъ клѣтокъ осаждаются на дно, а чистый и прозрачный жиръ всплываетъ наверхъ. Его сливаютъ въ деревянные тѣлѣжки и помѣщаютъ въ комнату съ температурою 210 Ц., гдѣ жиръ въ теченіе 12—24 час. застываетъ, приобрѣтая, вслѣдствіе кристаллизации, крупчатый видъ. Эту зернистую массу переносятъ затѣмъ въ помѣщеніе съ температурою 29,44 — 32,22° Ц., разливаютъ въ формы, имѣющія видъ кирпичей, и подвергаютъ умѣренному прессованію. Выжатое масло имѣетъ янтарный цвѣтъ и пріятный запахъ и поступаетъ въ продажу подъ названіемъ олеомаргарина. Остающіеся въ прессахъ куски стеарина поступаютъ на стеариновые заводы для приготовленія изъ нихъ обыкновенныхъ свѣчей. Такой олеомаргаринъ, приготовленный безъ содѣйствія ферментовъ, можетъ, конечно, содержать примѣсь бѣлковыхъ веществъ, легко подвергающихся гніенію и, слѣдовательно, онъ уступаетъ по своимъ качествамъ продукту Межъ-Мурье.

Для приготовленія искусственнаго масла по способу Мотта, въ маслобойку помѣщаютъ 100 фун. олеомаргарина, 14—20 фун. кислаго молока, 2½—3 фун. раствора аннато (орлеанъ), предварительно смѣшаннаго съ ¼—¾ унціи двууглекислаго натра. Вся эта масса взбивается 10—15 мин. для возможно тѣснаго перемеживанія; полученная такимъ образомъ смѣсь спускается въ ушатъ со льдомъ и здѣсь вновь постоянно взмѣшивается, чтобы воспрепятствовать образованію крупинокъ. Застывшее масло, окрасившееся въ слабо-оранжевый цвѣтъ, остается еще часа 2—3 на льду, а затѣмъ перемещается на наклонную доску, гдѣ мѣсится до полного удаленія воды, образовавшейся изъ растаявшаго льда. Полученный такимъ образомъ продуктъ снова сбивается съ кислымъ молокомъ въ теченіе 15 минутъ, причемъ масло поглощаетъ нѣкоторое количество молока и приобрѣтаетъ свойственные ему вкусъ и запахъ. Послѣ этого масло солятъ (¾—1 унція соли на 1 фунтъ) и укладываютъ въ боченки. Въ Австріи масло формуется въ короваи въ ½ — 1 килограммъ, обертывается въ бумажную матерію и упаковывается въ ящики въ 50—100 килогр.

Если для производства искусственнаго масла берется хорошаго качества

сало и обработка идетъ по одному изъ описанныхъ способовъ, то получаемый продуктъ не имѣеть признаковъ фальсификаціи и не можетъ оказывать вреднаго вліянія на здоровье. Отъ натурального масла онъ существенно отличается только лишь значительно меньшимъ содержаніемъ летучихъ жирныхъ кислотъ (связанныхъ съ глицериномъ).

Но подъ названіемъ олеомаргарина и искусственнаго масла въ торговлѣ обращаются совсѣмъ иные продукты, обыкновенно получаемые изъ испорченнаго сала *), предварительно обработаннаго для уничтоженія дурнаго запаха такими энергическими реагентами, какъ, наприм., сѣрная или азотная кислоты. Обработка сала по большей части на мелкихъ заводахъ олеомаргарина ограничивается только однимъ измельченіемъ сала въ машинахъ, подобныхъ тѣмъ, какія употребляются для рубки котлетъ, и затѣмъ вытапливаніемъ при возможно высокой температурѣ, причѣмъ сало, конечно, частью разлагается, образуя продукты, могущіе вызывать заболѣванія кишечника, и получается продуктъ съ вышею точкой плавленія, чѣмъ у хорошаго олеомаргарина и у коровьяго масла. Для того, чтобы понизить нѣсколько температуру плавленія, къ салу подмѣшиваютъ какого-нибудь растительнаго масла (хлопкового, горчичнаго, сурьпнаго, кокосоваго, пальмоваго, маховаго, прованскаго, подсолнечнаго и т. п.). Въ послѣднее время было взято очень много патентовъ въ Сѣверной Америкѣ на подобные способы приготовленія искусственнаго масла. Но это даже и не суррогаты, а просто грубѣйшія фальсификаціи, отличающіяся характернымъ вкусомъ, свойственнымъ растительнымъ масламъ. Таковъ, наприм., продуктъ, извѣстный въ Америкѣ подъ названіемъ *Family refined lard*, представляющій собою простую смѣсь сала, стеарина и хлопкового масла, къ которой умышленно подмѣшивается нѣсколько коровьихъ волосковъ (?!). Иногда подъ названіемъ искусственнаго масла обращаются продукты, получаемые простымъ прессованіемъ сала подъ гидравлическими прессами (таковы въ Америкѣ *Butterine* и *Lardine*).

Всѣ виды искусственнаго масла подкрашиваются въ желтый цвѣтъ обыкновенно растительными и совершенно безвредными красками (рѣдко ядовитыми, бинитро-красломъ и т. п.), чаще всего куркумой въ смѣси съ орлеаномъ (иногда шафраномъ, морковнымъ сокомъ и т. п.), чтобы придать имъ требуемый потребителями цвѣтъ натурального масла. Такъ какъ и послѣднее зимою не бываетъ желтаго цвѣта, то и его иногда подкрашиваютъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ предлагали окрашивать олеомаргаринъ и искусственное масло въ какой-нибудь особый цвѣтъ, который бы тотчасъ же по наружному виду позволялъ отличать ихъ отъ натурального масла. Но это предложеніе, по совершенно понятнымъ причинамъ, нигдѣ не было принято.

Фальсификація сдѣлала столь значительные успѣхи, что теперь поддѣлываютъ не только цвѣтъ масла, но даже и аромать. Чтобы искусственному маслу придать запахъ натурального, къ нему примѣшиваютъ *кума-*

*) Качество сала, употребляемаго для фабрикаціи искусственнаго масла, имѣеть весьма важное значеніе. Такъ, наприм., кишечный жиръ совсѣмъ для этого не годится, потому его очень трудно получить въ чистомъ видѣ.

рина, добываемаго изъ бобовъ тропическаго растенія *dipteryx odorata*. Вещество это содержится во многихъ луговыхъ растеніяхъ и, переходя съ травой въ молоко, вѣроятно, сообщаетъ коровьему маслу свойственный ему аромать. Иногда съ этою же цѣлью прибавляютъ масляной эссенціи (эфиръ масляной кислоты). Для увеличенія вѣса подмѣшиваютъ иногда талькъ, свиновый бѣлѣ и т. п. минеральныя вещества, въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ вазелинъ и даже минеральныя масла. Для сообщенія маслу большой прочности при храненіи, къ нему прибавляютъ консервирующихъ веществъ (бура, борная кислота, салициловая кислота и ея соли).

Несмотря, однако, на широкое распространеніе фальсификаціи масла, большинство врачей и гигиенистовъ, основываясь на отзывахъ Буде, Буссенго, Троста и Поггіаля во Франціи, Вѣлера въ Германіи, Горена и Глазивеца въ Австріи, Чандлера, Баркера, Мотта и Джонсона въ Америкѣ, считаетъ олеомаргаринъ, приготовленный по способу Межъ-Мурье или Мотта, изъ доброкачественнаго жира отъ здоровыхъ животныхъ, вполне питательнымъ, хорошо усвояемымъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ пищевымъ веществомъ. И такой взглядъ, дѣйствительно, подтверждается не только всею техникой маргариноваго производства, какъ оно велось въ началѣ подъ руководствомъ Межъ-Мурье и Мотта, но и физиологическими данными.

Какъ извѣстно, усвояемость жира, помимо разныхъ другихъ условій, зависитъ отъ температуры его плавленія. Чѣмъ труднѣе плавится данный жиръ, чѣмъ больше удаляется его температура плавленія отъ нормальной температуры тѣла, тѣмъ хуже онъ усваивается. Сало баранье или говяжье плавится въ предѣлахъ 41—42° Ц. и потому хуже усваивается, чѣмъ коровье масло съ температурой плавленія 37°. Жиры съ высокою температурой плавленія (наприм., стеаринъ, плавящійся при 50—60°) совсѣмъ не усваиваются.

Понятно также, что топленое сало, не содержащее оболочекъ, лучше усваивается, чѣмъ сырцовое, и что олеомаргаринъ, по отношенію къ усвояемости, лучше сала. Въ цифрахъ усвояемость выражается слѣдующимъ образомъ: баранье сало—90, топленое сало—92, искусственное масло—95—96, натуральное масло и свиное сало до 98.

Слѣдовательно, по усвояемости искусственное масло занимаетъ среднее мѣсто между топленнымъ саломъ и натуральнымъ коровьимъ масломъ.

Растительныя масла по своей низкой температурѣ плавленія должны бы усваиваться лучше другихъ жировъ; но на самомъ дѣлѣ они усваиваются хуже, что объясняется ихъ сравнительною непрочностью, скорою порчей, сопровождающеюся обильнымъ образованіемъ свободныхъ летучихъ жирныхъ кислотъ.

Съ 1880 года, когда стали особенно сильно распространяться слухи о фальсификаціи коровьяго масла, вопросъ о санитарномъ значеніи олеомаргарина вновь былъ поднятъ во Франціи по инициативѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Коммиссія, образованная тогда при парижской медицинскои ака-

деми, изъ Бержерона, Бертело, Дельпеша, Фовеля, Вульпиана и Риша, изслѣдовавъ обращающіеся въ продажѣ олеомаргаринъ и искусственное масло и принявъ во вниманіе существующіе въ настоящее время способы ихъ производства, пришла къ убѣжденію, что въ діететическомъ отношеніи продукты эти не могутъ замѣнить не только натурального масла, но даже и топленого сала. Они приготавливаются, въ большинствѣ случаевъ, изъ недоброкачественнаго, несвѣжаго (иногда *отъ падали*) сала, топленіе котораго производится при относительно высокой температурѣ, что влечетъ за собою повышеніе точки плавленія и подмѣсъ (для ея пониженія) растительныхъ маселъ *). По мнѣнію этой комиссіи, «La margarine de M. Mège-Mougiès n'existe plus dans le commerce».

Въ 1887 г. медицинскій совѣтъ въ Петербургѣ на запросъ министерства государственныхъ имуществъ относительно олеомаргарина категорически отвѣчалъ, что приготовленіе его должно быть совершенно воспрещено, ибо, по отзыву нѣкоторыхъ извѣстныхъ врачей, продолжительное употребленіе этого продукта оказывается не всегда безвреднымъ и нерѣдко вызываетъ *упорные желудочно-кишечные катарры*. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, приняла за послѣднее время, особенно въ столицахъ, чуть не эпидемическій характеръ, — настолько великъ % заболѣвающихъ острыми желудочно-кишечными расстройствами **).

По сообщенію д-ра Целя, осматривавшаго спб. маргариновый заводъ совместно съ докторами Дунганомъ и Станкевичемъ, продукты этого завода совершенно не удовлетворяютъ санитарнымъ требованіямъ. На заводѣ перерабатывается весьма грязный жиръ (преимущественно нутряной, изъ сальника, желудка, кишекъ и т. п.). Онъ совершенно не промывается, а прямо вмѣстѣ съ грязью раздробляется и подвергается вытапливанію, причемъ въ осадкѣ салотопеннаго котла были найдены части кишекъ, не освобожденные отъ каловыхъ частей.

Не производится также и пептонизація. Въ олеомаргаринѣ, приготовленномъ на этомъ заводѣ, остаются, слѣдовательно, не только способныя къ гніенію бѣлковыя вещества, но обуславливающія гнилостное разложеніе части пищеварительныхъ органовъ и даже готовые гнилостные продукты изъ каловыхъ массъ.

Затѣмъ, вытапливаніе сала производится при весьма низкой температурѣ, совершенно недостаточной для умерщвленія содержащихся въ кишечникѣ бактерій и нерѣдко встрѣчающихся также зародышей глистовъ ***). И

*) Предпочтительно масло землянаго орѣха (архидное), по своему бѣлому цвѣту, отсутствію вкуса и запаха и относительной дешевизнѣ особенно пригодное для фальсификаціи.

***) Преимущественно страдаютъ этими болѣзнями гдѣ, которые вынуждены питаться въ ресторанахъ и кухмистерскихъ, гдѣ всѣ почти кушанья приготавливаются на искусственномъ маслѣ сомнительнаго достоинства.

****) Ранѣе былъ приведенъ совершенно противоположный взглядъ на температуру вытапливанія.

дѣйствительно, изслѣдованіе маргарина съ петербургскаго завода показало присутствіе въ немъ множества бактерій.

Что же собственно обуславливаетъ разстройство желудка и кишечника при постоянномъ употребленіи искусственнаго масла? Обыкновенно это приписываютъ свободнымъ жирнымъ кислотамъ, легко и скоро образующимся въ олеомаргаринѣ при высокой температурѣ топленья (около 65) и въ тѣхъ эссенціяхъ съ ароматомъ коровьяго масла, которыя къ нему прибавляются.

Болѣе опаснымъ является олеомаргаринъ, приготовленный изъ недоброкачественнаго сала, въ особенности снятаго съ больныхъ животныхъ; такой продуктъ легко можетъ сдѣлаться, подобно окорокамъ и колбасамъ, причиной распространенія разныхъ инфекціонныхъ болѣзней, также сибирской язвы, гнистовъ, трихинозы и т. п. *).

Д-ръ Смоленскій въ своей интересной брошюрѣ *Объ олеомаргаринѣ* указываетъ, что въ 1881 году въ Чикаго свирѣпствовала какая-то странная болѣзнь, названная «зимнею холерой», появленіе и распространеніе которой мѣстные врачи приписывали весьма распространенному употребленію «бutterina».

Натуральное коровье масло, какъ было указано, очень часто подмѣшивается другими болѣе дешевыми жирами и въ особенности олеомаргариномъ, который въ чистомъ видѣ почти не существуетъ. Какими же способами можно открыть эти примѣси въ маслѣ, какъ узнать, чистое оно или фальсифицированное? Для этого предложено очень много различныхъ способовъ, но изъ нихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного почти, сколько-нибудь удобнаго для практики. Изслѣдованіе масла, съ цѣлью открыть въ немъ подмѣси, требуя продолжительнаго и весьма точнаго химическаго анализа, можетъ быть произведено только въ лабораторіи.

Въ торговлѣ чаще всего при оцѣнкѣ масла, какъ товара, руководствуются просто вкусомъ и запахомъ продукта, основываясь на томъ, что чистое коровье масло обладаетъ характернымъ вкусомъ и запахомъ.

Однако же, хорошо приготовленное искусственное масло по этимъ признакамъ невозможно отличить отъ натурального, какъ это показали многократныя ошибки экспертовъ на выставкахъ. Такъ, наприм., на лондонской сельско-хозяйственной выставкѣ первая награда по ошибкѣ была присуждена искусственному маслу. Укажемъ наиболѣе простые способы.

Гагеръ **) на 1 объемъ масла прибавляетъ 2 объема смѣси (на 1 об. крѣпкой сѣрной кислоты 2 об. спирта въ 95—97°) и нагреваетъ въ пробиркѣ до кипѣнія. Распространяющійся при этомъ пріятный запахъ маслянаго эфира указываетъ на коровье масло; при искусственномъ же маслѣ слышится только слабый запахъ сала. Венигъ прямо обмываетъ испытуемое масло спиртовымъ растворомъ ѣдкаго натра и точно также по запаху (особенно

*) Пиперъ и Тайлоръ нашли въ олеомаргаринѣ при микроскопическомъ его изслѣдованіи мышечныя волокна и кровеносныя сосуды.

**) *Lexicon der Verfälschungen und Verunreinigungen* von Otto Dammer. 1885.

ясно слышному при переливаніи жидкости часовъ черезъ 12) опредѣляеть родъ жира.

Во Франціи для той же цѣли употребляется очень простаго устройства приборчикъ—*verifie-beurre*, состоящій изъ спиртовой лампочки и укрѣпленной надъ нею маленькой чашечки. Фитиль зажигаютъ и, подогрѣвъ нѣсколько чашечку, бросаютъ въ нее кусочекъ изслѣдуемаго масла. При этомъ развивается запахъ, по которому узнають, съ какиимъ именно жиромъ имѣють дѣло.

Но если еще возможно отличить коровье масло отъ олеомаргарина, сала и т. п., то опредѣлить составъ различныхъ жировыхъ смѣсей этими простѣйшими способами почти невозможно.

Друо (*Droouot*) устроилъ, впрочемъ, для этой цѣли особый приборъ—*маргариметръ*, позволяющій, правда, только приближительно опредѣлять содержаніе олеомаргарина въ коровьемъ маслѣ.

На толстой чугунной плитѣ, подогрѣваемой двумя спиртовыми лампочками, укрѣплена жестяная пластинка съ шестью полушарообразными углубленіями, въ которыя и помѣщаются изслѣдуемыя пробы. Чистое коровье масло, когда растопится, совершенно прозрачно, а смѣшанное съ олеомаргариномъ болѣе или менѣе мутно, смотря по количеству примѣсей.

Изъ другихъ способовъ нужно указать на опредѣленіе удѣльнаго вѣса. Коровье масло имѣеть уд. вѣсъ 0,867, искусственно е—0,860 (также какъ и сало говяжье, баранье и свиное). Уд. вѣсъ смѣси будетъ лежать между этими предѣлами и будетъ зависѣть отъ количества обѣихъ составныхъ частей. Примѣсь сала этимъ путемъ опредѣлять трудно, какъ и примѣсь нѣкоторыхъ растительныхъ маселъ, уд. вѣсъ которыхъ равенъ или даже больше уд. вѣса коровьяго масла.

Еще менѣе точны способы, основанные на различной растворимости въ спиртѣ и въ эфирѣ, на температурѣ плавленія и застыванія и т. п.

Всѣ указанные способы, благодаря своей простотѣ, нерѣдко примѣняются съ пользою въ практикѣ. Когда же требуется точная научная экспертиза, тогда прибѣгаютъ къ подробному химическому анализу для опредѣленія постороннихъ жировъ въ коровьемъ маслѣ. Большая часть этихъ способовъ основаны на томъ, что коровье масло отъ другихъ жировъ существенно отличается сравнительно большимъ содержаніемъ летучихъ кислотъ (болѣе 8%). Въ искусственномъ маслѣ и олеомаргаринѣ содержаніе ихъ менѣе $\frac{1}{3}$ %.

Обыкновенно въ практикѣ примѣняется для этого способъ Рейхерта-Мейсля, по которому испытуемое масло обмываетъ спиртовымъ растворомъ ѣдкаго кали; удаливъ спиртъ, прибавляютъ воды и затѣмъ разведенной сѣрной кислоты. Достоинство масла опредѣляется затѣмъ титрованіемъ по количеству кубическихъ сантиметровъ раствора ѣдкаго натра, необходимыхъ для нейтрализаціи летучихъ кислотъ. 5 граммъ хорошаго коровьяго масла требуютъ 28,8 куб. сант. ѣдкой щелочи. Если же для нейтрализаціи требуется меньше 26 куб. сант. щелочи, то испытуемое масло фальсифицировано.

Главнѣйшими производителями искусственнаго масла являются Соединенные Штаты, Франція, Австрія и Германія. Въ Америкѣ считаютъ 37 фабрикъ, во Франціи около 10, въ Германіи нѣсколько гдѣ тому наваздъ считалось 46 фабрикъ. Ежегодная производительность однѣхъ нѣмецкихъ фабрикъ 915,755 пуд. (см. *Смоленскій*: «Олеомаргаринъ»). Французскій олеомаргаринъ въ большихъ количествахъ ввозится въ Голландію, гдѣ изъ него готовится искусственное масло весьма высокаго качества.

Во всѣхъ этихъ государствахъ большая часть производимаго олеомаргарина служитъ предметомъ вывоза и только незначительное количество идетъ для мѣстнаго потребленія.

Въ 1874 г. Мариксъ въ Россіи приобрѣлъ привилегію на приготовленіе маргариноваго масла по способу Межъ-Мурье и устроилъ заводы въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Новый продуктъ, благодаря благоприятнымъ отзывамъ профессоровъ Траппа, Битарры, Ходнева, а также своей дешевизнѣ*), вскорѣ получилъ довольно широкое распространеніе.

Въ 1885 г. Швеція и Соединенные Штаты издали спеціальныя законы, касающіеся производства олеомаргарина и торговли имъ, съ цѣлью по возможности ограничить съ каждымъ годомъ усиливающуюся фальсификацію коровьяго масла и продажу, вмѣсто него, искусственнаго продукта. Въ 1886 г. подобныя законоположенія изданы въ Норвегіи, въ 1887 г.—во Франціи, въ Англіи и въ Германіи, въ 1888 г.—въ Даніи.

По смыслу всѣхъ указанныхъ выше законовъ, подъ маргариномъ, олеомаргариномъ, искусственнымъ масломъ подразумѣваются всякіе жиры (или смѣси жировъ), неполученные изъ молока, хоть бы и съ примѣсью натурального коровьяго масла (американскій законъ). Собственно подъ названіемъ коровьяго масла американскій, а также и англійскій законы разумѣютъ продуктъ, пригтовленный исключительно изъ молока или сливокъ (или смѣси ихъ) съ прибавкой соли и красящихъ веществъ, или безъ всякихъ постороннихъ примѣсей.

Всякій маргаринъ, все равно, предназначался ли онъ для внутренняго употребленія, или для вывоза, долженъ быть укупоренъ въ особыхъ сосудахъ съ четкою, на видномъ мѣстѣ сдѣланною надписью «маргаринъ» (и далѣе фамилія фабриканта), а о продажѣ его въ лавкахъ должно быть вывѣшываемо особое объявленіе, что «здѣсь продается маргаринъ». Даже и въ розничной продажѣ тара должна быть снабжена этикетомъ—маргаринъ.

Маргаринъ, прибывшій изъ-за границы безъ подобной надписи, не выпускается изъ таможни, пока не будетъ снабженъ этимъ названіемъ.

За несоблюденіе указанныхъ предписаній, равно какъ за вывозъ за границу маргарина безъ соотвѣтствующей посуды и за продажу искусственнаго масла за настоящее полагаются болѣе или менѣе значительныя штрафы: въ Швеціи 50—1,000 кронъ (1 крона=34¹/₂ коп. золотомъ), въ Норвегіи отъ 20 до 1,500 кронъ, въ Америкѣ отъ 500 до 5,000 долларовъ съ при-

*) Цѣны были: 1 ф. русскаго масла 22 коп., чухонскаго—25 в., сливочнаго—40 в.

бавкою отъ 6 мѣсяцевъ до 2—3 лѣтъ тюремнаго заключенія, во Франціи—50—3,000 франковъ пени и тюремное заключеніе отъ 6 дней до 6 мѣсяцевъ, въ Германіи отъ 150 до 600 марокъ и аресту въ тюрьмѣ до 3 мѣсяцевъ, въ Англіи отъ 20—100 фунтовъ стерлинговъ, въ Даніи отъ 2,000 до 4,000 кронъ.

Наиболѣе полные и обстоятельныя законы изданы въ Даніи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ по закону 1885 г. какъ производство маргарина, такъ и торговля имъ обложены довольно высокою пошлиною, отъ 48 до 600 долларовъ.

По газетнымъ извѣстіямъ, проектъ закона, выработаннаго при нашемъ министерствѣ государственныхъ имуществъ, предполагаетъ безусловно воспретить примѣсь маргарина къ коровьему маслу, установить санитарный контроль за существующими маргариновыми заводами, открытіе новыхъ подобныхъ заводовъ воспретить, а старые окончательно закрыть въ теченіе 5 лѣтъ (см. *Русскую Мысль* 1889 г., кн. VIII: «Внутреннее обозрѣніе»).

За послѣдніе годы въ Россіи сильно развилась фальсификація деревяннаго масла. Для этого совершенно открыто существуютъ спеціальныя заводы *), занимающіеся производствомъ искусственнаго деревяннаго масла (въ торговлѣ *гарное масло*), представляющаго собою не искусственный продуктъ въ собственномъ смыслѣ слова (см. выше), а лишь дешевый суррогатъ деревяннаго масла, получаемый смѣшиваніемъ разнаго рода растительныхъ маселъ съ минеральными и нерѣдко обращающійся въ торговлѣ подъ названіемъ иностраннаго продукта.

Гарное масло готовится такимъ образомъ, что смѣшиваютъ въ разныхъ пропорціяхъ кокосовое, рапсовое, деревянное (отъ 10—35%) и какое-нибудь минеральное масло (изъ нефти), обыкновенно такъ называемое вазелиновое или парфюмерное, совершенно безцвѣтное, лишенное вкуса и запаха. На мелкихъ заводахъ примѣшиваютъ еще рыбій жиръ, подсолнечное мало и даже керосинъ, а настоящаго деревяннаго масла иногда совсѣмъ не употребляютъ. Смѣсь подрашивается въ зеленоватый цвѣтъ особомъ зеленою краскою (зеленингъ) и для ароматизаціи прибавляютъ немного маслянаго ээира. Все производство крайне просто. Кромѣ нѣсколькихъ чановъ, деревянныхъ или металлическихъ, никакихъ другихъ аппаратовъ или машинъ не требуется. Выгоды, доставленныя этого рода фальсификаціей, весьма значительны, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ деревяннаго масла. Гарное масло стѣитъ отъ 8—9 р. 50 к. пудъ, тогда какъ кокосовое 5 р. 75 к., рапсовое 5 р., вазелиновое 4 р. 75 к. до 6 р., а настоящее деревянное 11 р. 50 коп.

Изъ 36 образцовъ деревяннаго масла, взятыхъ изъ московскихъ лавокъ, 19 оказались искусственными, съ содержаніемъ 15—75% минеральнаго масла, остальные представляли настоящее деревянное масло безъ примѣси минеральнаго.

*) *А. Никитинскій*: „Фальсификація деревяннаго масла“.

Едва ли существуют другіе продукты, болѣе удобные для всякаго рода фальсификаціи, чѣмъ растительныя масла. И въ самомъ дѣлѣ, въ чистомъ состояніи они рѣдко встрѣчаются въ продажѣ, въ особенности болѣе дорогія, по большей же части они смѣшаны съ болѣе дешевыми маслами, а часто и просто съ очищенными нефтяными дистиллатами. Фальсифицируются не только масла, употребляемые для освѣщенія (наприм., рапсовое, деревянное) или въ малярномъ дѣлѣ (льняное), но и масла, употребляемые въ пищу, въ особенности такъ называемое прованское. Чистое прованское масло уже давно составляетъ своего рода рѣдкость. Въ Россіи къ нему часто прибавляютъ кунжутнаго масла или, еще лучше, послѣднее прямо продаютъ подъ названіемъ прованскаго. Чаше всего для поддѣлки растительныхъ маселъ употребляются разнаго рода минеральныя масла, добываемыя изъ нефти *). Для этого употребляютъ преимущественно такъ называемое парфюмерное масло безъ запаха и вкуса. Оно очень близко по своему удѣльному вѣсу къ жирнымъ масламъ и смѣшивается съ ними во всѣхъ отношеніяхъ. Подмѣсъ тяжелаго нефтянаго масла доходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 50%, что при дешевизнѣ минеральныхъ маселъ представляетъ огромныя выгоды для фальсификаторовъ. Но такого рода поддѣлки наносятъ потребителю не только матеріальный ущербъ, но и значительный вредъ для здоровья. Минеральное масло подмѣшивается не только къ прованскому, но также къ касторовому и тресковому жиру, употребляемымъ въ качествѣ лѣкарствъ. Профессоръ Пель приводитъ изъ своей практики одинъ случай, когда тресковый жиръ содержалъ 45% минеральнаго масла и рѣшительно не отличался по наружному виду отъ настоящаго. Минеральныя масла вовсе не усваиваются организмомъ и совершенно не питательны, а, слѣдовательно, замѣнить жиры не могутъ, а потому подмѣсъ ихъ къ растительнымъ масламъ нужно считать за грубѣйшую фальсификацію.

Мало-по-малу зародилась мысль превращать нефтяныя масла въ настоящіе жиры и время отъ времени въ газетахъ, а иногда и въ техническихъ журналахъ, появляются краткія летучія замѣтки о приготовленіи искусственныхъ жировъ изъ минеральныхъ маселъ, хотя, если основываться на химическомъ составѣ тѣхъ и другихъ, возможность такого превращенія представляется весьма мало вѣроятною.

Такъ, наприм., въ недавнее время, по сообщенію *Вѣстника финансовъ, промышленности и торговли* (1889 г., № 23), Байльярду удалось будто бы превратить путемъ окисленія смоляныя и нефтяныя масла въ продукты, подобные растительнымъ и животнымъ жирамъ. Окислителемъ является олеиновая кислота, или, вѣрнѣе, кислородъ воздуха, ею поглощаемый; кислоту эту можно, впрочемъ, замѣнить прямо старыми, уже другими прогорклыми (окислившимися) растительными маслами, каковы деревянное, льняное и проч.

По привилегіи, выданной Байльярду въ Россіи, нагрѣвають (140—160°) смѣсь нефтяныхъ маселъ удѣльнаго вѣса 0,875 до 0,920 съ 5—25% олеиновой кислоты, причемъ получаютъ продукты, которые легко

превращаются въ мыло посредствомъ щелочей и которые съ успѣхомъ могутъ служить для намазыванія шерсти на шерстяныхъ фабрикахъ, вмѣсто настоящихъ жировъ *). Нагрѣвая нефтяной дестиллатъ съ 2—10% какаго-нибудь растительнаго масла (деревяннаго, хлопчатниковаго, сурьпнаго и т. п.), получаютъ высыхающее масло.

Затронутая нами въ этомъ очеркѣ область столь обширна, а обращающіеся въ торговлѣ фальсификаты, искусственные продукты и суррогаты такъ многочисленны и разнообразны, что въ краткой журнальной статьѣ мы по необходимости должны были ограничиться только лишь наиболее интереснымъ и существеннымъ.

Н. Тумсинъ.

*) Прямо нефтяныя масла не годятся для этого. Смазываніе же шерсти передъ обработкой какимъ-нибудь по возможности дешевымъ жирнымъ веществомъ необходимо.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Императоръ Вильгельмъ и нѣкоторые другіе германскіе государи произносили въ прошломъ мѣсяцѣ все воинственные тосты. Восхвалялся острый вестфальскій мечъ и тевтонская стойкость на страхъ врагамъ. Газета *Paris* мѣтко назвала поѣзду Вильгельма II въ Страсбургъ и Мецъ *путешествіемъ сабли*. Противъ кого же направлены всѣ эти угрозы? Кого долженъ разить побѣдоносный нѣмецкій мечъ? Не Францію ли за мирное, неслыханное торжество выставки? Не Россію ли, иностранная политика которой можетъ резюмироваться словами: сохраненіе мира и свобода отъ какихъ-либо наступательныхъ и даже оборонительныхъ союзовъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что сабля гремитъ именно въ сторону Россіи и Франціи. Нѣмецкая печать говоритъ, что не будь на свѣтѣ нашего отечества, французы примирились бы съ утратою Эльзаса и Лотарингіи, и тогда гогенцоллернская имперія могла бы успокоиться. Такъ какъ исчезнуть съ лица земли Россія не соглашается, то органы князя Бисмарка пробуютъ обойти это препятствіе другимъ путемъ. Внушается, что для Россіи всего выгоднѣе и удобнѣе опять сблизиться съ Германіей и предоставить послѣдней произвести новый разгромъ Франціи. Республиканская Франція противопоставляется Германской имперіи, гдѣ парламентаризмъ едва только прививается, гдѣ милитаризмъ играетъ первенствующую роль, и эти свойства приводятся какъ доказательства того, что союзъ съ Германіей болѣе подходящъ для Россіи, чѣмъ дружба съ Франціей. Но эти и подобныя разсужденія внушаемой княземъ Бисмаркомъ печати не имѣютъ шансовъ измѣнить стойкое миролюбивое направленіе нашей иностранной политики. Ни угрозы, ни двусмысленная лесть не выведутъ Россію изъ ея спокойнаго выжидательнаго положенія. Въ Берлинѣ императоръ Францъ-Иосифъ и императоръ Вильгельмъ II пили за нѣмецкую и австрійскую арміи, за ихъ товарищество, за непоколебимый и ненарушимый союзъ между двумя государствами. Этотъ союзъ не новость, его крѣпость въ настоящее время нигдѣмъ не оспаривается. Что же касается ненарушимости такого порядка вещей, то въ нее, прежде всего, не вѣрятъ австрійскіе народы. Дѣйствительно, дислейтанскіе нѣмцы страшатся возможности разрыва съ Германіей,

потому что тогда славянскія волны поднимутся еще выше; но старо-чешская *Politik*, напримѣръ, озаглавила свою статью по поводу пангерманской рѣчи наследника баварскаго престола знаменитымъ изреченіемъ Гладстона: *Hand off (Руки прочь!)*. Съ своей стороны, *Neue Freie Presse* и другіе органы австро-нѣмецкой либеральной партіи превозносятъ союзъ съ Германіей, видя въ этомъ союзѣ залогъ мира и благоденствія европейскіхъ народовъ, а *Kölnische Zeitung* не прекращаетъ своихъ злобныхъ выходокъ противъ Россіи, обвиняя ее въ замыслахъ противъ этого мира. Оффиціозъ германскаго имперскаго канцлера все повторяетъ насмѣшки надъ дружбой между Россіей и Черногоріей. Это высокоумѣнное отношеніе къ немногочисленнымъ народностямъ не свидѣтельствуетъ о большомъ тактѣ *Kölnische Zeitung*. Черногорія, по всей вѣроятности, займетъ на Балканскомъ полуостровѣ гораздо болѣе значительное мѣсто, чѣмъ то, которое она занимаетъ въ настоящее время. Данія и Греція также невеликія державы, но совокупными силами такихъ возможныхъ для Россіи союзниковъ, въ роковой часъ неотвратимой опасности, пренебрегать, по меньшей мѣрѣ, неосновательно. Германская оффиціозная печать ни во что считаетъ и Швейцарію. Иного мнѣнія въ этомъ отношеніи французское правительство и французское общество. На международномъ въ Парижѣ состязаніи стрѣлковъ швейцарскіе стрѣлки (ихъ явилось болѣе тысячи) встрѣтили самый радушный привѣтъ. Ихъ привѣтствовалъ президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта Шотанъ, въ отвѣтъ которому Гаваръ, членъ женеваго государственнаго совѣта, сказалъ, что сравнительно малочисленный швейцарскій народъ протягиваетъ свою руку Франціи. Онъ не опасается теперь вторженія французовъ на свою территорию. Согласіе между швейцарскою и французскою демократіей опирается и на традиціонно-дружественныя сосѣдскія отношенія, и на сходство политическихъ учрежденій. Швейцарія, — прибавилъ Гаваръ, намекая на нѣмецкія притязанія, — съумѣетъ защитить свою независимость и свое государственное достоинство.

Великій герцогъ баденскій въ своей воинственной рѣчи на седанскомъ празднествѣ призывалъ нѣмцевъ къ борьбѣ не только съ внѣшними, но и съ внутренними врагами. Этотъ призывъ, характерный для торжествующей покуда въ Германіи реакціи, вызвалъ недоумѣніе и горячія возраженія со стороны либеральной печати. Въ самомъ дѣлѣ, по меньшей мѣрѣ, неудобно приравнивать къ смертельнымъ внѣшнимъ врагамъ какую бы то ни было политическую партію, на которыя естественно дѣлится каждый культурный народъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свободомыслящіе, наприм., представляютъ опасность для бюрократическаго строя нынѣшней Германіи; но, вѣдь, нынѣшняя Германія, — милитаризмъ и система князя Бисмарка, — ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отождествлена съ дальнѣйшею историческою судьбой германскаго народа. Нельзя подобнымъ образомъ относиться даже къ той партіи, глава которой находится внѣ Германіи, т. е. къ партіи клерикальной, хотя она имѣетъ дѣйствительно международное значеніе и менѣе другихъ партій можетъ принимать національныя особен-

ности. Въ нѣмецкихъ клерикалахъ князь Бисмаркъ имѣеть весьма опаснаго противника, но и этотъ противникъ, конечно, не угрожаетъ цѣлости Германіи. Глава партіи центра, Виндгорсть, продолжаетъ искусно бороться съ имперскимъ канцлеромъ и въ области политической, и въ области экономическихъ отношеній. На конгрессѣ германскихъ католиковъ, который происходилъ въ августѣ, Виндгорсть, по обыкновенію, восторженно встрѣченный собраніемъ, указалъ, что католики преднамѣренно избрали мѣстомъ сѣзда городъ Бохумъ, въ округѣ котораго происходило недавно сильное рабочее движеніе. Клерикальная партія, по заявленію оратора, весьма заботливо относилась къ нуждамъ рабочаго класса. Виндгорсть и его друзья имѣють намѣреніе внести въ рейхстагъ предложеніе обратить особенное вниманіе на необходимость урегулировать отношенія между трудящимся населеніемъ и капиталомъ.

Такимъ образомъ, заботы князя Бисмарка о благѣ рабочихъ классовъ перекрещиваются съ заботами о томъ же благѣ римско-католической церкви, опирающейся въ Германіи на предводимую Виндгорстомъ партію центра. Намъ приходилось много разъ указывать, что такой же тактики держатся клерикалы и во Франціи, и въ Австро-Венгрии. Съ одной стороны, они выставляютъ экономическія реформы, дѣйствительно способныя, въ большей или меньшей степени, улучшить положеніе трудящихся массъ; съ другой стороны, римско-католическая церковь неустанно стремится захватить въ свои руки народную школу и подчинить себѣ государство. Младо-чехи, порвавшіе всякую связь съ клерикальными и вообще реакціонными элементами, вызываютъ теперь противъ себя рядъ стѣснительныхъ административныхъ мѣръ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело закрытіе въ Прагѣ стараго студенческаго общества. Поводомъ, юридически вполнѣ несостоятельнымъ, къ этому закрытію послужило дружеское обращеніе пражскаго студенческаго общества къ французскимъ студентамъ. Правительство придралось къ этому случаю, чтобы нанести ударъ младо-чешской пропагандѣ (во главѣ закрытаго общества стояли младо-чехи). Но эта административная расправа вызвала рѣзкое осужденіе не только въ лагерѣ этой партіи, но и среди старо-чеховъ. Само собою разумѣется, что всѣ такія дѣйствія правительства, нарушающія естественныя права каждого человѣка и каждого племени, въ состояніи только обострять національную вражду. Она разгорается все болѣе и болѣе не въ одной лишь Богеміи, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ габсбургской монархіи. Въ этомъ отношеніи была знаменательна августовская сессія далматскаго ландтага. Далматинцы стремятся къ соединенію съ Хроацией и Славоніей въ тріединое королевство. Они горько жалуются на то, что мадьяры и австрійскіе нѣмцы эксплуатируютъ славянъ и лишаютъ ихъ области необходимѣйшихъ благъ европейской цивилизаціи. Особенно рѣзкія нападенія на правительство заключались въ рѣчи депутата Бьянкини, редактора издающагося въ Царѣ *Народнаго Листа*. «Наше положеніе, — говоритъ Бьянкини, — совершенно исключительное. Правительство игнорируетъ это королевство окончательно. Въ

азиатскихъ пустыняхъ и даже на берегахъ Конго раздается уже свистъ локомотива, а мы — въ сердцѣ Европы, культуру которой мы спасли отъ турецкаго варварства, мы, королевская нація, мы, древніе носители христіанской цивилизаціи на Востока, — мы должны еще въ XIX вѣкѣ ждать, покуда Моисей спасетъ насъ отъ той изолированности, которая тяготѣетъ надъ нами, какъ давящее рабство, и которая убиваетъ насъ физически и морально. Наши торговыя сношенія съ Босніей и Герцеговиной уничтожены. Только Вѣна и Пештъ пользуются выгодами отъ присоединенія этихъ областей. Нашъ торговый флотъ, по поводу котораго намъ завидовалъ когда-то могучій Барлъ V и который совершилъ столь много славныхъ дѣлъ, начиная отъ Лепанто и кончая сраженіемъ при Лиссъ, погибъ для нашей кроатской самостоятельности. Флотъ этотъ погибъ не въ морскомъ сраженіи, а подъ давленіемъ желѣзной руки императорско-королевскихъ сборщиковъ податей. И для нашей рыболовной промышленности воздвигается уже императорско-королевская податная гильотина. Бѣдные далматскіе рыболовы принуждены платить двойную подать, т. е. такую подать, которой рыбаки сосѣдней Штиріи совсѣмъ не знаютъ и которой даже кіоджеты (итальянцы, живущіе въ горахъ), занимающіеся рыболовствомъ въ нашихъ водахъ, не платятъ. Это ли называется справедливостью? Лихонство и тяжесть нагоговъ поглотили въ нѣкоторыхъ частяхъ страны все, а правительство даже пальцемъ не шевельнуло. Мы, кроаты, приносимъ государству денежные жертвы и нашу кровь еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ другія народности, а все-таки, мы въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ кто-либо. Вотъ какъ плачевно наше положеніе въ Австріи! Я констатирую только факты. Министерство намъ обѣщало, что оно вскорѣ опубликуетъ законъ, коимъ кроатскій языкъ будетъ введенъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ страны. Но это обѣщаніе имъ уже забыто: итальянскій языкъ, попрежнему, господствуетъ во всѣхъ императорско-королевскихъ учрежденіяхъ, какъ во времена венеціанскаго владычества, какъ будто нашъ народъ завоеванъ итальянцами. Были сдѣланы извѣстныя распоряженія объ употребленіи кроатскаго языка, но именно эти распоряженія убѣждаютъ насъ, что мы на нашей родинѣ все еще чужіе и что здѣсь не существуетъ справедливости для насъ, кроатовъ. Теперь на насъ ввалили еще новую обязанность — изученіе нѣмецкаго языка. Хотятъ германизировать Далмацію, Боснію и Герцеговину. Съ этою цѣлью пріѣзжаютъ въ Далмацію безчисленные нѣмецкіе пионеры, съ этою цѣлью основана въ Царѣ военная школа, которая собственно должна называться: «Императорско-королевская школа германизаціи». И свобода печати въ Далмаціи — только пустой звукъ. Цензура въ Далмаціи дѣйствуетъ, по распоряженію намѣстничества, самымъ безцеремоннымъ образомъ. Ни за что, ни прочто воспретили доступъ *Народнаго Листа* въ Боснію и Герцеговину. Насъ хотятъ отторгнуть отъ Сараева, отъ нашихъ братьевъ. Хотятъ разорвать тѣ узы, которыя связывали насъ, кроатовъ, съ Босніей и Герцеговиной даже во времена турецкаго владычества. Это — деспотизмъ самаго

худшаго сорта, противъ котораго я здѣсь рѣшительно протестую. Пришло время, когда мы должны поставить себѣ вопросъ о томъ, нужно ли намъ и впредь идти за правительствомъ и оказывать ему поддержку,—тому правительству, которое насъ, кроатовъ, кормитъ только пустыми обѣщаніями? Мы не должны давать ему покоя, мы должны употребить всѣ законныя средства, даже самыя крайнія, чтобы побудить его ослабить этотъ гнетъ *)).

Поучительно сопоставить съ фактами жестокой расовой вражды разсужденія антропологовъ, людей науки, не ослѣпленныхъ національными предрасудками и страстями. На конгрессѣ антропологовъ, бывшемъ въ Вѣнѣ въ августѣ мѣсяцѣ, знаменитый Вирховъ произнесъ рѣчь, вызвавшую громкія рукоплесканія ученаго собранія. Съ точки зрѣнія объективной науки, сказалъ берлинскій профессоръ, слѣдуетъ указать на то, что между германскими племенами установлены такія же различія, какъ и между племенами славянскими. Извѣстное число славянъ стоитъ, антропологически, ближе къ извѣстному числу германцевъ, чѣмъ къ своимъ славянскимъ братьямъ. Чистой, несмѣшанной съ другими національностями, расы антропология не знаетъ.

Австрійская печать воспользовалась рѣчью Вирхова, и органы, которые борются съ антисемитизмомъ, опираясь на данныя науки, лишній разъ указывали на жестокую бессмыслицу расовой вражды. Славянскія газеты также привѣтствовали слова ученаго, подтверждающаго научнымъ анализомъ требованія политической справедливости. Именно съ этой стороны и приходитъ исцѣленіе зла. Гуманная научная мысль проникаетъ все глубже и глубже въ европейское общество и устанавливаетъ тѣсную связь между интересами и стремленіями всѣхъ образованныхъ людей, къ какому бы племени они ни принадлежали. Въ этомъ отношеніи велико и благотворно значеніе различныхъ международныхъ сѣздовъ, бывшихъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Парижѣ (въ томъ числѣ, разумѣется, и сѣзда студентовъ разныхъ европейскихъ университетовъ на открытіе новыхъ зданій Сорбонны). Для насъ, русскихъ, особый интересъ представляютъ сѣзды представителей общественныхъ и юридическихъ наукъ, покуда еще не привившіеся на нашей почвѣ. Въ числѣ такихъ конгрессовъ слѣдуетъ указать на международный конгрессъ криминалистовъ, засѣдавшій въ Брюсселѣ въ прошломъ мѣсяцѣ. Основателемъ этихъ конгрессовъ является брюссельскій профессоръ Принсъ, главный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ. Однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Брюсселѣ криминалистами, былъ вопросъ объ условномъ осужденіи. Бельгійское законодательство предоставляетъ суду право отсрочивать приведеніе въ исполненіе судебного приговора не болѣе, какъ на пять лѣтъ. Если въ теченіе отсрочки осужденный будетъ вести себя вполне безукоризненно, онъ освобождается отъ наказанія. Законъ имѣетъ въ виду только такія преступленія, за которыя наказаніе не превышаетъ шести мѣсяцевъ заключенія. Подобный же законъ

*) Корреспонденція *Русскихъ Ведомостей* (№ 226).

существуетъ въ Массачузетсѣ. Тамъ съ 1879 года изъ числа 2,800 осужденныхъ, наказаніе которыхъ было отсрочено, 44 человѣка выселились въ продолженіе отсрочки и 223 человѣка не исполнили требованій, при которыхъ приговоръ не приводится въ исполненіе. Этотъ результатъ нельзя не считать весьма благоприятнымъ. Конгрессъ отнесся къ условному осужденію весьма сочувственно. Изъ русскихъ ученыхъ отмѣтимъ участіе на конгрессѣ профессора Фойницаго. Напомнимъ кстати, что въ Германіи скоро соберется *двадцатый* сѣздъ юристовъ. У насъ такимъ сѣздамъ не посчастливилось: послѣ перваго, очень удачнаго опыта въ Москвѣ, въ 1875 году, ни одинъ сѣздъ юристовъ не могъ еще состояться. Между тѣмъ, польза отъ подобныхъ періодическихъ совѣщаній представителей теоріи и практики права у насъ была бы, относительно говоря, даже значительнѣе, чѣмъ на Западѣ, потому что и наука, и печать развиты въ Россіи менѣе значительно, чѣмъ у нашихъ сосѣдей. Роль общественнаго мнѣнія въ вопросахъ внутренней и иностранной политики возрастаетъ съ каждымъ годомъ, а воспитательное въ этомъ отношеніи вліяніе ученыхъ сѣздовъ очевидно для всякаго.

До послѣдняго времени въ странахъ Запада, пользующихся даже широкими представительными учрежденіями, отъ контроля общественнаго мнѣнія ускользали существенные вопросы международныхъ отношеній. Правительства вступали въ соглашеніе или союзы, навлекали на государство опасныя столкновенія, и это становилось явнымъ только тогда, когда устранить вредъ не было уже никакой возможности. Демократическое теченіе въ западно-европейской жизни, по существу своему миролюбивое, естественно ведетъ къ распространенію общественнаго контроля на область иностранной политики. Особенно чувствуется это во Франціи и въ Англіи. Посѣщеніе Великобританіи германскимъ императоромъ встревожило либеральную часть англійскаго общества. Вражда консервативнаго кабинета лорда Салисбюри къ Россіи и Франціи давала основаніе предполагать, что переговоры съ руководителями нѣмецкой политики были направлены именно противъ нашего отечества и Французской республики. Въ нижней палатѣ британскаго парламента извѣстный депутатъ либеральной партіи, Лабушеръ, потребовалъ отъ правительства объясненій, не вступало ли оно въ какія-либо сдѣлки съ Италіей противъ Франціи и не связало ли себя какими-нибудь обѣщаніями по отношенію къ тройственному союзу. Изъ уклончиваго отвѣта товарища министра иностранныхъ дѣлъ Фергюссона, тѣмъ не менѣе, очевидно, что англійское правительство не вступало въ формальныя соглашенія ни съ Германіей, ни съ Италіей, а теперь еще болѣе поостережется отъ сдѣлокъ подобнаго рода. Фергюссонъ прибавилъ, что ни одно государство не заинтересовано въ такой степени, какъ Великобританія, въ поддержаніи мира во всѣхъ частяхъ свѣта. Къ этому товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ могъ бы прибавить, что у правительства много дѣла въ самой Англіи, не говоря уже объ Ирландіи, что десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые назначаются на усиленіе флота и арміи,

могли бы пойти на улучшеніе далеко не удовлетворительнаго положенія рабочаго класса. Грозныя рабочія стачки, бывшія въ послѣднее время въ Лондонѣ, вызвали къ себѣ общественныя симпатіи и окончились уступкою со стороны предпринимателей справедливымъ и умѣреннымъ требованіямъ рабочихъ.

Трудно сомнѣваться въ томъ, что небезосновательное недовольство буржуазною политикою французскаго правительства привлекло многихъ рабочихъ въ буланжистское движеніе. Но политическій смыслъ французскаго рабочаго сильно развился и онъ немногимъ, вѣроятно, уступаетъ въ этомъ отношеніи англійскому рабочему. Едва ли диктатура можетъ теперь рассчитывать во Франціи на успѣхъ. Спокойное и долговременное уже теченіе всемірной выставки, ея нравственный успѣхъ и большія матеріальныя выгоды, полученныя отъ нея французскимъ народомъ, не могли не подѣйствовать умиряющимъ образомъ на политическую жизнь. Изъ многочисленныхъ торжествъ, которыми имѣлось въ виду укрѣпить республиканскій строй противъ монархистовъ и буланжистовъ, особенно выдается банкетъ, устроенный парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ для меровъ провинціальныхъ общинъ. На банкетъ участвовало до 20,000 человекъ. Президентъ муниципальнаго совѣта города Парижа Шотанъ, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, провозгласилъ тостъ за президента Французской республики, «безупречнаго человека, который воплощаетъ съ возрастающимъ каждымъ днемъ авторитетомъ надежды республики и отечества». Когда смолкли восторженные рукоплесканія, покрывшія этотъ тостъ, поднялся Карно и произнесъ рѣчь, полную ума, такта и горячаго патриотизма. Президентъ республики съ особеннымъ удареніемъ говорилъ о мирномъ торжествѣ парижской выставки, которое признаютъ всѣ посѣтившіе столицу Франціи иностранцы. Великолѣпный праздникъ труда, устроенный французами, справедливо возбуждаетъ въ нихъ горделивую радость. Республика, — сказалъ Карно, — позволить осуществлять ту двойную цѣль, которая была поставлена сто лѣтъ тому назадъ: политическую свободу и социальную справедливость.

Президенту республики была устроена, послѣ его рѣчи, неслыханная по своей величественности и горячему одушевленію овація. Все это добрыя признаки, по которымъ можно рискнуть на предсказаніе благоприятнаго для республиканцевъ исхода общихъ выборовъ (они произойдутъ 10/21 сентября, когда эти строки уже будутъ напечатаны) *).

Въ заключеніе этого обзора упомянемъ о нѣкоторыхъ движеніяхъ въ неевропейскихъ государствахъ. Въ Бразиліи, какъ извѣстно, 13 мая прошлаго года парламентъ отиѣнилъ рабство. Это дало сильный толчокъ новымъ политическимъ теченіямъ. Быстро образовалась и растетъ уже по всей странѣ республиканская партія. Въ концѣ апрѣля нынѣшняго года

*) Отиѣтимъ одинъ трогательный эпизодъ. Старикъ-меръ одного изъ провинціальныхъ городковъ, растроганный царившимъ на банкетѣ патриотическимъ одушевленіемъ, заявилъ, что онъ, старый монархистъ, отиѣнѣ искренне и всецѣло переходитъ на сторону республики.

въ Сао-Пауло собирався республиканскій конгрессъ. Каждая провинція Бразиліи была представлена на этомъ конгрессѣ пятью депутатами. Собраніе избрало Бвинтино Бокаюва, редактора ріо-жанейрской газеты *Paiz*, главою республиканской партіи. Республиканская пропаганда завербовала много военныхъ. При такихъ условіяхъ особенно важное значеніе получаютъ выборы въ палату депутатовъ, которые происходили 31 августа. Свѣдѣній объ этихъ выборахъ мы еще не имѣемъ.

Въ другомъ государствѣ, на дальнемъ Востоку, которое быстро втягивается въ международное общеніе,—въ Японіи,—политическая жизнь представляетъ все большій и большій интересъ. Въ виду приближающихся выборовъ въ японскій парламентъ, всѣ партіи приступили къ усиленной агитациі. Главою либераловъ является Итагани, которому правительство предлагало министерскій постъ. Итагани отклонилъ это предложеніе. Либеральное движеніе распространяется въ Японіи.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положенія о земскихъ начальникахъ, о преобразованіи судебной части и о переимѣнахъ въ волостномъ судѣ.—Введеніе судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Общій итогъ урожая.—Нижегородская ярмарка.—Одесское и кіевское генераль-губернаторства.—Ходатайства заемщиковъ дворянскаго банка.—Переработка желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и протестъ курско-кіевской дороги.—В. П. Везобразовъ †.

Изданіе закона о земскихъ начальникахъ — вотъ главное событіе прошлаго мѣсяца. Законъ этотъ обнародованъ при указѣ 12 іюля «о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений и судебной части въ имперіи». Такое названіе вполне оправдывается содержаніемъ настоящаго преобразования, которое представляетъ цѣлый рядъ законоположеній: о земскихъ начальникахъ, о переустройствѣ прежней мировой юстиціи, о переимѣнахъ въ составѣ и компетенціи волостныхъ судовъ и, наконецъ, о новыхъ коллегіальныхъ учрежденияхъ: уѣздныхъ съѣздахъ и губернскихъ присутствіяхъ, имѣющихъ замѣнить собою прежніе съѣзды мировыхъ судей и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

Преобразование представляется весьма значительнымъ не только по обширности той области управленія и суда, какою оно захватываетъ, но и по важности тѣхъ принципиальныхъ переимѣнъ, какія оно вноситъ въ бытъ населенія земскихъ губерній. Въмѣсто принципа бессословности, на которомъ утверждались реформы послѣднихъ тридцати лѣтъ, въ основаніе новаго устройства положено начало сословно-дворянское. Сохранено сословное образование управленія и волостнаго, и сельскаго, а также волостнаго суда, но приведенное въ положеніи 19 февраля начало полной самостоятельности крестьянскаго самоуправленія и суда подвергнуто нынѣ значительному ограниченію въ видѣ предоставленія должностнымъ лицамъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ широкой власти надзора. Эта функція въ новомъ законѣ опредѣляется такъ: «твердая правительственная власть, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями и заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ». Далѣе, сфера примѣненія выборнаго начала въ уѣздномъ устройствѣ подверглась нынѣ существеннымъ ограниченіямъ. Изъ

области мирового суда выборное начало совершенно устраняется, такъ какъ замѣняющіе мировыхъ судей земскіе начальники и городскіе судьи назначаются административнымъ порядкомъ, а въ волостные судьи сами крестьяне будутъ избирать только кандидатовъ, изъ числа которыхъ назначать судей будутъ земскіе начальники. Наконецъ, и начало отдѣленія власти судебной отъ власти административной упраздняется вполнѣ въ сферѣ какъ уѣзда, такъ отчасти и волости: земскіе начальники, неся обязанности надзора за крестьянскими управленіями, а дополнительно (въ отсутствіе исправника и становаго) даже обще-полицейскія обязанности, будутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мировыми судьями. Что касается волостнаго суда, въ засѣданіяхъ котораго прежній законъ запрещалъ старшинѣ даже присутствовать, то новый законъ допускаетъ предсѣдательство старшины въ судѣ.

Прежде всего, мы должны были указать на эту перемену въ принципахъ, примѣняемыхъ законодательствомъ въ области уѣзднаго управленія и суда, такъ какъ при обсужденіи каждаго узаконенія необходимо отдать себѣ отчетъ, изъ какой мысли оно истекло и къ какой цѣли направлено. Мы видимъ, что въ предлагаемомъ законѣ сдѣланы весьма значительныя отступленія отъ тѣхъ теоретическихъ основъ, какими прежде руководилось наше законодательство. Означаетъ ли это, что законодатель окончательно какъ бы измѣнилъ убѣжденіе, призналъ прежнія начала ошибочными, несправедливыми, быть можетъ, вредными?

Если бы принять тѣ комментаріи къ настоящему преобразованію, какіе давались и даются тѣми изъ нашихъ публицистовъ, которые всячески старались изобразить изъ себя его радѣтелей, помощниковъ, чуть ли не инициаторовъ и, во всякомъ случаѣ, безусловныхъ хвалителей, то, не имѣя еще новаго закона передъ глазами, на поставленный вопросъ можно было бы отвѣтить только утвердительно: да, законодательство наше окончательно разочаровалось въ началахъ общественнаго избранія, самоуправленія, всеословности, отдѣленія суда отъ власти административной. Но дѣло въ томъ, что тѣхъ частныхъ комментаріевъ принять нѣтъ никакой возможности по полному отсутствію въ нихъ условія, которое нѣмцы называютъ логическимъ «жодомъ идей». Всѣмъ извѣстенъ «составъ» разсужденій нашихъ мнимо-консервативныхъ публицистовъ на эту тему: упомянутые выше принципы «упразднили»-де правительство, «дряблая, деморализованная, рабски поклоняющаяся Западу интеллигенція» увлеклась пагубными теоріями, вызвавшими смуты, коимъ осталась совершенно непричастною здравомыслящая масса народа, глубоко проникнутая національнымъ мировоззрѣніемъ. Отсюда будто бы истекаетъ полный отказъ отъ началъ, легшихъ въ основаніе реформъ послѣдняго тридцатилѣтія; восстанавливается правительственный авторитетъ, «правительство идетъ», конецъ либеральнымъ фантазіямъ, доктринерскимъ фикціямъ и т. д.

Но подобный комментарій годился бы для объясненія развѣ такого закона, который отиѣнялъ бы и земскіе, и дворянскіе выборы и учрежденія, возстановилъ бы прежнія «палаты», вмѣсто новыхъ судовъ, упростилъ бы

уѣздное устройство до сосредоточенія всѣхъ дѣлъ административныхъ и судебныхъ въ рукахъ исправника и подчиненныхъ ему приставовъ, назначаемыхъ исключительно изъ унтеръ-офицеровъ и канцелярскихъ чиновниковъ, а «здравомыслящей массѣ народа» далъ бы рѣшительное преобладаніе надъ самымъ дворянствомъ, которое, вѣдь, входитъ главнымъ контингентомъ въ составъ «дряблой и развращенной нашей интеллигенціи» и въ составъ «самодержавнаго земства», передъ которымъ «губернаторы стояли вытянувъ руки по швамъ» (экстрактъ изъ *Моск. Вѣд.* и *Гражданина*). Всего же менѣ приведенный комментарий идетъ къ такому закону, который поручаетъ дворянамъ попечительство «надъ сельскими обывателями» и надзоръ надъ крестьянскимъ управленіемъ и судомъ.

Но, оставляя въ сторонѣ нелѣпые комментаріи и обращаясь къ самому содержанию новаго закона, мы видимъ, что хотя онъ и вводитъ весьма существенныя отступленія отъ началъ, о которыхъ говорилось выше, однако, вовсе не отказывается отъ нихъ. Такъ, отмѣняя выборную мировую юстицію, за исключеніемъ столицъ и Одессы, и вводя городскихъ судей по назначенію въ горадахъ губернскихъ, уѣздныхъ и заштатныхъ, законъ, однако, предоставляетъ министру юстиціи «войти въ обсужденіе вопроса, не оказывается ли возможнымъ сохранить въ большихъ губернскихъ городахъ существующія тамъ мировыя судебныя установленія, на основаніяхъ, опредѣленныхъ судебными уставами Императора Александра II, и заключеніе по сему предмету внести въ государственный совѣтъ». Такъ, предоставляя должности земскихъ начальниковъ лицамъ изъ мѣстнаго земельнаго дворянства, вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ, законъ предоставляетъ министру, за недостаткомъ такихъ дворянъ, назначать на тѣ же должности и «лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ числу упомянутыхъ дворянъ (стало быть, могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть назначаемы и не дворяне), но окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній имперіи». При всякомъ же назначеніи въ должность земскихъ начальниковъ законъ даетъ рѣшительное предпочтеніе именно элементу «дряблой интеллигенціи»: дворяне, окончившіе курсъ высшихъ училищъ, могутъ имѣть вдвое меньшій имущественный цензъ, чѣмъ тѣ, которые получили только среднее образованіе; первые могутъ быть назначены въ земскіе начальники, даже если не имѣютъ и половины земскаго ценза (7,500 р.), а только сохранили въ уѣздѣ свою усадьбу; вторые же (если не служили прежде въ опредѣленныхъ должностяхъ) должны имѣть полный земскій цензъ (15 т. р.).

Наконецъ, и самая основная черта новаго узаконенія—мысль о созданіи мѣстной «твердой правительственной власти» вовсе не въ видѣ наѣзжихъ комиссаровъ изъ числа разныхъ неудачниковъ столичной департаментской службы, но въ формѣ мѣстной, общественной же силы—дворянства,—также не соответствуетъ тому чисто-бюрократическому идеалу, какой истекалъ бы изъ разсужденій извѣстныхъ публицистовъ. Земскіе начальники будутъ избираться губернаторомъ по списку, составляемому губерн-

скимъ предводителемъ дворянства и по соглашенію съ предводителемъ. Сверхъ того, порученіе лицу выборному—предводителю—предсѣдательства въ уѣздномъ сѣздѣ, поставленіе этого выборнаго лица въ системѣ администраціи коронной (какова именно магистратура земскихъ начальниковъ) выше исправника, который, будучи прямымъ представителемъ власти административной, является однимъ изъ членовъ сѣзда, также не соответствуетъ упомянутому идеалу.

Изъ сдѣланныхъ сейчасъ замѣчаній вовсе, однако, не слѣдуетъ, будто мы сами считаемъ вводимое нынѣ устройство властей въ уѣздѣ наиболѣе совершеннымъ, какое мыслимо. Прежнее, каковы бы ни были его недостатки, представляло, однако, болѣе систематичности. Отъ него было не трудно перейти къ устройству уѣзда вполне цѣльному, на чисто-земскомъ началѣ. Въ этомъ смыслѣ собственно и были предприняты первыя работы, направленные къ уѣзному преобразованію: ревизія волостныхъ судовъ особою комиссіей, ревизія сенаторовъ, первоначальные труды Бахановской комиссіи. Преобразование, въ томъ видѣ, какъ оно нынѣ состоялось, конечно, не соответствуетъ первоначальному направленію и главные его недостатки представляются именно въ отсутствіи цѣльности, въ нѣкоторой неопредѣленности отношеній между разными органами власти, а, наконецъ, въ сложности, какая явилась вмѣсто искомой простоты.

Нынѣшняя реформа явилась не какъ новая отливка уѣзднаго устройства, но какъ вставка въ прежнюю форму новаго клина—учрежденія земскихъ начальниковъ, причемъ пришлось остальные части прежней формы только подогнать къ этому клину. Задача поднятія роли и расширенія власти губернской, сохраненіе крестьянской сословной обособленности и подчиненіе ея попечительству лицъ изъ другаго сословія, отдѣльность функций и смѣшеніе состава администраціи и суда въ уѣздѣ—вотъ тѣ, болѣе или менѣе удачно согласованныя между собою черты, какія представляетъ новое устройство. Несмотря на такую сложную комбинацію принциповъ, доказывающую, что законодатель готовъ былъ воспользоваться каждымъ изъ нихъ въ известной мѣрѣ, лишь бы создать нѣчто практичное, въ уѣздѣ останутся прежніе пробѣлы между уѣзднымъ земствомъ и крестьянскою волостью, между уѣздною управой и административнымъ управленіемъ уѣзда въ лицѣ исправника. Въ немъ прибавляется новый пробѣлъ, представляющійся въ отчужденіи уѣздной судебной власти отъ земства и въ слитіи этого состава съ дворянствомъ, которое, между тѣмъ, какъ корпорація, продолжаетъ оставаться внѣ всякаго участія въ уѣздныхъ дѣлахъ.

Если бы законодатель въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду ту главную цѣль, какую указывали нѣкоторые публицисты—замѣну общественнаго начала бюрократическимъ, то сдѣлалъ бы исправника полновластнымъ начальникомъ уѣзда, замѣнилъ бы земство хозяйственною комиссіей подъ предсѣдательствомъ того же исправника, а крестьянское управленіе и судъ подчинилъ бы становымъ. Или, если бы законодатель, оставляя въ уѣздѣ въ рукахъ правительства только полицію, всему самоуправленію хотѣлъ бы

придать характеръ дворянскій, дѣйствительно отдать его въ руки дворянства, то дажѣ бы помѣщикамъ-дворянамъ право вотчинной полиціи, а во главѣ волостей и ихъ судовъ поставилъ бы «волостелей» изъ крупнѣйшихъ дворянъ-землевладѣльцевъ, подчинивъ и сельское управление ближайшему помѣщику. Это представило бы дѣйствительное преобладаніе дворянства.

Но не сдѣлано ни то, ни другое. Даже отмѣна выборнаго начала въ примѣненіи къ мѣстному суду послѣдовала, какъ извѣстно, вовсе не потому, чтобы самая реформа впредь была направлена къ этой отмѣнѣ. Рѣшеніе относительно упраздненія мировыхъ судей и передачи ихъ власти земскимъ начальникамъ, волостнымъ судамъ и уѣздному члену окружнаго суда состоялось уже послѣ перваго разсмотрѣнія проекта въ государственномъ совѣтѣ и было вызвано видами упрощенія и бережливости, то-есть соображеніями «внѣшними», а не принципиальными. Учрежденіе же городскихъ судей, вмѣсто участковыхъ, явилось уже только по соотвѣтствію. Наконецъ, законъ и въ окончательномъ видѣ сохранилъ почетныхъ мировыхъ судей, призвавъ ихъ въ члены судебнаго присутствія уѣзднаго сѣзда.

Сдѣлаемъ теперь очеркъ самаго содержанія новыхъ узаконеній. Въ 35 губерніяхъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ земства, каждый уѣздъ раздѣляется на земскіе участки, число которыхъ будетъ опредѣлено мѣстными временными комитетами, которымъ поручено приведеніе реформы въ дѣйствіе. Начальникъ участка, носящій, какъ и мировые судьи, знакъ съ цѣпью и надписью «земскій начальникъ», есть, прежде всего, то же самое, что мировой посредникъ, состоящій доселѣ въ губерніяхъ не-земскихъ, но съ нѣскольکو большею властью; затѣмъ онъ—мировой судья, съ нѣскольکو меньшею, впрочемъ, компетенціею. И такъ, земскій начальникъ, говоря неофициальнымъ языкомъ, есть именно «начальникъ» для крестьянства, а для всѣхъ сословій судья. Онъ надзираетъ за всѣмъ крестьянскимъ управленіемъ и ревизуетъ его, можетъ предлагать дѣла на обсужденіе волостныхъ сходовъ, разрѣшаетъ собственною властью жалобы, приносимыя на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, удаляетъ отъ должности неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, имѣетъ право разсматривать всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ и можетъ приостановлять исполненіе этихъ приговоровъ, если признаетъ ихъ незаконными или «клоняющимися къ явному ущербу сельскаго общества», или нарушающими права отдѣльныхъ его членовъ, а также приписанныхъ къ нему лицъ. Остановивъ исполненіе приговора, земскій начальникъ вноситъ его, съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе уѣзднаго сѣзда земскихъ начальниковъ. Далѣе, земскій начальникъ имѣетъ право, за неисполненіе вообще законныхъ распоряженій или собственныхъ его требованій, подвергать крестьянъ, безъ всякаго формальнаго производства, взысканію не свыше шести рублей или аресту не свыше трехъ дней, а должностныхъ лицъ волости или селенія штрафовать пятью рублями или арестовывать на недѣлю «вслѣдствіе разсмотрѣнія принесенныхъ на ихъ дѣйствія жалобъ или усмотрѣнныхъ имъ самимъ маловажныхъ проступковъ означен-

ныхъ лицъ». Начальникъ можетъ также временно устранить этихъ лицъ отъ должности (въ томъ числѣ и судей) и представлять уѣздному съѣзду о совершенномъ ихъ увольненіи отъ службы или о преданіи ихъ суду. Только что упомянутыя рѣшенія земскаго начальника о взысканіяхъ съ волостныхъ старшинъ и судей, а также сельскихъ старостъ, постановляемыя имъ безъ формальнаго производства, считаются окончательными, подлежатъ немедленному исполненію и жалобы на нихъ съѣздомъ не принимаются. Во время отсутствія на мѣстѣ исправника или становаго, земскій начальникъ надзираетъ за дѣйствіями старшинъ и старостъ по охраненію благочинія, безопасности и общественнаго порядка и по предупрежденію преступленій, и до прибытія исправника или становаго ему же «предоставляется руководство въ сихъ отношеніяхъ какъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, такъ и нижнихъ чиновъ уѣздной полиціи (урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ) на пространствѣ всего участка, не исключая и земель владѣльческихъ».

Земскому начальнику принадлежитъ, сверхъ того, надзоръ за состояніемъ мірскихъ капиталовъ,, утвержденіе общественныхъ приговоровъ о расходахъ изъ нихъ или, если онъ не согласенъ съ приговоромъ, представленіе ихъ, съ своимъ заключеніемъ, въ съѣздъ. Начальнику принадлежитъ также надзоръ за ссудо-сберегательными кассами, сельскими банками и всякими сельскими кредитными учрежденіями, за опекунствами надъ малолѣтними и разсмотрѣніемъ жалобъ на опекуновъ, а также «попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка, по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ»; стало быть, въ лицѣ земскаго начальника получаютъ новаго блюстителя и сельскія школы, какъ входящія въ число предметовъ вѣдомства сходовъ.

Мы подробно перечислили полномочія земскаго начальника въ отношеніи крестьянъ, такъ какъ это, несомнѣнно, самая важная часть новаго закона. Полномочія эти весьма обширны и дѣйствительно устанавливаютъ, въ его лицѣ, «попечительство надъ сельскими обывателями». Скажемъ прямо, что полномочія эти представляются намъ даже слишкомъ обширными, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя рѣшенія начальника вовсе не подлежатъ обжалованію, а на другія жалобы приносятся въ уѣздный съѣздъ, который состоитъ (въ административномъ присутствіи), подъ предѣлительствомъ предводителя дворянства, изъ тѣхъ же земскихъ начальниковъ и рѣшаетъ дѣла по большинству голосовъ. Нельзя не допустить, что товарищи лишь въ случаяхъ особенно-важныхъ могутъ рѣшаться на отиѣну распоряженій земскаго начальника, имѣя въ виду, что она могла бы ослабить авторитетъ той власти, которой представителями являются и они сами. Власть участковаго земскаго начальника, охватывающая всю общественную, а отчасти и личную жизнь крестьянъ (попеченіе о благочиніи и нравственномъ преуспѣяніи), ставитъ крестьянское сословіе въ положеніе исключительное въ сравненіи съ прочими сословіями въ государствѣ. Такъ, въ городѣ, не

подлежащемъ вѣдѣнію земскаго начальника, никакое не только полицейское, но и государственное лицо не можетъ всякаго обывателя, а хотя бы жѣщина или того же прїѣзжаго крестьянина, арестовать или оштрафовать безъ всякаго формальнаго производства, за неисполненіе законныхъ требованій того лица.

Но если бы насъ спросили, какъ же это можно бы было устроить иначе, чѣмъ давъ дворянскимъ начальникамъ надъ крестьянами нѣкоторую дискреціонную власть и затѣмъ предоставивъ крестьянамъ, въ остальныхъ случаяхъ, приносить жалобы на ихъ распоряженія въ сѣзды, то мы, признаемся, не съумѣли бы рѣшить этой задачи. Она предрѣшена, въ сущности, самымъ тѣмъ основнымъ положеніемъ, что надъ крестьянствомъ нужно установить специальный и дѣятельный надзоръ, — не такой надзоръ, — почти кассационнаго лишь характера, — каковой принадлежалъ прежнимъ учрежденіямъ «по крестьянскимъ дѣламъ», но именно надзоръ блюстительный, всюду проникающій, прокурорскій и полицейскій, а отчасти даже имущественный и нравственный.

Сдѣлавъ эту, совершенно необходимую, въ нашемъ убѣжденіи, оговорку по самому существу новаго учрежденія, мы укажемъ на нѣкоторыя практичныя, хотя и второстепенныя условія, какими оно обставлено. Земскому начальнику предоставлено избирать себѣ постоянное мѣстожительство въ предѣлахъ участка, съ разрѣшенія губернскаго присутствія, «но просьбы, какъ письменныя, такъ и словесныя, онъ обязанъ принимать вездѣ и во всякое время». Разбирать дѣла онъ можетъ не только въ мѣстѣ своего жительства, но и въ другихъ селеніяхъ участка, причемъ онъ обязанъ объявить заблаговременно, гдѣ и въ какіе дни недѣли онъ будетъ для разсмотрѣнія дѣлъ, и, затѣмъ, держаться установленнаго имъ порядка. Въ случаѣ необходимости, онъ разбираетъ дѣла на мѣстѣ, увѣдомивъ о своемъ прибытіи, а если требуется допросить много людей изъ одного селенія, то для него даже обязательно разбирать такое дѣло на мѣстѣ. Эти условія представлять удобства, которыхъ нѣтъ нужды объяснять; въ сожалѣнію, они не были примѣнены къ мировымъ судьямъ, хотя это было вполне возможно. Къ той же категоріи относится предоставленное начальнику право, въ случаяхъ постановленія обществомъ приговоровъ объ удаленіи крестьянъ, дѣлать распоряженіе (также безапелляціонное) о заключеніи такихъ лицъ подъ стражу въ городской тюрьмѣ. Это, очевидно, имѣетъ цѣлью предупредить случаи мести обществу со стороны удаляемыхъ. Правда, въ этой статьѣ нѣтъ оговорки о скорѣйшей затѣмъ высылкѣ такихъ лицъ въ иные мѣста; но предполагается, что самое тюремное вѣдомство позаботится объ этомъ.

И такъ, «земскій» начальникъ получилъ это названіе неполнѣ точно, ибо ничего общаго съ земствомъ онъ не имѣетъ, ни по назначенію, ни по кругу власти, ни даже по средствамъ, изъ которыхъ получаетъ жалованье; ихъ даетъ ему непосредственно казна. Точнѣе можно было бы его назвать крестьянскимъ начальникомъ или комиссаромъ, какъ такія должностныя лица

называются въ губерніяхъ Царства Польскаго, а съ минувшаго же мѣсяца и въ Балтійскомъ краѣ. Власти начальника подлежатъ и мѣщане, посадскіе и ремесленники, живущіе въ селеніяхъ,—стало-быть, и кабатчикъ, и мелкій торговецъ въ селеніи, а также и фабричныя въ уѣздѣ состоятъ подъ тою же властью. Остановимся на минуту собственно на полицейской власти земскихъ начальниковъ. Она весьма важна: исправникъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, за становымъ пошлютъ въ случаѣ совершеннаго уже преступленія, а по меньшей мѣрѣ въ девяти изъ десяти случаевъ полицейское распоряженіе будетъ дѣлать земскій начальникъ, конечно, въ томъ селеніи, гдѣ живетъ или случайно находится.

Затѣмъ, для всѣхъ сословій земскій начальникъ есть мировой судья; для прочихъ сословій, кромѣ крестьянскаго, онъ даже нисколько не начальникъ, а только судья. Но и здѣсь, въ атрибуціяхъ судебныхъ, законъ на первомъ мѣстѣ поставилъ компетенцію начальника-судьи по такимъ дѣламъ, въ которыхъ требуется какъ бы защита частныхъ владѣльцевъ отъ крестьянъ. Сюда принадлежатъ: споры и иски (не свыше 500 р.) по личному найму на сельскія работы, въ сельско-хозяйственныя должности и въ услуженіе, по найму земельныхъ угодій, оброчныхъ и доходныхъ при нихъ статей, дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія (если прошло не болѣе полугодія), дѣла о потравахъ и другихъ поврежденіяхъ полей, луговъ и иныхъ угодій (также не свыше 500 р.). Далѣе земскому начальнику подлежатъ всѣ прочіе иски (но уже на суммѣ не свыше 300 р.), разбиравшіеся мировыми судьями, и проступки, подлежавшіе имъ же, а также безпатентная продажа питей и табаку. Въ качествѣ судьи, земскій начальникъ представляетъ собой органъ власти даже преимущественно не-крестьянскій, такъ какъ ему неподвѣдомственны споры между крестьянами и такіе ихъ проступки, которые подлежатъ волостному суду, исключая если самыя стороны предпочтутъ обратиться къ начальнику-судьѣ. Онъ не разсматриваетъ также дѣла, въ коихъ предметами спора является собственность или владѣніе недвижимое, утвержденныя на формальномъ актѣ, и еще такія дѣла по найму и искамъ, которыя сопряжены съ казеннымъ интересомъ, и, наконецъ, тѣ дѣла, по которымъ взысканіе превышаетъ 300 р. или сопряжено съ запрещеніемъ производить торговлю крѣпкими напитками. Власть земскихъ начальниковъ надъ крестьянами еще усиливается тѣмъ узаконеніемъ, которое вводитъ измѣненіе въ составъ волостныхъ судовъ, о чемъ мы вкратцѣ упомянемъ ниже.

Очертивъ подробно значеніе и кругъ власти земскихъ начальниковъ, какъ наиболѣе выдающуюся часть настоящаго преобразованія, мы упомянемъ лишь въ общихъ чертахъ о другихъ учрежденіяхъ, которыя вводятся наряду съ этимъ и въ связи съ нимъ. Слѣдующую инстанцію, въ отношеніяхъ административномъ и судебномъ, составляетъ въ каждомъ уѣздѣ съѣздъ, высшую—губернское присутствіе. Уѣзный съѣздъ имѣетъ присутствіе административное—изъ земскихъ начальниковъ и предсѣдателя земской управы и судебное—изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, почетныхъ мировыхъ су-

дей, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ; въ обѣихъ присутствіяхъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства. Въ судебномъ присутствіи засѣдаетъ товарищъ прокурора окружнаго суда или губернскаго прокурора, въ административномъ—при разборѣ нѣкоторыхъ дѣлъ—податной инспекторъ. При сѣздѣ состоятъ кандидаты въ земскіе начальники и секретарь. Уѣздный сѣздъ въ дѣлахъ административныхъ исполняетъ тѣ же обязанности, какія лежатъ въ не-земскихъ губерніяхъ на сѣздахъ мировыхъ посредниковъ, и разрѣшаетъ тѣ, которыя представляются ему земскими начальниками, какъ превышающія ихъ власть. Въ судебномъ отношеніи уѣздный сѣздъ замѣняетъ собою сѣздъ мировыхъ судей, т.-е. рассматриваетъ жалобы и отзѣвы, гражданскіе и уголовные, по дѣламъ, производившимся у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.

Совершенно ново учрежденіе уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, которыхъ полагается по одному въ каждый сѣздъ. Считаясь членомъ окружнаго суда и назначаясь, стало быть, по министерству юстиціи, уѣздный членъ окружнаго суда представляетъ, однако, власть единоличную и имѣетъ камеру и печать отдѣльно отъ сѣзда. Это новое учрежденіе служитъ какъ бы поправкой къ замѣнѣ мировыхъ судей земскими начальниками и городскими судьями, которыхъ судебная компетенція поставлена нѣсколько уже. Уѣздный членъ и рассматриваетъ такія судебныя дѣла, которыя, хотя прежде подлежали мировымъ судьямъ, не превосходятъ власть, данную ихъ преемникамъ; ему же подлежатъ всѣ дѣла судопроизводства охранительнаго. Апелляціонною инстанціей для уѣздныхъ членовъ окружнаго суда является уже окружный судъ.

Вышею инстанціей надъ земскими начальниками, городскими судьями и уѣздными сѣздами поставлено губернское присутствіе, которое состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя, вице-губернатора, прокурора окружнаго суда или его товарища и двухъ непрѣвѣнныхъ членовъ, а также предсѣдателя или члена окружнаго суда, предсѣдателя губернской земской управы, наконецъ, управляющихъ казенною палатой и государственными имуществами. Въ административномъ отношеніи губернское присутствіе замѣняетъ собой губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ и ему же принадлежитъ непосредственный надзоръ за земскими начальниками и уѣздными сѣздами. Оно рѣшаетъ дѣла объ окончательномъ удаленіи волостныхъ должностныхъ лицъ, и ему же принадлежатъ дѣла о служебной отвѣтственности земскихъ начальниковъ, причемъ присутствіе входитъ къ министру, чрезъ губернатора, объ увольненіи ихъ отъ должности. По судебнымъ дѣламъ губернскому присутствію принадлежитъ разрѣшеніе протестовъ и просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній уѣздныхъ сѣздовъ. Присутствіе постановляетъ рѣшенія по большинству голосовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, усмотрѣвъ неправильность въ административномъ распоряженіи присутствія, «принимаетъ мѣры къ восстановленію законнаго теченія дѣлъ», а въ извѣстныхъ случаяхъ представляетъ сенату объ отмѣнѣ того распоряженія.

О личном составѣ новыхъ учреждений остается еще сказать, что городскіе судьи назначаются министромъ юстиціи и могутъ быть увольняемы по постановленію консультаціи того же министерства, съ утвержденія министра (то-есть они ненесмѣняемы); земскіе же начальники утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Должности непремѣннаго члена губернскаго присутствія и предсѣдателя уѣзднаго съѣзда (тамъ, гдѣ не производится дворянскихъ выборовъ) положены въ V классѣ, съ содержаніемъ въ 2,500 р. Земскій начальникъ состоитъ въ VI классѣ и содержанія получаетъ 2,200 р. (съ разѣздными и на канцелярскіе расходы); уѣздный членъ окружнаго суда получаетъ 3,300 р. (тутъ же на наемъ камеры и канцелярскіе расходы), городской судья 2,200 р. (тоже); уѣздный членъ состоитъ въ V, городской судья въ VI классахъ.

Оставляя на минуту въ сторонѣ принципиальный характеръ всего новаго устройства, остановимся на сторонѣ, такъ сказать, технической. Устройство это весьма сложно, и части его довольно неоднородны. Мѣсто вполнѣ цѣльныхъ учреждений, каковыя представлялись въ мировыхъ судьяхъ и мировыхъ съѣздахъ, подчиненныхъ судебному сенату, занимается теперь земскими начальниками, городскими судьями, уѣздными членами окружныхъ судовъ и уѣздными съѣздами, подчиненными губернскимъ присутствіямъ. Въ уѣздныхъ съѣздахъ одна часть членовъ — по выбору отъ земства, другая — по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, третья — по назначенію министра юстиціи. Одни состоятъ въ подчиненности губернскому присутствію, другіе окружному суду, третьи сенату. Все это можетъ имѣть послѣдствіемъ обычныя неудобства разнородности и разной подчиненности членовъ одного состава. Самое губернское присутствіе, призванное быть какъ бы кассационною инстанціей въ отношеніи рѣшеній земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, состоитъ изъ предводителя и лицъ разныхъ вѣдомствъ, занимающихъ постороннія должности, за исключеніемъ двухъ непремѣнныхъ членовъ; кассационная практика, какую эти присутствія выработаютъ по разнымъ губерніямъ, будетъ весьма разнообразна и едва ли юридически-поучительна, если не допустить, что судебныя рѣшенія будутъ составлять и мотивировать товарищъ прокурора и членъ окружнаго суда. Наконецъ, новое устройство будетъ гораздо дороже прежняго. Въ печати держался слухъ, что расходы на него будутъ цѣликомъ отнесены на земскія средства. Но расходы эти до такой степени превысятъ прежнюю издержку, что постановлено все содержаніе новыхъ учреждений ассигновывать по смѣтамъ изъ казны, а въ казну будутъ поступать тѣ средства, какія прежде отпускались земствомъ на содержаніе мировыхъ установленій, а также средства на содержаніе учреждений по крестьянскимъ дѣламъ.

Обзоръ и обсужденіе настоящаго важнаго преобразованія заняло у насъ уже много мѣста, а, между тѣмъ, мы еще не кончили. Дѣло въ томъ, что реформа эта состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ положеній. Мы должны упомянуть теперь о той ихъ части, которая носитъ названіе «еременныхъ пра-

виль о волостномъ судѣ». По этимъ правиламъ, волостной судъ будетъ состоять изъ четырехъ судей, изъ которыхъ одинъ назначается въ предсѣдателя суда по избранію уѣзднаго сѣзда, имѣющаго право назначить предсѣдателемъ суда и волостнаго старшину. Волостные судьи назначаются такимъ образомъ: каждое сельское общество избираетъ одного кандидата, и всѣхъ ихъ должно быть не менѣе восьми; изъ всего числа избранныхъ, земскій начальникъ назначаетъ четырехъ въ волостные судьи на 3 года, а остальныхъ — кандидатами къ нимъ. Волостными судьями могутъ быть только крестьяне-домохоозяева, имѣющіе не менѣе 35 лѣтъ и по возможности грамотные; опороченные люди не могутъ быть избираемы, а также содержатели трактировъ и питейныхъ заведеній. Законъ постановляетъ, что отъ должности судьи и кандидата никто не можетъ отказываться. Волостнымъ судьямъ назначается денежное содержаніе въ размѣрѣ, опредѣленномъ уѣзднымъ сѣздомъ, но не свыше 100 р. для предсѣдателя и 60 р. для судьи, въ годъ, изъ волостныхъ суммъ. Волостному суду подлежатъ споры и тяжбы о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, всѣ такого рода споры и тяжбы между крестьянами цѣною до 300 р., за исключеніемъ касающихся собственности или недвижимаго владѣнія, основанныхъ на актахъ, дѣла по наслѣдству, проступки крестьянъ, предусмотрѣнные уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по нарушенію устнаго договора о наймѣ, недобросовѣстной неявкѣ на работы, мотовство и пьянство.

Но нарушенія условій найма только тогда судятся въ волости, если обѣ стороны подвѣдомственны ея суду или обѣ соглашаются на разбирательство въ немъ. Лица же другихъ состояній, противъ которыхъ тѣ проступки совершены крестьянами, могутъ обращаться какъ къ волостному суду, такъ и къ суду земскихъ начальниковъ или другихъ судебныхъ установленій. Не подлежатъ также вѣдѣнію волостнаго суда: кража лошади и крупнаго скота, утайка найденнаго свыше 100 р., нарушеніе условій найма, заключеннаго по договорному листу. Высшія мѣры наказанія, налагаемаго волостнымъ судомъ, представляютъ: арестъ на мѣсяць, наказаніе тѣлесное и денежное взысканіе до 30 рублей въ пользу мірскихъ суммъ. На земскаго начальника возлагается «ближайшій и непосредственный надзоръ за всѣми волостными судами земскаго участка»; начальникъ обязанъ производить не менѣе двухъ разъ въ годъ ревизію каждаго волостнаго суда.

Преобразование, какъ уже сказано, распространяется на 35 губерній и вводится въ нихъ постепенно, по соглашенію между министрами. По слухамъ, оно имѣетъ быть примѣнено еще въ нынѣшнемъ году къ восьми губерніямъ, въ числѣ которыхъ находится Московская, но Петербургская не заключается. Изложивъ въ самомъ началѣ нашъ взглядъ на общее теоретическое значеніе этой реформы и отмѣтивъ затѣмъ наиболѣе существенныя частности ея, мы въ заключеніе выскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ предположеніе о практическомъ дѣйствіи, какое она можетъ произвести на обѣ главнымъ образомъ заинтересованныя въ ней стороны. Дворянство, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ вновь, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, нѣко-

торую власть надъ крестьянами, но не какъ сословіе,—потому что участковый начальникъ будетъ въ прямомъ подчиненіи губернской и центральной администраціи,—а лишь какъ совокупность собственниковъ, окруженныхъ еосядами-крестьянами и нанимающихъ ихъ на работы и въ услуженіе. Крестьянское сословіе становится въ государствѣ въ условія особаго, только для него существующія, и самоуправленіе его значительно ограничивается. Мы, съ своей стороны, никогда не были безусловными хвалителями существовавшихъ сельскихъ порядковъ и признавали даже нѣкоторое безсиліе крестьянскихъ властей. Только причины этихъ явленій мы отказывались и отказываемся видѣть въ мнимой порчѣ народной нравственности и полагали ихъ, прежде всего, въ безсиліи тѣхъ же властей по отношенію къ требованіямъ низшей полиціи, отвращающемъ лучшихъ людей отъ занятія общественныхъ должностей и въ самой сословной отчужденности крестьянскаго міра, поддерживаемой законами. Всесословная волость была бы, на нашъ взглядъ, надежнѣе для дѣйствительнаго улучшенія сельскихъ порядковъ, чѣмъ предоставленіе дискреціонной власти такимъ должностнымъ лицамъ, которыя будутъ стоять внѣ волости и, вмѣстѣ, будутъ находиться слишкомъ далеко отъ уровня повседневныхъ мелкихъ дѣлъ, изъ которыхъ слагается дѣйствительная сельская жизнь.

Одновременно съ предъидущею утверждена (9 іюля) и обнародована въ истекшемъ мѣсяцѣ другая реформа, не менѣе важная, хотя примѣняющаяся только къ тремъ губерніямъ, а именно—положеніе о преобразованіи судебной части въ губерніяхъ прибалтійскихъ. Въ этихъ губерніяхъ доселѣ судоустройство и судопроизводство—въ томъ видѣ, какъ ихъ постепенно сложила исторія. Они не были продуктами какихъ-либо цѣльныхъ положеній, основанныхъ на систематическомъ проведеніи однородныхъ началъ. Какъ самый край, имѣвшій сперва самостоятельный бытъ подъ властью ордена меченосцевъ, а потомъ переходившій по частямъ подъ власть польскихъ и шведскихъ королей, такъ и складъ остзейскаго управленія и судовъ, а также и самое матеріальное мѣстное право носили на себѣ отпечатокъ разныхъ вліяній и времени. Но, при всемъ этомъ разнообразіи, судебное, какъ и административное устройство Остзейскаго края носило одинъ, рѣзко выдержанный въ общемъ и частностяхъ характеръ: это было устройство сословное, съ положительнымъ преобладаніемъ дворянства надъ прочими сословіями, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣмецкаго языка. Польское вліяніе, отразившееся собственно въ Курляндіи, само по себѣ благопріятствовало преобладанію дворянства. Но въ Остзейскомъ краѣ преобладаніе это опиралось на феодальный строй, какого не было въ Польшѣ. Шведскіе короли менѣе церемонились съ балтійскимъ дворянствомъ, но господства его надъ крестьянами не отмѣнили. Феодальный строй, основанный на земельномъ владѣніи и пользованіи, выдѣлил изъ своего состава города, которые сумѣли часть купить себѣ самостоятельность. Результатомъ борьбы, которая на Западѣ на этомъ не окончилась, но не могла быть доведена до логичнаго конца

въ такомъ краѣ, который утратилъ независимость политическую и въ которомъ рыцари, какъ и бюргеры, долго сознавали себя пришельцами, и въ послѣдствіи особымъ, немногочисленнымъ этнографическимъ элементомъ, явился извѣстный *modus vivendi* между феодальнымъ порядкомъ и самоуправленіемъ городовъ. За дворянствомъ осталось владѣніе землею и роль государственная, города поступались иногда нѣкоторыми своими кварталами, признавая въ нихъ юрисдикцію барона или епископа, но въ остальныхъ частяхъ становились «вольными». Необходимость защиты торговли и накопленныхъ достатковъ отъ поборовъ земельныхъ владѣтелей и отъ наѣздовъ ихъ вассаловъ заставила городскія сословія сплотиться, устроить свои стражи, свое управленіе и судъ, даже свои союзы. Принципъ древне-итальянскихъ муниципій перенесся изъ Италіи и южной Франціи въ Германію, олицетворяясь въ формѣ старо-нѣмецкаго городского права, такъ называемаго «магдебургскаго».

Это право образовалось раньше заселенія нѣмецкими колонистами городовъ восточной Пруссіи, состоявшей подъ владычествомъ нѣмецкаго ордена, и городовъ Прибалтійскаго края, въ которомъ господствовали меченосцы. Ремесленники и торговцы, которыхъ массами вызывали рыцари на весь южный и восточный берегъ Балтійскаго моря, уже несли съ собою понятіе о томъ правѣ и примѣняли его въ новомъ отечествѣ, сперва подъ покровительствомъ орденовъ, которые въ нихъ нуждались, потомъ и приобретенною силой, слѣдуя за примѣромъ Риги. Поэтому, когда говорится о полномъ преобладаніи въ Остзейскомъ краѣ дворянства, то подразумѣвается исключеніе собственно для городского управленія, городскихъ цеховъ и торговли. Въ краѣ томъ укрѣпилось сильное и самостоятельное бюргерство, и вотъ это-то бюргерство представляетъ тамъ гораздо болѣе сильный элементъ германизаціи, чѣмъ самое дворянство. Оба сословія, можно сказать, подѣлились господствомъ надъ первоначальнымъ туземнымъ населеніемъ, причемъ дворянство сохранило преобладаніе въ сферѣ общей администраціи и высшей судебной области. Сила бюргерства заключалась не только въ самостоятельности учрежденій городскихъ, но и въ его, такъ сказать, экспансивности. Большинство нынѣшняго состава остзейскаго бюргерства образовалось изъ элементовъ эсто-латышскихъ, и это дѣло ассимиляціи—черезъ городскія правленія, черезъ образованіе, наконецъ, черезъ превосходство культуры—продолжалось и продолжается, чему много способствуетъ и единство вѣры.

Настоящее преобразование имѣетъ для того края двойное значеніе. Оно представляетъ, во-первыхъ, несомнѣнное улучшеніе судоустройства, замѣнивъ ветхое, разносоставное зданіе сословныхъ судовъ устройствомъ рациональнымъ, цѣльнымъ и всесословнымъ; во-вторыхъ, оно наноситъ ударъ самому тому мѣстному строю, который весь основывался на преобладаніи дворянства въ уѣздѣ, а нѣмецкаго наследственнаго бюргерства въ городахъ. Судъ, несомнѣнно, одно изъ сильнѣйшихъ орудій преобладанія. Достаточно напомнить, что тѣ судебныя должности, которыя относятся къ службѣ государственной,

могли доселѣ быть занимаемы въ Остзейскомъ краѣ только дворянами, и, притомъ, дворянами, матрикулированными въ мѣстныхъ рыцарствахъ. И такъ, самое введеніе русскаго судоустройства, которое не знаетъ сословныхъ преимуществъ, и, притомъ, введеніе ихъ съ устраненіемъ выборнаго начала въ мировой юстиціи, произведетъ большую перемѣну въ мѣстномъ строѣ, чѣмъ даже обязательность русскаго языка въ судопроизводствѣ, именно потому, что преобразование судовъ представитъ тамъ перемѣщеніе власти.

Остзейскія губерніи получаютъ окружные суды въ Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и Либавѣ, но эти суды причисляются къ округу петербургской судебной палаты, которой составъ по этому поводу усиливается. Сдѣлано такъ, очевидно, по соображеніямъ политическимъ, которыя, однако, едва ли уравновѣшиваютъ неудобство центра столь отдаленнаго, какъ Петербургъ, наприм., отъ Либавы. Вѣдь, учреждена же судебная палата въ Вильнѣ и точно такъ могла быть палата въ Ригѣ, которая является столицей края вслѣдствіе своего торговаго значенія, и сохранить это значеніе, будетъ ли, или не будетъ въ ней какое-либо новое судебное мѣсто. Если существуетъ мѣстный учебный округъ, то, казалось бы, могъ быть и судебный. Политическое же соображеніе повело не такъ давно къ мѣрѣ въ обратномъ смыслѣ—къ перенесенію центра округа изъ Дерпта въ ту же Ригу; тѣмъ не менѣе, Дерптъ сохранилъ свое значеніе, какъ центръ высшаго образованія, а Рига и безъ судебной палаты сохранить свое положеніе главнаго остзейскаго города.

Съ перемѣною устройства судовъ и введеніемъ общаго судопроизводства въ Балтійскомъ краѣ, не устраняются, однако, особенности мѣстнаго гражданскаго права, которое остается въ дѣйствіи; сверхъ того, и въ порядкѣ судопроизводства допущены нѣкоторые мѣстные юридическіе обычаи. Судъ присяжныхъ въ Балтійскомъ краѣ, къ сожалѣнію, не вводится; обстоятельство это газеты объясняютъ существованіемъ въ краѣ антагонизма между національностями. Насколько намъ извѣстно, антагонизмъ этотъ имѣетъ гораздо больше сословный, чѣмъ національный характеръ. И то, когда говорится объ антагонизмѣ сословномъ, подъ нимъ надо разумѣть собственно недовольство крестьянъ порядками, бывшими въ судѣ, и высокою арендной платой за «грунты». Первый поводъ къ нынѣшнимъ преобразованіямъ крестьянскихъ судовъ ослабѣетъ, но не исчезнетъ, такъ какъ за балтійскимъ помѣщикомъ оставлена вотчинная полиція; второй поводъ могъ бы быть устраненъ только земельными надѣлами крестьянъ, о чемъ пока и рѣчи нѣтъ. Недовольство крестьянъ было совершенно справедливо, когда въ приходскомъ судѣ сидѣлъ тотъ же баронъ въ качествѣ предсѣдателя, а арендная плата за наемъ земли нерѣдко превышаетъ наши выкупные платежи за пріобрѣтеніе земли въ собственность. Были случаи поджога и даже покушенія на убійство изъ мотивовъ аграрныхъ; но такихъ случаевъ въ Остзейскомъ краѣ было пропорціонально не болѣе, чѣмъ поджоговъ же и убійствъ помѣщиковъ крестьянами въ крѣпостной Россіи.

Затѣмъ, есть еще нѣкоторый призракъ антагонизма противъ нѣмцевъ, выражающійся собственно въ литературной и учительской сферѣ. Но это

пока были только зародыши, которые могли бы взойти лишь въ томъ случаѣ, если бы прежніе порядки остались въ силѣ еще надолго. Насколько внутренней антагонизмъ былъ сословнымъ и, такъ сказать, «лингвистическимъ», онъ, вѣроятно, разсѣется вслѣдствіе преобразованій, сокрушающихъ преобладаніе дворянства и замкнутость привилегированныхъ городскихъ корпорацій, а языкамъ эстонскому и латышскому дающихъ мѣсто, равное съ нѣмецкимъ.

Мировыхъ судебныхъ участковъ учреждается въ губерніи Лифляндской (съ остр. Эзелемъ) 42, въ Курляндской 22 и Эстляндской 16; общее число мировыхъ сѣздовъ—14. Крестьянскіе суды образуются двухъ степеней, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ нашему волостному: это—судъ сельскій или общинный, а другая—высшій крестьянскій судъ, каковыхъ полагается по одному и по два на уѣздъ, смотря по населенности. Высшій крестьянскій судъ составляется изъ очередныхъ предсѣдателей судовъ сельскихъ, подъ предсѣдательствомъ особыхъ лицъ, назначаемыхъ министромъ юстиціи. Надзоръ надъ сельскими и высшими крестьянскими судами принадлежитъ мировымъ сѣздамъ, куда приносятся и жалобы на нихъ.

Одновременно вводится коренная переимѣна въ порядкѣ надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Надзоръ этотъ доселѣ принадлежалъ приходскимъ и уѣзднымъ судамъ. Теперь надзоръ какъ за крестьянскимъ управленіемъ, такъ и за соблюденіемъ правилъ о земельномъ устройствѣ поручается комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ, такъ, какъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Комиссары эти назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ и получаютъ 2,500 р. содержанія (включая сумму на канцелярскіе расходы). На каждый участокъ верхняго крестьянскаго суда состоитъ одинъ комиссаръ. Жалобы на ихъ дѣйствія приносятся комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, состоящей въ каждой губерніи подъ предсѣдательствомъ ея начальника. Губернатору же принадлежитъ право увольнять отъ должности сельскихъ должностныхъ лицъ.

Въ правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе настоящаго преобразованія сказано, что это должно послѣдовать въ теченіе нынѣшняго года, причемъ ближайшее опредѣленіе времени открытія судебныхъ установленій въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и въ городѣ Нарвѣ представляется соглашенію министровъ. Въ числѣ упраздняемыхъ затѣмъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ находятся и городскіе магистраты, имѣвшіе судебную власть, а также университетскій судъ въ Дерптѣ.

Мы привѣтствовали каждый шагъ законодательства къ отмигну въ Балтійскихъ губерніяхъ остатковъ феодальнаго строя, который давно пересталъ существовать во всей Европѣ. Не разъ намъ приходилось также высказывать надежду, что крестьянство этихъ трехъ губерній не будетъ оставлено въ исключительныхъ относительно всего государства условіяхъ и что на него распространится операція земельного надѣла по распоряженію и съ помощью правительства.

Общій результатъ жатвы нынѣшняго года вышелъ неудовлетворительнымъ, но съ весьма рѣзкими различіями по полосамъ. Такъ, въ большей части губерній Царства Польскаго и въ сѣверо-западныхъ оказался полный неурожай какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ, между тѣмъ какъ въ верхнемъ Поволжьѣ урожай считается не ниже средняго. Частые дожди, бывшіе почти повсемѣстно въ срединѣ лѣта, поправили положеніе яровыхъ въ губерніяхъ центральныхъ, сѣверо-восточныхъ и балтійскихъ, но явились уже слишкомъ поздно для губерній южныхъ и западныхъ. Въ общей совокупности, нынѣшнее лѣто должно признать неурожайнымъ, въ особенности по сравненію съ двумя предшествовавшими, — стало быть, и поступленіе государственныхъ доходовъ, весьма благопріятное въ первой половинѣ года, должно въ конечномъ результатѣ оказаться менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ въ два послѣдніе года.

Что касается другаго важнаго эконоическаго факта, относящагося къ концу лѣта, а именно Нижегородской ярмарки, то въ то время, когда наша статья поступаетъ въ печать, нѣтъ еще свѣдѣній о всей совокупности оборотовъ, но уже выяснились нѣкоторыя черты. Главной изъ нихъ является пониженіе цѣнъ противъ прошлогоднихъ на товары хлопчатобумажные, которые, впрочемъ, сбывались недурно, но по цѣнамъ тѣмъ болѣе невыгоднымъ, что предвидится вздорожаніе иностраннаго хлопка. Улучшеніе курса отразилось въ привозѣ нѣкоторыхъ сортовъ иностранныхъ товаровъ, не приходившихъ въ прежнее время, какъ, наприм., нѣкоторые химическіе и москательные продукты. Привозъ былъ очень значителенъ какъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, такъ и холста, но полотняный товаръ, несмотря на то, продавался бойко и по удовлетворительнымъ цѣнамъ; то же сообщаютъ о пушиномъ товарѣ и виноградныхъ винахъ. Нѣкоторые товары шли хуже прошлогодняго, наприм., коженый, желѣзный и сахаръ. Покупки въ Азію были удовлетворительны. Въ среднемъ, цѣны, кромѣ на мануфактурный товаръ, были близки къ прошлогоднимъ, но невыгодное отлічіе пнѣшней ярмарки представляло безденежье и преобладаніе покупокъ въ кредитъ. Относительно безденежья въ народѣ наиболѣе краснорѣчивое свидѣтельство представляетъ сильное сокращеніе въ покупкахъ на коженый товаръ и почти полное отсутствіе сдѣлокъ на наличныя съ этимъ товаромъ.

Отмѣтимъ нѣсколько выдающихся личныхъ назначеній, послѣдовавшихъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Одесское генераль-губернаторство отмѣнилось, а кіевское возстановилось. Хотя послѣднее и не было формально отмѣнено, но постъ кіевского, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора оставался вакантнымъ около года, со смерти генерала Дрентельна. Теперь его получилъ графъ А. П. Игнатьевъ, братъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и недавній генераль-губернаторъ Восточной Сибири. Назначеніе это послѣдовало неожиданно, такъ какъ гр. Игнатьевъ незадолго передъ тѣмъ получилъ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ и только что при-

былъ въ Петербургъ. Хотя съ новымъ его назначеніемъ не связано командованіе войсками кievскаго округа, какъ то было при покойномъ Дрентельнѣ, однако, командованіе это одновременно перешло отъ генерала Радецкаго къ другому лицу; генераль Радецкій призванъ въ государственный совѣтъ, а командующимъ войсками кievскаго округа назначенъ генераль Драгомiровъ, доселѣ начальникъ академіи генеральнаго штаба. Онъ, какъ и его предшественникъ, защищалъ Шипку, но кратковременно, по случаю полученной раны. Генераль Драгомiровъ отличился еще при переправѣ черезъ Дунай, но болѣе всего извѣстенъ какъ блестящій преподаватель въ академіи. Преемникомъ его въ этомъ высшемъ военномъ училищѣ назначенъ генераль Лееръ, извѣстный своими учеными трудами, основательный теоретикъ военнаго дѣла.

Въ военномъ управленіи всѣ прочія министерства и всякія административныя отрасли называются «гражданскимъ вѣдомствомъ». И вотъ, въ гражданскомъ вѣдомствѣ состоялось также выдающееся новое назначеніе, а именно: управлявшій дворянскимъ и крестьянскимъ банками г. Картавцовъ уволенъ отъ этихъ должностей, а вмѣсто него назначенъ состоявшій товарищемъ его по дворянскому банку графъ Голенищевъ-Кутузовъ. Эта перемѣна вызвала нѣкоторыя догадки печати. Г. Картавцовъ сперва управлялъ однимъ крестьянскимъ банкомъ, который, какъ извѣстно, былъ учрежденъ Н. Х. Бунге еще въ то время, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Н. П. Игнатьевъ, между тѣмъ какъ дворянскій банкъ основанъ тѣмъ же министромъ финансовъ уже при управленіи гр. Толстаго внутренними дѣлами. Г. Картавцову крестьянскій банкъ обязанъ правильною постановкой и веденіемъ дѣла съ полною преданностью идеѣ этого учрежденія. И вотъ назначеніе на мѣсто прежняго управляющаго товарища его по дворянскому банку подало поводъ къ предположеніямъ, что дворянскій банкъ впредь окажется податливѣе на ходатайства своихъ заемщиковъ, чѣмъ онъ былъ при прежнемъ управляющемъ. Не знаемъ, быть можетъ, это и слѣдуетъ вывести изъ выхода г. Картавцова, но не думаемъ, чтобы это могло слѣдовать изъ назначенія гр. Голенищева-Кутузова.

Впрочемъ, заемщики дворянскаго банка не будутъ довольны никакимъ управляющимъ, такъ какъ они не только желаютъ невѣроятнаго (что позволительно всѣмъ смертнымъ, а особенно безвыходно сидящимъ въ долгу), но еще—на какомъ-то основаніи—считаютъ невѣроятное возможнымъ въ данное время. По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе получается изъ безцеремоннаго требованія о прощеніи дворянамъ-заемщикамъ недоимокъ, которое настойчиво высказывается въ петербургскомъ *Гражданинѣ*. Но должно, однако, быть въ виду и нѣчто болѣе убѣдительное, чѣмъ однѣ статьи упомянутаго органа. Большинство газетъ возстало противъ предположенія о сложеніи недоимокъ. *Киевлянинъ* замѣчаетъ, что прощеніе недоимокъ повело бы къ дальнѣйшимъ неплатежамъ, а затѣмъ и къ банкротству дворянскаго банка: «подобный кризисъ можетъ наступить въ весьма непродолжительномъ времени,—говоритъ газета,—если дворянскій банкъ сойдеть

съ того пути, какого должно держаться каждое кредитное учрежденіе, чтобы избѣжать банкротства». Такъ разсуждаетъ *Киселлянинъ*, весьма опытный въ банковскихъ дѣлахъ. *Новое Время*, которое любитъ заниматься въ публицистикѣ чѣмъ-то вродѣ стратегическихъ маневровъ, когда главный отрядъ идетъ съ безусловнымъ восхваленіемъ учрежденія земскихъ начальниковъ, а цѣпь стрѣлковъ на флангахъ маскируетъ общее направленіе, разухабисто развертываясь противъ нѣкоторыхъ дворянскихъ и бюрократическихъ притязаній, такъ отзывается о статьяхъ *Гражданина*: «если бы эти сочиненія не были такъ вздорны, то можно было бы заподозрить, что тутъ организованъ злой заговоръ противъ дворянства, съ цѣлью вдолбить всѣмъ и каждому, что русское дворянство, это—въ собирательномъ видѣ — тотъ самый джентльменъ, который съ чувствомъ собственного достоинства протягиваетъ руку, выпрашивая «келья шозъ» «бѣдному, но благородному челоуѣку». Замѣчаніе это, однако, болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно, а соображенія *Киселлянина* болѣе вѣрны въ смыслѣ отвлеченномъ, чѣмъ въ актуальномъ.

Дѣло въ томъ, что самое полученіе ссуды изъ дворянскаго банка есть привилегія по личному происхожденію. Затѣмъ, дворянскій банкъ есть привилегированное кредитное учрежденіе, интересы котораго въ значительной степени вліяютъ на операцію главнаго или центрального государственнаго банка. Этотъ послѣдній банкъ снабжаетъ своего привилегированнаго собрата оборотными средствами подъ обезпеченіе бумагъ послѣдняго, которыя принимаетъ по цѣнѣ высшей, чѣмъ продажная ихъ цѣна. Это содѣйствіе повело одно время къ значительному сокращенію наличныхъ средствъ банка центрального (который специально называется «государственнымъ»), что послужило поводомъ даже къ новому временному выпуску кредитныхъ билетовъ.

Положимъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что прощеніе дворянамъ недоимокъ, однажды допущенное, могло бы и впоследствии оказаться вновь необходимымъ, но это еще не значитъ, что дворянскій банкъ непременно пришелъ бы такимъ путемъ къ банкротству, такъ какъ онъ не стоитъ изолированно, подобно частному кредитному учрежденію. И вотъ, тѣ дворяне, которые ходатайствуютъ,—хотя бы въ *Гражданинѣ*,—о снятіи съ нихъ недоимокъ, поступаютъ вовсе не такъ нелогично, какъ кажется *Киселлянину*: еще до основанія дворянскаго банка они вѣровали въ неисчерпаемость кредитныхъ ресурсовъ государства, продолжаютъ вѣровать въ нее и нынѣ, и на этомъ вѣрованіи вполне логично основываютъ свое ходатайство. Что касается остроты *Новаго Времени*, то хотя она вызываетъ улыбку, но приведенныя въ ней французскія слова, сами по себѣ, не заключаютъ въ себѣ ничего забавнаго. Занимать на удешевленныхъ условіяхъ по праву своего происхожденія—развѣ это не есть «нѣчто (quelque chose)», и даже «нѣчто» весьма существенное? И затѣмъ, опять-таки, «нѣтъ» ничего нелогичнаго въ томъ, чтобы требовать нѣчто еще бо-

лѣе значительное. Къ кредиту, основанному на привилегіи, нельзя уже и примѣнять общихъ условій кредита.

Намъ могутъ возразить, что крестьянскій банкъ—также сословный. Но крестьянскій банкъ существуетъ не для залога прежняго владѣнія, а для расширенія земледѣльческаго промысла при помощи кредита, совершенно такъ, какъ государственный банкъ (коммерческій) существуетъ для расширенія другихъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ при помощи кредита подъ векселя. Затѣмъ, крестьянскій банкъ не есть строго сословный, а скорѣе специальный по роду промышленности, каковы и частныя земельныя банки, существующее для землевладѣльцевъ. Наконецъ, земледѣльцы Россіи, это—такое «сословіе», которое включаетъ въ себѣ огромное большинство населенія, такъ что съ интересами этого большинства безусловно совпадаютъ интересы самого государства. О дворянскомъ же землевладѣніи этого сказать нельзя, уже потому, что есть страны, въ которыхъ оно вовсе не существуетъ, а, между тѣмъ, это не сопряжено ни съ какимъ экономическимъ неудобствомъ.

Каковъ же выводъ изъ изложенныхъ нами соображеній? Тотъ, несомнѣнно, что важнѣйшее средство для твердаго опредѣленія задачъ дворянскаго банка и для огражденія, съ одной стороны, этого банка отъ чрезмѣрныхъ, нескончаемыхъ, хотя и вполне логичныхъ надеждъ его заемщиковъ, а съ другой—для прочаго разграниченія между нынѣшними государственнымнми банками, дворянскимъ и коммерческимъ, это—преобразовать дворянскій банкъ въ государственный земельный, съ равнымъ доступомъ къ его кредиту всѣмъ землевладѣльцамъ, независимо отъ ихъ происхожденія. Землевладѣльцы были бы вправѣ рассчитывать на что-либо иное, чѣмъ обыкновенныя условія кредита, съ точнымъ исполненіемъ обязательствъ, какъ не рассчитываютъ на льготы обыкновенныя заемщики государственнаго (коммерческаго) банка. А послѣдній могъ бы тогда относиться безусловно одинаково къ своимъ товарищамъ—банку для землевладѣльцевъ и банку для земледѣльцевъ.

Въ одномъ изъ высшихъ учрежденій, не имѣющемъ лѣтнаго отдыха, происходили недавно оживленныя пренія по вопросу о мѣрахъ, предложенныхъ министерствомъ финансовъ къ понужденію обществъ желѣзныхъ дорогъ къ своевременному представленію на утвержденіе того министерства тарифовъ, составленныхъ согласно съ его требованіями, на основаніи закона 8 марта. Министерство предположило, и предположенія его, послѣ упомянутыхъ жаркихъ преній, прошли, что въ тѣхъ случаяхъ, когда общества не выработаютъ тарифовъ къ назначенному имъ сроку, министерство само составляетъ для нихъ тарифы, которые и вступаютъ въ дѣйствіе.

Иного выхода, въ дѣйствительности, и нѣтъ, такъ какъ разъ тарифное дѣло безусловно отдано въ руки тарифныхъ учрежденій министерства, нельзя допустить, чтобы общества удерживали въ силѣ прежній тарифъ, откладывая на неопредѣленное время представленіе новаго. Но если со стороны

обществъ можно ожидать замедленій напѣренныхъ, то, казалось бы, самыя тарифныя учрежденія не должны бы проявлять медлительность ненапѣренную. Учрежденія эти существуютъ уже нѣсколько мѣсяцевъ; естественно, что они должны были начать свою дѣятельность съ установленія основаній для переработки тарифовъ и затѣмъ затребованія отъ обществъ проектовъ новыхъ тарифовъ, составленныхъ на тѣхъ основаніяхъ, причѣмъ, разумѣется, было желательно, чтобы утвержденіе новыхъ тарифовъ успѣло къ началу усиленнаго движенія хлѣбныхъ грузовъ, вскорѣ по повсемѣстномъ окончаніи уборки хлѣбовъ новаго урожая. Но для этого можно было назначить обществамъ срокъ 1 іюля или хоть 1 августа, такъ чтобы тарифы могли быть утверждены къ 1 сентября.

Между тѣмъ, министерство финансовъ только въ истекшемъ августѣ равослало правленіямъ дорогъ циркуляръ, въ которомъ требуется, чтобы хлѣбные тарифы были представлены уже къ 1 сентября, съ тѣмъ, что тарифныя учрежденія будутъ ихъ разсматривать до 14 октября, въ каковой срокъ и опубликуютъ ихъ въ переработанномъ видѣ, а съ 1 ноября эти новые тарифы вступятъ въ дѣйствіе. Положимъ, двѣ недѣли на составленіе тарифовъ не особенно много, хотя шесть недѣль на ихъ разсмотрѣніе уже совсѣмъ достаточно. Но почему же сперва то промедленіе, которое теперь вызвало такую поспѣшность?

И эти ноябрьскіе тарифы могутъ еще подвергнуться новому пересмотру ранѣе, чѣмъ усиленная перевозка хлѣба окончится, такъ какъ еще только въ августѣ же министерство финансовъ представило въ сенатъ для опубликованія новыя (также «временныя») правила «относительно общихъ способовъ устраненія соперничества желѣзныхъ дорогъ между собою по перевозкѣ грузовъ». И вотъ, въ этихъ правилахъ однимъ изъ такихъ способовъ къ устраненію соперничества (то-есть пониженія цѣнъ, отъ котораго грузоотправители не были бы въ проигрышѣ) указывается «установленіе въ различныхъ направленіяхъ равныхъ или соразмѣрныхъ тарифовъ». Примѣненіе этого способа поведетъ, по всей вѣроятности, къ передѣлкѣ тѣхъ тарифовъ, которые въ августѣ же велѣно представить съ тѣмъ, чтобы они вступили въ дѣйствіе 1 ноября.

Что касается самаго содержанія этихъ временныхъ правилъ, то нельзя не согласиться, что они устанавливаютъ основанія справедливыя въ извѣстномъ смыслѣ. Представимъ себѣ, что въ какомъ-либо городѣ введена такса для извозчиковъ, для устраненія между ними соперничества, то-есть такая, которая опредѣляетъ, *ниже* какой цѣны они не имѣютъ права возить, да еще установленъ учетъ перевозимыхъ пассажировъ, съ тѣмъ, чтобы одинъ извозчикъ не возилъ больше другаго. При этомъ извозчики или распредѣляютъ между собой пассажировъ «въ процентномъ отношеніи», такъ что, напримѣръ, каждый извозчикъ можетъ сажать въ день не болѣе 10 пассажировъ, а остальныхъ обязанъ предоставлять товарищамъ, или же распредѣляютъ между собой время ѣзды, безъ опредѣленія количества перевозки, такъ что каждый ѣздитъ не болѣе 5-ти часовъ въ сутки и обязанъ стоять

только въ своемъ кварталѣ. Ясно, что и при этомъ полной равномерности, все-таки, не получится, такъ какъ одинъ извозчикъ свезетъ въ день десятерыхъ пассажировъ, а другой всего пятерыхъ, а, сверхъ, того первому попадутся три-четыре драгунскихъ юнкера, а второму—двое-трое духовныхъ лицъ: результатъ, очевидно, будутъ неодинаковъ. Вотъ, въ видѣ новаго корректива, и можетъ быть установлено еще устраненіе соперничества посредствомъ денежнаго вознагражденія: оно будетъ поступать къ тѣмъ возницамъ, которые перевезутъ меньшее число сѣдоковъ—отъ тѣхъ, кто провезетъ больше, причемъ такое уравниваніе заработка можетъ производиться соотвѣтственно дѣйствительно полученнымъ чистымъ выручкамъ, или (такъ какъ это—въ особенности въ примѣненіи къ извозчикамъ—вещь сомнительная) дѣлать можно совершать соотвѣтственно условнымъ размѣрамъ предполагаемой чистой выручки.

Спрашиваемъ, какой выводъ сдѣлалъ бы изъ существованія такой организаціи прибывшій въ городъ туристъ? Онъ несомнѣнно предположилъ бы ничто иное, какъ общую стачку извозчиковъ, сдѣланную съ тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не могъ перебивать сѣдоковъ у товарищей сбавкою цѣны, заведеніемъ лучшей лошади и болѣе удобнаго экипажа или бойкостью въ своей погонѣ за сѣдоками. И дѣйствительно, при такой организаціи, каждый извозчикъ, увѣренный впередъ въ равномъ результатѣ оборотливости и ничего недѣланія, видѣлъ бы въ нанимателѣ не кормильца, но врага, который заставляетъ его исполнять повинность, и поскорѣе уѣзжалъ бы отъ пассажира, вмѣсто того, чтобы наѣзжать на него, какъ то случается нынѣ отъ избытка предупредительности.

Вотъ, нѣчто похожее—по принципу и даже по приемамъ—представляютъ «временныя правила относительно способовъ устраненія соперничества желѣзныхъ дорогъ между собою по перевозкѣ грузовъ». Основное различіе заключается собственно въ томъ лишь, что въ нашемъ примѣрѣ возятъ извозчики сѣдоковъ, и возятъ ихъ по всѣмъ направленіямъ, а во временныхъ правилахъ мы видимъ «направленія, перевозающія грузы», и «направленія совершающія перевозку грузовъ».

Очевидно, интересъ земледѣлія и промышленности и вообще грузоотправителей—скорѣе въ общемъ пониженіи цѣны провоза, которое и должно бы происходить путемъ частныхъ пониженій, какія вызываются именно соперничествомъ желѣзныхъ дорогъ между собою. Правда, интересъ публики представляется еще и въ томъ, чтобы провозныя цѣны были по возможности равномерны и пропорціональны разстояніямъ, хотя этотъ послѣдній интересъ въ извѣстной мѣрѣ противорѣчитъ первому, такъ какъ, удерживая цѣны на краткихъ разстояніяхъ, тѣмъ самымъ не допускаетъ пониженія ихъ на большихъ разстояніяхъ, то-есть обращается въ пользу мѣстной торговли и во вредъ обширнымъ торговымъ оборотамъ, а также расширенію сбыта продуктовъ промышленности. А это обстоятельство въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ желѣзныя дороги должны служить въ болѣеишей степени, чѣмъ на Западѣ, коррективомъ огромныхъ разстояній, имѣетъ свое значеніе. Но

допустимъ, что первый интересъ равномерности платы стоитъ выше послѣдняго, что принципу безусловной ариѳметической справедливости можно приписать въ жертву интересы земледѣлія и промышленности Кавказа, Приуральскаго края, Сибири, Туркестана, отчасти и европейскаго сѣвера Россіи.

Однако, введеніе равномерныхъ и пропорціональныхъ разстояніямъ тарифовъ еще не требуетъ установленія равномерности въ распредѣленіи между желѣзными дорогами, въ процентномъ отношеніи, или въ очередномъ порядкѣ, самаго количества грузовъ, перевозимыхъ въ одномъ направленіи, или вознагражденія изъ чистой выручки для того направленія, «которое перевезло» меньше, на счетъ того, которое «совершило перевозку» болѣе значительную. Конечно, и это имѣетъ свое основаніе, но интересъ публики тутъ уже не причемъ.

Правила, въ сущности, направлены къ тому, чтобы менѣе доходныя линіи одного направленія по возможности уравнять въ доходности, за что, въ концѣ-концовъ, заплатятъ грузоотправители. А смыслъ здѣсь въ томъ, что казна гарантировала извѣстный минимумъ дохода тѣмъ и другимъ линіямъ и менѣе доходнымъ изъ нихъ должна приплачивать, между тѣмъ какъ съ тѣхъ, которымъ удается отбивать грузы у соперниковъ, казна не получаетъ ничего на возмѣщеніе своихъ переплатъ первымъ. Вотъ для этого-то и хотятъ устранить соперничество, то-есть пониженіе цѣнъ и «привлеченіе» грузовъ одною дорогою, конкурирующей съ другою, а тѣмъ самымъ и устранить по возможности переплаты казны по однѣмъ линіямъ посредствомъ уменьшенія чистаго дохода другихъ линій.

Все наше желѣзно-дорожное дѣло, дѣйствительно, поставлено въ условія столь ненормальныя—самымъ порядкомъ постройки дорогъ, образованія компаній и въ особенности вида финансоваго участія во всемъ этомъ казны,—что трудно отдавать безусловное предпочтеніе тому или иному приему регламентаціи. Безусловно предпочесть можно только одно изъ крайнихъ положеній: или дороги находятся въ частныхъ, коммерческихъ рукахъ и пользуются первымъ условіемъ правильной торговли—свободою конкуренціи, или же всѣ желѣзныя дороги находятся непосредственно въ рукахъ государственной власти, для которой безразлично терять на одной линіи, если въ казну же поступаетъ весь доходъ съ другой, дающей чистую выручку.

Всякій средній терминъ будетъ представлять лишь новый этапъ борьбы между регламентаціею и уловками обществъ къ обходу правилъ, на нихъ налагаемыхъ, а иногда и самому тарифному комитету окажется нужда прибѣгать къ уловкамъ. Последнее случилось недавно въ любопытномъ дѣлѣ съ протестомъ общества курско-киевской дороги противъ правилъ 14 іюня о распредѣленіи между дорогами сборовъ по перевозкамъ въ прямыхъ сообщеніяхъ. Общее собраніе акціонеровъ дороги, бывшее 26 іюля, признавъ, что «примѣненіе подобныхъ правилъ нарушаетъ коренныя права акціонеровъ распоряжаться дорогою, какъ предпріятіемъ, основаннымъ для извлеченія изъ него коммерческой выгоды», постановило принести жалобу въ се-

шать на упомянутое распоряженіе министерства финансовъ, какъ нарушающее право концессіи, въ виду стремленія правительства къ однообразному урегулированію тарифовъ, подать всеподданнѣйшее прошеніе о принятіи курско-киевской дороги въ казну, на основаніяхъ, указанныхъ въ концессіи, т.-е. съ выкупомъ по доходности послѣднихъ 7 лѣтъ. Тогда тарифный комитетъ рѣшилъ не устанавливать тарифовъ прямого сообщенія на все протяженіе курско-киевской дороги, а оставить для нея только нормальный тарифъ, который и по правиламъ 14 іюня примѣняется къ перевозкамъ за первыя 100 верстъ. Лишенная, такимъ образомъ, удешевленнаго тарифа прямого сообщенія, курско-киевская дорога должна была бы перевозить грузы на всемъ своемъ протяженіи дорожѣ сосѣднихъ дорогъ, подчинявшихся правиламъ, вслѣдствіе чего грузы стали бы проходить по ней не болѣе 100 верстъ, стремясь скорѣе сойти съ нея на сосѣднія дороги и воспользоваться удешевленнымъ тарифомъ.

Вслѣдствіе такого распоряженія, которое тарифный комитетъ сообщил управленію въ августѣ, правленіе дороги принуждено было подчиниться правиламъ 14 іюня, хотя и имѣло, все-таки, право обжаловать самое воспрещеніе ему соглашенія съ другими дорогами иначе, какъ путемъ подчиненія упомянутымъ правиламъ. Мы оставили въ сторонѣ вопросы, какъ о ненарушимости концессионныхъ правъ, на которую ссылалось общее собраніе курско-киевской дороги, такъ и о степени «удобства» мѣръ упрощенія, подобныхъ принятой въ данномъ случаѣ тарифнымъ комитетомъ, со стороны котораго было бы, пожалуй, правильнѣе выждать рѣшенія сената по обжалованію его дѣйствій. Но одно не подлежитъ сомнѣнію, именно, что общество означенной дороги выразило всю суть нынѣшнихъ тарифныхъ условій, когда постановило просить о взятіи дороги въ казну.

29 августа скончался въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, извѣстный экономистъ и публицистъ, академикъ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ. Ученая и журнальная дѣятельность покойнаго была продолжительна и во многихъ отношеніяхъ плодотворна. Онъ всегда оставался убѣжденнымъ поклонникомъ европейской науки и, въ то же время, такъ внимательно изучалъ русскій бытъ, особенности нашего экономического строя, какъ это рѣдко случается даже съ лучшими изъ нашихъ самобытниковъ въ наукѣ. Можно упрекнуть Владиміра Павловича Безобразова за излишній индивидуализмъ, за нѣкоторую склонность къ теоріи *laissez faire*, вслѣдствіе чего онъ въ послѣднее время неправильно относился къ фабричной инспекціи, умаляя ея благотворное значеніе, засвидѣтельствованное опытомъ Запада и нашимъ собственнымъ. За то В. П. Безобразовъ всегда стоялъ за земское самоуправленіе, за независимый судъ, за свободу печати. Много статей въ этомъ направленіи напечаталъ покойный въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, который, какъ извѣстно, въ первые годы изданія его Катковымъ отличался выдержаннымъ либерализмомъ. Статьи эти собраны въ очень интересной книгѣ *Государство и общество. Управление, самоуправленіе и судебная власть*, 1882 г.

Орестъ Федоровичъ Миллеръ.

(Матеріалы для оцѣнки его учено-литературной дѣятельности).

Кто внимательно слѣдилъ за постепеннымъ появленіемъ трудовъ О. Ѳ. Миллера, тотъ не могъ не удивляться непрерывной и необычайно живой научной работѣ покойнаго профессора: въ теченіе своей сравнительно недолгой жизни, при обязательныхъ университетскихъ лекціяхъ и чтеніяхъ на высшихъ женскихъ курсахъ, при горячемъ сотрудничествѣ въ географическомъ и славянскомъ обществахъ, онъ широко развернулъ свою учено-литературную дѣятельность, то участвуя во многихъ періодическихъ изданіяхъ, то печатая свои сочиненія отдѣльными книгами или брошюрами. Благодаря такой неутомимой, энергичной работѣ, изъ - подъ его пера вышла длинная вереница разнообразныхъ произведеній, которая ни при жизни автора, ни даже послѣ его кончины не послужила матеріаломъ для подробнаго библиографическаго обзора. Между тѣмъ, подобный обзоръ, особенно теперь, когда прервалась трудолюбивая жизнь нашего ученаго, очень важенъ во многихъ отношеніяхъ: онъ, прежде всего, можетъ вызвать изъ забвенія нѣсколько важныхъ историко-литературныхъ статей, которыя появились на страницахъ журналовъ или на столбцахъ газетъ, но не вышли въ отдѣльныхъ оттискахъ; затѣмъ, точное указаніе всѣхъ работъ поможетъ отличать О. Ѳ. Миллера отъ многочисленныхъ его однофамильцевъ, чего, однако, незамѣтно въ нѣкоторыхъ каталогахъ или книжныхъ росписяхъ; наконецъ, и это главное, только при полномъ перечнѣ произведеній возможна всесторонняя оцѣнка покойнаго автора. Поэтому мы и предлагаемъ по возможности полный и точный библиографическій обзоръ учено-литературной дѣятельности умершаго профессора.

О. Ѳ. Миллеръ еще на студенческой скамьѣ заявилъ себя не только трудящимся студентомъ, но также и поэтомъ. Уже на первомъ курсѣ онъ напечаталъ два стихотворенія: *На смерть Жуковскаго* и *У гроба Кутузова* (*Сѣверная Пчела* 1852 г.); затѣмъ, въ 1753 году, получилъ злоторую медаль за сочиненіе, оставшееся рукописнымъ въ архивѣ Петербургскаго университета *), а незадолго передъ выпускомъ, въ январѣ 1855 г.,

*) Намъ известна только тема этого труда: „Разсмотрѣть и сравнить главныя комедіи Сумарокова, Фонъ-Визина, Княжнина и князя Шаховскаго въ отношеніи къ со-

поставилъ на сцену Александринскаго театра и издалъ брошюрою слѣдующую пьесу: *Подвигъ матери*, драматическій эпизодъ изъ Отечественнаго войны, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (Спб., 1855 г., 79 стр.). За этими первыми опытами, со времени выхода изъ университета и до послѣднихъ дней своей жизни, покойный безъ перерыва трудился на учено-литературномъ полѣ, какъ наглядно показываетъ слѣдующій рядъ его произведеній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ:

- 1856 г. Историческіе очерки поэзіи: 1) поэзія древней Индіи (*Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія*, ч. ХСІ, кн. 8, отд. V, стр. 65—108); 2) поэзія греческая (*тамъ же*, ч. ХСІІ, кн. 10, отд. V, стр. 1—86). Отдѣльный оттискъ послѣдней статьи: Спб., 1856 г., 35 стр.
- 1857 г. Коирадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ, оригинальная трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. ХСІІІ, кн. 1, отд. II, стр. 1—164). Отдѣльная брошюра: Спб., 1857 г., 164 стр.
- Историческіе очерки поэзіи: 3) средневѣковой романтизмъ и его элементы (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, ч. ХСІІІ, кн. 2, отд. V, стр. 66—124; ч. ХСV, кн. 8, отд. V, стр. 91—110; ч. ХСVІ, кн. 10, отд. V, стр. 1—52).
- 1858 г. О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ по поводу вопроса о современномъ направленіи русской литературы, сочиненіе, написанное на степень магистра русской словесности. Спб., II+300 стр.
- 1859 г. Въ этомъ году покойный читалъ публичныя лекціи о Шиллерѣ, по поводу столѣтней годовщины со дня его рожденія; но онѣ были напечатаны только въ 1861 году.
- 1860 г. Англійская литература XVIII столѣтія (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, ч. СVІІІ, кн. 10, отд. III, стр. 1—41; кн. 11, отд. III, стр. 77—100).
- 1861 г. Шиллеръ и его время, пять лекцій (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.*, ч. СІХ, кн. 2, отд. II, стр. 21—47; ч. СХ, кн. 4, отд. II, стр. 1—6; ч. СХІ, кн. 7, отд. II, стр. 1—28). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1861 г., 118 стр.
- Рецензія „Курса исторіи поэзіи“ А. Линиченко (*Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. СІХ, кн. 2, отд. III, стр. 87—98).
- Бѣлинскій, какъ педагогъ (*Учитель*, № 9—12). Отдѣльно: Спб., 1861 г.
- Бесѣды о русской исторіи (*Учитель*, №№ 17—24). Отдѣльно: Спб., 1862 г., вын. 1, 188 стр. Второе исправленное изданіе: Спб., 1864 г., 164 стр.
- 1862 г. Два слова на рецензіи мнѣхъ „Бесѣды о русской исторіи“ (*Учитель*, № 2). Авторъ имѣлъ въ виду рецензіи, помѣщенные въ журналъ *Воспитаніе и Отечественныхъ Записки*.
- Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности (*Учитель*, №№ 2, 4, 6, 11, 12, 16, 17, 20—24). Отдѣльно, какъ второе изданіе, переделанное и дополненное новыми главами: Спб., 1865 г., IV+160 стр.
- Хрестоматія къ „Опыту историческаго обозрѣнія русской словесности“, часть первая: образцы народной словесности до XV вѣка. Спб., 208 стр. (Приложеніе къ журналу *Учитель* за 1862 годъ). Второе дополненное изданіе Спб., 1866 г., 369 стр.

Въ февралѣ, названнаго года О. Ф. Миллеръ прочелъ шесть публичныхъ лекцій: *О русскихъ народныхъ пѣсняхъ*. Эти чтенія вошли въ его докторскую диссертацию.

держанію, формѣ и языку, а въ заключеніе представить общій взглядъ, на какую степень эта отрасль словесности была возведена у насъ озабоченными писателями“.

1863 г. Два отчета о заграничных занятіях (*Журнал Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. СХVII, отд. II, стр. 160; ч. СХVIII, отд. II, стр. 195). Эти *Отчеты* известны поядком за границу осенью 1862 г.

Das Hildebrandslied und die russischen Lieder von Ilja Murömetz und seinem Sohne im Zusammenhang mit dem Gesamtinhalte des russischen Volkseros (*Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literatur*).

Изъ Праги, два письма о Ф. Палацкомъ и польскомъ вопросѣ (*День*, № 25 и 35). О современномъ значеніи народной словесности, вступительная лекція при открытіи чтеній на правахъ приватъ-доцента (*День*, № 51). Къ этой лекціи издатель *Дня* И. С. Аксаковъ присоединилъ нѣсколько примѣчаній, на что О. Θ. Миллеръ напечаталъ отвѣтъ въ видѣ *Письма къ редактору* (*День* 1864 г., № 6).

1864 г. Похороны А. Х. Востокова (*День*, № 8).

Русскій народный эпосъ передъ судомъ г. Соловьева (*Библиотека для Чтенія*, т. СLXXXII, кн. 3, стр. 36—70). Эта статья написана по поводу тринадцатаго тома *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева.

Библиографическая замѣтка о книгѣ В. Стоюнина: „О преподаваніи русской литературы“ (*Библиотека для Чтенія*, т. СLXXXII, кн. 4—5, стр. 34—41). Монтанъ и его взглядъ на народную словесность (*Отечественн. Замысли*, т. CLV, кн. 7, отд. I, стр. 120—139).

1865 г. Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни, по поводу „Обзора исторіи славянскихъ литературъ“ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Спб., (88 стр. Кроме брошюры, О. Θ. Миллеръ напечаталъ объ этой книгѣ еще *Письмо* (*С.-Петербургскія Вѣдомости* 1865 г., № 303).

Разборъ „Сборника русскихъ сказокъ“, изд. А. Н. Аванасьевымъ (тридцать четвертое присужденіе демидовскихъ наградъ. Спб., стр. 72—106).

Народное направленіе въ преподаваніи и въ изученіи отечественнаго языка (*День*, № 25). Эта статья написана по поводу книги Н. Некрасова: *О значеніи формъ русскаго малама*.

1866 г. Ломоносовъ и реформа Петра Великаго (*Вѣстникъ Европы*, т. I, кн. I, отд. II, стр. 373—392). Статья вызвана изслѣдованіями о Ломоносовѣ П. Вилърскаго, А. Куника, В. Ламанскаго и Н. Лавровскаго.

О значеніи „судьбы“ въ былиннахъ объ Ильѣ Муромцѣ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 126).

1867 г. Сборники по народной русской словесности за 1866 годъ (*Журнал Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. СXXXIII, кн. 1, стр. 1—21; кн. 2, стр. 297; кн. 3, стр. 618—676). Эти статьи написаны по поводу *Писемъ*, изданныхъ Н. Богословскимъ, А. Савельевымъ, редакціей *Виленскаго Вѣстника* и Я. Головацкимъ.

Въ этомъ же году О. Θ. Миллеръ издалъ четвертую часть *Писемъ*, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ, со своимъ предисловіемъ.

1868 г. Вопросъ о направленіи Юсефа Санина (*Журнал Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. СXXXVII, кн. 2, стр. 527—545). Статья вызвана изслѣдованіемъ И. Хруцова: *О сомненіяхъ Юсефа Санина, преподавателя мѹмѹна Волоколамскаго*.

Олоонецкія Губернскія Вѣдомости за 1867 годъ (*Журнал Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. СXXXVII, кн. 3, стр. 909—927). Статья имѣетъ въ виду этнографическій матеріалъ, напечатанный въ названныхъ *Вѣдомостяхъ*.

Рецензія изданія: „Древняя болгарская эпоса объ Орфѣѣ“ (*Журнал Мин. Нар. Просвѣщенія*, ч. СXXXIX, кн. 7, стр. 357—361). По поводу этой рецензіи былъ обращенъ анонимный *Запросъ* къ О. Θ. Миллеру, на что послѣдній отвѣчалъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 291).

В. В. Стасову, отвѣтъ (*Голосъ*, № 338). Замѣтка написана по поводу книги Стасова: *О происхожденіи русскихъ былинъ*.

1869 г. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ (*Заря*, кн. 2, стр. 147—

206). Статья написана по вопросу о русских былинках съ замѣткой для *Вѣстника Европы*.

Стихотворенія А. С. Хомякова со стороны руководящихъ мыслей (*Заря*, кн. 7, стр. 184—144).

О „Сборникѣ латышскихъ народныхъ пѣсенъ“ Спрогиса (*Извѣстiя Императ. русскаго географ. общества*, т. V).

Замѣтка къ статьѣ П. С. Фейменка: „Объ Яригѣ“ (*Записки Импер. русск. географическ. общества по отдѣленію этнографіи*, т. II).

1870 г. Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго зноса: Илья Муромецъ и богатство Кіевское. Спб., 890 стр. Эта диссертация на степень доктора русской словесности удостоена Уваровской преміи по разбору академика Ф. И. Буслаева (см. *Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія* 1871 г., ч. CLIV, кн. 4, стр. 208—239, и брошюру *Четырнадцатое присужденіе уваровскихъ наградъ*. Спб., 1871 г., стр. 64—88). Вступительная рѣчь, произнесенная 26 января 1870 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ передъ публичнымъ защищеніемъ диссертация на степень доктора русской словесности (*Заря*, кн. 2, отд. III, стр. 96—106).

Прощальное слово г. Стасову (*тамъ же*, кн. 3, отд. II, стр. 78—91). Эта замѣтка касается изслѣдованія В. Стасова: *О происхожденіи русскихъ былинъ*. Вникъ и значеніе его новой науки для психологіи народовъ (*Заря*, кн. 4, отд. II, стр. 46—71).

О книгѣ: „Политическое призваніе Остзейскаго края“ (*тамъ же*, кн. 4, отд. II, стр. 129—132).

Русско-славянскій вопросъ и начало народности (*тамъ же*, кн. 6, отд. II, стр. 126—153). Эта статья написана по поводу книги Р. Фадѣева: *Мнѣніе о восточномъ вопросѣ*.

О „Русскихъ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Шейномъ“ (*Заря*, кн. 6, отд. II, стр. 166—167). Тотъ же отзывъ помѣщенъ въ *Отчетъ Императ. русскаго географ. общества* (Спб., 1871 г.).

Самоубійство отъ экзамена (*Заря*, кн. 6, отд. II, стр. 178—180).

Инквизиторскія вождельбія ученаго (*тамъ же*, кн. 10, отд. II, стр. 294—304). Эта статья посвящена проф. Е. И. Невоструеву, который разбираетъ книгу И. Хрушова: *О сочиненіяхъ Іосифа Самина* (см. брошюру: *Двадцатое присужденіе уваровскихъ наградъ*. Спб., 1869 г., стр. 84—186).

1871 г. Объ общественныхъ тинахъ въ новѣстяхъ Н. С. Тургенева, лекція (*Бесѣда*, кн. 10, стр. 218 — 287; кн. 11, стр. 153 — 170; кн. 12, стр. 246—274). Эти лекціи О. Ф. Миллеръ читалъ въ Петербургѣ весной того же года.

1872 г. Два запроса (*Бесѣда*, кн. 12, стр. 114—116). Одинъ изъ этихъ *Запросовъ* касался биогрѣфическихъ свѣдѣній о К. Ф. Рылѣевѣ.

По поводу изданія П. Вейнберга: „Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ“ (*Голось*, № 97).

1873 г. Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому (*Русская Старина*, т. VII, кн. 3, стр. 406—411).

Рецензія книги А. Гильфердинга: „Онежскія былины“ (*тамъ же*, кн. 7, на оберткѣ).

Незамѣченная книга (*Недѣля*, № 44). Авторъ имѣетъ въ виду сочиненіе Эвсаго: *Отставные солдаты*.

Въ этомъ же году О. Ф. Миллеръ, вмѣстѣ съ П. Гильдебрандтомъ, издалъ пятый томъ *Записокъ Императ. русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи* (Спб., 850 стр.), гдѣ помѣщены *Бѣлорусскія пѣсни*, собранныя И. Носовичемъ и П. Шейномъ.

1874 г. Рецензія книги П. Пекарскаго: „Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ“ (*Русск. Старина*, кн. 3, на оберткѣ).

Русская литература послѣ Гоголя, десять лекцій (*Недѣля*, № 16, 18, 20, 22 и 26). Отдѣльно: Спб., 1874 г. Затѣмъ эта книга вышла подъ слѣдующимъ заголовкомъ: *Публичныя лекціи*, изданіе второе, дополненное шестью лекціями, не вошедшими въ первое изданіе. Спб., 1878 г., VI+404 стр. Наконецъ, еще разъ этотъ же трудъ появился подъ названіемъ: *Русскіе писатели послѣ Гоголя*, чтеніе, рѣчи и статьи, изданіе третье, измѣненное и дополненное. Спб., 1886 г., часть первая, XIV+390 стр.; часть вторая—VIII+448 стр. Спб., 1888 г., часть третья.

1875 г. Рецензія „Нѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ (*Записки Импер. Академіи Наукъ*, т. XXVI, кн. 1, стр. 1—14). Объ этихъ же Писахъ О. Θ. Миллеръ напечаталъ еще замѣтку въ *Русской Старинѣ* (1875 г., кн. 9, на оберткѣ).

Малороссійскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай (*Древн. и Новая Россія*, кн. 4, стр. 848—862). Эта же статья перепечатана и въ *Извѣстіяхъ Импер. русскаго географическаго общества* (1875 г., т. XI).

Θ нашамъ крѣпостномъ вопросу въ XVIII столѣтіи (*Русск. Архивъ*, кн. 9, стр. 82). Это—отвѣтъ на статью Г. Θ. Карпова: *О крѣпостномъ правѣ Малороссіи*, напечатанную въ томъ же журналѣ (1875 г., кн. 6).

Н. В. Гоголь въ своихъ письмахъ, 1820—1842 годовъ (*Русск. Старина*, кн. 9, стр. 99—118). О книгѣ А. Незеленова: *Н. И. Новиковъ (тамъ же)*, кн. 9, на оберткѣ).

Графъ А. К. Толстой, какъ лирическій поэтъ (*Вѣстникъ Европы*, кн. 12, стр. 557—572).

Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи (*Древн. и Нов. Россія*, кн. 12). Это Письмо проф. М. Драгоманова къ О. Θ. Миллеру было напечатано послѣднимъ со своимъ предисловіемъ и отвѣтными примѣчаніями.

1876 г. Хомяковъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ (Сборникъ: *Вятская помещ.* Спб., стр. 470—480).

Разборъ „Монографій и критическихъ статей“ А. Пятковского (*Недѣля*, № 6—7).

О древне-русской литературѣ по отношенію къ татарскому ягу (*Древн. и Нов. Россія*, кн. 5, стр. 49—59).

О современныхъ задачахъ русской науки (*тамъ же*, кн. 11, стр. 288—291).

1877 г. Славянство и Европа, статьи и рѣчи 1865—1877 годовъ. Спб., XVI+417 стр. Европа и Россія въ восточномъ вопросѣ (*Древн. и Нов. Россія*, кн. 1, стр. 55—76).

Геніальная маниловщина (*Новое Время*, № 539). Статья написана по поводу романа гр. Л. Н. Толстаго: *Анна Каренина*.

1878 г. Нѣсколько словъ о воспитательномъ значеніи поэзіи Н. А. Некрасова (*Педагогическ. Музей*, № 1, стр. 1—6).

Лордъ Байронъ и его судьба, биографическій очеркъ (*Вѣстникъ Европы*, кн. 2, стр. 257—500; кн. 4, стр. 652—689).

1879 г. Въ память А. С. Грибоѣдова (*Древн. и Нов. Россія*, кн. 4, стр. 301—310). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1879 г., 82 стр.

Новые домыслы ученія о замѣтваніяхъ (*Русск. Филологическ. Вѣстникъ*, кн. 4, стр. 233—241). Статья касается изслѣдованій А. Н. Веселовскаго и В. Θ. Миллера о *Словѣ о полку Игоревѣ*.

1880 г. Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ (*Русская Мысль* 1880 г., кн. I и III).

Рецензія труда Н. Забѣлина: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“ (*Историческ. Вѣстникъ*, кн. 1, стр. 210—213).

- Новый трудъ о Теофанѣ Прокоповичѣ (*Русь*, № 4). Замятка о диссертациі П. Морозова: *Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель*.
- Замятка о брошюрѣ А. Боровиковскаго: „Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ“ (*Историческ. Вѣстникъ*, кн. 2, стр. 486—486).
- О пѣніи былинъ (*Сборникъ археологическ. института*, кн. 8).
- О брошюрѣ П. Милославскаго: „Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ“ (*Историческій Вѣстникъ*, кн. 4, стр. 869—870).
- Рѣчь въ С.-Петербургѣ 6 мая, по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ (*Русск. Старина*, кн. 7, стр. 505—506). Эта же Рѣчь перепечатана и въ *Русской Мысли* (1880 г., кн. 7).
- Андрей Васильевичъ Фрейгангъ, биографическій очеркъ (*Русск. Старина*, кн. 7, стр. 593—604).
- По поводу рецензіи А. С—скаго на пятый томъ „Сочиненій“ Ю. Ф. Самарина (*Историческ. Вѣстникъ*, кн. 8, стр. 806—808).
- Объ изданіи П. Ефремовымъ „Сочиненій Пушкина“ (*тамъ же*).
- Рецензія объ изданіи В. Корша: „Всеобщая исторія литературы“ (*Историческ. Вѣстникъ*, кн. 9, стр. 185—186).
- О книгѣ В. Стоюнина: „Александръ Семеновичъ Шинковъ“ (*тамъ же*, стр. 187—188).
- Пушкинскій вопросъ (*Русск. Мысль*, кн. 12).
- 1881 г. О второмъ изданіи „Исторіи славянскихъ литературъ“ А. И. Пыпина и В. Д. Спасовича (*Историческій Вѣстникъ*, кн. 1, стр. 206—211).
- О сочиненіи академика Я. Грота: „Жизнь Державина“ (*тамъ же*, кн. 2 стр. 453—456).
- Ужасная логика, по поводу 1 марта 1881 года (*тамъ же*).
- Объ „Исторіи русской словесности“, составленной Н. Перфильевымъ (*тамъ же*, кн. 8).
- Князь А. И. Васильчиковъ, очеркъ вмѣсто некролога (*тамъ же*, кн. 12, стр. 798—806).
- 1882 г. Рѣчь на вышнихъ женскихъ курсахъ. Спб., 8 стр.
- Дѣти въ сочиненіяхъ Ф. М. Достоевскаго (*Женск. Образование*, № 2, стр. 107—122; № 3, стр. 190—206).
- Наше учебное дѣло (*Новое Время*, №№ 1988 и 1989).
- Рецензія объ изданіи К. Бестужева-Рюмина: „Биографіи и характеристики“ (*Историческ. Вѣстникъ*, кн. 5, стр. 448—449).
- Объ изслѣдованіи А. Архангельскаго: „Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ“ (*тамъ же*, кн. 8, стр. 480—484).
- О книгѣ А. Голубева: „Князь А. И. Васильчиковъ“ (*Мысль*, №№ 10—11, стр. 128—154).
- Человѣкъ онъ былъ... (*Историческ. Вѣстникъ*, кн. 12, стр. 619—623). Подъ такимъ названіемъ О. Ф. Миллеръ помѣстилъ некрологъ врача Н. И. Уверскаго.
- Въ этомъ же году, подъ редакціей О. Ф. Миллера, вышелъ *Словарь писателей древняго періода русской литературы*, составленный А. В. Арсеньевымъ.
- 1883 г. Лордъ Байронъ въ итальянскій періодъ его жизни и творчества (*Вѣкъ*, кн. 1 и 2).
- Женскіе образы у Тургенева (*Русск. Богатство*, кн. 12).
- Въ этомъ же году О. Ф. Миллеръ издалъ книгу: *Биографія, письма и записки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго* (Спб.).
- 1884 г. Екатерина II и энциклопедисты (*Новь*, кн. 2).
- Наши несимметры-панслависты: А. И. Кошелевъ и Р. А. Фадѣевъ (*Извѣстія с.-петербургск. славянск. благотворительн. общества*, кн. 8).

- Даръ Пятидесятницы и наши первоучители (*Кіевск. Старина*, кн. 9).
 Церковь и византизм (тамъ же, кн. 11).
- 1885 г. Первоучители славянъ (*Новь*, кн. 11, стр. 459—477). Эта же статья перенечатана и въ *Извѣстіяхъ с.-петербургск. славянск. благотворительн. общества* (1885 г., кн. 4).
- 1886 г. Памяти А. И. Подолинскаго (*Русск. Старина*, кн. 2, стр. 518—516).
 Старая рознь (*Новь*, кн. 8).
 Разборъ книги Лукьяновскаго: „Русскія народныя сказки“ (тамъ же, кн. 3).
 И. С. Аксаковъ, некрологъ (*Русск. Старина*, кн. 3, стр. 745—759).
 И. С. Аксаковъ и 19-е февраля (*Извѣстія с.-петербургск. славянск. благотворительн. общества*, кн. 4—5, стр. 157—162).
 Область отрожденной личности, по поводу пятидесятилѣтія „Ревизора“ (*Историческій Вѣстникъ*, кн. 6, стр. 656—668).
 О книгѣ Ремизова: „Наши самоучки“ (*Русская Мысль*, кн. 7, стр. 136—140).
- 1887 г. Спускала ли „Русь“ нашимъ консерваторамъ? (*Московский Сборникъ*, изд. С. Шарковичъ, М.).
 Домъ и кабинетъ Ф. М. Достоевскаго (*Историческій Вѣстникъ*, кн. 8, стр. 571—576).
 Я. П. Полонскій въ своей поэзіи (*Русская Мысль*, кн. 6).
 С. Я. Надсонъ, по поводу посмертнаго изданія его „Стихотвореній“ (*Русская Старина*, кн. 11).
- 1888 г. Графъ Л. И. Толстой, очеркъ (тамъ же, кн. 11, стр. 575—582).
 Наши современные поэты: Н. М. Минскій (*Русская Мысль*, кн. 1, стр. 52—63).
 А. Н. Майковъ, 1838 — 1888 гг. (*Русская Мысль*, кн. 5, стр. 80—95; кн. 6, стр. 83—48).
 Опять къ вопросу о былинахъ (*Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія*, ч. ССХІХ, кн. 7, отд. III, стр. 175—191). Статья написана по поводу книги М. Халанскаго: *Великорусскія былины Кіевского цикла*.
 Ф. И. Бусласьевъ, по поводу пятидесятилѣтія его учено-литературной дѣятельности (*Памятникъ Литературы*, т. III, кн. 9, стр. 1—8).
 Капитальный трудъ по древней русской литературѣ (*Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія*, ч. ССХІХ, кн. 9, отд. III, стр. 174—201). Статья касается изслѣдованія Е. Барсова: *Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружины Руси*.
- 1889 г. Иванъ Александровичъ Гончаревъ, очеркъ къ его портрету. (*Русск. Старина*, кн. 3, стр. 635—643).
 Надъ могилою М. Е. Салтыкова, рѣчь (*Русск. Вѣдомости*, № 124)
 Г. И. Успенскій, опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій. Спб.
 Памяти В. М. Гаршина († 24 марта, 1888 г.). Спб.

Я.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Сентябрь

1889 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія и педагогія.—Исторія и біографія.—Географія и этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, августъ и сентябрь.—„Русскій Архивъ“, январь—іюль.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Царь Іоаннъ четвертый“. Кн. А. М. Сумбатова.—„Дома, въ корпусѣ и въ училищѣ“. Никольска.—„Лейтенантъ Бѣлозоръ“. А. Марлинскаго (А. А. Бестужева).—„Стихотворенія“ Ст. Бородинца.—„Энеида“. И. П. Котляревскаго.

Царь Іоаннъ четвертый. Хроника въ пяти дѣйствіяхъ. Князя А. М. Сумбатова. Москва, 1889 г. Страшное на Руси время отъ вступленія на престолъ московскій ребенка Іоанна IV до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова представляетъ собою непрерывный рядъ драмъ, далеко еще не исчерпанныхъ нашими писателями-беллетристами и драматургами. Князь Сумбатовъ взялся за интересную и благодарную задачу дать читателямъ начало этого рода драмъ, изобразить основныя причины, создавшія личность Грознаго и имѣвшія своими послѣдствіями все то, что представили намъ Лермонтовъ, въ своей знаменитой сказкѣ *Про купца Калашникова*, гр. А. Толстой — въ драмѣ *Смерть Іоанна Грознаго* и въ романѣ *Князь Серебряный*, Островскій — въ драмѣ *Василиса Мелентьева*, Костомаровъ — въ *Кудяръ*, Рѣпинъ — въ своей картинѣ, Антокольской — въ мраморѣ... Перечисляя эти произведенія въ предисловіи къ лежащей передъ нами хроникѣ, авторъ забываетъ упомянуть о трагедіи Лажечникова *Опричникъ* и о картинѣ Маковского *Смерть Іоанна Грознаго*. Картина Маковского къ характеристикѣ Грознаго прибавляетъ очень немного, тогда какъ въ трагедіи *Опричникъ* мы видимъ весьма существенныя черты, дополняющія многократно воспроизведенный образъ царя Ивана Васильевича. „Хроника“ князя Сумбатова обнимаетъ собою періодъ времени отъ 1542 до 1560 года, т.-е. до смерти царицы Анастасіи, первой супруги Іоанна, когда совершился крутой переломъ, не скажемъ — въ характерѣ Іоанна, а въ проявленіяхъ этого характера, сдерживавшихся до тѣхъ поръ вліяніемъ протопопа Сильвестра, Алексѣя Адашева и, въ особенности, молодой супруги царя. Съ внѣшней, исторической стороны мы ничего не можемъ сказать противъ хроники князя Сумбатова; встрѣчающіеся въ ней анахронизмы, по нашему мнѣнію, не имѣютъ значенія и всегда допустимы въ беллетристическомъ произведеніи. Серьезными погрѣшностями ея мы считаемъ недостаточную рельефность драматизма и неполную выяснен-

ность характеровъ, какъ главнаго дѣйствующаго лица, такъ, — въ особен-ности, — лицъ, непосредственно за нимъ слѣдующихъ, Сильвестра, Адашева и Анастаси. Съ исторіей они вѣрны; но драматическая хроника — не исторія и не иллюстрація только исторіи. Это — художественное произведение; какъ таковымъ, мы извиняемъ историческимъ романамъ и драмамъ анахронизмы и неточности; за то и требованія къ нимъ предъявляемъ большія, чѣмъ въ историческимъ этюдамъ и монографіямъ. Исторія намъ говоритъ: подъ благотворнымъ вліяніемъ кроткой юной царицы Анастаси смятился нравъ Іоанновъ. Отъ исторіи мы не вправе требовать иного, кромѣ достовѣрности самаго факта. Въ художественномъ произведеніи авторъ обязанъ показать намъ не только фактъ, но раскрыть его внутреннюю, задушевную сторону; авторъ долженъ показать, какъ и почему совершился таковой фактъ. Въ хроникѣ же кн. Сумбатова мы не видимъ, какими чарами, какимъ обаяніемъ смятила царица нравъ своего супруга; мало этого, изъ хроники мы не убѣждаемся даже въ дѣйствительности историческаго факта, о которомъ идетъ рѣчь. Въ произведеніи кн. Сумбатова царица Анастасія является слишкомъ безцвѣтною, можно сказать — ничтожною фигурой, а вліяніе ея на Іоанна — весьма незначительнымъ. Протопопъ Сильвестръ и Адашевъ оказываются такими же неопредѣленными и неясными. Говорятъ они много, но изъ всѣхъ ихъ разговоровъ нельзя составить себѣ надлежащаго представленія о томъ, что такое сами-то они и чѣмъ сумѣли подчинить себѣ молодого царя. Въ нихъ мы не видимъ достаточной для того силы, какую обнаруживаетъ, напримѣръ, Борясъ Годуновъ въ драмѣ гр. А. Толстаго. Есть въ хроникѣ кн. Сумбатова намеки на честолюбіе и властолюбіе Сильвестра, но только намеки, ничего не доказывающіе и затемняющіе дѣло, такъ какъ они остаются ничѣмъ не подтвержденными и ничѣмъ неопровергнутыми. Относительно Сильвестра и Адашева, этихъ двухъ важнѣйшихъ дѣятелей царствования Івана Грознаго, изъ хроники мы узнаемъ ничуть не болѣе того, что напечатано въ любыхъ учебникѣхъ, такъ же точно какъ и относительно „кроткой и юной“ царицы. Для читателя остается неизвѣстнымъ, чего они собственно хотятъ и къ чему стремятся, въ достиженіи ли какихъ-либо высокихъ цѣлей, или къ захвату власти. Неизвѣстно также, какими внутренними мотивами вызваны совѣты Іоанну старца Вассіана и Басманова, — ихъ глубокимъ убѣжденіемъ или иными соображеніями. Драмы, въ смыслѣ внутренней борьбы въ человѣкѣ добра и зла, въ хроникѣ нѣтъ, дѣйствія мало; оно замѣняется разсказами. Изъ разсказовъ мы узнаемъ о томъ, что Іоаннъ проявляетъ жестокость и дурныя черты характера въ своей юности. Поворотъ его на путь добродѣтели совершается подъ вліяніемъ страха, нагнаннаго на него московскимъ пожаромъ и угрозами протопопа Сильвестра гнѣвомъ Божиимъ. Такъ что вліяніе молодой царицы оказывается тутъ не причемъ. Царь, просто, струсилъ и растерялся передъ смѣлымъ протопопомъ. Въ концѣ хроники Москва опять горитъ, царь опять струсилъ и, поддаваясь совѣтамъ Басманова, неизвѣстно откуда явившагося, рѣшается установить „опричнину“ и расправиться съ „ворогамъ“. Читатель знаетъ, разумѣется, что такое „опричнина“ и какъ Иванъ Васильевичъ расправлялся; и, только благодаря такому знанію читателя, конецъ хроники получаетъ нѣкоторое значеніе. Если же книжка попадетъ въ руки человѣка, незнакомаго съ исторіей, то для таковаго читателя заключительная сцена будетъ лишена ея настоящаго смысла. Къ тому же, изъ нея явствуетъ, что не смерть Анастаси была главною причиною переменъ въ настроеніи царя, а еще разъ пожаръ, которымъ

неизвѣстно для какихъ цѣлей воспользовался неизвѣстный человекъ. Выходить такъ, что не случись перваго пожара, не было бы Іоанна, славнаго доблестями; не случись втораго, не было бы опричинни и Іоанна, грознаго своими жестокостями. Мы думаемъ, что въ томъ и въ другомъ случаяхъ произошло неудачное перемѣщеніе причинъ, и на первый пленъ выдвинуты не только второстепенныя, но чисто-случайныя; настоящія же основныя причины, крившіяся въ душѣ самого Іоанна, остались въ сторонѣ, на нихъ есть лишь слабыя намеки, совершенно ускользающіе отъ вниманія читателя, а тѣмъ болѣе зрителя, если бы пьеса была поставлена на сцену. Мы говоримъ о постепенно нараставшемъ въ умѣ молодаго царя преувеличенномъ и превратномъ пониманіи значенія своего сана, подъ влияніемъ чтенія. Съ Іоанномъ случилось то же самое, что происходитъ съ начетчиками, равными ему по подготовкѣ и развитію. Какъ истый начетчикъ, каковымъ и былъ Іоаннъ въ дѣйствительности, отыскивая „истину“ въ Писаніи, онъ находилъ въ немъ, подобно Сильвестру, лишь подтвержденіе тому, въ чемъ самъ желалъ внутренно укрѣпиться. На такой способъ саморазвитія могъ навести его протопопъ Сильвестръ, самъ вычитавшій изъ Писанія свой *Домострой*. На это есть указаніе у кн. Сумбатова, но указаніе слабое и сдѣланное вскользь. Въ хроникѣ недостаточно отгѣнено и не развито то положеніе, что Іоаннъ „зачитался“ и сталъ кривотолкомъ. Зачитался же онъ до того, что возмнилъ или, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ „перечиталъ“ Сильвестра, а, во всякомъ случаѣ, изъ чтенія составилъ въ своей головѣ свой кодексъ „государственнаго домостроительства“, который и началъ приводить въ практику съ неуклонностью ничѣмъ неограниченнаго владыки, убѣжденнаго въ непогрѣшимости своего внутренняго „Домостроя“. И вотъ, когда царь почувствовалъ, что доросъ до своего учителя протопопа и даже переросъ его, когда увѣровалъ, что его собственный кодексъ „домостроительства“ расходится съ кодексомъ протопопа, все же ограничивающимъ власть земныхъ владыкъ властью духовною, тогда Іоаннъ увидалъ въ Сильвестрѣ перваго „супротивника“ и прогналъ его въ ссылку, а затѣмъ уже началъ расправляться и со всѣмъ, представлявшимся ему „супротивнымъ“. Дойдя до такого убѣжденія, царь, естественно, не могъ удержать при себѣ и Адашева— „мужа думы и совѣта“, ибо Іоанну уже ненужными оказывались ни совѣты, ни совѣтники, ни „думы“ съ кѣмъ-либо сообща: его непогрѣшимый кодексъ былъ готовъ, и нужны были только исполнители, не дерзающіе ни разсуждать, ни даже выражать свое мнѣніе. Отъ этого до „опричинны“—однаго шага; она является логическимъ послѣдствіемъ предыдущаго. И тутъ уже не причемъ пожаръ и Васмановъ. Вмѣстительство въ дѣло пожара и Васманова въ хроникѣ кн. Сумбатова умалываетъ только Іоанна и закрываетъ собою истинныя причины совершившагося. Мы находимъ, что эта „хроника“ воспроизводитъ правильно вышній ходъ событий, но не даетъ имъ достаточнаго объясненія, а равно не представляетъ и развитія характеровъ въ яркихъ и энергически выраженныхъ чертахъ. Желаніе автора какъ можно точнѣе изобразить исторію въ лицахъ заставило его растянуть свою хроникку на десять картинъ, тогда какъ капитальные моменты могли бы быть съ большою пользою для произведенія выражены въ пяти-шести картинахъ. При такомъ же построеніи пьесы получились длинноты. Хроника написана бѣлыми стихами, страдающими нерѣдко искусственностью и тяжеловѣсностью. Отъ нихъ не вѣетъ тою стариной, какою чувствуется въ языкѣ,—не говоримъ уже Пушкина въ *Борисъ Годуновъ*, — а и

другихъ авторовъ, перечисленныхъ выше. Въ стихахъ князя Сумбатова нѣтъ силы, безусловно необходимой для такого рода произведеній.

Дома, въ корпусѣ и въ училищѣ. Очерки Никольева. Варшава, 1889 г. Цѣна 1 рубль. Разказы про дѣтство и отрочество, про учебные годы людей заурядныхъ только тогда могутъ быть интересны для читателей, когда въ нихъ изображена мало извѣстная среда и когда повѣствованіе написано талантливо. Въ „очеркахъ“ г. Никольева разсказывается подробно и крайне скучно, какъ нѣкій дворянскій юноша, Володя Стромидовъ, учился въ корпусѣ, какъ онъ держалъ экзамены, оказывалъ успѣхи „въ русской словесности“, ѣздилъ каждый годъ домой въ деревню на каникулы, катался тамъ въ саняхъ и верхомъ съ сосѣдними барышнями и въ концѣ лѣта благополучно отбывалъ обратно въ свой корпусъ, чтобы тянуть ту же самую канитель на слѣдующій годъ, а затѣмъ и на всѣ остальные года, проведенные имъ въ корпусѣ и въ юнкерскомъ училищѣ до вѣпуска въ офицеры. Канитель эта тянулась десять лѣтъ, и во всѣ десять лѣтъ съ преуспѣвающимъ юношей не случилось ровно ничего, — самому придирчивому бытописателю зацѣпиться не за что. Критикъ можетъ, пожалуй, зацѣпиться за нѣкоторые погрѣшности, свидѣтельствующія о томъ, что авторъ недостаточно „преуспѣлъ въ русской словесности“, за что и получилъ бы неудовлетворительный баллъ, если бы представилъ свое „сочиненіе“ на судъ преподавателя русскаго языка въ юнкерскомъ училищѣ. Мы полагаемъ, что неприятность въ училищѣ не ограничилась бы однимъ выставленіемъ неудовлетворительной отмѣтки, если бы преподаватель имѣлъ терпѣніе дочитать сочиненіе г. Никольева до конца, ибо нѣкоторые выраженія, встрѣчающіяся въ немъ, недопустимы и въ сочиненіяхъ вѣбклассныхъ. Мы не можемъ, разумѣется, воспроизвести эти выраженія на страницахъ нашего журнала и вынуждены ограничиться лишь указаніемъ страницъ и строкъ для желающихъ полюбопытствовать, до какихъ непристойностей могутъ дописываться иногда сочинители. Цвѣточки появляются, начиная съ 167 страницы, затѣмъ на стр. 168—строки 5—10, стр. 172—строки 7—9, стр. 197 цѣликомъ, стр. 200—строка, кончающаяся точками, стр. 207—строка 6 снизу... и т. д., — довольно, кажется, и этого.

Лейтенантъ Бѣлорозъ. Повѣсть А. Марлинскаго (А. А. Бестужева). Дешевая Библіотека. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 15 коп., въ папкѣ—23 коп. Произведенія Марлинскаго, которыми зачитывались барышни лѣтъ 50 назадъ, едва ли представляютъ для кого-нибудь интересъ въ наше время. И тогда-то, за полстолѣтіе до нашихъ дней, написанное Марлинскимъ было весьма плохо, а теперь уже и совсѣмъ никуда не годится и можетъ развѣ только испортить вкусъ мало развитаго читателя, т. е. такого, въ руки котораго преимущественно попадаютъ „дешевки“. Вообще выборъ г. Суворина произведеній для его *Дешевой Библіотеки* представляется намъ довольно странномъ: то Г. П. Данилевскій и Н. С. Лѣсковъ, то А. Марлинскій, то *Исторія* Карамзина, то *Марина Мнишекъ* А. Львовой... Выходить, какъ мы не разъ говорили, совсѣмъ не „дешевая“ бібліотека, а дорогой литературный винегретъ, въ которомъ объѣдки плохой странни перемѣшаны съ лучшими образцами русскаго творчества. По нашему мнѣнію, такая неразборчивость прямо вредна и едва ли можетъ быть чѣмъ-нибудь объяснена, а тѣмъ болѣе оправдана; она невыгодна даже для издателя съ точки зрѣнія чисто-коммерческой.

Стихотворенія Стефана Бородинца. Могилевъ-на-Днѣпрѣ, 1889 г.

Цѣна 50 к. Нерѣдко авторы, преимущественно стихотворцы, присылая свои книжки для отзыва, обращаются къ редакціи съ просьбами дать, вмѣстѣ съ отзывомъ, и совѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ, мы не можемъ дать имъ иного совѣта, какъ оставить пустое занятіе стихотворствомъ, отнимающее у нихъ и время, и деньги на изданіе никому ненужныхъ пустяковъ. Писать стихи дѣло не мудреное, для этого достаточно знать правила стихосложенія и быть знакомымъ съ хорошими образцами поэзіи. Но изъ этого, все-таки, ничего не выйдетъ: поэзіи нельзя научиться, начитаться или набраться. *Поэзія* есть даръ природный и весьма рѣдкій даръ,—настолько рѣдкій, что и у нѣкоторыхъ присяжныхъ нашихъ поэтовъ таковой вмаля обрѣтается. Надѣмся, что г. Бородинецъ не обидится нашимъ совѣтомъ—стиховъ не писать или, по крайней мѣрѣ, не печатать, если отъ писанья ему очень трудно воздержаться. Просимъ автора повѣрить намъ на слово, что его произведеніе:

„Лейтесь, мои слезы,
На перо и бумагу,—
Съ вами я родился
И въ могилу лягу.
Я въ слезахъ и горѣ
Плаваю, какъ въ морѣ...“

—совсѣмъ не стихи, равно какъ и его *Общій знакомый*:

„Искусственнымъ величіемъ,
Заученнымъ приличіемъ
Насъ не обманешь—
Мы знаемъ, что ложь“.

Это стихо-искаженіе кончается такими необыкновенными строками:

„Сухой и строгій,
Умомъ убогій;
И сердцемъ тоже;
Держать на рожѣ
Важность, какъ рожонъ—
Гони его вонъ“.

Неужели въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ не нашлось ни одного человѣка сказать г. Бородинцу, что такихъ „стихотвореній“ не только нельзя печатать, но и писать не слѣдуетъ?

Энеида, перелицованная на малороссійскій языкъ И. П. Котляревскимъ. Дешевая Библиотека. Изданіе А. С. Суворина. Спб. Цѣна 20 к., въ папкѣ—28 к. Необычайно забавное переложеніе *Энеиды* не только на малороссійскій языкъ, но и на малороссійскіе нравы давно уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Наше молодое поколѣніе знаетъ объ этой *Энеидѣ* по большей части только по наслышкѣ, да по нѣкоторымъ отрывкамъ, иногда припоминаемымъ стариками; о всей же полнотѣ неистощимаго юмора „перелицованія“ молодежь понятія не имѣетъ. А, между тѣмъ, въ этой полнотѣ и въ поразительной смѣхотворности каждой строфы и заключается достоинство произведенія Котляревскаго. Можеть ли, на самомъ дѣлѣ, быть что-нибудь забавнѣе встрѣчи Дидоною троянцевъ, вышедшихъ на берегъ. Она „такъ сказала имъ слова“:

„Видкиль такі се гольтамаки?
Чи рибу съ Дона везетѣ?
Чи, може, виходци бурмаки?
Куди, прочане, ви йдетѣ?
Якій насъ врагъ сюда направивъ?
И хто до города причаливъ?“

„Яка-жъ ватага роббишакъ!“
Троянцы вси замурились,
Дидоны нивько въ ноги пали.
А вставши, ий мовляли такъ:
„Мы вси, якъ бачъ, народъ хрещеній,
Волочимся безъ талану...“

На утро послѣ пира, заданнаго Энеем и его троянцамъ,

„Дидона рано ископмлась,
Пыла съ похмилля снривецъ;
А послѣ гарно нарадиллясь,
Якъ би въ оренду на танецъ...“
„... Эней, нѣтъ хмелю якъ проспався,
Извивъ солоный огирокъ;
Потимъ умився и убрався,
Якъ парубика до дивогъ...“

Пированіе Энея у Дидоны кончилось, какъ извѣстно, весьма трагически для гостеприимной царицы:

„Стоявъ въ Дидоны у загона
Съ кизяку складеній кривить...
... Его й держали на пидпаль.
Пидъ нимъ вона огонь кресала,
И въ мочкы гарно размахала
И развела пожаръ чималъ...“

Потомъ Дидона взошла на костеръ и—

„Пинюмъ отъ неи димъ и чадъ!
Энея такъ вона любила,
Що ажъ сама себя спалила,
Послала душу къ чорту въ адъ“.

Для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ малороссійскимъ языкомъ, нельзя указать болѣе классически-юмористическаго произведенія.

ФИЛОСОФІЯ И ПЕДАГОГІЯ.

„Труды московскаго психологическаго общества“. — „Пособіе по сохраненію здоровья и воспитанію“. А. Годнева.

Труды московскаго психологическаго общества. Выпускъ II. Москва, 1889 г. Цѣна 2 руб. Второй выпускъ *Трудовъ* московскаго психологическаго общества заключаетъ въ себѣ *Проломены ко всякой будущей метафизикѣ* Иммануила Канта, въ переводѣ г. В. Соловьева (имя переводчика служить достаточнымъ ручательствомъ за достоинство перевода), и *Критику Кантовской философіи*, въ переводѣ г. Иванцова. Нѣтъ надобности доказывать, что переводъ произведеній величайшихъ западно-европейскихъ мыслителей на нашъ языкъ составляетъ большую заслугу, и можно пожалѣть лишь о томъ, что *Проломены* кѣнигсбергскаго философа появляются у насъ такъ поздно. Для плодотворнаго движенія философской мысли въ русскомъ обществѣ необходимо основательное знакомство съ грандіозными метафизическими системами, на которыя потрачено такъ много ума и знанія. Несмотря на ложность метода и прозрачность многихъ изъ задачъ метафизики, въ ея попыткахъ міропониманія заключается не мало цѣннаго матеріала для правильной философской системы, и нельзя съ легкимъ сердцемъ выбрасывать за бортъ творенія гениальныхъ людей, самыя ошибки которыхъ бывали иной разъ плодотворны.

„Кантовское ученіе,—говоритъ Куно-Фишеръ,—оказываетъ господствующее вліяніе на послѣдующія системы, которыя описываютъ около него свои орбиты, какъ около двигательнаго центра, и изъ афелія снова стремятся въ перигелій. Настоящее время показываетъ, что въ наши дни нивагія философскія сочиненія не изучаются такъ ревностно въ смыслѣ источника *жизненной истины*, какъ произведенія Канта“. Такой преувеличенный отзывъ вполнѣ понятенъ у Куно-Фишера, какъ одного изъ наиболѣе крупныхъ въ современной Германіи философовъ-метафизиковъ; но, во всякомъ случаѣ, второй выпускъ *Трудовъ московскаго психологическаго общества* составляетъ, повторяемъ, весьма цѣнное приобрѣтеніе нашей философской литературы. Въ предисловіи къ этому выпуску профессоръ Гротъ заявляетъ о томъ, что съ 1 ноября будетъ выходить, какъ органъ *психологическаго общества*, новый журналъ, посвященный вопросамъ философіи и психологіи и открытый для мыслителей всѣхъ направленій. Искренне желаемъ успѣха этому изданію.

Пособіе по сохраненію здоровья и воспитанію. А. Годнева. Казань, 1889 г. Цѣна 75 к. Эта книжка составлена авторомъ „въ исполненіе школьнаго образованія“. Совершенно справедливо, что нашему образованію „недостаетъ многихъ полнѣйшихъ свѣдѣній по вопросамъ сохраненія здоровья и воспитанія“. Мы не думаемъ только, чтобы этому несомнѣнному горю помогли книжки, подобныя сочиненной г. Годневымъ. Авторъ сожалеетъ, что наша школа „не даетъ совсѣмъ свѣдѣній, необходимыхъ для успѣшной борьбы со спиртными напитками и табакомъ“,—какъ будто въ школѣ, низшей и средней, можно *прено-давать* такіе *предметы*. Г. Годневъ наполняетъ большую часть своего *пособія* элементарными свѣдѣніями о строеніи и жизни организма; но для серьезнаго ознакомленія съ человѣческимъ тѣломъ эти свѣдѣнія совершенно недостаточны. Совѣты и соображенія автора иногда поражаютъ своею наивною элементарностью. Такъ, г. Годневъ серьезно увѣряетъ, что „разговоръ теряетъ всякій смыслъ, когда говорятъ сразу двое или нѣсколько и когда въ порывѣ запальчивости и горячности каждый болѣе занятъ своими мнѣніями, чѣмъ слушаетъ другихъ“. Не мѣшало бы казанскому педагогу писать болѣе правильнымъ языкомъ и избѣгать такихъ, напримѣръ, оборотовъ въ своемъ *Пособіи*: „*Подобно ему, отдыхать нужно также каждый день*“ (стр. 101). Сомнѣваюсь, чтобы разглагольствованія г. Годнева *пополнили* чье-либо образованіе и сохранили чье-либо здоровье.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФІИ.

„Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка“. Н. Чечулина. — „Исторія государства Россійскаго“. Н. М. Карамзина. — „Вольтеръ“. Джона Морлея.

Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ. Н. Чечулина. Слб., 1889 г. Конечно,—говоритъ г. Чечулинъ въ началѣ своей книги,—никакъ нельзя возставать противъ стремленія объяснять что-либо историческимъ изученіемъ, а должно, напротивъ, признать положительную обязательность такого направленія; но нельзя не замѣтить, что при этомъ весьма легко впасть въ крайность, перейти законные предѣлы его приложенія, что мы нерѣдко дѣйствительно и видимъ: исследователи, коснувшись вопросовъ, недостаточно еще исследованныхъ, *обыкновенно* уклоняются отъ строгой

объективности и, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать и раскрыть тогдашнія своеобразныя условія и отыскивать связь и зависимость между ними и вліяніе извѣстных факторовъ; навязываютъ прошлому эту связь; вмѣсто того, чтобы объективно изучить тогдашнее отношеніе разныхъ факторовъ и признать ихъ самостоятельную жизнь, самостоятельными и своеобразными ихъ отношенія, отличными отъ обычныхъ для насъ теперь, въ нашихъ условіяхъ, изслѣдователи придаютъ силу только такимъ указаніямъ, которыя, при обычной намъ обстановкѣ, при условіяхъ *современныхъ*, а не тогдашнихъ, могутъ дать основаніе для того вывода, который видѣтъ *иногда* уже какъ ранѣе готовый у автора и для котораго только подыскиваетъ онъ объясненіе*.

Мы нарочно начали съ этой длинной цитаты, чтобы сразу познакомить читателя съ способомъ изложенія и мышленія г. Чечулина; переходимъ теперь къ самому сюжету книги.

Подъ авторами, которые „обыкновенно уклоняются отъ строгой объективности“ и „иногда“ подыскиваютъ объясненіе для готоваго вывода, г. Чечулинъ разумѣетъ гг. Незеленова, В. Семеновскаго, Дубровина и Гольцева. Указавъ на ихъ отрицательное отношеніе къ нравамъ XVIII в. и процитировавъ нѣсколько неодобрительныхъ выраженій ихъ по адресу XVIII в., онъ продолжаетъ: „Если бы мы повѣрили, что большинство, масса тогдашняго общества были таковы, какими ихъ рисуютъ указанные писатели, то не нашли бы въ своихъ предѣлахъ *ни одной положительной черты*, ничего, что могло бы дать хоть надежду на возможность улучшенія, движенія впередъ, не нашли бы ничего, изъ чего бы могло развиться что-либо хорошее, жизненное... и неужели государство можетъ существовать, если *все интеллигентное общество* живетъ лишь зваными обѣдами и волокитствомъ?“ etc. Мы почти готовы были бы считать этотъ выводъ изъ взглядовъ названныхъ писателей простою стилистическою неловкостью; но нѣтъ, авторъ настаиваетъ на немъ и возвращается къ нему; нескладный оборотъ здѣсь оная закрѣпляетъ у автора неясную и невѣрную связь мыслей: „Намъ кажется, и а priori ясно, — говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — что признаваніе въ русскомъ обществѣ XVIII в. *однихъ темныхъ*, отрицательныхъ сторонъ, отрицаніе въ немъ *всякаго движенія впередъ*, есть заблужденіе“. Неужели же думаетъ авторъ, что это а priori неясно и для критикуемыхъ имъ писателей? Раскрываемъ г. Гольцева (*Законод. и нравы*, стр. 123) и читаемъ: „Было бы, разумѣется, грубою ошибкой утверждать, что повсюду на Руси господствовали въ теченіе XVIII в. жестокость, лихоимство и развратъ, что добрые нравы и честные люди были исключеніями. Въ глубинѣ народныхъ массъ крѣпки были здоровые инстинкты, а въ рядахъ образованнаго меньшинства находилось не мало неподкупныхъ характеровъ и честныхъ дѣятелей“ etc. Раскрываемъ г. В. Семеновскаго (*Крестьяне при Екатеринѣ II*, стр. 214): „Конечно, личности, подобныя Салтычихѣ, Козловской, Карташеву и т. п., составляли меньшинство, но точно также не много было владѣльцевъ, не только проникнутыхъ гуманными воззрѣніями, но и примѣнявшихъ ихъ къ жизни. Большинство помѣщиковъ составляло середину между тѣми и другими“ etc.; что касается „интеллигентнаго общества“, объ этомъ пусть авторъ прочтетъ въ *Крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи*. Впрочемъ, и безъ дальнѣйшихъ цитатъ „а priori ясно“, что врядъ ли кто-нибудь могъ придти къ теоріи абсолютнаго отрицанія, изображаемой авторомъ.

Выдумавъ, такимъ образомъ, точку зрѣнія, которой никто никогда не держался въ дѣйствительности, г. Чечулинъ переходитъ затѣмъ къ

указанію *причины* ошибки: какъ и подобаетъ серьезному изслѣдователю, онъ находитъ ихъ въ *методъ* названныхъ писателей. Первая методическая ошибка ихъ, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, что для характеристики эпохи они берутъ исключительныя, яркія явленія, тогда какъ надѣе обратять вниманіе на „наиболѣе обычное“ и часто повторяющееся. Много можно было бы сказать по поводу этого требованія, которое г. Чечулинъ силится возвести въ теорію, но здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что всего страннѣе встрѣтить такую постановку вопроса у поклонника научной объективности; съ точки зрѣнія научнаго объективизма, всякое явленіе, яркое и блѣдное, уголовная хроника и будничная жизнь характеризуютъ эпоху и носятъ ея отпечатокъ: пусть Салтычиха—психонатка, какъ старается доказать авторъ; но отчего же психопатія въ тѣ времена принимала такія формы, а въ наше время—другія,—вотъ что долженъ объяснить историкъ. Не будемъ останавливаться на томъ, что въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Чечулину и „обычное“ того времени кажется черезъ-чуръ яркимъ, „рѣзкимъ“. Вторая методическая ошибка состоитъ въ недостаточной критикѣ источниковъ, именно въ употребленіи обличительной литературы XVIII в., какъ бытоописательнаго матеріала; и затѣмъ идетъ длинное разсужденіе о томъ, что въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, вслѣдствіе господства ложно-классическаго направленія, картины дѣйствительности чрезвычайно преувеличены „какъ въ ту (т.-е. отрицательную), такъ и въ другую (т.-е. хвалебную) сторону“. Можно усомниться въ томъ, что въ сатирической литературѣ, которая первая осмѣяла ложно-классицизмъ, господствовало ложно-классическое направленіе; но не будемъ спорить, что въ сатиру преобладаетъ шаржъ: кто же и гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ обмолвокъ г. Дубровина, пользовался литературными произведеніями, какъ совершенно равноцѣнными съ остальными источниками для исторіи быта? Любопытно, однако же, что, выставивши свое знамя исторической критики въ теоріи, авторъ очень скоро забываетъ о немъ на практикѣ. Хотя онъ и призналъ, что литература XVIII в. одинаково преувеличиваетъ какъ въ похвалѣ, такъ и въ отрицаніи (стр. 19), тѣмъ не менѣе, на слѣдующей страницѣ, мы узнаемъ, что „восторгъ передъ своимъ временемъ“, встрѣчающійся „чуть не въ всѣхъ издателяхъ тогдашнихъ журналовъ (и не могшій не встрѣчаться: вспомнимъ судьбу фонвизинскихъ вопросовъ „въ неулыбательномъ духѣ“), — есть восторгъ „искренній“ и „гордость своими успѣхами“ „сознательная“. И такъ, литература преувеличиваетъ только въ отрицаніи? Но еще черезъ двѣ страницы находимъ третій взглядъ: „Никто изъ тогдашнихъ журнальныхъ сатириковъ не относился къ своему времени вполнѣ отрицательно“ и „при правильномъ отношеніи къ нимъ мы получаемъ изображенія, весьма близкія къ тому, что намъ даютъ мемуары и записки современниковъ“.

Но пусть все будетъ такъ, какъ хочетъ авторъ; пусть „въ нашей исторической наукѣ примѣняется обыкновенно совершенно невѣрный методъ изученія исторіи общества“. Посмотримъ, какую новую исторію общества даетъ намъ авторъ съ своимъ „методомъ“.

Къ удивленію, оказывается, что картина автора (не его комментарій) совершенно совпадаетъ съ картиной, рисуемой „обыкновенно“ другими историками. Прежде всего, авторъ уступаетъ своимъ противникамъ *столичную* жизнь на протяженіи всего столѣтія. Въ столицѣ, дѣйствительно, оказывается, и семейная жизнь упала, и развратъ господствуетъ etc. (стр. 25, 92). А, между тѣмъ, писатели, упоминаемые г. Чечулинымъ,

въ значительной степени и относить 'свои характеристики именно къ столичной жизни. Затѣмъ, въ жизни провинціального дворянства авторъ выдѣляетъ всю первую половину XVIII в., какъ время грубости, дикости и совершеннаго отсутствія цивилизаціи, когда дворяне жили почти какъ крестьяне (стр. 95), не имѣли „почти никакихъ умственныхъ интересовъ“ (стр. 34), большею частью ссорились другъ съ другомъ (стр. 32), не умѣли веселиться безъ „непристойностей“ (стр. 33—34); воеводы, происходившіе „изъ мелкихъ дворянъ“, „не пользовались уваженіемъ собратій“; „приказные долгое время были всѣми презираемы за свою алчность, недобросовѣстность и грубость“ (стр. 29); священники были еле грамотны (стр. 38); невѣсты не выдали жениховъ до свадьбы и выходили замужъ часто въ дѣтскомъ возрастѣ; „но я не выдали ни разу упоминанія о выдачѣ замужъ противъ воли“, — наивно прибавляетъ авторъ (стр. 43); „воспитаніе представляло картину часто чрезвычайно печальную“ (стр. 47) и приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы, etc. Какъ видимъ, факты все тѣ же; особенность автора выражается только въ комментаріи. Вотъ обращеніе этого комментарія. Авторъ говоритъ, что женщинъ любознательныхъ почти не было; напротивъ, были „сварливыя, мелочныя, любившія все пересушивать“ etc. Затѣмъ онъ принимается смягчать эту картину. „Но эти недостатки болѣе или менѣе всегда свойственны женщинамъ“, — говоритъ онъ и затѣмъ, какъ бы чувствуя слабость подобнаго аргумента, на всякій случай еще прибавляетъ: „но было бы, впрочемъ, совершенно невѣрно представлять себѣ *всѣхъ* тогдашнихъ женщинъ такими“. Другой примѣръ: воспитаніе было несомнѣнно дурно, „но, при всемъ томъ, мы можемъ положительно утверждать, что встрѣчалось не мало домовъ etc.“, и затѣмъ примѣръ Новикова, „хотя бы единственный“ (!), который... съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ о родителяхъ. А вотъ примѣръ, какъ авторъ „подъискиваетъ объясненіе для заранѣе готоваго вывода“. Замѣчая, что черезъ весь XVIII в. проходитъ взглядъ на службу, выраженный въ практическомъ правилѣ: „ни на что на службѣ не набиваться и ни отъ чего не отбиваться“, онъ толкуетъ: „приведенныя слова указываютъ, насколько въ тогдашнемъ русскомъ дворянствѣ распространено было, съ одной стороны, сознаніе обязанности дворянина служить своему отечеству, а съ другой — чувство благородной гордости, запрещающее какія бы то ни было въ этомъ дѣлѣ заботы о своихъ личныхъ выгодахъ и удобствахъ“ (стр. 36). Съ помощью такого „метода“ можно доказать все, что угодно.

Общій выводъ автора о провинціальномъ обществѣ первой половины XVIII в. слѣдующій: „грубость жизни несомнѣнна, но эта грубость есть отсутствіе всякой цивилизаціи, а не развращенность, не испорченность“. Подумаешь, что мы въ Тацеговской Германіи.

Но вотъ во второй половинѣ вѣка происходитъ переломъ въ жизни провинціи: въ связи съ указомъ о вольности дворянства и екатерининскими преобразованиями дворяне переселяются изъ столицы въ провинцію... и вмѣстѣ съ цивилизаціей приносятъ въ провинцію столичную извращенность и испорченность. Г. Чечулинъ изображаетъ этотъ результатъ столичнаго вліянія совершенно согласно съ своими противниками. „Изъ столицы вообще, — говоритъ онъ, — къ концу вѣка начала распространяться нравственная порча“ (стр. 82, 92); и затѣмъ онъ детально развиваетъ симптомы этой порчи. „Мы видимъ, что многое хорошее, въ сущности, и хорошо начавшееся... обращается во вредъ. Такъ... улучшение дома... быстро переходитъ въ роскошь, игра въ карты, на которую смотрѣли сначала какъ на лучшее средство противъ

праздности въ минуты отдыха, какъ на полезную и пріятную умственную гимнастику, сближающую общество, дающую поводъ къ легкой, занимательной бесѣдѣ, обращается въ страсть; сближеніе общества, начало свѣтскости, распространеніе вѣжливости, переходить въ пустоту жизни, въ преобладаніе одной вѣжности; стремленіе къ образованію... и изученіе иностранныхъ языковъ, какъ средство достигнуть этого образованія, обращается въ стремленіе... нахватать побольше вершковъ; путешествія... приносятъ только вредъ; наконецъ, пробужденіе умственной дѣятельности... выразившееся въ стремленіи писать, сочинять, обращается въ смѣшную страсть сгикокропательства; и такъ до смѣшного и вреднаго доведено было все хорошее, проявившееся сначала". И такъ, въ первой половинѣ вѣка провинціальное общество характеризуется отсутствіемъ всякой цивилизаціи, а во второй половинѣ среди него распространяется нравственная порча: гдѣ же обшчанное г. Чечулинъ распространяется нравственная порча: гдѣ же обшчанное г. Чечулинъ историкъ? Въ виду этой Сциллы и Харибды, авторъ отводитъ себѣ въ *серединѣ* вѣка маленькій оазисъ „между 60-ми и 70-ми годами“ и туда водворяетъ свой призракъ золотого вѣка въ провинціи. Мы ждемъ, наконецъ, на этомъ пунктѣ самостоятельнаго изслѣдованія и оригинальныхъ результатовъ; но вотъ что говоритъ намъ г. Чечулинъ: „мы не будемъ подробно описывать здѣсь бытъ въ эту эпоху (начало Екатерининскаго царствованія), потому что обшчій фонъ ея былъ еще старѣй, потому что много было еще въ немъ того, о чемъ говорено было выше,—постараемся только отмѣтить, главнымъ образомъ, то направленіе, которое стала принимать общественная жизнь, указать лишь въ общихъ чертахъ начало движенія и путь, которымъ оно пошло; послѣднія, болѣе ясныя и отличныя отъ прежнихъ формы быта, въ которымъ пришла общественная жизнь въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, будутъ описаны далѣе“ (стр. 58). Какъ и слѣдовало ожидать, г. Чечулинъ не довелъ читателя до обштованной земли, да и не могъ этого сдѣлать, потому что *обшчій фонъ жизни въ выдѣленномъ десятилѣтіи былъ еще старѣй*. Въ чемъ же преимущественное значеніе этого десятилѣтія? По мысли автора, въ томъ, что „все хорошее проявилось вначалѣ“, а потомъ испортилось въ значительной степени. Но чѣмъ доказывается такая преемственность вліянія столицы, сперва хорошаго, потомъ дурнаго? Ровно ничѣмъ, кромѣ повторенія той же мысли при отдѣльныхъ случаяхъ. Мы видѣли выше, что даже на карточную игру „сначала“ авторъ смотритъ сочувственно; но гдѣ доказательства, что такъ смотрѣли въ 60-хъ—70-хъ годахъ въ провинціальномъ обществѣ? Онъ приводитъ въ ссылкѣ два мѣста: одно изъ журнала 1873 года *Свободныя часы*; но мы знаемъ отъ автора, что это „методъ“ невѣрный — пользоваться литературой, какъ бытоописательнымъ матеріаломъ; а, кромѣ того, отъ него же знаемъ, что „литература того времени называется дидактическою“ и вѣчно морализируетъ. Вторая ссылка еще рискованнѣе и еще дидактичнѣе: это разъясненіе хорошей стороны карточной игры Порошинымъ своему воспитаннику, цесаревичу Павлу Петровичу. Мы уже не спрашиваемъ автора, какое отношеніе то и другое имѣетъ къ провинціи и провинціальному обществу. Повидимому, авторъ самъ чувствуетъ, что не побѣдилъ трудности бытописанія *провинціальнаго* нравовъ, и въ послѣдней главѣ прямо отмазывается отъ взятой на себя реди провинціального историка: „въ тѣхъ самыхъ общихъ чертахъ, въ которыхъ въ настоящее время (авторъ вообще слишкомъ часто оправдывается этимъ „настоящимъ временемъ“) только и возможна характеристика тогдашняго

общества со стороны его умственного и нравственного развитія, нельзя указать сколько-нибудь значительнаго различія между *средой* провинціальной и столичной; поэтому я попытаться представить лишь общую характеристику русской *интеллигенции* конца XVIII вѣка.

До сихъ поръ мы не видѣли никакого существеннаго различія между изображеніемъ дѣла у автора и у непріятныхъ ему историковъ. Даже и выводъ, что „въ общемъ, въ суммѣ перемены произошла, все-таки, къ лучшему“ (стр. 94), вовсе не чуждъ этимъ историкамъ и трудно ожидать, что кто-нибудь будетъ противъ него спорить. Но тутъ является на выручку идея „органичности“ и „постоянности“ развитія. По мнѣнію г. Чечулина, при изображеніяхъ прежнихъ историковъ, оставалось непонятнымъ, какъ могло общество въ какія-нибудь столѣтія сдѣлать „огромный“ шагъ отъ полускотскаго состоянія къ современному; онъ теперь объяснилъ намъ, какъ могло это случиться; правда, и „а priori необходимо признавать въ немъ (этомъ обществѣ) прогрессъ“; но г. Чечулинъ опредѣлилъ фазисы этого прогресса: именно, въ средній вѣка показавъ намъ „общество еще очень грубое, мало развитое“, а въ концѣ „мы оставили въ провинціи общество уже значительно развитое...“, „которому до состоянія современнаго намъ остается шагъ уже небольшой“; такимъ образомъ, „огромный“ шагъ впередъ передвигается на 60-е годы: „все то новое, что мы замѣтили въ обществѣ, появилось въ первый двадцать лѣтъ Екатерининскаго царствованія“ (стр. 88); „въ теченіе немногихъ сравнительно лѣтъ въ провинціи создается образованное, развитое общество; оно быстро идетъ къ тому, что мы видимъ вокругъ себя“ (стр. 78). И такъ, прогрессъ русскаго общества сталъ понятнѣе, потому что пріуроченъ, вмѣсто дѣлаго столѣтія, къ одному десятилѣтію? Интересный выводъ, хотя врядъ ли предусмотрѣнный авторомъ. Но еще интереснѣе становится, когда онъ, перемѣстивъ свой „огромный“ шагъ на 60-е годы, вспоминаетъ, что для историка все должно вытекать изъ предъидущаго, и принимаетъ ся мирить старое съ новымъ. „Совершившіяся измѣненія, — говоритъ онъ, — были совершенно естественны; это было *развитіе* (курсивъ въ текстѣ), улучшение старой жизни, а не нѣчто постороннее, не нѣчто вполне новое; никакого разрыва съ предшествующею эпохой мы не видимъ ни изъ какихъ источниковъ; напротивъ, если общество заключало въ себѣ много новаго, то оно носило въ себѣ еще не мало и явныхъ остатковъ старины“. Но этимъ авторъ, все-таки, недоволенъ: если новое и не „вполнѣ новое“, то все же тутъ выходить, что оно — противуположность старому; и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „мы видимъ движеніе впередъ, но, именно, какъ вполне естественное, органическое развитіе, а не какъ *распространеніе новыхъ началъ, отрицаніи прежнихъ понятій*“. Теперь, кажется, совсѣмъ хорошо: новое не есть новое, а старое; но, увы, въ концѣ опять прорывается утвержденіе, что „новой идеѣ, новому взгляду“ „приходится бороться со множествомъ привычекъ, установившихся подъ прежнимъ вліаніемъ обстоятельствъ“, да еще говорится, что это „въ наше время всѣ знаютъ“. Мы ужъ совсѣмъ перестаемъ понимать, какъ же совершается, по мнѣнію автора, органическое развитіе, и что такое въ его изображеніи фактовъ „новаго“, что опровергало бы „старое“, сказанное опровергаемыми имъ историками. Мы видимъ только, что автору никакъ не совладать съ присвоенными имъ атрибутами солиднаго историка, которыми онъ величается, какъ ребенокъ, надѣвший отцовскій костюмъ; всѣ эти страшныя орудія „исторической критики“, „органическаго разви-

тія“, „историческаго объективизма“ въ его рукахъ обращаются въ условныя требованія школьной схоластики историческаго изслѣдованія, загоразживающія отъ него историческую дѣйствительность. И эта схоластичность его школьнаго упражненія есть единственное въ данномъ случаѣ смягчающее обстоятельство, потому что, если отбросить всѣ эти несладкія теоретическія разсужденія, что останется въ его полемикѣ съ предшественниками? Какое-то неясное, но несомнѣнно враждебное къ нимъ чувство, которое заставляеть его въ отпоръ *обвиненіямъ* нашихъ предковъ заниматься всѣми правдами и неправдами ихъ *оправданіемъ* и даже *восхопленіемъ*: авторъ безсознательно стоитъ на той же самой почвѣ съ своими противниками, которые стоятъ на ней сознательно; только онъ даетъ выраженіе чувствамъ противоположной партіи, — той партіи, которая можетъ, не краснѣя, повторить слова автора, сказанныя имъ въ оправданіе равнодушія людей XVIII вѣка къ крестьянскому вопросу: „мы уживаемся не только довольно спокойно, но и просто совершенно спокойно съ рѣзкими неравенствомъ въ распредѣленіи экономическаго благосостоянія“; какъ предки, не всѣ, разумѣется, спокойно уживались съ крѣпостнымъ правомъ. Конечно, авторъ слишкомъ далекъ отъ дѣйствительности, отъ реальной почвы, чтобы мы могли считать его самого человѣкомъ партіи; мы скорѣе готовы допустить, что онъ, какъ тѣ предки, которыхъ онъ беретъ подъ свою защиту, „живетъ, такъ сказать, *отъ сознания*“ (курсивъ подлинника) современности и не вѣдаетъ что творить. Мы только наставляемъ на томъ, что и относительно той теоріи, которую онъ взялся защищать, онъ также находится „въ *сознаніи*“. Чтобы выяснить то и другое, намъ и пришлось сдѣлать этотъ разборъ обстоятельнѣе, чѣмъ заслуживаетъ сама по себѣ книга г. Чечулина.

Исторія государства Россійскаго. Н. М. Карамзина. Томы I—VI. Дешевая Библіотека. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна каждому тому 20 коп., въ папкѣ—28 коп. Дешевое изданіе *Русской исторіи*, по цѣнѣ доступной для бѣднаго деревенскаго люда, давно желательно, а *Исторія государства Россійскаго* Н. М. Карамзина есть до сихъ поръ самая доступная для пониманія грамотнѣвъ, прошедшихъ только первоначальную школу или обучившихся читать, по-стариннѣ, у дьячковъ, отставныхъ солдатъ и черничекъ. Ея нѣсколько торжественный тонъ и мѣстами напыщенный языкъ долженъ придтись по вкусу большинству такого рода читателей. А потому мы могли бы только приветствовать дешевое изданіе знаменитаго произведенія нашего историографа, если бы *Дешевая Библіотека* А. С. Суворина была на самомъ дѣлѣ дешевымъ изданіемъ. Къ сожалѣнію, именно дешевизною-то и не отличаются книжки г. Суворина. Мы не станемъ сравнивать ихъ цѣны съ цѣнами нѣмецкихъ изданій, дѣйствительно дешевыхъ и доступныхъ для самыхъ бѣдныхъ людей; но сравнимъ только съ петербургскимъ изданіемъ *Сочиненій* Адама Мицкевича на польскомъ языкѣ, которыя продаются по 90 к., или съ *Сочиненіями* А. С. Пушкина, выпущенными тѣмъ же г. Суворинымъ и другими въ продажу по 1 руб. 50 коп. и дешевле за 10 томовъ. Вначалѣ, по непривычѣ русской публики имѣть дешевыя книги, такая цѣна *Сочиненій* Пушкина показалась удивительною и многія изданія ихъ раскуплены на-расхватъ. Оказалось, что издатели остались въ большихъ барышахъ. Расчетъ тутъ очень простой: листъ такого изданія, какъ *Дешевая Библіотека*, обходится менѣе 1 коп., а чѣмъ больше количество печатаемыхъ экземпляровъ, тѣмъ еще дешевле обходится изданіе, и цѣна его можетъ быть

доведена до 8 и 7½ коп. за десять листовъ. Въ шести вышедшихъ томахъ *Исторіи* Карамзина меньше шестидесяти листовъ, а потому, при самомъ дорогомъ расчетѣ, ихъ изданіе должно стоять издателю отъ 48 до 60 коп. за шесть томовъ; продаются же они по 1 р. 20 коп., т.-е., по меньшей мѣрѣ, вдвое дороже. Въ „дешевыхъ“ изданіяхъ каждая лишняя копейка должна быть на счету такъ же точно, какъ она на счету у покупателей этихъ изданій; а для сихъ послѣднихъ огромную разницу составила бы сбавка цѣны на каждый томикъ *Исторіи* въ 8 или даже въ 5 коп.,—это удешевило бы полное двѣнадцатитомное сочиненіе Карамзина на 96 коп., или на 60 коп., и сдѣлало бы его, дѣйствительно, общедоступнымъ. Намъ остается пожелать, чтобы кто-нибудь изъ издателей дешевыхъ книгъ нашелъ возможнымъ и на *Исторію государства Россійскаго* сбавить цѣну до послѣдней степени дешевизны.

Вольтеръ. Джона Морлея. Переводъ съ четвертаго англійскаго изданія, подъ редакціей проф. Кирпичникова. Москва, 1889 г. Цѣна 2 р. (съ пересылкой 2 р. 30 к.). Изданіе Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Книга Морлея принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, переводъ которыхъ на русскій языкъ особенно желателенъ. Сила и тонкость мысли соединяются у Морлея съ большою начитанностью и даромъ блестящаго изложенія.

„Когда истинное пониманіе исторической законсообразности,—говорить этотъ мыслитель и государственный человѣкъ (въ Англии не рѣдко такое сочетаніе),—будетъ полнѣе развито въ умахъ людей, именемъ Вольтера будетъ названа эпоха его времени, и это названіе будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣютъ возрожденіе наукъ или реформація, которыми опредѣляются великія и многознаменательныя движенія въ Европѣ“. Вольтеръ пробудилъ въ современномъ ему поколѣніи сознаніе силы и правъ человѣческаго разума. Онъ съ пламеннымъ одушевленіемъ и поразительною настойчивостью боролся во имя справедливости и гуманности противъ католической церкви и государства стараго порядка.

Сравнивая Вольтера и Руссо, Морлей находитъ, что первый былъ болѣе правъ, отличался болѣею проинципальностью, чѣмъ знаменитый авторъ *Общественнаго договора*. Смѣлость мысли Вольтера равнялась смѣлости его дѣйствій. „Всего хуже,—сказалъ онъ однажды,—въ такъ называемыхъ порядочныхъ людяхъ, это то, что они трусы: человѣкъ стонетъ подъ бременемъ несправедливости, а они покорно молчатъ, сѣдаютъ свой обычный обѣдъ и забываютъ о несправедливости“. Неустанная защита Вольтеромъ правъ человѣка и его страстное гуманное чувство вызываютъ слѣдующее замѣчаніе Морлея: „человѣколюбіе дѣятельное, живое, постоянно находящееся во всеоружіи своихъ силъ, никогда не дремлющее и неутомимое, ищущее повсюду, подобно древнимъ героямъ, страшныхъ чудовищъ, чтобы нанести имъ смертельный ударъ, такое человѣколюбіе—самая рѣдкая изъ добродѣтелей, и Вольтеръ былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ ея представителей“.

Въ серіи книгъ, уже изданныхъ Товариществомъ И. Н. Кушнеревъ и К°, вообще отличающихся хорошимъ выборомъ, книга Морлея занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ. Именно такихъ произведеній намъ и надо всего больше въ настоящее время. Они вносятъ оживленіе въ наше общественное самосознаніе. Они заключаютъ въ себѣ идеи и факты, знакомство съ которыми необходимо для cadaго образованнаго человѣка.

Переводъ исполненъ удовлетворительно. Издана книга отлично.

ГЕОГРАФІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

„Жизнь европейскихъ народовъ“. Е. Н. Водовозовой.—Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, этнографіи и антропологій.—„Księga przysłów, przypowieści wyrażen przystawionych polskich“. Adalberg'a.

Жизнь европейскихъ народовъ. Е. Н. Водовозовой. Томъ I. Жители юга. Томъ II. Жители сѣвера. Спб., 1888—1889 г. Каждый томъ 3 р. 75 к. Первый томъ почтеннаго труда г-жи Водовозовой выходитъ уже четвертымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ; второй—третьимъ. Оба тома украшены соответствующими рисунками художниковъ Васнецова и Панова. Составительница пользовалась лучшими пособиями для изображенія нравовъ и общественной жизни европейскихъ народовъ. Въ ея книгѣ сгруппированы историческія данныя, поскольку они необходимы для уразумѣнія современнаго состоянія Европы. Достаточное мѣсто отведено и описанію природы въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она играетъ выдающуюся роль, гдѣ ея вліяніе чувствуется на каждомъ шагѣ. Г-жа Водовозова отвела много мѣста славянскимъ землямъ, и этому нельзя не выразить особеннаго сочувствія. У насъ много болтаютъ о славянахъ, восхваляютъ или порицаютъ, но по большей части безъ достаточныхъ основаній и при скудномъ запасѣ свѣдѣній. Очень хорошъ и безпристрастенъ очеркъ, отведенный Болгаріи. Много страницъ въ трудѣ г-жи Водовозовой занято описаніемъ земледѣльческихъ классовъ и фабричной промышленности. Оба тома нельзя не рекомендовать, какъ доступное по цѣнѣ и по изложенію, хорошо составленное описаніе тѣхъ странъ и народовъ, безъ знакомства съ которыми нельзя быть образованнымъ человекомъ. Въ первомъ томѣ изображена жизнь въ Европейской Турціи, Албаніи, Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Румыніи, Греціи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Португаліи и Франціи; во второмъ—въ Великобританіи, Голландіи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. Можно иной разъ упрекнуть г-жу Водовозову за смѣлость и рѣшительность приговоровъ. По нашему мнѣнію, нельзя, напримѣръ, такъ выразиться о французскомъ народѣ: „Французскій народъ въ высшей степени талантливый и умный, но излишнее пристрастіе къ вѣщности не даетъ ему возможности углубиться (куда?) и всесторонне, серьезно обсуждать свои слова и поступки“. Намъ кажется, кромѣ того, что почтенный авторъ отвелъ слишкомъ много мѣста, морализируя, описанію пошлыхъ тайнъ дамскаго туалета. Это все мелочи, и оба тома *Жизни европейскихъ народовъ* даютъ много полезныхъ знаній и проникнуты честными мыслями.

Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи. Т. LXI. Труды этнографическаго отдѣла. Кн. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I. Москва, 1889 г. (Подъ редакціей Н. Н. Харузина). 3+II+149+28+6 (ноты). Этотъ томъ *Трудовъ этнографическаго отдѣла* посвященъ, главнымъ образомъ, русскому обычному праву. Статьи: г. Богаевского (*Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Саранульскаго у., Вятской губ.*), г. Кандинскаго (*О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ.*), г. Паппе (*О доказательствѣхъ на волостномъ судѣ*) и г. Астрова (*Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго у., Тамбовской губ.*) излагаютъ, главнымъ образомъ, результаты командировокъ авторовъ обществомъ любителей естествознанія, антро-

положеніи и этнографіи. Въ приложеніи напечатано 46 рѣшеній волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда. Русское обычное право такъ еще мало изучено и характерныя черты его такъ быстро сглаживаются „городскою культурою“, что всякій новый владѣ въ эту область является дѣломъ, заслуживающимъ большую благодарность *безкорыстнымъ* изслѣдователямъ.

Этими статьями не исчерпывается содержаніе *Сборника*. Статьи гг. Янчука и Харузина посвящены общей характеристикѣ быта крестьянъ Минской и Олонедкой губерній (Пудожскаго у.); г. Звонковъ напечаталъ изслѣдованіе о *Современномъ бракѣ и свадьбѣ среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго у.*, г. А. Кельсіевъ—*Петербургскія бабаганныя прибаутки*, записанныя В. И. Кельсіевымъ, г. Тихоновъ—*Описание дѣтскихъ ширшекъ и шръ въ селѣ Мазушинѣ, Сарапульскаго у., Вятской губ.*, и г. Аршиновъ—*О народномъ леченіи въ Казанскомъ уездѣ*.

Большинство сотрудниковъ этого *Сборника* — изслѣдователи молодые, начинающіе; грѣшно было бы поэтому ставить имъ въ упрекъ нѣкоторыя шероховатости стили, недостатки въ подборѣ матеріала, отсутствіе попытокъ анализировать и всесторонне освѣтить собранныя данныя; это за нихъ сдѣлаютъ другіе, болѣе подготовленные изслѣдователи, которые скажутъ большое спасибо молодымъ собирателямъ, безкорыстно посвятившимъ себя трудному и мало благодарному дѣлу собиранія отдѣльныхъ чертъ „отходящей въ тѣму прошлаго“ жизни.

Къ *Сборнику* приложены портретъ и некрологъ недавно умершаго бывшаго секретаря этнографическаго отдѣла М. Н. Харузина, написанный В. О. Миллеромъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на сообщенную г. Деруновымъ дуалистическую космогоническую легенду, записанную въ Попехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. До послѣдняго времени дуалистическія легенды такого типа связывали съ гностическимъ теченіемъ черезъ Византію въ южную Европу (катыры и т. д.) и Болгарію (богомилы); записанная въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Европейской и Азіатской Россіи версія, болѣе близкое знакомство съ инородческими религіями даютъ возможность предполагать и другія, болѣе вѣднія теченія и воздѣйствія (изъ Ирана—гнѣзда дуалистическихъ вѣрованій—черезъ Сибирь), въ которыхъ большую роль сыграли инородцы. По этому вопросу скоро должно выйти обстоятельное изслѣдованіе академика А. Н. Веселовскаго, отъ колоссальной эрудиціи и мастерскаго анализа котораго можно ожидать полнаго и всесторонняго выясненія вопроса.

Księga przysłów, przypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich. Adalberg'a. Warszawa, 1889. 16. Odbitka próbna. Г. Адальбергъ задумалъ свой сборникъ *Присловій, поговорокъ и пословицъ* въ выраженіи на широкую ногу: въ него должны войти какъ народныя матеріалы, такъ и искусственныя разныхъ вѣковъ. Трудъ этотъ, который долженъ поглотить въ себя всѣ предъидущіе (Войницкаго, Колоберга и т. д.), еще не изданъ: разославъ пока еще пробный листъ съ тѣмъ, чтобы лица, получившія его, сообщили свои замѣчанія. Считаемо не лишнимъ сдѣлать это и въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ *Русской Мысли*.

Главный недостатокъ, замѣтный въ пробномъ листѣ (А—В),—отсутствіе сравнительныхъ примѣчаній, которыя даютъ матеріалъ для вопроса не только о степени распространенности пословицы, но и объ ея *самобытности*. На 1 стр., наприм., помѣщено двусторонне:

Gdy pierwszy Adam z Ewą giłne kopał,
Proszę, kto komu naopcszas chłopa!

Г. Адальбергъ приводитъ далѣе латинскій, польскій и нѣмецкій варианты изъ *Диалоговъ* Корчевскаго (1553 г.), который почему-то не довольствовался приведеніемъ этого стихотворенія на одномъ языкѣ. Это демократическое стихотвореніе въ средніе вѣка циркулировало по всей Европѣ: на него, напримѣръ, можно натолкнуться во многихъ англійскихъ и нѣмецкихъ хроникахъ; конечно, очень важно въ такомъ случаѣ указать на иноземное происхожденіе и, если возможно, первообразъ.

Затѣмъ, не указана степень распространенности народныхъ пословицъ въ самой Польшѣ, что сдѣлано, напримѣръ, г. Номисомъ въ его замѣчательномъ сборникѣ малорусскихъ пословицъ: у него при каждой почти пословицѣ сокращенно указаны губ. и уѣзды, гдѣ она циркулируетъ.

Самъ алфавитный порядокъ, которому думаетъ слѣдовать г. Адальбергъ, имѣетъ много своихъ неудобствъ: для того, чтобы подыскать пословицы, относящіяся къ опредѣленному жизненному явленію, приходится рыться по всей книгѣ; начальныя слова пословицъ очень часто варьируются, одна и та же мысль выражается часто въ различныхъ образахъ: если располагать пословицы въ алфавитномъ порядкѣ, то невозможно избѣжать того, чтобы однородныя по смыслу пословицы не разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Кромѣ того, далеко не всегда можно найти въ пословицѣ опредѣленное слово, подъ которымъ удобнѣе всего было бы помѣстить ее въ словарь: приходится нѣсколько разъ печатать одно и то же, подъ разными словами. Приведенное выше стихотвореніе помѣщено, напримѣръ, подъ словомъ: „Adam“, но съ такимъ же правомъ его можно помѣстить подъ словомъ: „Ewa“ и еще съ большимъ подъ словомъ: „chłop“. По нашему мнѣнію, наиболѣе удобенъ порядокъ, принятый г. Номисомъ: у него пословицы расположены по содержанію (напримѣръ, религія—Богъ, ангелы и т. д.). Легко можно выработать общую предметную схему и приурочить къ ней пословицы: повтореній и въ этомъ случаѣ нельзя избѣжать, но ихъ будетъ меньше.

Въ заключеніе пожелаемъ этому капитальному и интересному въ научномъ отношеніи предпріятію полного успѣха.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Die englische Fabrikinspektion“ von Otto Weyer.—„Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губ.“.—„Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи“.

Die englische Fabrikinspektion, ein Beitrag zur Geschichte der Fabrikgesetzgebung in England, von Otto Weyer. 1888. Книга Вейера представляетъ прекрасное руководство для ознакомленія съ исторіей фабричнаго законодательства и фабричной инспекціи въ Англии. Пользуясь исключительно первоначальными источниками, авторъ ставитъ себѣ цѣлью дополнить существующія работы по исторіи англійскаго фабричнаго законодательства, разъяснить вліяніе его на чистый доходъ промышленности и силу конкуренціи на всемірномъ рынкѣ и, наконецъ, выяснитъ, насколько фабричное законодательство можетъ служить цѣлебнымъ средствомъ противъ экономическихъ бѣдствій современнаго общества. Главный и существенный интересъ книги заключается въ обстоятельномъ выполненіи первой изъ указанныхъ трехъ задачъ. Начи-

ная съ перваго фабричнаго закона, изданнаго въ 1802 г., Вейеръ подробно излагаетъ содержаніе, объясняетъ мотивы и значеніе всѣхъ законодательныхъ мѣръ, принятыхъ въ Англии въ цѣляхъ регламентаціи фабричнаго труда вплоть до кодификаціоннаго закона 1878 г. и добавочнаго акта 1883 г. Параллельно съ изложеніемъ законовъ, улучшавшихъ условія работы на фабрикахъ и заводахъ, авторъ изображаетъ историческое развитіе фабричной инспекціи и той политики, которой держались фабричные инспекторы въ проведеніи на практикѣ мѣропріятій парламента. Эта часть работы Вейера имѣетъ наибольшую цѣну какъ по сравнительной новизнѣ тѣхъ данныхъ, которыя сообщаются изслѣдователемъ, такъ и по важному значенію, которое имѣетъ изученіе практики, выработанной долготѣннымъ опытомъ англійскихъ инспекторовъ. Многіе изслѣдователи посвящали свои силы разработкѣ матеріала о бытѣ рабочихъ, собраннаго парламентскими коммиссіями 30-хъ и 40-хъ годовъ; извѣстны также болѣе или менѣе подробно главные моменты развитія фабричныхъ законовъ въ Англии; но гораздо менѣе распространены обстоятельныя свѣдѣнія о той важной роли, которую играли фабричные инспекторы въ успѣхѣ англійскаго фабричнаго законодательства. Между тѣмъ, эта сторона вопроса представляетъ высокій научный и практическій интересъ и служитъ замѣчательнымъ примѣромъ того благотѣльнаго дѣйствія, которое можетъ оказать на прогрессъ и благосостояніе народа соединеніе въ агентствахъ общественной власти высокой гуманности, сознанія гражданскаго долга и твердой воли.

Вотъ какъ изображаетъ Вейеръ условія, при которыхъ начала свои дѣйствія англійская инспекція: „Выдающіеся и признанные мыслители того времени, и между ними главные представители политической экономіи, влеймили ихъ работу, какъ отступленіе отъ пріобрѣтеннаго съ трудомъ достоинства просвѣщенныхъ идей. Огромная масса фабрикантовъ была озлоблена противъ закона, конечно, во многомъ несовершеннаго. Въ сторонникахъ „10-ти часоваго“ движенія и первоначально также въ ихъ дальновидныхъ вождяхъ законъ равнымъ образомъ не возбуждалъ сочувствія; они хорошо знали, что правительство имѣло въ виду при его помощи подорвать цѣли ихъ движенія, и поэтому именно настаивали на томъ, чтобы законъ былъ примѣняемъ, по крайней мѣрѣ, съ желѣзною строгостью. Между тѣмъ, правительство, находясь въ зависимости отъ промышленнаго капитала, оказывало очень ощутительное давленіе на фабричныхъ инспекторовъ, съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали угоднымъ для фабрикантовъ образомъ и даже нечестно исполняли свои обязанности. Въ концѣ-концовъ, существовало только небольшое число предпринимателей - филантроповъ, которые, сознавая свое безсиліе при „свободномъ соперничествѣ“ сдѣлать что-нибудь существенное для улучшенія быта своихъ рабочихъ, радостно привѣтствовали фабричную инспекцію. Къ этой всеобщей враждебности присоединялось еще то, что дѣятельность инспекторовъ встрѣчала препятствія въ неясно сформулированномъ и плохо регулированномъ характерѣ ихъ обязанностей. И, тѣмъ не менѣе, эта государственная инспекція, подвергавшаяся многочисленнымъ нападкамъ, неопытная и слабая, дала закону 1833 г. его сѣмъ иного рода значеніе на практикѣ, чѣмъ какимъ пользовались его незначительные предшественники“. Съ теченіемъ времени фабричные инспекторы успѣли совершенно измѣнить это положеніе. „Строго заботясь о томъ, чтобы не препятствовать развитію силъ капитала, не обращая вниманія на похвалы и нападки, они боролись за

усиленіе законодательной защиты фабричнаго населенія. Ихъ слова пріобрѣтали значеніе и скоро ихъ авторитетъ въ соціально-политическихъ вопросахъ превзошелъ и перевѣсилъ авторитетъ предпринимателей и экономическихъ доктринеровъ школы *laissez-faire*“. Противодѣйствіе постепенно ослабѣвало и „инспекція сьумѣла сдѣлать настолько популярнымъ фабричное законодательство, охватывавшее первоначально только фабрики, обрабатывавшія волокнистыя вещества, что съ рѣдкимъ единодушіемъ во мнѣніяхъ оно было постепенно распространено на всѣ другія отрасли промышленности и, наконецъ, было соединено въ одномъ кодексѣ фабричнаго и заводскаго права“. Если въ этой оцѣнкѣ Вейеръ опускаетъ нѣкоторые важные факторы, помогавшіе инспекціи въ ея трудной дѣятельности и способствовавшіе, независимо отъ нея, успѣху и расширенію законодательной регламентаціи фабричнаго труда, то въ изложеніи постепеннаго развитія фабричнаго законодательства авторъ отмѣчаетъ эти факторы и въ общемъ передъ глазами читателя получается картина, въ которой соблюдены перспектива и симметрія. И въ этой картинѣ видное мѣсто справедливо отведено инспекціи. Интересующіеся вопросомъ, которому посвящена книга Вейера, найдутъ въ ней цѣнный фактической матеріалъ для ознакомленія съ дѣятельностью англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ и оцѣнки ихъ значенія въ развитіи фабричнаго законодательства. Кромѣ яснаго и обстоятельнаго изложенія, книга можетъ оказать большую услугу приложеннымъ въ концѣ ея (стр. 314—325) подробнымъ спискомъ источниковъ. Какъ мы сказали, авторъ пользовался исключительно первоначальными источниками и въ упомянутомъ спискѣ помѣщены только официальные изданія, имѣющія отношеніе къ фабричному законодательству въ Англии.

Источники раздѣлены на три части, изъ которыхъ первая содержитъ „отчеты отдѣльныхъ комитетовъ и комиссій“ отъ 1816 года по 1876 годъ; вторая—„спеціальныя бумаги, представленныя фабричными инспекторами“ по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ, относящимся къ надзору за фабриками, условіямъ промышленности и пр. (отчеты инспекторовъ не включены въ этотъ списокъ); наконецъ, въ третій отдѣлъ списка вошли „различныя бумаги къ фабричнымъ законамъ и фабричной инспекціи“. Но фактическое изложеніе, какъ мы говорили уже, не исчерпываетъ работы Вейера. Авторъ желалъ опредѣлить экономическія послѣдствія фабричнаго законодательства и, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, „хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опровергнуть песимистическія воззрѣнія тѣхъ выдающихся, хотя и заблуждающихся, писателей, которые отрицаютъ за существующимъ общественнымъ строемъ способность излечивать свои собственныя раны“. Авторъ посвящаетъ этимъ важнымъ вопросамъ менѣе 30 страницъ (172—200) изъ 315 и это одно доказываетъ уже, что изслѣдованіе послѣдствій фабричнаго законодательства не составляло для него главнѣйшей задачи. Тѣмъ не менѣе, и въ этой части книги высказано нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ серьезное значеніе. Отмѣтимъ два изъ нихъ, которыя, конечно, не новы, но заслуживаютъ особеннаго вниманія. Первое заключается въ томъ, что фабричное законодательство, открывая рабочему возможность духовнаго развитія, повышаетъ и его матеріальныя потребности и, слѣдовательно, расширяя внутренній рынокъ, содѣйствуетъ росту промышленности; второе въ томъ, что фабричное законодательство въ значительной степени предотвращаетъ рабочія смуты и содѣйствуетъ утвержденію легальности въ борьбѣ общественныхъ классовъ.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи. Ч. I. Таблица. Составленъ подъ редакціей С. Харизоменова. Саратовъ, 1888 г. Несмотря на препятствія и перерывы, характеризующіе дѣло экономическаго изученія Россіи чрезъ посредство земскихъ статистическихъ бюро, оно, однако, подвигается впередъ. Черниговская, Курская, Тамбовская, Саратовская и Таврическая губерніи дѣлкомъ изслѣдованы названными учрежденіями, и дѣло теперь за изданіемъ сводныхъ томовъ, заключающихъ частью суммирование данныхъ, уже извѣстныхъ намъ изъ поуѣздныхъ сборниковъ, частью описаніе новыхъ явленій, не нашедшихъ себѣ мѣста въ названныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, этотъ заключительный трудъ земскихъ статистическихъ бюро заставляетъ себя слишкомъ долго ждать: тамбовское земство, повидимому, совсѣмъ не намѣревается увѣнчивать свою работу такимъ заключеніемъ; сводъ сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій Черниговской губерніи составляется очень медленно; курское земство, какъ извѣстно, испугалось свѣта открытой истины, заарестовало сводный томъ, совзавшись даже для этого, что и предыдущія изданія, составленные въ томъ же духѣ и вызывавшія съ его стороны столько благодарностей статистикамъ, не были имъ позваны и оцѣнены со спеціальной точки зрѣнія предразсудковъ класса, въ послѣдніе годы руководящаго земскою дѣятельностью губерніи. Неблагопріятные слухи ходили и о судьбѣ саратовской статистики,—тѣмъ пріятнѣе намъ было видѣть появленіе въ свѣтъ выставленнаго въ заголовкѣ изданія, составляющаго первую часть свода, предпринятаго саратовскимъ земствомъ. Разсматриваемый томъ,—кромѣ введенія, заключающаго краткую исторію мѣстнаго статистическаго бюро и подробное изложеніе программы и приемовъ практиковавшагося въ губерніи изслѣдованія, съ ограниченою, впрочемъ, оцѣнкой вѣрности его результатовъ,—содержитъ таблицы данныхъ подворной переписи, сгруппированныхъ по волостямъ, уѣздамъ, разрядамъ крестьянъ или по народностямъ. Таблицы по различнымъ уѣздамъ не представляютъ полного между собой сходства. Главная причина сказаннаго заключается въ томъ, что въ части губерніи, изслѣдованной раньше, перепись велась по спискамъ, въ другой—по подворнымъ карточкамъ. Изслѣдованіе Саратовской губерніи началось въ то время, когда наша земская статистика знала только простую пообщинную группировку матеріала, введенную покойнымъ Орловымъ. Для такой группировки при переписи достаточно было записывать всѣ семьи общины другъ за другомъ на одномъ листѣ и затѣмъ подвести итоги для цѣлой общины по всѣмъ графамъ таблицы. Впослѣдствіи система сведенія данныхъ подворной переписи претерпѣла значительныя измѣненія. Центромъ тяжести таблицъ сборника сдѣлалась пообщинная же, но не простая, а групповая таблица, т. е. такая, гдѣ цифровыя данныя приводились не только одною цифрой для цѣлаго поселенія, но также и отдѣльно для тѣхъ группъ хозяевъ послѣдняго, на какія они были разбиты по величинѣ находящейся въ ихъ владѣніи земли. вмѣстѣ съ этимъ давались и такъ называемыя комбинаціонныя таблицы, для составленія которыхъ необходима еще большая свобода маневрацій надъ отдѣльными дворами, требуется возможность тасовать и перетасовывать хозяйства по желанію. А такая система группировки нуждалась и въ другой формѣ записи, и потому со вступленіемъ на постъ завѣдывающаго саратовскимъ статистическимъ бюро г. Харизоменова списочная система производства переписи замѣнилась карточной. Сказаннымъ объясняется тотъ фактъ, что для четырехъ уѣздовъ Саратовской губерніи въ разсматриваемомъ

изданіи имѣются только простыя поселенныя таблицы, для шести же, кромѣ ихъ, еще групповая поселенная и комбинаціонная поразрядная.

Вторая причина отсутствія полнаго сходства между таблицами разныхъ уѣздовъ заключается въ томъ, что, создавъ себѣ извѣстный планъ для комбинаціонной таблицы (краткой) и выполнивъ его для однихъ уѣздовъ, авторы не стѣснились его расширеніемъ для слѣдующихъ, когда оказалось, что опытность, прибрѣтенная ими въ составленіи этого рода таблицъ, позволяетъ сдѣлать такое расширеніе. Благодаря сказанному, число типовъ хозяйствъ, образованныхъ примѣненіемъ начала комбинаціи, не одинаково въ разныхъ уѣздахъ, а колеблется отъ 48 до 144, а для двухъ уѣздовъ, кромѣ комбинаціонной поразрядной, дана еще комбинаціонная, понаціональная таблица. Указанныя нами измѣненія плана группировки составляютъ чистый выигрышъ для изданій, такъ какъ, расширяя, а не измѣняя таблицы, они не лишаютъ насъ возможности сравнивать и суммировать данныя разныхъ уѣздовъ по всѣмъ тѣмъ рубрикамъ, какія вошли въ первоначальный планъ таблицы. Они прибавляютъ кое-что новое, но не отнимаютъ ничего изъ стараго, и это новое не теряетъ всего значенія оттого только, что мы его получаемъ не для цѣлой губерніи, а для 2—3 уѣздовъ.

Въ сборникѣ, однако, есть такія измѣненія, которыя уже дѣлаютъ данныя несравнимыми. Отчасти это поправки, внесенныя еще старымъ составомъ бюро (напримѣръ, неудачная система группировки семей Саратовскаго уѣзда по рабочему составу, лишаящая возможности сравненія съ другими мѣстностями Россіи, была въ слѣдующихъ уѣздахъ замѣнена другою), частью они имѣютъ новое происхожденіе (исключеніе изъ числа полурабочихъ стариковъ). Введенная такимъ образомъ несравнимость цифръ могла бы быть избѣгнута, если бы нынѣшнее бюро не полѣнилось сдѣлать перечень соответствующихъ данныхъ по прежде изданнымъ уѣздамъ.

Три указанные ряда таблицъ даются для наличнаго приписнаго крестьянскаго населенія уѣзда. Что же касается приписнаго отсутствующаго, а также посторонняго наличнаго населенія, т. е. проживающаго въ чертѣ усадьбы осѣдлости крестьянъ Саратовской губерніи, для тѣхъ и другихъ даются особыя поволостныя таблицы по шести уѣздамъ подлѣйшаго изслѣдованія.

Чтобы лучше оцѣнить значеніе разсматриваемаго нами труда, прибавимъ, что въ немъ мы имѣемъ впервые таблицы данныхъ подворной переписи для цѣлой Саратовской губерніи, такъ какъ отдѣльные сборники изданы не для всѣхъ уѣздовъ. Выскажемъ еще сожалѣніе, что оцѣнка вѣрности результатовъ подворной переписи сдѣлана г. Харизоменовымъ слишкомъ общими чертами, что въ сборникѣ нѣтъ мнѣнія бюро о степени достовѣрности разнаго рода данныхъ. А, между тѣмъ, отъ степени довѣрія, заслуживаемаго тою или другою цифрой изслѣдованія, зависитъ и степень детализаціи, какой мы вправѣ подвергать ее при разработкѣ: данное, соответствующее дѣйствительности только въ поуѣздомъ итогѣ, мы не станемъ расчленять на волостныя слагаемыя, между тѣмъ какъ по отношенію къ другому, обладающему гораздо большою достовѣрностью, можно дозволить себѣ манипуляціи даже надъ мельчайшими въ таблицахъ поселенными элементами.

Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1885—1887 годы. Изданіе департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1889 г. Какъ извѣстно, печатныя данныя о фабрично-заводской промышленности для цѣлой Россіи мы имѣемъ изъ двухъ

учреждений: центрального статистического комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и министерства финансовъ. Первый сталъ обнародовать ихъ лишь въ послѣдніе годы въ статистическомъ *Ежегодникѣ* Россіи; министерство же финансовъ печатало собираемыя имъ свѣдѣнія издавна—сначала въ своихъ періодическихъ изданияхъ, потомъ отдѣльными томами (*Указатель фабрикъ и заводовъ* Орлова) и, наконецъ, въ указанной брошюрѣ сгруппировало данныя за 1885—7 годы. Эти данныя обнимаютъ всю Европейскую и Азіатскую Россію, но относятся лишь къ производствамъ, подлежащимъ вѣдѣнію департамента торговли и мануфактуръ; это значитъ, что въ нихъ мы не найдемъ промышленныхъ отраслей, уплачивающихъ акцизные сборы, а также горныхъ заводовъ, находящихся въ вѣдѣніи горнаго департамента. Книжка состоитъ изъ таблицъ, представляющихъ обзоръ фабрикъ и заводовъ по губерніямъ и затѣмъ по производствамъ. Таблицы даютъ свѣдѣнія о числѣ фабрикъ, числѣ рабочихъ и цѣнности производства.

За 1887 г. имѣются еще свѣдѣнія о распредѣленіи рабочихъ по полу и возрасту, завѣдующихъ предпріятіями по подданству и технической подготовкѣ; неполныя свѣдѣнія о числѣ исполнительныхъ механизмовъ и машинъ и данныя о количествѣ употребленнаго промышленными предпріятіями топлива. По нѣкоторымъ производствамъ имѣются данныя о количествѣ выработанныхъ продуктовъ (въ пудахъ, кускахъ и т. д.). Таблицамъ предшествуетъ краткій обзоръ заключающагося въ нихъ матеріала.

Въ общемъ, въ Россіи въ 1887 г. на указанныхъ разрядахъ фабрикъ и заводовъ съ годовою производительностью выше 1,000 р. было занято около 79,000 рабочихъ и 166,300 паровыхъ силъ, по эффекту равняющихся работѣ 1.663,000 человекъ. Рабочіе распадились на 73,2% взрослыхъ мужчинъ, 23,3% такихъ же женщинъ, 2,4% мальчиковъ и 1,1% дѣвочекъ. Изъ 21,810 завѣдывающихъ фабриками или заводами 92% русскихъ подданныхъ, 8%—иностранныхъ. Лицъ съ техническимъ образованіемъ всего 1,471 или 6,8%, изъ нихъ 977 русскихъ подданныхъ и 494 иностранцевъ. Такимъ образомъ, около третьей части нашихъ техникумовъ, служащихъ на заводахъ, принадлежитъ иностранцамъ; но и съ этою прибавкой научно-образованные спеціалисты стоятъ во главѣ какой-нибудь четырнадцатой части промышленныхъ предпріятій, остальные $\frac{13}{14}$ завѣдуются лицами, получившими лишь практическую подготовку. Спеціалисты составляютъ меньшую часть завѣдующихъ даже въ такихъ отрасляхъ промышленности, какъ металлическая (здѣсь 25% завѣдующихъ техника), химическая (16%), обработка волокнистыхъ веществъ (11%). О другихъ нечего и говорить. Понятно, послѣ этого, почему наши фабриканты все свое спасеніе возлагаютъ на таможенные тарифы, дозволяющіе долго оставаться при технически-отсталыхъ способахъ производства, устраняющіе опасную конкуренцію иностранныхъ заводовъ, руководимыхъ спеціалистами, съ нашими внутренними предпріятіями, находящимися въ рукахъ доморощенныхъ неучей.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Прошлое и настоящее земли“. В. Д. Соколова.

Прошлое и настоящее земли. Геологическіе очерки. В. Д. Соколова. Изданіе В. Н. Маракуева. Москва, 1890 г. Ц. 50 к., съ пересылкою 65 к. Одинъ изъ очерковъ г. Соколова начинается эпиграфомъ,

взятымъ изъ сочиненій М. В. Ломоносова: „Велико есть дѣло достигать въ глубину земную разумомъ, куда рукамъ и оку досягнуть возбраняетъ натура,—странствовать размышленіемъ въ преисподней, проникать разсужденіемъ сквозь тѣсныя разсѣлины, и вѣчною ночью помраченныя вещи и дѣянія выводить на солнечную ясность“. Этими немногими словами великаго русскаго натуралиста и ученаго какъ нельзя лучше уясняется значеніе геологіи, какъ науки, и этому именно „великому дѣлу“ посвященъ трудъ В. Д. Соколова. Небольшая по объему книжка (съ небольшимъ 230 стр. въ $\frac{1}{8}$) въ вполнѣ доступномъ популярномъ изложеніи знакомитъ читателя съ важнѣйшими общими свѣдѣніями по геологіи. *Прошлое и настоящее земли* заключаетъ въ себѣ пять совершенно самостоятельныхъ и законченныхъ очерковъ, въ которыхъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, излагаются основы этой науки и дается строго-научное объясненіе наиболѣе интереснымъ геологическимъ явленіямъ, каковы, напримѣръ, образованіе горъ, изверженіе вулкановъ и т. п. Попутно авторъ даетъ вполнѣ доступное и общепонятное толкованіе различнымъ геологическимъ терминамъ.

Въ первомъ очеркѣ—*Основная задачи геологіи*—авторъ опредѣляетъ цѣли и стремленія этой науки, излагаетъ современныя воззрѣнія на ходъ геологическихъ событій и указываетъ на огромное значеніе геологіи не только для практической жизни (для горнаго дѣла, въ земледѣліи, при устройствѣ путей сообщенія), но и вообще въ исторіи развитія человѣческой мысли.

Второй очеркъ посвященъ исторіи развитія геологическихъ знаній, преимущественно за послѣднія сто лѣтъ, причемъ авторъ называетъ всѣхъ наиболѣе видныхъ дѣятелей геологіи и приводитъ даже краткія біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ (о Лайэллѣ и др.). Въ третьемъ очеркѣ излагаются прежнія гипотезы относительно образованія горъ, ученіе вулканистовъ и новѣйшія воззрѣнія относительно происхожденія неровностей на поверхности земли.

Съ особенною полнотою описана ледниковая эпоха (очеркъ 4-й). Этотъ очеркъ подраздѣляется на 3 части: въ 1-й описаны валунныя отложенія Россіи и Германіи, въ 2-й—современныя ледниковыя явленія и въ 3-й—ледниковая гипотеза.

Наконецъ, послѣдній (пятый) очеркъ заключаетъ въ себѣ довольно полное и обстоятельное описаніе Крыма въ геологическомъ отношеніи. Этотъ очеркъ въ свою очередь подраздѣленъ на 5 частей: 1) орографія Крыма; 2) геотектоника Крыма; 3) Яйла; 4) массивно-кристаллическія породы; 5) третичныя и потретичныя отложенія.

Таково вкратцѣ содержаніе геологическихъ очерковъ г. Соколова. Но и помимо этого книжка содержитъ массу интересныхъ, умѣло подобранныхъ фактовъ, связанныхъ аналогіями и обобщеніями въ одно стройное цѣлое.

Благодаря живому изложенію, *Прошлое и настоящее земли* читается въ высшей степени легко и съ большимъ интересомъ.

Книжка издана недурно и стоитъ дешево.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Хлѣбные вѣсы“. А. Е. Рейбота. — „Очеркъ южной хлѣбной торговли въ связи съ вопросомъ объ элеваторахъ“. В. Касперова. — „Земледѣліе у государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“. Х. А. Вермишева.

Хлѣбные вѣсы. Изслѣдованіе А. Е. Рейбота, начальника статистическаго отдѣленія департамента окладныхъ сборовъ. Спб.,

1889. г. Брошюра г. Рейнбота является весьма цѣннымъ приобретени-емъ для нашей литературы. Она окажется полезною и для хозяйствъ, и для хлѣбопашцевъ, и для лицъ, занимающихся сельско-хозяйственною и торговою статистикою. Вопросъ о качествѣ (натурѣ) хлѣбнаго зерна имѣетъ существенное значеніе не только для продавцовъ и покупателей хлѣба, но и для всѣхъ, кому приходится опредѣлять вѣсъ хлѣбнаго зерна по объему (и наоборотъ).

Въ сжатомъ, но точномъ и ясномъ изложеніи г. Рейнботъ описы-ваетъ и критикуетъ наиболѣе употребительныя системы хлѣбныхъ вѣ-совъ (пурокъ). Немалое значеніе имѣютъ собственные опыты автора надъ отношеніемъ различныхъ условій къ показаніямъ хлѣбныхъ вѣ-совъ. Одинъ рядъ опытовъ относится къ зависимости между формою и силою удара хлѣбной струи и степенью плотности укладки хлѣба. Другой рядъ опытовъ выясняетъ значеніе узкой воронки въ хлѣбной пурѣ по сравненію съ воронкой широкой; затѣмъ предприняты были еще два ряда опытовъ для выясненія вліянія различныхъ формъ греб-ла, которымъ выравнивается хлѣбная горка (цилиндрическое гребло да-етъ большія показанія, чѣмъ призматическое). На ряду съ собствен-ными опытами авторъ сообщаетъ результаты опытовъ германской ком-миссіи, гдѣ производилось, между прочимъ, сравненіе насыпи зерна совкомъ съ насыпкою изъ воронки. Упомянемъ еще объ интересномъ опытѣ автора съ разными сортами пшеницы: оказалось, что между раз-личными сортами обнаруживается рѣзкая разница въ сжимаемости подъ дѣйствіемъ давленія и сотрясенія.

По мнѣнію г. Рейнбота, опредѣленіе природы хлѣба должно произ-водиться взвѣшиваніемъ пробы зерна въ такой мѣрѣ, объемъ которой равенъ той единицѣ мѣры, въ которой натура зерна выражается. Ав-торъ рекомендуетъ принять за образецъ для русскихъ хлѣбныхъ вѣсовъ вѣсы, устроенные германскою комиссіею нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ и введенные въ употребленіе на берлинской биржѣ; эти вѣсы прямо показываютъ число граммовъ въ литрѣ. Къ брошюрѣ приложена изящ-но исполненная фототипія, снятая съ экземпляра рекомендуемыхъ бер-линскихъ вѣсовъ.

Очеркъ южной хлѣбной торговли въ связи съ вопросомъ объ элеваторахъ. Составилъ В. Касперовъ. Спб., 1889 г. Въ свое время (въ 1886 и 1887 гг.) мы говорили о двухъ брошюрахъ г. Касперова, относящихся къ международной хлѣбной торговлѣ. Въ первой брошюрѣ авторъ являлся рѣшительнымъ сторонникомъ внутренняго рынка по сравненію съ рынкомъ иностраннымъ, во второй брошюрѣ можно замѣтить нѣкоторыя колебанія. Нынѣ въ своемъ новомъ *Очеркѣ юж-ной хлѣбной торговли* г. Касперовъ пропандируетъ тѣ самые эле-ваторы, противъ которыхъ менѣе 4 лѣтъ тому назадъ онъ подавалъ отдѣльное мнѣніе на харьковскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Но-вая книжка, подобно двумъ прежнимъ, написана изящнымъ, живымъ языкомъ и содержитъ въ себѣ много цѣннаго статистическаго матери-ала, собраннаго г. Касперовымъ во время специальной поѣздки по юж-нымъ портамъ. Въ видѣ особаго приложенія, помѣщены таблицы пше-ничныхъ цѣнъ въ Одессѣ за 5 лѣтъ, формы заграничныхъ продажъ хлѣба, таблицы о движеніяхъ хлѣба къ Одессѣ и списокъ одесскихъ хлѣбныхъ складовъ. Авторъ внимательно отнесся къ серьезному вопросу о вліяніи кредита на хлѣбную цѣну (стр. 30—36). Перемѣна въ отно-шеніи автора къ международному рынку не слѣдала его поклонникомъ капиталистическаго хозяйства, что видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ

словъ (стр. 37): „Устраните обмѣриванія—будутъ подмѣшивать, устраните подмѣшиванія—будутъ преодолевать на цѣнѣ, установите даже таксу на хлѣбъ—прекратятся покупки, и тѣ же сельскіе хозяева станутъ тайкомъ продавать по низшей цѣнѣ. Капиталь всесиленъ, и онъ всегда найдетъ себѣ выходъ. Только устраненіе самой власти капитала можетъ оградить интересы сельскаго хозяина. Только широкая и органическая реформа можетъ отмѣнить это новое крѣпостное право, которое хуже прежняго тѣмъ, что держитъ въ своей власти не только крестьянъ, но и всѣхъ землевладѣльцевъ, а при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ и самую казну“.

Мы не можемъ согласиться съ авторомъ въ томъ, будто бы „система элеваторовъ призвана внести въ деревню новую, болѣе свободную экономическую жизнь“ (стр. 49). Примѣръ Америки не позволяетъ намъ назвать свободнымъ положеніе того хозяина, который нуждается въ массѣ особыхъ приспособленій для того, чтобы тревожно слѣдить за настроеніемъ международнаго рынка.

Изъ мелкихъ недосмотровъ книжки укажемъ на отсутствіе цитаты источниковъ въ свѣдѣніяхъ объ урожаяхъ (стр. 5), на отнесеніе Киевской и Подольской губерній къ району южныхъ портовъ (между тѣмъ какъ значительная часть хлѣба изъ этихъ губерній идетъ къ сухопутной границѣ), на несприятный пропускъ слова „тысячъ“ (четвертей и пудовъ) въ табличкѣ на стр. 9 и, наконецъ, на двусмысленное выраженіе о томъ, будто бы съверъ и западъ Одесскаго района отличаются преобладаніемъ помѣщичьяго хозяйства (стр. 12); читателю можетъ подуматься, будто бы здѣсь помѣщичьи хлѣбные посѣвы преобладаютъ надъ крестьянскими,—этого нѣтъ ни въ одной изъ 50 губерній Европейской Россіи.

Указанныя неточности, конечно, нисколько не вліяютъ на общія достоинства книжки г. Касперова, а достоинства эти несомнѣнно будутъ признаны и тѣми, кто вовсе не сочувствуетъ предложенію автора—устроить сѣтъ государственныхъ элеваторовъ.

Земледѣліе у государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края. Составилъ Х. А. Вермишевъ. Тифлисъ, 1888 г. Эта книга поступила въ продажу въ январѣ нынѣшняго года. Она составлена „по распоряженію уполномоченнаго министра государственныхъ имуществъ на Кавказѣ“ съ цѣлью „уяснить современное положеніе земледѣльческаго промысла, какъ источника крестьянскаго благосостоянія, путемъ свода тѣхъ матеріаловъ, кои были собраны въ теченіе 1884 и 1885 годовъ изслѣдователями быта государственныхъ крестьянъ“ (стр. 1).

Сочиненіе распадается на двѣ части: первая часть (157 страницъ) содержитъ въ себѣ „естественныя условія Закавказья“—внѣшніе, такъ сказать, факторы земледѣлія; вторая часть посвящена собственно земледѣлію („земледѣліе крестьянъ Закавказья“); здѣсь на 352 страницахъ довольно обстоятельно и систематично излагаются внутренніе факторы земледѣлія.

Описаніе естественныхъ условій Закавказья раздѣлено на 6 главъ: I) географическое положеніе, пространство и общій характеръ Закавказскаго края, II) орографія его, III) гидрографическій очеркъ Закавказья, IV) административныя единицы Закавказскаго края и ихъ естественные районы, V) геологическій очеркъ и почвы и VI) климатъ. Наибольшее мѣсто въ первой части отведено климату—почти половина всей части, причемъ изложено довольно подробно все то, что подводитъ насъ подъ понятіе о климатѣ, а именно: температура воздуха, вѣтра, влажность воздуха, облачность, туманность и атмосферные осадки. Крат-

вій геологическій очеркъ вызванъ, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въ литературѣ вѣрныхъ и повсемѣстныхъ данныхъ о почвахъ Закавказья. Въ главѣ четвертой (админ. един. и естеств. районы) мы наталкиваемся на тотъ интересный и отрадный фактъ, что административное дѣленіе Закавказья согласуется съ естественными районами, что представляетъ удобство какъ для экономической жизни населенія, такъ и для изслѣдованій.

Вторая часть сочиненія — „Земледѣліе крестьянъ Закавказья“ — раздѣлена на 13 главъ, въ которыхъ излагаются: культура растенія (I), земледѣльческія орудія (II), обработка и удобреніе почвы (III), посѣвъ (IV), уходъ за полевыми растеніями во время ихъ роста (V), уборка, перевозка и молотба хлѣбовъ (VI), сохраненіе зерна и соломы (VII), культура чалтыка (риса) и паровыхъ растеній (VIII), урожай и неблагоприятныя условія (IX), сбытъ продуктовъ земледѣлія (X), издержки производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ (XI), доходность различныхъ культуръ (XII) и организація крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства (512).

Культивируется въ Закавказьи 28 видовъ растеній — хлѣбныхъ, кормовыхъ и техническихъ. Первое мѣсто занимаютъ пшеница и ячмень. Земледѣльческія орудія „отличаются повсемѣстно громоздкостью, неуклюжестью и несовершенствомъ своей конструкціи“ (стр. 226); употребляются, главнымъ образомъ, мѣстный (туземный) плугъ и затѣмъ мало-россійскій; орудія новѣйшихъ усовершенствованныхъ конструкцій встрѣчаются „какъ счастливое исключеніе“. Несовершенство земледѣльческихъ орудій влечетъ, конечно, неудовлетворительность обработки почвы, вслѣдствіе чего является сравнительная ничтожность доходности земли въ Закавказьи; кромѣ несовершенства орудій, понятно, и другія причины вліяютъ на неудовлетворительность обработки земли. Эта обработка усугубляется еще необходимостью производить такія работы, какъ собраніе камней, расчистка пашни изъ - подъ вустарниковъ и лѣсныхъ порослей. Удобреніе и орошеніе почвы во многихъ мѣстностяхъ составляютъ обязательную принадлежность земледѣлія. „...Орошеніе посѣвовъ является почти во всей жаркой полосѣ восточнаго Закавказья однимъ изъ тѣхъ условій, безъ которыхъ немислима земледѣльская культура“ (стр. 315). Уходъ за полевыми растеніями во время ихъ роста сводится „къ охранѣ растеній отъ погравъ“ и къ выпалыванію сорныхъ растеній. Уборка хлѣба производится при помощи серпа и косы, иногда же голыхъ рукъ. Вслѣдъ за уборкою въ селеніяхъ осѣдлыхъ жителей начинается перевозка хлѣба на гумно. Кочевники же на изменности откладываютъ эту работу до возвращенія съ горъ. Молотба производится на току при помощи „молотильныхъ досокъ“. „Зерно сохраняется... главнымъ образомъ, въ особыхъ ямахъ...“ (стр. 348), въ которыхъ, если сухо, „зерно сохраняется... невредимо нѣсколько лѣтъ... Въ сырыхъ же ямахъ“ зерно „портится, согрѣвается и тухнетъ“ (стр. 349). Солома сохраняется въ каменныхъ и плетневыхъ постройкахъ. Въ главѣ „Культура чалтыка (риса) и паровыхъ растеній“, авторъ высказываетъ мнѣніе, что чалтыкъ (рисъ) ошибочно относится къ полевымъ, а не къ паровымъ растеніямъ (стр. 352). Урожай въ Закавказскомъ краѣ терпятъ повсюду „отъ разнородныхъ невгодъ и, въ общемъ, по отзыву почти всѣхъ изслѣдователей, являются далеко не вполне обезпеченными“ (стр. 407); главная тому причина — „истощеніе почвы“, дагѣе слѣдуютъ засуха, ранніе морозы, ливни, головня и проч., и проч. Рынками для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ служатъ: 1) семья и хо-

зайство крестьянина, потребляющія почти $\frac{1}{6}$ всего количества продуктовъ; 2) неземледѣльческое население Закавказья, потребляющее $\frac{1}{17}$ продуктовъ, и 3) мировой рынокъ (заграничный), потребляющій немного болѣе, чѣмъ второй рынокъ. Мировды, кулаки и т. п. паразиты крѣпко приютились и въ средѣ крестьянъ Закавказья. Расходъ на производство колеблется отъ 25 (пшеница) до 70 руб. (рисъ) на десятину посѣва. Доходъ валовой отъ 27 до 188 руб. на десятину; причемъ въ низовыхъ мѣстахъ доходность земли значительно выше, чѣмъ въ нагорныхъ, „гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чистый доходъ представляетъ даже отрицательную величину“ (стр. 495).

Въ главѣ XIII авторъ описываетъ „системы хозяйства“, системы земледѣлія, сѣвообороты вообще и въ частности по районамъ.

Въ сочиненіи, разсматриваемомъ нами, авторъ придерживается прекраснаго порядка изложенія: свѣдѣнія излагаются какъ вообще по Закавказью, такъ и въ частности по губерніямъ (областямъ) и даже по уѣздамъ. Источниками, откуда почерпались свѣдѣнія, кромѣ 7-ми томовъ *Материаловъ для изученія экономической быти государственныхъ крестьянъ*, послужили и различныя сочиненія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ предмету сочиненія. Въ числѣ источниковъ встрѣчаются сочиненія 1862 г., а изъ новыхъ изданій *Труды кавк. общ. сельск. хоз.* за 1888 г.

Какъ на пробѣлъ въ сочиненіи, считаемъ долгомъ указать на отсутствіе данныхъ о количествѣ земли, находящейся въ пользованіи или владѣніи крестьянъ, на отсутствіе данныхъ о численности крестьянскаго населенія въ Закавказьи и, главнымъ образомъ, на отсутствіе свѣдѣній о самихъ крестьянахъ. Последнее, по нашему мнѣнію, составляетъ весьма ощутительный пробѣлъ: вѣдъ, человекъ, какъ обладатель труда, есть главнѣйшій факторъ земледѣлія и умолчаніе о его качествахъ—крупная ошибка, особенно въ такомъ полномъ, систематичномъ и капитальномъ трудѣ, какъ разсматриваемое сочиненіе.

Вообще данный трудъ г. Вермишева представляетъ богатый вкладъ въ литературу по изслѣдованію Закавказья.

Книга напечатана in quarto на хорошей бумагѣ, весьма четко. Читается легко. Цѣна ея—2 руб.—весьма умѣренная.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Общедоступное землѣтріе“. А. Д. Колтановскаго.

Общедоступное землѣтріе. Популярное изложеніе элементарныхъ геодезическихъ задачъ, рѣшаемыхъ съ помощью только одной веревки или веревки и энкара домашняго приготовленія, съ приложеніемъ отдѣльной статьи о простомъ углоизмѣрномъ приборѣ и аршинѣ-дальноизмѣрѣ. Составилъ А. Д. Колтановскій. Съ 279 чертежами въ текстѣ. Цѣна 75 коп. Изданіе Ф. Павленкова. Составитель этой книжки, какъ учитель народной школы и человекъ, свѣдущій въ землѣтріи, нерѣдко долженъ былъ волей-неволей, по просьбѣ крестьянъ, землевладѣльцевъ и арендаторовъ, являться въ роли деревенскаго землѣтра, измѣрять площади небольшихъ участковъ земли, нарѣзать десятины, возобновлять запаханныя межи, разбивать участки, снимать и перерисовывать планы надѣловъ, строеній и даже церквей. Сплошь и рядомъ крестьяне просятъ сельскаго учителя „прочитать“ имъ планъ (опредѣлить границы надѣла, площадь усадебной

земли и т. п.), или перерисовать ихъ участки съ кореннаго плана, хранящагося обыкновенно или въ волостномъ правленіи, или у сельскаго старосты. Хотя такіе хозяйственные планы не имѣютъ юридическаго значенія, тѣмъ не менѣе, крестьяне очень дорожатъ ими (на нихъ можно, на примѣръ, указать семейный раздѣлъ и т. п.). Человѣкъ, владѣющій циркулемъ и масштабомъ, — человѣкъ нужный и полезный въ деревнѣ. Но даже и среди деревенской интеллигенціи рѣдко кто умѣетъ пользоваться землемѣрными инструментами. Къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, они по своей дороговизнѣ совершенно недоступны для сельскаго обихода и, кромѣ того, пользованіе ими требуетъ извѣстныхъ геодезическихъ познаній, каковыя если и встрѣчаются иногда среди народныхъ учителей, то, все-таки, только какъ исключеніе. Оказывается, однако, что учителю народной школы, желающему быть полезнымъ своимъ деревенскимъ согражданамъ въ качествѣ доморошеннаго землемѣра, вовсе не нужно ни астролябіи, ни буссоли, ни землемѣрной цѣпи. Для рѣшенія простыхъ геодезическихъ задачъ ему достаточно имѣть только одну веревку домашняго приготовленія или простѣйшій приборъ экеръ (2 лнейки, скрѣпленныя крестъ-на-крестъ и свободно посаженныя на палку), который всякій можетъ устроить собственноручно, а тѣмъ болѣе, конечно, деревенскій столяръ.

Въ 1886 г. профессоръ Кіевскаго университета В. П. Ермаковъ, въ своей статьѣ *Простѣйшій способъ межеванія (Выстникъ опытной физики и элементарной математики, №№ 2, 3 и 5)*, указалъ простѣйшіе приемы рѣшенія элементарныхъ геодезическихъ задачъ. При составленіи своего *Общедоступнаго землемѣрія* г. Колтановскій и воспользовался этою статьей. Книжка предлагается вниманію не только однимъ народнымъ учителямъ, но и всѣмъ, желающимъ обойтись безъ помощи землемѣра (разумеется, тамъ, гдѣ это возможно). Всякій, кто твердо знаетъ четыре дѣйствія надъ смѣшанными числами (см. *Предисловіе*), можетъ пользоваться этою книгой безъ всякаго затрудненія. Для облегченія нѣкоторыхъ вычисленій приложены таблицы. Задачи выражены въ числовыхъ примѣрахъ и для наглядности сопровождаются отчетливо исполненными рисунками, чертежами и планами. Книжка раздѣлена на 8 главъ (линіи, углы, треугольники, вычисленіе площадей, съемка плана, нарѣзка десятинъ и участковъ, перерисовка плановъ, вычисленіе объемовъ) и каждая изложена вполне толково и обстоятельно. Попутно сообщаются необходимыя геометрическія свѣдѣнія и на нихъ уже основываются извѣстные землемѣрные приемы. Таковы цѣль, содержаніе и характеръ превосходной книги г. Колтановскаго. Мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе деревенской интеллигенціи на это скромное произведеніе сельскаго учителя, видимо, проникнутаго горячимъ желаніемъ быть по возможности полезнымъ своимъ согражданамъ. Авторъ выпустилъ свою книжку въ свѣтъ съ весьма простымъ, но дѣловымъ предисловіемъ, уясняющимъ смыслъ этого полезнаго изданія. При добромъ намѣреніи оказалось возможнымъ составить, иллюстрировать хорошими рисунками и прилично издать учебно-техническое популярное руководство къ землемѣрію по самой доступной цѣнѣ.

Книга г. Колтановскаго дѣйствительно можетъ принести большую пользу деревнѣ, гдѣ до сихъ поръ большинство имѣетъ самое смутное представленіе о томъ, что такое межа и планъ.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Русское правописаніе“. Н. Иванова.—„Уроки ариметики для обученія нижнихъ чиновъ“. В. Рахманова.—Элементарная алгебра“. А. Киселева.—„Эдиссонъ“. Е. Н. Григоровой и А. Павлова.—„Искра Божія“. И. К. Кондратьева.—„Японскія сказки и легенды“. Перев. С. Крона.—„Что комната говоритъ“. В. П. Аверариуса.—„Лисья уертка“ (по Бушу). Дяди Коли.

Русское правописаніе. Систематическое руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. (Согласовано съ академическимъ). Н. Иванова, преподавателя кievской 4-й гимназіи. Кіевъ. 1888 г. Цѣна 40 к. Г. Ивановъ добивается сознательности въ правописаніи. „Набить руку“ и „получить твердый навыкъ въ правильномъ письмѣ“, по его мнѣнію, недостаточно, и „не въ этомъ заключается задача обученія правописанію въ среднемъ учебномъ заведеніи“ (см. Предислов.), такъ какъ нужна сознательность. Безспорно, сознательность есть нѣчто очень цѣнное при всякомъ обученіи, но едва ли слѣдуетъ злоупотреблять ею и во имя ея дѣлать изъ орфографіи не средство, а цѣль. Между тѣмъ, г. Ивановъ готовъ, повидимому, защищать именно подобный принципъ. Во всякомъ случаѣ, онъ способенъ распространяться о такихъ мелочахъ орфографіи, которыя только обременяютъ память учениковъ, и въ этомъ отношеніи параграфъ объ употребленіи буквъ *о* и *ф* въ его руководствѣ можетъ послужить лучшимъ доказательствомъ только что высказаннаго соображенія.

Но допустимъ, что мы прониклись точкой зрѣнія автора и раздѣляемъ ее; что же представляетъ его руководство при такомъ условіи? По всей справедливости, весьма мало. Хотя г. Ивановъ и говоритъ, что „тѣ отрывочныя и случайныя замѣчанія о правописаніи, которыми сопровождаются отдѣлы элементарной грамматики, мало помогаютъ дѣлу“ (Предисл., стр. II), но, въ сущности, и его систематическое руководство прибавляетъ къ тому, что проходитъ и сообщается каждымъ учителемъ на урокахъ грамматики, кромѣ мелочей, весьма немного. Далѣе, если говорить о сознательности, то нужно постараться устранить всякія колебанія и неустойчивость; между тѣмъ, у г. Иванова книга полна такими неопредѣленными обозначеніями, какъ „многіе глаголы“, „нѣкоторыя имена“, „иногда“ и т. д. (§ 7, стр. 16). Что касается заявленія г. Иванова, что въ изложеніи своей книги онъ „старался достигнуть возможной ясности и простоты и сдѣлать, такимъ образомъ, руководство доступнымъ для учениковъ всѣхъ классовъ, начиная съ самыхъ младшихъ“ (Предисл., стр. IV), то этому заявленію не слѣдуетъ довѣряться вполнѣ, потому что на самомъ дѣлѣ въ книгѣ далеко не все просто и доступно. Такъ, параграфъ объ отрицаніи *не* (стр. 23 и 24) переполненъ разсужденіями о всякихъ понятіяхъ, и эти разсужденія совсѣмъ недоступны учащимся. Та часть руководства, въ которой говорится о разстановкѣ знаковь препинанія, должна считаться лучшей.

Уроки ариметики для обученія нижнихъ чиновъ. Составилъ В. Рахмановъ. Цѣна 10 коп. Серпуховъ, 1888 г. Составитель новаго учебника ариметики имѣлъ въ виду „дать возможность обучающимъ въ ротныхъ и батарейныхъ школахъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ нынѣ, всесторонне и наглядно ознакомить обучаемыхъ съ простыми числами отъ 1 до 100, начиная со счета и кончая рѣшеніемъ разнообразныхъ задачъ, научить ихъ счисленію и записыванію чиселъ до 10,000, а также снабдить ихъ и прочими элементарными понятіями, необходимыми при рѣшеніи простыхъ ариметическихъ вопросовъ“. Не

подлежитъ, конечно, сомнѣнiю, что ротная школа можетъ дать только первоначальное знакомство съ числами и съ ихъ практическимъ примѣненiемъ къ ариѳметическимъ вопросамъ. Вмѣсто того, чтобы безплодно тратить время на изученiе различныхъ правилъ и опредѣленiй (обыкновенно, мало понятныхъ для безграмотныхъ солдатъ), лучше стремиться къ возможно сознательному рѣшенiю ариѳметическихъ вопросовъ безъ всякаго содѣйствiя заученныхъ правилъ. При первоначальномъ обученiи преимущественное вниманiе должно быть обращено на постановку и уясненiе вопросовъ, — все остальное уже дѣло систематическаго курса.

Слабые успѣхи, оказываемые солдатами въ ариѳметику, чаще всего являются слѣдствiемъ неумѣлаго веденiя дѣла со стороны преподавателей, для которыхъ именно и составленъ учебникъ г. Рахманова. Это въ своемъ родѣ методика ариѳметики въ примѣненiи къ обученiю нижнихъ чиновъ.

Книжка написана довольно толково и можетъ съ пользою служить для обученiя нижнихъ чиновъ. Но по характеру изложенiя она мало похожа на руководство для преподавателей въ ротныхъ и батарейныхъ школахъ. Составитель, вмѣсто какихъ-либо общихъ руководящихъ положенiй, даетъ голую схему, по которой нужно вести обученiе солдатъ. Руководство, повидимому, не допускаетъ никакой самодѣятельности со стороны преподавателя и ему рекомендуется слѣдовать по указанному пути, въ надеждѣ на превосходные результаты.

Тѣмъ не менѣе, для начинающихъ и малоопытныхъ преподавателей руководство г. Рахманова можетъ быть полезнымъ пособiемъ. Основная мысль составителя *Ариѳметики для нижнихъ чиновъ* совершенно вѣрна, что въ ротной школѣ не мѣсто теоретическому курсу, а все преподаванiе должно носить практической характеръ.

Задачи подобраны хорошо и формулированы ясно.

Элементарная алгебра. Составилъ А. Киселевъ. Часть II, содержащая курсы 4-хъ старшихъ классовъ гимназiй. Москва. Ц. 80 коп. Книжка въ 208 страницъ заключаетъ въ себѣ извлеченiе кубическаго корня, несоизмѣримыя числа, дѣйствiя надъ иррациональными количествами, рѣшенiе квадратнаго уравненiя, нѣкоторые частные случаи квадратнаго уравненiя, изслѣдованiе его, мнимыя количества, освобожденiе уравненiй отъ радикаловъ, уравненiя высшихъ степеней, приводимыя къ квадратнымъ, уравненiя 2-й степени со многими неизвѣстными, неравенства, неопредѣленные уравненiя, отрицательные и дробные показатели, прогрессiя, логариѳмы, сложные проценты и срочныя уплаты, соединенiя, биномъ Ньютона, а въ приложенiи непрерывныя дроби, общiй наибольшiй дѣлитель и опредѣленiе алгебры.

Во второй части, также какъ и въ первой, авторъ ставитъ себѣ дѣлью сжатость въ изложенiи, простоту въ разсужденiяхъ и точность въ формулировкѣ понятiй. Въ предисловiи онъ указываетъ на нѣкоторыя особенности своего учебника, а именно: въ главѣ о неизмѣримыхъ числахъ даны теоремы о приближенныхъ вычисленiяхъ, въ задачѣ о двухъ источникахъ свѣта указано третье рѣшенiе задачи, въ учебникѣ приведенъ общiй способъ освобожденiя уравненiя отъ радикаловъ, примѣнимый къ уничтоженiю радикаловъ какой угодно степени въ знаменателѣ алгебраической дроби, статья объ уравненiяхъ высшихъ степеней, приводимыхъ къ квадратнымъ, изложена подробнѣе, чѣмъ это принято, показано примѣненiе общаго наибольшаго дѣлителя къ рѣшенiю общихъ корней двухъ уравненiй, дополнены статьи о неравенствахъ,

объ отрицательныхъ и дробныхъ показателяхъ, о сближеніяхъ, а въ статьѣ о логарифмахъ устанавливаются нѣкоторыя свойства формулы a^x , съ цѣлю выяснитъ вопросъ о существованіи логарифма и, притомъ, единственнаго для всякаго положительнаго числа. Опредѣленіе алгебры, какъ науки, приведено въ концѣ курса, такъ какъ опредѣленія, даваемые обыкновенно въ началѣ курса, и непонятны начинающимъ, и не совсѣмъ научны.

Учебникъ г. Киселева отличается сжатымъ и яснымъ изложеніемъ при строгой научности доказательствъ. Книжка издана безукоризненно и по цѣнѣ вполне доступна. Хорошихъ учебниковъ алгебры у насъ вообще очень мало и между ними книга г. Киселева, безъ сомнѣнія, займетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ.

Эдиссонъ. Е. Н. Григоровой и А. Павлова. Москва, 1889 г. Цѣна 25 коп. Эта небольшая книжка принадлежитъ къ числу такихъ произведеній для дѣтей, которыхъ у насъ еще мало и польза которыхъ несомнѣнна. Эдиссонъ заключаетъ въ себѣ элементарныя данныя объ электричествѣ, описаніе великихъ изобрѣтеній Эдиссона и нѣкоторыя, вполне достаточныя свѣдѣнія объ его жизни. Книжка сообщаетъ полезныя знанія и возбуждаетъ уваженіе къ честному труду. Мѣстами встрѣчаются выраженія, которыя будутъ несовсѣмъ понятны дѣтямъ средняго возраста (для нихъ, по характеру изложенія, предназначенъ очеркъ Е. Н. Григоровой и А. Павлова); но такихъ мѣстъ немного. Книжка издана очень хорошо.

Искра Божія. Книга для первоначальнаго чтенія, въ шести отдѣлахъ, съ олеографическими рисунками. Составилъ И. К. Кондратьевъ. Изданіе П. П. Щеглова. Москва. Цѣна 1 руб. 50 к. Г-нъ Кондратьевъ, составляя свою книгу, не имѣлъ, кажется, никакого представленія, надъ чѣмъ и для кого работаетъ. Намѣреваясь дать книгу для первоначальнаго чтенія, т.-е. для дѣтей младшаго возраста, только что еще научившихся читать, онъ помѣстилъ въ ней множество стихотвореній и статей, недоступныхъ дѣтямъ ни по содержанію, ни по языку. Таковы, напримѣръ, статьи *Изобрѣтеніе книгопечатанія* и др.; таковы и высокопарныя, наивныя стишки самого г. Кондратьева, который не постѣснялся помѣстить въ свою христоматію и собственную особу рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Крыловымъ и другими столпами отечественной словесности. А самъ г. Кондратьевъ вотъ какъ пишетъ:

„А уста родимой рдѣютъ, что корани,
Бдутъ строемъ чтимымъ дворъ и генерани.
Всѣ на праздникъ дивный дивно разодрты.
Кони въ сбруахъ яркихъ, въ золотѣ карета“.

Или вотъ въ quasi-народномъ стилѣ:

„Полно настъ, Илья, обманывать,
Полно, лежучи-то, врать!
Ну, вставай!“ И, словно встрепанный,
Сталъ Ивановичъ *вставать*.
Вышелъ въ сѣнцы онъ тесовыя,
Почесалъ *возлѣ бедра*,
И принесъ той нищей брати
Чашу (?) въ *полтора ведра*“.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе дорогую цѣну книги, затѣмъ то, что, вмѣсто обѣщанныхъ олеографическихъ рисунковъ, въ ней находимъ просто хромолитографіи, да еще то, что г. Кондратьевъ даже заглавіе для своей книги заимствовалъ у существующей уже книги г-жи Островинской (*Искры Божьи*).

Японскія сказки и легенды. Вольный переводъ С. Крона. Изданіе М. А. Лачинова. Москва. Цѣна 70 коп. Хотя ни издатель японскихъ сказокъ и легендъ, г. Лачиновъ, ни переводчикъ, г. Кронъ, не предназначали своей книги специально для дѣтскаго чтенія, однако, мы снѣшимъ указать на нихъ родителямъ и воспитателямъ, какъ на сборникъ, полный литературнаго интереса и педагогическаго значенія. Это уже не измышленія досужныхъ фантазеровъ, чающихъ преміи за свои фантазіи: это произведенія народной мудрости, созданія народной яркостью отличаются сказки *Урашама* и *Исторія о мудромъ судѣи и тридцати мальчишкахъ изъ Каназава*. Включены въ сборникъ и сказочки съ юмористическимъ содержаніемъ; изъ нихъ лучшія: *Два сосѣда* и *Корзина съ чертенятами*. Дѣти изъ чтенія этого сборника могутъ вынести хорошія, добрыя чувства и натолкнуться на мысли, которыя рѣдко встрѣчаются въ книжкахъ доморощенного издѣлія. Языкъ перевода очень хорошъ.

Что комната говорить. Рассказъ для дѣтей, удостоенный первой преміи с.-петербургскаго фрѣбелевскаго общества. В. П. Авенариуса. Съ рисунками В. С. Крюкова и И. С. Панова. Изданіе четвертое. Печатано со втораго изданія, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Москва. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. Ц. 50 коп. По ошибкѣ, многіе считаютъ *Что комната говоритъ* однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ рассказовъ г. Авенариуса. Но это только по ошибкѣ. Здравый и трезвый смыслъ долженъ подсказать всякому, кто со вниманіемъ прочтаетъ рассказъ, что этотъ послѣдній фальшивъ отъ первой и до послѣдней строки. Вотъ его содержаніе. Мальчику не спится, онъ вертится съ боку на бокъ, и вотъ ему кажется, что всѣ вещи въ комнатѣ говорятъ одна за другою по очереди, рассказывая, изъ чего, какъ и зачѣмъ онѣ сдѣланы: стулья, столъ, шкафъ, обои, книги и пр.,—всѣ рассказываютъ свою исторію, причемъ оказывается, что книги печатаются чернилами (а развѣ не типографскою краской?), что у людей бываютъ въ почетѣ только тѣ столы, которые сдѣланы изъ орѣховаго дерева, что бумага имѣетъ своего крестнаго отца (?), которымъ она считаетъ триничника, что столляръ полировалъ столъ такъ, какъ „и людей-то жизнь рѣдко когда полируетъ“, что стульевъ люди не уважаютъ, ибо „задохъ къ нимъ повернутся, да прямо въ лицо сядутъ“. Въ концѣ-концовъ, мальчикъ признается нанѣ, что все это онъ видѣлъ во снѣ. Да, дѣйствительно, только развѣ во снѣ можно увидѣть такую чепуху. Но, спрашивается, къ чему потребовалось ее печатать, и какимъ образомъ она удостоилась преміи фрѣбелевскаго общества? Во-первыхъ, г. Авенариусъ не изучилъ основательно того, о чемъ пишетъ; во-вторыхъ, весь этотъ сонъ мальчика, при всей своей чепушистости, такъ и отзывается дѣланностью; затѣмъ, и языкъ рассказа какой-то дѣланный, игривый до приторности и тѣмъ самымъ скучный; наконецъ, рассказъ г. Авенариуса слабъ по содержанію. Положимъ, замыселъ автора понятенъ: очевидно, г. Авенариусъ желалъ познакомить маленькихъ дѣтей съ устройствомъ разныхъ вещей въ комнатѣ. Но, право, насъ удивляетъ, зачѣмъ онъ прибѣгнулъ къ такой нелѣпой формѣ: гораздо проще было бы дать нѣсколько болѣе полныхъ и обстоятельныхъ, но непременно реальныхъ очерковъ, чѣмъ заѣзжать въ область фантазіи и переполнять рассказъ массою фактическихъ ошибокъ. Впрочемъ, авторъ, обращаясь къ читателямъ, такъ объясняетъ всѣ эти несообраз-

ности: „И вы, друзья, кажется, головой качаете? Не вѣрите, чтобы комната могла говорить? Раскройте глаза ваши, раскройте уши, глядите кругомъ и слушайте хорошенько: не только комната—весь міръ вокругъ васъ внятно заговорить“... Ну, если міръ будетъ такъ же врать дѣтямъ, какъ вретъ у г. Авенариуса комната, то много они о Божьемъ мірѣ превратныхъ понятій вынесутъ! Раскрыть и глаза, и уши дѣтямъ необходимо. Это бесспорно, и противъ этого мы ничего не имѣемъ. Пускай дѣти раскроютъ и глаза, и уши, но пусть не ждуть, что знаніе такъ сейчасъ къ нимъ черезъ глаза и уши въ головы и подлѣзетъ: пусть они въ полученіи знаній сами принимаютъ активное участіе, а не лежатъ, раскрывъ глаза и уши, какъ лежатъ у г. Авенариуса мальчикъ Ваня.

Лисьи увертки. Изъ - за яблочковъ. По Бушу. Два разказа. Передѣлка съ нѣмецкаго дяди Коли. Цѣна 50 коп. И зачѣмъ это дядя Коля трудился надъ передѣлкой нѣмецкихъ шарлатанскихъ разсказовъ на русский ладъ?! Ну, пусть тамъ гдѣ-то въ Германіи существуетъ нѣкій Бушъ, который пишетъ пошлые стишки и разсвѣчиваетъ ихъ пошленькими рисунками. Намъ-то какое до него дѣло?... Мало у насъ развѣ на своей, родной почвѣ собственнаго хлама, чтобы намъ еще заимствовать изъ чужихъ литературъ всякое отребье? Читая эти дрянненькія измышленія и глядя на уснащающія ихъ грубыя иллюстраціи, такъ и хочется обратиться къ дядѣ Колѣ съ вопросомъ одного изъ персонажей Щедрина: „и кого вы, дядя Коля, этими благоглупостями благоудивить хотите?“ Вотъ тутъ два разказа. Одинъ—*Лисьи увертки*—состоитъ въ томъ, что мужикъ, поймавъ лисицу петлей и заманувшись на нее, ударилъ топоромъ по веревкѣ, вмѣсто лисы), и лисица убѣжала, захвативъ и курицу, которую приманивалъ ее мужикъ; а въ другомъ разказѣ—*Изъ-за яблочковъ*—разсказывается, какъ три мальчика (два порочныхъ и одинъ благоправный) отправились пускать змѣи; но порочные прельстились яблоками въ чужомъ саду и занялись кражей, благоправный же ушелъ отъ грѣха; затѣмъ слѣдуетъ длинное описаніе драки порочныхъ пріятелей изъ-за наворованныхъ яблоковъ; потомъ описывается, какъ мальчиковъ бьетъ поймавшій ихъ садовый сторожъ... И такъ, кража, драка, побой... А пока они дерутся, ломаютъ и мнутъ свои змѣи, и пока ихъ бьетъ дядя Ниль, благоправный мальчикъ спокойно созерцаетъ, какъ его

змѣй все выше, выше
Поднимался, какъ орелъ,
Къ облакамъ гулять пошелъ.

Ахъ, какая глубина морали!... Нѣтъ, дядя Коля, кого вы, право, этими благоглупостями благоудивить хотите?

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Справочная книга для родителей и воспитателей на 1889—90 г.“. И. Н. Игнатова.

Справочная книга для родителей и воспитателей на 1889—90 годъ. И. Н. Игнатова. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. Составитель *Справочной книги для родителей и воспитателей* задался цѣлью не только собрать въ одинъ томъ программы и правила для поступленія въ различныя учебныя заведенія, но пожелалъ затронуть и другіе вопросы, существенно важныя въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей. Поэтому его *Справочная книга* распадается на два отдѣла: 1) полныя и подробныя правила и программы

для поступленія во всѣ учебныя заведенія, мужскія и женскія (исключая высшихъ), съ характеристиками учебныхъ заведеній, и 2) отдѣлъ, такъ сказать, неофициальный, неучебный, дающій указанія на занятія дѣтей во внѣклассное время, а именно—указанія относительно дѣтскаго чтенія и дѣтскихъ игръ. *Справочную книгу* свою г. Игнатовъ называетъ только „попыткой къ задуманному имъ изданію“, откуда можно заключить, что на каждый учебный годъ будетъ издаваться имъ такая же справочная книга, но въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, если дать этой попыткѣ привиться, окрѣпнуть и разрастись, то можно найти еще не мало пунктовъ, на которыхъ въ общемъ планѣ книги могли бы основаться цѣлыя отдѣлы: напримѣръ, точно также, какъ сдѣланъ г. Игнатовымъ выборъ книгъ для дѣтскаго и юношескаго чтенія съ описаніемъ ихъ содержанія, можно бы въ такую *Справочную книгу* включить обзоръ существующихъ въ педагогической литературѣ по разнымъ отраслямъ знанія учебниковъ съ ихъ краткими характеристиками. Словомъ, цѣлесообразность и полезность такого рода *Справочныхъ книгъ* не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и, слѣдовательно, оспариванію. Для насъ же, въ данномъ случаѣ, важно рѣшить, насколько удачно г. Игнатовъ выполнилъ свою цѣль. При этомъ, въ виду того, что *Справочная книга на 1889—90 учебный годъ* представляетъ собою еще первую попытку въ такомъ родѣ, мы должны отнестись къ ней съ предвзатою снисходительностью.

Во-первыхъ, выразимъ сожалѣніе, что книга г. Игнатова слишкомъ дорога: такія книги, въ которыхъ нуждаются многіе, должны отличаться съ возможною доступностью. Правда, она очень объемиста: въ ней 442 страницы; но она могла бы быть гораздо меньше, если бы была напечатана компактнѣе: такъ какъ она предназначается не для сплошнаго, такъ сказать, чтенія, а только для справокъ, то читателямъ не пришлось бы терпѣть особеннаго неудобства, если бы она была напечатана не такъ разгонисто, безъ ненужныхъ пропусковъ въ нѣсколько строкъ, безъ шпонъ и не такимъ широкимъ прифтомъ,—словомъ, если бы ее напечатать сплошнымъ наборомъ, а не такъ, какъ вообще печатаются программы. А будучи менѣе объемиста, она могла бы быть и дешевле. Затѣмъ, удвѣило насъ обиліе опечатокъ, которыя во всякой справочной книгѣ тѣмъ болѣе неумѣстны, что могутъ вводить въ заблужденіе и возбуждать недоразумѣнія: напримѣръ, у г. Игнатова рекомендуется рассказъ Д. В. Григоровича *Прокофій* (вмѣсто „Прохожій“). Очевидно, составитель или черезъ-чуръ торопился выпускомъ въ свѣтъ своей книги, или же, просто, неопытенъ въ просмотрѣ корректуръ. Каковы бы, впрочемъ, ни были причины, желательно, чтобы на будущій годъ, къ слѣдующему изданію книги, онѣ были устранены.

Второй отдѣлъ *Справочной книги* г. Игнатова состоитъ изъ трехъ статей: *Выборъ книгъ для дѣтскаго и юношескаго чтенія*, *Выборъ дѣтскихъ журналовъ* и *Выборъ игрушекъ, игръ, занятій и работъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ*. Первая статья составлена самимъ г. Игнатовымъ, вторая перепечатана изъ *Русскихъ Вѣдомостей*, третья изъ газеты *День*. И тутъ слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя ошибки и неполноту. Такъ, напримѣръ, о многихъ книгахъ не сказано ни слова, выписаны только ихъ заглавія, какъ будто авторъ статьи нѣкоторыя изъ книгъ рекомендуетъ лишь по наслышкѣ, не будучи знакомъ съ ними непосредственно; нѣкоторыя книги (напримѣръ, *Русскія дѣтскія сказки* Аванасьева, изд. „Сотрудника школь“) рекомендованы не для того дѣт-

сваго возраста, для котораго онѣ на самомъ дѣлѣ пригодны; не всѣ книги одѣнены г. Игнатовымъ соответственно ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ и недостаткамъ: такъ, о замѣчательныхъ очеркахъ покойнаго профессора Модеста Богданова довольно сухо сказано, что они прочтутся дѣтьми „не безъ пользы“, а тутъ же о пошленькомъ разсказѣ г. Краузе *Сочельникъ маленькой Зоси* заявлено, что онъ написанъ „хорошо и увлекательно“. Кромѣ того, указаны нѣкоторыя книги, уже вышедшія изъ продажи (*Воздухъ и его свойства, Вода и ея свойства* г. Григорьева). Среди магазиновъ, торгующихъ дѣтскими играми, почему-то не указана очень дѣятельная въ этомъ отношеніи фирма „Н. Фену и Ко“.

Принимая, однако, въ соображеніе, что ошибки, неполнота и неравности мыслимы въ любомъ новомъ дѣлѣ, мы ограничиваемся искреннимъ пожеланіемъ, чтобы на будущее время справочное изданіе г. Игнатова избавилось отъ нихъ и пользовалось бы усиленно въ виду своей несомнѣнной полезности.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, августъ и сентябрь.—„Русскій Архивъ“, январь—іюль.

Вѣстникъ Европы, августъ и сентябрь. На первомъ мѣствѣ августовской книжки *Вѣстника Европы* помѣщенъ морской разсказъ г. Станюковича. Морскіе разказы этого писателя появлялись въ нѣсколькихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ *Русской Мысли*. Критика отмѣтила ихъ достоинства, прекрасную литературную форму и гуманную мысль, которою они проникнуты. *Мрачный штурманъ* не изъ лучшихъ разсказовъ г. Станюковича. Содержаніе его очень просто. На военномъ корветѣ *Грозномъ* три года плавалъ Никандръ Мироновичъ,—онъ и есть мрачный штурманъ. Дома у него осталась молоденькая жена, Юленька. Юленька, въ отсутствіе мужа, измѣнила ему. Никандръ Мироновичъ, нѣжно любящій жену, какъ громомъ пораженъ сообщеніемъ Юленьки, что у нея скоро будетъ ребенокъ; но *Мрачный штурманъ*, послѣ тяжелой душевной борьбы, простилъ жену и страстно привязался къ ея дочкѣ, тоже Юленькѣ.

Большая часть разсказа г. Станюковича занята довольно монотоннымъ описаніемъ естественно монотоннаго плаванія по далекимъ морямъ. Во всякомъ случаѣ, *Мрачный штурманъ* неизвѣрно лучше совершенно безсодержательнаго разсказа г. Ахшарумова: *Узелокъ съ красною мѣткой*. Содержаніе его слѣдующее. Наталья Дмитріевна, „дѣвушка бурнаго темперамента и съ головой, способной къ необузданнымъ увлеченіямъ, но (?) взыскательная, обидчивая и своевольная“,—была невѣстою поручика Ивана Николаевича Зорина. Свадьба разстроилась, и Наталья Дмитріевна вышла замужъ за ротмистра Вологодова. Сей послѣдній былъ „истинный типъ кавалерійскаго офицера: средняго роста, статный и худощавый, съ короткими по-военному, но красиво вьющимися русыми волосами; надменно-сдержанная усмѣшка и соколиный взоръ“. Вологодовъ узнаетъ, что отношенія Натальи Дмитріевны къ Зорину заходили дальше, чѣмъ это принято между женихомъ и невѣстой. Тогда онъ, надѣясь на свое неизмѣнное счастье, предлагаетъ Зорину американскую дуэль и вытягиваетъ осуждающій его на смерть узелокъ съ красною мѣткой. Все, однако, оканчивается благополучно: вызываютъ Наталью Дмитріевну и происходитъ примиреніе. Вологодовъ

„теперь—это пожилѣе уже человѣкъ, отецъ многочисленнаго семейства и образцовый хозяинъ“.

Въ рядѣ прекрасныхъ статей, которыя напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* г. Арсеньевъ, послѣдовательно и съ большимъ знаніемъ дѣла развивались такіе взгляды на искусство, которымъ рѣшительно не удовлетворяютъ произведенія, подобныя разсказу г. Ахшарумова. Но критика не создаетъ художниковъ, да и руководить ими далеко не всегда.

Очень интересна статья г. Весіна: *Н. М. Пржевальскій и его путешествія* (она начата была въ июльской книжкѣ).

Единственнымъ оригинальнымъ беллетристическимъ произведеніемъ сентябрьской книжки *Вѣстника Европы* является разсказъ г-жи Дмитриевой: *Доброволецъ*. Разсказъ, судя по оглавленію, еще не конченъ и представляетъ рядъ довольно живо написанныхъ сценъ, въ которыхъ покуда нѣтъ никакого добровольца. Главное, по всей вѣроятности, дѣйствующее лицо, Леонидъ Ивановичъ Марловъ, „осмѣивалъ рѣшительно все—любовь, дуну, поэзію, звѣзды, гуляющихъ...“ Въ другомъ мѣстѣ сказано, что этотъ ужасный насмѣшникъ къ любви относился цинически. Не Марлова ли подготавливаетъ авторъ для роли добродѣтельнаго добровольца?

Стихотвореніями сентябрьская книжка петербургскаго журнала богата,—ихъ девять; но это богатство только количественное. За то серьезные статьи *Вѣстника Европы* полны интереса. Не будемъ покуда говорить о неконченной еще, значительной по объему и содержанію статьѣ профессора Герье: *Методъ Тэна въ литературной и художественной критикѣ*, и остановимся на послѣдней изъ статей г. Пыпина, посвященныхъ *Русскому славяновѣдѣнію въ XIX столѣтіи*.

Къ концу сороковыхъ годовъ у насъ опредѣлились двѣ школы, „и когда на одной стали все болѣе опредѣлительно высказываться интересы къ славянскому міру и къ славянской взаимности, съ другой, западнической, стороны такіа стремленія встрѣчаются враждебно“. Произошло это оттого, что славяновѣдѣніе и славянофильство явились на первыхъ порахъ въ соединеніи, если не въ союзѣ, съ явнымъ обскурантизмомъ, доходившимъ въ *Москвитяинѣ* до отрицанія системы Коперника. Тѣмъ не менѣе, невинныя мечтанія, напримѣръ, Костомарова и его пріятелей были сочтены за преступленіе. По поводу подобныхъ же мечтаній молодого И. С. Аксакова Императоръ Николай замѣтилъ, что славянское единство было бы бѣдствіемъ для Россіи.

Второе поколѣніе славистовъ, вышедшее изъ школъ Бодянского, Срезневскаго и Григоровича, повело дѣло изученія славянства глубже и многостороннѣе. Этими писателямъ (назовемъ въ числѣ ихъ Гильфердинга, Ламанскаго, О. Миллера и др.) принадлежать, съ одной стороны, цѣнныя спеціальныя изслѣдованія, съ другой стороны—они ставятъ и развиваютъ вопросы публицистическіе. Новая школа славистовъ образовалась уже подъ вліяніемъ долготѣней дѣятельности г. Ламанскаго. Славяновѣдѣніе продолжаетъ развиваться и учеными, стоящими вѣдь этой послѣдней школы. Интересъ къ славянству идетъ гораздо дальше университетской каедрѣ.

Г. Пыпинъ подвергаетъ спеціальной оцѣнкѣ дѣятельность Гильфердинга, которому отводитъ „особенно почетное мѣсто въ ряду значительнѣйшихъ русскихъ славистовъ“; Лавровскаго, Макушева, Котляревскаго. Изъ нынѣ живущихъ русскихъ славистовъ г. Пыпинъ болѣе всего останавливается на г. Ламанскомъ. Долгое время вѣтшія причины не допуская нашихъ славистовъ пускаться въ политическія раз-

сужденія. Но въ шестидесятымъ годамъ эти внѣшнія условія „значительно измѣнились; внутренняя жизнь самого русскаго общества стала свободнѣе; можно было вслухъ задать себѣ вопросъ, который давно требовалъ объясненія: въ чемъ же состоитъ настоящее положеніе славянства; какого будущаго можетъ ожидать его возрожденіе; въ какія отношенія оно должно стать къ русскому народу и просвѣщенію и, наоборотъ, какъ должно отнестись къ славянскому движенію русское общество и, наконецъ, государство?“ Общая тема, поставленная въ философской формѣ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ, требовала объясненія и проверки фактами. Эту работу взяли на себя Гильфердингъ и Ламанскій и рѣшили вопросъ не всегда одинаково.

Желающихъ познакомиться съ взглядами этихъ замѣчательныхъ людей и съ критическою оцѣнкой этихъ взглядовъ такимъ компетентнымъ судьей, какъ А. Н. Пыпинъ, мы должны отослать, конечно, въ его статьи въ *Вѣстникъ Европы*.

Оглянувшись на путь, такъ недавно еще пройденный нашимъ славяновѣдѣніемъ, г. Пыпинъ заключаетъ, что оно только приступаетъ къ разъясненію живаго явленія славянской жизни въ его современныхъ реальныхъ условіяхъ. Почти до нашихъ дней „у австрійскихъ славянъ, среди которыхъ особенно развивалось возрожденіе, господствовало правленіе Меттерниха, которое заподозрѣвало самыя малѣйшія движенія, приобрѣтавшія политически-общественный смыслъ; еще менѣе политическая сторона вопроса могла быть развиваема въ русской литературѣ, гдѣ предметы этого рода были абсолютно закрыты“. Недостатокъ политическаго образованія и политической жизни сильно чувствуется у насъ и въ настоящее время, и оттого — то въ нашей печати слышатся нерѣдко дикія сужденія о славянскихъ дѣлахъ и о роли, которую Россія должна играть въ этихъ дѣлахъ. Мы не припомнимъ,—говоритъ г. Пыпинъ,—чтобы въ нашей литературѣ была опредѣленно высказана какая-нибудь реальная программа нашего политическаго отношенія къ славянскому вопросу. Нечего поэтому удивляться, что къ этому вопросу русское общество относится съ предубѣжденіемъ и безъ достаточнаго интереса.

Русская Мысль вполне раздѣляетъ этотъ взглядъ. Дѣйствительно, многіе изъ нашихъ публицистовъ до сихъ поръ понимаютъ славянской вопросъ въ той постановкѣ, которую далъ ему великій поэтъ, но плохой политикъ:

„Славянскіе-ль ручьи сольются въ русское море,
Оно-ль исякнетъ,—вотъ вопросъ“.

Между русскими, западными и южными славянами существуетъ и глубокое сродство, и весьма значительныя, исторически развившіяся особенности. Вся трудность задачи именно и состоитъ въ томъ, чтобы установить въ мірѣ славянъ такія реальныя отношенія, которыя обезпечивали бы совокупную силу всѣхъ славянскихъ народовъ,—что необходимо въ виду мощнаго развитія германизма,—и свободное развитіе каждаго племени.

Окончены въ сентябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* и воспоминанія судебного слѣдователя семидесятихъ годовъ, г. Реутскаго: *Изъ-търи*. Воспоминанія эти заключаютъ въ себѣ безпритязательный, но поучительный разсказъ о мрачныхъ формахъ изуверства, которыя принимаетъ иной разъ непросвѣщенная религіозная мысль нашего народа.

Русскій Архивъ, январь — июль. Самая обширная статья *Русскаго Архива* за эти мѣсяцы, это—продолженіе біографіи фельдмаршала кн.

А. И. Барятинскаго, составленной А. Л. Зиссерманомъ. Въ обзорѣаемыхъ книжкахъ изложены самыя блестящія годы дѣятельности Барятинскаго на Кавказѣ 1856—60 и затѣмъ событія 1861 и 1862 годовъ, которые Барятинскій долженъ былъ провести вдалекѣ отъ Кавказа вслѣдствіе болѣзни, заставившей его въ декабрѣ 1862 г. совсѣмъ оставить службу. За эти годы принесли блестящія плоды рѣшимость „оставить несостоятельную систему частныхъ экспедицій, вести *постоянную наступательную войну, предѣлъ которой положила бы только полная побѣда и окончательное завоеваніе всего края*“,—такъ характеризовалъ новую систему самъ Барятинскій въ письмѣ къ Государю. Проведеніе этой системы составляетъ тѣмъ болѣе *личную заслугу Барятинскаго*, что, кромѣ Шамиля, онъ долженъ былъ вести борьбу съ другимъ неприятелемъ, не менѣе опаснымъ, хотя и болѣе далекимъ, или, лучше сказать, еще болѣе опаснымъ вслѣдствіе своей отдаленности: съ Петербургомъ, съ интригами штаба и капризами министерства. Изъ этой борьбы Барятинскій вышелъ побѣдителемъ, можетъ быть, только благодаря личнымъ отношеніямъ къ Государю. Уже сдѣлавъ почти все для покоренія Кавказа, онъ вынужденъ былъ почти наканунѣ своего отъѣзда укорять Государя—не останавливаться передъ небольшимъ увеличеніемъ расходовъ и не уменьшать численности войскъ на Кавказѣ, когда „настало время оправдать всѣ жертвы, принесенныя Россіей за послѣднее полстоletіе“. „Сообразуясь съ ходомъ политики, — писалъ онъ въ томъ же любопытномъ письмѣ, — становится болѣе чѣмъ вѣроятно, да и Ваше Величество также понимаете это, что Востокъ въ скоромъ времени станетъ театромъ, на которомъ будутъ окончательно рѣшаться великіе спорные вопросы, и *если къ тому времени Кавказъ не будетъ совершенно покоренъ*, а, стало быть, наши мосты, укрѣпленія и дороги не будутъ окончены, то мы не посмѣемъ располагать ни однимъ *человѣкомъ изъ всей этой славной арміи, чтобы перейти границу*“. Цѣнность изслѣдованія г. Зиссермана еще увеличивается благодаря множеству приложеній, преимущественно изъ неизданной переписки Барятинскаго съ разными лицами, между прочими съ Д. А. Милютинимъ, начальникомъ его штаба.

Послѣ біографіи Барятинскаго большой интересъ имѣютъ письма митрополита Евгенія къ петербургскому бібліографу и археологу Б. Г. Анастасевичу. Относясь преимущественно къ 1815 году (изъ Калуги) и къ 1818—20 (изъ Пскова), эти письма какъ разъ заполняютъ пробѣлы, оставшіяся въ перепискѣ Анастасевича съ Евгеніемъ послѣ напечатанія ея въ *Древней и Новой Россіи* 1880—81 гг. По своему значенію, переписка съ Анастасевичемъ, самымъ близкимъ лицомъ къ Евгенію въ эти годы, можетъ быть поставлена на ряду съ перепиской съ Македонцемъ, другомъ молодости Евгенія. Содержаніе писемъ почти исключительно вращается въ сферѣ научныхъ и литературныхъ интересовъ. Интимныхъ изліяній, какія попадаются въ письмахъ къ Македонцу, нѣтъ и слѣда: студентъ Евгеній Болховитиновъ, „въ молодости игрушками занимавшійся“, давно превратился въ архіепа. Евгенія съ его сухимъ, холоднымъ, практическимъ, не любящимъ „абстрактностей“ умомъ. Приводимъ нѣсколько мѣстъ этой переписки, характеризующихъ прекрасно, какъ намъ кажется, складъ ума Евгенія: „Махиавелъ съ Антимахиавелемъ и нѣкоторые его разсужденія на Тита Ливія есть у меня. Я всегда удивлялся сему генію историческому. Пусть какъ хотать думать, въ шутку или напрямикъ, — писалъ онъ, — но вездѣ рѣзкая и очевидная правда, и всѣ живутъ по Махиавелеву“. „Винга *L'art de vérifier*

les dates дѣйствительно сокровище для исторіи. Она есть всеобщая рода человѣческаго лѣтопись. Я такого мнѣнія, что такія хронологическія записки для читателя-философа полезнѣе всѣхъ частныхъ систематическихъ исторій. Тутъ вижу я ходъ всего человѣчества и персть Провидѣнія, часто въ одно время у разныхъ отдаленныхъ народовъ дѣйствующій согласно. А систематическія исторіи представляютъ намъ только умъ автора“. Книги Шторковой о сѣю пору я еще не видалъ... Но признаюсь, что я никогда не былъ охотникъ до такихъ матерій, и не умѣю видѣть ихъ съ хорошей стороны. Мнѣ всегда казалось, что книги статистическія и политико-экономическія основываются на парадоксахъ, не всегда удобозыяснимыхъ и по случаямъ только справедливыхъ. Къ сему же отношу и толки и споры о просвѣщеніи народовъ“. „Ваша правда, что есть ли бы Чулкова словарь повѣрили, поправили и дополнили, то онъ былъ бы наилучшею бібліотекою законовъ и полезнѣе вашего свода (Анастасевичъ служилъ въ комиссіи составленія законовъ), коему не сведется конца. Нашимъ безсистемнымъ еще юристамъ понятнѣе хронологическій порядокъ законовъ и сводъ ихъ въ словарь, нежели системная генерализація, которая дѣлаетъ только теоретиковъ, а не практиковъ. Individua лучше научаютъ, нежели species et genera, пригодныя только для диссертацій“. „Правда, и о философахъ сказалъ Цицеронъ: nescio quo modo nihil tam absurde dici potest, quod non dicatur ab aliquo philosophorum“. „Вопросъ à quoi bon лучше безконечныхъ спекуляцій, остающихся внѣ опыта и пользы. Надобно учиться не для знанія, а для исполненія. Оставимъ кантистовъ съ мечтами и въ мечтахъ“. „Дежерандо раскрылъ не систему, а хаосъ Кантовыхъ мечтаній“, etc.

Д. И. Иловайскій помѣстилъ отрывокъ изъ слѣдующаго тома своей исторіи, именно разсказъ о покореніи Астрахани и о началѣ Ливонской войны Ивана Грознаго. Ново въ этомъ разсказѣ развѣ только мнѣніе историка о томъ, что Иванъ напрасно не завоевалъ Крыма, вмѣсто того, чтобы завоевывать Ливонію. Нужно знать, чѣмъ былъ тогда Крымъ, за которымъ еще стояла Оттоманская Порта, находившаяся на высотѣ своего могущества въ Европѣ, и чѣмъ былъ югъ тогдашней Россіи, въ которой степь начиналась уже на югѣ Тульской губерніи, чтобы усомниться въ полезности нѣсколько запоздалаго совѣта историка. Статья г. Иловайскаго вызвала разсужденія г. Голохвастова объ „историческомъ значеніи слова „кормленіе“. Прочтя у г. Иловайскаго мѣсто, гдѣ „слову „кормленіе“ приданъ смыслъ питанія, эксплуатаціи въ свою частную, личную пользу“, г. Голохвастовъ обидѣлся за русскую исторію, — рѣшилъ, что „это не вѣрно“, и доказалъ на основаніи своего фамильнаго архива (впрочемъ, уже напечатаннаго), что „кормленіе“ значитъ „правленіе“. Досужій замыселъ г. Голохвастова вызвалъ въ слѣдующемъ номерѣ (5) статьи гг. Иловайскаго и Ключевскаго, доказавшихъ ему, что нельзя писать о русской исторіи, не имѣя въ ней даже элементарныхъ познаній. „Жутко работать, — такъ кончается свою замѣтку проф. Ключевскій, — русскому ученому, когда всякій почтенный согражданинъ можетъ печатно обвинить его за всякое слово во всемъ, что ему вздумается, и только обвинить, а не опровергнуть“. Намъ кажется, что такое заключеніе черезъ-чуръ ужъ меланхолично: прошло то время, когда всякій столбовой дворянинъ, имѣвшій фамильный архивъ, считалъ себя прирожденнымъ специалистомъ по русской исторіи: русскій ученый могъ бы и не обращать вниманія на младенческой лепетъ почтеннаго согражданина; конечно, тогда читатели лишились бы интересной статьи

проф. Ключевского, а издатель лишился бы удовольствія выманить настоящаго борца на арену. Въ той же книгѣ напечатана *Автобіографія* столтника В. А. Даудова, XVII вѣка, составляющая любопытное дополненіе къ біографіи Даудова, помѣщенной въ V выпускѣ *Лѣтописи занятій археографической комиссіи*. Странно только, что издатель не выяснилъ отношенія этого документа къ №№ 10, 42, 55 и другимъ въ *Лѣтописи*; можетъ быть, при тщательномъ сличеніи оказалось бы, что это не „автобіографія“, а біографія, извлеченная изъ подлинныхъ бумагъ Даудова его потомкомъ Петромъ Фед. Даудовымъ въ срединѣ XVIII в., по возможности, словами подлинниковъ, но съ редакціонными прибавками и поясненіями XVIII в. Въ этомъ же ряду назовемъ еще извлеченное изъ шведскаго госуд. архива „оправдательное донесеніе Карлу XII рижскаго губернатора Дальберга“ (1697). Какъ извѣстно, дурная встрѣча посольства Дальбергомъ во время проѣзда Петра черезъ Ригу постоянно выставлялась самимъ Петромъ, какъ casus belli; незначительность этого предлога уже была известна нашимъ историкамъ; извиненія Дальберга, правда, являются въ печати въ первый разъ, но содержаніе ихъ вполнѣ уже эксплуатировано Брюкнеромъ по Кельху (*Lief. Historia*) и по донесенію Лиліеншерны, напечатанному Поссельтомъ въ біографіи Дефорта. Издатель, по обыкновенію, печатая документъ, не дѣлаетъ никакихъ подобныхъ справокъ, вводя читателей въ заблужденіе относительно новизны его содержанія.

Изъ другихъ статей назовемъ воспоминанія А. В. Щепкиной о М. С. Щепкинѣ въ семьѣ и на сценѣ, біографическій очеркъ трагика А. С. Яковлева, составленный А. Н. Сиротининымъ, и *Воспоминанія о Лермонтовѣ и о предсмертномъ его поединкѣ* Э. А. Шанъ - Гирей, которую нѣкоторые считали за оригиналь княжны Мери. Московскій англійскій клубъ нашелъ своего исторіографа, сдѣлавшаго извлеченіе изъ журналовъ старшинъ его за время 1802—44. „То было время, — говорить издатель, — когда и Государь Николай Павловичъ иной разъ справлялся, что говорятъ о той или другой правительственной мѣрѣ въ московскомъ англійскомъ клубѣ“. Къ сожалѣнію, политическіе толки англійской „палаты“ не записывались въ журналы старшинъ. За то мы узнаемъ, что „въ 1811 г. іюля 15 опредѣленъ кухмистромъ клуба князя Гагарина крѣпостной Самойло Фодоровъ, съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ“; а „марта 27 1815 г. жалованья повару прибавлено и назначено въ годъ по 1,000 рублей“. Мирное теченіе жизни клуба довольно часто прерывается „грубыми и обидными“, или „дерзкими и непристойными“ выраженіями другъ противъ друга, иногда „съ угрозою рукою“. Въ остальное время члены кушаютъ и играютъ въ „экарте“. Последнее обстоятельство, впрочемъ, вызываетъ внимательство въ привилегіи „палаты“ мѣстной исполнительной власти: генераль - губернаторъ кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ запрещаетъ „упомянутую игру, какъ такую, которая, по свойству своему, подхода ближе къ азартной, нежели коммерческой, можетъ иногда увлекать неосторожныхъ“. Напрасно члены замѣняютъ экарте — курочкой, макао, наконецъ, „девяткой“; Голицынъ упорно борется съ этими „подходящими къ азартнымъ“ играми въ теченіе 14 лѣтъ (1824—38); но и его энергія не можетъ сломить оппозиціи „неосторожныхъ“; въ 1840 г. старшины завозятъ, очевидно, какъ компромиссъ въ истинно-англійскомъ духѣ, что „декабря 15 дня учреждена и открылась игра лото“. Что палата не оставляла на бумагѣ вновь пріобрѣтенныя права, показываетъ справка, по которой въ клубную кассу поступило „за сію игру“ въ теченіе пяти безъ малаго

дѣтъ—233,562 руб. Были и другіе случаи правительственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла палаты. Такъ, въ 1830 г. тотъ же Голицынъ сообщилъ клубу, что прислуга клуба размѣщена слишкомъ тѣсно. По размышленіи, лорды (очевидно, это были не компанеры) такъ рѣшили свой ирландскій вопросъ: для размѣщенія нанять нѣсколько комнатъ, „а, съ тѣмъ вмѣстѣ, постановить: впредь женатыхъ въ службу клуба не принимать, а пожелавшему жениться изъ числа клубной услуги иначе сего не дозволять, чтобы жена его жила въ наемной отъ него квартирѣ, ибо жены и умножающееся семейство всякій домъ дѣлаютъ тѣснымъ“. Таимъ образомъ, московскій англійскій парламентъ перехитрилъ даже самого Мальтуса.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Царь Іоаннь четвертый“. Кн. А. М. Сумбатова.—„Дома, въ корпусѣ и въ училищѣ“. Никольева.—„Лейтенантъ Бѣловоръ“. А. Марлинскаго (А. А. Бестужева).—„Стихотворенія“ Ст. Бородилца.—„Энеида“. И. П. Котляревскаго	375
Философія и педагогія: „Труды московск. психологическаго общества“.—„Пособіе по сохраненію здоровья и воспитанію“. А. Годнева	380
Исторія и біографія: „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка“. Н. Чечулина. — „Исторія государства Россійскаго“. Н. М. Карамзина.—„Вольтеръ“. Джона Морлея.	381
Географія и этнографія: „Жизнь европейскихъ народовъ“. Е. Н. Водозовой.—„Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, этнографіи и антропологіи“.—„Księga przelów, przurówieści i wygażeń przylówowych polskich“. Adalberg'a.	389
Политическая экономія и статистика: „Die englische Fabrikinspektion“ von Otto Weyer.—„Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губ.“.—„Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи“.	391
Естествознаніе: „Прошлое и настоящее земли“. В. Д. Соколова	396
Сельское хозяйство: „Хлѣбные вѣсы“. А. Е. Рейнбота.—„Очеркъ южной хлѣбной торговли въ связи съ вопросомъ объ элеваторахъ“. В. Касперова. — „Земледѣіе у государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края“. Х. А. Вермишева.	397
Техническія книги: „Общедоступное землемѣріе“. А. Д. Колмановскаго	401
Учебники и дѣтскія книги: „Русское правоисавіе“. Н. Иванова.—„Уроки ариметики для обученія нижнихъ чиновъ“. В. Разманова.—„Элементарная алгебра“. А. Киселева. — „Эдиссонъ“. Е. Н. Григоровой и А. Павлова.—„Цеска Божія“. И. К. Кондратьева. — „Японскія сказки и легенды“. Перев. С. Крона.—„Что комната говоритъ“. В. П. Авернаріуса. — „Лисья увертка“ (по Бушу). Дяди Кома.	403
Справочныя книги: „Справочныя книги для родителей и воспитателей на 1889—90 г.“. И. Н. Ивнатова.	407

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, августъ и сентябрь.—„Русскій Архивъ“, январь—іюль.	409
---	-----

Съ 1 ноября 1889 года будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

при участіи Московскаго Психологическаго Общества.

Подъ редакціей профессора Н. Я. ГРОТА.

Изданіе А. А. Абрикосова.

Программа журнала слѣдующая: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физиологическая психологія и психопатологія. 2) Бритическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общія обзоры литературы поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) Изъ числа специалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Допатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гилларовъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ Дерптскаго унив.), Э. О. Масарикъ (проф. Пражскаго унив.) и др. лица;—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, В. А. Гомцевъ, В. А. Гриньмутъ, Д. А. Дрилъ, проф. Н. А. Зетривъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карьевъ, проф. А. Я. Жозевиновичъ, М. С. Корелинъ, д-ръ С. С. Жорсаковъ, д-ръ И. Ф. Онеговъ, Л. Е. Оболенскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Э. П. Шереметьевскій, Н. И. Шичкинъ, В. И. Штейнъ.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна въ годъ 6 руб. съ доставкою въ Москвѣ; 6 руб. 50 коп. съ пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества и для студентовъ университетовъ—4 руб., съ пересылкою—4 руб. 50 коп.

Подписка будетъ приниматься съ 1 сентября нынѣшняго года въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Яковл. Грота), въ редакціи журнала «Русская Мысль» и въ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Отъ распорядительнаго комитета Высочайше разрѣшеннаго VIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго 6-го мая сего 1889 г., вслѣдствіе ходатайства г. министра народнаго просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, имѣеть быть въ С.-Петербургѣ, съ 28 декабря сего года по 7 января 1890 года, восьмой (VIII) съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ имѣеть цѣлю способствовать ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, направлять эту дѣятельность, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и доставлять русскимъ естествоиспытателямъ случай лично знакомиться между собою.

2) VIII съѣздъ, состоя, по примѣру предшествовавшихъ съѣздовъ, подъ покровительствомъ г. министра народнаго просвѣщенія, находится въ вѣдѣніи г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, отъ котораго зависятъ ближайшія распоряженія по устройству сего съѣзда.

3) Членомъ съѣзда можетъ быть всякій, кто *научно занимается естествознаніемъ*; но правами голоса на съѣздъ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ, и преподаватели сихъ наукъ при высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Никакого диплома на званіе члена VIII съѣзда не выдается.

4) Засѣданія съѣзда бываютъ *общія и частныя* (или по секціямъ); въ общихъ засѣданіяхъ читаются статьи общинтересныя и обсуждаются вопросы, касающіеся всего съѣзда; въ частныхъ засѣданіяхъ сообщаются и разбираются изслѣдованія и наблюденія, имѣющія болѣе специальное значеніе для одной изъ отраслей естествознанія.

5) Отдѣленія на съѣздѣ полагаются слѣдующія: а) по Математикѣ (чистой и прикладной) и Астрономіи, б) Физикѣ, с) Химіи, д) Минералогіи и Геологіи, е) Ботаникѣ, ф) Зоологіи, г) Анатоміи и Физиологіи человѣка и животныхъ, б) Географіи, Этнографіи и Антропологіи, и) Агрономіи, к) Научной Медицинѣ и л) Научной Гигіенѣ.

6) Члены академіи наукъ (находящіеся вѣ столицѣ), преподаватели университетовъ и др. учебныхъ заведеній, желающіе принять участіе въ съѣздѣ, могутъ получать для этой цѣли командировки, срокомъ отъ двухъ до четырехъ недѣль, смотря по разстоянію ихъ мѣстожительства отъ С.-Петербурга.

7) Съѣздъ имѣеть быть съ 28-го декабря сего года по 7-е января 1890 года, въ зданіи Университета.

Общій распорядокъ VIII съѣзда предполагается такой: 28 декабря *) 1889 г.—общее собраніе; 29, 30 и 31 декабря—засѣданія секцій; 2 января 1890 г.—общее собраніе; 3, 4 и 5 января—засѣданія секцій; 7 января—заключительное общее собраніе и закрытіе съѣзда.

По примѣру предшествовавшихъ съѣздовъ, каждый членъ VIII съѣзда вноситъ въ его кассу *три рубля* исключительно для научныхъ цѣлей. Ближайшее назначеніе собранной такимъ образомъ суммы зависить отъ самого съѣзда.

Для предварительныхъ работъ по устройству VIII съѣзда Физико-математическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета избралъ особый Распорядительный Комитетъ, въ составъ котораго вошли слѣдующіе профессора: Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета VIII съѣзда А. Н. Бекетовъ, дѣлопроизводитель В. В. Докучаевъ; члены комитета: И. И. Борджанъ, Н. П. Вагнеръ, А. И. Воейковъ, С. П. Глазенацъ, Х. Я. Гоби, Д. И. Менделѣевъ, А. А. Иностранцевъ, Д. П. Коноваловъ, А. Н. Коркинъ, Н. А. Меншуткинъ, Ф. В. Овсянниковъ, Ф. Ф. Петрушевскій, Э. Ю. Петри, К. А. Поссе, А. В. Совѣтовъ и А. С. Фашицынъ.

Въ таковомъ составѣ Распорядительный Комитетъ былъ одобренъ Совѣтомъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и утвержденъ г. министрами народнаго просвѣщенія.

*) 27 декабря состоится *предварительное* засѣданіе для разъясненія вопроса о выборѣ (28 декабря) докладчиковъ VIII съѣзда.

Для ближайшаго обсуждения нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ Химіи, Научной Медицинѣ, Научной Гигіенѣ, Агрономіи, Географіи, Этнографіи и Антропологіи, Распорядительный Комитетъ рѣшилъ съ согласія совѣта университета пригласить въ свой составъ г. президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, барона П. Л. Корфа, вице-предсѣдателя Императорскаго Географическаго Общества, сенатора П. П. Семенова, помощника предсѣдателя, начальника Военно-Топографическаго Отдѣла І. И. Стебническаго, академика Н. Н. Бекетова и профессоровъ Военно-Медицинской Академіи А. П. Доброславина и В. В. Пашутина.

Довода о семъ до всеобщаго свѣдѣнія, члены комитета обращаются къ каждому изъ своихъ собратій по наукѣ съ покорнѣйшей просьбою—почтить VIII съѣздъ естествоиспытателей своимъ личнымъ присутствіемъ или присылкою ученыхъ трудовъ.

Для доставленія возможности наибольшему числу иногородныхъ лицъ принять участіе въ съѣздѣ, комитетъ 1) войдетъ въ сношенія съ обществами желѣзныхъ дорогъ (и иными учрежденіями) о дарованіи членамъ съѣзда льготъ при проѣздѣ ихъ въ Петербургъ и обратно; 2) будетъ ходатайствовать передъ гг. генералъ-губернаторами и губернаторами о выдачѣ открытыхъ листовъ и другихъ льготъ лицамъ, отправляющимся на VIII съѣздъ въ С.-Петербургъ, а передъ гг. попечителями округовъ—о возможномъ содѣйствіи лицамъ, пожелавшимъ участвовать въ съѣздѣ; 3) употребитъ все свое стараніе, чтобы приготовить, по возможности, удешевленное помѣщеніе для членовъ съѣзда въ С.-Петербургѣ. Заявленія о желаніи воспользоваться такими квартирами должны быть доставлены въ комитетъ не позже 10-го декабря сего года.

Такъ какъ комитету необходимо знать заранѣе, на какое число гостей онъ можетъ разсчитывать, то онъ и обращается съ просьбою ко всѣмъ, желающимъ принять участіе въ съѣздѣ,—извѣстить комитетъ заблаговременно о своемъ намѣреніи прибыть въ С.-Петербургъ, адресуя письма въ университетъ, но имя дѣлопроизводителя VIII съѣзда, В. В. Докучаева, а также сообщить свои точные адреса, чтобы дать возможность заблаговременно выслать членамъ необходимое удостовѣреніе на право пользоваться льготами, дарованными различными обществами (конечно, если таковыя будутъ). Кромя того, крайне желательно, чтобы будущіе члены VIII съѣзда, приславъ свои заявленія о желаніи участвовать въ съѣздѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обозначали бы и ту секцію, на которую они намѣрены записаться.

4) Наконецъ, Распорядительный Комитетъ употребитъ всѣ старанія, чтобы доставить членамъ съѣзда возможность широко воспользоваться пребываніемъ ихъ въ Петербургѣ для осмотра мѣстныхъ достопримѣчательностей, музеевъ, коллекцій, лабораторій и т. д.

Подробныя программы занятій VIII съѣзда, какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и по секціямъ, будутъ своевременно сообщены членамъ съѣзда. О льготахъ, которыя могутъ быть предоставлены различными обществами желѣзныхъ дорогъ и проч., а равно и объ удешевленныхъ квартирахъ, будетъ опубликовано въ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ.

Въ заключеніе Распорядительный Комитетъ имѣетъ честь заявить, что онъ утвердилъ слѣдующія правила, касающіяся секціонныхъ и общихъ собраній:

а) При обсужденіи научныхъ и учебныхъ вопросовъ, какъ въ *общихъ*, такъ и *частныхъ* засѣданіяхъ, *все* члены съѣзда пользуются совершенно одинаковыми правами голоса; но *при баллотировкахъ, въ общихъ собраніяхъ, право рѣшающаго* голоса принадлежитъ только ученымъ, напечатавшимъ самостоятельное сочиненіе (§ 3 Высочайше утвержденныхъ положеній VIII съѣзда).

в) Весьма желательно, чтобы члены будущаго (VIII) съѣзда заблаговременно доставили въ Распорядительный Комитетъ *заявленія*, а если *можно*, то и *краткое* содержаніе тѣхъ научныхъ сообщеній и вообще работъ, съ которыми они *думаютъ* познакомиться съѣздѣ; если *таковыя* заявленія не будутъ доставлены до 15 декабря, то и самыя сообщенія могутъ быть не допущены (за недостаткомъ времени) къ слушанію на съѣздѣ.

с) *Все* сообщенія, постановленія и заявленія, какъ отдѣльныхъ членовъ съѣзда, такъ и секцій, имѣющія быть внесенными на обсужденіе общихъ собраній съѣзда, должны быть доставляемы въ Распорядительный Комитетъ на *предварительное заключеніе*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТЕАТРАЛЬНЫЙ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „АРТИСТЪ“.

ПРОГРАММА: 1. Правительственныя распоряженія, касающіяся театра и музыки. Списки пьесъ, дозволенныхъ драматическою цензурою. Свѣдѣнія о пьесахъ, одобренныхъ театралью-литературнымъ комитетомъ. 2. Драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ, съ снимками съ декораций, планами сценъ, портретами артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ и проч. 3. Либретто оперъ и балетовъ. 4. Ремиссерскій отдѣлъ, постановка пьесъ, указанія авторомъ, виды и планы декораций, монтажки, костюмы (съ рисунками), статьи по грику (съ рисунками), снимки съ известнѣйшихъ артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ, снимки съ картинъ и портретовъ историческихъ лицъ. Виды и планы театровъ съ чертежами. Устройство театровъ съ чертежами и смѣтами. 5. Критическія статьи по всѣмъ вопросамъ искусства. 6. Историческія статьи и очерки эпохъ, изъ коихъ взяты сюжеты для историческихъ и драматическихъ произведеній, статьи по исторіи театра и др. искусства, биографіи артистовъ, ихъ воспоминанія, записки, дневники, автобиографіи и пр. съ приложеніемъ-портретовъ, видовъ и пр. 7. Хроника, корреспонденція, свѣдѣнія о произведеніяхъ искусства въ Россіи и на западѣ Европы, статистическія свѣдѣнія, отчеты разныхъ артистическихъ и художественныхъ обществъ и проч. 8. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч. исключительно изъ міра артистовъ. 9. Библиографія. 10. Слѣдуетъ. **Приложенія:** а) оригинальныя рисунки, снимки съ картинъ, портреты артистовъ и писателей и т. п., исполненные фототипіей, автотипіей, фотохеміграфіей и фотоцинкографіей, и б) музыкальныя произведенія для пѣнія и игры на инструментахъ: отрывки изъ оперъ, романсы и проч.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Вл. А. Александровъ, А. С. Аренскій, К. С. Барышницъ, П. И. Вларамбергъ, П. Д. Воборинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. К. Глазуновъ, В. А. Гольдцевъ, И. Н. Грековъ, В. В. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Корольковъ, Н. А. Котляревскій, С. Н. Крутильниковъ, А. В. Крутиловъ, В. А. Крыловъ (Александровъ), А. Ф. Криковскій, Ц. А. Кюв, И. И. Лавровъ, И. Н. Лодзинскій, О. Я. Левинсонъ, Д. М. Леонина, И. Т. Леонтьевъ (Щеголовъ), проф. И. А. Линиченко, Н. С. Лясковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Машивъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттерни, Г. А. Матвѣвъ, Д. С. Мерзляковскій, К. В. Назарова, Э. Ф. Назаровичъ, П. М. Нелзинъ, Вл. И. Немчиновичъ-Дальченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, Г. А. Рачанскій, Н. А. Рязицкій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, проф. Н. И. Стежениковъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Ожунъ), проф. Н. С. Тахоураповъ, кн. А. Я. Урусовъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Четочъ, О. П. Чюмина, К. С. Шолоховскій, И. В. Шапкинскій, С. Ф. Фетодовъ, А. А. Фетодовъ и др. **ХУДОЖНИКИ:** А. Е. Архангелъ, В. Н. Васильевъ, Ф. А. Вронниковъ, С. А. Вилгоградъ, Н. Н. Егорьевъ, А. А. Зарвѣцкій, С. В. Ивановъ, А. А. Каселевъ, бар. В. А. Клодтъ, К. А. Коронинъ, Н. М. Ковалевскій, С. И. Козь, А. И. Левиталъ, И. И. Левиталъ, А. П. Ленскій, А. Е. Максимовъ, М. В. Нестеровъ, С. М. Ивановъ, В. В. Переллатьчиковъ, В. Д. Подъяковъ, Д. П. Подъяковъ, П. И. Подъяковъ, Л. О. Пастернакъ, А. К. Сильверманъ, гр. Ф. Л. Солдатовъ, А. С. Степановъ, Ч. А. Таалскій, К. А. Трутовскій, Е. М. Хруслевъ, С. И. Ягужинскій, Г. Ф. Ярецъ и другіе.

СОДЕРЖАНІЕ 1-й НННННН (сентябрь 1889 г.): I. О цѣлкахъ и задачкахъ нашего журнала, —ст. С. А. Юрьева и В. А. Гольцева. —II. Памати С. А. Юрьева, —стих. Н. П. Аскакова. —III. С. А. Юрьевъ. —Набросокъ съ натуры К. А. Трутовскаго. —IV. Памати С. А. Юрьева, —стих. М. И. Лаврова. —V. Донъ-Карлосъ, лифанта испанскій. —Трагедія въ 5 дѣйствійхъ, соч. Шиллера, перев. И. Н. Грекова. Дѣйствіе I и II. Рисунки костюмовъ гр. Ф. Л. Солдатуба. —VI. По дорогѣ изъ театра, —ст. проф. А. Н. Веселовскаго. —VII. Старый комикъ, разсказъ И. А. Салова. —VIII. Сонъ въ лѣтнюю ночь, Шеншира, —ст. И. И. Иванова. —IX. "Petit prélude" для ф.-п. —Ц. А. Кюв. —X. Вальсъ "Шутка" для ф.-п. —И. И. Чайковскаго. —XI. Русскій романсъ, —ст. А. А. Филонова. —XII. Музыка и публича въ провинціи, —ст. В. А. Четочъ. —XIII. Два русскія концерта на парижской выставкѣ, —ст. С. Н. Крутилова. XIV. Парижскія театры, —П. Д. Воборинъ. —XV. Реалистическій актеръ, монодотъ въ стихахъ, —гр. Ф. Л. Солдатуба. —XVI. Курсъ театральнаго грику (съ рисунками). —К. С. Шолоховскаго-Лопшинскаго. —XVII. Библиографія: С. А. Юрьевъ: "Нѣсколько мыслей о специализированномъ искусствѣ", В. А. Гольцева. —Ф. И. Вулъковъ: "Альбомъ русской живописи". —Е. П. Вьяжиковъ: "Фотографія съ натуры". —Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: "Русскія древности въ напечатанныхъ искусствахъ". —Над. Бисоч. утваред. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Бъ: "Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ". —Д. А. Ровинскій: "Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", —А. П. Новицкаго. —В. Стасовъ: "Листъ", Шуманъ и Берлиозъ въ Россіи", С. Н. Крутилова. —XVIII. Хроника. —Алфавитный списокъ пьесъ, дозволенныхъ къ представленію безусловно съ 1-го января 1888 г. по 1-ю іюля 1889 г. Отъ редакціи. **ПРИЛОЖЕНІЯ:** XIX. "Въ старые годы", драма въ 5-ти дѣйствіяхъ И. В. Шапкинскаго. —XX. "Цѣль", драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ кн. А. И. Сумбатовъ. —XXI. "Мишеловка", шутка въ 1-мъ дѣйствіи И. Л. Щеголова. —Рисунки. —XXII. "Вашуша и вичука", селія—К. А. Трутовскаго. —XXIII. "Старчакъ", рисунокъ Л. О. Пастернака. —(Фототипографы Вуссо, Валодовъ и Къ, преимчивовъ Гюльиъ и Къ, въ Парижѣ).

Журналъ выходитъ **ежемесячно въ теченіе зимняго сезона (7 разъ въ годъ, съ сентября по апрѣль)** книжками большаго формата.

Подписная цѣна за годъ **9 руб.**, съ пересылкою и доставкою **10 рублей**, отдѣльные номера по **2 руб.**

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается **разсрочка:** при подпискѣ **4 руб.**, послѣ 1-й книжки **2 руб.**, послѣ 2-й—**2 руб.** и послѣ 3-й—остальная денги.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Москва, Кудрино, Садовая, д. Бартельсъ), въ конт. Н. Н. Печковской, въ театр. библи. Е. И. Разсохиной и во всѣхъ известнѣйшихъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ. Изягородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬБОМА

„КОПИИ СЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ“,

издание „Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о“ въ Москвѣ.

Тотъ успѣхъ, который имѣлъ первый нашъ альбомъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей, побудилъ Товарищество издать **второй**. Такимъ образомъ, въ настоящее время, произведенія лучшихъ нашихъ художниковъ могутъ служить (въ самыхъ точныхъ копіяхъ) очень хорошимъ, но не дорого стоящимъ украшеніемъ гостиныхъ и знакомить нашихъ соотечественниковъ на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ съ художественными произведеніями не только по газетнымъ статьямъ, но и по самымъ изображеніямъ этихъ произведеній—наглядно. Этою-то цѣлью мы и задались, приступая къ изданію „Копій съ картинъ русскихъ художниковъ“.

Альбомы исполнены хромолитографскимъ способомъ, подъ акварель, въ собственныхъ мастерскихъ Товарищества, и каждый изъ нихъ состоитъ изъ шести картинъ, размеромъ $7\frac{1}{2} \times 9\frac{1}{2}$ вершковъ съ полями, въ изящной иллюстрированной папкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ АЛЬБОМОВЪ.

- Перваго: 1) „Варка варенья“, В. Е. Маковского;
 2) „Сватовство“, Н. В. Неврева;
 3) „Разлучница“, Е. А. Трутовскаго;
 4) „Меншиковъ въ Березовѣ“, В. И. Сурикова;
 5) „Жестокій романсъ“, И. М. Прявильникова;
 6) „Бабушка и внучка“, Н. Е. Рачкова.

- Второго: 1) „Стрипчій“, В. Е. Маковского;
 2) „Самозванецъ и Ксенія“, Н. В. Неврева;
 3) „Зима“, Н. Н. Дубовскаго;
 4) „Школьники“, Г. В. Рыбакова;
 5) „Поѣздка цари на богомолье“, В. Г. Шварца;
 6) „Стадо“, Н. Д. Эллерта.

Цѣна по 5 рублей за каждый альбомъ. На пересылку прилагается за 3 фунта, по разстоянію, на каждый альбомъ.

1-й вып. альбома нашего обратилъ на себя вниманіе печати и о немъ помѣщены отзывы: въ „Русской Мысли“ (въ март. кн.), въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (7 апрѣля, № 96), въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (2 апрѣля, № 91), въ „Кіевлянинѣ“ (6 апрѣля, № 77), въ „Новостяхъ“ (13 апрѣля), въ „Московскомъ Листкѣ“ (30 марта, № 39), въ „Новостяхъ Дня“ (30 марта, № 2060) и друг.

2-Й АЛЬБОМЪ ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ.

Въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ находятся
въ продажѣ слѣдующія новыя книги:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Владимира Короленко.

(Третье изданіе).

Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(ЭТЮДЪ).

Владимира Короленко.

Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

ПОТОПЪ.

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Перев. съ польскаго В. М. Лаврова.

Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

ТАРТАРЕНЪ ИЗЪ ТАРАСКОНА

и

ТАРТАРЕНЪ НА АЛЬПАХЪ.

Альфонса Додэ.

Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Романъ Альфонса Додэ.

Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

СИЛУЭТЫ.

(Новыя повѣсти и рассказы).

Григорія Мачтета.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

ВОСПИТАНІЕ, ПРАВСТВЕННОСТЬ, ПРАВО.

(Сборникъ статей).

В. А. Гольцева.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

	<i>Стр.</i>
XIII. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Фальсификація, искусственные продукты и суррогаты.—К. И. Тумсгао.	156
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	183
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Положенія о земскихъ начальникахъ, о преобразованіи судебной части и о переѣздахъ въ волостномъ судѣ. — Введеніе судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Общій итогъ урожая.—Нижегородская ярмарка.—Одесское и кievское генераль-губернаторства. — Ходатайства заемщиковъ дворянскаго банка.—Переработка желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и протестъ курско-кievской дороги. — В. П. Безобразовъ †.	191
XVI. ОРЕСТЪ ФЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ. (Матеріалы для оцѣнки его учено-литературной дѣятельности).—Я.	214
XVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія и педагогія.—Исторія и біографія.—Географія и этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Учебники и дѣтскія книги.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», август—сентябрь.—«Русскій Архивъ», январь—іюль	375

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1889 годъ

(десятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во				
всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 »	7 »	3 » 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За переимѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За переимѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При переимѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій Просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ДАВРОВЪ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

REC'D LD OCT 4 72-3 PMS

INTERLIBRARY LOAN

OCT 16 1979

UNIV. OF CALIF., BERK.

JAN 7 1980

LIBRARY USE MAR 20 '86

LIBRARY USE MAY 8 '86

LD21A-40m-3,'72
(Q1178s10)476-A-82

General Library
University of California
Berkeley